

П. Н. Красновъ

ПОДВИГЪ

Романъ

**Издательство
Е. СІЯЛЬСКОЙ**

2, Rue Pierre-le-Grand, PARIS (8^e)

1 9 3 2

Всѣ права, въ томъ числѣ права перевода на иностранные
языки и постановки на фильмы, сохранены за авторомъ.

Copyright 1932 by the author.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ БЫТЬ И ПОСЛѢДНЕЙ И КОТОРОЙ МОГЛО БЫ И ВОВСЕ НЕ БЫТЬ.

Такъ бываетъ во снѣ. Вдругъ незримыя, душевныя, внутреннія очи откроются въ полномъ мракѣ. И — нѣтъ мрака. Никогда невиданные города, помѣстья, лѣса, сады, люди, сцены, приключенія мелькаютъ, смѣняются, исчезаютъ, появляются вновь. Плетется колдовской разсказъ, увлекаетъ... и... закрылись духовныя очи... Мракъ... Небытіе... Усиліемъ сознательной воли откроешь глаза. Куда дѣвались города, лѣса, поля, весь пестрый калейдоскопъ никогда невиданныхъ людей? Передъ изумленными и разочарованными глазами въ мутномъ свѣтѣ, идущемъ изъ узкаго отельнаго корридора, сквозь окно надъ дверью проявляются бѣдная комната, стулъ изъ соломы, грязный коврикъ, раковина умывальника и старая ошарпанная портьера. Вся пошлость бѣдной жизни въ изгнаніи, безъ Родины, безъ цѣли существованія потрясетъ все существо... Съ тоскою закроешь глаза... Опять мракъ... Небытіе... Потомъ снова какія то очи открылись, сознание, пониманіе пробудилось... Какое геройство!... Какіе подвиги!.. Красота какая!.. По крутой, почти отвѣсной горѣ несется крошечный вагончикъ — такихъ и не бываетъ на свѣтѣ — выше, выше... Тамъ, съ вершины — голубыя дали, и въ нихъ дрожитъ, играетъ, тѣнями переливается несказанно прекрасный городъ. Онъ голубой, прозрачный... Сонное видѣніе говоритъ его имя... Схватить?... Запомнить?...

Гуще, сильнѣе мракъ.

Какъ же звали тотъ голубой, прекрасный, далекій, недостижимый городъ?...

Сквозь портьеру глядится утро. Дождь бьетъ въ стекла. Жизнь монотонно шумитъ внизу. И сонный городъ и имя его исчезли изъ памяти, ушли изъ сознанія... Навсегда...

То былъ сонъ...

**
*

Сномъ казался заливъ, полукругомъ врѣзавшійся въ берегъ. Алая краски на западѣ погасали. Берега темнѣли. Плоскій, лѣвый, — тамъ, гдѣ широко разлилась Луара, исчезъ во мракѣ. Правый, гдѣ темныя скалы слились съ домами и деревьями и черными зубцами вырисовались въ темнѣвшемъ небѣ, точно сказочный городъ, дрожалъ въ лиловатой дымкѣ. На далекомъ мысу, за рѣкой, краснымъ огнемъ вспыхнулъ и угасъ маякъ. Ему бѣлымъ огнемъ отвѣтилъ другой, за Круазикомъ. На горизонтѣ, на далекомъ острову, каждая пять секундъ сталъ загораться бѣлый огонекъ. Море сливалось съ небомъ въ общей мглѣ. Вспыхнули звѣзды. Заиграли алмазами.

Берегъ на много верстъ опоясался вереницею яркихъ электрическихъ фонарей. Отъ ихъ смѣлаго, наглаго свѣта море стало казаться темнѣе.

Красота несказанная была кругомъ. Черные валы съ тихимъ ропотомъ вставали надъ уснувшимъ моремъ, шли къ берегу, становились длиннѣе, уже, и вдругъ опѣнивались шипящей, бѣлой полосой, разсыпались о прибрежный песокъ и исчезали. Сзади нихъ поднимались другіе, тянулись черными чертами, вспыхивали бѣлой пѣной и замирали съ шипѣніемъ на берегу. Море дышало въ ночномъ снѣ. Кто то Незримый и Могучій ликовалъ по нему черныя полосы и сейчасъ же стиралъ блестящими, серебромъ играющими чертами.

Конечно: — сонъ...

**
*

Снилась женщина, зябко кутавшаяся въ дорогой, широкой мѣхъ. Она сидѣла въ деревянномъ отельномъ креслѣ у желѣзныхъ сквозныхъ перилъ набережной. Го-

лубая шляпка съ внизъ спущенными полями скрывала золото ея волосъ. Свѣтло голубой жакетъ и юбка, такая же, точно такой же матеріи сумочка — все добротное, дорогое, въ лучшемъ магазинѣ, у моднаго портного сдѣланное, необычайно шли къ ея юному, нѣжному, не испорченному жизнью лицу. Точно голубая птичка прилетѣла изъ далекихъ, заморскихъ странъ и усѣлась въ креслѣ на берегу океана.

Противъ нея, придвинувъ другое, такое же тяжелое кресло, сидѣлъ старикъ. Смятая, выдавшая виды, испытанная дожди и сушку на печи, мягкая шляпа съ отвисшими, кривыми, точно мышами изъѣденными полями, широкое пальто поверхъ костюма, тоже выдававшего виды, съ бахромой внизу штановъ и въ соотвѣтствіи съ костюмомъ — старое тонкое лицо, сѣдые, не модные усы, все тоже изношенное, истомленное лишеніями и страданіями, старомодное, «старорегимное» — такъ не шло оно къ женщинѣ — синей птицѣ, принцессѣ грезѣ, прилетѣвшей изъ далекихъ странъ, какъ не подходитъ отельный номеръ бѣженской яви къ лучезарному, голубому виду прозрачной долины бѣженскаго сна.

**
*

Старикъ рассказывалъ длинную исторію. Женщина иногда задавала вопросы. Иногда дополняла рассказъ старика своими переживаніями въ этотъ страшный и великій годъ міровыхъ потрясеній.

Онъ рассказывалъ: — мелкая, безотрадная людская пошлость. Жизнь изо дня въ день. Свары и ссоры, сплетни и безудержная болтовня, нищета, бѣдность, муравьиная бѣготня за заработкомъ — людской муравейникъ — это и была жизнь, явь, подлинное бытіе... Она слушала, широко раскрывъ, — въ темнотѣ они блистали, — свои голубо-зеленые глаза, изумлялась, возмущалась, пожимала плечами, ежилась, кутаясь въ пушистый, нѣжный мѣхъ.

Но понимала: — такъ оно и было, ибо и ея коснулась пошлость людской жизни. Такъ должно было быть на землѣ, гдѣ стало тѣсно жить...

А потомъ, какъ во снѣ, открывались внутреннія, душевныя очи и вдругъ въ призрачной, голубой дали появлялись сильные духомъ люди, великіе изобрѣтатели, мастера, техники, храбрые, волевые мужи, создавалась какая то таинственная организація, уносились въ далекія страны, въ міръ, не тронутый людскою пошлостью, и оттуда шла бороться за правду.

И самая борьба казалась сномъ. Кошмарнымъ сномъ казался рассказъ о жизни рабовъ на далекомъ сѣверѣ. Ихъ освобожденіе казалось сонной мечтой.

И снова были простыя слова яви. Все покрывалось мракомъ людскою пошлостью.. Глупая сплетня, ненужное пошлое хвастовство, трусость маленькой души — и отъ этого — крушеніе дѣла и гибель самоотверженныхъ людей.

И опять шелъ рассказъ о рядѣ героическихъ подвиговъ, о любви къ Родинѣ, готовой на жертву, о справедливости, о торжествѣ правды и въ самой смерти.

Было, какъ въ морѣ, что было передъ ихъ глазами — бѣлая полоса стирала черную и исчезала, тихо тая въ песокъ, и на мѣсто ея сейчасъ же вставала другая, чтобы исчезнуть, какъ и первая... И такъ въ утомительномъ постоянствѣ.

Сонъ ? ...

Да ... Какъ сонъ ...

**
*

— Они всѣ погибли?

Старикъ, молча, наклонилъ голову.

Женщина въ душевномъ порывѣ положила красивую холеную руку на жесткую, загорѣлую руку старика и повторила дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Они погибли... Значить — діаволь побѣдилъ Бога... Зло побѣдило Добро... И правды опять нѣтъ на землѣ... Это былъ мигъ... Просвѣтъ... Сонъ?...

Старикъ не отвѣчалъ. Ни молодая женщина, ни онъ не замѣтили, какъ за этимъ рассказомъ о томъ, какъ пошлость боролась съ героизмомъ прошло время. Фонари на набережной погасли. Блѣдный разсвѣтъ начинался на берегу, за отелемъ. Море ушло, обнаживъ

плотно убитый песокъ. Звѣздъ въ небѣ не было. Огни маяковъ стали блѣдными и ненужными... Сейчасъ встанетъ солнце.

— О, нѣтъ... Напротивъ, — вдругъ, точно очнувшись, съ оживленіемъ, сказалъ старикъ. — Тамъ, на далекомъ сѣверѣ, народъ всталъ за правду... За вѣру, царя и отечество... Тамъ за эти полгода создана Имперская армія. Ей все покоряется... И, если не помогутъ ваши соотечественники?... Простите, что я такъ говорю, мистрисъ Холливель...

— Говорите... Что же дѣлать? Вы правы... Я понимаю... Нѣтъ... Они теперь не помогутъ... Имъ не до того теперь... Такъ что же, если не помогутъ?

— Наши побѣдятъ...

— Правда, что эту армію ведетъ?...

— Вашъ отецъ, мистрисъ Холливель, ротмистръ Ранцевъ. Рядовому Русскому офицеру Господь далъ быть поборникомъ правды и спасителемъ Россіи.

— А какъ же — «les cocinelles»?... Я не умѣю, какъ это будетъ по русски...

— Божія коровки.

— Да, эти маленькіе, сѣрые люди?... Они?... Не мѣшали?...

— Напротивъ... Они много помогали этому дѣлу... Они пошли за своими начальниками... Безъ маленькихъ людей не сдѣлаешь великаго дѣла... Они тоже нужны... Да и не все тамъ были Божіи коровки...

— А капитанъ Немо?...

— Онъ, какъ и хотѣлъ... Онъ былъ Русскій артиллерійскій офицеръ. Онъ былъ скромень. Онъ все сдѣлалъ, все создалъ, отдалъ на дѣло все свое состояніе и... ушелъ...

— Такъ, значитъ, острова Галапагосъ?

— Ихъ не было...

— Да, въ самомъ дѣлѣ... Но «огонь поядающій» — такъ вы мнѣ нѣсколько разъ рассказывали о немъ. Онъ попалилъ не только виноватыхъ, но и правыхъ.

— Не знаю, поймете ли вы меня, мадамъ?... По русски такъ говорится: — «гдѣ лѣсъ рубятъ — щепки летятъ»... На войнѣ, знаете, не безъ урона...

— О, я хорошо по Русски понимаю... Лучше, чѣмъ говорю... Во мнѣ Русская кровь...

— Я знаю... Я васъ вѣдь вотъ такой маленькой видалъ. Вамъ не было тогда и двухъ лѣтъ.

— Да... Я знаю... Вы мнѣ говорили... Прощайте, генераль... Я не знаю, какъ мнѣ васъ благодарить за вашъ рассказъ...

— Никакъ... Я былъ радъ подѣлиться съ вами тѣмъ, что я зналъ, что еще такъ недавно было величайшей тайной, секретомъ, и что теперь стало достояніемъ газетъ и... толпы...

Они встали... Женщина горячо пожала руку старику и пошла широкими, быстрыми шагами къ громадному отелю, гдѣ едва начиналась утренняя жизнь. Сонные лакеи въ жилетахъ и синихъ фартукахъ подметали высокую, нарядную прихожую.

Старикъ пошелъ вдоль набережной. Ему въ сущности некуда было идти. Его поѣздъ отходилъ въ девять часовъ. Было едва семь. Зимнее солнце еще не вставало.

Было тепло, какъ лѣтомъ. Съ океана, должно быть, изъ тѣхъ далекихъ южныхъ странъ, о которыхъ рассказывалъ старикъ, шло нѣжное ласкающее дыханіе жаркихъ острововъ...

Все это было, какъ сонъ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«LES COCCINELLES»

...«Рисовать, сказалъ я выше, трудно и, по моему, просто нельзя, съ жизни, еще не сложившейся, гдѣ формы ея не устоялись, лица не наслоились въ типы. Никто не знаетъ, въ какія формы дѣятельности и жизни отольются молодыя силы юныхъ поколѣній, такъ какъ сама новая жизнь окончательно не выработала новыхъ окрѣпшихъ направленій и формъ. Можно въ общихъ чертахъ намекать на идею, на будущій характеръ новыхъ людей»... «Но писать самый процессъ броженія нельзя: въ немъ личности видоизмѣняются почти каждый день — и будутъ неуловимы для пера»...

И. А. Гончаровъ. «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

I.

Если бы человѣческія страсти и чувства, симпатіи и антипатіи, любовь и ненависть были подобны взрывчатымъ веществамъ, или положительному и отрицательному электричеству — маленькій домикъ, стоявшій на rue de la Gare должно было бы взорвать и разнести на мелкія части. Такъ кипѣли въ немъ скрытыя и сдерживаемыя чувства.

Это былъ совсѣмъ маленькій домикъ, какіе не рѣдкость подъ Парижемъ, въ его предмѣстьяхъ. И мѣстечко, гдѣ онъ стоялъ тоже было маленькое и незначительное, какъ то незамѣтно сливавшееся съ другимъ, уже значительнымъ и богатымъ городкомъ, имѣвшимъ даже за собою какое то историческое прошлое. Подобно Медону оно было заселено Русскими бѣженцами. Да оно и походило на Медонъ. Въ немъ, какъ впрочемъ и во всякомъ французскомъ мѣстечкѣ, были avenue du Marechal Joffre, rue de la Gare, place du Marché, все, какъ полагается во всякомъ мѣстечкѣ, имѣющемъ претензіи стать въ будущемъ городомъ. Въ немъ были и двѣ Русскія церкви: — Соборная и Евлогіанская. Были и свои Русскія знаменитости: — музыкальный критикъ изъ большой Парижской эмигрантской газеты, отставная артистка Императорскихъ театровъ, бывшій прокуроръ Судебной палаты и шесть настоящихъ «царскихъ» генераловъ. Былъ въ немъ еще какой то казачій квартетъ и два церковныхъ хора. Все это создавало Русскую, «нашу» жизнь мѣстечка и въ той или иной степени влияло и на развитіе страстей въ маленькомъ домикѣ на rue de la Gare.

Въ этомъ домикѣ, если считать правильно, былъ одинъ этажъ и одна квартира. Но въ немъ считалось три этажа и три квартиры. Главную, центральную, изъ

двухъ крошечныхъ комнатокъ, которымъ предшествовала совсѣмъ уже миниатюрная прихожая съ уборной, занимала семья Нордековыхъ. Она состояла изъ мужа, полковника въ прошломъ, конторщика въ настоящемъ, жены, въ прошломъ тонной и красивой барыни, игравшей на роялѣ и знавшей четыре европейскихъ языка, въ настоящемъ стенотипистки при одномъ учрежденіи, назначенія котораго она никакъ не могла понять, и наконецъ, «мамочки», старушки семидесяти лѣтъ, бывшей когда то фрейлиной Двора. Надъ ними въ единственной комнатукѣ мезонина, изъ за покатою, крутой крыши, замѣнявшей потолокъ, походившей на Русскій гробъ, гдѣ лѣтомъ въ жары изъ за раскаленной черепицы было нестерпимо душно, а зимою въ дожди сыро и холодно, помѣщалось «чадо», сынъ Нордековыхъ, 23-хъ лѣтній молодой человѣкъ, носившій имя Александра — Шура, — но называвшійся Мишелемъ Строговымъ, — Парижскій шофферъ.

Наконецъ, нижнюю квартиру, въ полуподвалѣ, занимала сапожная мастерская казака Агафошкина. Ее держалъ шестидесяти пяти лѣтній крѣпкій старикъ Нифонтъ Ивановичъ, съ внукомъ Фирсомъ, сожителемъ вавшимъ съ какою то полькою.

Къ этому пестрому и различному населенію, напоминавшему совѣтскія, уплотненныя квартиры, слѣдуетъ еще прибавить полковникову собаку Топси, коричневаго породистаго добермана, съ рыжеватыми подпалинами и умными глазами, сіявшими изъ черныхъ вѣкъ, какъ два блестящихъ желтыхъ топаза.

II.

Шесть часовъ утра. Сырой и сѣрый, мгlistый, дождливый октябрьскій день никакъ не можетъ народиться. Если выдти черезъ рыночную площадь, гдѣ почта и мэрія, и спуститься по широкой каштановой аллеѣ къ берегу Сены, откуда открывается прекрасный

видъ на Парижъ, то ни Сены, ни Парижа не увидишь. Все покрыто густой, непрозрачной мглою, клубится черными дымами и тучами, и моросить, моросить, моросить безъ конца надоѣдливый Парижскій дождь.

Въ верхней комнатушкѣ, въ «гробу», надоѣдливо, залиvisto, протяжно и нудно залился будильничный звонъ. Онъ точно какимъ то острымъ, ядовитымъ лезвиемъ прорѣзалъ домикъ и, казалось, съ тою же одинаковою, тоску наводящею силою, съ тою же кажущеюся безконечностью и непрерывностью раздался по всѣмъ этажамъ, сталъ слышенъ и у сосѣдей, въ другихъ такихъ же домикахъ — виллахъ.

Мишель Строговъ, спавшій на широкой постели, занимавшей почти всю его комнату, сдернулъ съ себя старое суконное одѣяло, и еще мутными глазами осмотрѣлъ облѣзлыя, ничѣмъ неукрашенныя стѣны. Онъ не остановилъ звона будильника, хотя и зналъ, что этотъ звонъ будитъ раньше времени его родителей и бабушку. «Вотъ еще! Чего ихъ нѣжить — буржуевъ» — всякій разъ утромъ думалъ онъ, вспоминая мольбы матери и выговоры отца.

Мишель поднялся съ постели и, скинувъ рубашку, голый подошелъ къ окну. За окномъ, доходившимъ до полу, былъ крошечный балкончикъ. Онъ былъ такой маленькій, что выйти на него было нельзя, и устроенъ онъ былъ по прихоти архитектора, а можетъ быть, для болѣе яркой рекламы домику: — «квартира съ балкономъ». Мишель открылъ дверь. Посерединѣ двери былъ подвѣшенъ довольно большой мѣшокъ съ пескомъ. Онъ долженъ былъ, по мысли Мишеля, изображать вооруженную боксерской перчаткой руку противника. Мишель толкалъ мѣшокъ, онъ отлеталъ въ сторону и съ силою стремился обратно на Мишеля и тотъ, увертываясь отъ него, толкалъ его снова. Узко поставленные глаза Мишеля сверкали, злобная улыбка кривила худыя плоскія щеки, тонкія губы сжимались и становились еще тоньше. Все его тѣло изгибалось, выпрямлялось, онъ то отскакивалъ отъ мѣшка, то наступалъ, нанося ударъ за ударомъ. Онъ походилъ въ эти минуты на дикаря, танцующаго воинственный танецъ. Онъ топалъ съ силою

босыми ногами, нисколько не беспокоясь, что подъ нимъ спала его бабушка. Онъ былъ занятъ «дѣломъ», интересовавшимъ его болѣе всего. У него была одна, все поглощавшая страсть — стать знаменитымъ боксеромъ, такимъ, какъ Карпантъе, побѣдить всѣхъ, стать чемпиономъ «легкаго вѣса», заработать милліоны, видѣть поклоненіе толпы, и тогда... дальше его голова отказывалась думать. Не хватало воображенія. Дальше въ мечтахъ была своя машина «Люксъ», какая нибудь Эспано-Сьюза, а еще лучше гоночная машина съ необычайной силы моторомъ, и установленіе мировыхъ рекордовъ. Хорошо было бы еще и летать. Но летать непременно такъ, какъ еще никто не леталъ. Напримѣръ долетѣть до луны, или до какой нибудь тамъ звѣзды. А для этого было нужно быть сильнымъ, ловкимъ и здоровымъ. Для этого «физ-культура», для этого утренняя гимнастика и боксъ по своей собственной системѣ.

Когда то, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, Мишель Строговъ былъ славнымъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, съ русыми мягкими волосиками, онъ готовился поступить въ корпусъ и продолжить славное служеніе Отечеству рода Нордековыхъ. Но, налетѣла революція. Отецъ, бывший на фронтѣ, бчутился въ Добровольческой Арміи, мать, послѣ долгихъ мытарствъ, арестовъ, издѣвательствъ, послѣ многолѣтней разлуки, по объявленію отыскала мужа уже въ Парижѣ, и помчалась, преодолевая тысячи опасностей и лишеній, къ нему. Шура оставался сначала на попеченіи бабушки. Началась для него новая, необычная, полная впечатлѣній жизнь. Пролетарская школа второй ступени... Холодъ и голодъ. Новый языкъ, хулиганскій жаргонъ какой то, раннее развитіе и познаніе жизни. Грязныя, развратныя дѣвчонки. Дома — чопорная бабушка, не понимавшая своего внука и боявшаяся его. И мало по малу славный мальчикъ Шура преобразился въ гражданина Нордекова. Онъ пересталъ креститься на храмы Божіи, пересталъ ходить въ церковь, проникся уваженіемъ къ физической силѣ, записался въ комсомоль.... Потомъ вдругъ какъ то прозрѣлъ, испугался, что его возьмутъ въ красную армію и при самыхъ невѣроятныхъ обстоя-

тельстввахъ, забравшись на шведскій пароходъ въ Ленинградъ, бѣжалъ за границу. Безъ паспорта, безъ какого бы то ни было документа о томъ, кто онъ, Мишель сталъ пробивать себѣ дорогу жизни. Попалъ во Францію, использовалъ свои знанія французскаго языка, полученные въ раннемъ дѣтствѣ отъ матери, и съ перваго же знакомства съ полицейскимъ комиссаріатомъ съ чисто совѣтскимъ искусствомъ лжи сдѣлался французскимъ гражданиномъ Мишелемъ Строговымъ и выправилъ себѣ всѣ нужныя для этого бумаги.

— Какъ странно, Мишель Строговъ?... Совсѣмъ, какъ въ модномъ фильмѣ, — сказали въ полиціи.

Ему, конечно, не повѣрили бы и не дали бы ему документовъ, да уже по очень необычному дѣлу онъ попался въ полицію. Онъ безъ всякихъ на то правъ ѣздилъ на такси. Пассажиръ забылъ въ каретѣ бумажникъ съ деньгами, болѣе трехсотъ тысячъ франковъ. Шофферъ всѣ деньги доставилъ въ полицію и отказался отъ вознагражденія. Сѣдокъ, почтенный французъ, пораженный честностью и безкорыстіемъ молодого человѣка съ такимъ необыкновеннымъ прошлымъ, съ такою громкою Жюль Верновскою фамиліей, съ лицомъ скорѣе симпатичнымъ, сталъ хлопотать за Мишеля. У него были связи въ томъ французскомъ городѣ, гдѣ это случилось, Мишель Строговъ былъ признанъ и получилъ права французскаго гражданства. И потекла его новая безпечная жизнь молодого француза, который не былъ французомъ. Были маленькія связи съ мидинетками, были увлеченія кинематографомъ и танцами и все вылилось въ упорное стремленіе къ славѣ, къ деньгамъ, къ извѣстности, къ послѣ военной знаменитости. Были колебанія кѣмъ стать: — первымъ футъ-болистомъ, танцоромъ, кинематографическимъ артистомъ, велосипедистомъ, побивающимъ рекорды, или еще кѣмъ нибудь. Боксерская слава, сказочные оклады, выплачиваемые чемпионамъ бокса окончательно убѣдили его и опредѣлили направленіе его карьеры. Съ документами Мишеля Строгова ему уже не трудно было перебраться въ Парижъ и устроиться шофферомъ въ гаражѣ. Здѣсь, и совершенно случайно, онъ узналъ изъ газеты, взятой имъ у сосѣда, Русскаго шоф-

фера, что полковникъ Нордековъ въ какомъ то открытомъ собраніи будетъ дѣлать докладъ. Мишель пошелъ на это собраніе больше изъ любопытства, чѣмъ изъ сыновнихъ чувствъ. Узналъ отца, нашелъ въ числѣ слушателей мать и пришелъ къ нимъ. Встрѣча была трогательная, но она не тронула Мишеля... У него уже выработался спокойный, практическій, чуждый сентиментальности, взглядъ на жизнь Онъ изъ совѣтской школы второй ступени зналъ, что отецъ и мать это только физиологическія понятія, и на родственныя чувства гражданина новаго, послѣвоеннаго вѣка съ высоколетящаго аэроплана наплевать. Но, когда уже въ крошечномъ домикѣ, на rue de la Gare высокая, болѣзненная, худая женщина сначала обняла его со слезами и расцѣловала, а потомъ, точно смутившись, оттолкнула его и стала разсматривать, разговаривая сама съ собою вслухъ, онъ смутился. Какая то теплая волна пробѣжала по его жиламъ, и онъ не могъ найти ей соответствующаго физиологическаго объясненія. Пришлось бы говорить о душѣ, а то, что у человѣка нѣтъ никакой души, что всѣ его движенія и помыслы легко могутъ быть объяснены и истолкованы съ медицинской точки зрѣнія — все это было еще въ ранніе годы пребыванія въ совѣтской школѣ второй ступени имъ хорошо усвоено.

— Вотъ ты какой, — говорила между тѣмъ женщина, носившая имя матери, и Мишель съ любопытствомъ и волненіемъ, въ которомъ ему самому не хотѣлось признаться разглядывалъ ее. Она была очень худая. Ея лицо носило слѣды красоты, той красоты, какою каждая мать кажется красивой своему ребенку. Оно было вмѣстѣ съ тѣмъ очень усталое, измученное жизнью и лишениями. И только глаза ея сверкали особеннымъ восторгомъ, совсѣмъ непонятнымъ Мишелю, но почему то дорогимъ и льстившимъ ему.

— Вотъ никогда бы не подумала, что у тебя будетъ такое лицо? Ты всегда былъ у насъ кругленькій. И вотъ тутъ у тебя были ямочки... И рѣснички были у тебя длинныя, предлинныя... И то сказать сколько ты... Сколько мы всѣ пережили...

Она хотѣла его спросить, вѣруеть ли онъ въ Бога,

молится ли, ходить ли въ церковь, — и не посмѣла, а онъ ее понялъ безъ словъ и нахмурился, и когда нахмурился, сталъ уже совсѣмъ не похожъ на того славнаго вихрастаго мальчугана, который такъ изящно носилъ бѣлую матросскую рубашечку, отороченную голубымъ и кого она готовила въ корпусъ. Она всмотрѣлась въ него. Она его узнавала и не узнавала. Припоминала его прежнія черты и отыскивала ихъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ въ странной для ея Шуры шофферской одеждѣ. Онъ былъ ей родной и чужой въ тоже время.

Откуда у него такъ близко поставленные глаза и эта упорная, непонятная, неразгаданная мысль въ нихъ? Мысль маниака или сумасшедшаго... Онъ смотрѣлъ на нее, не мигая, и не могла она угадать, что онъ про нее думаетъ.

— Шура,—сказала она съ нѣжною ласкою,—ну, расскажи намъ, какъ ты добрался до насъ, какъ жилъ всѣ эти годы?... Господи!... десять съ лишнимъ лѣтъ мы не видались... Оставила я тебя мальчикомъ, а вижу взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Но ты вѣдь мнѣ не чужой?... Да, мой родной?... Мой милый...

— Не называй меня... — Тутъ логически должно было послѣдовать слово: — «мама», но оно не послѣдовало. Оно точно выпало изъ памяти Шуры, какъ выпадаетъ слово изъ печатнаго набора, и Шура его не произнесъ. Она ждала и жаждала этого слова, и, не услышавъ его, смутилась и все прислушивалась, какъ онъ будетъ ее называть?... Онъ ее никакъ не называлъ. Говорилъ «ты», можетъ быть, потому, что она ему говорила «ты», но за этимъ сердечнымъ «ты» былъ холодъ безъимянности.

— Не называй меня Шурой. Особенно при другихъ... при французахъ. Я Мишель... Мишель Строговъ. Вотъ мой паспортъ.

Онъ ей подаль паспортъ. Паспортъ былъ французскій, и въ немъ дѣйствительно было прописано, что онъ Мишель Строговъ, родившійся въ Россіи.

— Но какъ же это такъ?... — растерянно спросила она. — Ты перемѣнилъ подданство?... Ты больше не русскій?

Ей это казалось ужаснымъ. Просто таки невозможнымъ. Онъ холодно посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и съ тихой жуткой усмѣшкой сказалъ:

— А ты развѣ русская?...

Она поблѣднѣла. Ударъ, ей нанесенный, былъ слишкомъ силенъ. Ей казалось — она его не снесетъ. Но она продолжала настойчиво допрашивать. Она хотѣла знать всю правду, какъ бы ни казалась она ей ужасной.

— Но какъ же ты сталъ французомъ?.. Ты лгалъ?...

Въ это слово она вложила всю силу души, все возмущеніе и отвращеніе ко лжи.

Онъ не смутился. Казалось, даже не понялъ, какое такое преступленіе онъ совершилъ. Его лицо оставалось холоднымъ. На немъ появилась презрительная, чуть замѣтная усмѣшка.

— Я выросъ и воспитался въ огнѣ революціи. Буржуазные предрассудки мнѣ чужды. Почему нельзя сказать то, что выгодно и нужно по данному моменту? Это просто непрактично и глупо. Мнѣ иначе нельзя было. Надо было жить. Безъ этого нельзя было пробиться и стать человѣкомъ. Быть человѣкомъ — это главное. Это самоцѣль. А тамъ русскій, французъ, нѣмецъ, японецъ — не все ли одно?... Это отсталыя зоологическія понятія... Я съ ними не считаюсь. Да что тамъ говорить!... Мы люди разныхъ поколѣній... Не стоитъ объ этомъ спорить.

Мишель охотно согласился остаться жить въ ихъ маленькомъ домикѣ, носившемъ скромное наименованіе: — «Les Coccinelles». Они осмотрѣли комнатушку наверху, переговорили съ хозяиномъ и на другой же день Мишель перебрался со своимъ болѣе, чѣмъ скромнымъ скарбомъ къ родителямъ. Онъ сдѣлалъ это не потому, что ему пріятно и радостно было зажить съ родителями — у него этого чувства не было — а потому, что нашелъ это для себя во всѣхъ отношеніяхъ выгоднымъ. Онъ этого и не скрывалъ. Онъ установилъ въ своей комнатѣ свои порядки, какъ ему было удобно, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ.

— Здѣсь я физ-культурой могу заниматься, — ска-

заль онъ, — да и жилплощадь здѣсь больше, чѣмъ у меня на старой квартирнѣ. И платитъ меньше...

Совѣтскія словечки и неприкровенный матерьялизмъ и практичность коробили его мать, но она промолчала. Онъ въ этомъ не былъ виноватъ. Она надѣялась, что съ теченіемъ времени, ей удастся перевоспитать его и вернуть къ Богу и къ семьѣ.

Тѣмъ болѣе не могла она обвинять сына, что она знала, кто виноватъ во всемъ ужасномъ крушеніи Россіи. Вся исторія послѣднихъ лѣтъ была ею глубоко продумана и приговоръ былъ постановленъ.

III.

Тотъ самый ѣдкій, нудный и непрерывный звонокъ, который будилъ Мишеля Строгова, заставлялъ просыпаться и его мать, Ольгу Сергѣевну. Она открывала глаза, смотрѣла на чуть сѣрѣвшую щель между занавѣсью и окномъ и съ мучительнымъ сердечнымъ надрывомъ думала: — «Господи, хотя бы не заводилъ онъ такъ полно!... Еще и еще... Когда же это кончится? Не могу я больше, кричать готова... Это хуже зубной боли... И теперь я уже ни за что не засну... А вѣдь только всего шесть часовъ».

Она и точно не засыпала. Длиннымъ свиткомъ разворачивались передъ нею послѣдніе, страшные годы жизни. Она, прищурясь, смотрѣла на спину лежащаго рядомъ мужа. Она въ эти минуты всѣми силами души ненавидѣла его.

«Кто виноватъ?.. Онъ во всемъ виноватъ!... Онъ!... Они, ему подобные!... Боги!... Правители!... Рѣшители нашей, простыхъ смертныхъ судьбы... Полковникъ Генеральнаго Штаба... Всегда «выдающійся», хвлящійся точнымъ исполненіемъ долга. Да гдѣ же это исполненіе долга?... Военные, такіе, какъ ея мужъ, вотъ, кто виновники всего, всего, что случилось. Она дѣвчонкой, когда онъ начиналъ ухаживать за нею, знала, въ чемъ сущность военной службы и солдатскаго долга. Тогда она гордилась, что за нею ухаживаетъ военный... Жена защитника Престола и Отечества! Эту радостную гордость

она усвоила съ первой брачной ночи, когда такой красивый и эффектный явился онъ къ ней въ спальню въ полной парадной формѣ и, взявъ шашку подвысь и салютуя ей, сказалъ: — «надѣюсь, что вы готовы исполнить вашъ долгъ жены»... Это было такъ красиво и сильно: — долгъ!... И ихъ жизнь прекрасно и ярко началась. Она свой долгъ жены исполняла и дальше свято и честно, безъ компромиссовъ. Она на войну пошла сестрою милосердія, и безъ трепета, ничего не боясь, понесла свой долгъ сестры... «Ну, а вотъ вы, вы всѣ офицеры и генералы Генеральнаго Штаба, стратеги, «наполеоны», исполнили вы свой долгъ и можетъ быть спокойна сейчасъ ваша совѣсть?.. Спать... И не подозреваетъ, что я про него думаю... что знаю и въ чемъ обвиняю... Да, обвиняю... Гдѣ и въ чемъ былъ вашъ долгъ?»

Вдругъ встала въ ея памяти громадная разоренная пожаромъ войны страна, по которой она проѣзжала въ санитарной двуколкѣ. Ряды обугленныхъ березъ по сторонамъ дороги и торчащія изъ чернаго пепелища кирпичныя трубы. Точно увидала она въ это утро потревоженного сна испуганную дѣтвору, женщинъ съ голодными глазами, бѣгущихъ, куда глаза глядятъ, услышала вновь въ это Парижское утро изъ холоднаго далека тѣ слова, что такъ часто слышала она въ тѣ ужасные годы: — «Вшистка знищено... Жолнержи були — вшистка забрали... Дѣтей кормить нечѣмъ»... Чьи жолнержи?... Защита отечества?... Точно видѣла она сейчасъ это отечество, не защищенное, не обороненное войсками. Она отлично помнила, какъ, когда готовился ея мужъ къ поступленію въ Академію висѣла въ ихъ спальнѣ громадная карта этого самаго отечества. Она наизусть заучила его границы. Отъ Варангеръ фіорда на юго-востокъ, не доходя до рѣки Муоніо... А тамъ отъ Мемеля... Вотъ вьется она прихотливымъ изгибомъ блѣдно зеленая, отгнѣнная по краю государственная не прикосновенная граница. Загибаетъ, широкимъ языкомъ вдавливаясь въ нѣмецкую землю, очерчивая десять губерній Царства Польскаго. Защита Отечества есть защита этой зеленой линіи и долгъ арміи

никого туда за нее не пустить. Въ міровой войнѣ только Германская Армія усвоила эту истину и выполнила въ полной мѣрѣ свой долгъ передъ народомъ... Всѣ остальные шли на компромиссъ... «По стратегическимъ соображеніямъ»... Какъ негодовала она уже и тогда, когда «по стратегическимъ соображеніямъ» сводили въ ничто всѣ потери, всѣ жертвы, весь героизмъ войскъ, всю пролитую солдатскую кровь и отступали, сжигая дома и селенія, не думая о жителяхъ «отечества». Тогда зародилась въ ней еще неосознанная, непродуманная до конца ненависть ко всѣмъ военнымъ, не исполнившимъ элементарнаго долга, тогда она перестала понимать и уважать мужа... «Защита Престола»... По «политическимъ соображеніямъ» изъ за призрака какого то сепаратнаго мира, изъ за оклеветанной Императрицы измѣнили Престолу и не стали его защищать... Вотъ и дошли до большевизма... Кто же виновенъ?..

Ужасъ положенія Ольги Сергѣевны заключался въ томъ, что никому, и менѣ всего мужу, могла она сказать все то, что передумала за эти страшные годы переоцѣнки цѣнностей. Кто пойметъ ее? Кругомъ — такое самолюбованіе! Кругомъ незыблемая увѣренность въ своей правотѣ, въ побѣдѣ. Ей становилось жутко. Сказать все то, что у нея накопилось на душѣ — ее сочтутъ за «лѣвую»... А нѣтъ!... Только не это!!... Нѣтъ, она не лѣвая... Отнюдь не лѣвая... Она болѣе «правая», чѣмъ всѣ они. Ей Престоль и Отечество не пустые звуки... Какъ бы она ихъ защищала!... Бога она не обвиняла. Она была слишкомъ умна и образована, чтобы мѣшать Господа въ свои людскія дѣлишки и винить Его за свои лѣность, трусость и неграмотность. Нѣтъ, она опредѣленно обвиняла во всѣхъ и своихъ, и чужихъ несчастіяхъ тѣхъ, кому такъ много было дано и кто своего долга не исполнилъ. Она слушала, какъ при ней рассказывали о недостаткѣ патроновъ и оружія. Она молча и нехорошо улыбалась. — «Зачѣмъ не берегли», — думала она. Она то видѣла, путешествуя по тыламъ, брошенныя винтовки, воткнутыя штыками въ землю и цѣлыя розсыпи патроновъ на оставленныхъ нами позиціяхъ. Она часто слышала, какъ восхищались «сол-

датикомъ», принесшимъ въ лазаретъ не брошенную винтовку, но она никогда не слыхала, чтобы обругали и тѣмъ болѣе наказали солдата, пришедшаго безъ оружія и патроновъ. Кто же былъ виноватъ въ этой распущенности и послабленіяхъ?... Все они же!... Начальники!... А теперь?... Офицеры республиканцы... Офицеры революціонеры... А вотъ изъ за нихъ — эта каторжная жизнь, эта работа въ Парижской конторѣ и выступиваніе на маленькой стенографической машинкѣ никому ненужныхъ и совсѣмъ неинтересныхъ приказаній и писемъ «патрона».

Она пѣла въ церковномъ хорѣ Евлогіанской церкви. И она научилась компромиссу. Она пошла въ Евлогіанскую церковь потому, что тамъ регентъ былъ лучше и лучше оцѣнили ея голосъ. Она презирала себя за это, а вотъ все-таки не могла отказаться. Ей церковь давала такую отраду. Такъ радостно было придти въ нее въ воскресенье утромъ, когда еще никого нѣтъ, купить на три франка свѣчекъ и пойти ставить ихъ передъ иконами. Она гибко опускалась на колѣни, шептала съ дѣтства знакомыя молитвы, потомъ поднималась, и съ крѣпкою увѣренностью въ нужности того, что она дѣлаетъ, ставила свѣчи. Она смотрѣла на бумажныя иконы, на скромный иконостасъ — его она и другія женщины колоніи сдѣлали своими руками — и ей казалось, что тутъ все таки есть правда, которая ушла изъ жизни. Она смущалась лишь однимъ — ей порою казалось, что и это ненастоящее, какъ вся ея жизнь стала ненастоящей. За свѣчнымъ ларемъ стоялъ отецъ діаконъ. Онъ былъ коренастый, сѣдой, съ коротко остриженными волосами, похожій въ узкомъ черномъ подрясникѣ на ксендза. Онъ пріятнымъ баскомъ подпѣвалъ ихъ маленькому хору. Но въ немъ не было того духовнаго, что привыкла она видѣть у діаконівъ въ Россіи, и не могла она позабыть, что діаконъ въ недавнемъ прошломъ — уланскій ротмистръ и что у Сусликовыхъ онъ прекрасно подъ гитару поетъ цыганскія пѣсни. И церковь и вся служба иногда вдругъ казались какими то призранными, точно сонными видѣніями. И тогда являлось сомнѣніе въ существованіи Бога.

Когда она возвращалась, ее встрѣчала «мамочка» и, криво улыбаясь, говорила:

— Ну что же ты намолила у твоего Бога. По крайней мѣрѣ узнала, когда же мы вернемся въ Россію?..

III.

Мамочка больше не вѣрила въ Бога. Въ свои семьдесятъ лѣтъ Неонила Львовна Олтабасова ударилась въ самый крайній матерьялизмъ.

— Столько было молитвъ, — говорила она, — и Государь и Императрица были подлинно святыми людьми. Если бы Богъ былъ — Онъ ихъ помиловалъ бы... А теперь, прости меня Оля, но какая же это церковь?... Какая и гдѣ вѣра?... И смѣшно вѣрить, когда живешь въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ такъ просто и удобно обходятся безъ Бога.

Неонила Львовна создала свою теорію какихъ то «винтиковъ», еще не изслѣдованныхъ, но которые вотъ вотъ будутъ открыты учеными, изслѣдованы и изучены, и тогда все станетъ ясно и понятно, и никакого Бога для объясненія тѣхъ или иныхъ явленій не понадобится. Она жадно хваталась за газеты и въ нихъ искала новыхъ открытій и изслѣдованій въ области физиологій, геологій, археологій, астрономіи и психологій. И на каждое она смотрѣла съ точки зрѣнія доказательства отсутствія Высшей Силы, отрицанія Бога.

— Вотъ, — говорила она, съ газетнымъ раскрытымъ листомъ входя въ комнату дочери, когда та, усталая и измученная дневной работой, переодѣвалась и умывалась. — Вотъ, ученые дознались, что вселенная не безпредѣльна, а что и ей предѣлъ есть. Въ милліонахъ лѣтъ свѣтовыхъ лучей радіусъ этотъ, а все таки онъ есть. Вотъ тебѣ и Богъ.

— Вы путаете, мама, — съ досадою говорила Ольга Сергѣевна. Ей противно было смотрѣть на мать. Въ длинномъ, старомодномъ черномъ платьѣ, съ коротко

остриженными, сѣдыми, гладко причесанными волосами, — если сзади смотрѣть, когда она сидитъ, и не узнаешь, мужчина или женщина, — неопрятная и распухшая старушка съ новыми и такими «нигилистическими» разсужденіями казалась ей ужасной и ей было страшно, что такъ она думаетъ про свою мать.

— Ничего я не путаю. Читала еще, что нашли черепъ человѣка въ Африкѣ. И тотъ черепъ миллионъ лѣтъ пролежалъ въ землѣ... Вотъ тебѣ и Адамъ!... Ученые теперь доказали, что человѣкъ существовалъ гораздо ранѣе Бога.

Она съ торжествомъ поджимала губы и маленькими, блестящими, сверлящими глазками смотрѣла на дочь.

— Я увѣрена... я вполнѣ увѣрена, что будетъ день, когда и мои «винтики» откроютъ.

— Какіе «винтики», мама, — съ сердцемъ говорила Ольга Сергѣевна.

— А вотъ эти самые, которые все дѣлаютъ. И ты думаешь... Богъ?... Это Богъ войну, или грозу, или ведро послалъ?... или человѣкъ умеръ?... Волею Божьей? Это просто — «винтики» такіе въ природѣ вещей. Падаютъ они съ неба, попадаютъ въ атмосферу, поворачиваютъ такъ и эдакъ — и наше вамъ! — война... или вдругъ гриппъ ходитъ по городу... или отецъ убилъ дочь, или Кюртенъ какой нибудь проявился... И я увѣрена, что дойдутъ до того, что и ихъ будутъ ловить и подчинять себѣ, вотъ какъ электричество. Летятъ они, чтобы война тамъ что ли была, а ихъ ученые какими нибудь тамъ радіо-сѣтями поймаютъ... и нѣтъ войны... Вотъ и надули твоего Бога.. И безъ всякихъ молебновъ миръ на землѣ. Раньше наши мужики въ засуху, бывало, все молебны служили, съ хоругвями вокругъ полей ходили, а вотъ какъ поймаютъ и подчинять себѣ эти «винтики», такъ и не надо никакихъ поповъ. Наставилъ аппаратъ — и на тебѣ — дождь, или солнышко, что тебѣ угодно.

— Оставьте, мама. Начитались вы газетныхъ научныхъ фельетоновъ и думаете невѣсть какую премуд-

рость постигли. Базаровы это раньше вашего говорили. Мнѣ это просто тяжело отъ васъ слушать.

— Почему тяжело, — обижалась старуха.

— Вы старый человекъ... О другомъ вы должны думать... Какъ же умирать то будетъ вамъ тяжело, когда вы ни во что не вѣрите?

Старуха недовольно крутила носомъ и уходила, шурша газетой изъ комнаты дочери.

— Поди, скажешь тоже. Кому извѣстно, кто когда помретъ. Можетъ быть, еще мнѣ тебя хоронить то придется.

— Все отъ Бога, мамочка, — стараясь говорить кротко, говорила ей вслѣдъ Ольга Сергѣевна.

— Это какъ «винтики».. Куда, въ какую сторону повернутся. На тебя или на меня... А вотъ откроютъ ихъ, и умирать не придется. Сколько пожелаетъ человекъ, столько и проживетъ.

Противны и жутки были такія рѣчи въ устахъ человека, уже стояшаго одною ногою въ гробу.

V.

Пронзительный звонокъ будильника въ комнатѣ Мишеля Строгова пробуждалъ и Неонилу Львовну. Она, кряхтя и охая, поднималась съ широкаго ложа и, шлепая туфлями, шла къ столу разжигать керосиновый примусъ. Она готовила на всю семью утренній кофе.

Только полковникъ Георгій Димитріевичъ Нордковъ продолжалъ спать крѣпкимъ сномъ не знающаго заботъ человекъ. Онъ увѣрялъ, что никакой шумъ, если только онъ лично его не касается не можетъ помѣшать ему спать. Онъ рассказывалъ, что на войнѣ онъ спалъ крѣпчайшимъ сномъ подъ грохотъ канонады и трескъ разрывающихся снарядовъ, и моментально вскакивалъ едва чуть слышно рипѣлъ подлѣ него полевой телефонъ.

Полковникъ Георгій Димитріевичъ былъ человѣкъ военный. Точно съ того дня, какъ затянули его въ кадетскій мундирчикъ, онъ выковался въ подлиннаго солдата и ничто не могло поколебать или измѣнить его солдатской души. Какъ раньше онъ твердо вѣрилъ въ правоту отступленій «по стратегическимъ соображеніямъ», не сомнѣвался въ томъ, что они побѣдили бы, если бы не проклятая революція, такъ и потомъ, «смѣнивши вѣхи», снявъ лозунги: — «за вѣру, царя и отечество» и замѣнивъ ихъ сначала: — «за учредительное собраніе», потомъ: — «за единую, великую, недѣлимую Россію» и, наконецъ: — «за національную Россію» онъ ни на минуту не сомнѣвался въ правотѣ своего дѣла и въ правильности работы «вождей».

Крѣпкій, пятидесятилѣтній сангвиникъ, въ мѣру пополнѣвшій, съ красивымъ, холенымъ, всегда чисто выбритымъ, розовымъ лицомъ, съ густыми волосами, причесанными на проборъ, онъ былъ ловокъ и строенъ безъ всякой гимнастики. Членъ многихъ офицерскихъ объединеній, предсѣдатель своего полкового объединенія, неутомимый посѣтитель всѣхъ обѣдовъ, банкетовъ, чашекъ чая, лекцій, внимательный и восторженный слушатель рѣчей на нихъ произносимыхъ — онъ съ дѣтскою простотою вѣрилъ во все, что тамъ говорилось.

Жидовская транспортная контора, гдѣ онъ служилъ, возка ящиковъ съ таможи и на таможду, провѣрка коносаментовъ и накладныхъ, ловкое сованіе франковыхъ монетъ въ руку вѣсовщикамъ — это все было временное. Это не была жизнь. Просто дурной сонъ. Жизнь начиналась тогда, когда они собирались въ задней комнатѣ третьеразряднаго французскаго ресторана, гдѣ для этого случая развѣшивали по стѣнѣ Русскій флагъ, портреты «вождей» и полковые флюгера, когда человѣкъ семьдесятъ пожилыхъ людей въ скромныхъ черныхъ пиджакахъ по командѣ старшаго «господа офицеры» прекращали разговоръ и куреніе и вытягивались у своихъ стульевъ, и входилъ генераль въ такомъ же пиджакѣ, какъ и они. Тогда начинались воспоминанія, рѣчи, старые анекдоты старыхъ временъ. И точно хоро-

шее вино, чѣмъ старѣе становились они, тѣмъ крѣпче чувствовались. На этихъ обѣдахъ всегда была бодрость вѣры въ завтрашній день — и... въ конечную побѣду. На нихъ говорили о Россіи. Они еще не смѣли пѣть Русскій гимнъ. Одинаково воспитанные и равно пришибленные судьбою они были разныхъ убѣжденій и считали не деликатнымъ что нибудь навязывать другому. Пѣли полковья пѣсни, пѣсни войны и съ блестящими отъ выступившихъ слезъ глазами слушали рѣчи ораторовъ. Это и была настоящая жизнь. Все остальное былъ дурной кошмарный сонъ.

Вчера въ день ихъ училищнаго праздника ихъ собралось сто двадцать человекъ. Маленькій крѣпкій, бритый генералъ (онъ былъ среди нихъ старшимъ и по выпуску и положеніемъ) отчетливо, чеканя слова говорилъ съ большимъ подъемомъ страстную рѣчь. Цѣлительнымъ бальзамомъ въ израненныя души вливались его слова.

Гдѣ то наверху сейчасъ звенѣлъ будильникъ и надъ головою и такъ, что гнулись доски потолка, топалъ босыми ногами его сынъ — Мишель Строговъ — а полковникъ, проснувшійся раньше обыкновеннаго ничего этого не слышалъ и не замѣчалъ. Онъ снова и снова переживалъ эту бодрящую, освѣжающую душу рѣчь ихъ руководителя.

— Мы, господа, — повторялъ про себя полковникъ такъ запомнившіяся ему чудныя слова, — не покинули театра военныхъ дѣйствій. Кругомъ царить миръ... Да это правда, но это кажущійся только миръ. Война съ большевиками, война за Россію продолжается...

Это было главное. Это было самое утѣшительное. И какъ это, очаровательно что ли? выходило что вотъ онъ, полковникъ Нордековъ, лежитъ себѣ спокойно на Виллѣ «Les Coccinelles», потомъ поѣдетъ въ свою транспортную контору, а война все таки продолжается. Нордековъ зналъ, что такое война. Ему приходилось на войнѣ по одиннадцати сутокъ быть безъ настоящаго сна... Онъ зналъ, что значить голодъ... Онъ зналъ, что значить обстрѣлъ тяжелыми батареями, вой, гулъ и трескъ лопающихся снарядовъ, ядовитый запахъ газовъ и тош-

ное ожиданіе смерти, когда совѣмъ пересыхаетъ во рту и глохнетъ ухо... онъ зналъ, что такое «война продолжается» и тѣмъ не менѣе ему такъ отрадно было слышать эти слова въ мирной обстановкѣ Парижскаго ресторана. Да, война продолжается... Они находятся въ тылу... Развѣ и на войнѣ не бываютъ дни отдыха, затишья, когда послѣ тяжелыхъ боевъ отведены въ глубокой тылъ и ждутъ пополненій?... Правда, это стояніе въ резервѣ длится немного долго... Скоро одиннадцать лѣтъ, какъ смолкъ гулъ пушечной канонады... Но... услужливая память подсказывала примѣръ изъ исторіи и какой примѣръ!... Самого Суворова... Не жилъ ли онъ почти четыре года въ селѣ Кончанскомъ, ходилъ въ церковь, звонилъ на колокольнѣ, читалъ на клиросѣ, училъ деревенскихъ ребятъ... И вдругъ... Итальянскій походъ и переходъ черезъ Альпы!... Да... эти слова были колдовскія, чудныя, несказанно прекрасныя слова. Они все звучали въ ушахъ, какъ великолѣпный сонъ, съ которымъ не хочется разстаться...

— Война не прекращалась ни на минуту, и она не можетъ прекратиться. И тѣ, кто объ этомъ, быть можетъ, по малодушію своему забывали — пусть почувствуютъ напоминаніе этого въ похищеніи Кутепова... Это прорывъ нашего фронта. Военныя дѣйствія продолжаются... Они требуютъ единоначалія... Я поднимаю высоко бокалъ за нашего предсѣдателя... Ваше превосходительство, дерзайте!... Требуйте отъ насъ безпрекословнаго подчиненія и знайте, что мы исполнимъ свято всякое ваше приказаніе...

Тогда, вчера, казалось, что они встанутъ послѣ этого и всѣ вмѣстѣ пойдутъ на rue de Grenelle мстить за генерала Кутепова... Война продолжается... Фронтъ прованъ... Онъ долженъ быть возстановленъ...

Они никуда не пошли...

Но, когда тихонько, на носкахъ, боясь воркотни жены, во второмъ часу ночи, крался полковникъ къ себѣ на rue de la Gare и осторожно вставлялъ ключъ въ замочную скважину — бурно колотилось его сердце...

«Военныя дѣйствія» продолжались гдѣ то, помимо него...

Онъ спалъ безпокойнымъ, прерывчатымъ сномъ.

Просыпался и думалъ: — «а вѣдь и точно: — какое то движеніе, сдвигъ какой то есть... Возможно, что французы?... Они, кажется, уже поняли... Да, конечно, мѣшаетъ Брианъ... Но не вѣчно онъ будетъ сидѣть министромъ... Работа Коти... «L'Ami du Peuple» готовится общественное мнѣніе... Во Франціи пресса это все... Сербія плац-д-армомъ... Тамъ русскія формировація... Что же, пожалуй?... дивизія?...»

У полковника въ рыночномъ письменномъ столѣ, въ лѣвомъ ящикѣ и подъ ключомъ лежала большая тетрадка, то, что въ старину называли «брульономъ» (теперь и слова этого не знаютъ). Въ немъ бисернымъ, аккуратнымъ почеркомъ онъ заносилъ:

«Обученіе звена и взвода въ двухъ недѣльный срокъ». «Обученіе роты въ три недѣли». «Пять тактическихъ ученій батальона». «Тактическая задача для трехъ батальоннаго полка». «Пулеметныя отдѣленія въ строю роты». «Служба связи батальона, полка и дивизіи» — все плоды долгихъ и серьезныхъ размышленій, боевого опыта великой и гражданской войнъ.

Все это пригодится въ тотъ часъ, когда... Онъ этого часа ждалъ и вѣрилъ, что этотъ часъ придетъ...

И вдругъ ноги холодѣли. Отъ нихъ бѣжалъ ледяной токъ къ головѣ. Мысль стыла.

«Нѣтъ, никогда иностранцы не помогутъ. А впрочемъ для чего въ самомъ дѣлѣ намъ иностранцы?...». На послѣдней лекціи, гдѣ былъ полковникъ, лекторъ представилъ аудиторіи какого то краснаго летчика, перелетѣвшаго изъ С.С.С.Р. для спасенія своей заблудившейся въ «право-лѣвацкихъ» уклонахъ души. И тотъ летчикъ съ развязной самоувѣренностью рассказывалъ, что красная армія — армія національная, любящая Россію и что будетъ день, когда она прогонитъ отъ себя коммунистовъ и сольется съ «бѣлой арміей» и тогда всѣ старые Русскіе офицеры найдутъ въ ней мѣсто и работу.

Тогда его брульонъ, его знанія, его боевой опытъ пригодятся. Онъ перебиралъ въ памяти фамиліи своихъ товарищей по академіи, оставшихся по ту сторону и

служившихъ большевикамъ. Какъ то встрѣтится онъ съ ними? Подастъ имъ руку? Найдеть общій языкъ для разговора? Какъ подойдетъ онъ къ строю вчерашнихъ красноармейцевъ и что скажетъ имъ? И что это будетъ за строй?... Дивизія?... Полкъ?... Хотя бы батальонъ!...

Эти мысли прогоняли сонъ... Но отнять эти мысли, — и не будетъ смысла жить... Что тогда останется?... Ненавидящая, презирающая и плохо это скрывающая жена?... Матерьялистка «мамочка»?... И сынъ — хулиганъ, едва ли не большевикъ, Мишель Строговъ!...

Жить не стоитъ... Засунуть поглубже въ ротъ холодное дуло револьвера и гдѣ нибудь въ глуши... Въ Версальскомъ лѣсу, или въ лѣсу Фонтенебло... «Sauter la cervelle», какъ говорятъ французы.

Жить безъ этихъ мечтаній... О Россіи?... Объ арміи?... О томъ, что еще куда то пригодишься?... Невозможно...

Его жена встала и торопливо совершала свой несложный утренній туалетъ. Полковникъ лежалъ, прикрывъ глаза, и наблюдалъ ее. Какъ обезобразили ее остриженные волосы!... И какая сѣдина въ нихъ!... Когда то онъ такъ сильно и страстно любилъ ее... Цѣловалъ въ шею ниже затылка, гдѣ теперь щетиной торчатъ неопрятные волосы... Бѣдность?... Да, пожалуй, и бѣдность.

— Вставайте, Георгій Димитріевичъ, — повернувшись отъ маленькаго зеркала, сказала ему Ольга Сергѣевна. — А то опять вашу газету не успѣете прочитать.

Полковникъ открылъ давно не спящіе глаза, для приличія потеръ ихъ и сразу обѣими ногами сталъ на полъ. Онъ шагнулъ къ двери, вышелъ въ крошечную переднюю, гдѣ на вехоткѣ лежала Топси, погладилъ заласкавшуюся къ нему собаку, открылъ ей дверь и крикнулъ внизъ:

— Нифонтъ Иванычъ, откройте, пожалуйста, дверь собакѣ... Какая погода?...

Снизу, откуда былъ слышенъ стукъ молотка, раздался бодрый стариковскій голосъ:

— Заразь, ваше высокоблагородіе.

Молоточекъ прекратилъ свою дробь. Внизу скрипнула дверь, и тотъ же голосъ добавилъ:

— А похода есть — дождь!

VI.

Топси — собака особенная. Когда и кто училъ ее этимъ премудрымъ штукамъ — никто не помнитъ. Кажется, полковникъ, когда былъ безработнымъ, скуки ради, объяснялъ внимательно жолтыми топазами, не мигая смотрѣвшей на него собакѣ, что у газетчика въ ларькѣ на *place de la Gare* есть разныя Русскія и французскія газеты. Есть «Возрожденіе», гдѣ редакторомъ Петръ Бернгардовичъ Струве, другъ Добровольческой Арміи, и есть «Послѣднія Новости», гдѣ редакторомъ Павелъ Николаевичъ Милюковъ — врагъ Добровольческой Арміи, есть газета «Liberté» — хорошая газета и есть газета «L'Humanité», очень даже скверная газета. По утрамъ надо приносить газету «Возрожденіе». Полковникъ подносилъ къ носу Топси еще влажный, утренній номеръ и давалъ его нюхать. Топси слегка воротила носъ — пахло совсѣмъ невкусно — типографской краской, — но брала, брезгливо поджимая губы и языкъ и морщась, свернутый номеръ и покорно шла за полковникомъ. Потомъ она научилась дѣлать это самостоятельно. Газетчикъ давалъ ей нужную газету, получая отъ полковника расчетъ по окончаніи мѣсяца.

Топси выбѣжала за калитку крошечнаго палисадника, по узкой дорожкѣ, покрытой асфальтомъ, пробѣжала къ воротамъ, мимо маленькихъ, еще спящихъ дачъ и свернула на *rue de la Gare*.

Моросилъ мелкій дождь. Непріятная была погода.

«Людямъ хорошо», — думала Топси, — «у нихъ есть зонтики, а какъ я донесу газету, не промочивъ ее? Полковникъ опять будетъ ругаться, а «мамочка» выгнать изъ теплой комнаты отъ «саламандры», и будетъ

ворчать, что отъ меня пахнетъ псиной... Эхъ, жизнь собачья!...»

Поднявъ на спинѣ ершомъ шерсть, Топси, бѣжала знакомыми улочками, избѣгая place du Marché, гдѣ всегда бывали собаки, и гдѣ жилъ отвратительный кобель Марсъ, длинный, на короткихъ лапахъ, съ жесткою, какъ щетина, во всѣ стороны торчащею шерстью шоколаднаго цвѣта и съ мордой, такъ заросшей волосами, что еле были видны черные глаза. И это чучело морское, говорятъ, — люди, конечно, говорятъ — очень модная собака!... Этотъ негодяй не пропускалъ ни одной корзины съ салатомъ, или картофелемъ, ни одной груды кочановъ цвѣтной капусты, положенныхъ подлѣ ларьковъ на рынкѣ, чтобы ихъ не опрыскать. Завидѣвъ Топси, дѣловито бѣгущую съ газетой въ зубахъ, онъ норовиль наскочить на нее сзади и осѣдлатъ ее своими безобразными, короткими лапами. Онъ тогда тяжело дышалъ, какъ толстый старикъ, и длинный красный языкъ торчалъ изъ безобразной, косматой, шерстистой морды, какъ флагъ революціи надъ лохматыми головами пролетаріата. Надо было увернуться, огрызнуться, можетъ быть, даже и хватить зубами нахала, а какъ это сдѣлать, когда газета зажата въ пасти и нельзя ее выронить на грязной дорогѣ?

У газетнаго ларька стоялъ Лимонадовъ. Топси знала его. Это былъ пожилой господинъ, поэтъ, кажется, единственный Русскій, съ кѣмъ полковникъ никогда не раскланивался. Говорятъ: — большевикъ!... Топси было неприятно становиться при немъ на заднія лапы, опираясь передними о край прилавка и ждать, когда торговецъ достанетъ нужную газету.

Лимонадовъ о чемъ то говорилъ съ газетчикомъ, кивая головою на собаку, и оба смѣялись.

Продавецъ подаль газету Топси. Той хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ неприятной компаніи, и она, схвативъ газету клыками, и стараясь возможно меньше намочить ее на дождѣ, опрометью бросилась отъ прилавка.

Лимонадовъ и газетчикъ провожали ее почему то дружнымъ хохотомъ.

«Мерзавцы!...»

Полковникъ ждалъ въ «мамочкиной» комнатѣ, гдѣ кипѣлъ на примусѣ коричневый кофейникъ и пахло керосиномъ, кофе и булками. Тамъ сидѣлъ совсѣмъ готовый, чтобы идти на работу Мишель Строговъ въ каскеткѣ на затылкѣ, и, держа обѣими руками большую тяжелую чашку, пилъ горячій кофе.

Топси, какъ это и полагалось по ея собачьему ритуалу, открыла лапой притворенную дверь, подбѣжала, любезно извиваясь всѣмъ тѣломъ и виляя короткимъ, обрубленнымъ хвостомъ, къ полковнику, сѣла передъ нимъ, осторожно толкнула его лапой и подняла голову съ газетой.

Но полковникъ вмѣсто того, чтобы взять газету изъ зубовъ Топси, поласкать ее по головѣ и дать ей кусочекъ сахару, сдѣлалъ свирѣпыя глаза и такъ посмотрѣлъ на Топси, что та перестала вилять хвостомъ и уронила газету на полъ.

— Ты что принесла, стерва?... А?...

Топси виноватыми глазами смотрѣла на полковника.

— Нѣтъ, посмотрите, пожалуйста, какая это каналья здѣсь издѣвается надо мною!... Я этому мерзавцу Жюльену пойду и морду набью!

Полковникъ схватилъ съ пола свернутый, мокрый листъ газеты и съ силою злобно ударилъ имъ по носу Топси. Собака отвернулась и заморгала глазами. Въ желтыхъ топазахъ отразились недоумѣніе и страхъ. Полковникъ сталъ бить прикишную къ землѣ собаку по чемъ попало. Топси жалобно визжала. На ея визгъ вбѣжали теща и Ольга Сергѣевна.

— Ты мнѣ что принесла, дрянь? — бѣшено кричалъ полковникъ. — Ты мнѣ жидовскую газету принесла!... Ты что издѣваешься надо мною?..

— Оставьте собаку, Георгій Димитріевичъ, — закричала Ольга Сергѣевна. — Развѣ она понимаетъ, что ей даютъ?... Можетъ быть «Возрожденіе» сегодня не вышло почему либо, и газетчикъ ей далъ эту газету.

— Не брать была должна!... Я ее, дуру, училъ... Сколько разъ нюхать давалъ и ту и другую.

— Ее читать было нужно учить, а не нюхать, — сказалъ съ насмѣшкою Мишель Строговъ и съ трескомъ поставилъ на круглый столъ пустую чашку.

— Ты что щен...

Мишель Строговъ узко поставленными, строгими, сѣрыми, маленькими глазами посмотрѣлъ на отца и повелъ широкими плечами. Лицо изъ подъ круглой рабочей каскетки казалось наглымъ. Что то хулиганское, «большевицкое» было въ немъ и отъ взгляда Мишеля, насмѣшливаго и властнаго холодъ прошелъ по жиламъ полковника. Молніей пробѣжала мысль: — «трогать его нельзя. Нынѣшняя молодежь... Ей что?... Она и на отца руку подниметь... Или совсѣмъ уйдетъ... А онъ съ его шофферскимъ заработкомъ — главная опора семьи».

Полковникъ сталъ совать газету въ пасть собакѣ и говорить сердито, стараясь не глядѣть на сына.

— Пойди и перемѣни!... Пойди и перемѣни!

Мишель Строговъ все такъ же насмѣшливо, какъ взрослый на задурившаго ребенка смотрѣлъ на отца. Потомъ вздернулъ плечами, шмыгнулъ носомъ и, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ изъ комнаты. Его тяжелые башмаки загремѣли по лѣстницѣ. Звонко щелкнула желѣзная калитка палисадника.

— Позвольте мнѣ газету, Георгій Димитріевичъ, — сказала теща. — Я пойду и перемѣню вамъ ее.

Неонила Львовна была въ старомодной — изъ Россіи еще — черной шляпкѣ грибомъ, въ черномъ старомъ платьѣ, подобранномъ по манерѣ прабабушекъ резиновымъ пажомъ, въ порыжѣлой накидкѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. Она отобрала отъ полковника газету, крикнула собаку и пошла къ дверямъ. Топси, поджавъ хвостъ въ сознаниіи горькой обиды, покорно шла за нею. Въ прихожей она взяла въ зубы корзину. Это была другая ея обязанность — носить за «мамочкой» провизію.

Полковникъ, сердито фыркая, пилъ кофе. Противъ него сидѣла Ольга Сергѣевна.

— Хотя бы воспользовались случаемъ и хоть разъ почитали газету другого направленія. А то на все смо-

трите глазами «Возрожденія», — говорила она наигранно спокойно.

Полковникъ мрачно молчалъ. Онъ косился на часы, бывшіе у него на ремешкѣ на рукѣ и рассчитывалъ, успѣетъ онъ встрѣтить тещу, или проще самому взять у газетчика, да за одно и выругать его. И онъ придумывалъ слова, чтобы газетчикъ не слишкомъ обидѣлся. «Espèces de pouilles» — не сильно ли будетъ?... Хотѣлъ спросить у жены, да побоялся: — смѣяться надъ нимъ станетъ.

Они вышли вмѣстѣ. Молча, толкаясь раскрытыми зонтиками — полковникъ все никакъ не могъ научиться носить зонтикъ — спустились по узкой пѣшеходной дорожкѣ къ станціи. Молча сидѣли рядомъ въ вагонѣ и, когда вышли, — онъ пошелъ вверхъ по набережной, она направилась къ мосту съ золотыми статуями, самому красивому мосту въ Парижѣ, носившему гордое, славное и звучное имя: — «мостъ Императора Александра III».

Разставаясь они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Не кивнули другъ другу головой. Не улыбнулись ласково. Они все давно сказали другъ другу, и новыхъ ласковыхъ словъ у нихъ не было. Они не понимали одинъ другого и потому не могли простить, онъ ея холодности къ нему, она той тяжелой трудовой бѣдности, что смѣнила ихъ когда то безпечальное, красивое житіе въ прежней Россіи.

Этотъ мостъ съ золотыми статуями всякій разъ невольно блескомъ своего имени возвращалъ ее къ воспоминаніямъ Петербургскаго дѣтства. Печальная улыбка накладывала складки на ея еще красивое, увядающее лицо, и она шла, широко раскрывъ громадные, лучистые глаза и никого не видя. Она спотыкалась о каменные плиты, попадала ногою въ лужи и осуждала всѣхъ тѣхъ, кого считала виновниками потери прекраснаго прошлаго и въ ихъ числѣ и своего мужа.

«Георгій Димитріевичъ», — думала она. — «Какъ ей... тогда... казалось... Георгій Побѣдоносецъ... Димитрій Донской — побѣдитель татаръ на Куликовомъ по-

лѣ... И не побѣдоносецъ... Ку-у-да!... И чьи теперь побѣды, въ чьихъ рукахъ Куликово поле и берега Дона и Непрядвы?...»

VII.

Этотъ день былъ для Топси сложнымъ и труднымъ. Когда съ утра не повезетъ, то ужъ не повезетъ!

Но Топси съ честью вышла изъ труднаго положенія и Зося, «ами» Фирса Агафошкина, когда выслушала рассказъ Неонилы Львовны о всѣхъ подвигахъ Топси, хлопнула себя мокрыми руками по бедрамъ — она стирала Фирсово бѣлье — и, блистая свѣтло голубыми глазами, воскликнула:

— Алэ яки у насъ Топси, прошэ пани... Тэразъ вшысци о ней бэндонъ мувить...

И точно Топси отличилась на все мѣстечко. Она шла очень разсѣянная за Неонилой Львовной. Ея собачья совѣсть была смущена. Чѣмъ она такъ провинилась передъ полковникомъ?.. За что ее ругали и били?.. Она принесла какъ всегда газету?.. Что же такое случилось?..

Въ булочной было много народа. Неонила Львовна отобрала шесть простыхъ булочекъ для ужина и три хрустящихъ «круассана» себѣ для кофе, положила еще въ корзину большой вѣсовой хлѣбъ и все это сдала Топси. Въ своемъ разсѣянномъ съ утра состояннн Топси и не замѣтила, какъ старуха вышла изъ булочной. Топси выскочила на улицу съ корзиной въ зубахъ и посмотрѣла по сторонамъ. Нигдѣ не было видно старухи. Топси вернулась обратно, поставила корзину въ углу и сѣла рядомъ. Она думала: — «дождусь». Но сейчасъ же сообразила, что «мамочка» могла пойти рядомъ въ мясную. Топси выскочила было снова, но тотчасъ и вернулась.

«Развѣ можно въ теперешнее время оставить корзину съ булками?... Нынче народъ такой ненадежный. Вотъ, хоть взять того же Лимонадова? Съ газетой это

непремѣнно онъ чтонибудь подстроилъ. Пакость какуюнибудь сдѣлалъ!... Свиснетъ ктонибудь у меня корзину, а я отвѣчай... Люди!... Они такіе!... Отъ нихъ всего можно ожидать!...»

Булочникъ заинтересовался поведеніемъ собаки. Онъ, казалось, читалъ ея мысли. Это онъ все потому и рассказалъ «мадамъ Олтабассоффъ».

Топси между тѣмъ снова взяла корзину въ зубы и пошла съ нею искать Неонилу Львовну. Она, не входя въ мясную, оглянула глазомъ покупателей. Неонилы Львовны тамъ не было. Дошла до мелочной «épicerie», тамъ Неонила Львовна всегда брала масло. Нѣтъ... И тамъ не было старухи. Топси постояла у дверей въ раздумьи и пошла обратно въ булочную.

«Хватится меня, а не меня, такъ булокъ и придетъ «мамочка» обратно въ булочную. Не пойдетъ она до мой безъ своихъ хрустящихъ круассановъ. Теперь, когда всѣ ушли, самое то старухино счастье начинается. Усядется съ газетой и станетъ кофеи распивать».

Топси поставила корзину въ самый уголъ и легла рядомъ.

И точно — Неонила Львовна вернулась. Булочникъ рассказалъ ей всѣ собачьи маневры, и старуха ласкала собаку, впрочемъ не столько за ея умъ, сколько въ отместку за побои полковника. Они шли вмѣстѣ подъ мелко сѣющимъ дождемъ. Старуха подробно рассказывала собакѣ, какое наказаніе для нихъ всѣхъ отъ тупого солдафона полковника и какъ онъ сегодня былъ несправедливъ къ Топси, а та слушала ее, поднимая временами на нее желтые топазы своихъ глазъ и настораживая уши. Топси хотѣлось все рассказать про Лимонадова, да какъ скажешь, когда во рту тяжелая корзина съ провизіей и совсѣмъ не умѣешь говорить по человѣчески? Вилять хвостомъ?... Направо и налево?... Но это только Александръ Ивановичъ Купринъ знаетъ «пуделиный языкъ», а мамочка — та ничего не пойметъ».

Дома опять были рассказы про Топсинъ умъ... Восторговъ было не обратиться. Нифонтъ Ивановичъ ска-

заль: — «Экій умъ Господь всякой твари послалъ». Фирсова «ами» цѣловала собаку и повторяла: — Алэ яки у насъ Топси, панъ Нифонъ, тэразъ вшысци о ней бэндонъ мувить.

VII.

Задолго до того, какъ рѣзкою, надоѣдливою, заливистою трелью по всему сквозному домику зазвучалъ будильникъ Мишеля Строгова, когда еще было темно на дворѣ, и бѣдный разсвѣтъ не могъ пробиться сквозь туманы дождевой сѣтки — желтымъ огнемъ за-свѣтились узкія окна маленькаго подвальчика и на крыльцѣ появился старый Нифонтъ Ивановичъ.

Онъ въ черномъ пальтишкѣ, надѣтомъ поверхъ грубаго холщеваго бѣлья — еще съ Дона — въ деревянныхъ, французскихъ башмакахъ «сабо» на босу ногу и съ непокрытой головой. Щуря узкіе глаза, онъ подставляетъ лицо, лобъ и волосы холоднымъ каплямъ и жмурится, вглядываясь вдаль. Лучшее умываніе — Божья роса.

Въ мутныхъ проблескахъ свѣта его взоръ упирается въ высокую стѣну изъ тонкихъ плитокъ бетона со-сѣдняго дома, видитъ блеклыя черныя георгины и голыя сирени въ палисадникѣ, простую желѣзную рѣшетку, калитку и чуть бѣлѣющее пятно жестяного ящика для писемъ.

Онъ тяжело вздыхаетъ.

«А дома то что?» — съ тоскою думаетъ онъ. Съ отвращеніемъ вдыхаетъ утренній воздухъ и, несмотря на свѣжесть, широкими ноздрями большого носа ощущаетъ запахъ керосиновой и бензинной гари. Онъ слышитъ греготаніе большого города, міровой столицы, Вавилона ужаснаго.

Сколько разъ, вотъ такъ же по утрамъ онъ стоялъ на маленькомъ крылечкѣ бѣлой, мазаной хаты на хуторѣ Поповскомъ. И такъ же осенью была непогода и

съ noci сѣялъ маленькій дождь. Но тамъ утромъ!... Боже!... Какая красота была тамъ ранними зорями, даже и въ хмурные осенніе дни! Хата стояла на краю хутора. За низкимъ тыномъ, обвитымъ косматымъ терновникомъ чернѣла стель. И надъ нею — и какъ это всегда было красиво и полно Божьяго величія — подъ черными осенними тучами золотой разсвѣтъ пылалъ. Въ тѣ часы подъ такимъ же... да никогда не подъ такимъ, а подъ свѣжимъ душистымъ, съ неба спадающимъ дождекомъ сами собою Давидовы псалмы лѣзли на память и удивительныя молитвы слагались въ головѣ.

«Господи, отрада моя, прибѣжище мое, красота міра Твоего передо мною и къ Тебѣ простираю руки мои».

А какой густой терпкій духъ полыни и этого особаго степного, земляного воздуха шелъ отъ широкой дали! Вдругъ перебьетъ его соломенной гарью — у сѣда, знать, печь растапливать стали, — отнесетъ дымокъ въ сторону, и опять запахъ земли, безпредѣльной степи и стараго жнивья. Отъ большой скирды хлѣбомъ пахнетъ. Навозомъ отъ сарайчика. Овцами изъ недалекой, камнями обложенной кошары... И народятся звуки. Запоютъ третьи пѣтухи, залаетъ собака у Байдалаковыхъ, и ей отвѣтятъ другія по всему хутору. И потомъ вдругъ на минуту все смолкнетъ. Станетъ тогда слышно, какъ вздыхаютъ лошади, со звономъ льется молоко въ ведро. Значить, тетка Марья съ Аниськой пришли доить коровъ.

— Да... Хорошо!... Ахъ хорошо!...

Нифонтъ Ивановичъ замѣчаетъ, что пальтишко его намокло и съ сѣдыхъ прядей холодныя капли бѣгутъ по бритымъ щекамъ и падаютъ на сѣдые усы.

Пора за работу.

На маленькой газовой плиткѣ, въ жестяномъ чайникѣ ключомъ кипитъ вода. Чернѣетъ рядомъ въ кастрюлькѣ, плаваясь, вонючій сапожный варъ.

— Фирсъ, — кричитъ старикъ за перегородку.

Оттуда слышенъ шопоть, смѣшокъ, будто поцѣлуи, шлепокъ по спинѣ, и появляется Фирсъ, невымытый, лохматый, по модѣ остриженный — колна волосъ на темени, а надъ ушами такъ гладко острижено, что скво-

зить желтая кожа. Лицо кругомъ бритое — на казака совсѣмъ не похожій. На бѣлую съ голубыми полосками рубашку, безъ воротника и безъ галстука, накинуть потрепанный пиджачишко, штаны въ полоску спускаются едва до щиколотокъ, а на большихъ ногахъ обуты толстоносые американскіе рыжіе ботинки.

— Здравствуйте, дѣдушка, Нифонтъ Ивановичъ, — развязно говоритъ Фирсъ.

— Ты, братъ, раньше морду да лапы помой, да Богу помолись, а тады уже здоровкайся.

Фирсъ идетъ къ умывальнику съ проведенной водой въ углу комнаты и плещется тамъ. Потомъ у зеркала расчесываетъ жесткіе, перьями торчащіе волосы и подходитъ къ дѣду, протягивая руку съ широкою ладонью.

— Бонжуръ гран-пэръ, — говоритъ онъ, громко фыркая. Ему нравится его шутка.

— Обормоть... Право обормоть, — ворчитъ дѣдъ, — А ты что же Богу то молился?

— Какъ я могу молиться, Нифонтъ Ивановичъ, коли ежели я сомнѣваюсь? Кругомъ, можно сказать, такая культура... Автомобили, метрополитэнъ, Тур - д - Эйфель, Трокадеро... — Тутъ молитва мнѣ кажется жестокой сарказмой.

— Обормоть... И въ кого ты такой дурной уродился?..

— Ну, что вы, Нифонтъ Ивановичъ, одно слово затвердили... Тутъ такое образованіе... Права человекъ... Рентабельность...

— Ты... Образованный... — сердито кричитъ дѣдъ. — Ты какъ дратву то держишь. Ты мнѣ эдакъ только товаръ портишь... Образованный... Тебѣ сколько годовъ?

— Двадцать третій пошелъ.

— Это тебѣ уже въ первой очереди служить... Я въ твои годы какъ джигитовалъ... Ты на лошадь сѣсть не сможешь!... Образованный... Съ какой стороны къ ей подойти такъ и то не знаешь.

— Съ правой... Нѣтъ... съ лѣвой... Конечно, съ лѣвой.

— Съ лѣвой... Дурной... Ты къ ей подходи такъ, чтобы она тебя издаля восчувствовала. Уваженіе тебѣ оказала. Ты къ ей съ любовью... Огладь!... Осмотри!... Чтобы большой палецъ подъ подпругу пролѣзалъ... За луку потрогай... Поводъ разбери... А тады уже садись по приему, какъ учили... Вотъ это тебѣ красота будетъ.

— Что жъ, Нифонтъ Иванычъ, старья то пѣсни пѣть. Нынче, какая такая лошадь?... Ее теперь можетъ въ зоологическомъ саду только и сыщешь. Теперь — машина. Еропланы по небу, таньки по землѣ. Я видаль войну то въ синема. Совсѣмъ даже не такъ, какъ вы рассказываете... Люди въ землѣ закопались... Лошади нигдѣ и не видать... Людей на каміонахъ везутъ... Соскочутъ и заразъ въ землю ушли... Тамъ бетонъ... Газы... Вотъ она война то такъ обернулась... Да и теперь, какая такая война, когда Лига Націй и образовательный милитаризмъ.

— Обормоть...

Старикъ наклоняется подлѣ низко опущенной электрической лампочки и стучитъ молоткомъ по кожѣ, натянутой на деревянную колодку.

Такъ работаетъ онъ, молча, хмуро, сердито сверкая сѣрыми глазами, пока не услышитъ голосъ полковника:

— Нифонтъ Иванычъ, откройте собакѣ дверь.

XI.

День проходитъ въ работѣ. Нифонтъ Ивановичъ и Фирсъ тачаютъ сапоги, подбиваютъ подметки, наставляютъ каблуки, ставятъ заплатки — работа черная, дешевая, неблагодарная. Весь уголь подвала заваленъ старыми башмаками съ мѣловыми отмѣтками на рваныхъ подошвахъ, и нудно пахнетъ отъ нихъ старою кожею и людскою, нечистою прѣлью. Рядомъ Зося готовитъ обѣдъ и тутъ же стираетъ бѣлье.

Обѣдаютъ молча. Дѣловито суютъ ложки въ общій

чугунокъ, тарелки обтирають корками бѣлаго хлѣба.

Послѣ обѣда Нифонтъ Ивановичъ дремлетъ часокъ на своей постели. Рядомъ за перегородкой шушукуются, охаютъ и вздыхаютъ Фирсъ съ Зосей. Нифонтъ Ивановичъ молчитъ. «Что жъ дѣло молодое», — думаетъ онъ. — «Нехорошо, что съ полькой... И опять же... Невѣнчаные»...

Съ двухъ часовъ снова стучать молотки, снуетъ игла съ дратвой, шило ковыряетъ кожу. Пахнетъ казачьими щами и варенымъ мясомъ, но постепенно этотъ запахъ сѣдается запахомъ сапожнаго лака. Малиново-коричневая, блестящая подошва новыхъ подметокъ чинно выстраиваются на окнѣ.

— Тутъ этого... Деревянныхъ гвоздей никакъ не знаютъ... Тутъ все машиной... А какой съ ей прокъ... Съ машины то... Двѣ недѣли поносилъ и дырка, — ворчитъ старый дѣдъ. — А онъ ожерелокъ да халстукъ нацѣпить и ховорить: — культура!...

Онъ ждетъ шести часовъ. Тогда можно пошабашить.

Покончивъ съ работой Нифонтъ Ивановичъ поднимается къ полковницкой квартирѣ и, хотя — вотъ она кнопка электрическаго звонка, — онъ осторожно стучитъ.

— Вы, Нифонтъ Иванычъ? — отзывается изъ своей комнаты Неонила Львовна.

— Я, ваше превосходительство.

Нифонтъ Ивановичъ отлично знаетъ, что Неонила Львовна совсѣмъ не генеральша, и мужъ ея былъ по гражданской части, но знаетъ и то, что «масломъ каши не испортишь».

— Дозвольте газетку.

Получивъ газету, Нифонтъ Ивановичъ спускается въ палисадникъ и садится на «вольномъ воздухѣ» читать.

Читаетъ онъ медленно. Читаетъ онъ всю первую и послѣднюю страницы, пропуская фельетоны. «Тамъ зря пишутъ... Брехня одна»... Онъ поджидаетъ полковника. Нордековъ возвращается въ половину седьмого, и

какъ бы ни былъ усталымъ, — всегда присядеть поболтать со старымъ казакомъ. Въ немъ онъ чувствуетъ чело-вѣка единомышленнаго, одинаково сильно страдаю-щаго за Россію и не могущаго примириться съ жизнью заграницей.

Едва полковникъ показывается у желѣзной рѣшетки, Нифонтъ Ивановичъ поднимается со скамейки, вытягивается и, если былъ въ шапкѣ, снимаетъ шапку. Нифонтъ Ивановичъ не любитъ носить шляпы.

— Уже очень неподобные тутъ уборы, — объ-яснялъ онъ свое нерасположеніе къ заграничнымъ шля-памъ. — Котелки — на нѣмца похоже... Фулиганскія шляпы — ну чисто — «товарищи»... Мягкую шляпу взять — не то тальянецъ, не то ахтеръ.

— Здравствуйте, Нифонтъ Ивановичъ, — зашелки-вая калитку, говоритъ полковникъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе.

— Ну, какъ вы?

— Какъ вы, ваше высокоблагородіе?... Не слышали ли чего утѣшительнаго? Можетъ изъ Россіи что слыш-но?... На Тихомъ Дону не подымаются ли наши?... Что Бріанъ насчетъ перемѣны политики?... Пора бы, ка-жется, суть дѣла понять... Уже кругомъ идетъ... Хуже некуда!... Можетъ дѣдъ Хинденбургхъ чего не наду-малъ?... Али по прежнему съ большевиками?... съ хри-стопродавцами?...

Ничего утѣшительнаго не было слышно. Дни шли за днями, вытягиваясь въ длинную очередь, становились годами, и нечего было сказать полковнику Нордекову старому казаку Агафошкину такого, отъ чего дружно надеждою забились бы ихъ сердца.

— Что жъ, ваше высокоблагородіе, — съ тоскою въ голосѣ говорилъ Нифонтъ Ивановичъ, — пора, на-конецъ, и въ походъ. Нюжли же не увидимъ родной земли? Тихому Дону не поклонимся низко?...

Тогда говорилъ полковникъ все то, что слышалъ на ихъ собраніяхъ, что прочиталъ въ газетахъ, во что и самъ не вѣрилъ, но чему такъ хотѣлъ вѣрить.

— Да... да... конечно... Положеніе кругомъ и точно напряженно тяжелое. Въ Англии Макдональдъ и Гендер-

сонъ — рабочее правительство. Они не понимаютъ того, что творится въ Россіи... Они думаютъ, что тамъ и правда рабоче крестьянская власть.

— А не куплены они, бываетъ, ваше высокоблагородіе? — тихо вставляетъ Нифонтъ Ивановичъ.

— Нѣтъ.. не думаю... Не можетъ того быть... Хотя?... Отчего?... Теперь все можетъ быть... Германія задушена Версальскимъ миромъ и ищетъ спасенія въ большевикахъ... Все это точно вѣрно... Но отчаяваться нечего. Просвѣтъ есть... Вы посмотрите, повсюду идутъ протесты противъ гоненій на вѣру, собираются многолюдные митинги... Работаетъ Лига Обера...

— Имъ, ваше высокоблагородіе, протесты что!... Имъ надо, чтобы по шапкѣ наклали по первое число. Нагайками ихъ какъ слѣдуетъ надо бы...

— Все таки... И въ самой Россіи... Пятилѣтка имъ не удастся... А когда послѣ этого страшнаго напряженія будетъ все тотъ же голодъ, та же нищета... Народъ непременно возстанетъ...

Нифонтъ Ивановичъ тяжело вздыхаетъ.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, трудно ему возстать. У нихъ сила...

— Отчаяваться, Нифонтъ Ивановичъ не приходится. Отчаяніе это уже послѣднее дѣло. Надо вѣрить въ милосердіе Божіе и молиться.

— Это точно... А только...

Нифонтъ Ивановичъ растерянно мнетъ въ рукахъ газету.

— Вѣра, ваше высокоблагородіе, отходить... Мой Фирсъ отъ Бога отошелъ. Мамашу вашу, ея превосходительство, взять... Я осуждать, конечно, не смѣю... Лба никогда не перекрестить... А образованныя очень... Да и какъ быть вѣрѣ, когда въ самой церкви шатаніе идетъ.

Нифонтъ Ивановичъ смущенно какъ то показываетъ мѣсто на послѣдней страницѣ, и полковникъ читаетъ: — «церковь... Въ воскресеньи... митрополичьимъ хоромъ... Подъ управленіемъ.. будетъ исполнена литургія А. Т. Гречанинова...»

Полковникъ поднимаетъ на Нифонта Ивановича глаза.

— Ну?

— Вы изволили прочесть?... «Начало въ десять часовъ тридцать минутъ утра»... Это что же такое?... Какъ с киятрѣ объявляютъ... Нѣтъ тебѣ, чтобы трезвономъ въ колоколь ударить... По православному... Нѣтъ, какъ о смотрѣ какомъ пишутъ: — начало!... Вы понимаете: — «начало»!!... Опять же, ваше высокоблагородіе... Литургія... Какая бываетъ литургія?... Какъ положено... Іоанна Златоуста... Василия Великаго, когда какая указана. Это какая же такая литургія Гречанинова?... Соблазнъ челоуѣкамъ... Тамъ жертва великая, безкровная у алтаря приносится... Тамъ предстоять надо со страхомъ и трепетомъ... Тамъ Ликъ Божественный видѣть можно... Тамъ херувимы и серафимы... А тутъ, какъ въ Парамунтѣ какомъ господа въ гусарскихъ мундирахъ зазываютъ. «Впервые будетъ исполнено»... «Начало въ десять съ половиною часовъ»... Это же, ваше высокоблагородіе, только господа такое могли придумать. которые, какъ ваша мамаша невѣрующіе...

— Это не такъ, Нифонтъ Ивановичъ, — начинаетъ сбѣяснять полковникъ, и не находитъ словъ объяснить Нифонту Ивановичу, зачѣмъ это такъ дѣлается.

— Это, ваше высокоблагородіе, Парижъ, — говоритъ старый Агафоскинъ и въ это слово вкладываетъ весь ужасъ своего отчаянія.

Онъ смотритъ на ворота переулочка.

— Ну, ваше высокоблагородіе, пошабашимъ до завтра. Барыня ваша идутъ.. возвращаются.

И какъ два школьника, боящіеся попасться въ запрещенномъ куреніи, они быстро шмыгаютъ изъ садика. Нифонтъ Ивановичъ сбѣгаетъ въ подвалъ, полковникъ торопливо поднимается во второй этажъ и нажимаетъ пуговку электрическаго звонка. Его сердце быстро бьется. Онъ торопится войти такъ, чтобы Ольга Сергѣевна не замѣтила его на лѣстницѣ.

Х.

Такъ и жили они, обитатели виллы «Les Cocci-nelles» въ № 24 по rue de la Gare маленькаго припарижскаго мѣстечка. Раньше, когда они были въ Россіи, до войны, ихъ жизни сливались въ одну общую, какъ сливались жизни полковника, Ольги Сергѣевны и Шуры. Тогда была у нихъ одна общая вѣра въ Бога — не Карловацкая и не Евлогіанская, не восточно-католическая и не краснаго епископа, присланнаго изъ Совдепіи. Тогда было все равно, куда ходить молиться — въ аристократическую церковь при министерствѣ Удѣловъ, или молиться со «всѣми» во Владимірскомъ соборѣ, или другой «приходской» церкви. Вѣра была одна — православная. И служители ея не вызывали никакихъ сомнѣній.

Тогда былъ Царь. Государь Императоръ, о комъ благолѣпно, величественно и благоговѣйно возглашали моленія въ церквахъ всей Россіи. Когда незадолго до войны пріѣзжалъ Государь въ Ялту — Ольга Сергѣевна видѣла путь къ молу чуть не по ступицу колесъ усыпанный цвѣтами:—розы, глициніи, нарциссы, магноліи, — все дождемъ сыпалось подъ ноги лошадей вѣнценоснаго Монарха и его супруги — Матушки Царицы... Какое возбужденіе, какой восторгъ были на Ялтинскомъ молу, гдѣ Императрицей былъ устроенъ благотворительный базаръ и гдѣ стояла ошвартованная у мола Императорская яхта.

Тогда было — Отечество. Не Украина, не Польша, не Казакстанъ, не Армянская республика, но великая Россійская Имперія — владычица трехъ океановъ. Отъ Калиша до Владивостока, отъ Торнео до Батума — все была одна Россія, съ однимъ языкомъ, съ однимъ царемъ, съ разными религіями, но съ одною святою вѣрою.

Если и тогда не всѣ жизни сливались въ одну линію, стремящуюся къ одной цѣли — карьерной ли, обогащенію ли, къ славѣ ли, къ благополучію, къ жерт-

венному ли исполненію долга, то шли онѣ параллельно, какъ шли тогда жизни полковника и Нифонта Ивановича. Другъ друга тогда они не знали, но въ своемъ служеніи Родинѣ и царю были совершенно единомышленны.

Теперь, когда, какъ то вдругъ и совершенно неожиданно — не на то они рассчитывали, когда одни сознательно, другіе бессознательно шли за границу — вышло такъ, что не стало у нихъ Родины, стали они «sans Patrie», «Heimatlos» «бѣженцы», «эмигранты», вдругъ и жизни ихъ разошлись и, исходя изъ одной точки —виллы «Les Coccinelles» — стремительно, пучкомъ уходили въ разныя стороны, гдѣ были разныя понятія, разные идеалы, гдѣ не было дружбы и любви, но гдѣ были скрытая вражда и непониманіе другъ друга.

Все дальше отходила Ольга Сергѣевна отъ полковника. И жутко было слушать Георгію Димитріевичу, какъ иногда, узнавъ, что онъ сдѣлалъ взносъ въ полковое объединеніе — она фыркала и со злобою ворчала:

— Игра въ солдатики... Все бросить этого не можете?... Музей полка... Могила дорогого покойника... Кладбище старыхъ мечтаній... Разбитое корыто... Не зачѣмъ было мѣнять Государя на временное правительство... Домѣнялись!... Проворонили все!!...

Полковникъ тогда до верху застегивалъ свое крашеное англійское пальто, поднималъ воротникъ и уходилъ изъ дома. Онъ шелъ на берегъ Сены и долго ходилъ взадъ и впередъ, ничего не видя, никого не замѣчая. Все то, что такъ жестоко и больно осуждала Ольга Сергѣевна было для полковника — вѣрой. Вѣрой въ побѣду, въ возвратъ того стараго, лучше чего не было въ его жизни. Потерять эту вѣру... И что останется?... Вилла «Les Coccinelles»?...

Когда старуха Неонила Львовна вдругъ пускалась — обыкновенно послѣ вечерняго чая — въ свою философію и, куря папиросу за папиросой, рассказывала о стратосферѣ, объ электронахъ, энергія которыхъ такъ велика, что всякаго бога затмитъ, о томъ, что на высотѣ пяти километровъ воздухъ такъ чистъ и заряженъ

электричествомъ, что тамъ никакія болѣзни невозможны, полковникъ сосредоточенно и мрачно курилъ.

— Какъ же, — говорила Неонила Львовна, пыхая папиросой и съ ненавистью глядя въ лицо полковника. — Ученый одинъ.. Французъ, конечно... Устроилъ свою лабораторію на самомъ на Мон-Бланѣ. И что то изъ него... изъ его тѣла стало выдѣляться. Онъ отжалъ и собралъ цѣлую коробку... Произвелъ анализъ... Вся мочева кислота, что была въ немъ, вышла безъ всякихъ тамъ уродоналовъ, Виши и прочаго... Онъ совсѣмъ помолодѣлъ... Живой такой сталъ... Здоровый... Будетъ время — города будутъ поднимать на пять километровъ и даже и выше, въ стратосферу. И тамъ будутъ жить вѣчно... Безъ всякаго Бога... Вотъ оно что такое современная наука!

Она упрямо вскидывала голову, и сѣдя космы встряхивались на ея затылкѣ. Ольга Сергѣевна съ недоумѣніемъ, но безъ всякой любви смотрѣла на «мамочку». Полковникъ глядѣлъ съ отвращеніемъ. Мишель Строговъ слушалъ внимательно, сурово глядя въ ея лицо узко поставленными, напряженными глазами.

— Этого, бабушка, нельзя, — вдругъ строго и внушительно перебилъ онъ старуху. — Никакъ этого нельзя, бабушка. Теперь вотъ трудящемуся человѣку послѣ шестидесяти лѣтъ работы не даютъ... И правильно... Не загромождай мѣста... Давай дорогу молодымъ силамъ... А въ будущемъ? Я такъ полагаю, недалеко даже будемъ — какъ стукнуло шестьдесятъ — ну и не дыши... Очищай землю отъ своего ненужнаго присутствія... Дали нюхнуть тамъ чего — и готово... Вотъ это наука!... Это культура!... Къ тому идемъ, бабушка.

Нѣсколько мгновений старуха со страхомъ, Мишель Строговъ съ холоднымъ любопытствомъ смотрѣли въ глаза другъ другу. Потомъ всѣ, точно сговорившись, не прощаясь, не пожелавъ другъ другу «спокойной ночи» — какая сентиментальность — расходились по своимъ комнатамъ.

Ну развѣ не шли они по линіямъ, уходящимъ все дальше и дальше другъ отъ друга... Развѣ было у нихъ что нибудь общее, что связывало бы ихъ, кромѣ зара-

ботной платы и возможности платить за «Les Coccinelles» и какъ то питаться?...

Только съ Нифонтомъ Ивановичемъ и было у полковника нѣчто общее. Оба шли, какъ будто, по близкимъ параллельнымъ линиямъ, тосковали одинаково по прошлому и ждали и вѣрили.

Да... крѣпко, несокрушимо, не колеблясь, вѣрили...

И все-таки все больше было тоски и скорби въ голосѣ стараго казака, когда онъ спрашивалъ — и теперь все болѣе и болѣе несмѣло — «что утѣшительнаго привезли, ваше высокоблагородіе, изъ Парижа?... Не надумали ли чего въ Палатѣ Депутатовъ въ помощь Россіи?...»

Но ничего уже утѣшительнаго не могъ рассказать дѣду Агафошкину старѣющій полковникъ Нордековъ.

Такъ и жили они всѣ вмѣстѣ, въ одномъ маленькомъ, точно карточномъ домикѣ, гдѣ будиль ихъ всѣхъ по утрамъ будильникъ Мишеля Строгова. Казалось въ этой борьбѣ, не за жизнь уже, но просто за прозябаніе, они забыли, что есть на землѣ любовь, слава, честолюбіе, что есть гдѣ то Родина, за которую надо непрерывно бороться...

XI.

Въ яркій ноябрьскій полдень, когда надъ Парижемъ вдругъ точно разостлали голубое Ницское небо, и воздухъ сталъ прозраченъ, а Сена голубѣла, зеленѣла и текла подноводная отъ пролившихъ дождей, заливая колѣни каменнымъ статуямъ зуавовъ на Парижскомъ мосту, совсѣмъ неожиданно, прямо съ вокзала на такси, на виллу «Les Coccinelles» приѣхала изъ Союза Совѣтскихъ социалистическихъ республикъ, изъ Россіи, изъ Петербурга племянница Ольги Сергѣевны — Леночка.

Впрочемъ ея появленіе не должно было быть такъ

уже неожиданнымъ. Ее ждали, но какъ то не вѣрили, что она пріѣдетъ. Ибо какъ можно оттуда пріѣхать?...

У «мамочки», Неонилы Львовны Олтабасовой, былъ младшій братъ, Алексѣй Львовичъ, крупный чиновникъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на видномъ посту. Онъ умеръ въ тюрьмѣ еще при Временномъ Правительствѣ. У него была дочь Софья Алексѣевна, вышедшая замужъ за доктора Зобонецкаго. Докторъ Зобонецкій въ 1920 году умеръ отъ голода. Вдова осталась съ шестилѣтней дочерью Леночкой и проживала въ Троцкѣ, подъ Петербургомъ. Вдова Олтабасова, Александра Петровна, бабушка Леночки, умудрялась регулярно переписываться съ Неонилой Львовной, и по этой перепискѣ на виллѣ «Les Coccinelles» кое-что знали о жизни въ совѣтской республикѣ.

Было всегда почему то жутко получать письма, большею частью открытыя, гдѣ коротко, Эзоповскимъ языкомъ сообщалось о той страшной жизни. Почтовая карточка переходила изъ рукъ въ руки. Внимательно, какъ что то чуждое и, пожалуй, враждебное разсматривали коричневую, напечатанную въ углу марку съ изображеніемъ космато - бородатаго мужика съ густыми волосами копной и четко оттиснутый почтовый штемпель съ такимъ страннымъ и дикимъ словомъ Русскими буквами: — «Ленинград», «4 эксп.»... Въ лѣвомъ углу было изображеніе земного шара, перечеркнутаго бѣлымъ оттискомъ серпа и молота въ вѣнкѣ изъ ржи, обвитомъ лентою съ такими мелкими, что только одни зоркіе глаза Мишеля Строгова могли прочитать — да и прочитать ли? — вѣрнѣе догадаться — надписями: — «пролетарии всехъ странъ соединяйтесь»...

Карточка обычно была написана или карандашомъ, или какими то блѣдными лиловыми чернилами, вѣроятно разбавленными водою, такими, какихъ за граница не знаетъ. Съ лицевой стороны и, надо полагать, на зло, — въ этомъ сказывался характеръ Олтабасовой, тамъ, гдѣ стояло: — «Куда» — «наименование места, где находится почта, и губернии или округа, а для станцій наименование железной дороги» — было написано твердымъ размашистымъ почеркомъ: — «Madame Neonile

Oltabassoff», а пониже шелъ адресъ, по французски, и тамъ, гдѣ значилось: — «Кому. Подробное наименованіе адресата» — стояло: — «Франція. Париж».

Въ письмѣ, всегда по старой орѳографіи, писали о чемъ то загадочномъ, за чѣмъ скрывалось ужасное.

...«Дядя Петя, совсѣмъ того не желая, уѣхалъ очень далеко. Александръ Сергѣевичъ, о которомъ я писала, что онъ получилъ казенное мѣсто совсѣмъ къ намъ никогда не воротится. А мы живемъ хорошо и ни въ чемъ, кромѣ развѣ хорошаго воздуха, не нуждаемся. Въ смыслѣ кормежки было трудно и дорого. Братъ у частника многое не могу, но все таки кое что перепадало. Ты мнѣ не пиши. Нечего писать: — все про тебя знаемъ и жалѣемъ. Погода испортилась, опять пошли дожди»...

Собравшись вокругъ лампы въ комнатѣ Неонила Львовны письмо расшифровали.

— Дядю Петю очевидно сослали въ Соловки, — печально говорила Ольга Сергѣевна.

— Ну можетъ быть еще и въ Нарымъ, — вставилъ хмуро полковникъ.

— Жаль... А надо было ожидать. Не такой былъ человѣкъ, чтобы гнуться.

— А про дожди — это, мамочка, про разстрѣлы.

— Да, — вздыхала Неонила Львовна, — опять терроръ. — И, забывъ про свои «винтики», съ глубокою печалью въ голосъ добавляла: — ну, никто, какъ Богъ.

Въ эти минуты чтенія короткой открытки «оттуда», точно вдругъ сходились расходящіяся линіи ихъ жизней. Дуновеніе Родины сближало ихъ, и разошедшаяся семья снова ненадолго собиралась.

И на другой день, когда Нордековъ возвращался со службы, старый Нифонтъ Ивановичъ поджидалъ его у самой калитки и, вкрадчиво и любовно заглядывая полковнику въ глаза, спрашивалъ:

— Слышать, ваше высокоблагородіе, ихъ превосходительство письмо изъ Россіи получили... Ну что тамъ пишутъ?... Скоро ли окончаніе всей этой муки?...

И странно было думать, что полученіе открытки изъ Петербурга въ Парижѣ, отъ вдовы тестя — событіе, и что нельзя было написать туда все, что думаешь, что

это грозило для получателя арестомъ, тюрьмою, можетъ быть, — смертною казнью. И уже никакъ нельзя было поѣхать туда, навѣстить вдову тестя, племянницу и поглядѣть на внуку.

Но еще страннѣе было то, что такъ просто, какъ къ чему то неизбѣжному и неотвратимому относились къ тому, что дядю Петю, ученаго профессора, ушедшаго въ свои гербаріи, о которомъ нельзя было даже представить, что онъ сдѣлаетъ что нибудь противозаконное, такъ — «здорово живешь» — сослали въ ссылку, или что Александра Сергѣевича — ихъ большого друга, товарища Георгія Димитріевича, ни за что ни про что разстрѣляли. Объ этомъ говорили съ какимъ то эпическимъ спокойствіемъ, какъ о нормальной смерти ста двадцати лѣтняго старика, не возмущались, не плакали, не служили панихидь.

Иногда Александра Петровна писала и о Леночкѣ.

...«Леночка поступила въ школу второй ступени...»
«...Леночка кончила школу второй ступени»...

Невозможно было представить себѣ Леночку въ совѣтской школѣ. Чему тамъ учили? Какъ воспитывали?... Ольга Сергѣевна возмущалась, что тамъ школа была безъ Бога, а «мамочка» скорбѣла, что Леночка навѣрно не говоритъ по французски.

— Развѣ что Александра Петровна ее научить.

Этимъ лѣтомъ пришелъ конвертъ, надписанный рукою старухи Олтабасовой. Въ немъ не было письма, но лежала вырѣзка изъ газеты. Съ одной стороны были отчеты о театрахъ... «Въ Филармонии»... «Подсчитали — прослезились», гдѣ рассказывалось о крахѣ какого то совершенно непонятнаго «театрального отдела кубуча».

На другой сторонѣ была небольшая замѣтка: — «В суде. Жилкошмар», подписанная Н. С—скимъ. Эту замѣтку прочитали. Была полна она такого ужаса, что даже не сразу могли понять весь смыслъ ея содержанія.

Авторъ коротко и сухо, — стоитъ ли много писать о такомъ обыкновенномъ въ совѣтскомъ быту происшествіи — повѣствовалъ:

...«Сухое обвинительное заключеніе говорить о дикомъ кошмарѣ, и о томъ, какъ изъ за нѣсколькихъ метровъ жилплощади не дали жить человѣку. Убили его не просто, а предварительно затравивъ.

«26-го сентября прошлаго года, послѣ прохода поѣзда изъ Ленинграда на Лугу, на 43 километрѣ Варшавской дороги, былъ найденъ перерѣзанный колесами трупъ неизвѣстной женщины. Голова была пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ, тѣло исковеркано, но крови вытекло очень мало. Это вынудило врача отказаться отъ дачи заключенія о причинѣ смерти гражданки Софіи Зобонецкой.

«Зобонецкая съ дочерью Еленой снимала двѣ комнаты въ домѣ, арендованномъ Андреемъ Аггусомъ по улицѣ Юнаго Ленина въ Троцкѣ. Семья Аггуса была очень не мала, кромѣ того, онъ поселилъ у себя семью Древицкихъ. Тамъ же жила гражданка Барашкина.

«Аггусъ усиленно таскалъ Зобонецкую по судамъ, обвиняя ее то въ умышленной порчѣ комнаты, то «въ нагломъ поведеніи и ругани». Помогали Аггусу въ этихъ судебныхъ похожденияхъ мужъ его сестры, членъ Троцкого горсовѣта и жиличка Барашкина.

«Тѣмъ не менѣе выселить Зобонецкую имъ не удалось. Для того, чтобы «допечь» Зобонецкую, Аггусъ не гнушался подсылать къ ней пьяныхъ гробовщиковъ, якобы за срочнымъ заказомъ.

«Наконецъ, Зобонецкая была найдена мертвой на рельсахъ.

«Аггусъ за бутылкою вина рассказалъ всю исторію расправы съ Зобонецкой. Онъ оглушилъ ее ударомъ гири по головѣ на площадкѣ вагона, въ которомъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Зобонецкой въ Ленинградъ по какому то вымышленному, срочному дѣлу. Доканавъ старуху, онъ сбросилъ ее на полотно, въ заранѣе условленномъ мѣстѣ, гдѣ дожидались жена его и жиличка Барашкина, которой за содѣйствіе было обѣщано перевести ее въ лучшую комнату. Они и подложили трупъ подъ поѣздъ, чтобы замести слѣды.

«Барашкина черезъ два мѣсяца не вынесла угрызений совѣсти и отравилась.

«Не довольствуясь убійствомъ, Аггусъ укралъ всѣ цѣнныя вещи Зобонецкой, хранившіяся на чердакѣ.

«Дѣло объ убійствѣ изъ за жилплощади на дняхъ будетъ слушаться въ Окружномъ судѣ...»

Когда прочли это газетное извѣстіе, какъ всегда всякую вѣсточку «оттуда», всею семьєю, за вечернимъ чаемъ, Ольга Сергѣевна почувствовала, что на нее это кошмарное убійство не произвело впечатлѣнія. Оно не входило, не умѣщалось въ рамки ихъ Парижской жизни. Потомъ, изъ короткаго обмѣна мнѣній съ мужемъ и «мамочкой», — она убѣдилась въ томъ, что ихъ поразило не самое убійство — къ убійству они отнеслись холодно: — иначе и быть не могло въ совѣтскомъ раю — но ихъ удивило, что у Зобонецкой могли быть цѣнныя вещи. Значить, не все отобрали. А еще болѣе поразило ихъ, что убійца былъ арестованъ, что пособница Барашкина изъ за угрызеній совѣсти отравилась, а самое дѣло будетъ слушаться въ окружномъ судѣ.

Имъ все въ совѣтской республикѣ казалось такимъ кошмарнымъ сномъ, такую чудовищною неразберихою, что убійство близкаго человѣка ихъ не поразило — оно входило въ совѣтскій бытъ, какъ входили въ него бессмысленные аресты и казни невинныхъ людей. Ихъ поразило, что тамъ все таки была какая то жизнь и вмѣстѣ съ нею какая то правда, въ которую входили и угрызенія совѣсти и арестъ убійцъ и преданіе ихъ суду.

Повидимому и на самага близкаго человѣка къ Зобонецкой, на ея мать, самый фактъ убійства тоже не произвелъ большого впечатлѣнія. Въ очередномъ письмѣ открыткѣ ничего по этому поводу не писалось. Старая Олтабасова помянула только про внучку.

...«Леночка поселилась у меня»...

Потомъ пришло извѣстіе, что такъ какъ Леночка выросла, она озабочена ея будущимъ: — «хлопочу послать Леночку къ вамъ и это мнѣ повидимому удастся»...

Потомъ очень долго не было писемъ, и, такъ какъ ни денегъ, ни визъ ни откуда не просили, то какъ то и позабыли о томъ, что Леночку посылаютъ въ Парижъ. Да и казалось это такимъ невозможнымъ... «О т т у д а и въ Парижъ»!...

И вдругъ Леночка явилась сама, что называется — «собственною персоной» и совсѣмъ не робко, но увѣренно позвонила въ дребезжащій звонокъ въ переулочкѣ у дома, имѣвшаго номеръ 24-ый.

XII.

Леночка ощутила странную легкость, когда отдала шоферу такси послѣдніе восемнадцать франковъ, показанныя счетчикомъ, прибавила два франка на чай, и у ней осталась какая то мелочь — дырявые сантимы и темно мѣдные су.

Она была въ блѣдно-голубой, блеклаго, вялаго цвѣта высыхающихъ васильковъ шляпкѣ колпачкѣ, въ короткомъ, выше колѣнъ, не модномъ уже платьѣ и кофточкѣ. Все было очень старое и заношенное. Особенно плохи были чулки желто-розоваго цвѣта и всѣ въ штюпкахъ. Башмаки были стоптаны, и на пескѣ, гдѣ стояла Леночка, переминаясь съ ноги на ногу, выдавливали маленькій слѣдокъ ея ножки, и въ немъ отпечатывалась глубокая дырка на подошвѣ.

Она позвонила еще разъ. Никто не открывалъ калитки. Крошечные домики въ паутинѣ плюща, съ окнами, заставленными ставнями, точно склеенные изъ картона казались необитаемыми. Но на веревкѣ палисадника между ржавыхъ георгинъ сушилось бѣлье и изъ калитки вдругъ выскочила большая темная собака и съ лаемъ бросилась къ воротамъ.

Леночка испугалась. Но собака понюхала воздухъ, посмотрѣла желтыми, умными глазами въ глаза дѣвушка и, толкнувъ носомъ калитку, выскочила на улицу и убѣжала.

Леночка, убѣдившись, что калитка не замкнута, вошла въ узкій дворикъ тупичокъ. Справа были высокія слѣпныя стѣны сосѣдняго дома, слѣва палисадники и маленькія дачки. Леночка шла и читала надписи на бѣлыхъ эмалированныхъ дощечкахъ.

...«Les Platanes», «Villa les Tilleuiles», «Les Eglantines»... «Les Coccinelles»...

Леночка остановилась. Да, конечно, она помнила это имя. Ей его часто называла бабушка. Здѣсь и должна жить ея Парижская бабушка.

Она вошла въ открытую калитку. Сухія вѣтки кустовъ привѣтствовали ее. Черные стволы засохшихъ георгинъ торчали изъ клумбъ. У бетоннаго крылечка Леночка остановилась, не зная, кого спросить. Снизу изъ подвального окошка высунулась лохматая голова. Копна волосъ на темени, бритые виски, — совсѣмъ какъ у ихъ совѣтскихъ атлетовъ на пролетарскомъ стадиумѣ, гдѣ упражняются физ-культурники.

— Кэ дезир мадамъ?...

Какой это былъ ужасный французскій языкъ!... Леночка умѣла таки говорить по французски. Конечно не въ школѣ второй ступени она научилась этому, а дома, у Ленинградской бабушки. И произношеніе у нея было совсѣмъ Парижское, съ красивымъ раскатомъ на «р».

На вопросъ на такомъ ужасномъ французскомъ языкѣ и отвѣчать по французски не хотѣлось. Неужели это ея двоюродный братъ Шура Нордековъ, о комъ такъ много говорила ей ея мать? Она смутно помнила его мальчикомъ — комсомольцемъ.

Леночка посмотрѣла на окошечко подвала. Оно раскрылось совсѣмъ и голова «физ-культурника», покоящаяся на широкой шеѣ, появилась въ немъ. За шейей слѣдовала рубаха безъ воротника и безъ галстука, облегавшая могучія плечи.

Леночка вопросительно сказала, подчеркивая французское произношеніе Русской фамиліи:

— Madame Oltabassoff?...

Физ-культурникъ выразительно ткнулъ пальцемъ вверхъ и твердо по русски сказалъ:

— Звоньте во второй этажъ. Пуговка налѣво. Мамочка дома. Знать кофій пить.

Леночка поднялась и позвонила. За дверью зашмыгали мягкія туфли, и передъ Леночкой въ растворенной двери появилась старуха со стриженными волосами —

ни дать, ни взять — сама Крупская — Ленинская супруга, совѣтская «вдовствующая императрица».

— Вамъ кого? — спросила старуха.

— Я... Леночка... Зобонецкая...

— Ахъ ты... Боже мой!...

Мягкія пахнуція кофеемъ объятія охватили Леночку. Такъ въ объятіяхъ она и вошла въ комнату. Тамъ было сумрачно. На простомъ кругломъ столѣ безъ ска-терти кипѣлъ на примусѣ кофейникъ. Въ проволочномъ лоткѣ лежали маслянистыя подковки.

— Ну, садись, — отдуваясь отъ волненія, проговорила старуха. — Шляпу сними... Стриженная... Что жъ и правильно... Для работы лучше... А хорошенькая... въ мать.

Леночка и точно была прелесть какая. И что то было особенное Русское — въ ея лицѣ съ чуть широкими скулами, выдающимся у висковъ, прозрачною смуглинкою, сквозь которую просвѣчивалъ персиковый румянецъ, съ пушистыми бровями. Подъ ними въ темной опушкѣ очень густыхъ и длинныхъ, по дѣтски загнутыхъ вверхъ рѣсницъ, сіяли молодостью, золотою шампанскою игрою горѣли большіе каріе глаза. Волосы были темно каштановые, губы маленькія, сердечкомъ, безъ краски пунцовыя, носъ небольшой, задорно вздернутый, по Русски открытый. Когда Леночка сняла безобразившую, не по ней сшитую, съ чужого плеча кофту, она оказалась высокой и стройной, съ маленькими, не слишкомъ чистыми, послѣ дороги, руками и стройными ногами прекраснѣйшихъ линій.

Она сѣла противъ «мамочки».

— Голодная?.. Ну, ничего... Потерпи... Пока вотъ кофею попей... Съ круассанами... По нашему — подковки... У нихъ, у французовъ, круассанами прозываются.

Леночка была очень голодна. Она второй день ничего не ѣла. Денегъ хватило въ обрѣзъ. У нея послѣ долгаго пути, ночей, проведенныхъ въ «жесткомъ» вагонѣ кружилась голова, и ей казалось что полъ ходилъ подъ ногами, какъ въ поѣздѣ.

Ея маленькій облѣзлый чемоданчикъ, такой легкій,

что она сама его и принесла былъ поставленъ на соломенный стулъ. Неонила Львовна кивнула на него.

— Всѣ твои вещи тутъ?

— Всѣ, бабушка.

— Какъ же ты доѣхала?...

Леночка не поняла вопроса. Она смотрѣла на старуху и молчала.

— Какъ тебя, говорю, выпустили?... Съ какимъ паспортомъ?...

— Съ нашимъ... Совѣтскимъ, — робко сказала дѣвушка.

— Ты тутъ этого не болтай... Заключаютъ... Ольга тебѣ все устроить. Чтобы шито, крыто. Полковникъ чтобы не пронюхалъ... Со свѣта сживетъ. Всю чистоту его бѣлыхъ ризъ испортишь.

Неонила Львовна пожевала губами. Леночка жадно пила кофе. Подковки исчезали за ея молодыми, бѣлыми, сверкающими изъ за алыхъ губъ зубами. Она плохо соображала, что ей говорила старуха. Все было такъ необыкновенно и совсѣмъ не такъ, какъ ей представлялось это въ ея думахъ во время дороги.

— Безбожница?

Леночка искося посмотрѣла на бабушку и точно насторожилась.

— У насъ, бабушка, не учили... Мама когда то говорила немного.

— Да ты не смущайся. Я и сама такая. Своимъ умомъ до всего дошла. Ни къ чему всѣ эти поповскія исторіи.

Надолго замолчали. «Мамочка» налила еще чашку Леночкѣ.

— Пей, милая. Ты голодна. Я еще приварю. На вотъ тебѣ хлѣбца пожуй... Съ масломъ.

Неонила Львовна достала съ небольшого буфета длинную тонкую булку, приготовленную къ обѣду, сливочное масло и поставила передъ Леночкой.

— У васъ всего изобиліе, — тихо сказала, прожевывая булку съ масломъ, Леночка. — Намъ говорили: — у васъ голодъ большой. Ничего не хватаетъ.

— Все врутъ, милая. И тутъ, какъ и тамъ врутъ. А ты не вѣрь... Никому и тутъ не вѣрь.

И опять замолчали.

Неонила Львовна смотрѣла, не сводя глазъ на Леночку. Все было въ ней такъ необычно. «Съ совѣтскимъ паспортомъ», — думала старуха. — «Хуже, чѣмъ съ волчьимъ... Право — лучше бы «желтый билетъ» у ней былъ... Никуда не примутъ. Ни туда — ни сюда... И замѣнить, сколько хлопотъ будетъ. Гдѣ помѣстить ее?... Какъ содержать?... Ъсть то какъ много!... Куда ее устроить?... Что она умѣетъ дѣлать?... Ну, помѣстить?... Помѣщу къ себѣ. Больше и некуда. Рядомъ полковникъ съ Ольгой... Не къ нимъ же?... На верху — Шурка дуракъ... Мишель Строговъ... А деньги?... Надо какъ нибудь поддержать... Вѣдь брата родного внучка»...

Послѣ кофея разставляли въ маленькой комнатушкѣ мебель, устраивая ложе для Леночки. Разсматривали ея барахло. Вещей, бѣлья, платьевъ у дѣвушки ничего не оказалось. Все надо будетъ купить.

— Деньги то, Лена, есть ли у тебя?

Дѣвушка со смѣхомъ высыпала содержимое старого Русскаго кошелька на столъ.

— Вотъ, посчитайте: — тридцать пять... нѣтъ... вру... сорокъ сантимовъ. Всѣ и мои капиталы... Настоящая капиталистка... Буржуйка... Я, бабушка трудовой народъ... Пролетарка стопроцентная...

ХІІІ.

Послѣ ужина вся семья осталась сидѣть за круглымъ столомъ. Мишель Строговъ не сводилъ узкихъ глазъ съ милаго лица Леночки. Полковникъ слушалъ, задавая отъ поры до времени вопросы, и каждый его вопросъ заставлялъ Леночку умолкать, настораживаться и уходить въ себя.

«Нѣтъ все-таки она очень запугана», — думала, наблюдая Леночку, Ольга Сергѣевна.

Леночка оживленно рассказывала своимъ не всегда понятнымъ языкомъ о томъ, какъ проводится смычка города съ деревней, о работѣ въ кол-хозахъ, о задачахъ пятилѣтки. Она говорила такъ, точно ей шель не восемнадцатый, а по крайней мѣрѣ тридцать пятый годъ и была она проповѣдницей новой вѣры.

— У насъ... Америкѣ не уступить... Черезъ два года переплюнемъ и Америку.

— Такъ у васъ же голодъ!... Голыми люди ходятъ! Вонъ въ какихъ лохмотьяхъ вы пріѣхали, смотрѣть страшно. Тебѣ, Леля, надо будетъ завтра со службы отпроситься, да въ «Самаритѣнъ» ее свести, одѣть, обувь надо, — рѣзко сказалъ полковникъ.

— Это... голодъ, дядя, пока, — быстро и твердо, какъ заученный урокъ сказала Леночка.

— Ну... А какъ красная армія?...

Точно какая то тѣнь пробѣжала по глазамъ Леночки. Какъ то рѣзче выдались скулы.

— Ничего, дядя.

— Ну, а все-таки?... Въ Бога, напимѣрь, не вѣрить?...

— Кто хочетъ вѣрить... Кто не хочетъ... Никто не насилуетъ, — холодно отвѣтила Леночка. Ея оживленіе какъ то сразу пропало.

Ольга Сергѣевна пришла на помощь племянницѣ.

— Ты маму вспоминаешь?...

— Да.

— Какъ же ее похоронили?...

— Обыкновенно какъ... Отвезли въ Троцкѣ на кладбище и зарыли...

— Безъ священника, — съ ужасомъ сказала Ольга Сергѣевна.

— Гдѣ это еще такой Троцкѣ? — возмутился полковникъ и закурилъ чуть не десятую папиросу. Разговоръ его очень уже волновалъ. Онъ потомъ признавался, что у него было такое чувство, какое бываетъ, вѣроятно у собаки, когда та лаетъ на кошку, забравшуюся на дерево. Весь онъ какъ то подобрался и напружился. Въ виски у него стучало. Очень хороша была Леночка и такъ напоминала ему его Лелю, когда пер-

вый разъ увидалъ онъ ее на гимназическомъ балу. И вмѣстѣ съ тѣмъ было въ ней нѣчто чуждое и какъ бы страшное... «Совдепка»!...

— Священникъ... Очень дорого... И мама?... Она никогда не ходила въ церковь.

— Ну, а какъ же эти люди, которые?... Ты съ ними потомъ жила?... Видалась?... Ужасные, должно быть, люди, — плохо скрытыя брезгливость и пренебреженіе были въ голосѣ Ольги Сергѣевны. Она не посмѣла сказать прямо: — «убійцы твоей матери».

— Тетя... Послушайте... Но мама же сама была во всемъ виновата. Она ихъ все хамами называла... Они на это обижались. И потомъ. Вотъ у васъ тѣсно. А тамъ жил-площадь ужасно какая маленькая... А у мамы двѣ комнаты... Ну и они злились.

Нѣтъ, Леночка не осуждала убійцъ своей матери. Она ихъ понимала. И страшной казалась ей чисто Русская красота. Она была другая. Изъ другого міра, гдѣ инныя были понятія и новая была мораль. И что въ ней было — своя правда, которой ни полковникъ, ни Ольга Сергѣевна не могли постигнуть, или страшная безъоглядная сатанинская ложь? Это сразу почувствовали, и даже самоувѣренный и самовлюбленный Мишель Строговъ понялъ, что Леночка говоритъ точно на какомъ то другомъ языкѣ.

Она принесла съ собою на виллу «Les Coccinelles» большія заботы. Прежде всего заботы матеріальныя. Нордековы еле концы съ концами сводили. «Мамочка» давно продала все, что только можно было продать. Она готовила ужинъ и прибирала комнаты, тѣмъ помогая своей дочери и зятю. Мишель Строговъ былъ «самъ по себѣ». Съ него взятки были гладки. Онъ платилъ за столъ и квартиру и врядъ ли онъ далъ бы что нибудь на Леночку. Устроить Леночку на службу, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время было невозможно... Сразу было видно, что она ничего не умѣла дѣлать. Пролетарская школа второй ступени не дала ей ничего для того, чтобы она могла зарабатывать хлѣбъ. Правда она знала французскій языкъ. Рукодѣліемъ не занималась, по Русски писала — по совѣтски, — значитъ: — здѣсь это

ни къ чему. Манеры у нея были такія, что даже въ тре-
тье-разрядный ресторанъ подавальщицей ея не приняли
бы. И притомъ — красота!... Оригинальная Русская, съ
французской точки зрѣнія — экзотическая — красота!...
Ей гейшу на сценѣ безъ грима играть! Въ Русскомъ са-
рафанѣ Русскую плясать!... да умѣетъ ли еще? При ея
годахъ, при ея морали — скользкій это былъ путь и ни
Ольга Сергѣевна, ни даже Неонила Львовна не хотѣли
рисковать толкнуть на него Леночку.

Внесла она и заботы моральныя. Съ совѣтскимъ
паспортомъ!... Какъ сказать объ этомъ знакомымъ?...
Безбожница?... Какъ повести ее въ церковь? гдѣ такой
красавецъ и святой священникъ... Приѣхала изъ Совѣт-
ской Россіи. А у исповѣди была?... Ее спрашивать
станутъ, а она вотъ какая!... Чуть посерьезнѣе вопросъ
и замолчитъ, уйдетъ, какъ улитка въ раковину, ежомъ
свернется въ клубокъ, и только красивые глаза горятъ
исподлобья недобрымъ, недовѣрчивымъ огнемъ... Точ-
но и не человѣкъ, а какой то хищный, красивый звѣ-
рекъ.. Какъ такую покажешь ихъ колоніи?... Заподоз-
рятъ чего добраго въ шпионажѣ?... Чураться будутъ ихъ
дома. Совдепка!... Какое это страшное слово! Хуже чу-
мы, или оспы. Точно заразно больная у нихъ появи-
лась... Какъ, почему ее выпустили?... Вотъ другія бѣ-
гутъ, съ опасностью для жизни тайкомъ перебираются
черезъ границу, идутъ «нелегально». Выходятъ фиктив-
но замужъ за латышей, эстонцевъ, поляковъ... А она съ
совѣтскимъ паспортомъ!... Значитъ, были у ней какія
нибудъ заслуги передъ совѣтской властью. Значитъ что
то въ ней есть... ее бы распросить?... Да, такъ она вамъ
и отвѣтитъ!... Вотъ она какая! Полковникъ спросилъ ее:
— «есть ли въ красной арміи барабаны?...»

— Не знаю, — коротко и рѣзко сказала Леночка.

— А какіе конные полки видали вы въ Петербургѣ?

— Я никакихъ полковъ не видала, — какъ ножомъ
отрѣзала Леночка.

Развѣ съ ней разговоришься?

Леночку уложили пораньше спать. Глаза у нея сли-
пались. Очень она устала съ дороги. «Мамочка» и Нор-
дековы заперлись въ полковницкой комнатѣ на семей-

ный совѣтъ. Говорили шопотомъ. Стѣны тонкія, дверь, какъ изъ картона. Французскій домъ... Пересчитали отложенное на черный день на случай чьей нибудь болѣзни или смерти: — тысяча двѣсти тридцать франковъ. Еще полковникъ могъ въ своемъ объединеніи позаимствовать двѣсти. На эти деньги надо обрядить Леночку. У нея всего одна рубашечка, да и та такая заношенная, что здѣсь ни одна прачка не возьметъ ее стирать.

Завтра въ часы перерыва Ольга Сергѣевна откажется отъ завтрака и поѣдетъ съ Леночкой въ «*Samaritaine*» одѣтъ ее. Мамочка привезетъ ее до Парижа. На *Marché des puces* полковникъ ей купитъ какое нибудь *sommier*, подушку и одѣяло.

Когда разошлись они всѣ трое, наконецъ, по постелямъ было у нихъ на душѣ что то особенное. Смущена была ихъ душа. Точно вошло въ ихъ жизнь что то новое, неизвѣстное и страшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и родное, родное, родное!!...

Это чувство, уже засыпая, Ольга Сергѣевна весьма ясно опредѣлила.

— Ты спишь, Георгій, — спросила она.

— Ну?

— Ты знаешь?... Отъ нея Россіей все таки пахнетъ... Вотъ, какъ у насъ сирень пахнетъ... А тутъ цвѣла, а запаха почти и не слышно... Вотъ и мы... Отъ насъ Россіей никакъ уже не пахнетъ... Выдохлись мы... А она, хотя и совѣтская, а все Русская.

— Ну, ну, — промычалъ полковникъ и повернулся на другой бокъ.

XIV.

Странная была Леночка. Она старалась помогать по хозяйству «мамочкѣ». По вечерамъ сидѣла со всѣми за ужиномъ, но почти всегда молчала. Если ее о чемъ нибудь спросятъ — она коротко отвѣтитъ: — «да»... «нѣтъ». А больше отзовется незнаніемъ: — «не слыжала»... «не знаю»...

Но, когда всё уѣдутъ въ городъ на службу, и «мамочка», напившись кофею, приляжетъ «на часокъ» — отъ 2-хъ до 5-ти, — Леночка тихой мышкой сбѣжитъ въ подвальчикъ къ Нифонту Ивановичу.

Старый казакъ сидитъ на низкомъ стульцѣ — такъ почему то полагается сапожнику, — противъ него сучить дратву Фирсъ. Изъ открытой въ сосѣдную каморку двери несетъ парнымъ бѣльемъ, тамъ шлепаютъ босые ноги: — суетится Зося со стиркой.

Леночка войдетъ въ каморку и сядетъ на единственный стулъ, предназначенный для заказчиковъ. Такъ сидитъ она довольно долго, наблюдая работу.

— Дѣдушка, дайте-ка и я попробую.

Нифонтъ Ивановичъ охотно ей показываетъ.

— Самое правильное, барышня, по нынѣшнимъ временамъ рукомесо, — наставительно говоритъ Нифонтъ Ивановичъ. — Новые башмаки съ нынѣшнимъ кризисомъ кто укупить? Подметки всякому нужны... Въ дырявыхъ башмакахъ долго не проходишь. Чинка, заплаты — отбоя нѣтъ... Французы мою работу очень даже уважаютъ... Моя подметка на годъ... Хотя по стеклу толченому ходи.

Леночка поработаетъ съ часокъ. Потомъ отложить работу, откинется на спинку стула и запоетъ:

— Жила была Россія
Великая держава.
Враги ее боялись —
Была и честь и слава.. .

Голосокъ у нея жиденкѣй и слабѣй, но поетъ она вѣрно, и такъ жалобно, что Нифонтъ Ивановичъ задумается и отложить въ сторону инструментъ.

— Теперь ужъ нѣтъ Россіи: —
Россія вся разбилась
Ахъ Солнышко!..
Куда ты закатилось?..

— Эту пѣсню, барышня, у насъ на Лемносѣ тоже пѣли. Ну только не такъ жалостно. Гдѣ вы ее узнали?..

— Въ Ленинградѣ, помню, эту пѣсню дѣтишки пѣли. Вотъ этакія — Леночка показала на полъ аршина отъ земли, — совсѣмъ маленькія... Какъ ихъ ругали!... Запрещали настрого... А они пѣли... Да... Правда... Я помню...

— Поди, кто ихъ училъ.. Не безъ того...

Леночка надолго примолкла. Потомъ вдругъ устремила глаза куда то въ даль, гдѣ точно она что то видѣла давнее и далекое и стала говорить съ какою то внутреннею дрожью:

— Я помню... Это еще тогда... Раньше было... Извощикъ по Загородному ѣдетъ. И на немъ офицеръ съ бѣлымъ околышкомъ... Преображенскій что ли?... Безъ ноги... Раненый, значить... Инвалидъ... Ногу у него на войнѣ отняли. И два солдата съ нимъ... Съ ружьями... И, значить, бьютъ его... Толкаютъ.. Кровь съ лица течеть... Да... Правда... А онъ блѣдный, нахмуренный... Что онъ думаетъ?... И молчитъ... Не пикнетъ.. И глаза такіе... Страшные, претрашные... Я хоть и маленькой тогда была, а помню...

Нифонтъ Ивановичъ, сосредоточенно нахмурясь, моталъ рукою съ шиломъ, сшивая кожу. Фирсъ пересталъ работать и внимательно, не мигая, смотрѣлъ на Леночку. Въ мастерской было тихо и только рядомъ негромко плескала вода и мокро шлепало бѣлье...

Леночка подняла опущенную головку и негромко запѣла:

— Схоронили яблочко.
Остался только кончикъ,
А теперь вся наша жизнь —
Кисленькій лимончикъ...

— Вотъ, помню, маму хоронили... Вотъ ужасъ то былъ!... Ее убили и пока тамъ вскрытіе было, да разбирали, почему она умерла, — она, знаете, и протухла. Мнѣ ее изъ больницы выдали — вези на кладбище. Да... просто сказать... Гробовъ нѣтъ... И на прокатъ то взять такъ и то дорого. Барашкина жилица, — она потомъ повѣсилась, — взялась мнѣ помочь. Взяли мы сазки... А снѣгу то еще и нѣтъ совсѣмъ. Привязали ма-

му и повезли. А салазки, знаете, короткія, и ноги по землѣ волочатся. Кожа даже сходитъ. Кости обнажаются... Вотъ было страшно то...

Въ мастерской стало томительно тихо. У Нифонта Ивановича сосало подъ ложечкой. Слышно было, какъ за стѣной и совсѣмъ недалеко непрерывно гудѣлъ Парижъ. Иногда по rue de la Gare протрещитъ мотоциклетка, и стихнетъ вдали за поворотомъ. Вдругъ громко прошумитъ грузовикъ, стѣны домика затрясутся и опять станетъ тишина, сопровождаемая немолчнымъ гуломъ города гиганта.

— Много и вы повидали, барышня, — какъ то проникновенно, съ большимъ уваженіемъ и глубокою сердечною жалостью сказалъ старый Агафошкинъ.

Леночка посмотрѣла на него. Золотыя искры зажглись въ ея глазахъ. Она погладила Топси, лежавшую на полу между нею и Нифонтомъ Ивановичемъ и сказала съ нескрытою насмѣшкою:

— Послушайте, что вы мнѣ все «барышня», да «барышня»... Какая я барышня?... Или еще того смѣшнѣе, дядю «ваше высокоблагородіе» называете? Такого и слова то нѣтъ... Смѣшно ужасно и дико...

Нифонтъ Ивановичъ растерялся. Онъ не зналъ, что и отвѣтить. Хмуро и со злобою пробурчалъ Фирсъ:

— Потому въ васъ голубая кровь... Слыхали, можетъ быть?

Леночка безтрепетно взглянула прямо въ узкіе, сосредоточенные, такіе же упорные, какъ у Мишеля Строгова, глаза Фирса.

— Это то я давно слышала... Еще тамъ... Помню... Только большевики давно всю голубую кровь повыпустили... Нѣтъ ея больше.

— Видать... Осталась...

Нифонтъ Ивановичъ уже нашелся.

— Сколько разовъ я говорилъ тебѣ, обормоть, что никакой голубой крови нѣтъ. Каждый могѣтъ своего достигнуть... Очень даже просто... Кажный... Отъ солдата до генерала дорога одна: — усердіе къ службѣ, рвеніе передъ Государемъ, вѣра въ Господа, молитва

и храбрость... А голубая кровь очищается через образование. Поняль?...

Фирсъ весь вскипѣлъ. Онъ съ сердцемъ бросилъ на кирпичный полъ колодку и сказалъ со злобою:

— Ежели образование, то подавай его всѣмъ равно... Ты инженеръ и я инженеръ... Ты офицеръ и я офицеръ... А то однимъ ниверситетъ съ профессорами, а другимъ начальная школа съ учительшей, что ни бэ ни мэ не мэмэкаетъ.

Фирсъ былъ такъ взволнованъ, что вышелъ изъ мастерской и поднялся въ садикъ. Слышно было черезъ окно, какъ онъ тамъ шумно вздыхалъ и чиркалъ спичку — курить собирался.

— Онъ у васъ такой, дѣдушка? — прикрывая маленькой смуглой ручкой ротъ тихо спросила Леночка.

— Какой такой?...

— Большевикъ!..

— Ну да, — недовольно проворчалъ дѣдъ. — Какой онъ большевикъ? Дуракъ стоеросовый и все... Обормоть!..

Леночка вскочила со стула и стремительно прошмыгнула изъ мастерской. Топси, виляя хвостомъ, бросилась за нею.

— Фирсъ Петровичъ, пожалуйста, снизойдите къ намъ. Устроимъ смычку между голубою и алою кровью. Я вамъ пѣсню про ваше сапожное дѣло спою.

Фирсъ, мрачный, накурившійся, нарочно стуча сапогами, спустился въ мастерскую и взялъ колодку. На дѣда онъ не смотрѣлъ. Ворочалъ колодку подъ самымъ носомъ, точно облизать ее хотѣлъ. Леночка стала у окна. Низъ ея тѣла былъ въ тѣни. Только стройный станъ и головка съ растрепавшимися волосами были освѣщены голубоватымъ свѣтомъ. Кончики волосъ свѣтились какъ бы окруженные ореоломъ. Леночка подняла голову и запѣла весело и звонко, не боясь разбудить «мамочку».

— Растоптала я ботинки,
А мой милый сапоги.
Каждый день ходи на сходки,
Митинги, да митинги...

XV.

Вотъ и разгадай ее, эту Леночку? Ни «мамочка», ни Ольга Сергѣевна, ни полковникъ, ни даже самъ премудрѣйшій Нифонтъ Ивановичъ понять ее не могли.

— Ну, какъ ты нашла Шуру? — спросила Леночку Ольга Сергѣевна.

— Ахъ, тетя... Я его совсѣмъ не узнала, такъ онъ перемѣнился. Прелесть. Настоящій человѣкъ. Онъ пробьетъ себѣ дорогу... И что мнѣ особенно нравится — что онъ — Мишель Строговъ!... Значитъ — безъ предразсудковъ. Отказался отъ отцовской фамиліи и имени. Онъ таки завоеуетъ себѣ мѣсто на землѣ.

Леночка искала случая оставаться вдвоемъ съ «настоящимъ человѣкомъ». Она ходила встрѣчать его на станцію и провожала его до дома. Она брала въ свою маленькую ручку его большую сырую отъ работы и усталости руку и такъ шла съ нимъ какъ ходятъ дѣти. Мишель смущался, краснѣлъ, но руки не отнималъ и шелъ, надутый и важный. Они больше молчали. Леночка смотрѣла на него восторженными глазами и не знала, что сказать. Однажды, во время такого шествія она вдругъ и совершенно неожиданно выпалила:

— Мишель!... Я хотѣла бы, чтобы вы мнѣ сдѣлали ребенка.

Она сказала это совершенно серьезно, почти строго, прямо глядя въ немигающіе глаза Мишеля. Сказала съ такою откровенною наивностью, что Мишель смутился и совершенно растерялся. Онъ выдернулъ свою руку изъ ея руки и почти побѣжалъ къ дому. Дома онъ заперся въ своей комнатѣ.

Онъ считалъ себя «безъ предразсудковъ». Но и ему это показалось слишкомъ грубымъ.

Въ эти, какъ разъ дни Топси вдругъ пополнѣла, и Ольга Сергѣевна сказала, что она щенная, что у нея дѣти будутъ, а полковникъ доказывалъ, что это потому, что она кушаетъ слишкомъ много.

И Мишелю Строгову пришла на память Топси. Не

эстетъ онъ былъ, конечно, но сопоставленіе собаки съ тѣмъ, что ему «выпала» Леночка было ужасно. Онъ не хотѣлъ спускаться къ ужину, но матеріальныя со-обращенія, что за ужинъ имъ заплачено взяли верхъ и онъ сошелъ къ столу.

Леночка была въ рѣдкомъ настроеніи возбужденія, когда ее вдругъ точно прорывало и она говорила затверженные въ школѣ уроки и проповѣдывала новую мораль. Ея лицо пылало. Золотыя искры сверкали въ ея глазахъ. Полковникъ оперся лицомъ на ладони и съ нескрываемой тоскою слушалъ ее. Ольга Сергѣевна плакала. «Мамочка», не мигая, смотрѣла на внучку маленькими, хищными глазками.

— Націонализмъ и патриотизмъ, — рубила Леночка, — чувства, заслуживающія презрѣнія. Я знаю народъ... Кажется повидала его достаточно. Въ школѣ кругомъ меня все были дѣти народа. Народъ не интересуется величіемъ своей Родины. Короли и буржуи выдумали это совсѣмъ ненужное слово. Будущее это — интернаціональ... Намъ съ высокаго дерева плевать на историческія традиціи, на красоту и на религію... Все это продукція прежней болѣзненной сентиментальности... Вы, дядя, давали мнѣ читать Тургенева. Я его не понимаю... Одинъ вздоръ. И Пушкинъ вздоръ — мармеладная конфетка, сладкая резина, что жуютъ американцы.

— Но какъ же, Леночка, поднимая голову на племянницу съ тоскою въ голосъ сказалъ полковникъ. — Вы еще такъ недавно говорили намъ, что, когда кончится пятилѣтка, большевики перещеголяютъ Америку... Вы гордились этою самою Америкою.

— Да... говорила... Ну что жъ?

— Но это же патриотизмъ.. Скрытый патриотизмъ!..

— Ахъ, что вы, дядя!... Это торжественное шествіе интернаціонала!... Это завоеваніе міра большевиками.

Ольга Сергѣевна не могла больше выносить. Она встала и пошла въ переднюю мыть посуду. За нею прошлепала «мамочка». Мишель Строговъ, уязвленный тѣмъ, что Леночка смотрѣла на него, какъ на пустое мѣсто, ушелъ къ себѣ и, запершись на ключъ, углубил-

ся въ чтеніе «Le Sport», единственной газеты, которую онъ признавалъ.

Полковникъ внимательно, съ глубокою жалостью, смотрѣлъ въ прекрасные Леночкины глаза. Она смѣло выдерживала его взглядъ. Ея щеки горѣли, какъ въ лихорадочномъ жару.

— Родина — мать, — тихо сказалъ полковникъ. Ему казалось, что голосъ его былъ тепелъ и глубокъ. Онъ вложилъ много чувства и сердца въ эти слова. — Съ любви къ родителямъ, къ отцу и матери, и начинается патріотизмъ. Семья... Потомъ — Родина... И только послѣ всего этого — человѣчество. Вѣдь любили же вы свою маму, такъ трагически окончившую жизнь?

— Любила?... Я какъ то не думала никогда объ этомъ... Когда мы увязывали съ гражданкой Барашкиной протухшее тѣло на салазки, я не плакала. Я только думала, какъ бы поскорѣе это кончить. Мнѣ было все-все равно. Я точно провѣрила свое дочернее чувство. И, знаете, его у меня не было. Да его и не должно быть. Это чувство животное, не достойное культурнаго человѣка. У прежнихъ людей оно было привито искусственнымъ образомъ черезъ религію. Я не коммунистка и ею никогда не была. Но, когда мы увязывали мамино тѣло, гражданка Барашкина мнѣ сказала, что мама была буржуйка и что она была врагомъ рабочихъ и крестьянъ, вообще всего трудового народа. Я промолчала... Но это была правда. Мама всегда рабочихъ называла хамами. Она ихъ и точно не любила.

— Да... Вотъ оно какъ!... Что же это за новое поколѣніе растеть въ Россіи?...

Леночка встала. Ея красивая грудь часто вздымалась.

— Это растеть... Да, конечно, новое поколѣніе... Не смѣшныя ваши Рудины, Онѣгины и Райскіе, Донъ Кихоты Россійскіе, на комъ вы хотите воспитывать меня, но поколѣніе, не знающее сентиментализма. Настоящіе борцы за право жить.

— Васъ хорошо и крѣпко учили въ школѣ второй ступени.

— Учили... Да... Но, дядя... Когда такъ жить хочется... Ахъ какъ хочется жить!..

Леночка закинула руки вверхъ и назадъ, охватила ладонями затылокъ и, качая бедрами, вышла изъ комнаты. Она спустилась въ маленькій палисадникъ, въ темноту ночи.

Тамъ она долго стояла, опершись о калитку спиною и смотрѣла на незавѣшенное, ярко освѣщенное окно Мишеля. Но окно было высоко, балкончикъ загромождалъ его, и не было видно, что дѣлаетъ тамъ Мишель Строговъ.

Въ подвалѣ у Агафошкина погасли огни. Въ комнатѣ у полковника спустили штору и зажгли лампу; полковникъ и Ольга Сергѣевна ушли изъ мамочкиной комнаты. Тогда Леночка медленно пошла домой.

«Зачѣмъ я это говорила», — думала она. — «Развѣ могутъ они понять меня?... Слѣпорожденные... Какъ я могу понять ихъ «Дворянское гнѣздо»?... Гнѣздо... Гнѣздо... Какъ это смѣшно звучить!...»

Она всходила на лѣстницу и повторила уже вслухъ: — Гнѣздо... Это — гнѣздо?... И здѣсь Евгений Онѣгинъ, или Вѣра изъ «Обрыва»... Все у нихъ въ прошломъ!... Все — земное и непонятное... Идеалы... А я тянусь къ будущему... Къ свѣтлому будущему... Къ звѣздамъ!..

XVI.

Съ кѣмъ согрѣшила Топси такъ и осталось невыясненнымъ. Во всякомъ случаѣ врядъ ли съ косматымъ и колючимъ Марсомъ. Щенята родились темненькіе, темнѣе матери и такіе нѣжные и пушистые, точно кроты. Съ тоненькою, короткою, бархатистою шерсткою.

Топси оценилась утромъ въ саду. Въ этотъ день она не принесла полковнику газеты, но по одному перетаскала всѣхъ шесть щенятъ въ зубы и положила ихъ на коврикъ подлѣ печки.

Всѣ любовались ими. Даже полковникъ не разсер-

дился на то, что онъ остался безъ газеты. Ольга Сергѣевна, какъ сѣла надъ ними, такъ и свой кофе позабыла и чуть не опоздала на службу. Такіе они были забавные, слѣпые и безпомощные. Такъ славно чмокали они, уткнувшись въ грудь матери. Топси съ благосклонною гордостью показывала ихъ всѣмъ, и заботливо тыкала мордою тѣхъ, кто не сразу находилъ, гдѣ сосать.

Въ этотъ день, кажется, первый разъ полковникъ съ Ольгой Сергѣевной обмѣнялись двумя словами, когда расходились у вокзала Invalides.

— Что же мы будемъ съ ними дѣлать? — сказалъ полковникъ.

— Они прелестные, — сказала Ольга Сергѣевна. Ея грудной голосъ звучалъ тою молодою красотой, которою она нѣкогда покорила Георгія Димитріевича.

И супруги разошлись. Въ этотъ день солнце ярко свѣтило. Сена была въ золотистыхъ искоркахъ и крыша на grand Palais нестерпимо сверкала. Зеленоватые бронзовые кони на ея углу несли колесницу съ голымъ богомъ въ голубыя дали. По небу плыли розовые барашки. Само небо походило на тѣ яркіе плафоны, что украшаютъ Версальскій дворецъ. Казалось, что вотъ вотъ раздвинутся шире розовыя облака, обратятся въ раковины, въ гирлянды цвѣтовъ, и изъ за нихъ проглянетъ въ серебряномъ хитонѣ торжественно шествующая Аврора, окруженная трубящими въ золотыя трубы геніями.

Дѣлать что то со щенятами было нужно. Въ тѣсныхъ комнатахъ они мѣшали. Хозяинъ сказалъ, чтобы ихъ не было. Онъ и Топси не разрѣшалъ держать, но только терпѣлъ ее.

— Il faut debarrasser, — сердито, тономъ, не допускаящимъ возраженія сказалъ онъ. — Il faut!

Нордековы знали цѣну французскаго «il faut»... «Il faut payer»... «Il faut vivre»... «Quand même»... «Mais — alors...»

— Что же, топить ихъ развѣ придется, — сказалъ раздумчиво Нифонтъ Ивановичъ.

— Зачѣмъ топить?... Ну, сказали тоже?... По людямъ раздадимъ, — вмѣшался Фирсъ.

Но раздать по людямъ оказалось не такъ то просто. Напрасно предлагала ихъ Ольга Сергѣевна въ церкви пѣвчимъ и отцу діакону и самому батюшкѣ. Всѣ сочувствовали ей. Нѣкоторые даже приходили полюбоваться на нихъ, находили ихъ удивительными. Одна хористка, и тоже полковница, безъ конца цѣловала ихъ, прижимала къ груди, тискала, выбирала. кого возьметъ, разглядывала, кто мальчики, кто дѣвочки, а взять такъ никто и не рѣшился.

— Знаете, у насъ хозяинъ, ни за что не позволить.

— Мы отъ жильцовъ комнату имѣемъ... Намъ никакъ нельзя.

— Рада бы, милая, взять, да консьержка у насъ чистая вѣдьма...

И топить ихъ тоже не смогли.

Сказали Нифонту Ивановичу. Тотъ руками замахалъ.

— Ну что вы, ваше высокоблагородіе... Никакъ это невозможно. Божія тварь вѣдь... Это все одно, какъ дите потопить.

Отказался и Фирсъ.

Мишель Строговъ посмотрѣлъ своимъ неломаящимся взглядомъ узко поставленныхъ глазъ и проворчалъ :

— Мараться то не охота.

Такъ и жили они, приговоренные къ смерти, жили потому, что оказалось приговорить то ихъ къ смерти приговорили, а привести приговоръ въ исполненіе никто не рѣшался: не было палача.

А у собачекъ между тѣмъ уже прорѣзались глазки. Черными блестящими изюминами смотрѣли на свѣтъ Божій, и такая была въ нихъ радость бытія, что у всѣхъ обитателей виллы «Les Coccinelles» нестерпимо болѣли сердца и тяготила тяжкая дума, какъ бытіе это отъ нихъ отнять.

XVII.

Весною у полковника было такъ много воспоминаній и поминальныхъ дней. И тяжелыхъ, печальныхъ и героическихъ. Ледяной походъ... Атака Екатеринодада... Смерть Корнилова... Все это заставило полковника соприкоснуться съ былыми боевыми друзьями соратниками. Къ огорченію Ольги Сергѣевны было много выпито и еще болѣе произнесено хорошихъ, бодрыхъ рѣчей о побѣдахъ прошлыхъ и о побѣдахъ будущихъ... «Борьба продолжается»...

Размякшій полковникъ приглашалъ на ближайшее воскресенье гостей.

Всѣ позванные имъ были люди твердые, вѣрующіе въ окончательную побѣду, не «свернувшіе знаменъ», честные, славные и бодрые люди и потому, — полковникъ это отлично понималъ — особенно ненавистные Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Но, назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ. Ольга Сергѣевна была нѣкогда полковой дамой хоть куда и обычаи гостепріимства знала. Сцена была только домашняя — до приѣма — а къ самому приѣму гроза и буря миновали. «Мамочка» и Леночка были мобилизованы. На кругломъ обѣденномъ столѣ тонко катали тѣсто и рюмкою отбивали кружки для рассыпчатого печенья «совсѣмъ, какъ въ Россіи». Нифонтъ Ивановичъ съ Фирсомъ — не ударить же въ грязь лицомъ виллѣ «Les Coccinelles» — носили бутылки блѣднаго бѣлаго «ординера» и толстыя пузатыя бутылки краснаго вина съ этикеткой, гдѣ былъ изображенъ румяный красный почтальонъ въ сѣромъ цилиндрѣ...

По словамъ полковника готовился еще и сюрпризъ, и Ольгѣ Сергѣевнѣ было сказано, что особенно думать о закускѣ не приходится:— гости сами принесутъ закуску.

Погода выдалась замѣчательная. Сирень въ палисадникѣ цвѣла. Въ клумбахъ хозяинъ натыкалъ какихъ то цвѣтовъ. И, если что смущало — такъ это категорическое приказаніе хозяина, чтобы завтра никакихъ ще-

нять ни подь какимъ видомъ не было. А они, какъ на зло, такъ уморительно, весело и безпечно кувыркались и рѣзвились подлѣ своей мамыши...

Вечерь обѣщаль быть теплымъ. Рѣшено было приѣмъ устроить въ палисадникѣ. Со всего дома вынесли столы и стулья, приспособили скамьи. Посуда была разнокалиберная: — ее занимали черезъ дачу у знакомыхъ Русскихъ. Столы были безъ скатертей. Не всѣмъ было на что сѣсть, — но всякій же долженъ понимать, что это не мирный приѣмъ у царскаго полковника Нордекова, а приѣмъ на походѣ («война продолжается») — и потому: — *à la guerre comme à la guerre* — эта старая избитая поговорка, какъ нельзя болѣе подходила къ обстановкѣ приѣма у Нордековыхъ.

Въ восьмомъ часу Нифонтъ Ивановичъ сталъ хлопать пробками, откупоривая бутылки. Неонила Львовна торжественно принесла большое блюдо тонко нарѣзанныхъ сандвичей, а Леночка, сияя красотою своихъ девятнадцати лѣтъ и новаго Парижскаго платья, разставляла стаканы и рюмки. Ольга Сергѣевна съ Зосей и Фирсомъ на двухъ газовыхъ плиткахъ въ двухъ этажахъ кипятили большіе чайники. Полковникъ похаживаль, поджидая гостей и о чемъ то таинственно перешептывался съ Нифонтомъ Ивановичемъ.

Первыми пришли Парчевскіе и съ ними безрукій инвалидъ, молодой и молодеватый капитанъ Ротовъ. Они принесли съ собою небольшой чемоданчикъ.

— Что это, господа, — говорила, цѣлуясь съ Лидіей Петровной Парчевской, Ольга Сергѣевна, — развѣ такъ полагается со своей закуской въ гости ходить?... Совсѣмъ это напрасно такое баловство.

Парчевскій, нарядный, въ прекрасномъ сѣромъ костюмѣ, съ большими «гусарскими» усами на холеномъ бритомъ лицѣ, изящно склоняясь и цѣлуя руку, сказалъ :

— Это все Кавказъ надумаль. Его и вините.

— Ольга Сергѣевна, дорогая, шашлыкъ будемъ готовить, — сказалъ безрукій капитанъ. Онъ говорилъ съ легкимъ кавказскимъ акцентомъ. — У васъ тутъ великолѣпно... А я мастеръ по этой части... И только, гос-

пода, прошу мнѣ не мѣшать... Кто помогаетъ — тотъ мѣшаетъ — это основное правило... Никогда не надо этого забывать.

— Но, позвольте... Вѣдь шашлыкъ, кажется надо на угольяхъ?...

— На угольяхъ, дорогая... Уголья несетъ Ферфаксовъ.

— Но гдѣ же?... Какъ же?...

— Это не безпокойтесь, пожалуйста... Все соорудимъ... Мнѣ бы только нѣсколько кирпичей достать... Больше ничего и не нужно...

— Гдѣ же вы думаете это дѣлать? — уже съ безпокойствомъ сказала Ольга Сергѣевна.

— Въ саду, дорогая Ольга Сергѣевна... Здѣсь прямо прекрасно въ затишкѣ.

— Но это же костеръ надо разводить?

— Никакой не костеръ... Немного угольковъ, чтобы жаръ былъ.

— Но, господа, что вы такое придумали? Вы знаете французскихъ хозяевъ... да насъ завтра съ квартиры погонять, если мы здѣсь въ ихъ садикѣ костеръ будемъ раскладывать.

— Мы все приберемъ послѣ, дорогая Ольга Сергѣевна, пожалуйста, не безпокойтесь... Станичникъ, — обратился Ротовъ къ Нифонту Ивановичу, — нельзя ли у васъ тутъ нѣсколькими кирпичами разжиться?

Нифонтъ Ивановичъ, живо заинтересованный господской затѣей быстро спустился къ себѣ и принесъ шесть кирпичей.

— Такъ довольно будетъ, ваше высокоблагородіе?

— Отлично, — распоряжался какъ въ своемъ собственномъ саду Ротовъ. — Вотъ онъ и Ферфаксовъ и съ углями.

— Но, господа, — пробовала еще протестовать Ольга Сергѣевна, но приходъ новыхъ гостей отвлекъ ее.

Полковникъ Ферфаксовъ съ женою Анелей и съ ними громадный полковникъ Амарантовъ, теперь булочникъ и музыкантъ, когда то лихой командиръ бронепоезда проходили въ калитку. На Ферфаксовѣ, какъ и на Амарантовѣ были надѣты новенькіе костюмы, ори-

гинальнаго покроя, и Ольга Сергѣевна сейчасъ же обратила вниманіе на ихъ платье. На нихъ были совершенно одинаковые пиджаки, что ничего бы особеннаго не представляло: — Русскіе офицеры всѣ болѣе или менѣе одинаково одѣвались, но Ольгу Сергѣевну поразило то, что костюмы ихъ были — и это она сразу своимъ женскимъ глазомъ подмѣтила и оцѣнила — не изъ дешеваго «бѣженскаго» матеріала построены и не были куплены въ универсальномъ магазинѣ готоваго платья, или на открытомъ рынкѣ, гдѣ покупали они всегда, но сшиты изъ прекраснаго англійскаго темно-синяго сукна и у хорошаго портного. И покрой ихъ былъ особенный. Это были штатскіе пиджаки, но было въ нихъ что то военное. Юбка была шире и длиннѣе, и карманы были большіе. Воротъ былъ мало открытъ, за нимъ немного были видны тоже одинаковыя сѣро-синія рубашки и одинаковыя галстухи синяго цвѣта съ узкой серебряной дорожкой.

— Что это, господа, вы точно въ формѣ?... Развѣ вы одного полка?

— Ну какъ, — здороваясь съ Ольгой Сергѣевной, отвѣчалъ Ферфаксовъ. — Я коренной Заамурець, а Викторъ Павловичъ — лихой двѣнадцатой, Калединской.

Видъ у Ферфаксова былъ какой то хитрый и таинственный. Подъ мышкой онъ держалъ большой пакетъ съ древеснымъ углемъ.

Ольга Сергѣевна хотѣла еще попытаться протестовать противъ шашлыка въ ихъ садикѣ, но въ калитку входили Дружко и молодой князь Ардаганскій. Надо было принимать ихъ. Князь Ардаганскій — Михако — его всѣ такъ звали несъ коробку съ пирогомъ. Онъ былъ тоже въ такомъ же синемъ полувоенномъ костюмѣ, только галстухъ у него былъ безъ серебряной строчки.

— У тебя, Георгій Димитріевичъ, совсѣмъ, какъ на войнѣ, — говорилъ красивый Парчевскій. — Знаешь у какойнибудь халупы... А эти — онъ кивнулъ на дѣда и внука Агафошкиныхъ — ну право, какъ деньщики изъ запасныхъ «дядей» и молодыхъ «бѣло-билетчиковъ»... Да вотъ оно какъ!... И это во Франціи?... Шашлыкъ?...

А вѣдь и правда шашлыкъ!...

— Господа, — командовалъ Ротовъ, — прошу какуюнибудь папку, чтобы раздувать уголья.

Нифонтъ Ивановичъ, уже соорудившій между поставленными на ребро кирпичами маленькій костерчикъ изъ бумаги и щепокъ, сейчасъ же отозвался.

— Не хорошо будетъ, я кусокъ подошвенной кожи принесу?

— Отлично, станица.

Ферфаксовъ насыпалъ на костеръ уголья.

— Господа, только пожалуйста безъ помощниковъ!

Ротовъ скинулъ съ себя пиджакъ и, широко разставивъ ноги надъ угольями, большимъ лоскутомъ твердой желтой кожи раздувалъ огонь. Душнымъ жаромъ несло отъ еще черныхъ углей.

— Можетъ быть, Нико, вамъ помочь, нанизать мясо на вертела, — сказалъ Парчевскій.

— Никакихъ помощниковъ, сейчасъ и готово. — Это почти-что, какъ балетъ. Дѣвочки съ дѣвочкамъ танцуютъ, а мальчиковъ почти-что нѣтъ!

Откинувъ въ сторону подошвенную кожу, Ротовъ зажалъ подъ локоть ампутированной руки стальные вертела и ловко здоровой рукой началъ низать сочные, розовые куски баранины. Сало текло по его пальцамъ. Онъ ихъ отиралъ полотенцемъ, лежавшимъ на его колѣняхъ.

— Огонь все очищаетъ. На огнѣ все сгараетъ. — приговаривалъ онъ.

Нифонтъ Ивановичъ замѣнилъ его надъ угольями, которые уже начинали краснѣть. Гости толпились около костра. Ротовъ накладывалъ на кирпичи вертела, и своеобразный запахъ поджариваемой баранины шелъ отъ нихъ.

— Какъ это мнѣ Владикавказъ напоминаетъ, — сказала Лидія Петровна.

— А мнѣ Константинополь... Помните эти маленькія улочки вечеромъ, — сказала Ольга Сергѣевна и тяжело вздохнула.

Пестрыя воспоминанія рождались въ головахъ и исчезали вмѣстѣ съ восточнымъ запахомъ поджариваемого мяса.

— Господа, прошу садиться. Ольга Сергѣевна, пожалуйста тарелки, — командоваль Ротовъ.

Садилась на чемъ, кому досталось. Ферфаксовъ, Амарантовъ и князь Ардаганскій усѣлись втроемъ прямо на землѣ. Старый Агафошкинъ обносилъ стаканами съ краснымъ виномъ. Быстро темнѣло. Надъ городомъ стояло розовое зарево. Въ садикѣ было сумрачно. Жидкіе кустики сирени казались сплошною зарослью. За ними не стали видны заборы палисадниковъ. Стоявшій у входа въ переулочекъ высокій фонарь бросалъ клочки свѣта на деревья и кусты, и все въ этомъ неясномъ освѣщеніи стало казаться не тѣмъ, что было. Нордекову и точно стало представляться, что это не крошечная вилла «Les Coccinelles» въ Парижскомъ предмѣстьи, но какой то бивакъ на войнѣ, и не заборы и стѣны домовъ стоятъ кругомъ, но громадные прикарпатскіе лѣса. Трое гостей — Амарантовъ, Ферфаксовъ и Михако — одѣтые въ однообразную одежду, въ одинаковыхъ черныхъ шляпахъ съ широкими полями и правда были похожи на солдатъ какого то экзотическаго, будто американскаго войска. Всѣ притихли. Занялись шашлыкомъ. Раздавались короткія замѣчанія.

— Ну и шашлыкъ!... Такого и на Кавказѣ не достанешь!...

— Хорошо было бы еще его съ барбарисомъ приготовить...

— Это Карскій шашлыкъ.

— Нѣтъ, Карскій шашлыкъ готовится изъ цѣльнаго куска бараньяго сѣдла.

— И гдѣ это вы, Нико, такую баранину достали?

— Удивительная баранина.

Леночка стояла сзади, смотрѣла и ничего не понимала. Вотъ они тѣ «бѣлые», капиталисты, буржуи, о комъ она такъ часто слышала въ Россіи... Ей говорили: — у нихъ голодъ, гораздо болѣе лютой, чѣмъ въ совѣтской республикѣ... Готовятъ шашлыкъ и не боятся никого и ничего. И какъ свободно обо всемъ говорятъ!.. Точно у себя дома... Что же это свобода, или свобода тамъ, откуда она уѣхала?...

И вдругъ стала тишина. Разговоры смолкли. Ночь колдовала и красивые несла сны. Слова казались пошлыми. Красные уголья покрылись сѣрымъ пепломъ. Было темно. Нордековъ, онъ таки и выпилъ подъ баранину и послѣ баранины немало, уже не разбиралъ, кто былъ противъ него... Какіе то американцы... Солдаты... Солдаты — въ это понятіе, такъ много вкладывалъ онъ совсѣмъ особаго чувства. Солдаты это были тѣ, кто только и могъ освободить Россію и создать въ ней такую же прекрасную жизнь, какая была сейчасъ здѣсь, въ этомъ таинственномъ саду, совсѣмъ не походившемъ на крошечный палисадничекъ виллы «Les Coccinelles». Дивныя видѣнія вставали въ его памяти... Сотни биваковъ у костра, тысячи людей такъ имъ любимыхъ и дорогихъ, его солдатъ и офицеровъ.. «Да это все вѣдь и сидятъ офицеры», — думалъ онъ и всю силу любви вкладывалъ въ это слово.

И въ этой тишинѣ сама собою родилась пѣсня.

Кто запѣлъ ее, — Нордековъ не замѣтилъ. Кажется, это Амарантовъ, сидѣвшій между Ферфаксовымъ и Михако завелъ ее такимъ нѣжнымъ теноромъ, какого нельзя даже было и ожидать отъ такого крупнаго и рослаго человѣка.

— На берегъ Дона и Кубани
Мы всѣ стекались, какъ одинъ...

И точно вздохнуло нѣсколько голосовъ, повторяя:

...Какъ одинъ...

И еще нѣжнѣе, точно самую душу раздвигая и входя въ святое святыхъ ея, сладкій теноръ продолжалъ:

— Святой могилѣ поклонялись
Гдѣ вѣчнымъ сномъ спитъ Калединъ...

Чуть слышно вздохнулъ хоръ:

— ... Калединъ...

XVIII.

Пѣсня слѣдовала за пѣсней. Изъ сосѣднихъ палисадниковъ заглядывали французы. Слышались апплодисменты и сдержанные крики браво. Нифонтъ Ивановичъ съ заплаканнымъ лицомъ трясущимися руками наливалъ вино въ протягиваемые ему стаканы.

И въ самый разгаръ этого колдовскаго сна, когда настоящее совѣмъ растворилось въ прошломъ и, казалось, что будетъ и будущее, съ каменнаго крыльца спустилась Неонила Львовна съ большою корзиною въ рукахъ. За нею шла точно сконфуженная, виноватая въ чемъ то Топси.

«Мамочка» рѣшительными шагами подошла къ полковнику и, протягивая ему корзину, сказала:

— Уже первый часъ, Георгій Димитріевичъ, завтрашній день наступилъ. Какъ хотите, а ихъ надо убрать. Хозяинъ три раза вчера присылалъ — чтобы до свѣта никакихъ собакъ у насъ не было, иначе... сами понимаете?

Въ корзину, тѣсно прижавшись другъ къ другу, лежало шесть маленькихъ клубочковъ шелковистой шерсти. Изъ отворенной на виллу двери на нихъ лился свѣтъ, и они мигали черными изюминками глазъ и испуганно озирались на обступившихъ ихъ людей.

— Боже, какая прелесть, — воскликнула Лидія Петровна. — Посмотрите-ка на этого съ бѣлой мордочкой!

— Ихъ написать великолѣпно... и въ этомъ освѣщеніи... — сказалъ Дружко.

— Тоже, поди, жить и имъ хочется, — сказалъ Парчевскій.

— Еще и какъ, — груднымъ задушевымъ голосомъ протянула Лидія Петровна.

— Вы слышали... Ихъ приказано прикончить до свѣта, — сказалъ Нордековъ. — Викторъ Павловичъ, ты силачъ и герой... Помнишь, какъ въ Крыму ты съ бронепоездомъ цѣлую дивизию красныхъ держалъ... И

потомъ доплылъ до англійскихъ кораблей. Ну-ка помоги намъ спровадить ихъ на тотъ свѣтъ...

— Идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, — басомъ провозгласилъ Ферфаксовъ.

— Ну вотъ еще, — сказалъ Амарантовъ, — шестьдесятъ большевиковъ хотъ сейчасъ своими руками задушу. А этихъ шестерыхъ... За что лишать ихъ жизни, которую имъ послалъ Господь?

— Это, какъ дитѣ убить, чисто какъ дитѣ, — вставилъ слово Нифонтъ Ивановичъ.

— Но какъ то порѣшить ихъ надо, — нерѣшительно заговорилъ Нордековъ. — Таковъ французскій законъ... Собакъ не дозволяется... Задушить ли, камнями ли побить, въ водѣ ли утопить, а угробить какъ то надо? Чтобы не дышали... А ни-ни!... Нельзя... *Il faut... Pas possible. Et alors!*...

— Ну да, — сказалъ Ферфаксовъ, — законы на то и пишутся, чтобы ихъ обходить.

— Ну только не французскіе, — сказалъ Парчевскій, — это Русскіе Императорскіе законы мы всегда стремились обходить и вотъ и дообходились, что вотъ куда зашли... Гдѣ, хочешь не хочешь, а исполняй законъ.

— Анеля, возьмемъ одного... Совсѣмъ какъ мой Берданъ будетъ. Помнишь?

— Вѣте паньство!... Сказали тоже!... А что консьержка скажетъ?... Какъ намъ такого звѣря держать на шестомъ этажѣ въ мансардѣ.

— Стасику была бы игрушка...

— Вамъ все игрушки, а мнѣ разорваться, прибирая за вами.

— Да я возить его съ собою буду. Знаете, господа, у одного офицера, шоффера, какъ и я есть собака «вольфъ». Такъ она всегда подлѣ него у руля сидить. И такъ онъ ее, симпатягу, заучилъ, что если кліентъ мало даетъ на чай, онъ ее незамѣтно толкнетъ, а та высунется въ окошко да на кліента «ррр», зарычитъ... Мало, молъ, даешь... А если кліентъ разщедрится, онъ ей скажетъ: — «*dis merci à monsieur*» и его «вольфъ» — правую лапу къ уху — честь, значитъ, отдаетъ!... Пасть

откроетъ... Улыбаётся. Такая славная умная собачушечка.. Всѣ кліенты ее прямо обожаютъ... Вотъ и у меня такъ же будетъ...

— Ну нечего, нечего, сказки рассказывать, — сказала Анеля и потащила мужа отъ корзины со щенятами за рукавъ.

Неонила Львовна поставила корзину на землю и строго сказала:

— Какъ хотите, а кончайте до свѣта. — И пошла твердою поступью обратно на дачу.

— Нѣтъ, это и правда тяжело, — сказалъ Нордековъ. — Подумайте, собака совсѣмъ беспомощна. Она вѣрять человѣку и такое предательство...

— А что, если, господа, китайцамъ свезти. На кухню... Подлѣ Ліонскаго вокзала есть, говорятъ, такой ресторанъ... Тамъ собакъ готовятъ... Все таки, какъ то лучше, чѣмъ такъ душить?... — предложилъ Парчевскій.

— Это надо, чтобы черные язычки у нихъ были, — изъ угла отозвался Ферфаксовъ.

Корзина, подлѣ которой смущенная и виноватая, все поглядывая на людей, вертѣлась Топси, разрушила колдовскіе сны ночи и пѣсень. Парчевскій отошелъ къ забору и мрачно курилъ. Мишель Строговъ шептался у дома съ Леночкой. Дружокъ подходилъ къ щенятамъ то съ одной, то съ другой стороны, щурилъ помутнѣвшій глазъ, любовался ими, щелкалъ языкомъ и говорилъ, ни къ кому не обращаясь:

— Ахъ ты, ну какіе право, аппетитные... А тона то!... Масломъ ли, водою, или итальянскимъ карандашемъ ихъ хватить!... Карти-ина!...

Разговоръ не клеился. Амарантовъ началъ было вспоминать, какъ первый разъ онъ встрѣтился съ Нордековымъ на войнѣ, но тотъ слушалъ какъ то разсѣянно и, наконецъ, рукой махнулъ и сказалъ съ отчаяніемъ:

— Ахъ, да не до того мнѣ теперь!

Ольга Сергѣевна сидѣла въ углу палисадника съ Лидіей Петровной. Она смотрѣла на мужа, и злая улыбка кривила ее губы. Недобрымъ огнемъ загорались ее глаза. Презрѣніе было въ нихъ.

Леночка вдругъ прошла къ самой корзинѣ.

— Ну что налюбовались, — съ какимъ то вызовомъ сказала она и взялась за ручки корзины.

Всѣ разступились передъ нею. Она подняла корзину и унесла ее обратно на дачу.

И какъ только унесли эту корзину, всѣмъ стало легче. Парчевскій съ силой бросилъ папиросу и сказалъ ни къ кому не обращаясь:

— Эхъ, жаль, пьянино нѣтъ... Чась то такой, что самое время подъ пьянино цыганщину пѣть.

— А на столѣ чтобы недопитые стаканы шампанскаго стояли, да на хрустальныхъ блюдечкахъ каленый миндаль съ крупною солью, — оживляясь, сказалъ Дружко. — Вотъ оно какъ, Михако, у насъ бывало въ старые то годы.

— И блѣдный свѣтъ утра... Разсвѣтъ зарождается, — продолжалъ вспоминать Парчевскій. — Трубачи устали забавлять господъ и пошли пиво пить съ французскими булками и колбасой.

— Эхъ и колбаса, братцы, была, — воскликнулъ, окончательно прогнавшій мысли о приговоренныхъ къ смерти щенятахъ Дружко. — Вареная, съ саломъ и чеснокомъ... На зубахъ, ажъ хруститъ...

— И позовемъ мы пѣсенниковъ. Вотъ, когда шло сліяніе съ народомъ... Четвертная водки... Пьяныя мокрая уста... Поемъ вмѣстѣ и пьемъ вмѣстѣ. Дружко, ты помнишь, у васъ въ полку былъ запѣвало Кареловъ?

— А что!... Да Викторъ Павловичъ нѣшто ему уступить? Чѣмъ мы сами то не пѣсенники?

— Такъ что же? — нѣтъ солдатъ — мы сами солдаты... Нѣтъ пѣсенниковъ — мы за нихъ...

— Нѣтъ Россіи, — тихо и зло сказала съ крыльца Ольга Сергѣевна.

— Мы и сами Россія, — весело и пьяно отвѣтилъ ей Дружко. — Не пропадетъ, поди, она. Куда ей дѣваться? Запѣвайте, Викторъ Павловичъ...

XIX.

Никто не замѣтилъ, какъ снова вошла въ палисадникъ Леночка. Она принесла что то круглое, плотно укутанное подушками и пледомъ, какой то низкій стулъ и крѣпко усѣлась на немъ, поднявъ высоко колѣни. Подлѣ нея стала, повиливая хвостомъ словно печальная Топси. Леночка сидѣла и слушала пѣсни, опустивъ лицо на ладони и облокотившись о колѣни. Ея лицо было задумчиво и строго.

— Молись, кунакъ, въ странѣ чужой,
Молись, кунакъ, за край родной,
Молись о тѣхъ кто сердцу милъ
Чтобы Господь ихъ сохранилъ,

лилась къ самому небу пѣсня.

Французы сосѣди давно полегли спать. Съ сосѣдней дачи присылали сказать, нельзя ли потише, нельзя ли перестать пѣть. Никто и вниманія не обратилъ на посланца.

— У насъ въ Медонѣ никогда бы не посмѣли такъ нахальничать, — сказалъ Парчевскій.

— Стоитъ ли стѣсняться въ своемъ отечествѣ, — сказалъ Дружко. Онъ, чтобы звончѣе пѣть зажималъ себѣ горло подъ кадыкомъ.

— Пускай теперь мы лишены
Родной страны, родной семьи,
Но вѣримъ мы: — настанетъ часъ
И солнца лучъ блеснетъ для насъ...

Послѣдній поѣздъ на Парижъ давно прогудѣлъ невдалекѣ.

— Что жъ, господа, до перваго метро, — предложилъ Дружко.

— Конечно... Конечно, — сказала Ольга Сергѣевна. Въ ея голосѣ звучали усталость и раздраженіе, но никто не обратилъ на это вниманія.

— Предложеніе принято единогласно, — сказалъ Нордековъ.

Снова запѣли.

Свѣтало. На лиловыхъ кистяхъ сирени свинцовымъ налетомъ легла роса. Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ. Вдали розовѣлъ востокъ. Золотые лучи тамъ играли. На верху небо съ каждымъ мигомъ становилось голубѣе. Надъ Парижемъ дымными языками клубился туманъ. Съ Сены, должно быть съ моторной баржи, неслись рѣзкіе звуки трубы.

Всѣ устали, притихли, какъ то осоловѣли.

Леночка поднялась съ своего низкаго сидѣнья. Ея лицо было блѣдно. Глаза горѣли суровымъ огнемъ. Брови были нахмурены. Что то мужественное было въ ея прекрасныхъ глазахъ. Она казалась худѣе и стройнѣе въ блѣдномъ свѣтѣ утра.

— Ну вотъ и готово, — сказала она.

Никто ее не понялъ. Непонятная тревога охватила Ольгу Сергѣевну.

— Что готово?... — спросила она.

— Собачки ваши.

— Что такое вы сдѣлали съ собачками? — грозно подступая къ Леночкѣ, сказалъ Нордековъ.

— А вотъ, сами смотрите.

Леночка подняла подушки и пледъ, на которыхъ сидѣла. Подъ ними оказалась корзина. Въ ней неподвижными, жалкими, точно сморщенными комочками лежали щенята. Леночка взяла корзину за край и вытряхнула ихъ на землю.

Первый лучъ солнца упалъ на нихъ. Съ жалобнымъ повизгиваніемъ, плача, крутилась подлѣ нихъ Топси. Она точно жаловалась кому то на людскую жестокость и несправедливость.

— Леночка, да что же это значитъ?.. Какъ ты могла только, — съ нечеловѣческимъ страданіемъ въ голосѣ крикнула Ольга Сергѣевна.

— Да вѣдь вы хотѣли отдѣлаться отъ нихъ... Ну, я и рѣшила вамъ помочь. Закутала ихъ чѣмъ могла поплотнѣе, чтобы имъ никакъ дышать было невозможно... Сѣла... Сижую.. Слышу, чуть пищать... Возьются... Тоже и

имъ, значить, умирать не сладко... Ну а потомъ затихли... Вы и про кунака пропѣть не успѣли, а они уже готовы. Жмуриками стали... Теперь только закопать и вся недолга. Развязала я васъ.

— Дѣйствительно... развязала, — со слезами въ голосъ воскликнула Ольга Сергѣевна.

Напряженное молчаніе было въ палисадникѣ. Всѣ толпились подлѣ щенятъ. Дружко даже снялъ шляпу. Никто не поднималъ глазъ на Леночку. У всѣхъ была одна мрачная, больная, страшная и острая мысль: — «совдепка»...

— Мнѣ въ глаза Топси будетъ стыдно смотрѣть, — тихо сказалъ полковникъ.

Никто ничего не возразилъ. Головы опустились ниже. Изъ толпы этихъ пожилыхъ, потрепанныхъ жизнью, выдавшихъ всякіе виды людей, отдѣлился Мишель Строговъ. Онъ твердыми шагами подошелъ къ Леночкѣ и, протягивая ей руку, сурово сказалъ:

— Я уважаю васъ, Леночка. Вы настоящій человекъ...

Его слова точно вывели всѣхъ изъ вдругъ охватившаго ихъ столбняка. Всѣ засуетились и стали прощаться съ хозяевами, точно торопясь уйти отъ того мѣста, гдѣ лежали мертвые щенята.

— Милая, это ужасно, — протягивая руку и цѣлуя въ щеку Ольгу Сергѣевну, говорила Парчевская. — Въ четвергъ въ половинѣ девятаго на спѣвку.

— Славнечко провели время, — зѣвая говорилъ Дружко. — Только вотъ это самое ужасно, какъ мнѣ не понравилось. Какая, однако, жестокость и хладнокровіе...

— Факсъ, ты въ гаражъ?

— Нѣтъ. Я больше не работаю на такси. Въ бюро предупредилъ, что не буду. Посплю до полудня.

— Господа, дойдемъ пѣшкомъ до подземки. Не стоитъ поѣзда ждать. Утро такое прекрасное.

— Да послѣ всего этого надо все-таки подышать свѣжимъ воздухомъ.

И кто то негромко, но четко сказалъ: — совдепка!
Ольга Сергѣевна и полковникъ провожали гостей

до калитки. Нифонтъ Ивановичъ на томъ мѣстѣ, гдѣ жарили шашлыкъ тяжелой, садовой лопатой рылъ могилу для щенковъ. Топси все продолжала жалобно скулить.

Въ воротахъ Ольга Сергѣевна еще разъ поцѣловалась съ Парчевской. Мужчины и Анеля, громко разговаривая, спускались по каштановой аллеѣ на рыночную площадь.

Ольга Сергѣевна показала Лидіи Петровнѣ рукой на уходящихъ.

— Видали, — сказала она. — Это же ужасно... Божіи коровки какія то!...

— Но, милая, вы слишкомъ строги... Они же такъ много пережили.

— Тѣмъ болѣе... И кто же... Дѣвушка!... Оттуда!!...

— Послушайте, милая... Ихъ всѣхъ, и ее, надо понять и простить...

— Ахъ, не могу больше ни понимать ни прощать...

— Лида, — крикнулъ изъ толпы Парчевскій. — Что же ты? Идемъ.

Въ толпѣ зарождалась въ полголоса запѣтая пѣсня:

— Смѣло пойдемъ мы
За Русь святую...

XX.

Еще во время вечеринки Ферфаксовъ улучилъ минуту и, отведя Нордекова въ сторону, сказалъ ему:

— Вы Ранцева знаете?

— Такъ не знакомъ, а слыхалъ. Онъ предсѣдатель Мариенбургскаго полкового объединенія. Мы съ нимъ контактъ держимъ.

— Удивительнѣйшій по нашему времени человекъ... Рыцарь... Честность и офицерскій долгъ... Такъ вотъ этотъ Ранцевъ мнѣ говорилъ: — сюда изъ Чехословакии пріѣхалъ нѣкто Стасскій. Въ прошломъ едва

ли не революціонеръ... Антимилитаристъ... Ну, да Ранцевъ, я васъ съ нимъ познакомлю, — вамъ все про него расскажетъ. Стасскій считался когда то первымъ умомъ въ Россіи... Теперь глубокій старикъ. Въ будущую субботу онъ читаетъ здѣсь лекцію о томъ, что происходитъ въ Россіи... Пойдемте... Входъ свободный. Три франка на покрытіе расходовъ.

— Непремѣнно.

Это было слабостью Нордекова и Ферфаксова: — набираться чужого ума, ходить по лекціямъ и докладамъ, которые бывали въ тѣ времена въ Парижѣ почти каждый день.

Нордековъ давно, еще въ годы своей Петербургской службы, слыхалъ о Стасскомъ. Теперь о немъ шумѣли эмигрантскія газеты. Отъ него ожидали глубокаго профессорскаго, академическаго анализа сущности совѣтской власти. Ожидали откровенія, пророчества.

Ранцевъ, встрѣченнй Нордековымъ у входа въ залъ, на вопросъ, зналъ ли онъ лично Стасскаго, отвѣтилъ:

— Я его, можно сказать, совсѣмъ не знаю. Одинъ разъ какъ то видѣлъ его на вечерѣ и слышалъ, какъ онъ говоритъ. Ужасный человекъ. По настоящему ему тогда уже было мѣсто гдѣ нибудь въ тюрьмѣ, или въ ссылкѣ, а еще того лучше въ сумасшедшемъ домѣ, но, вы знаете, какъ было слабо наше правительство съ такими господами. «Стасскій первый умъ Россіи»... «Стасскій другъ графа Льва Николаевича Толстого», — какъ же такого сослать?... Съ нимъ нянчились... Его принимали въ великосвѣтскихъ салонахъ... Онъ проповѣдывалъ самый крайній анархизмъ и антимилитаризмъ. Потомъ, говорятъ, раскаялся и перемѣнился. Умъ ѣдкій и оригинальный. Ему приписываютъ формулу: — «ни Ленинъ, ни Колчакъ». Мнѣ рассказывали, что въ Крыму онъ бывалъ у генерала Врангеля, помогалъ ему своимъ вѣсомъ въ общественныхъ кругахъ, своимъ умомъ и богатыми знаніями. Въ Добровольческой арміи его даже будто полюбили, и онъ самъ измѣнилъ свой взглядъ на «военщину», какъ онъ насъ называлъ... Онъ безъ копѣйки очутился за границей, но у него вез-

дѣ старые друзья. Онѣ близокѣ ко многимѣ главамѣ нынѣшнихѣ правительствѣ. Когда то съ ними разрушалѣ Императорскую Россію... Ему помогаютѣ... Для него безкорыстно работаетѣ наша молодежь... У него друзья и тамѣ... Въ Россіи... Ея мучители — его бывшіе пріятели... Я думаю, онѣ многое знаетѣ, чего мы не знаемѣ.

— Потому то вы и пришли... Я никогда раньше не видалѣ васѣ ни на какихѣ докладахѣ.

Какая то тѣнь пробѣжала по лицу Ранцева. Онѣ точно нехотя отвѣтилѣ:

— Отчасти и потому.

— Да, какѣ можно не быть на такомѣ докладѣ, — воскликнулѣ Ферфаксовѣ. — Вы посмотрите весь эмигрантскій Парижѣ собрался сюда. Какой сѣздѣ!... Этотѣ докладѣ событіе въ нашей бѣженской жизни.

У нихѣ мѣста были на хорахѣ. Оттуда все было отлично видно. Залѣ былѣ небольшой, но помѣстительный. На невысокой эстрадѣ стоялѣ, какѣ полагается, длинный столѣ, накрытый зеленымѣ сукномѣ, для президіума. На немѣ лежали листы бѣлой бумаги, стоялѣ графинѣ со ржавой водой и стаканѣ для оратора. Точно тутѣ ожидался судѣ. Кого будутѣ судить на немѣ: — Россію, или эмиграцію?..

Подѣ гомонѣ голосовѣ и стукѣ шаговѣ залѣ быстро наполнялся. Въ переднихѣ рядахѣ усаживались старые генералы. Они, какѣ и всѣ, были въ скромныхѣ пиджакахѣ. Кое кто изѣ чиновѣ постарше надѣлѣ сюртукѣ ласточкой, или потертый «официальный» смокингѣ.

На краю перваго ряда въ длинномѣ черномѣ сюртукѣ сѣлѣ красивый старикѣ Федоровѣ, другѣ учащейся молодежи, взявшій на себя тяжелую и неблагодарную работу стучать въ черствыя людскія сердца и заставлять людей открывать тяжелые, набитые и легкіе скудные кошельки, чтобы помогать Русской молодежи, жаждущей знаній. Его лицо, обрамленное сѣдою бородой было скорбно и устало. Не легкоѣ былѣ взятый имѣ на себя крестѣ помощи ближнему. Годѣ отъ года оскудѣвала рука дающаго, и сколько было нужно силы воли, характера, изобрѣтательности и любви къ учащейся молодежи, чтобы добывать средства! Новая ни-

ва росла, поднималась и требовала помощи. Полчища молодежи Русской устремлялись въ университеты и политехникумы, и кто имъ поможетъ?

Рядомъ съ нимъ сѣлъ, рѣзко выдѣляясь на фонѣ штатскихъ костюмовъ своей черной черкеской съ бѣлыми гозырями, генераль Баратовъ, предсѣдатель союза инвалидовъ. Одинъ просилъ для будущаго Россіи, другой просилъ поддержать тѣхъ, кто до конца исполнилъ свой долгъ передъ Родиной и, проливъ за нее кровь, сталъ инвалидомъ. Баратовъ медленно вытянулъ раненую ногу и положилъ вдоль нея черную палку съ резиновымъ наконечникомъ. Онъ снялъ съ сѣдой головы большую бѣлую папаху и, привѣтливо, ласково оглянувъ залъ, сталъ раскланиваться со знакомыми, а знакомыми у него были всѣ слушатели.

Нордековъ, всѣхъ положительно знавшій, называлъ Ранцеву писателей: — З. Н. Гиппіусъ, философа Д. С. Мережковскаго, М. А. Алданова, чьими романами онъ зачитывался, И. С. Сургучева, С. Яблоновскаго... представителей партій и политическихъ группировокъ. А. Н. Крупенскій по странной случайности оказался рядомъ съ П. Н. Милюковымъ, а подлѣ молодого и задорнаго Каземъ-Бека усѣлся старый Зензиновъ.

На лекцію пришли Великіе Князья, и была одна Великая Княгиня, давнишній кумиръ Ранцева и Нордекова. Въ шелковыхъ рясахъ и въ строгихъ черныхъ пиджакахъ были и духовныя особы обѣихъ расколовшихся церквей.

Стасскій, всю свою жизнь всѣхъ разъединявшій, теперь объединилъ своею интересною лекціей людей самыхъ различныхъ направленій.

Залъ своимъ видомъ, не блестящимъ — нѣтъ, онъ былъ тусклъ и не наряженъ костюмами, но онъ блисталъ именами, каждое войдетъ со временемъ въ исторію, — одни, какъ разрушители Императорской Россіи, другіе, какъ смѣлые и неутомимые борцы за великую Россію, создатели Добровольческой арміи и всего «бѣлаго» движенія, — показывалъ, что тутъ былъ весь Русскій Парижъ.

Не мало было и иностранцевъ.

Рядомъ съ Нордековымъ высокій красивый французъ по старинному съ длинной и узкой сѣдой бородкой говорилъ сопровождавшему его Русскому. Нордековъ невольно прислушался къ его словамъ.

— L'Europe est promise au plus douloureux avenir. Elle refuse de s'en rendre compte. C'est une aveugle volontaire. Qui pourrait lui dessiller les yeux? La presse ne peut plus remplir le rôle pour qui elle avait été naguère créée. Les juifs ont magnifiquement travaillé. Contre leur puissance et leur action, nous sommes totalement désarmés. Dans notre sphère individuellement, nous tenons de formuler la vérité. Mais nous sommes considérés comme des prophètes de mauvaise augure. Vous savez que le peuple n'aime pas à entendre la vérité. Les mensonges flattent son désir de sécurité. J'adore les mensonges*).

— Сейчасъ вы услышите правду, — отвѣчалъ ему по французски Русскій.

— А... Правду! — съ большой горячностью сказалъ французъ. — Какъ хотите вы бороться противъ громадной еврейской организаціи? Она вездѣ. Elle tient tous les carrefours**). Къ власти она пускаетъ только своихъ, «услужающихъ», или убѣжденныхъ къ повиновенію, или купленныхъ... Мы побѣждены, даже и не понимая того, что мы не боролись... Послушаемъ, что намъ скажетъ вашъ Illustre***). Вы мнѣ будете переводить.

— Съ особымъ удовольствіемъ.

---

*) Будущее Европы самое печальное. Она не отдастъ себѣ въ этомъ отчета. Это добровольная слѣпота. Кто можетъ ей открыть глаза? Газеты уже не могутъ выполнять ту роль, къ которой онѣ призваны. Жиды отлично работали. Мы безоружны противъ ихъ могущества и ихъ дѣятельности. Въ нашей сферѣ мы еще пытаемся искать истину. Но на насъ смотрятъ, какъ на пророковъ плохого сорта. Вы знаете, что народъ не любитъ слушать правду. Ложь ласкаетъ его желаніе безопасности. Онъ обожаетъ ложь.

***) Она на всѣхъ перекресткахъ.

****) Знаменитость.

Президіумъ, и опять все имена, знаменитости, крупнѣйшія величины лѣваго и праваго лагерей — заняль свои мѣста за столомъ. Портьера позади стола распахнулась. Заль разразился громомъ рукоплесканій. Многіе встали. Рядомъ съ Нордековымъ какой то совершенно лысый человекъ неистово хлопаль въ ладоши, весь перегнувшись за перила хоровъ. Изъ за эстрады къ столу подошелъ Стасскій.

XXI.

Онъ былъ очень старъ и, видимо, слабъ. На немъ, какъ на вѣшалкѣ, висѣль длинный, черный, старомодный сюртукъ. Въ толпѣ кто то сказалъ — «народовольческій». И точно: — отъ костюма Стасскаго повѣяло шестидесятыми годами.

Совершенно лысый черепъ былъ цвѣта слоновой кости. Сивые волосы рѣдкими прядями обрамляли только шею и спускались косицами на воротникъ. Сморщенное, бѣлое, какъ у покойника, лицо было покрыто сѣтью частыхъ мелкихъ морщинъ. Жиденькая бородка торчала ядовитымъ клинушкомъ... Руки у него были длинныя съ узловатыми тонкими пальцами. Онъ походилъ на хищную птицу.

— Настоящій кондоръ — орель стервятникъ, — прошепталъ на ухо Нордекову Ферфаксовъ. — Если бы вечеромъ увидалъ такого въ горахъ, — пристрѣлилъ бы его за милую душу.

Стасскій поклонился, легкимъ наклономъ головы отвѣчая на сдѣланную ему овацію, и оперся обѣими руками о край стола.

Аплодисменты стихли. Стала напряженнѣйшая тишина. Стасскій не торопился начинать. Нордекову показалось, что онъ такъ старъ и слабъ, что не въ силахъ будетъ говорить.

Но голосъ Стасскаго раздался, и дѣйствительно, совершенно отвѣчая его наружности, онъ походилъ на орлиный клекоть.

Стаскій бросаль отрывистыя, безсвязныя фразы, какъ всѣ Русскіе ученые злоупотребляя иностранными словами. Первое впечатлѣніе было — большое разочарованіе.

— Да онъ совсѣмъ не ораторъ!...

Но Стаскій зналъ, что дѣлалъ. Онъ бросаль свои отрывистыя мысли, какъ скульпторъ бросаетъ глину на болванку. Онъ лѣпилъ ихъ безобразными комками, едва давая очертанія того лица, какое онъ хотѣлъ вылѣпить. И сейчасъ же онъ принимался эти наспѣхъ безсвязно брошенныя мысли дополнять, разъяснять, передѣлывать, опровергать, измѣнять и вдругъ, и совершенно неожиданно для слушателя, мысль Стаскаго вставала необыкновенно ясная и выпуклая.

— Репродукція... Воспроизведеніе... Я бы сказалъ — отображеніе... того, что происходитъ сейчасъ въ Россіи... Это... Депрессія... Какая то подавленность съ одной стороны... Полная толерантность массъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ неостывающей, вулканической какой то, революціонный пафосъ... Кипѣніе толпъ... Массовая психологія... Митинги и образованіе совсѣмъ своеобразной демократіи, общественности въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ и самага этого слова не понимали.

Нѣтъ, онъ совсѣмъ не былъ старъ. И кто бы сказалъ, что ему за восемьдесятъ!... Душа его горѣла молодымъ огнемъ. Тѣло точно торопилось передать человѣческимъ языкомъ все то, что накипѣло въ его душѣ. Этотъ человѣкъ, казалось, понималъ и видѣлъ нѣчто скрытое отъ другихъ и спѣшилъ рассказать объ этомъ, пока онъ еще живъ, чтобы предупредить человечество о надвигающейся катастрофѣ.

— Соціализмъ проводится тамъ безповоротно... и жестоко... И какой соціализмъ! Соціализмъ Беллами и Уэлса! Соціализмъ необузданныхъ романистовъ, данный въ руки дикарямъ... Притомъ шовинистическій какой то соціализмъ... Олицетвореніе и оформленіе всѣхъ старыхъ лозунговъ. «Кто не съ нами — тотъ противъ насъ»... Отсюда — чрезвычайки, неслыханный въ мірѣ терроръ... Ссылки, какихъ не знала Императорская Россія... Каторжныя работы... Рабство... Но соціализмъ —

это то, на что молились... Это религія массъ... Если страна совѣтовъ со всѣмъ тѣмъ уродлива и страшна — значитъ уродливъ и страшень и самъ социализмъ. Кто, однако, посмѣетъ сказать это? Вотъ откуда эта всеобщая, вопреки здравому смыслу, поддержка совѣтовъ... Это поддержка социалистами социалистическаго правительства... А во вторую четверть двадцатаго вѣка, гдѣ не сидятъ въ Европѣ... Что въ Европѣ, во всемъ мірѣ — социалисты? Кто же посмѣетъ сказать: — «социализмъ — это глупость, социализмъ — это утопія»... И — «свобода, равенство и братство» тѣ самые лозунги, на которые болѣе вѣка молились — это обманъ.. Если не можете этого сказать вы, свободные и въ свободной странѣ находящіеся, какъ хотите вы, чтобы сказали это тамъ, гдѣ за одну такую мысль разстрѣливаютъ, казнятъ, пытаются и замучиваютъ... Поймите, какая же это сила!... Они... Ихъ режимъ... большевицкій... Вотъ кто то сказалъ — и хъ вѣра — оправдана и поддержана всѣми... всѣмъ міромъ... Ибо кто противъ нихъ — тотъ противъ социализма...

Стаскій сдѣлалъ маленькую паузу, отпилъ воды и съ силою, какой нельзя было ожидать отъ него снова повторилъ:

— Кто осмѣлится пойти противъ социализма?!... Въ немъ воспитаны наши отцы, наши дѣды... Мы сами выросли въ преклоненіи передъ нимъ. И дѣтей своихъ мы воспитали въ вѣрѣ въ социализмъ...

Съ большимъ искусствомъ Стаскій сдѣлалъ краткій очеркъ развитія социалистическаго ученія въ Россіи и въ Европѣ.

— Мы боролись противъ собственности, — говорилъ онъ теперь уже спокойно. — Прекрасное дѣло!... Мой другъ Левъ Николаевичъ Толстой не могъ мириться съ тѣмъ, что у одного столько тысячъ десятинъ, что онъ въ цѣлый день на лошади не можетъ объѣхать своего имѣнія, а у другого полторы десятины и громадная семья на шеѣ... Басня о клочкѣ земли, куда некуда куренка выпустить, стала такъ избитой, что я не стану вамъ повторять ее. Ну такъ вотъ — большевики совсѣмъ упразднили собственность... Такъ вѣдь это же

торжество социализма!.. И какъ я скажу своимъ избирателямъ, рабочимъ, въ огромномъ своемъ большинствѣ социалистамъ и социалистамъ тупымъ, что я иду противъ совѣтовъ?... Невозможно!... Тамъ въ Россіи, какъ въ странѣ неопитовъ энтузіазмъ массъ...

— Тамъ нищета и голодъ, — крикнулъ кто то изъ заднихъ рядовъ.

— Тамъ — небывалый подъемъ, пафосъ и энтузіазмъ массъ, — упрямо повторилъ Стасскій. — Тамъ «пятилѣтка»... «Погодите», — говорятъ тамъ голодному... Да, не отрицаю: — голодному, оборванному, отрепанному, босому нищему обывателю, — «погодите, пройдетъ еще три, два. одинъ годъ и все у васъ будетъ... Наступитъ рай на землѣ... Эта легенда о раѣ, какъ ни уничтожаютъ религію въ человѣческихъ умахъ, лежитъ въ нихъ прочно... Этого рая ждуть и въ этотъ рай вѣрятъ... А когда что нибудь уже очень не удастся... Вредители!... Показательные процессы всевозможныхъ «спецовъ», инженеровъ, агрономовъ, техниковъ... Это міровой капиталъ мѣщаетъ на роду... Ну и вотъ: — распни ихъ — вредителей!

— Пятилѣтка имъ никогда не удастся — крикнулъ кто то съ мѣста.

— Какъ можно говорить: — «не удастся» о томъ, что уже удастся. Другой, и совершенно праздный вопросъ — какою цѣной?... Весь союзъ совѣтскихъ, социалистическихъ республикъ, вся прошлая громадная Россія, скажу банальное избитое слово: — шестая часть свѣта, со ста сорока милліонами населенія обращается въ громадную фабрику, производящую все то, что нужно для человѣчества. Въ ней работаютъ — рабы. Нищія, голодные, боящіеся окрика своихъ мучителей и притомъ фанатически вѣрующіе, что они проповѣдники новой свѣтлой религіи, религіи социализма... Это же Египетъ какой то... Египетъ временъ фараоновъ!... Но Египетъ съ усовершенствованными путями сообщенія, съ радіо, съ аэропланами... Вотъ они повсюду закупаютъ и заказываютъ коммерческой тоннажъ. Это готовится такой дампингъ, передъ которымъ не устоитъ никакое государство. Года черезъ два заводы Форда подъ Ниж-

нимъ Новгородомъ выпускають автомобили «Made in U.S.S.R.» цѣною, здѣсь, въ Парижѣ 2000 франковъ. Кто можетъ съ этимъ конкурировать?... Вы скажете: — «ихъ можно запретить... наложить такія пошлины, что они станутъ дороже здѣшнихъ»... Да не очень то запретите, когда самъ пролетаріатъ, сами рабочіе, скажемъ, работающіе у того же Рено, или Ситроена, кинутся покупать эту дешевку?.. Сами будутъ рубить сукъ, на которомъ сидятъ. Сами будутъ загонять себя въ социалистическое рабство. А потомъ придутъ корабли съ хлѣбомъ, со всевозможнымъ сырьемъ, съ лѣсомъ, добытыми въ громадныхъ государственныхъ кол-хозахъ рабскимъ трудомъ и завалятъ всѣ рынки... Вотъ недавно въ Бразиліи пришлось выкинуть нѣсколько тоннъ мѣшковъ съ кофе, чтобы не подорвать цѣнъ на кофе... Еще гдѣ то по той же причинѣ пшеницей топили паровозы... Совѣтскій дампингъ затопитъ всѣ рынки. Трудъ станетъ безцѣльнымъ. Государства станутъ передъ дилеммой: — или заводите у себя такой же рабскій трудъ, такую же скотскую жизнь, стройте чрезвычайки, разстрѣливайте неповинующихся рабочихъ, или становитесь въ полную зависимость отъ совѣтскаго союза и увеличивайте до безконечности арміи безработныхъ. Въ Европѣ готовится самое ужасное рабство и что примѣчательно: — сами будущіе рабы — рабочіе — куютъ себѣ рабское ярмо. У социализма два пособника: — жадность и глупость и оба они въ Европейскихъ демократіяхъ налицо. Торжество социализма — обращеніе націи въ безсловесную толпу, которой легко управлять... И правители найдутся... Только будемъ ли мы тогда довольны своими правителями?..

Стасскій кончилъ. Онъ сдѣлалъ чуть замѣтное движеніе головой, нѣчто въ родѣ поклона и безсильно опустился на стулъ. Воспламенившійся было, въ старомъ тѣлѣ духъ угасъ. Передъ толпою былъ старикъ, такъ странно похожій на большую хищную птицу. Теперь эта птица словно была мокрой и нахохлилась.

Слушатели были подавлены. Раздавшіеся, было, жидкіе аплодисменты сейчасъ же и оборвались. Докладчикъ нарисовалъ такую жуткую картину будуща-

го, что странно и дико было рукоплескать своей грядущей гибели.

Нѣсколько мгновений въ залѣ стояла тишина. Потомъ она стала прерываться отдѣльными возгласами.

— Если бы это говорилъ ктонибудь другой... какойнибудь провокаторъ, прїѣзжій изъ совѣтчины агентъ чрезвычайки, а то — Стасскій... Стасскій!...

— Первый умъ Россіи.. Соціалистъ въ прошломъ.

— Какой онъ тамъ соціалистъ. Никогда ни въ какой партіи не былъ. Типичный Русскій анархистъ. Всегда и все отрицавшій...

— Раньше отрицалъ Императорскую власть, религію, армию, потому что они были въ силѣ. Теперь отрицаетъ соціализмъ, потому что настало его царство.

— Неужели и вы считаете, что совѣтскій коммунизмъ имѣетъ чтонибудь общее съ соціализмомъ? —
— Если не признать этого, придется согласиться съ крайними правыми, считающими, что все это еврейскій заговоръ, а согласитесь, что это было слишкомъ простое рѣшеніе вопроса въ духѣ «Сіонскихъ протоколовъ».

Залъ гудѣлъ голосами. Въ Президіумѣ совѣщались. Оставить докладъ Стасскаго безъ возраженій было нельзя. Слишкомъ тяжкое впечатлѣніе онъ произвелъ на слушателей. Не того ожидали отъ него устроители доклада.

Было рѣшено открыть пренія по докладу.

Зазвонилъ колокольчикъ предсѣдателя.

— Слово предоставляется Ѳедору Ѳедоровичу Разгонову.

На эстраду вошелъ старикъ съ длинными и густыми, совершенно бѣлыми волосами, причесанными по старой «профессорской» модѣ назадъ. Сѣдые усы и сѣдая «интеллигентская» бородка красили его усталое, покрытое морщинами, блѣдное лицо. Онъ поклонился публикѣ и началъ...

XXII.

— Господа! докладъ почтеннаго Владиміра Васильевича — цѣлое откровеніе... Мы должны... Нашъ священный долгъ... довести его въ цѣломъ... Во всемъ его объемѣ до свѣдѣнія иностранцевъ. Намъ дано видѣть — имъ не дано видѣть... И мы должны имъ открыть глаза... Но, господа, отъ лица своей партіи... Я старый социалистъ считаю своимъ долгомъ заявить, что то, что дѣлается въ Совдепіи отнюдь не социализмъ. И въ этомъ глубокоуважаемый Владиміръ Васильевичъ жестоко ошибается — никогда не социализмъ!... Социализмъ не рабство!.. Нѣтъ!... Тысячу разъ нѣтъ!... Не рабство и не обманъ!... Свобода, равенство и братство, какъ были, такъ и останутся священными лозунгами... Мы должны, господа, забыть всѣ наши разногласія, всѣ наши партійные споры и объединиться... Придти къ полному единенію... Всѣ отъ крайняго лѣваго до праваго нашихъ фланговъ начать рѣшительную борьбу словомъ съ большевиками, этими дѣйствительно разрушителями великой Русской культуры, давшей намъ Пушкина...

— Э... завелъ волюнку, слышали, — довольно громко сказалъ кто то подлѣ Нордекова. — Теперь заговорить о митингахъ протеста, о подписныхъ листахъ съ воззваніями къ международной совѣсти. Надоѣло!...

И точно... Съ эстрады раздавалось:

— Мощные митинги протеста... Во всѣхъ городахъ всего свѣта... Рѣчи лучшихъ ораторовъ. Просвѣщенныхъ умовъ... Громкоговорители... Неослабно и неустанно будить народную совѣсть, призывать къ бойкоту всего совѣтскаго, къ презрѣнію ихъ всѣми, разъяснять всю пагубность, всю несостоятельность совѣтской системы...

— Они насъ шимозами, а мы ихъ молебнами, — говорилъ, ни къ кому не обращаясь, сосѣдъ Нордекова. — Это уже было разъ... Ничему мы не научились... Они насъ изъ пулеметовъ... А мы иконы... Митинги, рѣчи, протесты... Придумайте, господа, чтонибудь новое и дѣйствительное.

И будто для подтвержденія словъ говорившаго рядомъ съ Нордековымъ, на эстрадѣ стараго профессора смѣнилъ маленькій щупленькій человекъ въ изящномъ смокингѣ, въ лакированныхъ аккуратно завязанныхъ туфелькахъ, старый, но красивый барскою изнѣженною красотою, съ блѣднымъ лицомъ и голубыми, выцвѣтшими глазами.

— Слово предоставляется писателю Ивану Максимовичу Леонардову.

Довольно дружные аплодисменты вспорхнули по залу.

— Господа, — сладкимъ, негромкимъ голосомъ началъ писатель, — и то, что говорилъ Владиміръ Васильевичъ, и то, къ чему насъ призывалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ взаимно одно другое дополняетъ и разъясняетъ... Вы простите меня за нѣкоторую несвязность рѣчи... Тотъ, кто хорошо пишетъ не всегда можетъ хорошо говорить... Поднятый вопросъ меня необычайно волнуетъ. Оба почтенные оратора не коснулись главнаго, по моему мнѣнію, самага существеннаго. Они говорили о матеріальной сторонѣ, не касаясь стороны духовной. Идетъ борьба Христа съ сатаной. И намъ надо объединить свои души въ этой борьбѣ. «Едиными устами и единымъ сердцемъ»... Я не говорю, что надо отказаться совсѣмъ отъ дѣйствій... Отнюдь нѣтъ... Но каждый изъ насъ понимаетъ, что всякая, такъ называемая интервенція съ оружіемъ въ рукахъ совершенно исключается. Дѣйствія противъ большевиковъ выражаются не въ одномъ террорѣ, не въ бряцаніи оружіемъ, а въ каждомъ нашемъ словѣ, движеніи, жестѣ, мысли, проникнутыхъ дѣйствительностью, рождающей здоровую атмосферу и убивающей охватившій насъ маразмъ... Мы должны проникнуться извѣстнымъ мистическимъ настроеніемъ вѣры, чтобы создать опредѣленные, такъ сказать, флюиды борьбы... Важно, господа, не то, когда падутъ большевики, а важно то, что они непременно падутъ, что они должны пасть... Важно, что мы хотимъ, чтобы они пали и знаемъ и вѣримъ, что это такъ и будетъ... Иными словами я васъ призываю къ вѣрѣ, что горами движетъ... Будемъ всѣ вѣрить въ паденіе

большевиковъ, создадимъ атмосферу, насыщенную флюидами такой вѣры и этимъ своимъ невидимымъ воздействиемъ, мистическою своею вѣрою мы погубимъ ихъ навѣрно и навсегда...

— Такъ вѣдь вѣра то безъ дѣлъ мертва есть, — громко сказалъ сосѣдъ Нордекова. Онъ сильно волновался рѣчами ораторовъ и близко принималъ къ сердцу то, что говорилось съ эстрады.

Записалось еще нѣсколько ораторовъ, желавшихъ возразить докладчику, но за недостаткомъ времени и приближеніемъ рокового въ Парижѣ часа «последняго метро» имъ было отказано, и заключительное слово было предоставлено Стасскому.

Онъ говорилъ его усталый и, видимо, раздраженный. Ему точно казалось, что его не поняли, что не захотѣли услышать то, что онъ говорилъ, можетъ быть, передъ смертью.

— Я сказалъ, господа, — слабымъ, но яснымъ и далеко слышнымъ голосомъ говорилъ Стаскій. — то, о чемъ я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ. Извините, что я не пришелъ къ вамъ съ коробкой мармеладныхъ конфетъ фабрики Лиги Націй... Я пришелъ къ вамъ, чтобы, какъ по радіо съ корабля крикнуть на весь міръ:—S.O.S.!! Спасите насъ!!! Эти слова, эти ужасныя слова предсмертной муки, уже крикнулъ на весь міръ въ 1920 г. писатель Леонидъ Андреевъ, крикнулъ ихъ со своего сторожевого поста, изъ Финляндіи, откуда онъ могъ наблюдать то, что дѣлается въ Россіи. Міръ его не услышалъ. Пусть сегодняшнее мое слово будетъ новымъ крикомъ, новымъ призывомъ къ странамъ, къ народамъ всего міра: — S.O.S.!!

Последнія слова онъ сказалъ едва слышнымъ голосомъ, потомъ съ неожиданною быстротою повернулся, и, согнувшись, сгорбившись, вошелъ за портьеру и скрылся изъ зала.

Съ глухимъ говоромъ публика стала вставать и, тѣсняясь въ проходахъ, выходитъ изъ помѣщенія. Всѣ торопились. Часъ последняго метро наступалъ. Перспектива ожидать ночныхъ автобусовъ, или сидѣть до утра никому не улыбалась. Россіи этимъ не спасешь, а себѣ

надѣлаешь непріятностей. Расходились молчаливо въ мрачномъ раздумьи о надвигающейся катастрофѣ, предотвратить которую, казалось не было никакой возможности.

XXIII.

— Факсъ, — окликнулъ выходившаго изъ зала Ферфаксова Ранцевъ. — Ты свободенъ?... Впрочемъ, напрасный вопросъ... Даже, если бы ты былъ и тысячу разъ занятъ, ты долженъ сдѣлать то, что я тебѣ скажу.

Ферфаксовъ остановился передъ Ранцевымъ съ видомъ собаки, слушающей своего господина.

— Посмотри на полковника Нордекова, — сказалъ Ранцевъ, показывая на человѣка, закуривавшаго у фонаря. — Ты понимаешь, его нельзя сейчасъ оставлять одного. Онъ дошелъ до точки. Онъ стоитъ надъ пропастью. Мы должны его спасти и сдѣлать его своимъ. Слѣди за нимъ все время... Переговори, когда найдешь это нужнымъ... Я его насквозь вижу. Проклятый Стаскій!... Развѣ можно говорить такъ слабымъ духомъ... А, между прочимъ я никогда не ожидалъ, что будетъ день, когда и онъ прозрѣетъ.

За эти три часа, что продолжался докладъ и пренія, Нордековъ постарѣлъ на тридцать лѣтъ. Сгорбившись, поднявъ плечи и опустивъ голову, онъ тщетно пытался раскурить на ночномъ вѣтру папиросу. При свѣтѣ фонаря было видно его ставшее совсѣмъ сѣрымъ лицо. Наконецъ, папироса пыхнула. Нордековъ пошелъ впереди Ранцева и Ферфаксова. Походка его не была его обычной бравою и легкой поступью. Такъ, какъ онъ шелъ сейчасъ — топиться ходять, или подходить къ эшафоту съ качающейся надъ нимъ веревкой висѣлицы. Ферфаксовъ понялъ, что приказалъ ему Ранцевъ и удивился пронизательности своего бывшего начальника.

«Впрочемъ», — подумалъ онъ, — «Ранцевъ, какъ

офицеръ, умѣеть читать въ человѣческихъ сердцахъ и угадывать въ нихъ холодъ смерти.

Онъ прошелъ за Нордековымъ къ спуску въ подземную дорогу, онъ стоялъ съ нимъ на платформѣ въ ожиданіи поѣзда, сѣлъ съ нимъ въ одинъ вагонъ — Нордековъ не видалъ его.

Сложная и тяжелая работа шла въ душѣ у Нордекова. Докладъ Стасскаго точно открылъ ему глаза. Какъ все было безнадежно и безотраднo!

«И все это говорилъ Стасскій, первый умъ Россіи!... Какое общество собралось слушать его и какъ слабы были возраженія! Большевики побѣждаютъ и нѣтъ силы, могущей противоборствовать ихъ побѣдѣ. Ужасно!... Всѣ мечты, все то, чѣмъ онъ жилъ всѣ эти годы — только мечты... И не только дивизіи, бригады, полка, но даже и батальона онъ никогда не увидитъ... Значитъ: — вѣчно... До самой смерти — экспортная контора и возня съ тяжелыми ящиками, писаніе накладныхъ и коносаментовъ и тѣсная, по совѣтски уплотненная жизнь на виллѣ «Les Coccinelles».

Нордековъ тяжело вздохнулъ.

Онъ жилъ мечтами возвращенія въ Россію. Ему казалось, что стоитъ вернуться въ Россію — «домой» и все станетъ по старому. И жена его будетъ опять той милой красивой Лелей, съ которой такъ дружно, весело и хорошо жилось. Онъ, сидя въ душномъ вагонѣ электрической Парижской дороги, мечталъ о Петербургѣ и о Красномъ Селѣ, гдѣ лучшіе прошли его годы.

«Развѣ здѣсь такая весна?... Такъ пахнетъ?... Наши бѣлыя березки съ еще клейкими листочками... Распускающіеся молодые тополя въ садикахъ главнаго лагеря... Какой шелъ отъ нихъ свѣжій весенній духъ! Утромъ встанешь раненько на стрѣльбу, и уже слышенъ трескъ винтовочныхъ выстрѣловъ на стрѣльбищѣ позади бараконъ... Раздается частый топотъ казачьей сотни, идущей на ученье... Значитъ, никогда, никогда не увидитъ, не услышитъ и всѣмъ бытіемъ своимъ не ощутитъ онъ біенія русской военной жизни?... И все то, что они съ такою глубокою вѣрою и самоотверженіемъ дѣлаютъ здѣсь — химера?... Фантазія?... глупости?... И

правы не они съ ихъ вождями, а Леля и «мамочка» съ ихъ тупымъ мѣщанскимъ матеріализмомъ. Пора опустаться на дно... Напрасно тратить послѣдніе гроши на собираніе по кусочкамъ осколковъ былой полковой славы, на разыскиваніе старыхъ фотографій и гравюръ, на созданіе уголка полкового музея... Вздоръ.. Безсмысленныя мечтанія... Призраки... Химеры... Ничего нѣтъ... Впереди — успѣхи совѣтской «пятилѣтки», вторженіе новыхъ варваровъ, гибель христіанской культуры... И... новое бѣгство что ли?... Куда?... Не лучше ли, не благо-роднѣе ли уйти?..»

Нордековъ машинально, по годами установившейся привычкѣ пересѣлъ на поѣздъ электрической дороги и мчался къ себѣ. Ферфаксовъ неотступно слѣдовалъ за нимъ. Нордековъ его не замѣчалъ. Изъ его зрѣнія, изъ его наблюденія выпали всѣ люди. Окружающее онъ едва воспринималъ. Мозгъ его былъ сосредоточенъ на одной мысли о себѣ. О безотрадности, бессмысленности и ненужности своего существованія. Какое то страшное рѣшеніе зрѣло въ его головѣ. Въ немъ исчезалъ и растворялся весь внѣшній міръ. Въ немъ призракомъ, чѣмъ то несуществующимъ казался сидѣвшій въ одномъ вагонѣ съ нимъ человекъ съ бурымъ, будто знакомымъ лицомъ и глазами, сосредоточенно устремленными на него.

Ферфаксовъ чувствовалъ, что ему предстоитъ бессонная ночь. Это его не смущало. Это напоминало ему другія, волшебныя, колдовскія ночи въ Маньчжуріи, когда такъ же слѣдилъ онъ за звѣремъ, за медвѣдемъ, или за джейраномъ, все позабывъ, ночью крался по слѣду, чтобы выцѣлить его на зарѣ и свалить мѣткимъ выстрѣломъ. Онъ вдругъ вспомнилъ своего вѣрнаго охотничьяго пса Бердана. Теперь онъ несъ такую же работу, какъ его Берданъ. Онъ вѣрно такъ же чувствовалъ душевное состояніе дичи, какъ онъ теперь точно читалъ въ душѣ полковника Нордекова.

Полковникъ тихими, шатающимися, больными шагами дошелъ до своего переулка, открылъ калитку и пошелъ вдоль дачъ. Ферфаксовъ неслышною тѣнью слѣдовалъ за нимъ. Онъ прослѣдилъ, какъ полковникъ во-

шелъ въ домъ, отомкнувъ дверь своимъ ключомъ, какъ, должно быть, тихонько вошелъ въ спальню и зажегъ лампу. Окно ненадолго освѣтилось, потомъ стало темнымъ. Ферфаксовъ все понималъ. Онъ точно видѣлъ полковника сквозь стѣны. Полковникъ кончатъ съ собою будетъ...

Ферфаксову самоубійство было непонятно. Оно претило его православному пониманію жизни. Оно не отвѣчало понятію вѣчнаго служенія Родинѣ. Богъ далъ жизнь и только Онъ можетъ отнять ее. Человѣкъ принадлежитъ Отечеству и никогда не знаетъ, когда его жизнь потребуется Отечеству. Уйди изъ жизни — дезертирство.

Лекція Стаскаго не произвела особаго впечатлѣнія на Ферфаксова. Стасскій, несомнѣнно, очень ученый человѣкъ, кажется даже академикъ, но въ такихъ вопросахъ ученые то люди чаще всего и ошибаются. Притомъ Ферфаксовъ былъ пріобщенъ къ нѣкоей тайнѣ, и эта тайна говорила ему, что бороться за Россію не только можно, но что эта борьба уже идетъ.

Но, зная всю семейную обстановку жизни полковника, Ферфаксовъ понималъ и Нордекова. Онъ понималъ, что полковнику уже некуда податься. Онъ дошелъ до стѣны. И, стоя подъ окнами дома Нордекова, Ферфаксовъ размышлялъ:

«Георгій Димитріевичъ дома съ собою ничего дѣлать не будетъ. Давиться не станетъ — не офицерское это дѣло, высунувъ языкъ на веревкѣ висѣть... Яду у него, сколько я знаю нѣтъ. Да и при всѣхъ травиться — какая охота!... Стрѣляться въ домѣ не будетъ... Онъ такъ воспитанный человѣкъ и свою жену любитъ... Сейчасъ вѣроятно написалъ записку и легъ... Думаетъ... Можетъ быть еще и одумается...»

Ночь тихо шествовала. Ферфаксовъ любовался ею. Парижъ затихалъ. Наконецъ настала торжественная, такая рѣдкая здѣсь тишина... Все успокоилось. Новые, не городскіе шумы тихо и осторожно вошли въ ночь... Сталъ слышенъ шумъ молодой листвы. Гдѣ то далеко прокричала ночная птица... Вѣтеръ разогналъ тучи. На небѣ узоромъ проглянули звѣзды. Ферфаксовъ слѣдилъ

за ними, какъ онѣ гасли одна за другою. Небо сѣрѣло. Дремота стала охватывать Ферфаксова. Сквозь нее онѣ сталъ смутно слышать, какъ предъутренними шумами загудѣлъ Парижъ. Гдѣ то заунывно и дико завывала фабричная сирена, призывая вторую ночную смѣну.

Ферфаксовъ, стоя, спалъ и тяжело очнулся, когда въ ставшіе уже привычными далекіе шумы вошелъ вдругъ совсѣмъ близкій короткій стукъ двери. Ферфаксовъ открылъ глаза. Одно мгновеніе онѣ не могъ сообразить, гдѣ онѣ и почему стоитъ въ глухомъ пустынномъ переулкѣ. Но сейчасъ же съ охотничьею быстротою къ нему вернулась память. Было еще темно, но уже чувствовалось приближеніе утра.

XXIV.

Полковникъ вышелъ изъ дома. Онѣ прошмыгнулъ мимо Ферфаксова и направился къ воротамъ. Ферфаксовъ тѣнью послѣдовалъ за нимъ.

Фонари въ мѣстечкѣ были погашены. Въ сумракѣ ночи покоились прямыя улицы. Полковникъ прошелъ черезъ рыночную площадь и сталъ спускаться къ Сенѣ по широкой аллеѣ между зацвѣтающихъ каштановъ. Онѣ вышелъ на набережную и пошелъ вдоль рѣки.

Нордековъ направлялся къ извѣстной ему глыбѣ цемента, торчавшей на самомъ берегу надъ водою. Когда то тутъ хотѣли строить что то, или, можетъ быть, везли и обронили большой кусокъ цемента и онѣ такъ и остался надъ водою. Это было излюбленное мѣсто удильщиковъ. Мысль Нордекова работала съ поразительною ясностью и онѣ вспомнилъ объ этой глыбѣ: — «самое удобное мѣсто».

Нѣтъ ничего хуже, какъ не дострѣлиться. Это удѣлъ мальчишекъ. Не дострѣлиться — это быть смѣшнымъ. Надо лѣчить — а гдѣ средства на это леченіе?... Да и надо устроить такъ, чтобы и хоронить не пришлось. Хоронить тоже дорого. Не по бѣженскимъ средствамъ

умирать. Полковникъ сядетъ на глыбу спиною къ рѣкѣ. Отъ толчка, что будетъ при выстрѣлѣ, онъ потеряетъ равновѣсіе и упадетъ въ воду. Тутъ достаточно глубоко. Течение подхватитъ его тѣло. Если бы онъ не дострѣлился, раненый онъ утонетъ. Тѣло его когда то найдутъ... Да и найдутъ ли?... Сколько гибнетъ тутъ народа, и тѣла ихъ никогда не находятъ.

Полковникъ взобрался на глыбу и сѣлъ лицомъ къ рѣкѣ. Разсвѣтъ наступалъ. Въ голубой дымкѣ тонулъ противоположный берегъ. Онъ былъ въ садахъ. Вдоль рѣки шла широкая аллея высокихъ старыхъ платановъ. За ними скрывались богатые дачи. Рѣка неслась гладкая, не поколебленная вѣтромъ. Изрѣдка плеснетъ у берега большая рыба, сверкнетъ серебрянымъ блескомъ взволнованной воды, и опять ровная сѣрая простыня стелется мимо, и не видно, течетъ рѣка, или стоитъ неподвижно, какъ длинная заводь. У цементнаго обрубка росла трава. Далеко за Сень-Клу гудѣлъ и шумѣлъ проснувшійся, неугомонный городъ.

Свѣтало. Вдоль по рѣкѣ потянуло прохладнымъ вѣтеркомъ. Чуть зарябило воду, но сейчасъ же она успокоилась. Рѣка стала глубокой, холодной, зеленой и прозрачной, какъ расплавленное бутылочное стекло.

«Хорошо... А жить нельзя... Какъ жить?... Совсѣмъ и навсегда безъ Родины?... Какъ красиво это утро... И Сень-Клу... Не напрасно это мѣсто такъ любили и Наполеонъ и Императрица Евгенія... Императрица Евгенія?... Прожить девяносто лѣтъ и только сорокъ изъ нихъ быть счастливой!... Пережить позоръ сдачи въ плѣнъ пруссакамъ мужа... Смерть въ англійскихъ войскахъ въ далекой колониальной войнѣ въ Африкѣ сына, едва ли не убитаго тѣми самыми англичанами, кому онъ предложилъ свою прекрасную молодую жизнь... Она пережила все это... Скиталась на яхтѣ, жила на чужбинѣ, отвергнутая Родиной. Пережила свою необычайную красоту, свою любовь, свою гордость, счастье и все жила, ожидая, когда приберетъ ее Господь... Вѣкъ другой... Сильнѣе что ли были тогда люди?.. Вѣрили по иному?.. Въ Сень-Клу былъ счастливъ съ Жозефиною Наполеонъ.. Тоже, сколько пережилъ! Московское поражение,

гибель арміи. Отреченіе отъ престола. Ватерлоо... Святая Елена... А вотъ все жилъ... Катался верхомъ, гулялъ подъ надзоромъ ненавистныхъ ему людей, а съ собою не кончилъ... Писалъ мемуары. Игралъ въ карты... Говорятъ, любилъ кого то поздною любовью. Мучился отъ тяжелой болѣзни. Совѣтовался съ докторами... Что же держало ихъ, бывлыхъ владѣльцевъ Сень-Клу, на землѣ?... Вѣра?... Наполеонъ и не вѣрилъ... Я?... Какая же у меня вѣра?... Привычка и больше ничего...

Воспоминанія, вдругъ нахлынувшія при видѣ Сень-Клу отвлекали отъ главнаго... Если такъ думать, если это вспоминать — зачѣмъ и кончатъ съ собою?... Но жить уже нельзя было. Собственно говоря главное уже было сдѣлано. Записка написана. Онъ вышелъ въ неурочное время изъ дома, онъ все сдѣлалъ. Остается лишь пустая, такъ сказать, формальность: — засунуть револьверъ въ ротъ и нажать на спусковой крючекъ. Медлилъ. Ему вспомнилась его Леля и сынъ Шура, не Мишель Строговъ, а Шура, милый мальчикъ съ забавными вихрами на головѣ и съ дѣтскою серьезностью.

Тяжкимъ усиліемъ воли все это прозналъ. Зачѣмъ? Корабли сожжены и нѣтъ возврата... Онъ уже не самоубійца, но приговоренный къ смерти. Никто не можетъ помиловать его, или замѣнить казнь каторжными работами. Да вѣдь каторжнѣе того, что онъ, и всѣ они, дѣлаютъ, и не придумаешь, ибо безцѣльно, бессмысленно, а, главное, — безконечно...

Если теперь это отмѣнить — ко всему этому прибавится еще не дострѣлившійся самоубійца... Пора...

Полковникъ повернулся спиною къ рѣкѣ. Все время искусно скрывавшійся отъ него Ферфаксовъ съ охотничьею ловкостью присѣлъ за кустами.

Полковникъ точно въ какомъ то раздумьи вынулъ изъ кармана пальто револьверъ и взвелъ курокъ.

Онъ какъ бы ощутилъ входеніе холоднаго дула въ ротъ, отвратительное прикосновеніе тяжелаго металла къ зубамъ, потомъ толчекъ, мгновенную боль... А дальше?...

Не все ли равно?

Полковникъ приподнялъ руку съ револьверомъ, усѣлся поудобнѣе, чуть откинулся назадъ... Онъ помнилъ, что ему надо непременно упасть въ воду...

.....

Все, что было потомъ, показалось ему сномъ. Такъ только во снѣ бываетъ: — вдругъ въ черноту небытія точно какое то окно откроется. И тамъ свѣтъ. Новая какая то жизнь. Невѣроятныя приключенія. Надолго ли? Такъ случилось и сейчасъ. То, что было — кончилось. Не стало виллы «Les Coccinelles», и не надо было ходить въ экспортную контору.

И потомъ, когда пошла и завертѣлась эта новая, такъ непохожая на все прошлое жизнь, полковникъ часто думалъ, что не покончилъ ли онъ тогда на берегу Сены съ собою и эта новая жизнь уже жизнь потусторонняя? Такъ все въ ней было необычно.

XXV.

Крѣпкая, точно изъ стали выкованная рука, мертвою, бульдожьей хваткою схватила руку полковника за запястье. Другая рука быстро выхватила револьверъ изъ его руки и, взмахнувъ имъ, далеко бросила въ рѣку. Блеснула въ холодномъ зеленомъ стеклѣ ея вспѣнившаяся серебромъ волна, тихо булькнула и все успокоилось. Прямо противъ лица полковника было темное лицо. Каштановые собачьи глаза съ спокойнымъ блескомъ смотрѣли въ глаза полковника.

Полковникъ хотѣлъ возмутиться. Онъ искалъ словъ, какія говорятъ въ такихъ случаяхъ и не находилъ.

«Что вы дѣлаете!... Какъ вы смѣете?! Какое вамъ до меня дѣло?!», хотѣлъ онъ крикнуть, но языкъ не повиновался ему, и только легкое шипѣніе раздалось изъ его рта.

Онъ бессильно свалился въ объятія схватившаго его человѣка, едва слышно прошепталъ: — «оставьте меня», — и залился слезами, всхлипывая, какъ ребенокъ.

Ферфаксовъ взялъ полковника за талию, осторожно свель его съ глыбы и повелъ по пустынной береговой дорогѣ къ дому. Онъ зналъ, что тутъ надо что то говорить и успокоить полковника, но не рѣчь былъ Ферфаксовъ. При томъ же и смущень онъ былъ до нельзя. Полковникъ былъ и годами и положеніемъ старше его, и онъ боялся какъ нибудь обидѣть, или задѣть самолюбіе полковника. Ферфаксовъ призвалъ на помощь Бога. Онъ вспомнилъ, какъ напутствовалъ Христосъ апостоловъ и какъ говорилъ имъ, что не нужно заранѣе обдумывать, что сказать, но что Духъ Святой найдетъ на нихъ и научить, что говорить...

Полковникъ совершенно размякъ. До дома было недалеко и наступалъ тотъ часъ, когда надоѣдливый сверлящій звонъ будильника Мишеля Строгова подыметъ съ постелей все населеніе виллы «Les Coccinelles».

— Ну зачѣмъ это? — началъ нерѣшительно и несмѣло Ферфаксовъ. — Ну къ чему?... Старый дуракъ глупости болталъ, а вы и разстроились... Да все это вздоръ... Россія будетъ... Еще и какая прекрасная Россія будетъ!...

— Но мы не увидимъ ее, — блѣднымъ голосомъ сказалъ полковникъ.

— Еще и какъ еще увидимъ ее. Повѣрьте мнѣ, еще и сдѣлаемъ кое что для нея, для ея спасенія хорошее, большое дѣло сдѣлаемъ.

— Нѣтъ!... Что ужъ!... Куда ужъ!... Что вы меня, какъ ребенка утѣшаете, — проговорилъ съ тоскою въ голосѣ полковникъ, и сейчасъ же со злобою добавилъ: — напрасно, знаете, вы вмѣшались не въ свое дѣло... Что же я то теперь буду дѣлать? — съ ужаснымъ отчаяніемъ воскликнулъ полковникъ. — Ко всей пошлости моей жизни, вы прибавили еще и этотъ вѣчный позоръ.

— Говорить псалмопѣвецъ Давидъ: — «вечеромъ водворяется плачь, а на утро радость»*).

— А да что тамъ!... Псалмопѣвецъ Давидъ!... Глупости все это!...

---

*) Псаломъ Давида 29, ст. 6.

Но радость яркаго, солнечнаго весенняго утра была кругомъ, и не могъ уже полковникъ не ощущать ее. Птицы пѣли въ вѣтвяхъ деревьевъ аллеи. Люди еще не появились. Мирны и тихи были въ утреннемъ свѣтѣ маленькія дачки съ закрытыми ставнями окнами. Пыль и газы машинъ прилегли къ землѣ вмѣстѣ съ росой. Воздухъ былъ свѣжъ и душистъ. Съ нимъ въ самую душу полковника вливалась такая радость бытія, которой онъ никакъ не могъ противостоять. Онъ невольно слушалъ, что спокойно и разсудительно говорилъ ему Ферфаксовъ и, хотя все продолжалъ думать, что все это просто сонный бредъ, задавалъ вопросы и давалъ отвѣты.

Удивительна была рѣчь Ферфаксова и такъ неожиданна.

— Вотъ вы, Георгій Димитріевичъ, на какое страшное дѣло покусились, а о томъ не подумали, что такая ваша рѣшимость, такая готовность разстаться съ лучшимъ Божьимъ даромъ — жизнью — могла бы послужить на пользу Родинѣ.

— Но... Какъ?... Поѣхать туда?... Для этого нужны визы, фальшивые паспорта?... Деньги?... Что же, я готовъ... Хотя сейчасъ... На какой угодно террористическій актъ я готовъ. Вы сами видали — мнѣ жизнь копѣйка... Научите, какъ это сдѣлать?... Къ кому пойти?... Вы можете мнѣ вѣрить, я не предамъ... Не разболтаю... Человѣкъ, пережившій все то, что я сейчасъ пережилъ, мнѣ кажется достоинъ довѣрія... Вы тѣмъ болѣе меня не первый день знаете, и знаете, почему я пошелъ на это...

— Вы все хотите идти старыми путями... Маленькіе террористическіе акты... Безусловно необходимые... Митинги протестовъ... Посылка агитаціонной литературы. Все это хорошо, когда мало денегъ и нѣтъ организаціи...

Полковникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ферфаксова. Немудрящій онъ офицеръ съ собачьими, не ломающими своего прямого взгляда глазами. Откуда онъ такъ говоритъ?... Что знаетъ онъ такое, чего онъ, полковникъ Нордековъ, не слышалъ.

— А что же?... Есть деньги?... Есть организація?... Что то не вѣрится... У насъ объ этомъ ничего не слышно?... По Парижу объ этомъ не болтають...

— Вотъ это то, что не болтають и хорошо... Это доказываетъ серьезность того, что я вамъ предложу...

Они входили на *gare de la Gare*. Полковникъ заводновался и снова сталъ раздражителенъ.

— Что вы меня арабскими сказками успокаиваете. Вотъ я у своего дома. Мнѣ предстоитъ объясненіе съ женою. Если она встала — она уже могла найти мою записку и, согласитесь, что достаточно глупо послѣ нея взять, да вотъ такъ вотъ и явиться собственною персоною, цѣлымъ и невредимымъ... Глупо-съ... Нестерпимо глупо!...

— Вы что же тамъ написали?...

— То, что всегда въ такихъ случаяхъ пишутъ: — «въ смерти моей никого не винить»... Ну и прочее, что тамъ полагается... Чтобы и тѣла моего не искали... Ну и о причинахъ тоже... Хорошъ буду я... такъ вотъ и явиться... Воскресшій покойникъ.

— Гдѣ вы оставили вашу записку?

— На нашемъ единственномъ спальномъ столикѣ, подъ ея бюваромъ.

— Ну, бѣда не велика. Она еще, можетъ быть, жена то ваша, и не встала. Вѣдь и шести часовъ нѣтъ. А и встала, такъ не сейчасъ она станетъ по бюварамъ рыться. Вы не первый разъ не ночуете дома... Ну, а если она и встала, и переполохъ тамъ поднялся, такъ и то бѣда совсѣмъ не непоправимая...

— Ну те?...

— Скажите, что у меня съ вами была американская дуэль. На всякій случай вы заготовили записку, а жребій вытянулъ я, да и раздумалъ стрѣляться, и мы — помирились.

— Вы т а к о е берете на себя?...

— Что т а к о е ?...

— Да вѣдь это... какъ то... Некрасиво что ли для васъ то выходить.

— Въ жизни бываютъ такія положенія, когда мож-

но и маленькое, условное некрасивое, сдѣлать во имя громаднаго и несказанно прекраснаго.

— Какія же это такія времена?

— Когда идутъ спасать Россію.

— Вы шутите, Факсъ. Есть вещи, которыми нельзя шутить.

— Я это понимаю.

Полковникъ остановился у калитки палисадника. Вилла «Les Coccinelles» спала крѣпкимъ сномъ. Даже у Агафошкиныхъ не горѣло огня.

Это немного успокоило полковника.

— Но вы понимаете весь ужасъ моего положенія, — сказалъ онъ. — Значитъ, опять все по старому и то, отъ чего я рѣшился уйти — продолжается. Сейчасъ кофе... Газета... А!... да вы нашу жизнь знаете!... Неонила Львовна съ ея «винтиками»... Леночка — совдепка... Опять еще что нибудь учинить, какъ давеча со щенятами!... И контора!... Вы знаете: — мнѣ все это такъ обрыдло, осточертѣло, что, ей Богу, вотъ не могу я этого больше выносить. Это же пошлость, — крикнулъ полковникъ.

— Это не пошлость, — тихо сказалъ Ферфаксовъ, — но неизбѣжныя мелочи жизни.

— Все равно, — простоналъ полковникъ. — Не могу!... Ай... не могу!

— И не надо.

— То есть какъ это такъ не надо?...

— Да очень просто. Сегодня поѣдете въ контору послѣдній разъ и скажете, что берете расчетъ. Сегодня вы поступаете на новое мѣсто. И вся недолга.

— Полноте... Я не ребенокъ... Куда же это я поступилъ? Какое мѣсто?... При теперешнемъ то кризисѣ, при общей безработицѣ?... Да вѣдь мнѣ семью кормить надо. Посчитайте, сколько насъ... Я все-таки тысячу сто франковъ каждый мѣсяцъ въ общій котелъ вносилъ.

— Вы будете получать полторы тысячи на всемъ готовомъ.

— Гдѣ же это такія золотыя розсыпи открылись?

— Официально, вы поступаете въ фильмовое общество и ѣдете на съемки на острова Галапагосъ.

— Не официально?...

— Потомъ сами увидите.

— Н-ну, знн-наете, — дѣлая шагъ къ калиткѣ и берясь за ручку, сказала полковникъ. — Шутки ваши переходятъ границы дозволеннаго даже и между друзьями. Не знаю, какъ въ такихъ случаяхъ принято, благодарить за то, что вы сдѣлали, или нѣтъ... Я не благодарю... Я хотѣлъ уйти отъ каторги... Вы мнѣ помѣшали... А милыя шутки ваши бросьте... Я въ нихъ не нуждаюсь.

— Да я вовсе и не шучу... И чтобы доказать это извольте получить двѣ тысячи франковъ авансомъ.

Ферфаксовъ къ крайнему удивленію полковника, знавшаго денежныя дѣла его, вынулъ объемистый бумажникъ и досталъ изъ него двѣ большія пестрыя новыя тысячефранковыя бумажки и протянулъ ихъ полковнику. Но полковникъ ихъ не бралъ.

— Послушайте... а росписка?

— Вы распишитесь послѣ у казначея въ требовательной вѣдомости.

Полковникъ все не бралъ денегъ.

— Знаете, — сказалъ онъ, — хотя и говорятъ: «деньги не пахнутъ», для меня деньги очень даже пахнутъ... И теперь особенно. Мы въ такое подлое время живемъ... Вы меня простите... Но и брату родному вѣрить нельзя... Особенно, когда такъ вдругъ съ бухты барахты вамъ предлагаютъ такія большія деньги... Организации могутъ быть различныя... Имѣйте въ виду, — очень строго сказалъ полковникъ, — хотя вы и видѣли меня въ моментъ полного и недостойнаго офицера упадка духа — я о ф и ц е р ь !... И вы понимаете... Я ни въ какія такія политическія авантюры, гдѣ раздѣломъ Россіи пахнетъ и распродажей ея по частямъ иностранцамъ никогда не пойду.

Ферфаксовъ прервалъ его. Онъ посмотрѣлъ немигающими глазами въ глаза полковнику, въ самую душу его, казалось, проникъ своимъ честнымъ собачьимъ взглядомъ и съ достоинствомъ сказалъ:

— Вы мнѣ можете вѣрить... Я вѣдь тоже офицеръ... Очень маленькій и глубокой арміи офицеръ... Тѣмъ бо-

лѣе... — Ферфаксовъ выпрямился, гордо поднялъ голову и съ громаднымъ достоинствомъ добавилъ послѣ нѣкоторой выдержки: — Я офицеръ Россійской Императорской арміи и вы должны мнѣ вѣрить. Эти деньги чистыя. Я даю ихъ вамъ, чтобы намъ вмѣстѣ работать для спасенія Россіи... всего міра... отъ большевиковъ.

Полковникъ медленно взялъ и спряталъ деньги.

«Все это», — снова подумалъ онъ. — «происходитъ не то въ томъ снѣ, что мнѣ гдѣ то снится, не то въ небытіи, послѣдовавшемъ послѣ моего выстрѣла... И это какая то совсѣмъ необыкновенная вилла «Les Cocci-pelles»... Посмотримъ, что будетъ дальше, когда я проснусь или совсѣмъ умру»...

Онъ крѣпко пожалъ руку Ферфаксову и быстрыми шагами пошелъ по дорожкѣ своего палисадника.

Въ ту же минуту, наверху, въ каморкѣ Мишеля Строгова, нудно, назойливо, громко и безконечно залился колокольчикъ будильника.

Въ подвальномъ этажѣ загорѣлся огонь. Проспалъ, значитъ, старый Агафошкинъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

« КАПИТАНЪ НЕМО ».

...«Пособіемъ художника всегда будетъ фантазія, а цѣлью его, хотя и несознательною, пассивною, или замаскированную, стремленіе къ тѣмъ или другимъ идеаламъ, хоть бы, напримѣръ, къ усовершенствованію наблюдаемыхъ имъ явленій, и замѣнѣ худшаго лучшимъ.

И это лучшее и будетъ идеаломъ, отъ котораго не отдѣлаться художнику, особенно, когда у него, кромѣ ума, есть и сердце»...

И. А. Гончаровъ. «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

I.

Уже пять лѣтъ, какъ инженеръ Долле велъ двойную жизнь. У него было нѣсколько заводовъ и мастерскихъ, обслуживавшихъ его изобрѣтенія и находившихся въ рукахъ акціонерныхъ компаній и обществъ, его состояніе быстро росло и исчислялось уже во многихъ сотняхъ милліоновъ франковъ, а онъ продолжалъ вести тотъ же скромный образъ жизни. Онъ не игралъ въ игорныхъ домахъ, или на биржѣ, не имѣлъ дорогой любовницы, не расточалъ своего богатства на внѣшнюю, всѣмъ видную благотворительность. Онъ терпѣливо копилъ и приумножалъ свои капиталы. Люди спрашивали: «для чего»? Люди завидовали ему и осуждали его. Онъ не обращалъ на это вниманія. Впрочемъ, мало кто зналъ точно цифру его состоянія. Долле не любилъ, чтобы

ему заглядывали въ карманъ, или знали состояніе его текущихъ счетовъ.

Но кончался его рабочій день, день инженера и предсѣдателя многихъ компаній и обществъ, и Долле исчезалъ изъ богатаго особняка, и куда онъ ѣздилъ, чѣмъ занимался — это было тайной. При этихъ поѣздкахъ, если ему приходилось называть себя — онъ называлъ себя: — «Капитанъ Немо»... Люди смѣялись этому, изъ Жюль Верна взятому псевдониму, но принимали его, ибо то, что говорилъ и дѣлалъ съ ними этотъ таинственный Капитанъ Немо было интересно и завлекательно.

Началось это пять лѣтъ тому назадъ и совершенно случайно.

Инженеръ Долле былъ по дѣламъ въ Берлинѣ. Вечеръ у него былъ свободный, дѣваться было некуда, и Долле пошелъ по сосѣдству съ гостинницей, гдѣ онъ остановился, въ Винтергартенъ. Онъ никогда раньше не бывалъ въ подобнаго рода заведеніяхъ.

Программа, какъ всегда была разнообразная и интересная. Были дрессированные медвѣди, катавшіеся на конькахъ, былъ человѣкъ, въ котораго пускали токъ страшнаго напряженія и потомъ извлекали изъ него чудовищныя искры, былъ фокусникъ, были гимнасты, летавшіе подъ самымъ потолкомъ, были жонглеры, былъ какой то феноменальный математикъ.

Долле смотрѣлъ это все съ необычайнымъ вниманіемъ. Онъ понималъ, что передъ нимъ были люди-феномены, какъ и онъ самъ со своими изобрѣтеніями былъ тоже человѣкомъ-феноменомъ. Внезапно онъ всталъ на самомъ интересномъ мѣстѣ программы и, не обращая вниманія на воркотню сосѣдей и наступая имъ на ноги, поспѣшно вышелъ изъ зала.

Онъ пошелъ по Фридрихштрассе. Онъ шелъ, опустивъ голову, ни на кого не глядя, наталкиваясь на прохожихъ и самъ съ собою мысленно разсуждая. Его принимали за пьянаго, за умалишеннаго.

«Вотъ въ чемъ была ошибка», — думалъ онъ, шагая по тѣсной улицѣ. «Мы брали обыкновенныхъ лю-

дей. Чтобы побѣдить зло, надо отыскать вотъ этакихъ феноменовъ. Феноменовъ химики, механики, радіотехники, самолетнаго дѣла, кинематографіи, да съ ними и работать. Тогда можно рассчитывать на побѣду... Борьба съ Сатаною... Сатана силенъ и всемогущъ, какъ и ангелы Господни. Надо противъ него призвать всю силу Божию, проявленную въ людскихъ талантахъ и людской геніальности... Мы брали среднихъ, можетъ быть, очень честныхъ людей, но людей технически отсталыхъ... Да, когда появились первый разъ танки... Все побѣждало... Надо глушить мозги все новыми и новыми изобрѣтеніями... Ихъ такъ много теперь, и такъ велико могущество человѣка.. .Этимъ и займусь... Это и будетъ то, для чего я копилъ деньги... На мнѣ неоплатный долгъ той Россіи, что дала мнѣ образованіе....».

Онъ повернулъ назадъ, въ гостиницу, и съ этого дня въ его жизни появилась таинственность: — родился капитанъ Немо.

Съ громаднымъ усердіемъ и упорствомъ онъ отыскивалъ людей съ выдающимися способностями въ области химіи и механики. Его старыя связи, его извѣстность, какъ изобрѣтателя и химика, знаніе иностранныхъ языковъ и, конечно, деньги, — ему въ этомъ помогали. Передъ нимъ открывались самыя замкнутыя химическія лабораторіи, его пускали на самыя запретныя аэродромы и въ ангары съ самыми новыми аппаратами, его знакомили съ послѣдними открытіями въ области радіо и телевізій.

Вездѣ капитанъ Немо искалъ феноменовъ. Онъ терпѣливо составлялъ свое «варьете», какъ онъ мысленно называлъ эти поиски, и когда находилъ достойнаго человѣка, онъ сходилъ съ нимъ, испытывалъ его съ разныхъ сторонъ и когда видѣлъ пониманіе того, что надо дѣлать — онъ нанималъ его на службу и давалъ ему опредѣленные задания.

Такъ создавалась постепенно та сила, съ которой можно было выступить противъ врага.

Но, когда уже замыкался кругъ и работа приходила къ концу, капитанъ Немо увидалъ, что этого недо-

статочно, что въ этой работѣ не обойтись безъ простыхъ, немудрящихъ, но честныхъ людей. Въ дополненіе къ техникѣ, въ свое время понадобится и масса, а массу эту могутъ создать офицеры, отъ чьихъ услугъ онъ сначала отказался.

Какъ разъ въ это время случай привелъ къ нему его стараго товарища по корпусу и друга дѣтства — ротмистра Петра Сергѣевича Ранцева. Ранцевъ пришелъ къ нему по личному дѣлу, и въ немъ показалъ такое безкорыстіе, такую готовность отречься во имя дѣла отъ всего, даже отъ такъ естественной отцовской любви, что капитанъ Немо понялъ, что лучшаго исполнителя его плановъ ему не найти, и онъ пригласилъ работать Ранцева. Онъ поручилъ ему набирать роту честныхъ людей, самоотверженно любящихъ Родину...

Такъ началась работа капитана Немо съ Ранцевымъ.

II.

Капитанъ Немо проснулся среди ночи отъ ѣдкой боли въ боку. Боль эта сейчасъ же и прошла, какъ только онъ легъ на другую сторону. Но заснуть больше онъ не могъ. Онъ лежалъ въ своей богатой спальнѣ въ Парижскомъ домѣ и думалъ.

Въ городѣ была та тишина, что бываетъ въ Парижѣ между двумя и четырьмя часами ночи, когда на короткое время жизнь въ Парижѣ замираетъ. Въ этой непривычной тишинѣ хорошо и глубоко думалось.

Эта мимолетная боль совсѣмъ особенно направила мысли Немо.

«Въ сущности все мое дѣло виситъ на волоскѣ... Какая нибудь случайность... автомобильная катастрофа, несчастный случай на улицѣ... Наконецъ, меня могутъ отравить... Или простая болѣзнь, — и все мое дѣло погибнетъ, не увидавъ исполненія. Это большая ошибка съ моей стороны... И я ее исправлю».

Капитанъ Немо досталь съ ночного столика часы. Было безъ четверти пять. Капитанъ Немо всталъ, зажегъ огни и тщательно одѣлся. Онъ продѣлалъ короткую гимнастику, потомъ прошелъ изъ спальни въ небольшой кабинетъ, дверь котораго была всегда подъ ключомъ и куда, кромѣ довѣреннаго слуги француза, никто не допускался.

Тамъ онъ остановился передъ изображеніемъ той, кому онъ отдалъ всѣ свои помыслы, все свое состояніе и трудъ.

Громадная двадцативерстная карта Россіи, испещренная значками и наклейками висѣла передъ нимъ на стѣнѣ.

Капитанъ Немо долго стоялъ передъ ней и молитвенное выраженіе не сходило съ его лица.

— Да, — это такъ, — тихо сказалъ онъ. — Это и есть главное... Все... Для чего жить и умереть... А то?... Глупости... И, если кто узнаеть, найдутъ смѣшнымъ...

Онъ оторвалъ свой взглядъ отъ карты и подошелъ къ небольшому дорожному бюро краснаго дерева въ драгоцѣнной старинной рѣзбѣ. Онъ открылъ это бюро и выдвинулъ ящикъ. Въ немъ, въ рамѣ темно зеленаго бархата, подъ граненымъ стекломъ лежала увеличенная фотографія снимка, сдѣланнаго съ амазонки въ лѣсу. Стройная дѣвушка сидѣла на прекрасной лошади. Какъ ни мала была голова на снимкѣ, можно было разобратъ тонкія и красивыя черты ея лица.

Капитанъ Немо долго смотрѣлъ на это изображеніе.

«Когда то», — думалъ онъ, — «мы, трое кадетъ, любили ея мать... Я о своей любви скрывалъ. Ушелъ въ науку. Два другихъ горѣли въ любви къ ней. Ранцевъ былъ съ нею счастливъ. Это его дочь. И надо же такъ быть, что мимолетная встрѣча, короткій разговоръ и люблю... Люблю... Люблю... Потому что это же она, наша королева Захолустнаго Штаба, наша милая, милая Валентина Петровна, только гораздо красивѣе и кажется безъ ея недостатковъ захолустнаго армейскаго воспитанія... Къ чему это?... Знаю, что ни къ чему... Знаю, что сейчасъ я, какъ влюбленный гимназистъ, но никому,

никому не довѣрилъ бы тайны, а ей скажу... Не все, скажу, но скажу, что живъ ея отецъ и скажу, что мы дѣлаемъ... Почему, зачѣмъ?... Да потому, что если бы этого не было, уже очень сталъ бы я черствымъ. И вотъ и у меня глупая, не открытая, ненужная и поздняя любовь»...

Капитанъ Немо захлопнулъ ящикъ и заперъ бюро на ключъ.

«Маленькая слабость большихъ людей».

Гдѣ то за стѣною часы пробили пять. Капитанъ Немо пошелъ въ рабочій кабинетъ. Тамъ, занимая всю стѣну передъ двумя окнами стоялъ широкій чертежный столъ. На немъ, въ большомъ порядкѣ, были положены папки съ бумагами. Угломъ къ нему былъ такой же столъ, гдѣ была укрѣплена доска съ чертежами, прикрытыми тонкой папирсной бумагой.

«Да», — подумалъ Долле, слегка приподнимая бумагу и разглядывая изображенный на ней чертежъ аэроплана. Въ углу тонко карандашемъ были сдѣланы выкладки. «Какъ долженъ я быть благодаренъ старому профессору Жуковскому. Это онъ вдохнулъ въ меня непоколебимую вѣру въ науку. Онъ въ своей аэродинамической лабораторіи предвидѣлъ возможность полетовъ, гораздо раньше, чѣмъ всѣ эти Блеріо и другіе стали летать... Онъ математикой выработалъ теорію устойчивости и приземливанія... Я передалъ свои знанія летчику Аранову, и мы создали то, что никому еще и не снилось...».

Капитанъ Немо, нѣсколько минутъ внимательно разсматривалъ выкладки цифръ въ углу чертежа, поправилъ въ нихъ, стеръ резинкой и снова написалъ.

— Надо будетъ провѣрить въ мастерской... Если бы это было въ Россіи, какъ легко было бы работать!... Съ этими людьми бѣда... Зажгутся, работаютъ, какъ маленькіе гении, понимаютъ все съ полуслова, а потомъ, вдругъ, какая то подозрительность... И работа стоитъ недѣлями... И вездѣ надо скрываться, вездѣ тайна... Обманъ... и я не я, а капитанъ Немо... Даже глупо какъ то...

Капитанъ Немо снялъ съ руки золотые часики брас-

летъ и, положивъ ихъ на большой столъ, сталъ разсматривать бумаги. Временами онъ поглядывалъ на часы. Когда было безъ четверти шесть, онъ надавилъ пуговку электрическаго звонка.

Лакей безшумно открылъ дверь и внесъ подносъ со стаканомъ чая и хлѣбомъ съ масломъ.

Капитанъ Немо пальцемъ показалъ куда поставить подносъ и, не отрываясь отъ бумагъ, сказалъ:

— *Monsieur Richard. est venu...*

— *Oui monsieur.*

— А господинъ Ранцевъ?

— Собираются уѣзжать.

— Задержите господина Ранцева. Попросите ко мнѣ господина Ришара.

— *C'est entendu, monsieur.*

Въ тѣ пять минутъ, что прошли послѣ ухода лакея и пока снова не постучали въ двери Немо успѣлъ закончить свой несложный завтракъ.

— Мосье Ришаръ?... — спросилъ Немо на стукъ.

— Да.

— Пожалуйте ко мнѣ.

Высокій бритый французъ съ сухимъ безстрастнымъ лицомъ секретаря большого человѣка вошелъ въ кабинетъ. На немъ былъ темно синій пиджакъ особаго покроя и сѣро-синяя рубашка съ голубымъ галстукомъ съ двумя серебрянными дорожками.

— Здравствуйте, мосье Ришаръ.

— Здравствуйте, господинъ инженеръ.

Дальше разговора не было. Немо быстро передавалъ бумаги и чертежи секретарю.

— Въ чертежную, генералу Чекомасову... На заводъ... Въ химическую лабораторію, господину Вундерлиху... Господину Лагерхольму... Отъ капитана Ольсона есть что нибудь?

— По нашему радіо сегодня ночью передалъ, что можно начинать погрузку. «Немезида» готова. Всѣ бумаги въ порядкѣ. Пропускъ полученъ.

— Хорошо. Возьмите мой Рольсъ Ройсъ. Мнѣ онъ до вечера не будетъ нуженъ. Съѣздите въ упаковочную,

подгоните отправку аэропланныхъ частей. Побывайте на таможнѣ. Смажьте, если нужно.

Мосье Ришаръ сдѣлалъ недоумѣвающей жестъ.

Немо рукою показалъ, что надо сунуть деньги.

— А, понимаю... Думаю, что не понадобится.

— Ваше дѣло... Надо начинать отправку. Сами видите — медлить больше нельзя. Европа загорается.

— Я это понимаю.

— Такъ дѣйствуйте... Попросите ко мнѣ сейчасъ Ранцева въ нижній кабинетъ.

— Слушаю.

— До свиданія, дорогой Ришаръ.

III.

Въ нижнемъ кабинетѣ, гдѣ все было просто, по казенному убрано, гдѣ вмѣсто дорогихъ ковровъ былъ паркетъ и стояли столы, стулья, да въ шкапахъ были книги и свертки картъ, капитана Немо дожидался мускулистый крѣпкій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, бритый, съ коротко остриженными, густыми, сѣдыми волосами. И такъ же, какъ капитанъ Немо, какъ всѣ въ этомъ домѣ, онъ былъ въ просторномъ темно-синемъ костюмѣ своеобразнаго полувоеннаго покроя.

Капитанъ Немо быстро подошелъ къ нему.

— Какъ я радъ, Петръ Сергѣевичъ, что успѣлъ захватить тебя прежде, чѣмъ ты уѣхалъ. Ты куда собирался?

— Какъ всегда. Въ Нордековскую роту. На занятія.

— Это отъ тебя не уйдетъ. У меня же къ тебѣ большое и важное дѣло. Я ночь не спалъ, думая объ немъ. Ты доволенъ людьми?

— И да, и нѣтъ. Все таки сильна въ нихъ бѣженская психологія. Ихъ многое смущаетъ. Очень напуганные въ прошломъ — они и теперь боятся не туда попасть... Наткнуться на авантюру или, что хуже на провокацію.

Очень хорошъ у насъ Факсъ. Вотъ преданнѣйшій тебѣ человекъ.

— Что же ихъ смущаетъ?

— Мелочи... Намъ съ тобою онѣ незамѣтны... Имъ, видимо, тягостны.

— Напримѣръ?

— Почему требуется отказъ отъ спиртныхъ напитковъ и куренія?... Что это за общество трезвости, молъ, такое... Мы не дѣти...

— Вотъ какъ!... Если во имя Россіи не могутъ отказаться отъ соски во рту... Ну и Богъ съ ними!

— Ричардъ Васильевичъ... Ты не справедливъ къ нимъ... О Россіи то нѣтъ никакой рѣчи. Они нанимаются въ какое то таинственное кинематографическое общество... и только... Имъ непонятны эти требованія.

— Но ты сказалъ имъ, что это испытаніе. Впереди имъ предстоятъ тягости и лишенія при съемкѣ, не совсѣмъ обычной. Нужны твердые, волевые, крѣпкіе и сильные духомъ люди. А какая же это сила воли, если я не могу отказаться отъ куренія?... Это, согласенъ, мелочь.. Но ты строевой офицеръ долженъ меня понять... Когда часовому разрѣшили стоять на посту, какъ ему угодно, курить и даже сидѣть... Что вышло?...

— Не стало часового.

— Когда не стали слѣдить за соблюденіемъ формы въ одеждѣ и въ форму допустили моду — армія, другъ мой, стала разваливаться. Мелочи... Да, Мелочи... Потому ихъ съ такою легкостью и отвергаютъ, но въ суммѣ своей онѣ, эти мелочи, создаютъ нѣчто крупное... И не намъ это передѣлывать... Вотъ, можетъ быть, имъ еще не нравится, что я ихъ одѣваю одинаково, какъ бы въ форму?...

— Нѣтъ, это нравится, — быстро сказалъ Ранцевъ. — Они понимаютъ, что общество хочетъ, чтобы они и внѣшне были солидарны, составляли одно цѣлое... Имъ это опредѣленно нравится. Но смущаетъ твоя анонимность, твоя невидимость, псевдонимность... Капитанъ Немо... Жюль Вернъ какой то!... Въ этомъ видятъ несерьезность предпріятія... А нѣкоторые боятся попасть въ

просакъ... Вѣдь не забудь про большевицкѣй «трестъ»... Очень всѣ напуганы... Кромѣ того и шопоты завистниковъ и обойденныхъ сильно вліяютъ, ну и создается атмосфера, которую какъ то надо разрѣдить...

— Сейчасъ въ періодъ организаціи, что имъ угрожаетъ?... Имъ платягъ, какъ никогда они не получали... Это разъ... Фильмовое общество... Два... Постановка необычайной фееріи на островахъ Галапагось. Что же тутъ страшнаго?... Когда же потребуется ихъ смѣлость, рискъ жизнью — они увидятъ для чего, во имя чего это дѣлается... Когда имъ будутъ показаны всѣ наши изобрѣтенія, всѣ достиженія техники — не думаю, чтобы ктонибудь сталъ роптать... Вѣдь они всѣ убѣжденные «бѣлые». Россія то для нихъ не пустой звукъ... Значить, и довольно... Скажи Гласову, Амарантову, Нордекову, всѣмъ полковникамъ скажи: — когда они поютъ въ хорѣ, играютъ въ оркестрѣ, — какая дисциплина! Ни одна какаянибудь тамъ волторна, или пикколо не посмѣютъ пикнуть безъ воли дирижера... такъ я требую такой же дисциплины... Я плачу хорошо и я требую... Пусть вспомнятъ старое, прежнюю свою службу... Да, еще... Ты можешь... намекнуть что ли... Честнымъ словомъ своимъ завѣрить ихъ, что это, въ конечномъ счетѣ, дѣлается для Россіи... Фильмовое общество... Анонимная компанія. Острова Галапагось... Капитанъ Немо... Но развѣ не понимаютъ они въ какой обстановкѣ приходится работать... Вѣдь мы не у себя дома. Кругомъ враги... Доносы... Слѣжка... Болтовня... Какъ же тутъ обойтись безъ анонимности, безъ «защитнаго» что ли цвѣта?...

Капитанъ Немо указаль Ранцеву на стулъ противъ себя.

— Садись. Нашъ разговоръ будетъ дологъ.

Нѣсколько минутъ капитанъ Немо смотрѣлъ въ глаза Ранцеву. Тотъ смѣло принялъ его взглядъ. Казалось, капитанъ Немо еще разъ провѣрялъ себя и испытывалъ своего стараго столько разъ испытаннаго друга.

За окномъ съ пестрыми стеклами и фигурной желѣзной рѣшеткой утренними шумами ворошился Па-

рижъ. Въ глубокомъ, узкомъ кабинетѣ, у стола, стоявшаго посерединѣ, были сумракъ и полная тишина. Тяжелая дверь отдѣляла кабинетъ отъ остальной квартиры. Онъ былъ угловой и ни одинъ звукъ изъ квартиры не проникалъ въ него. Ни одно слово капитана Немо не могло быть слышно рядомъ.

Въ этой тишинѣ капитанъ Немо началъ говорить о томъ, на что навела его внезапная мучительная боль въ боку, разбудившая его ночью.

IV.

— Ошибка вождей послѣдняго, нашего времени... Да и нашего ли только?... А Петръ Великій?... — началъ Немо, — въ томъ, что они не имѣли замѣстителей, продолжателей, исполнителей, наконецъ, завершителей своего дѣла... Были наслѣдники — замѣстителей не было. У Государя Императора Николая II былъ Наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ. Въ годъ начала Великой войны ему минуло десять лѣтъ. Всѣ — и Государь Императоръ больше всѣхъ — знали, что онъ страдаетъ неизлѣчимой наслѣдственной болѣзью, и что жизнь его всегда виситъ на волоскѣ, а потому врядъ ли ему придется царствовать. Казалось бы тутъ то и нужно было назначить замѣстителя и особымъ манифестомъ объявить, что такой то въ случаѣ чего является замѣстителемъ. Этого человѣка, конечно, надо держать при себѣ, въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и предположеній, чтобы онъ каждую минуту могъ взять бразды правленія... Этого не было... Какъ, возможно, совсѣмъ по иному разыгрались бы февральскія событія, если бы въ минуту душевной слабости Государя, когда онъ отрекался отъ Престола, онъ могъ бы сказть: — «я усталъ... вы затравили меня... Передаю власть замѣстителю». Но вотъ замѣстителя то и не было... Почему?... Боялись ли интригъ, подвоховъ, измѣны?... Боялись ли подлости людской, или это просто было не принято?... Богъ знаетъ почему...

Мистицизмъ, можетъ быть, тутъ сыгралъ роль? Въ извѣстныхъ кругахъ не любятъ говорить и думать о смерти... Можетъ быть — ревность?... зависть?... недовѣріе?... Но, вмѣсто Императора съ его обожествленной властью въ одинъ далеко не прекрасный мартовскій день осталось пустое мѣсто... Всѣ видѣли, что произошло отъ этого... Но и дальше продолжается то же самое. Генерала Корнилова смѣняетъ генераль Деникинъ, генерала Деникина — генераль Врангель — все это не въ порядкѣ замѣстительства, подготовленнаго, но чисто случайно, и въ старомъ дѣлѣ являются новые люди, не знающіе обстановки, не посвященные въ нее. Не было замѣстителя и у Великаго Князя Николая Николаевича, и смерть всякій разъ обрывала большое начатое дѣло... Да вѣдь и у Муссолини нѣтъ замѣстителя, какъ нѣтъ его и у Гинденбурга, какъ нѣтъ ихъ ни у Пильсудскаго, ни у Хитлера. Каждый работаетъ самъ за себя, не довѣряя своихъ плановъ другому. Великій французскій законъ: «le roi et mort — vive le roi» отринуть... А вѣдь это онъ давалъ спокойствіе народу, твердость власти, широкое развитіе непрерывно идущаго дѣла, которому и самая смерть не страшна. Въ этомъ все величіе, значеніе и преимущество монархіи.

Стоявшая въ кабинетѣ тишина казалась Ранцеву торжественной. Въ нее вѣско и внушительно упали слова.

— Роль замѣстителя!... Какая это неблагодарная роль! Онъ долженъ все знать. Все зная и въ готовую умственную работу начальника внося поправку своего свѣжаго ума, онъ будетъ видѣть ошибки и онъ долженъ молчать и слушаться. Свое честолюбіе онъ долженъ спрятать надолго, можетъ быть, навсегда... Какая честность, какое благородство характера должны въ немъ сочетаться! Все зная и обладая всею властью — онъ ничего не можетъ дѣлать самъ, пока живъ его начальникъ. Какой соблазнъ! Прибавь къ этому лесть окружающихъ, заискиванія такъ называемой « оппозиціи », а гдѣ ея нѣтъ? — и ты поймешь что такое быть замѣстителемъ.

Капитанъ Немо замолчалъ. Ранцевъ неподвижно си-

дѣлъ противъ него. Они оба не слышали городскихъ шумовъ. Они ушли во что то отвлеченное, важное. Ранцевъ душою ощущалъ такое непривычное у капитана Немо волненіе и оно сообщалось ему. Онъ молчалъ, ожидая, что скажетъ дальше его другъ.

— Петръ Сергѣевичъ, — съ нѣкоторою торжественностью сказалъ капитанъ Немо, — я все обдумалъ этою ночью, все взвѣсилъ и все предвидѣлъ... Я назначаю тебя своимъ замѣстителемъ.

— Ричардъ Васильевичъ, — очень тихо и серьезно отвѣтилъ Ранцевъ, — Я благодарю за честь и за довѣріе. Но... Смогу ли я?... Есть ли во мнѣ то, чѣмъ долженъ обладать вождь.

— Вождь, — взволнованно сказалъ Немо. — Вотъ именно не то понятіе... Къ которому послѣднее время привыкли... не такъ ты себя представляй и меня, какъ еождя... Вождь... Освободитель Россіи... всего міра отъ большевизма... Это человѣкъ, чьего имени по настоящему никто и не узнаетъ никогда... Даже исторія... Не на бѣломъ конѣ вѣдетъ онъ подъ ликующіе крики толпы въ освобожденную Москву... Не проѣдетъ на автомобилѣ, расцвѣченномъ національными флагами по ея улицамъ... Не прилетитъ явно на аэропланѣ... Немо! — то есть — никто! Кто то, сдѣлавшій такъ, что перехитрилъ сатану — вотъ вождь въ этомъ дѣлѣ борьбы съ третьимъ интернаціоналомъ... Вождь тотъ, кто сумѣетъ отказаться отъ себя и все отдать Родинѣ... Ошибка прежнихъ вождей была въ томъ, что они не могли перестать быть генералами и оставить прежніе навыки войны и перейти къ другимъ, совсѣмъ особеннымъ.

Немо оборвалъ рѣчь. Ранцевъ чувствовалъ, какъ къ его сердцу подступило давно не испытанное волненіе. Такое точно волненіе было, когда Государь Императоръ произвелъ его въ офицеры, такое волненіе охватило его и въ тотъ день, когда онъ получилъ въ командованіе эскадронъ. Въ немъ соединялись сознаніе громадной отвѣтственности и тяжесть взятаго на себя долга.

— Вождь... Начальникъ... Диктаторъ... — въ какомъ то раздумьи проговорилъ Немо и оборвалъ.

За окномъ на Парижской улицѣ продавецъ пронзительно кричалъ. Мимо пронеслась, стрѣляя и щелкая мотоциклетка, и ея шумъ постепенно замиралъ въ отдаленіи.

Лицо капитана Немо было блѣдно. Въ полутемной комнатѣ его глаза были черны и огонь загорался въ нихъ и потухалъ за длинными, загнутыми вверхъ рѣсницами.

— Вождь — исполнитель воли Господней на землѣ прежде всего долженъ быть вѣрующимъ человѣкомъ... Вѣрующимъ безъ компромиссовъ. Онъ долженъ совѣтоваться съ Богомъ, какъ это дѣлалъ Моисей, и свято исполнять волю Божию... Не молебны, не чудотворныя иконы, не долгія моленія — все это для толпы, для массъ... Вождю — короткая, но какая глубокая! — молитва утромъ и днемъ передъ началомъ всякаго дѣла. Мысленно, про себя... молніеносно... Отправить въ безконечную высь, къ Престолу Господню короткую какъ бы волну молитвы и получить успокоительный отвѣтъ, дарующій увѣренность... Я знаю — ты такой.

Ранцевъ, молча, наклонилъ сѣдую голову.

— Честность, неподкупность, скромность и цѣломудріе. Когда ты получишь власть и власть огромную, а съ нею и средства, когда однимъ росчеркомъ пера ты будешь сыпать милліонами — какъ легко искуиться. Какіе соблазны обступятъ тебя... Банкеты въ твою честь со льстивыми, неискренними рѣчами. Встрѣча толпою. Крики ура... На рукахъ тебя будутъ носить изъ автомобиля въ залъ и изъ зала въ автомобиль... Цвѣты... Подношенія на память... Рукоплесканія и восторги толпы на каждое твое умное и неумное слово... И женщины... Прекрасныя женщины съ блестящими восторгомъ, влюбленными глазами, готовыя отдаться тебѣ только потому, что ты вождь, что ты можешь казнить и миловать. Сколько великихъ людей споткнулось на этомъ. Сколько размѣняло свою силу, свою власть на объятія женщины. Забыло въ нихъ долгъ. Библейскій разсказъ о Самсонѣ никого не научилъ. А вотъ тебя я знаю. Изучилъ я тебя, и знаю: тебя ни женскими чарами, ни бан-

кетами, ни лестью не купишь и долгу своему ты не изменишь. И потому я тебѣ вѣрю, какъ самому себѣ.

Ранцевъ хотѣлъ что то возразить, но Немо рукою коснулся его рукава и продолжалъ:

— Знаю твою скромность... Молчи... Нужна вождю и храбрость, и какая!... По нынѣшнимъ то обстоятельствамъ совсѣмъ необыкновенная. Войти одному безъ всякой охраны въ бушующее солдатское море и движеніемъ руки и обаяніемъ своей храбрости остановить и прекратить начавшійся бунтъ... Помнишь... Дѣтство... и эта наша пѣсенка:

...«Счастья тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ».

Я знаю— ты смерти не боишься.

— Моею всегдашнею мечтою было и осталось — умереть по солдатски.

— Ну, вотъ видишь. Я въ тебѣ не ошибся... Потомъ бодрость. Вотъ будемъ мы всѣ умирать отъ голода, зноя, изнеможенія, усталости, а ты, вождь, съ шуткой на устахъ, точно тебя эти лишенія и не коснулись. Двужильный... Помнишь: Сенъ Готардъ и Суворова.

— Конечно, помню.

— Какъ онъ: — «ройте мнѣ могилу»... Чудо богатыри, непріятель отъ васъ дрожить... Побѣдимъ и горы, и природу побѣдимъ... Всѣхъ побѣдимъ... Никакого унынія, ибо всѣ на тебя будутъ равняться. Я видалъ тебя полъ года назадъ, когда ты пришелъ ко мнѣ со своимъ горемъ. Я знаю, какую тяжелую драму ты пережилъ, чѣмъ пожертвовалъ, а бодрости не утратилъ... Въ тотъ вечеръ я оцѣнилъ тебя. Ты настоящій офицеръ!... Офицеръ — съ большой буквы! И все въ тебѣ офицерское. И потому ты достоинъ быть и вождемъ... Кого я другого такого найду, кому бы могъ вѣрить, какъ самому себѣ?

— Но... Ричардъ Васильевичъ.. Умъ, образование?... Какія мои знанія? Я же отлично понимаю, что та война, которую ты готовишь, не конныхъ атакъ потребуетъ, но какихъ то сверхчеловѣческихъ знаній... У меня же

никакихъ... «Видъ веселый, но безъ улыбки»... Рубить, колоть, скакать — вотъ и всѣ мои знанія.

— Въ твоихъ словахъ и отвѣтъ, годенъ ли ты? Ты сказалъ: — моя война потребуеть сверхчеловѣческихъ знаній. А если они сверхчеловѣческія, то и недоступны человѣку, по крайней мѣрѣ, одному человѣку. И не думай объ этомъ. Эти знанія — дѣло специалистовъ, ученыхъ. Твое дѣло сказать, чего надо достигнуть, а какъ это сдѣлать — это уже ихъ дѣло обсудить и придумать. Ты же выслушаешь ихъ докладъ и скажешь, годится, или нѣтъ. Кромѣ того, ты замѣститель, а не вождь. Ты приходишь на готовое, на то, что мною сдѣлано и тебѣ надо только ознакомиться со всѣмъ моимъ боевымъ аппаратомъ... А главное — въ тебѣ есть, — ты не согнешься и тебя не сломятъ ни люди, ни обстоятельства.

Капитанъ Немо подошелъ къ одному изъ шкаповъ и досталъ изъ него такой же точно галстухъ, какой былъ и на немъ голубо-синій съ серебрянымъ тонкимъ зигзагомъ.

— Надѣнь на себя и носи, — сказалъ Немо, подавая галстухъ вставшему передъ нимъ Ранцеву. — У насъ нѣтъ чиновъ, и табели о рангахъ я еще не составилъ. Но... люди привыкли къ этому и ихъ это тѣшить... Генералу Чекомасову не хочется стать только поручикомъ, да и полковнику Нордекову будетъ обидно, если я скажу ему, что онъ, какъ командиръ роты, только капитанъ. О чинахъ я молчу. Называй кого хочешь и кому это присвоено хоть «ваше превосходительство» мнѣ все равно... Только — кинематографъ. Но надо все таки, чтобы люди то помнили, кто у нихъ надъ кѣмъ старшій. Вотъ я и придумалъ эти галстухи съ полосками. Увидятъ на тебѣ такой — генеральскій — какъ и у меня, и будутъ знать, что ты то же, что и я... въ родѣ какъ бы — генераль... Людскія слабости, но ихъ не всегда можно обойти.

Странное волненіе охватило Ранцева, когда онъ принималъ отъ Немо синюю шелковую ширинку. Точно и правда въ генералы его жаловалъ старый его другъ.

«Да что то дѣлается и въ этомъ дѣлѣ мнѣ уготована большая и, вѣроятно, опасная роль. Что же, съ Божьею помощію совершу все то, что мнѣ будетъ поручено».

— Идемъ со мною, я тебѣ сейчасъ dokonчу общій планъ. А потомъ можешь ѣхать въ свою роту...

V.

Они прошли въ тотъ маленькій кабинетъ, что былъ рядомъ со спальней капитана Немо.

Капитанъ Немо открылъ дверь, подвелъ Ранцева къ стѣнѣ и сказалъ:

— Смотри!

Точно живое прекрасное видѣніе явилось Ранцеву въ громадной бѣло-зеленой съ голубыми краями картѣ Россійской Имперіи... Черныя рѣки прихотливыми зигзагами пробѣгали по ней на сѣверъ и на югъ. Рыжіе горные хребты крестообразно пересѣкали ее. По мелкой розсыпи городовъ и мѣстечекъ вездѣ были наклеены красные, бѣлые, зеленые, малиновые и голубые кружки, лунки и черточки.

— Война требуетъ территоріи, — сказалъ Немо. — Вотъ она — Россія. Она вся покрыта коммунистическими ячейками. Вездѣ есть вѣрныя 3-му интернаціоналу части внутренней охраны, чекисты, комсомоль, отсюда по всей землѣ Русской идутъ доносы, слѣжка, аресты, пытки и разстрѣлы. Чтобы уничтожить и парализовать эту хитро сплетенную, дьявольски разумно задуманную систему, чтобы заставить мобилизовать и другую часть населенія и вооружить ее, безоружную — надо начать настоящую войну. Какую же для этого надо имѣть армію?... Многомилліонную... Гдѣ ее взять?... Гдѣ взять тѣ безконечныя средства, чтобы повести такую войну?... Надо опять мобилизовать для войны едва не всю европейскую промышленность... А гдѣ же будетъ база для такой войны? Гдѣ, откуда, изъ кого наберемъ солдатъ

для такой войны?... Кто же, какое государство на это рѣшится?...

Капитанъ Немо сталъ крутить рукоятку подлѣ карты и смоталъ ее наверхъ. Подъ картой Россіи оказалась такая же подробная карта Европы. Она точно такъ же была покрыта условными значками.

— Вся Европа, какъ сифилисною сыпью покрыта коммунистическими ячейками и союзами. Эти красные кружки — смотри, какъ густы они въ Польшѣ, Германіи, Испаніи, какъ облѣпили края Англии, какъ вездѣ и всюду насѣли по фабричнымъ и портовымъ городамъ, вездѣ, гдѣ стоятъ большіе гарнизоны — это коммунистическія ячейки, руководимыя изъ Москвы. Эти бѣлые треугольники — это союзы пацифистовъ и антимилиитаристовъ и тамъ разложенныя ими войсковыя части. Какъ же можетъ воевать Европа при такихъ условіяхъ? Ея арміи одна видимость. Большевики уже побѣдили, даже и не начиная войны. Значить, для борьбы съ большевиками нужны какіе то новые, совсѣмъ особые приемы борьбы и база, которую никто и никогда не могъ бы отыскать. За эти пять лѣтъ, что я работаю въ этомъ направленіи я собралъ силы и матеріалы для такой борьбы... Я устроилъ и базу. Людской матеріалъ, я съ нимъ тебя начну теперь знакомить, можно распредѣлить на три категоріи. Первая категорія — помнишь я тебѣ какъ то рассказывалъ, какъ я былъ въ Берлинѣ въ театрѣ «Варьете» и тамъ наблюдалъ людскихъ феноменовъ. Такъ вотъ первая категорія и составлена по принципу такой сверхъ человѣчности людей. Это гении, изобрѣтатели. Это сверхъ люди. Одаренные отъ Бога. Имъ извѣстенъ весь мой планъ. Они знаютъ, для чего они работаютъ и они сочувствуютъ моей работѣ. Въ нихъ я увѣренъ. Да ихъ всего нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ Русскій только одинъ... Вторая категорія — люди, являющіеся помощниками этихъ феноменовъ первой категоріи. Они разсѣяны по всему свѣту и хотя, официально, они работаютъ для фильмоваго общества «Атлантида», возглавляемаго капитаномъ Немо, я думаю, что они догадываются для чего они работаютъ... Нако-

нецъ, третья категорія — это твоя рота. Эти до поры до времени не должны ничего знать объ истинной сущности «Атлантиды». Дѣлаю такъ потому, что тутъ приходится имѣть дѣло уже съ нѣсколькими сотнями людей, а набрать по нынѣшнимъ временамъ нѣсколько сотъ человѣкъ, да еще въ Парижѣ, которые не проболтались бы, или даже и не предали я не считаю возможнымъ.

Капитанъ Немо спустилъ карту Россіи на ея прежнее мѣсто.

— Какъ бы велика и сильна ни была моя техника, — продолжалъ онъ, — все таки бороться со всею Россіей съ ея огромными пространствами и ста сорока милліонами населенія было бы невозможно. И при техникѣ настанетъ такой день, когда понадобится армія въ старомъ значеніи этого слова, съ пѣхотой, конницей и артиллеріей... Гдѣ мы ее возьмемъ? Видишь эти бѣлыя точки, что точно мелкою крупною покрываютъ Россію. Мѣстами гуще, мѣстами рѣже. Это ячейки Братства Русской Правды, съ которымъ я тѣсно связанъ. Это тѣ надежные люди, которыхъ я найду въ Россіи. Россія кипитъ сдержанною, нестерпимою, неслыханною ненавистью къ своимъ поработителямъ большевикамъ. Соловки, Нарымскій край, весь сѣверъ Россіи перенасыщены людьми, въ своей звѣриной ненависти къ большевикамъ дошедшими до послѣдней черты. Это пороховой погребъ. Тутъ лютый, голодный, обезсилѣвшій отъ голода и лишеній, едва сдерживаемый цѣпями чекистовъ и неслыханнымъ терроромъ народъ. Накорми ихъ, дай имъ оружіе, начальниковъ... Вотъ тебѣ готовая, ничего не боящаяся, закаленная въ лишеніяхъ армія... Армія въ милліоны людей... Вотъ почему я и не боюсь начинать борьбу съ моими сравнительно ничтожными денежными средствами и малыми людскими силами. И средства и людей я найду въ Россіи... Но дѣло не въ этомъ... До побѣды, запомни это, Петръ Сергѣевичъ, еще будетъ далеко, хотя бы и вся Россія возстала, какъ одинъ человѣкъ.

Капитанъ Немо опять открылъ карту Европы.

— Когда Русскій народъ возстанетъ противъ боль-

шевиговъ и начнетъ одолѣвать ихъ, вся красная Европа и Америка кинутся на помощь большевикамъ. Испуганные еврей банкиры будутъ сыпать золотомъ, чтобы закупить красную армию 3-го интернаціонала и снова надѣтъ на Русскій народъ коммунистическія цѣпи еврейской власти. Борьба пойдетъ не на жизнь, а на смерть и врагомъ будетъ весь міръ, поработенный и запуганный коммунистами. Придется и на Европу надѣтъ какой то намордникъ и ей крикнуть: — «руки прочь отъ Россіи». Иначе въ клочья порвутъ ее жадные капиталисты Европы, едва только вырвется она, изнемогающая и окровавленная изъ цѣпкихъ рукъ большевиковъ... Вотъ пока и все... Продумай все то, что я тебѣ сказалъ. Сейчас ты свободенъ. А съ завтрашняго дня будемъ вмѣстѣ ѣздить по всѣмъ моимъ здѣшнимъ учрежденіямъ и я представлю тебѣ, какъ моему замѣстителю всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ уже теперь вмѣстѣ съ тобою будемъ работать.

Капитанъ Немо обнялъ и крѣпко поцѣловалъ Ранцева.

VI.

Черезъ полчаса Ранцевъ на автомобилѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе капитаномъ Немо подъѣзжалъ къ большому свѣтлому гаражу, расположенному на окраинѣ Парижа. Здѣсь — и совершенно открыто — каждое утро происходили строевыя занятія роты, сформированной Ранцевымъ. Здѣсь громко билъ барабанъ, раздавались команды, дѣлали съ деревянными ружьями ружейные приемы, здѣсь сыгрывался хорошій духовой оркестръ, руководимый Амарантовымъ и спѣвался оперный хоръ Гласова.

Никого это не удивляло и не смущало. Всѣмъ было извѣстно, что тутъ готовятся статисты большого интернаціональнаго анонимнаго фильмоваго общества «Атлантида», законнымъ образомъ зарегистрированнаго въ министерствѣ торговли и промышленности. Всѣ знали,

что готовится какая то военная фильма и фильма звуковая, а потому такъ естественно было все то, что дѣлалось въ уединенномъ большомъ гаражѣ на глухой окраинѣ Парижа.

Никакой рекламы заранѣе не распространяли, никакихъ интервьюеровъ и репортеровъ сюда не допускали. Но и это было понятно. Все это дѣлалось въ цѣляхъ самой хитрой и совершенной рекламы. Секретъ долженъ былъ повысить интересъ къ фильмѣ, которая ставилась анонимнымъ интернаціональнымъ обществомъ «Атлантида».

— Въ нашъ вѣкъ самой необузданной рекламы, — сказалъ секретарь одного изъ директоровъ общества капитана Немо осаждавшимъ его интервьюерамъ, — самая лучшая реклама — отсутствіе рекламы.

Это звучало парадоксомъ. Но это было оригинально и съ этимъ пришлось согласиться.

Въ правительственныхъ учрежденіяхъ и при заключеніи контрактовъ съ людьми объясняли, что на фильмѣ будетъ изображена гражданская война, значить военное обученіе, обиліе статистовъ, вооруженіе, можетъ быть, аэропланы, танки, пушки никого не пугали. Но... нанимаемые Русскіе статисты скоро подмѣтили какой то особенный душокъ тайны уже не кинематографической, который вѣялъ отъ всей обстановки занятій и набора людей. И этотъ то душокъ волновалъ Русскихъ статистовъ, набираемыхъ въ роту.

Брали людей большой физической силы, какимъ былъ дирижеръ оркестра полковникъ Амарантовъ, или людей исключительно ловкихъ, сметливыхъ среди природы, охотниковъ, какимъ былъ полковникъ Ферфаксовъ, или людей, что называется «отпѣтыхъ», кому «либо въ стремя ногой — либо въ пень головой», какимъ сталъ Нордековъ. Особенно охотно брали казаковъ. Притомъ брали людей опредѣленно ярко выраженной «бѣлой идеи», тѣхъ, кого называли тогда «активистами». И среди этихъ то людей — предложеній было очень много, безработица одолѣвала Русскіе эмигрантскіе круги — брали лишь тѣхъ, кто твердо исповѣдывалъ знаменныя лозунги: — «вѣра, царь и отечество». Этимъ

въ, казалось бы, совсѣмъ неполитическое предпріятіе, какимъ являлось анонимное общество «Атлантида» вносила какъ бы политика. Избѣгали скользкихъ и гибкихъ «непредрѣшенцевъ», не брали тѣхъ, кто по апокалипсическому выраженію не былъ ни холоденъ, ни горячъ, а принадлежалъ къ весьма тогда распространенной партіи «куда вѣтеръ дуетъ» и кто говорилъ соннымъ «Обломовскимъ» голосомъ: — «мнѣ все равно — будетъ республика, буду служить и республикѣ, а пошлетъ Богъ царя — послужу и царю»... Брали волевыхъ людей и не старше сорока лѣтъ, крѣпкихъ физически и здоровыхъ. Если и брали стариковъ, то не въ строй, а на хозяйственныя должности и отмѣнно крѣпкихъ духомъ и убѣжденіями. При заключеніи контракта бралась подписка, съ момента погрузки не пить спиртныхъ напитковъ и не курить. Была и еще странность: — въ формировавшейся ротѣ, два взвода были Русскіе и два взвода иностранцы — французы и нѣмцы. И тоже это былъ народъ крѣпкій и стойкій. Французы-моряки Бретонцы, всѣ католики, нѣмцы изъ Ганновера и Помераніи.

Въ Русской полуротѣ по этому поводу шли разговоры. Что курить не позволяютъ — это, можетъ быть, потому, что на пароходѣ будетъ погружено много целлулоидовой пленки. Возможно — боятся пожара. Пить нельзя — ну тоже понятно: — боятся безпорядка... А вотъ почему нужна политическая какая то благонадежность было и совсѣмъ непонятно. Не брали евреевъ, а это самые талантливые артисты. Брали только статистовъ, а статистики?... Не были извѣстны имена первыхъ артистовъ и артистокъ «ведеттъ», а въ современной фильмѣ они то и есть самое главное. Ничего не было слышно и про сценарій и про содержаніе фильмы.

Рота статистовъ была настоящая «штатная» рота. Двѣсти двадцать человекъ. Она была рассчитана Ранцевымъ на взводы. Во взводахъ были назначены командиры и унтеръ-офицеры, были и барабанщики и горнисты.

Едва Ранцевъ открылъ дверь большого бетоннаго

гаража, какъ былъ оглушенъ гулками звуками барабаннаго боя.

«Тамъ, тамъ, тамъ та тамъ», — отбиваль рѣдкій, «учебный» шагъ барабанщикъ. Щелкали подошвы башмаковъ по ровному бетонному полу.

— Выше ногу!... Тяни носокъ!... Крѣпче отбивай на землю, — кричалъ кто то посерединѣ манежа въ командномъ увлеченіи. Это былъ рослый молодецъ, Донской офицеръ Аполлонъ Рубашкинъ. Его двѣ недѣли тому назадъ «снялъ» изъ мезонъ де кутюръ, гдѣ онъ былъ «омъ а ту феръ» Ранцевъ.

Ранцева сейчасъ же увидали. Рубашкинъ махнулъ рукою барабанщику, въ наступившей гулкой тишинѣ, отдаваясь эхомъ, раздалась команда:

— Шер-р-енга! Стой!... Смир-р-на!...

Полковникъ Нордековъ въ черной фетровой шляпѣ съ широкими полями — такія точно шляпы были и на всѣхъ обучавшихся — въ синемъ пиджакѣ, тщательно «печатая» носками, что въ штатскомъ платьѣ выходило забавнымъ, подошелъ къ Ранцеву и, приложивъ руку къ полямъ своей шляпы, отрапортовалъ:

— Ваше превосходительство, — онъ уже замѣтилъ зигзагообразную серебряную полоску въ галстухѣ Ранцева и оцѣнилъ ее. Ранцевъ не остановилъ его. Онъ зналъ, что это доставляетъ удовольствіе и самому Нордекову и всѣмъ окружающимъ, ибо напоминаетъ пріятное прошлое и будитъ сладкія надежды, быть можетъ, только мечты, о будущемъ. — Ваше превосходительство, первая полурота занимается маршировкой. Въ полуротѣ пятьдесятъ два ряда.

Посерединѣ гаража неподвижно, съ рукою у полей шляпы, стоялъ и командиръ полуроты полковникъ Парчевскій. Духъ дисциплины и порядка вселился въ Парижскій гаражъ.

Сто человекъ, больше все молодежь, съ блѣдными лицами, голодными отъ питанія по быстро и молочнымъ «чѣмъ Богъ пошлетъ», вытянулись вдоль зала. Для большинства выправка не была новостью. Она была только хорошо позабыта. Почти всѣ были или кадетами или

юнкерами въ Добровольческой арміи, и только самые юные выдѣлялись мальчишески пухлыми лицами и мѣшковато опущенными плечами.

Въ углу гаража были сдвинуты гимнастическіе приборы.

Ранцевъ, не здороваясь, — вѣдь это же были только статисты большой фильмы! — обходилъ вдоль шеренги.

Въ глазахъ этихъ людей, — были люди и за тридцать, — застыло то наивно испуганное, смущенное выраженіе, какое бываетъ у взрослыхъ, штатскихъ людей, которыхъ вдругъ поставили въ строй. Кое кто шевелилъ руками, оправляясь отъ смущенія. Посерединѣ гаража стоялъ барабанщикъ. На синемъ штатскомъ костюмѣ странной казалась широкая черная кожаная перевязь и блестящее кадло барабана. Барабанщикъ держалъ палки въ положеніи «смирно» готовыми ударить.

— Господа, — громко и увѣренно сказалъ Ранцевъ, — не удивляйтесь требованіямъ общества муштры и отчетливаго строя. Фильма должна быть образцовой и войска, изображенная въ ней, должны въ полной мѣрѣ напоминать Россійскую Императорскую армію. А для этого придется васъ помуштровать и размять гимнастикой.

Повернувшись къ Нордекову Ранцевъ спросилъ: — довольствіе организовано?...

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Гдѣ у васъ кухня и столовая?...

— А вотъ, пожалуйста, рядомъ.

— Покажите мнѣ ее. Прошу, господа, продолжать занятія.

— Командуйте, Парчевскій, — начальническимъ тономъ приказалъ Нордековъ.

— Смир-р-рна... Учебнымъ шагомъ... Шаг-г-гомъ... — командовалъ Парчевскій.

Команда «маршъ» застала Ранцева и Нордекова за гаражомъ.

Въ большой кухнѣ, устроенной въ сараѣ рядомъ, было по военному чисто. У плиты, куда были вмазаны

большіе котлы, въ бѣлыхъ фартукахъ и поварскихъ колпакахъ возились дѣдъ и внукъ Агафошкины.

При входѣ начальства Нифонтъ Ивановичъ быстро далъ Фирсу основательный подзатыльникъ, чтобы онъ стоялъ какъ слѣдуетъ, вытянулся у плиты и обиженный тѣмъ, что Ранцевъ съ нимъ не здороваётся, самъ отвѣтилъ:

— Здравія желаю ваше высокопревосходительство, («масломъ каши не испортишь!»). Пробу прикажете?

— Да, дайте, пожалуйста.

Нифонтъ Ивановичъ строго метнулъ глазами на Ранцева. Это «дайте» и «пожалуйста» звучали оскорбительно. Онъ по уставному повернулся къ плитѣ, еще разъ толкнулъ Фирса кулакомъ подъ бокъ, на этотъ разъ, чтобы тотъ отчетливѣй поворачивался. и, открывъ котлы, тщательно размѣшалъ черпакомъ и налилъ въ поданные Фирсомъ судки. Пряно пахнуло лавровымъ листомъ и перцемъ.

— Щи Донскія, каша пшенная, — отрапортовалъ Нифонтъ Ивановичъ, самъ подавая судки «начальству».

Ранцевъ основательно попробовалъ. Прекрасныя были щи. Такихъ въ Парижѣ и въ «Эрмитажѣ» не всегда получишь. Онъ посмотрѣлъ на Агафошкина. Глаза въ глаза переглянулись они и поняли другъ друга.

— Спасибо, дѣдъ... Отмѣнныя щи...

— Радъ стараться, — весело крикнулъ дѣдъ и подумалъ: — «вотъ это уже по нашему... А то на поди: — «пожалуйста»...

— А какъ вторая полурота?... Французы и нѣмцы?... Довольны пищей?...

— Ну не очень, — нерѣшительно сказалъ Нордековъ.

— Имъ, ваше высокопревосходительство, лягушекъ, альбо этихъ самыхъ мулей подавай... А у меня рука не подыметъ этакую пакость варить, котлы поганить.

— И не надо, родной. Пусть привыкають къ нашей пищѣ.

— Да другіе, ваше высокопревосходительство, и то «бонъ, бонъ» говорятъ, по три котелка заразъ трескають.

— Ну такъ до свиданія, Георгій Димитріевичъ, спасибо вамъ за порядокъ, счастливо оставаться дѣдушка.

— Счастливаго пути.

Ранцевъ пошелъ къ своему автомобилю. Нордековъ вернулся въ гаражъ. Какъ всегда послѣ посѣщенія начальства занятія не шли на умъ. Люди стояли «вольно». Офицеры сошлись посерединѣ и разговаривали.

— А не ручкается, — сказалъ Рубашкинъ. — Фасонъ держитъ.

— Нашего брата подтянуть надо, — сказалъ Парчевскій, — распустились за годы эмиграціи, да и революціонная отрыжка еще не прошла.

— Все завелъ форменное... Вездѣ нѣмецкій порядокъ. А самъ этотъ таинственный капитанъ Немо, говорятъ, окруженъ иностранцами, — продолжалъ Рубашкинъ.

— Вы, Аполлонъ, про начальство полегче. Ранцева, русскаго назначилъ замѣстителемъ. А уже куда лучше! Я Ранцева знаю: — рубаха парень. Свой братъ офицеръ...

— Вы его, Парчевскій, не знаете, — сказалъ Нордековъ, — онъ насъ въ бараній рогъ согнетъ... Педантъ... Я слыхалъ, ради службы дочь потерялъ. Жену бросилъ... У него не сердце, а дисциплина...

— Нашу Парижскую дурь развѣ только барабаннымъ боемъ повыбьешь.

— Да вѣдь это, Парчевскій, фильма и только.

— Что же что фильма, — сказалъ Рубашкинъ. — Я въ «Хаджи Муратъ» снимался. Мозжухинъ тотъ фильмъ ставилъ. Такъ вѣрите ли, какъ джигитовать заставлялъ. Да ни на одномъ царскомъ смотру такъ не рисковали своими головами. Горы, скалы, чортъ знаетъ что подъ ногами. Слетишь и костей не соберешь, а онъ: — «ходу!» — кричитъ, «лише, черти, лише!... весь міръ васъ увидитъ».

— Да, это можетъ быть и такъ, — задумчиво сказалъ Нордековъ, — но увѣряю васъ, господа, тутъ собака зарыта вовсе не въ фильмѣ. Мнѣ и Ферфаксовъ проговаривался... У меня такое, знаете, чутье, что онъ возьметъ, да и повернетъ вдругъ на Россію.

— Куда?... На Россію?... Да что вы, батенька!...

— Съ ротой съ деревянными ружьями!?!... Съ оркестромъ Амарантова «пумъ, пумъ, пумъ» и съ Гласовскими пѣсенниками!?

— А вотъ увидите... Для чего бы иначе такіе миллионы тратить?

— Какіе же это миллионы?!.. Маленькая рота... Въ Холливудѣ цѣлые конные полки содержатъ.

— А ведуттамъ что платятъ!... По миллиону долларовъ въ недѣлю, а у насъ и ведеттъ никакихъ нѣтъ.

— Ты, Аполлонъ, свободно за ведетту сойдешь.

— Ну, ладно, — сказалъ Нордековъ, — будетъ болтать, по мѣстамъ, господа. Полурота смирно!

— Тамъ-тамъ-тамъ-та-тамъ, — забилъ снова барабанъ, вбивая муштру и выбивая Парижскую дурь.

VII.

Совсѣмъ измѣнилась послѣ этого дня жизнь Ранцева. Онъ забылъ, что ему подъ пятьдесятъ. Никогда, даже въ школѣ, онъ не былъ такъ занятъ. Все свое горе, всю сердечную тоску онъ забылъ. Тѣло съ его потребностями не существовало. Онъ понялъ—для кого онъ работалъ... Для Россіи!... И по мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ размахомъ организаціи, созданной капитаномъ Немо — онъ вѣрилъ въ успѣхъ. Это было настоящее. Организація, какъ какой то микроорганизмъ почковалась или какъ растеніе расло не по днямъ, а по часамъ и захватывало все больше и больше людей:

Ранцевъ вставалъ въ пять часовъ утра.

Въ окно на третьемъ этажѣ особняка капитана Немо мутное глядѣло небо. По ту сторону улицы высились сѣрая громада дома со слѣпыми, заставленными ставнями окнами и съ крутою крышею. Чуть слышно съ перерывами гудѣлъ просыпающійся Парижъ.

Лакей приносилъ чай, хлѣбъ и масло. Безъ четвер-

ти въ шесть, громадный Рольсъ Ройсъ уже мчалъ его и капитана Немо по спящимъ улицамъ Парижа.

Они ѣхали на *Le St Louis*, гдѣ въ подвалѣ, у самой набережной Сены, работалъ «интендантъ» полковникъ Дряньскій. Въ просторномъ, ярко освѣщенномъ электричествомъ помѣщеніи, на длинныхъ столахъ чело-вѣкъ двадцать рабочихъ разбирали, чистили, сшивали, чинили и штопали наваленное передъ ними платье и тряпье. Душный запахъ старой одежды стоялъ въ подвалѣ.

Дорогой капитанъ Немо расказалъ Ранцеву, что Дряньскій работаетъ у него уже больше трехъ лѣтъ, что имъ основаны конторы «Кортинена, Симелиуса и К°» въ Выборгѣ, «Ермилова съ сыновьями» въ Нарвѣ, Ухналева въ Бѣлостокѣ и графа О'Рурка въ Кишиневѣ. Эти конторы скупаютъ у переходящихъ законно и незаконно изъ С.С.С.Р. людей «совѣтское» платье и всѣ мелочи ихъ «потусторонняго» быта, паспорта, докумен-ты, форменную одежду бѣглыхъ красноармейцевъ и чекистовъ и при соотвѣтствующихъ описяхъ отправляютъ Дряньскому на *Le St Louis*, гдѣ все это сортируется и приводится въ порядокъ. Все, значить, это было нужно. Для фильмы?... Все это распредѣлялось по районамъ, откуда что было получено и съ соотвѣтствующими описаніями отправлялось по Сенѣ на баржахъ къ морю. По каждому району у Дряньскаго были свои спеціалисты. Такъ казачій есауль Востротинъ вѣдалъ вещами, поступавшими съ юга, а бывший прокуроръ С.-Петербургскаго суда Демчинскій вещами, приходивши съ сѣвера.

Дряньскій встрѣтилъ капитана Немо въ дверяхъ подвала.

— Ну какъ? — спросилъ Немо.

— Какъ видите, кипитъ. Гаврила Михалычъ похвастайтесь вашими наблюденіями.

Высокій, очень худой отъ долгаго недоѣданія и непосильной работы немолодой есауль Востротинъ пододвинулъ корзину, которую онъ укладывалъ, къ Немо и сказалъ:

— Вотъ, извольте видѣть, Ричардъ Васильевичъ,

на Дону шаравары съ лампасами носятъ. Фуражка красноармейца, пиджакъ сквернаго матеріала, а шаравары съ алымъ лампасомъ. Выходить, живъ еще Донъ. Не забылъ дѣдовскихъ завѣтовъ. Головка гніетъ, а корни, видать, еще цѣлы. Только бы добраться...

Востротинъ вынулъ изъ корзины и любовно встряхнулъ шаравары съ лампасами.

— Графъ О'Руркъ пишетъ, черезъ Братство Русской Правды получены изъ Нижне-Чирской станицы.

Онъ отставилъ корзину и поставилъ на ея мѣсто картонку.

— А на Кубани, Ричардъ Васильевичъ, черкеску совсѣмъ забросили. На рубашку въ родѣ, какъ бы толстовку, гозыри нашиваютъ. Ичиговъ и за большія деньги не достанете.. Вѣрно и лезгинки больше не пляшутъ, а какойнибудь «товарищескій» фоксъ тротъ танцуютъ... Такъ это интересно. Роешься въ тамошнемъ платьѣ, по ржавымъ карманамъ шариишь и отъ этой, простите, вонючей прѣли, точно духъ родной идетъ. Прямо жаль и въ дезинфекцію сдавать... А пуговищъ стало совсѣмъ мало. Рѣдкая одежонка съ полнымъ комплектомъ... А бѣлье!... При Государяхъ и нищія такимъ бы погнушались... Въ ночлежкѣ и то засмѣяли бы...

Въ разговоръ ввязался Демчинскій.

— Я разбираю, Ричардъ Васильевичъ, платья изъ Ленинграда. И, знаете, какія мысли! Конечно, сословія и классы тамъ уничтожены, нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Общее такъ сказать, поравненіе, а посмотрите ка...

Онъ досталъ изъ картонки черную рубашку.

— Посмотрите на эту толстовку. Англійское, или, какъ у насъ въ былое время прикащики говорили — аглицкое сукно... Штаны какіе!... Башмаки американскіе... Это жъ прямо — буржуй!... Снято братчиками съ убитаго комиссара... А вотъ это... Бож-же мой!... Какія заплаты, какая штопка!... Сѣрыми нитками по коричневому сукну. Штаны — бахрома чуть не отъ колѣнъ начинается. Башмаковъ признакъ одинъ. Бѣсыми пятками человекъ по снѣгу шель. Куплено у профессора Оглобина... Помните: — отъ «нихъ» перебѣжалъ въ Теріо-

кахъ. Нѣтъ, знаете, классы остались и никакого поравненія не произошло.

Капитанъ Немо переговорилъ съ Дряньскимъ о срокахъ послѣдней отправки въ портъ и, простившись съ рабочими, поѣхалъ дальше.

Мощная машина мчала ихъ по пробуждающемуся Парижу, мимо озареннаго весеннимъ солнцемъ собора Нотръ Дамъ, съѣхала на лѣвый берегъ Сены, углубилась въ самую глушь пятнадцатаго Парижскаго округа и, наконецъ, остановилась въ маленькой тихой улочкѣ. Кругомъ были гаражи. Они стояли съ открытыми воротами, уже пустые: шоферы такси всѣ выѣхали на работу. Сѣрые высокіе дома, населенные бѣднотою были мрачны и унылы.

Капитанъ Немо и Ранцевъ поднялись по лѣстницѣ безъ лифта на шестой этажъ и позвонили у квартиры, похожей на мастерскую художника, или фотографа.

Едва они позвонили, какъ видно за дверью кто то былъ, — ихъ спросили:

— *Qui est là?*...

— Господи спаси Россію, — сказалъ Немо.

— Коммунизмъ умреть — Россія не умреть, — отъѣтили за дверью. Она раскрылась.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, — бодро привѣтствовалъ Немо рослый, молодцеватый человѣкъ въ синемъ «форменномъ» платьѣ.

За передней была свѣтлая мастерская. Изъ нея вышелъ худощавый, сѣдобородый человѣкъ. Въ немъ Ранцевъ, къ большому своему удивленію узналъ генерала Чекомасова, ведшаго его Замурцевъ въ конную атаку въ Великую войну.

— Что это, Александръ Васильевичъ, — обратился къ Чекомасову Немо — съ какими вы предосторожностями теперь работаете?

— Нельзя иначе, Ричардъ Васильевичъ, дѣло то такое... Конечно, — фильмовое общество, да послѣ похищенія генерала Кутепова и отношенія къ этому ужасному дѣлу французскихъ властей, приходится быть вдвойнѣ осторожнымъ.

Чекомасовъ взялъ у стоявшаго за столомъ мастерового печать, которую онъ вырѣзалъ и показалъ ее Немо.

— Какъ никакъ, Ричардъ Васильевичъ, не знаю, конечно, какъ это по ихъ законамъ, а все таки фальшивые паспорта готовимъ. Хотя и чужого государства.

— Когда кончите?

— И не знаю право. Только бумагу настоящую достали. И знаете гдѣ?... Я было хотѣлъ черезъ Кортине-на изъ Финляндіи выписывать, да вы такъ торопите, а это мѣсяцы прошли бы. Такъ я ничто же сумняшеся взялъ да и послалъ въ здѣшнее полпредство.

— И неужели получили...

— За деньги все можно. Вотъ посмотрите. Это настоящий паспортъ, а это нашъ. Наклейте только фотографію и не отличите. Даже руку ихъ писца поддѣляли.

— Какъ хотите, Александръ Васильевичъ, а на этой недѣлѣ надо все это кончать и везти на пароходъ.

— Постараюсь. Главное то сдѣлано. Теперь пойдеть быстро.

— А какъ у Ястребова?...

— Сергѣй Алексѣевичъ, — крикнулъ къ запертой двери Чекомасовъ, — Здѣсь капитанъ Немо. Пожалуйте сюда.

Изъ комнаты, гдѣ полы, подоконники, стулья были завалены книгами и тетрадами, гдѣ стояли большіе ящики, тоже наполненные книгами, появился маленькій лысый человѣкъ въ большихъ очкахъ въ черной роговой оправѣ. Онъ привѣтливо улыбался и жестомъ приглашалъ Немо и Ранцева войти въ его книжное царство.

— Кончаете? — спросилъ капитанъ Немо.

— Упаковкой занятъ. Дня черезъ два и отправлю. Библиотечки на славу вышли... А вотъ, — онъ взялъ изъ кипы свѣже переплетенныхъ одинаковыхъ книжекъ одну и показалъ ее Немо. — Это послѣдняя моя работа. Съ полковникомъ Субботинымъ вмѣстѣ составляли. Я вамъ еще не показывалъ. Необходимѣйшая, знаете, вещь: — словарь совѣтскихъ словъ и терминовъ. Заучивать многое придется. Такъ они языкъ исковеркали.

Всѣ ихъ учебники имѣю. Военскіе уставы, милицейскія, трамвайныя, желѣзнодорожныя, театральныя и другія правила, «весь Ленинградъ» за прошлый годъ, «вся Москва», сочиненія Катаева, Пантелеймона Романова, а Зощенки, тридцать комплектовъ забрала, потому, знаете, неподобное пособіе для изученія тамошняго быта... Да тамовъ болѣе тысячи веземъ съ собою. И, смотрите, еще какую штуку я собралъ изъ разныхъ газетъ и журналовъ.

Ястребовъ положилъ словарь на мѣсто и взялъ небольшую тетрадку, съ наклеенными въ нее вырѣзками изъ газетъ.

— Вотъ послушайте-ка, если это да на тонъ-фильмѣ пустить съ талантливой какой пѣвичкой, этакой Плевицкой, что ли...

И слегка нараспѣвъ, какъ говорятъ народныя частушки, Ястребовъ сталъ читать изъ тетрадки:

— Сама садикъ я садила,
Сама буду поливать,
Не хочу свое хозяйство
Голодранцамъ отдавать.
Скоро солнышко пригрѣтъ,
Станутъ груши зацвѣтать,
Вмѣсто тракторовъ въ колхозахъ
На котахъ будутъ пахать...

— На Дону, — пишутъ, — такія частушки распѣваютъ. Чистѣйшая контръ - революція! А ну-ка представьте себѣ такую пѣвуню, да еще, если она и хорошенькая. Остановите-ка ее! Вы ей, поди, слово, а она вамъ десять, да какихъ!... А при ней кавалеры. Вотъ и насаждайте при такихъ обстоятельствахъ общину. Видите, какое влеченіе къ индивидуальному хозяйству. И это тогда, когда тамъ считаютъ идетъ расцвѣтъ коммунизма и колхознаго хозяйства: — «вмѣсто тракторовъ въ колхозахъ на котахъ», — чувствуете всю силу этой ироніи, — «на котахъ будутъ пахать»...

И Ястребовъ разсмѣялся такимъ искреннимъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ, что даже и на замкну-

томъ и всегда строгомъ лицѣ капитана Немо появилась улыбка.

— А то позвольте я вамъ изъ Зощенки прочту. Удивительное у него «отображеніе» быта. Смѣяться можно до упаду.

Но Немо торопился. У него много было еще впереди дѣла. Онъ поблагодарилъ Ястребова, еще разъ подтвердилъ, чтобы къ концу недѣли все было сдано на желѣзную дорогу большой скоростью и сталъ прощаться.

Генераль Чекомасовъ, все присматривавшійся къ Ранцеву, наконецъ, узналъ его. Въ прихожей онъ задержалъ его и схватилъ за руку.

— Ранцевъ, — шопотомъ заговорилъ онъ. — Вотъ удивительная встрѣча! Боевой соратникъ! Вмѣстѣ вѣдь... Вмѣстѣ... Помните, австрійцевъ то порубили... Какъ васъ изранили... Думали, и не выживете... Славная атака!..

И совсѣмъ на ухо добавилъ:

— Скажите, Ранцевъ?... Неужели для фильма нужны «липовые» паспорта?... Господи!... Да, неужели правда?... Тамъ будемъ работать?..

И, отпустивъ руку Ранцева, чуть слышно прошепталъ:

— Даже страшно становится.

VIII.

Самому Ранцеву, по мѣрѣ того, какъ онъ ѣздилъ съ капитаномъ Немо тоже становилось волнующе страшно. Громадный разворотъ организациі, привлеченіе къ ней многихъ и такихъ разнообразныхъ людей его пугалъ. Да все это было не такъ просто: — фильмовое анонимное общество «Атлантида»!..

Сидя въ машинѣ на мягкихъ подушкахъ и покачиваясь съ ея ходомъ, онъ спросилъ Немо:

— Если не секретъ, скажи мнѣ, сколько же у тебя людей занято въ Парижѣ?

— Отъ тебя у меня нѣтъ и не должно быть секретовъ... Въ Парижѣ, — поднимая брови, — сказалъ Немо. — Нѣтъ, милый Петръ Сергѣевичъ, во всей Франціи, болѣе того во всемъ мірѣ... Болѣе тысячи... Вотъ, на примѣръ, манометры для аэроплановъ заказаны въ Нью-Йоркѣ. Палаточный лагерь для Нордековской роты прибылъ на дняхъ изъ Бомбея, изъ Индіи... Моторы для аэроплановъ изготовляли на заводахъ Эспано-Сьюза, Юнкерса и Фармана. И вездѣ мною приставлены свои летчики и инженеры.

— Но почему это такъ?

— Потому, мой милый, что этого требуетъ во-первыхъ конспирація, тайна, которую мы не можемъ открыть газетнымъ репортерамъ и сдѣлать достояніемъ толпы. А во-вторыхъ, все основано на цѣломъ рядѣ новыхъ изобрѣтеній. За изобрѣтателями охотятся. Подслушиваютъ у дверныхъ скважинъ. Ловятъ на лету ихъ слова. Хорошій инженеръ по тому, какія части ты заказываешь, какіе мелкіе инструменты ставишь, возсоздастъ всю машину. Вотъ и приходится чертежи отдѣльных частей машинъ посылать по заводамъ всего міра, чтобы самую машину то собрать окончательно... на островахъ Галапагось... Впрочемъ одну я собралъ для испытаній здѣсь и ты ее увидишь.

Изъ мастерской генерала Чекомасова они проѣхали на тихую и скромную rue de Mouzaïa, подлѣ расцвѣтившагося весеннею зеленью парка de Buttes Chaumont, гдѣ въ скромной конторѣ они нашли Ферфаксова.

Загорѣлый Факсъ работалъ тамъ съ двумя писарями.

Онъ подалъ капитану Немо для подписи нѣсколько чековъ. Немо показалъ ихъ Ранцеву. Ихъ сумма превышала полмилліона франковъ.

— Каждую недѣлю такъ, — сказалъ, выходя изъ бюро Ферфаксова, Немо. — Война требуетъ денегъ. И слава Богу, что онѣ у меня есть... Н, конечно, медлить

нельзя. Надо торопиться. Иначе и накопленных мною богатствъ не хватитъ.

Снова были улицы Парижа. Теперь было на нихъ людно и шумно, и часто и по долгу приходилось стоять на перекресткахъ, пока не раздастся рѣзкій свистокъ полицейскаго и не махнетъ бѣлой палочкой постовой городской, приглашая поторапливаться.

Они заѣхали на склады громадной французской оружейной фабрики. Тамъ капитану Немо показали длинные, точно темные гробы ящики. Въ одномъ, еще не забитомъ досками въ стружкахъ на особыхъ зарубкахъ лежали новенькія Русскія трехлинейныя винтовки со штыками. Съ глубокимъ волненіемъ, не въ силахъ сдержать своего вдругъ забившагося сердца, смотрѣлъ Ранцевъ на эти родныя винтовки. Ложи изъ моренаго американскаго орѣха съ красивымъ узоромъ, вороненые, черные, блестящіе отъ густой смазки стволы, тонкіе четырехъ гранные штыки, вдающіе въ желто-матовый цвѣтъ отъ масла затворы все такъ напоминало ему счастливые дни службы въ Императорской арміи.

Онъ взялъ винтовку въ руку. Пріятно и привычно легла ея тяжесть въ рукѣ. Къ скобѣ былъ привѣшенъ ея «формуляръ».

— Кто же пристрѣливалъ? — спросилъ онъ. Онъ поперхнулся отъ волненія. Какъ давно онъ не держалъ въ рукѣ военнаго ружья!

— Норвежцы, — невозмутимо спокойно сказалъ Немо. — Вѣдь эти винтовки заказаны для Норвегіи.

И, подтвердивъ завѣдующему складомъ, что винтовки должны быть непременно на этой еще недѣлѣ сданы капитану Ольсоне на пароходъ «Немезида», капитанъ Немо вышелъ изъ склада. Казалось, что онъ боится, что волненіе его спутника выдастъ секретъ.

Теперь мощная машина выбралась изъ Парижа. Они ѣздили все утро и совсѣмъ забыли о ѣдѣ. Время завтрака пришло и прошло. Мимо мелькали маленькіе домики предмѣстій, аллея шоссе разворачивалась въ безкрайнюю даль. За деревьями крутились поля и нивы. Наконецъ, показались высокія металлическія мачты, ли-

ниі полукруглыхъ изъ вулканизированнаго желѣза сдѣланныхъ сараевъ для аэроплановъ и большое зеленое поле.

Они пріѣхали на аэродромъ.

Немо предъявилъ свой и для Ранцева приготовленный билетъ и ихъ пропустили на поле.

Это былъ часъ, когда почтовые и пассажирскіе аэропланы давно улетѣли въ очередные рейсы, а прилетъ возвращающихся еще не начался. На аэродромѣ было пусто. Ученики школы и абитуриенты изъ бывшихъ военныхъ кончили учебные полеты. Нѣсколько офицеровъ, французскихъ летчиковъ ходили по полю безъ дѣла. Они увидали Немо. Его здѣсь видимо хорошо знали.

Два офицера подошли къ нему.

— Mon colonel, когда же мы полетимъ? — спросилъ маленькій съ худощавымъ, загорѣлымъ лицомъ летчикъ. Его сейчасъ же узналъ Ранцевъ по безчисленнымъ портретамъ, помѣщавшимся въ газетахъ въ связи съ его отважными полетами.

— Отсюда? Думаю, что я больше не полечу. Аппаратъ уже разбирается.

— Mais tu sais, — оживленно заговорилъ летчикъ, обращаясь къ своему спутнику, шедшему рядомъ безъ фуражки. Это былъ высокій французъ, бѣлокурый съ тонкимъ аристократическимъ породистымъ лицомъ. — Tu sais это же не аппаратъ, а чудо. Пойдемъ, посмотримъ... А вы, какъ вы жестоки! Вы его уже почти разобрали. Но я видалъ, какъ на прошлой недѣлѣ вашъ летчикъ, мосье Арановъ, леталъ. Онъ и сейчасъ тамъ возится съ нимъ.

Онъ опять обратился къ всему товарищу.

— Представь, какъ стоялъ вотъ здѣсь, такъ безъ всякаго шума, прямо съ мѣста, безъ разбѣга, поднялся на воздухъ... Мнѣ даже показалось, что онъ крыльями взмахнулъ, какъ птица. Прямо вертикально, и скрылся въ небѣ. Небо было ясное, видимость прекрасная, а его и не видно. Точно онъ растаялъ въ эфирѣ. И черезъ полъ часа на томъ же самомъ мѣстѣ безшумно опу-

стился. Сейчас же закатили въ ангаръ и этотъ жестокой капитанъ Немо сталъ разбирать его.

Они шли вчетверомъ, Немо, Ранцевъ и два французскихъ офицера, — никакъ нельзя было отдѣлаться отъ нихъ, они же были хозяева здѣсь, — черезъ поле, поросшее молодою весеннею травою, направляясь къ сараю, гдѣ возились люди и стоялъ грузовикъ. Металлическіе удары молотка неслись изъ ангара.

— Вотъ онъ красавецъ... Авіонъ... Какъ лебедь бѣлый, — говорилъ французскій летчикъ. — Эге, уже и пропеллеры сняли. А вотъ и мосье Арановъ.

Арановъ въ синей рабочей блузѣ, перепачканной масломъ съ французскимъ ключомъ въ рукѣ вылѣзъ изъ подъ аэроплана.

И точно: — красавецъ былъ авіонъ. Покрашенный въ серебристо-сѣрую краску, и правда, должно быть, невидимый въ небесной синевѣ, съ какими то особой формы крыльями, чуть напоминавшими крылья аппарата Махонина, съ кабинкой со всѣхъ сторонъ закрытой, очевидно приспособленной для полетовъ на громадной высотѣ, въ стратосферѣ, онъ казался громаднымъ серебрянымъ лебедемъ... Спереди зіяло отверстіе, откуда былъ вынутъ пропеллеръ.

— Намучаешься съ ними, — сказалъ, обтирая масляныя руки о фартукъ, Арановъ.

Немо представилъ его Ранцеву.

— Простите, руки грязныя, — сказалъ онъ, не беря протянутую ему руку. — Работаютъ, словъ нѣтъ — прекрасно — интеллигентны... Но вотъ такую штуку отвинтить — цѣлый часъ ему надо. Совсѣмъ, какъ наши хохлы медлительны. Я хочу просить васъ, на аккордъ перейти, а то никогда не кончимъ.

— Къ субботѣ надо кончить. Всѣ ваши остальные машины уже погружены, — сказалъ Немо.

— Да, конечно, — сказалъ, какъ бы что то обдумывая Арановъ.

Они обходили аэропланъ. Надъ рулевыми приборами показалась стальная труба съ полозьями.

— А... tiens... Что это такое? — заинтересовался бфлокурый.

— А, въ самомъ дѣлѣ, что это такое?... Я тогда, когда смотрѣлъ полетъ и не примѣтилъ... Такъ былъ пораженъ видѣннымъ... Для чего это?

Немо и Арановъ молчали.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — продолжалъ разглядывать аппаратъ бфлокурый, совсѣмъ, какъ минный аппаратъ на подводныхъ лодкахъ.

Они заглянули поглубже въ отверстие.

— Mon colonel, неужели вы думаете, что съ аэроплана можно пускать управляемыя мины? Я думаю, ничего изъ этого не выйдетъ. Мина упадетъ на землю... Какъ же она полетитъ?... Что же у ней и крылья и пропеллеръ будутъ?...

— Я понимаю, — сказалъ бфлокурый, — полковникъ не хочетъ намъ говорить. Это секретъ... Но это же поразительно.

Арановъ, все время мрачно молчавшій, рѣшительно полѣзъ подъ аппаратъ, гдѣ стучалъ молоткомъ французъ рабочій. Немо повернулся къ знаменитому летчику.

— Mon capitaine, поѣдемте съ нами... на острова Галапагосъ... Тамъ вы сколько угодно будете летать на моихъ аппаратахъ. Тамъ изучите и мины.

Летчикъ смутился.

— Не знаю право, mon colonel, какъ это устроить? Вѣдь у васъ же тамъ кинематографическое общество?... Я офицеръ воздушнаго флота республики... Et vous savez...

— Да, — сухо и рѣзко сказалъ Немо — это кинематографическое общество и больше ничего. Постановка грандіознѣйшей, многометровой фильмы... И, конечно, вамъ неудобно ѣхать туда. Тамъ будетъ поставлено «Торжество сатаны»... «Мани-текель фаресъ»... Vous comprenez... Et voilà tout...

— Да... да... Я понимаю... Но послѣ, когда вы вернетесь, вы мнѣ дадите летать?

— Съ особеннымъ удовольствіемъ... Да вѣдь ваше министерство знакомо съ моими аппаратами... Я передалъ ему всѣ чертежи.

— Я знаю... Такой удивительный, такой благородный поступокъ. Вы, Русскіе, всегда были наши безкорыстные друзья.. Мы этого никогда не забудемъ.

Капитанъ Немо попрощался съ летчиками. Когда его машина выѣзжала съ аэродрома, онъ тихо, какъ бы про себя сказалъ:

— Можете и забыть, какъ забыли многое... Но только не мѣшайте, не мѣшайте, не мѣшайте... А помощи хоть и не надо...

IX.

На другой день Ранцевъ, какъ и всегда провелъ все утро на занятіяхъ въ Нордековской ротѣ. Капитанъ Немо приказалъ ему къ завтраку быть дома.

— Послѣ завтрака мы поѣдемъ съ тобою верхомъ, — сказалъ Ранцеву капитанъ Немо.

— Верхомъ? — съ удивленіемъ переспросилъ Ранцевъ. Ему казалось, что онъ ослышался. Капитанъ Немо и верховая ѣзда не вязались въ его представленіи. Онъ не видалъ Немо на лошади съ самыхъ дней ихъ дѣтства.

— Да, милый Петръ Сергѣевичъ, благодареніе Господу, что во Франціи есть еще такіе уголки, куда можно добираться только верхомъ, или пѣшкомъ. Тамъ покажу я тебѣ нѣчто весьма интересное.

Послѣ завтрака они усѣлись въ автомобиль. Оба были одѣты для верховой ѣзды. Ранцевъ въ свой старый костюмъ наѣздника, Немо въ изящный верховой костюмъ, сшитый у лучшаго англійскаго портного.

Черезъ двадцать минутъ ѣзды по городскимъ улицамъ они вынеслись за укрѣпленія. Машина ровно гудѣла. Деревесные стволы мелькали съ такою быстротою, что у Ранцева голова кружилась. Иногда шофферъ подавалъ протяжный гудокъ, и мимо мелькалъ точно стоящій на мѣстѣ обгоняемый ими несущійся полнымъ хо-

домъ автомобиль. Машина шла не колеблясь. Отъ быстрого хода у Ранцева замирало сердце и сладко становилось во рту.

Мелькали мимо дома мѣстечка. Автомобиль сдержалъ ходъ. Ъхали по узкой кривой улочкѣ. Лавочки, окно, заставленное бутылками, собака испуганно прижавшаяся къ стѣнѣ, проносились, какъ во снѣ. И опять просторъ. За аллеями національной дороги закрутились, разворачиваясь, поля и нивы, мелькнули вдали большіе каменные сараи, фабричныя трубы, роща, кусты...

Шофферъ не разъ ѣздилъ по этому пути. Онъ хорошо зналъ дорогу. Увѣренно онъ сдержалъ ходъ машины. Лѣвая рука высунулась изъ окна, замотала кистью, машина круто свернула на плохое, изрытое, «коммунальное» шоссе, покачнулась и стала спускаться въ оврагъ. Вправо тянулся каменный заборъ замковаго парка, влѣво были огороды, парники, вьющаяся роза ползла по рѣшеткѣ. Показались деревенскіе узкіе двухэтажные домики. Пахнуло скотомъ, соломой. Переѣхали по мосту черезъ ручей, поднялись наверхъ, проскочили мимо длиннаго зданія мэрии и уперлись въ заборъ съ сѣрыми покосившимися деревянными воротами съ калиткой. Здѣсь остановились. Шофферъ вылѣзъ изъ кабины и пошелъ отворять дверцу. Ранцевъ выпрыгнулъ первый. Отъ быстрой ѣзды у него кружилась голова.

У калитки звонко на стальной пружинѣ брякнулъ колокольчикъ. Они вошли на большой дворъ старинной фермы. Каменный домъ съ безжизненно повисшими, на половину оторванными ставнями стоялъ, полуразвалившійся и точно необитаемый. Противъ него проволочная сѣтка отдѣляла отъ двора большой птичникъ. Двѣ высокія развѣсистыя липы бросали голубую тѣнь. За каменною стѣною яблони въ густомъ бѣломъ цвѣту тихо роняли легкіе лепестки за заборъ.

Штукъ двѣсти молодыхъ пѣтуховъ, холеныхъ, чистыхъ, бѣлыхъ Лег-хорновъ, точно эскадроны кавалергардовъ въ красныхъ шапочкахъ, любопытствуя, сгрудились у рѣшетки.

Высокое, яркое солнце согрѣвало дворъ весеннимъ тепломъ... Миръ, тишина, покой и безлюдье были кругомъ.

Х.

Изъ за высокой стѣны, отъ яблонь, красивый, высокій, женскій голосъ закричалъ, раздѣляя слоги:

— Га-ли-на-а!... Гали-на!...

Тоненькій голосокъ отозвался совсѣмъ близко за заборомъ.

— Что, мамулечка?...

— Посмотри, кто тамъ пришелъ?

Деревянная калитка въ углу у каменнаго сарая пріоткрылась и въ розовомъ платьѣ бѣлокурая дѣвочка — волосы убраны въ двѣ косы — выглянула изъ за нея, точно показалась оттуда расцвѣтающая роза. Съ розоваго личика голубо - сѣрые глаза внимательно посмотрѣли на Немо.

— Ахъ, это вы, — привѣтливо и радостно сказала она и скрылась за калиткой.

— Мамочка, это капитанъ Немо и съ какимъ то еще человекомъ.

Молодая женщина вышла изъ калитки. Золотые, густые, длинные волосы по крестьянски были забраны подъ красную кичку, сдѣланную изъ платка. Лицо, покрытое нѣжнымъ весеннимъ загаромъ и голубые глаза привѣтливо улыбались. Она была съ голыми въ большихъ деревянныхъ сабо ногами. Розовое ситцевое платье было спереди прикрыто передникомъ. Она обтирала объ него руки.

— Простите, руки грязныя. Въ огородѣ работала. Вы сейчасъ и поѣдете, Ричардъ Васильевичъ? — сказала она .

— Да, Любовь Димитріевна, какъ всегда.

— Вы поѣдете вдвоемъ?

— Да. Позвольте познакомить васъ — мой помощникъ Петръ Сергѣевичъ Ранцевъ.

— Очень рада... — Она повернулась къ огороду и крикнула. Ея голось эхомъ отдался о стѣны сарая.

— Ерема!... Ерема, иди сѣдлатъ обѣихъ...

За сараемъ на каменномъ дворѣ послышался стукъ подковъ.

Женщина, какъ красивая картина стояла на фонѣ темной калитки подъ бѣлыми яблонями.

— Почему ваша дочь не въ школѣ? — спросилъ Немо.

— Я взяла ее... Весна, знаете... Работы въ огородѣ и на птичникѣ очень много. Намъ вдвоемъ съ мужемъ не управиться.

Она спокойно и увѣренно держалась въ своемъ крестьянскомъ платьѣ съ голыми ногами передъ прекрасно одѣтымъ Немо. Ранцевъ понялъ — передъ нимъ — «барыня», значитъ, и мужъ ея тоже «баринъ». Вѣрнѣе всего такой же офицеръ, какъ и онъ.

— Позвольте я пойду помочь сѣдлатъ вашему мужу, — сказала онъ.

— Нѣтъ зачѣмъ же? Совсѣмъ этого не нужно. Онъ управится и самъ.

Но Ранцевъ настоялъ на своемъ. Галина повела его. Они прошли черезъ сарай, заваленный сѣномъ. Въ раскрытыя его двери показался мощный заросшими травою плитами каменный дворикъ. Тамъ подъ навѣсомъ высокій худощавый человѣкъ въ зеленоватой шерстяной рубашкѣ и длинныхъ штанахъ изъ синей дрели, какіе носятъ французскіе крестьяне, зачищалъ лошадей. Лошади были крупныя англо-нормандскія бурья кобылы. На шаги Ранцева человѣкъ этотъ обернулся. Къ своему большому удивленію Ранцевъ призналъ въ немъ своего знакомаго. Это былъ полковникъ Пиксановъ. Ранцевъ видаль его на одномъ маленькомъ собраніи въ Парижѣ, гдѣ говорилось о масонахъ и гдѣ Пиксановъ выступалъ оппонентомъ генерала Ловчилло. Тогда Пиксановъ былъ Парижскимъ шофферомъ на такси.

— А, — улыбаясь сухимъ, плоскимъ, бритымъ, рыбьимъ лицомъ, сказалъ Пиксановъ, — и вы нанялись, значитъ, къ нашему хозяину. Это вы и поѣдете?

— Да, я и поѣду съ Немо. Позвольте я вамъ помогу.

— Да что помогать, я и одинъ управлюсь. Впрочемъ, вамъ это дѣло тоже знакомое. Сѣдлайте свою. Славная кабылица... А прыгаетъ, хоть сейчасъ на конкурсъ въ Гранъ-Палэ...

— Вы давно здѣсь?

— А вотъ, извольте видѣть... Когда покупали лошадокъ, гривки у нихъ, по здѣшной модѣ, были острижены. Сейчасъ, видите, какъ ладно легли... Значитъ полгода. И цыплятъ, видали, какихъ моя жена развела... А изъ инкубатора вмѣстѣ съ нею выводили... Вотъ оно время то какъ пронеслось.

— Вы тутъ на какихъ же роляхъ?

— Именно на роляхъ... Мѣтко изволили сказать, — накидывая сѣдло на лошадь, желчно сказалъ Пиксановъ. — Чудеса въ рѣшетѣ. Ничего не пойму. Какъ?... Почему? Зачѣмъ?... Какая логика?... Сначала было думаль: — благотворительность... Вотъ, молъ, милый человекъ, истрепаль нервы на такси, жена теряетъ зрѣніе на «кутюрѣ» — получай участокъ земли и живи.

Пиксановъ замолчалъ, подтягивая подпруги.

— Объясните мнѣ, Ранцевъ, — продолжалъ онъ, набрасывая на голову лошади уздечку, — почему это всѣ богатые Русскіе непременно чудачки. Вѣдь хозяинъ нашъ Русскій, до мозга костей Русскій, такой, какъ вы, какъ я, а вотъ — капитанъ Немо... Да еще и Ричардъ!... А, какая логика?... Я сначала даже пугался... Да не большевикъ ли?... Или чего добраго вдругъ да я къ масонамъ попалъ!... Вотъ вѣдь — веселенькая исторія вышла бы! Да нѣтъ!... Ничего подобнаго!... И вотъ васъ вижу... Ну, вы то на грязное дѣло не пойдете... Достаточно я слышанъ про васъ. Такъ зачѣмъ онъ это?...

— Это его дѣло.

— Конечно такъ... Насъ не касаемо... Богатый страсть. Видали машину... Я знаю, такая машина тысячъ двѣсти плочена. Лошадей приказаль купить. Ѣздить, молъ будетъ въ Булонскомъ лѣсу. Я докладываю — лучше подождать до весны, тогда на аукціонѣ парфорсныхъ лошадей можно задешево купить. Нѣтъ... Послалъ къ

Ротшильд, отобралъ самыхъ что ни на есть лучшихъ и, не торгуясь, взялъ. Поставили въ манежѣ у госпожи Ленсманъ. Тридцать франковъ въ сутки за пансіонъ платить... Недѣлю постояли, потомъ мнѣ приказъ — перевести на ферму... Тутъ съ недѣлю постоятъ и опять къ Ленсманъ.. Чудеса, да и только..

— Вы говорите, къ Ленсманъ?

— Да... Вѣдь и вы тамъ не такъ давно работали?

— Ну, а дальше что?

— Дальше еще чуднѣе... У насъ здѣсь, представьте, лѣсъ арендованъ. Двадцать четыре квадратныхъ километра. Для охоты... Кругомъ стража. Не съ этихъ мѣстъ... И никого не пускаютъ туда... Даже и меня. Я поѣду съ нимъ только до калитки, а тамъ, поклонъ: — «можете быть свободны, вернусь часа черезъ три». И ночью одинъ возвращается. Согласитесь, немного странная охота. Что онъ? Не на любовныя же свиданія ѣздить?... Да и съ кѣмъ?... Съ лѣсачихой съ какой что ли?... Лѣсъ — глушь непролазная, — не повѣрите, что такъ близко отъ Парижа и такая дичь. Если поѣдете туда, смотрите, еще русалокъ какихъ встрѣтите. Знаете, если къ вамъ тамъ выйдетъ волшебница Наина, или увидите голову великана въ шеломѣ, не удивляйтесь... Да вѣдь это снобизмъ какой то! Это Эдгаромъ Поэ какимъ то пахнетъ... А денегъ то сколько на это ухлопано!... Фальшивыя ассигнаціи онъ тамъ что ли печатаеть?... А подумайте, если бы да деньгамъ то этимъ да иное какое употребленіе сдѣлать? На студентовъ, или старикамъ богадѣльню устроить?... Нѣтъ, это иностранцы могутъ, а Русскій, онъ непременно самодуръ... Чудить... Моему нраву не препятствуй... А такъ, между прочимъ, премилый человѣкъ. Вы не знаете, почему это такъ?... Впрочемъ, если связаны словомъ — прошу не говорить.

— У него кинематографическое общество «Атлантида».

— Какъ же, слыхаль... нашихъ много къ нему нанялось... Такъ вѣдь онъ съемки то на островахъ какихъ то собираетъ дѣлать? Къ чему ему этотъ лѣсъ?

Пиксановъ мокрой щеткой примочилъ гривки лошадеймъ.

— Ну, идемте. Наше дѣло, въ концѣ концовъ, маленькое... Скачи, враже, якъ панъ каже... А все таки лѣсь... Ъзда по ночамъ... Зачѣмъ?... Почему?... Какая логика?...

XI

Капитанъ Немо и Ранцевъ выѣхали за ворота. Пустой автомобиль стоялъ въ тѣни каштановъ. Шофферъ ушелъ внизъ въ деревню. Кругомъ такъ непривычная Парижскимъ жителямъ была тишина. Деревня стояла, какъ декорация, какъ сонное видѣніе. Точно и жизни въ ней не было.

За угломъ садовой ограды свернули влѣво и попали на глинистую грунтовую дорогу съ глубокими колесами. Онѣ по французскому обычаю были засыпаны есякою дрянью. Битая посуда, бутылки, жестянки отъ консервовъ, рванья велосипедныя и автомобильныя шины, проволока, старый желѣзный ломъ, гвозди и кирпичи валялись въ нихъ. Даже умудрились втиснуть въ колеи сломанную дѣтскую колясочку, и она безпомощно торчала колесами кверху.

Пошли рысью. Сильная и рослая кобыла Ранцева шла легко, попрашивая повода. Немо тяжеловато приподнимался въ сѣдлѣ, но сидѣлъ хорошо, чуть развернувъ носки.

Лошади бѣжали, весело отфыркиваясь. Мухи, налипшія было на нихъ, отстали. Дорога уперлась въ аллею изъ цвѣтущей бѣлой акаціи. Пряный духъ сладко кружилъ голову. Онъ напомнилъ Ранцеву Крымъ и время его поправки отъ раненія. Очень хорошъ былъ день, клонившійся къ вечеру.

— Давненько я не ѣздилъ, — сказалъ, переводя на шагъ и отдуваясь Немо. — А все таки хорошо насъ училъ въ Михайловскомъ училищѣ генераль Петраковъ.

Не разучился я ѣздить. Никогда не думалъ, что это мнѣ понадобится, да еще здѣсь.

Аллея уперлась въ лѣсъ. Калитка, обвитая проволокой преградила путь. Всюду на деревьяхъ на видныхъ мѣстахъ висѣли надписи: — «chasse gardée», «défense d'entrer au public», «pièges tendues».

Ранцевъ спрыгнулъ съ лошади и открылъ калитку. Густой лѣсъ былъ передъ ними. Дубы великаны, едва опушенные молодой, еще розового оттѣнка листвою росли среди молодыхъ буковъ. Ежевика, какъ лианы цѣплялась за нихъ. Старый темно-бурый папоротникъ, поломанный непогодой глушился молодыми блѣдно зелеными побѣгами. Широкая зеленая просѣка вела вглубь лѣса. Временами ее пересѣкали другія просѣки. Онѣ заросли травой и кустами. Канавы, отдѣлявшія ихъ отъ лѣса, заплыли иломъ.

Фазанъ пѣтухъ, протянувъ вдоль земли золотисто нестрый хвостъ, съ тревожнымъ, присвистывающимъ квохтаньемъ бѣжалъ передъ лошадьми и вдругъ съ трескомъ крыльевъ взлетѣлъ, яркій, блестящій, золотой въ солнечномъ лучѣ и полетѣлъ прямымъ полетомъ между частыхъ стволовъ.

Кролики сновали поперекъ дороги, сверкая бѣлыми кончиками пушистыхъ хвостовъ.

Дорога стала топкой. Да, сюда и на велосипедѣ нельзя было пробраться. Верхомъ, или пѣшкомъ... Лѣсъ разступился. Вправо была большая поляна, густо заросшая папоротникомъ. Рѣдкія березы стояли по ней.

— Смотри, — сказалъ Ранцевъ, — дикія козы.

— Да, знаю, тутъ есть всякаго звѣря достаточно, — равнодушно отозвался Немо. — Тутъ я кабановъ какъ то видалъ. Старая королевская охота тутъ была.

Козель и двѣ козы паслись шагахъ въ двухстахъ отъ нихъ. Они подняли головы, настремили уши, постояли мгновение въ нерѣшительности, и пошли легкимъ упругимъ, неслышнымъ скокомъ, давая громадные прыжки черезъ невидимыя препятствія и скрылись въ лѣсу. Тамъ въ темной чащѣ остановились они и долго провожали испуганнымъ взглядомъ всадниковъ.

У высокаго вѣкового дуба было то, что французы называютъ «étoile». Здѣсь просѣки сходились звѣздообразно. Въ глубинѣ одной было видно небольшое каменное зданіе, окруженное стѣною. Немо направился къ нему.

— А хорошо было охотиться въ королевскія времена, — сказалъ онъ. — Видишь въ каменной стѣнѣ бойницы по направленію просѣкъ. Кабана гнали по нимъ, стой и стрѣляй изъ-за бойницы въ полной безопасности. Положимъ, тогда и ружья были... Кремневые...

Въ розовыхъ лучахъ, спускавшася къ вершинамъ деревьевъ солнца красивымъ и загадочнымъ казался домикъ старинной архитектуры. Онъ былъ ветхъ и необитаемъ. Сѣрыя стѣны облупились. Щербатый камень осыпался. На окнахъ не хватало стеколъ. Оборванные ставни висѣли съ жалкою старческою безпомощностью.

Правъ былъ Пиксановъ: — волшебница Наина должна была обитать здѣсь.

Капитанъ Немо слѣзъ съ лошади. Ранцевъ прыгнулъ со своей и принялъ лошадь Немо.

— Принязывай у ограды, — сказалъ Немо, — да привязывай покрѣпче... Муха появилась.

Ранцевъ поднялъ стремена по путлицамъ вверхъ и привязалъ лошадей. Немо наблюдалъ за нимъ.

— Дѣйствительно, ты педантъ, — сказалъ онъ съ ласковой улыбкой.

Отъ домика раздавалось глухое гудѣніе, точно тамъ гдѣ то въ глубинѣ его работалъ сильный моторъ.

На двери висѣло большое желѣзное кольцо. Немо постучалъ имъ. Это этого стука звучно отозвалось по лѣсу.

Прошло около минуты. За калиткой кто то неслышно подошедшій старческимъ голосомъ, какъ говорятъ возгласы священники, проговорилъ:

— Господи, спаси Россію!

— Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ; — отвѣтилъ Немо. — Откройте, отецъ Θεодосій.

Желѣзо замка заскрипѣло. Калитка медленно раскрылась. За нею показался дворикъ, мощеный камнемъ.

На дворикѣ стоялъ высокій Русскій монахъ съ сѣдою бороною, въ черной рясѣ и скуфейкѣ.

Чѣмъ — не волшебница Наина?..

ХII.

Какъ въ нѣкій скитъ вошли Немо и Ранцевъ въ жилище старца въ королевскомъ лѣсу Notre Dame. Горница съ каменнымъ поломъ была увѣшана иконами. Подъ лампадкой стоялъ легкій переносный аналой. Книга въ темномъ кожаномъ переплетѣ лежала на немъ. У стѣны было бѣдное, жесткое, скудное монашеское ложе. Пахло лампаднымъ масломъ, воскомъ и ладаномъ и, такъ не отвѣчая этой обстановкѣ кельи, откуда то снизу, непрерывно и гулко гудѣлъ моторъ машины.

— Пожалуйте, Ричардъ Васильевичъ, — привѣтливо сказалъ монахъ и, неслышными шагами обогнавъ вошедшихъ, открылъ скрытую, почти невидимую дверь въ глубинѣ кельи.

Передъ ними была довольно большая комната съ однимъ окномъ. И первое, что бросилось въ глаза Ранцеву въ ней — большой радіо-аппаратъ какой то особой невиданной формы. Отъ него поднялись навстрѣчу Немо два человѣка. Одинъ, высокій старикъ съ окладистой, «лопатою», сѣдою бороною, худощавый и красивый сѣверною не русскою красотою, другой бритый полный человѣкъ съ актерскимъ лицомъ.

— Густавъ Эрнестовичъ, — сказалъ Немо, — я къ вамъ со своимъ помощникомъ и замѣстителемъ. Петръ Сергѣевичъ, это нашъ радіографистъ Густавъ Эрнестовичъ Лагерхольмъ, великій изобрѣтатель, а это его помощникъ Адамъ Петровичъ Шулькевичъ. Тебѣ много придется работать съ ними и слышать ихъ, а видѣть придется рѣдко.

И, обращаясь къ Лагерхольму, Немо добавилъ:

— Какъ у васъ, не началось?

Сѣдобородый финнъ посмотрѣлъ на большіе старомодные часы, висѣвшіе у него на животѣ на золотой цѣпи и чисто по русски, безъ акцента, сказалъ:

— Еще полчаса.

— Мы пока пройдемъ къ Вундерлиху, — сказалъ Немо.

— Есть, — по морскому сказалъ Лагерхольмъ и за тяжелое кольцо въ полу поднялъ люкъ. Потянуло душнымъ аптечнымъ запахомъ. Желтый свѣтъ керосиновой лампы показался тамъ.

— Herr Wunderlich, — крикнулъ по нѣмецки Лагерхольмъ, — къ вамъ капитанъ Немо. Давайте, прошу васъ, лѣстницу.

Грубая, тяжелая лѣстница показалаь у отверстія. Желѣзные крючья отыскали скобы и зацѣпились за нихъ. Лающій голосъ раздался изъ подземелья:

— Bitte sehr.

Немо, за нимъ Ранцевъ, спустились въ подземелье.

Тамъ, при скудномъ свѣтѣ лампы, Ранцевъ увидаль большую лабораторію. По грубо сдѣланнымъ полкамъ стояли колбы, реторты и склянки съ желтой жидкостью, накрытыя стеклянными пластинками. На полу были ящики и жестянки съ уложенными въ нихъ маленькими скляночками. Отъ большого стола медленно приподнялась странная фигура.

Если бы Ранцевъ не ожидалъ увидѣть здѣсь профессора Вундерлиха, если бы фигура эта не была одѣта въ синій просторный пиджакъ и такіе же штаны, Ранцевъ подумаль бы, что въ подземельи ихъ встрѣчаетъ обезьяна. Передъ нимъ былъ глубокой старикъ. Низкій, совершенно обезьяній продолговатый черепъ темнаго цвѣта былъ точно шерстью покрытъ неопрятными рѣдкими буро-сивыми волосами. Щеки и подбородокъ обросли шерстью. Широкой плоскій носъ торчалъ большими открытыми ноздрями, и Ранцевъ не могъ разобрать, — онъ таки стѣснялся разсматривать уродство — былъ этотъ носъ провалившимся отъ болѣзни, или онъ такой былъ отъ природы. Крошечные, узкіе, звѣриные глаза смотрѣли умно и остро изъ подъ глубокихъ глазницъ,

поросшихъ косматыми бровями. Сходство съ обезьяной усугублялось еще тѣмъ, что человѣкъ этотъ не стоялъ прямо, но нагнулся надъ столомъ, опираясь на него руками. Рукава пиджака были высоко засучены и обезьяньи длинныя руки густо покрыты волосами. Вундерлихъ смотрѣлъ, часто мигая, на Немо. Въ острыхъ его глазахъ свѣтился умъ и вмѣстѣ съ умомъ была и животная тупость ничѣмъ непоколебимой воли.

Ранцевъ отъ Немо зналъ исторію профессора Вундерлиха. Это, какъ говорилъ Немо, былъ цѣннѣйшій изъ артистовъ его «варьете». Это былъ знаменитый химикъ, специалистъ по минеральнымъ, растительнымъ и бактерійнымъ ядамъ. Вскорѣ послѣ окончанія войны, онъ изобрѣлъ ядъ, совершенно незамѣтный, который дѣлалъ людей сумасшедшими. Ему надо было провѣрить его дѣйствіе на опытахъ. Но нормальный кроликъ, или свинка, или ненормальный, кто ихъ узнаеть? Опыты надо было сдѣлать надъ людьми. Профессоръ Вундерлихъ обратился къ правительству съ просьбой предоставить ему для опытовъ преступниковъ. Ему отказали. Тогда онъ сталъ доказывать, что, если его ядъ примѣнить къ человѣку ненормальному, то онъ излѣчивается отъ своей ненормальности и дѣлается нормальнымъ и здоровымъ. Въ пространномъ докладѣ онъ доказывалъ, что коммунисты являются людьми умалишенными и просилъ предоставить ему для испытанія нѣсколько «индивидуумовъ» коммунистической партіи. Его докладъ — въ то время Германія особенно носилась съ Совѣтами — приняли за насмѣшку и его выслали изъ Германіи. Онъ направился во Францію и здѣсь, лѣтъ пять тому назадъ, встрѣтился съ капитаномъ Немо. Тотъ далъ ему опредѣленные задания, и Вундерлихъ согласился работать у Немо, подъ его руководствомъ.

Ранцевъ осторожно вглядывался въ этого страшнаго человѣка, для котораго внѣ науки не существовало ничего и который готовъ былъ ради торжества своихъ изысканій и открытій въ области ядовъ погубить все человѣчество.

Ранцеву, хотя онъ уже слышалъ скрипучее «bitte

sehr», казалось, что это существо, онъ не могъ признать его человѣкомъ, — не можетъ говорить по человѣчески, и онъ весьма удивился, когда Вундерлихъ заговорилъ, правда, на ломаномъ, но все таки на Русскомъ языкѣ.

— Я все кончалъ, — сказалъ Вундерлихъ, — широкимъ жестомъ показывая на ящики, уложенные въ обыкновенные дорожные чемоданы.

Восторженное пламя загорѣлось въ крошечныхъ, обезьяньихъ глазкахъ профессора.

— О, зачѣмъ я не изобрѣталъ это двѣнадцать лѣтъ тому назадъ!.. Вся война капуть... Отъ этой маленькой дозы тысяча человѣкъ... Десять тысячъ человѣкъ... Весь Парижъ капуть... Вотъ онъ «капучій» газъ!

Онъ сталъ пространно объяснять Немо, что его препараты не соединены. Онъ говорилъ по нѣмецки и Ранцевъ плохо понималъ его.

— Это все можно на какой угодно таможнѣ показать. Самые безвредные препараты. Ну, просто — краска.

— Вы что же, — сказалъ внимательно его слушавшій Немо и, взявъ со стола блокъ-нотъ и перо, сталъ писать рядъ формулъ.

Профессоръ Вундерлихъ нагнулся надъ Немо.

— Вы гений!.. Вы знаете больше, чѣмъ я!.. Вамъ меня не надо приглашать. Вы навѣрно работали спеціально по токсинамъ, — закричалъ въ дикомъ восторгѣ, поднимая руки кверху, Вундерлихъ.

— Значить, вѣрно?

— Какъ въ аптекѣ.

— Послушайте, Herr Wunderlich, на будущей недѣлѣ, во вторникъ... Запомните, во вторникъ... Вы опять забудете...

— Я лучше буду записывать. Лучше будетъ.

— Запишите: — во вторникъ сюда приѣдетъ арба съ хворостомъ. Вы всю свою лабораторію поставьте въ ящикахъ подъ хворостъ. Повезутъ свои люди. Они вывезутъ изъ лѣса и сдадутъ на грузовикъ. Онъ доставитъ прямо на пароходъ. Вы поѣдете по желѣзной дорогѣ.

— Н-нѣтъ... — съ силой сказалъ профессоръ, — я

самъ ѣхаль съ арба. Я самъ ѣхаль съ грузовикъ... Я никогда съ своей лабораторіей не разстался.

— Ричардъ Васильевичъ, — раздаля голосъ Лагерхольма въ люкъ, — если кончили съ профессоромъ, пожалуйста наверхъ. Сейчасъ начинается.

Капитанъ Немо попрощался съ обезьяной и вышелъ изъ подземелья.

XIII.

Аппаратъ беспроволочнаго телефона, такой ничтожный, тихій и ненужный въ этой лѣсной хижинѣ, когда онъ былъ нѣмой, шипѣль и трещаль, издавая странные, щелкающіе звуки. Лагерхольмъ направлялъ эбонитовые кружки съ бѣлыми стрѣлками и цифрами. Щелчки прекратились. Послышался ровный, глухой шумъ, потомъ тихое сипѣніе, и ясный голосъ, точно тутъ подлѣ былъ человѣкъ, произнесъ: — «Алло, алло... говоритъ Москва».

Ранцеву и раньше приходилось слышать радіо-аппараты. Гдѣ ихъ только тогда не было! Каждое быстро заливалось пѣснями Новарро и фоксъ-тротами, каждое кафе въ полдень диктовало биржевыя данныя и давало короткую политическую сводку. Ранцевъ зналъ этотъ, точно приглушенный, звукъ человѣческаго голоса и его, то ясно, то неразборчиво произносимыя слова. И всегда ему было непріятно слышать вдругъ непостижимымъ образомъ возникающіе звуки и никогда они его не волновали. Сейчасъ глубокое волненіе охватило его. Почти мистическій страхъ заставилъ сильно забиться сердце.

«Сейчасъ говоритъ Москва».

Тринадцать лѣтъ онъ не слыхаль, какъ говоритъ Москва. Тринадцать лѣтъ Москва была для него недоступнымъ, мертвымъ голосомъ. И если бы мертвецъ заговорилъ изъ гроба, впечатлѣніе не было бы болѣе сильнымъ.

«Сейчасъ говоритъ Москва».

Ранцевъ напрягъ все свое вниманіе. Какъ она говорила!...

Жидовскій, картавый и даже въ мембранѣ аппарата наглый голосъ самодовольно повѣствовалъ:

— Товаг'ищи, день пег'ваго мая во всей западной Евг'опѣ явился блестящей побѣдой пг'олетаг'иата надъ буг'жуазіей. Гг'омадныя толпы голодныхъ, затг'авленныхъ нѣмецкими фабг'икантами г'абочихъ вышли изъ Нейкольна въ Бег'линъ и пг'одемоствг'иг'овали величіе и мощь пг'олетаг'иата. Испуганная полиція пг'итихла, и въ Бег'линѣ мы имѣемъ полную побѣду. Ског'о тамъ будетъ пг'олетаг'ская г'еволюція. Не пг'ойдетъ и мѣсяца — кг'асныя знамена совѣтовъ взовьются надъ двог'цами упитанныхъ банкиг'овъ. Въ Паг'ижѣ миг'ный пг'аздникъ тг'удящихся был омг'аченъ кг'овавымъ безчинствомъ Кіаппа, этого вг'ага фг'анцузской бѣдности... Но, товаг'ищи, не долго и там тег'пѣтъ пг'итѣсненія капиталистовъ. Кг'овавая мечь наг'ода неуклонно ведетъ къ гильотинѣ...

— Все одно и то же, — сказалъ Немо, — какъ имъ не надоѣсть и слушать эту белиберду.

— Какъ видите, — сказалъ Шулькевичъ, — они давно вывѣтрились. И ихъ никто не слушалъ бы, если бы...

Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы слушали.

Плавные звуки большого оркестра вдругъ раздались въ домикѣ, точно подъ сурдинку. Несказанная Русская красота ихъ пополнила.

Играли оперную увертюру.

— «Русланъ и Людмила», — благоговѣйно прошепталъ Шулькевичъ.

Ранцевъ закрылъ глаза. Ему казалось, что онъ не только слышитъ, но и видитъ то, что происходитъ въ театрѣ. Передъ нимъ всталъ громадный зрительный залъ стараго театра, того театра, который не зналъ никакихъ большевиковъ. Онъ вдругъ увидалъ нарядные туалеты дамъ, офицеровъ въ ихъ красивыхъ формахъ и чинно сидящей внизу подъ рампой оркестръ. На мгновенье оркестръ смолкъ и сейчасъ же заигралъ *allegro*.

Нѣжный теноръ, — Шулькевичъ, который все зналъ, прошепталъ: — «Собиновъ» — вступилъ съ оркестромъ:

— Дѣла давно минувшихъ дней...

И хоръ, — какъ отчетливо въ этой усовершенствованной Лагерхольмомъ мемранѣ былъ онъ слышенъ — принялъ отъ тенора и продолжалъ:

— Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья старины глубокой,
Преданья старины глубокой..
Послушаемъ его рѣчей,
Завиденъ даръ пѣвца высокій: —
Всѣ тайны неба и людей
Провидитъ взоръ его далекій...

Четко и ясно, такъ, что каждое слово можно было разобрать, пѣлъ Баянъ — Собиновъ:

— Про славу Русскія земли
Бряцайте струны золотыя,
Какъ наши дѣды удалые
На Цареградъ войною шли...

— Подумать только, — тихо сказалъ Шулькевичъ, это слушаютъ въ совѣтской Москвѣ!

А Баянъ уже отвѣчалъ хору:

— За благомъ вслѣдъ идутъ печали,
Печаль же радости залогъ.
Природу вмѣстѣ созидали
Бѣлъ богъ и мрачный Чернобогъ...

Въ комнатѣ темнѣло. Майскій вечеръ надвигался. Немо поднялся, чтобы ѣхать. Лагерхольмъ сказалъ ему:

— Подождите, если можете, до конца дѣйствія. Самое главное впереди. Мнѣ есть чѣмъ похвастать передъ вами.

Капитанъ Немо покорно сѣлъ.

Дѣйствіе кончалось. Шелъ финаль перваго акта. Мощнымъ басомъ призывалъ Свѣтозарь:

— О, витязи, во чисто поле...
Дорогъ часъ, путь далекъ,
Дорогъ часъ, путь далекъ.
Нась Перунъ храни въ пути...
И ковъ врага ты сокруши...

Еще оркестръ давалъ послѣдніе аккорды, какъ деревянно защелкалъ аппаратъ — раздались апплодисменты. И сейчасъ же, заглушая ихъ изъ той же мембраны, что передавала оперу, которую играли въ Москвѣ слышался молодой, изступленный, восторженный голосъ:

— Богъ будетъ воевать съ безбожниками... Онъ истребитъ ихъ огненнымъ дождемъ... Вся вода обернется кровью... Зачѣмъ гноитесь въ кол-хозахъ?... Рвите жидовскіе пути. Берите свободу, станьте надъ коммунистами. Россія безъ Царя?... Это невозможно... Этого никогда не будетъ!...

Дальше ничего не было слышно. Пошли перебои, трескъ и щелчки.

— Глушатъ аппаратъ, — сказалъ спокойно Лагерхольмъ. — Они никогда не догадаются, кто и гдѣ говорить это.

Капитанъ Немо внимательно посмотрѣлъ въ глаза Лагерхольму.

— Послушайте, — сказалъ онъ, — неужели то, о чемъ вы мнѣ говорили, вамъ, наконецъ, удалось? Вѣдь вы сами тогда считали, что это почти невозможно.

— Да, почти... Теорія отраженныхъ волнъ была со всѣмъ неразработана. И мнѣ пришлось много, очень много поработать, прежде чѣмъ я достигъ тѣхъ результатовъ, что вы видите здѣсь. Это говоритъ на верху нашъ пропацій актеръ Ваничка Метелинъ. Его голосъ, какъ въ зеркалѣ отражался въ Московскомъ аппаратѣ, поставленномъ въ Большомъ театрѣ и мы заставляемъ совѣтскій аппаратъ работать для насъ.

— Это великолѣпно, — съ силою сказалъ капитанъ

Немо. — Это одно изъ величайшихъ вашихъ изобрѣтений въ области радиографіи. Вы это давно начали здѣсь?

— Я работаю дней пять. Но я долженъ быть крайне осторожнымъ, чтобы французская станція, на бѣду она такъ недалеко отъ насъ, не уловила своими сѣтями мѣсто нашей станціи. Конечно, въ этомъ лѣсу насъ не сразу найдутъ, да и лѣсники насъ предупредятъ. Мы все успѣемъ припрятать и даже уйти изъ лѣса. За все отвѣтитъ отецъ Θεодосій.

— Богъ не допуститъ, — кротко и распѣвно проговорилъ стоявшій въ углу монахъ. — Господь оборонитъ и не дастъ діаволу посмѣяться надъ нами.

Капитанъ Немо всталъ и, протягивая руку Лагерхольму, сказалъ:

— Я не ошибся въ васъ... Вы гениальны... Я не спрашиваю васъ, какъ вы достигли этого. Это ваша тайна. Но я понимаю, какое страшное значеніе будетъ имѣть сно на войнѣ. Вы заставите аппараты противника говорить все то, что скажете вы у себя. Вы собьете всѣ планы, уничтожите всѣ распоряженія...

— Своимъ изобрѣтеніемъ, — нѣсколько торжественно сказалъ Лагерхольмъ, — я привелъ къ нолю значеніе радио телеграфа на войнѣ. Это, какъ ваши лучи, взрывающіе аэропланы... Все это упрощаетъ войну... Богъ дастъ — сдѣлаетъ ее невозможною. Такъ же, какъ и вы, — внушительно добавилъ финнъ, — я работаю для мира. И всѣ мои изобрѣтенія, какъ и изобрѣтенія всѣхъ насъ — это война — войнѣ!

XIV.

Теплая майская ночь наступила. Капитанъ Немо и Ранцевъ, провожаемые Лагерхольмомъ, Шулькевичемъ, Ваничкой Метелинымъ и отцомъ Θεодосіемъ вышли изъ лѣсного дома и сѣли на лошадей.

Луна молодякъ торчала надъ лѣсомъ. Часто вспархивали фазаны, пугая лошадей тревожнымъ крикомъ и

шумомъ крыльевъ. Бѣлесая пелена тумана стлалась надъ папоротниковыми полянами. Небо было глубоко и прозрачно. Лѣсные звуки были полны неразгаданной тайны.

То, что видѣлъ эти дни Ранцевъ глубоко его волновало. Такъ все это было необычайно и, пожалуй, страшно. Какъ устроилъ Немо, что въ кипящую, суетящуюся жизнь Франціи вклеилъ, вклинилъ незамѣтно свою жизнь? Вставилъ мощно работающую невидимую организацію, которой никто еще не доискался.

Профессоръ Вундерлихъ только что сказалъ про него: — «гений». Дѣйствительно было нѣчто сверхъ человеческое во всемъ размахѣ работы капитана Немо. Онъ собралъ свое «варьете»... Кругомъ шла Русская эмигрантская обывательская жизнь. Благотворительные балы, юбилеи, панихиды и похороны, свадьбы и разводы, рѣчи на банкетахъ, взбадриваніе самихъ себя, что такъ мѣтко назвалъ Степа Дружко «уралиномъ». Печатались листки, книги, брошюры, писались и покрывались тысячами подписей воззванія — «слезницы» къ Лигѣ Націй. Возжигали пламя на могилѣ чужого неизвѣстнаго солдата, читали доклады, устраивали съѣзды, шли лекціи и рефераты; младороссы ссорились съ евразійцами, законопослушные предавали проклятію «непредрѣшенцевъ», академики были академически важны, торгово - промышленники чѣмъ то торговали и промышляли... Шла жизнь и не было жизни. Казалась она миражемъ. Вся работа была, какъ работа машины на холостомъ ходу. Ибо не было главнаго — Родины. Не для чего и не для кого было работать. Всѣ для чего то собирали деньги: — «для Родины»... И, какъ собирали многіе, то и собирали такъ немного, что ничего нельзя было на эти деньги сдѣлать. И всѣ боялись сказать главное, что, если борьба, то будутъ и жертвы. Этотъ чловѣкъ — капитанъ Немо, кого такъ давно и хорошо зналъ Ранцевъ и кого съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ уважать и цѣнить сумѣлъ собрать людей и готовился и къ борьбѣ и къ жертвамъ. И все это прикрылъ шутовскимъ колпакомъ: — «кинематографическое общество «Атлантида»...

Въ аллеѣ акацій прянь и душень былъ ночной воз-

духъ. Отъ полей и луговъ шель нѣжный и влажный духъ растущей травы. Нигдѣ не было жилья и только далеко, далеко, на Парижской дорогѣ вспыхивали и мчались, обгоняя другъ друга, яркіе огни автомобильныхъ фонарей.

Тамъ неслась страшная европейская «культурная», торопящаяся жизнь. И такимъ противорѣчіемъ съ нею былъ мѣрный, ровный и бодрый шагъ лошадей, тихое поскрипываніе сѣделъ и мирный сумракъ уснувшихъ полей. Было хорошо молчать и думать подѣ ровное, смысловое движеніе разумныхъ животныхъ.

На фермѣ Пиксанова привѣтливо горѣли огни. Изъ сарая, гдѣ заперты были молодыя куры, слышался мелодичный пискъ, и на огородѣ робко, по весеннему квакали и урчали лягушки.

Въ просторной комнатѣ съ кафельнымъ поломъ, на кругломъ столѣ, подѣ электрической грушей было накрыто на пять приборовъ.

Любовь Димитріевна подала дымящуюся миску Русскихъ щей. Она причесалась и принарядилась. Она была теперь «барыней», женой гвардейскаго офицера, хотя и подавала сама отъ плиты блюда самую изготовленнаго ужина. Золотистые, густые, не стриженные волосы — она была Русская и твердо, съ дѣтства, — вѣроятно, еще отъ старой няни, — усвоила, что стриженные косы — позоръ, — были уложены красивыми блестящими волнами. Запахъ каленыхъ щипцовъ и жженой бумаги — свидѣтель ея парикмахерскихъ работъ — примѣшался къ запаху щей и аромату духовъ. Она и надуться не забыла. Коричневый «tailleur» упруго облегалъ молодое сильное тѣло. Изъ подѣ распахнутой жакетки видна была розовая шелковая блузка въ нѣжныхъ складкахъ. Чулки и башмаки были въ тонъ костюму. На рукѣ были надѣты золотые часики, и на тонкой цѣпочкѣ болтался полковой жетонъ. Она была хоть сейчасъ въ Петербургскую гостиную. На лицѣ ея было: — «не смотрите на насъ, что мы тутъ сами стряпаемъ и курятники чистимъ, мы не опускаемся».

Пиксановъ былъ сдержанъ и серьезенъ. Онъ ревновалъ капитана Немо къ Ранцеву. Его, Пиксанова, Немо

никогда не бралъ съ собою, а съ Ранцевымъ проѣздилъ до ночи. Онъ старательно говорилъ о «постороннемъ»:

— Русскихъ сѣмянъ нигдѣ не достану. Укропъ, положимъ, получилъ. Но огурцы?... Корнишоны, это совсѣмъ не то, что наши Нѣжинскіе сладкіе огурчики. А ихъ длинные змѣеобразные гиганты!... Для чего плодить ихъ?... какая логика?

— У насъ въ имѣніи, — томно сказала Любовь Димитріевна, — даже ананасы разводили... Подумайте въ Рязанской губерніи — ананасы... Натѣрально въ оранжереяхъ... у насъ были таки садовники... Своего цѣнить и хранить только никакъ не умѣли...

— А помнишь, Люба, сушеный горошекъ... Какая прелесть!... И всегда и зимою и лѣтомъ...

— Вообще сушенныя овощи... Славились... На Казанской улицѣ былъ специальный магазинъ... Чего, чего тамъ не было.

Немо, казалось, не слушалъ. Онъ смотрѣлъ въ синіе глаза хозяйки, но мысли его были далеко отъ сушеныхъ овощей.

Едва кончили лимонное желе — оно къ великому сторченію Любви Димитріевны не удалось и было жидкимъ, — капитанъ Немо поднялся.

— Простите, Любовь Димитріевна, мы должны ѣхать. Насъ ждутъ дѣла. Спасибо за чудный вашъ обѣдъ. Давно я такъ не ѣлъ.

— Ахъ, помилуйте, пожалуйста.. И желе не удалось. Не надо было его и дѣлать... Тепло очень стало, а льду у насъ нѣтъ. Вы бы хотя еще чаю напились. Чай готовъ. Вода въ чайникѣ кипитъ. Мы бы на вольномъ воздухѣ подъ липками... Очень бы хорошо...

Капитанъ Немо рѣшительно отказался отъ чая.

— Ну, до свиданья, — сказала Любовь Димитріевна и добавила по привычкѣ: — пока!...

Вспыхнули фонари машины, уперлись яркими лучами въ пустынную деревенскую улицу, гдѣ всѣ дома давно спали крѣпкимъ сномъ. Машина мягко и безшумно тронулась и покатила въ глубокую балку, гдѣ подъ ея огнями серебряными облаками клубился туманъ.

Немо молчалъ. Ранцевъ смотрѣлъ въ окно, на темныя поля, на мелькавшіе мимо стволы деревьевъ. Онъ вздрогнулъ, когда Немо вдругъ коснулся его ноги.

— Ты хорошо знаешь Пиксанова?... Какъ ты думаешь, можно ему въ наше отсутствіе поручить эту радио станцію?

— Я знаю, что онъ очень честный человѣкъ.

— Ты говоришь... Мнѣ этого довольно...

Опять молчали. Каждый отдался своимъ думамъ и соображеніямъ.

По Парижу мчались съ большою скоростью. Мокрая улицы были пустыны. Иногда попадались, какъ тѣни скользящія по нимъ парные велосипедисты полицейскіе, совершавшіе объѣзды.

Когда пріѣхали домой, хотя было уже за полночь, Немо не отпустилъ Ранцева. Онъ усѣлся съ нимъ въ нижнемъ кабинетѣ и диктовалъ ему:

— Отъ «Олида» — ветчины Парижской восемь тоннъ... Солонины свѣжей... Все, Петръ Сергѣевичъ, надо предусмотрѣть... Насъ, помнишь, учили: — «ѣдешь на день, а бери хлѣба на недѣлю», какъ мы это все основательно позабыли... Записаль: — ветчины... Сухарей морскихъ сто ящичковъ. Печенья «Лю» шестьсотъ жестянокъ... Завтра, Петръ Сергѣевичъ, съ утра поѣдемъ по этимъ дѣламъ... Надо и «мамонѣ» послужить. Голодное то брюхо, какъ говоритъ, къ учению глухо. Еще въ аптекарскіе склады съ докторомъ Пономаревымъ надо будетъ проѣхать... Дня не хватитъ... А чувствую: — кончать надо, ахъ какъ надо кончать!...

— Ты такъ многое довѣряешь французамъ?

— А что?

— Да уже очень они — безбожники. Знаешь... Мнѣ кажется революція даромъ никогда не проходитъ... Все таки есть въ нихъ что то... Матеріалисты они...

— Это Парижъ... Да и то не весь... Вотъ, кончимъ здѣсь, поѣдемъ грузиться. Тамъ въ Бретани, въ Нормандіи другое увидишь... Какая вѣра!... Дай Богъ намъ такой... Я тебя пошлю раньше... На дачу... Самъ останусь на два, на три дня. Кстати ты и отдохнешь. Нѣтъ...

Хорошій народъ... Твердый... вѣрующій... А какіе патріоты!... Такъ продолжаемъ: — консервовъ мясныхъ... Записаль?

XV.

Съ той самой бессонной ночи, когда на разсвѣтѣ Нордековъ покушался на самоубійство, онъ жилъ особенною жизнью. Онъ точно переродился, помолодѣлъ, взбодрилъ себя и приводилъ въ недоумѣніе и озлобленіе женскую половину виллы «Les Coccinelles».

Все произошло такъ странно и головокружительно быстро. Въ этотъ день онъ, на этотъ разъ съ Ферфаксовымъ, поѣхаль въ транспортную контору и заявилъ о своемъ уходѣ. Потомъ Ферфаксовъ повезъ его на rue Mouzaïa, гдѣ предложилъ расписаться въ полученіи жалованья за май. Онъ расписался въ настоящей, по старой формѣ составленной, требовательной вѣдомости и, мелькомъ взглянувъ въ нее, увидалъ тамъ росписку Амарантова. Это его успокоило.

— Что же я долженъ дѣлать? — спросилъ онъ, закуривая папиросу.

Ферфаксовъ, молча, показалъ ему на плакатъ: — «просять не курить».

Нордековъ погасилъ папиросу. Ферфаксовъ спокойно и твердо сказалъ:

— Обучать, а потомъ и командовать ротой.

Нордекову показалось, что онъ ослышался.

— Ротой?...

— Да... Вотъ списокъ роты. Перепишите его себѣ. Перепишите и требовательныя вѣдомости. Теперь уже вы будете платить имъ жалованье.

Ферфаксовъ подаль Нордекову бумаги, пододвинулъ перо и чернильницу, самъ же усѣлся за сосѣднимъ столомъ, открылъ несгораемую шкатулку, вынулъ изъ нея кипу счетовъ и сталъ щелкать на счетахъ.

Нордековъ углубился въ данный ему списокъ. Рота полного состава, по штатамъ военного времени... Рота

для съемки въ кинематографѣ? Кое кого онъ зналъ въ этой ротѣ. Князь Ардаганскій, напимѣрь.. и отмѣтка на поляхъ карандашемъ: — «въ распоряженіи капитана Немо для связи».

— Это тоже переписывать?

— Да, отмѣтите для свѣдѣнія.

Нордековъ переписывалъ.

«Семень Вѣха, барабанщикъ. Архангельской губерніи». ...«Летчикъ Калиникъ Евстратовъ, онъ же горнистъ и трубачъ... Области Войска Донского. Хорошій агитаторъ». ...«Странно», — подумалъ Нордековъ.

— И это: хорошій агитаторъ? — спросилъ онъ.

— Да... Для свѣдѣнія.

«Странно... Вѣдь это же фильма?...» «Командиръ первой полуроты Евгений Парчевскій, С.-Петербургской губерніи, кавалеристъ. Отлично знаетъ городъ. На первыя роли».

— Развѣ полковникъ Парчевскій у насъ? Онъ мнѣ ничего не говорилъ.

— Да. У насъ не принято говорить.

— Да... Такъ...

Люди были различныхъ губерній и областей старой Россіи, но особенно много было уроженцевъ далекаго Сѣвера, сибирской тундры, и это бросилось въ глаза Нордекову. Два взвода были иностранцы — нѣмцы и французы.

— Это зачѣмъ же?...

— Такъ нужно. Фильма интернаціональная.

Списки были готовы. Ферфаксовъ объяснилъ Нордекову, гдѣ, какъ и чему онъ долженъ обучать роту. Выправка, маршировка, ружейные приемы, порядокъ внутренней службы, гарнизонный уставъ, сборка, разборка и сбереженіе винтовки.

— Винтовка то къ чему?

— Таково требованіе общества.

Нѣтъ съ нимъ не разговоришься. Ферфаксовъ годами былъ моложе Нордекова, но полковника это не смущало. За годы пребыванія въ Добровольческой арміи онъ привыкъ, что полковники могутъ стоять за рядовыхъ въ строю, а прапорщики командовать ротами.

Онъ усвоилъ, что дисциплина можетъ быть и безъ іерархіи... Притомъ же это для кинематографа.

Въ контору приходили люди за справками. Ферфаксовъ знакомилъ ихъ съ ротнымъ командиромъ. Нордековъ молодымъ дѣлалъ круглые глаза и, свирѣпо вращая ими, говорилъ:

— Тр-р-репечи молодежь!... Видъ веселый, но безъ улыбки!... Полковникъ Нордековъ васъ подтянетъ!...

Время шло быстро. Послѣ завтрака они на такси поѣхали къ портному, выбрали и пригнали для Нордекова синій костюмъ, такой же, какой былъ на Ферфаксовѣ. Тамъ же полковникъ получилъ три голубовато сѣрыя рубашки и галстухъ голубой съ серебряной строчкой, шляпу и черное пальто.

— Что же все это стоитъ? — не безъ испуга спросилъ полковникъ.

— Ничего не стоитъ. Это казенное. Отъ общества. Это — наша форма.

— Форма, — тупо повторилъ полковникъ. Ему хотѣлось ущипнуть себя за руку. Не спитъ ли онъ надъ Сеной съ револьверомъ въ карманѣ и съ твердымъ намѣреніемъ застрѣлиться въ сердцѣ?... Или это уже «на томъ свѣтѣ»?... Но странно все таки, что на томъ свѣтѣ — Ферфаксовъ, Парижскія улицы и французъ портной.

Что то военное было въ немъ самомъ, когда онъ надѣлъ на себя новое платье. Оно поднимало духъ.

— Я могу это и носить?

— Да, если хотите... На занятіяхъ обязательно. Внѣ службы по желанію.

«Чудеса въ рѣшетѣ», — подумалъ полковникъ. Въ этой «формѣ» онъ чувствовалъ себя моложе и бодрѣ. Точно со старымъ его костюмомъ отлетѣло его «бѣженское» «я», гдѣ были транспортная контора и вила «Les Coccinelles».

Но «Les Coccinelles» остались. Онъ возвращался на нихъ, какъ всегда въ седьмомъ часу вечера, франтомъ, въ синемъ костюмѣ и въ черной шляпѣ и съ кордонкой въ рукахъ. И, какъ всегда, Нифонтъ Ивановичъ съ «газетиной» поджидалъ его у воротъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе, — при-

вѣтствовалъ старый казакъ полковника. — Съ обновкой, между прочимъ, васъ. Ладный кустюмчикъ приобрѣли... Поди франковъ поболѣ пяти сотъ дали. Очень даже прекрасный. А «культура» голубая съ серебромъ — весьма авантажно выглядить.

Агафошкинъ шелъ на полъ шага сзади Нордекова.

— Ну, какъ въ Парижѣ?... Не слыхали ли чего утѣшительнаго?... Что про Рассею говорить?...

И сразу точно что осѣнило Нордекова. «Да, вотъ оно что!... Ловко, однако, придумано... Что называется: — шито-крыто»...

— Барыня не вернулись? — спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ. Въ восьмомъ часу вѣдь возвращаются теперь. Добавочная работа, на аккордъ. Бабушка обѣдъ готовятъ. Барышня на верху читають. Сыночка вашего еще нѣтъ.

— Ну, пойдѣмъ къ тебѣ... Есть новое... Есть утѣшительное...

— Вотъ, порадуите старика. Очень даже обяжете.

Полковникъ сѣлъ на стулъ, гдѣ сидѣлись заказчики. Нифонтъ Ивановичъ сталъ у окна. Фирсъ стоялъ въ углу у печки.

— Поздравь меня, Нифонтъ Ивановичъ, я буду теперь ротой командовать.

— Да гдѣ же это такое?... Ужели, какая организація?

— Будутъ, Нифонтъ Ивановичъ, фильму крутить, чтобы въ синема показывать. И тамъ войска нужны. Ну такъ вотъ я тамъ и буду ротой командовать.

— Та-акъ.. А что же тутъ утѣшительнаго?

— А, если, Нифонтъ Ивановичъ... Если рота то эта только начало?... И синема отводъ глазъ, чтобы врагъ раньше времени не пронюхалъ?... Ты какъ полагаешь?

Старикъ долго молчалъ.

— Роты, полагаю, ваше высокоблагородіе, очень даже мало. Опять — агличане не стали бы препятствовать?... Гдѣ же сниматься то полагаете?

— Далеко... На островахъ заморскихъ.

— И вы полагаете, ваше высокоблагородіе... — старикъ замолчалъ. Фирсъ въ углу переминался съ ноги на

ногу. — Вы полагаете?... Съ острововъ этихъ?... можно?... въ Россію ?

— Если Богъ поможетъ.

— Да, конечно, ежели Господь... Къ Нему Единому прибѣгаемъ... Ежели только грѣхамъ нашимъ потерпѣть? Стосковались тамъ по насъ... А, какъ вы полагаете, — не можетъ такъ быть?... Тутъ, скажемъ, въ Парижѣ — рота. Пусть!... А тамъ, что ли — въ Марсели еще одна... Да въ Лионѣ, въ Монтаржахъ по одной — вотъ тебѣ будетъ баталіонъ. Свѣтъ отъ великъ, ваше высокоблагородіе, — и страдающаго Русскаго люда въ немъ несосвѣтима сила... И съ разныхъ ежели концовъ?... Только флотъ нужонъ... А гдѣ его достать?... Намъ никто не поможетъ...

Старикъ опять помолчалъ и послѣ долгаго раздумья съ такою чрезвычайною тоскою, что вся душа перевернулась у полковника, чуть слышко проговорилъ:

— Можетъ Бріанъ чего надумалъ?... Просвѣтилъ бы Господь человѣка.

Полковникъ ничего не отвѣтилъ. Въ душевной мастерской, гдѣ пахло сапожнымъ варомъ и прѣлою кожею стояла тишина. И точно большая печаль вошла въ эту комнату. Нифонтъ Ивановичъ вытянулся передъ полковникомъ и сказалъ глубокимъ голосомъ:

— Ваше высокоблагородіе, осмѣлюсь васъ попросить.

— Ну?...

— Какъ, значить, будетъ у васъ рота... Ходить она будетъ?

— Да.

— Значить подметки снашивать будетъ... То да се... тамъ передела обновить надо... Какъ вы полагаете?

— Вѣроятно.

— Ну и, значить, безъ сапожника вамъ никакъ не обойтись. Вотъ онъ — я есть сапожникъ. Фирсъ, внукъ мой, мнѣ помощникъ. Еще кормить, поить роту надо. Я, ваше высокоблагородіе, какъ сюда пришли, два года у Никонова казака въ ресторанѣ «Тихій Донъ» поваромъ былъ... Когда обѣды бывали большіе на триста персонъ готовилъ. Вотъ онъ какой я есть. Щи Донскія, борщъ

флотскій, все могу, все умѣю. Ротѣ какъ безъ кашебара... Квасы варить могу. Медъ сытить... Фирсъ мнѣ помощникъ. Онъ есть внукъ мнѣ — изъ повиновенія не выйдеть.

— Такъ вѣдь, Нифонтъ Ивановичъ, — это за моря плыть придется.

— И сюда шли, ваше высокоблагородіе, тоже сколько морей переплыли. Можетъ тѣ моря поближе къ Россіи будутъ?... А съ вами послужить я радъ буду. Очень уже мнѣ обрыдло такъ безъ движенія сидѣть, а строюся. Богъ дастъ и пойдёмъ... Ну и пойдёмъ... Лишь бы народъ пошелъ — и мы за народомъ.

— Хорошо, я поговорю.

— А теперь, идите, ваше высокоблагородіе, слышите, Топси залаяла... Барыня ваша домой возвращаются. Похвалитесь обновкой.

XVI.

«Похвалитесь обновкой» — вотъ этого то никакъ не надо было дѣлать. Но и переодѣваться въ старый костюмъ было поздно. Полковникъ развязаль, было, кордонку, куда сложилъ все старое, какъ въ спальню стремительно вошла Ольга Сергѣевна. Она никогда просто не ходила, всегда «носила». Она и говорила о себѣ: — «Я понеслась къ Парчевскимъ... Едва захватила поѣздъ... Въ метро ногу ушибла, чуть въ аксиданъ не попала. Въ уаютору не могла протолкаться. Толпа же, давка»...

Ольга Сергѣевна сразу замѣтила новый пиджакъ мужа и разговоръ начала на «вы», что означало, что она устала и сильно не въ духѣ.

— Что это вы такимъ павлиномъ вырядились?...

— Какимъ павлиномъ, Леля?...

— И рубашка синенькая и галстухъ голубенькій... Поди, со значеніемъ. Въ капитаны васъ разжаловали... Строчка одна... Этихъ мнѣ напоминаетъ, Божіихъ ко-

ровокъ, Ферфаксова, Михако и Амарантова, какъ у насъ тогда были... Американцы какіе то.

Полковникъ смутился. Ольга Сергѣевна продолжала. Рядомъ за жидкою картонною стѣнкою мамочка и Леночка накрывали на столъ. Онѣ перестали гремѣть посудой. Вѣрно притаились — подслушивали.

— Поди, опять выдумка полкового объединенія. Каждый мѣсяць обѣды — по тридцать, пятьдесятъ франковъ на нихъ уплываетъ... Теперь вотъ еще музей задумали... За богачами тянетесь. А того не видите, что у жены башмаковъ нѣтъ. Племянницу чему нибудь учить надо. Не совѣтской же душой ей вѣкъ вѣковать. Сколько за костюмъ съ васъ вычитывать будутъ?... И костюмъ то какой глупый придумали. Пиджакъ не пиджакъ... Карманы то — автомобиль спрятать можно... Френчеватое что то... Глупо-сь, Георгій Димитріевичъ... Пора перестать въ солдатики играть.

— Я, милая Лелечка, поступилъ на новое мѣсто... Ну и...

— Что же это за мѣсто такое?... Кажется на такое мѣсто васъ устроили... Только Бога благодарить... Патронъ доволенъ... Вамъ довѣряютъ... Тысяча сто франковъ! По теперешнимъ тугимъ временамъ, не всякій таксистъ столько заработаетъ...

— Вотъ, Леля, полторы тысячи жалованья за мѣсяць впередъ, — полковникъ благоразумно размѣнялъ одинъ тысячный билетъ и припряталъ себѣ пятьсотъ франковъ на свои расходы.

Видъ денегъ смягчилъ Ольгу Сергѣевну. Съ грубоватою ласкою она спросила:

— Куда поступилъ?...

— Поступилъ я въ кинематографическое общество «Атлантида». Тамъ буду ротой командовать... А теперь ее обучать надо.

Ольга Сергѣевна смотрѣла на мужа съ недоувѣріемъ.

— А не врете?...

— Сама, Леля, видишь. Тамъ и обрядили.

— Все въ одинъ день... Ничего раньше не говорили... Да... Слушай... Постой... Если это все правда и ты на такомъ мѣстѣ, отчего о Леночкѣ не подумалъ?...

— О Леночкѣ?... Но причѣмъ тутъ Леночка?...

— Ну да, о Леночкѣ... Не обо мнѣ же... Хотя и я... Извѣздили меня такъ, что я только и гожусь на машинкѣ стучать... А Леночка?... А Шурикѣ?... Наружность у Леночки очень того... Фотоженичная наружность... Молода... Видала виды... Она можетъ играть. «Ведеттой» будетъ. Въ «старѣ» проберетъ. Это милліонами долларовъ пахнетъ... Выбиваются же люди. Только мы ничего не можемъ. А Шура?... Ему фатальныхъ мужчинъ играть... Волевыхъ американцевъ, что съ аэроплана на поѣздъ скачутъ... Нѣтъ вотъ объ этомъ у васъ ума не хватило подумать. А по нынѣшнимъ временамъ футъ-болъ и кинематографъ это почище старой гвардіи будетъ.

— Но, Леля, сколько я сегодня могъ ознакомиться съ Факса.

— Отъ Факса?.. Боже!... Онъ играетъ!... Этого не доставало!... Воображаю! Впрочемъ, можетъ какогонибудь Пата и Патафона изобразить... Съ его собачьими глазами... Навѣрно онъ умнѣ тебя былъ и устроилъ свою Анельку играть. Кѣмъ онъ тамъ?..

— Казначеемъ и вербовщикомъ.

— Вербуетъ артистовъ?

— Нѣтъ, солдатъ для моей роты.

— Ты что то, милый, сочиняешь. Какая рота? Господи!... А, если это опять новая авантюра?... Куда вы ѣдете? Гдѣ будете сниматься?...

— Сколько я слышалъ: — на островахъ Галапагосъ.

— Это: «сколько я слышалъ» прямо неподобно!... Божіи коровки!... Гдѣ?...

— На островахъ Галапагосъ. Это въ Тихомъ океанѣ... Протівъ республики Эквадоръ, на самомъ экваторѣ.

— Знаю, милый, гимназію съ медалью кончила. Не учи, пожалуйста. Станный способъ снимать фильму... На экваторѣ. Какихъ же это солдатъ вы будете изображать?

— Русскихъ.

— Русскихъ?... На экваторѣ?... Да что ваше общество съ ума спятило что ли?... Ты смотри, милый Георгій Димитріевичъ, какъ бы не того... Гдѣ деньги такъ

зря даютъ — тамъ большевиками пахнетъ. Смотри не попадись. Дурака не сваляй. Поѣдешь на острова Галапагосъ, а пріѣдешь въ Одессу въ Чрезвычайку... Очень уже вы всѣ Акимы-простоты. Если кинематографическое общество, то прежде всего — артистки, ведетты, какія нибудь этакія красавицы, миссъ Франціи, миссъ Америки, а уже потомъ статисты, изображающіе солдатъ, а у васъ наоборотъ.

— Я не знаю, можетъ быть, тамъ и есть какія нибудь артистки... Даже навѣрно есть... Тамъ Парчевскій, Амарантовъ, Ферфаксовъ, князь Ардаганскій... Публика на «ять».

— И давно?...

— Да, вѣроятно.

— Однако, молчали... Лидія Петровна мнѣ ничего не говорила. Будь остороженъ, Георгій Димитріевичъ. Почему наемъ идетъ не черезъ Обще-Воинскій Союзъ?... Нужна организація — она готова. А, если это васъ смущаютъ, чтобы лучшихъ отправить въ совдепію и тамъ вывести въ расходъ?

Ольга Сергѣевна посмотрѣла на мужа съ глубокимъ сожалѣніемъ. Было и презрѣніе въ ея взглядѣ. «Божіи коровки, летятъ на огонь. Какіе всѣ они довѣрчивые простаки... Вотъ поманили... Ротой командовать!... Кинематографической ротой! и полетѣлъ на огонь, сунулся въ воду, не спросясь броду... Всему повѣрилъ»...

— Кто стоитъ во главѣ дѣла?..

— Этого, Леля, намъ, рядовымъ работникамъ, не говорятъ. Мы только статисты. Ферфаксовъ называлъ его: — капитанъ Немо. Конечно, это псевдонимъ.

— Капитанъ Немо!... Мишель Строговъ!... — Ольга Сергѣевна истерически засмѣялась. — Все изъ Жюль Верна... Ну, Шурка — необразованный дуракъ, что съ него спрашивать!... А ты — академикъ Генеральнаго штаба и тоже — капитанъ Немо...

Съ недобрымъ смѣхомъ она открыла двери въ столовую.

— Мамочка, можно обѣдать, — крикнула она, хотя мамочка — вотъ она — стояла прямо за дверью. — Ну, посмотришь, что тамъ... Капитанъ Немо!... Вѣдь я

думаю и уйти можно, — сказала она примирительно, точно ощущая въ своей сумочкѣ полторы тысячи, разгязывавшія много завязавшихся и такихъ крѣпкихъ узловъ.

XVII.

Слова жены смутили полковника. Какую то искорку подозрѣнія они въ немъ заронили.

«Брали и точно лучшихъ» — размышлялъ полковникъ, возвращаясь въ седьмомъ часу вечера съ занятій съ ротой домой. По мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ людьми своей роты, онъ видѣлъ, что чья то искусная рука сняла головку эмиграціи. Въ его ротѣ — все спеціалисты: — летчики, моряки, флотскіе офицеры, химики, радіотехники, инженеры, тонкіе мастера. И притомъ все народъ здоровый, крѣпкій, молодой. Одинъ Амарантовъ чего стоилъ!... Всѣ самые ярые антибольшевики, все бывшіе «бѣлые» офицеры, или молодежь, не измѣнившая лозунгамъ: — «за вѣру, Царя и отечество». На словесныхъ занятіяхъ Нордековъ разговаривалъ съ ними. Колебаній, «непредрѣшенчества» въ нихъ не было. Всѣ твердо исповѣдывали: — Россія можетъ быть только подъ царемъ — безъ Царя не будетъ и Россіи. Интеллигенту президенту Русскій инородецъ добровольно не покорится. Царя признаетъ и возвеличитъ. Республика — это раздѣлъ Россіи, возвращеніе ея къ удѣльно вѣчному періоду, путь назадъ.

Всѣми занятіями руководилъ Ранцевъ. Онъ и вообще игралъ большую роль — замѣститель капитана Немо. Ранцевъ требовалъ чистой вѣры. Онъ постоянно повторялъ Суворовскія поученія: — «безвѣрное войско учить — желѣзо перегорѣлое точить»...

Нѣтъ, — большевиками отнюдь не пахло... Но временами страхъ охватывалъ Нордекова... А что, если собрали головку эмиграціи и притомъ головку молодую, не ту, что сама опадетъ, и правда, отвезутъ ее вмѣсто острововъ Галапагосъ въ Одессу, или въ Новорос-

сійскъ?... Вѣдь и Ранцевъ могъ быть обмануть, какъ былъ обмануть Кутеповъ.

Очень подозрительно было и то, что въ ротѣ два взвода были иностранцы. Зачѣмъ?... А вотъ, чтобы связать и укротить непокорныхъ... Да, поистинѣ, если такъ — какой діавольскій планъ!

Надо было быть на чеку, чтобы не попасть въ Чеку.

И дома, на виллѣ «Les Coccinelles» тоже приходилось быть постоянно на сторожѣ.

Агафоскинъ со внукомъ Фирсомъ поступили въ кашевары роты. Ферфаксовъ ихъ охотно принялъ. Полковникъ попробовалъ уговорить поступить въ роту и сына. Ему было пріятно, чтобы и сынъ его испыталъ военную муштру и чувство строя, хотя бы и кинематографическаго.

Разговоръ былъ общій, за чаемъ, послѣ ужина. Говорить на виллѣ «Les Coccinelles» наединѣ было бесполезно. Стѣны слышали.

— Ты, Шура, сколько теперь зарабатываешь? — спросилъ полковникъ.

— Теперь, кризисъ... Хорошо, если въ день тридцать франковъ очистится, — хмуря брови узко поставленныхъ глазъ, сказалъ Мишель Строговъ.

— Значитъ — всего девятьсотъ.

Мишель промолчалъ. Открывать тайну своего заработка онъ считалъ лишнимъ, а таблицу умноженія его отецъ вѣроятно зналъ не хуже его.

— Поступай, братъ, ко мнѣ въ роту. Полторы тысячи чистыхъ на всемъ готовомъ.

Мишель Строговъ уставился на отца немигающими желтыми глазами.

— Зачѣмъ?...

— Все обломаемъ тебя. Человѣкомъ сдѣлаемъ. Можетъ быть, когда еще и пригодится.

— Я и такъ человѣкъ. Я свою карьеру ясно вижу. Буду боксеромъ. Милліоны зрителей, гулъ толпы... Я видалъ это... Все равно, что богъ... Кумиръ толпы...

— Ну... а представь себѣ.. Вотъ такъ незамѣтно сьорганизуются полки.. И пойдёмъ спасать Россію.

Отвѣтъ Мишеля былъ рѣзокъ и неожиданъ. Онъ бичомъ ударилъ по сердцу полковника.

— На что мнѣ Россія?...

Полковникъ не сразу нашелся, что ствѣтить. Мамочка зловѣще улыбалась. Ольга Сергѣевна сидѣла, опустивъ глаза, и такая усталость, такая скорбь и безразличіе ко всему были на ея лицѣ, что полковникъ не могъ на нее смотрѣть.

— Что ты говоришь, Шура?

— Я говорю то, что знаю. Повидавъ Европу, проживъ во Франціи, я никогда и ни за что не поѣду въ Россію, какая она тамъ ни будь... Я французскій подданный. И испыталъ все значеніе великой свободы, какою я здѣсь пользуюсь. Я обожаю Парижъ... Тутъ можно всего достигнуть. А что въ Россіи? Клоповъ кормить по уплотненнымъ квартирамъ?

— Ну, зачѣмъ же уплотненныя квартиры, — сдерживаясь и стараясь быть спокойнымъ, говорилъ полковникъ. — Не будетъ большевиковъ, не будетъ и уплотненныхъ квартиръ. Все устроится и тамъ по настоящему. И это нашъ долгъ все это устроить.

— Съ кинематографическою ротой, — съ ироніей сказалъ Мишель Строговъ. — Нѣтъ... Я знаю... Это всегда такъ и будетъ. И Лена говорила то же самое. Большевики овладѣютъ всѣмъ міромъ. Бороться съ ними бесполезно.

— Значитъ они овладѣютъ и Франціей?

— Нѣтъ, Франціей они не овладѣютъ.

— Почему же?... Если всѣмъ міромъ, то и Франціей?

— Франція уже пережила большевизмъ. Она къ нему иммунна. Это, какъ дѣтская болѣзнь. Корь, или скарлатина. Франція уже перенесла ее.

— Но Германія?...

— Въ Германіи большевизмъ будетъ. Повторяю : — бороться бесполезно. Я не Донъ Кихоть, чтобы сражаться съ вѣтряными мельницами.

— Но, Шура, — вмѣшалась въ разговоръ Ольга Сергѣевна. Ей жаль стало полковника. — Никто не говоритъ ни о какой борьбѣ. Папа предлагаетъ тебѣ по-

ступить въ его роту, чтобы сниматься для кинематографа.

— Не желаю.

Леночка съ восхищеніемъ смотрѣла на двоюроднаго брата. Въ эти минуты она была влюблена въ него по настоящему. «Вотъ это герой», — думала она. — «Подлинный современный «типъ»».

Эти дни она молчала. Сложная и трудная работа шла въ ея душѣ. Живя въ Совѣтской республикѣ, Леночка съ дѣтства усвоила, что надо доносить. Она знала, что всѣ другъ на друга доносятъ, и въ школѣ, гдѣ она училась — это было принято. Приѣхавъ въ Парижъ, Леночка убѣдилась, что здѣсь доносить какъ то не ловко, да и некуда. Въ Троцкѣ пошла въ домовый комитетъ и сказала, что слышала, какъ такой то говорилъ то то. А здѣсь, кому что скажешь? Домового комитета не было. На ихъ виллѣ не было даже консьержки... Хозяинъ — Леночка это сразу, точно звѣринымъ чутьемъ учуяла — никакими Русскими дѣлами не интересовался. Да и о чемъ доносить?... Всѣ и событія то были, что оценилась Топси, и никто не могъ уничтожить ея щенять. Пришлось самой Леночкѣ этимъ заняться.

Теперь было другое. Теперь была — тайна.

При одной мысли раскрыть, овладѣть этою тайной сердце Леночки трепетало, и смуглыя щеки пробивались темнымъ румянцемъ. Она слышала, какъ ея тетка сказала, что у нея фотоженичная наружность.

Послѣ чая, когда втроемъ: — мамочка, Ольга Сергѣевна и она помыли посуду, и полковникъ съ женой ушли въ свою комнату, а мамочка стала укладываться спать, Леночка усѣлась передъ зеркаломъ, подперевъ кулаками щеки. Большіе, каріе, слегка косо поставленные глаза — въ Олтабасовыхъ текла татарская кровь, — устремились въ ихъ отраженіе. Они блестѣли алмазными искорками. Ротъ былъ маленькій, пухлый — имъ можно десятиметровый поцѣлуй изобразить, какъ Сюзи Вернонъ — долго, долго впиваться въ губы, потомъ медленно оторваться, отодвинуть лицо и приложить пальчики къ губамъ партнера... Очень красиво!... Очень даже красиво!... И она можетъ... А вѣдь это милліоны?...

И правда она не хуже Лили Дамита, а уже Ольга Чехова, или Киса Куприна!... Нѣтъ, если ее хорошенько приодѣтъ, волосы завить не самой, а у хорошаго парикмахера, укрѣпить и удлинить рѣсницы особыми мазями — не хуже будетъ. Но для этого надо, чтобы ее кто нибудь представилъ туда, гдѣ берутъ артистокъ кино.

Изъ совѣтской республики Леночка вынесла убѣжденіе, что большевики всемогущи. Заграницей это убѣжденіе въ ней окрѣпло. Она ихъ не боялась. Если она придетъ къ нимъ съ «тайной», они проведутъ ее въ любое общество. Она поѣдетъ не на какіе то острова Галапагосъ съ никому неизвѣстнымъ обществомъ «Атлантида», гдѣ навѣрно одна Русская эмигрантская глупость и ничего путнаго не выйдетъ, но поѣдетъ въ Холливудъ, гдѣ станетъ знаменитостью, какъ Мери Пикфордъ, или Маргарита Морено. Она будетъ цѣловаться на цѣлые сто метровъ съ такими красавцами, какъ Морисъ Шевалье, или Рамонъ Новарро... Она читала біографіи всѣхъ этихъ «старъ» — она знала, что тутъ ни образованія, ни знаній, ни даже таланта не надо — нужна наружность и красивое сложеніе, да еще глаза, которые сами бы говорили.

Леночка вздохнула, посмотрѣла на лежавшую лицомъ къ стѣнѣ, на боку бабушку и тихонько, не скрипнувъ дверью, вышла изъ комнаты и легкой бѣлочкой пробѣжала навверхъ въ комнату — гробъ Мишеля Строгова.

XVIII.

Сквозь щели узкой двери Мишеля просачивался свѣтъ. Мишель Строговъ не спалъ. Леночка заглянула въ щелку. Мишель лежалъ одѣтый на постели и читалъ свою любимую «Le Sport».

Леночка приоткрыла дверь и вошла въ комнату Мишеля. Тотъ не пошевелинулся. Мишель Строговъ считалъ, что хорошій тонъ — быть самимъ собою и никѣмъ и ничѣмъ не стѣснять себя. Вѣжливость услов-

на. Мишель никогда не уступалъ мѣста дамѣ въ вагонѣ и никогда не вставалъ, кто бы съ нимъ ни разговаривалъ. Тѣмъ болѣе не стоило стѣсняться передъ Леночкой, которая предлагала ему сдѣлать ей ребенка и бѣгала за нимъ.

— Мишель, — сказала Леночка. Она одна во всей семьѣ такъ называла его и это подкупало Мишеля. Онъ опустилъ газету и, положивъ ее себѣ на животъ, посмотрѣлъ на Леночку.

— Мишель, вы хотѣли бы сдѣлать карьеру?

— Я ее и сдѣлаю, — спокойно сказалъ Мишель и уставился узко поставленными глазами на Леночку.

— Но, пора и начинать... Время уходитъ.

— Чтобы начать — надо случай. Всѣхъ знаменитостей бокса всегда выдвигалъ случай.

— Надо его искать.

— Случай не ищутъ. Это онъ васъ находитъ.

— Ну такъ вотъ. Случай найденъ. Если вы меня слушаете, мы можемъ «сдѣлать» милліоны.

Мишель приподнялся и спустилъ одну ногу съ кровати. Штанина поднялась надъ ботинкомъ, сталъ виденъ спустившійся носокъ и кусокъ бѣлой голой ноги.

Мишель такъ же, какъ и Леночка считалъ только на милліоны. Къ этому пріучили ихъ кинематографъ и газеты. Въ газетахъ они постоянно читали о милліонныхъ кражахъ, о милліонныхъ искахъ «ведеттъ» къ парикмахерамъ, искалѣченныхъ автомобилемъ къ владѣльцу машины, оскорбленныхъ къ оскорбителю. Милліоны наживали биржевой игрой и спекуляціей. Летчикъ Кость получилъ пять милліоновъ за свой полетъ надъ океаномъ, милліоны получали боксеры, милліоны платили за изобрѣтенія, милліоны получали артисты и артистки экрана. Молодое воображеніе играло, воспринимая эти извѣстія, и заработокъ въ тридцать франковъ казался насмѣшкой судьбы. Всѣ мечты были направлены на милліоны — и не о славѣ, не о подвигахъ, совершенныхъ для Родины думалъ Мишель, но о томъ, чтобы, просидѣвъ, скажемъ, мѣсяцъ на шпилѣ Эйфелевой башни — получить за это милліонъ. Или заработать его на «Марафонѣ» танцевъ, гдѣ танцовать, не переставая двад-

цать дней и двадцать ночей, или выиграть на шестидневных велосипедных гонках... И всегда въ мечтахъ были милліоны. Не десятки и даже не сотни тысячъ, но кругленькіе, заманчивые милліоны!

— Ну, ужъ и милліоны, — сказалъ Мишель, недобрчиво глядя въ глаза Леночки.

— А что бы вы сдѣлали, если бы вы имѣли милліонъ?

— Я бы... — Мишель окончательно сѣлъ. Его тупые глаза заблестѣли. — Прежде всего я бы купилъ гоночную машину... Экспрессъ... Не знаю, есть ли такія, въ тысячу силъ. И установилъ бы міровой рекордъ на скорость. Чтобы во всѣхъ газетахъ были мои портреты.

Мишель замолчалъ, мечтательно глядя вдаль. Онъ точно видѣлъ изображеніе своего сухого, бритаго, узкаго лица съ копной волосъ на темени, на первой страницѣ Парижскихъ газетъ.

— Потомъ?

— Потомъ я научился бы летать... И рекорды на скорость... на высоту и на дальность полета безъ спуска... Я бы показалъ... Міровая извѣстность. Моимъ именемъ называли бы ваксу и пиво...

— Ну вы стали бы миллиардеромъ: а тогда что?

— Тогда я взялъ бы королеву всего свѣта и поѣхалъ бы съ нею на своей машинѣ. Ночь въ Парижѣ, а завтра въ Ниццѣ, въ Біаррицѣ... И вездѣ насъ снимаютъ для газетъ... Я бы сыгранулъ въ Монако... Сдѣлался бы самъ королемъ гольфа...

— Все это хорошо, — задумчиво сказала Леночка. Ее уязвило, что онъ о ней не подумалъ. — Эти милліоны вы сдѣлали бы, благодаря мнѣ. Что же вы мнѣ дали бы?...

— Я уплатилъ бы вамъ условленный процентъ, какъ это всегда дѣлается... Да что говорить пустяки. Никакихъ милліоновъ у васъ нѣтъ. И что, въ самомъ дѣлѣ, вы можете придумать.

— А вотъ увидите... Неужели вы не видите, что у полковника какая то тайна.

И Леночка и Мишель Строговъ за глаза называли,

она дядю, онъ отца — полковникомъ. Въ этомъ они видѣли «стиль».

— Положимъ.

— Вы понимаете — тайна это всегда деньги.

— То есть?

— Если вы раскроете тайну и передадите ее тѣмъ, отъ кого эта тайна, вамъ хорошо заплатятъ... Милліоны... Поняли?

— Не совсѣмъ.

— Скажемъ... И, правда, кинематографическое общество «Атлантида» задумало дѣлать съемки на островахъ Галапагосъ. Для чего оно такъ уединяется?... Это — тайна. Можетъ быть они придумали какіе то совсѣмъ необычайные трюки. Не то, чтобы одинъ какой то отчаянный человѣкъ съ аэроплана бросался на поѣздъ, но чтобы, скажемъ, такъ: — идетъ поѣздъ и вдругъ всѣ крыши вагоновъ открываются, на поѣздъ налетаютъ аэропланы и всѣ пассажиры на ходу садятся въ нихъ... А на дѣлѣ ничего подобнаго. Просто, знаете, какъ по стѣнѣ громаднаго дома лазаютъ, а на дѣлѣ никакой стѣны и нѣтъ, а просто на полу лежитъ написанная декорація. «Атлантида» естественно бережетъ этотъ секретъ. Для этого и ѣдетъ на какіе то острова. А мы узнаемъ этотъ секретъ и продадимъ его «Парамунту», или «Уфѣ», или еще кому нибудь... Вы понимаете, въ нашъ вѣкъ конкуренціи, какія это могутъ быть деньги. Вамъ дадутъ милліоны, а меня за это сдѣлаютъ «ведетой» съ окладомъ тысяча долларовъ въ недѣлю.

— Не глупо пущено. Только я думаю, что у полковника это секретъ не кинематографическій, а политическій... Авантюра...

— Тѣмъ лучше. За раскрытіе политической тайны платитъ уже будетъ не коммерческое общество, но государство, это уже пахнетъ еще большими суммами. Если его рота, я не знаю, что это много или мало для войны, скажемъ, направлена противъ совѣтскаго союза, — я пойду, куда надо и я сумѣю получить хорошія деньги.

— Надо взять только очень большія деньги, — серьезно и строго сказалъ Мишель.

— Если это Англія интригуетъ противъ Франціи...

Мы скажемъ Франціи... Можетъ быть, это хотятъ посадить Испанскаго короля на престоль. Кто знаетъ? Но понимаете, Мишель, это тайна, которую можно очень хорошо продать. Это начало вашей и моей карьеры.

— Хорошо... Но какъ же мы узнаемъ эту тайну?

— Очень просто. Вамъ надо исполнить желаніе полковника и поступить въ его роту. Тайна сама станетъ вамъ извѣстна. Вы скажете мнѣ. А тамъ посмотримъ, какого рода будетъ эта тайна.

Мишель Строговъ крѣпко задумался.

«Эта дѣвочка не дура... Она стоитъ на прямомъ и вѣрномъ пути къ богатству... Конечно, идти даже и въ кинематографическую роту и маршировать тамъ подъ барабанъ, куда какъ не сладко... Но и возить кліентовъ безъ конца тоже надоѣло... Профессія борца, когда то она будетъ?... Тутъ подворачивается профессія шпіона... Интересное и, кажется, если судить по кинематографамъ, тоже не безвыгодное занятіе».

— Хорошо. Если это тайна кинематографическая — деньги мои, васъ устраиваемъ сниматься. Если политическая — деньги пополамъ. Согласны?..

— Я согласна.

На другой день, къ удивленію и радости полковника, — онъ таки очень любилъ сына и мечталъ дать ему воинское образованіе и воспитаніе и обратить его на путь истинный, — Мишель Строговъ заявилъ о своемъ желаніи поступить въ его роту и обучаться, хотя бы и для кинематографа военному дѣлу.

ХІХ.

Пиксановъ сказалъ Ранцеву правду. Капитанъ Немо держалъ свою лучшую лошадь, кобылу Артемиду, недѣлями въ заведеніи Ленсманъ въ Парижѣ и ѣздилъ въ Булонскомъ лѣсу. Ранцевъ не спрашивалъ Немо, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. За время своей работы съ Немо онъ проникся такимъ уваженіемъ къ нему, что ему все, что

ни дѣлалъ Немо казалось нужнымъ и цѣлесообразнымъ. Немного кольнуло его, что Немо самъ не сказалъ ему этого и не бралъ его съ собою, но сейчасъ же подумалъ, что Немо дѣлаетъ это изъ деликатности, чтобы Ранцеву не встрѣчаться съ дочерью.

Маленькія слабости большихъ людей... По свойственной ему природной скромности, капитанъ Немо не считалъ себя большимъ... Да и слабость, — онъ это сразу почувствовалъ — не была маленькой.

Съ двухъ своихъ встрѣчъ и волнующихъ разговоровъ съ миссъ Гербертъ, капитанъ Немо убѣдился, что онъ полюбилъ эту дѣвочку поздно, но крѣпкою и сильною любовью. Онъ тщательно взвѣсилъ и изучилъ свое чувство. Было оно, какъ осенняя погода устойчиво, ярко, красиво и крѣпко. Оно выплыло изъ глубокаго далека. Изъ тѣхъ временъ, когда Ранцевъ, Багреневъ и онъ, три лихихъ кадета, три мушкетера королевны Захолустнаго штаба ухаживали за такой вотъ точно дѣвочкой Алечкой Лоссовской. Капитанъ Немо — тогда кадетъ Долле, — очень скоро изъ скромности и сознанія, что онъ не можетъ дать того, что давали его товарищи, заглушилъ въ себѣ сильное чувство любви, смѣнилъ его чувствомъ непоколебимой дружбы и преданности и такъ и пронесъ это чувство черезъ всю жизнь, никогда никому о немъ не сказавъ.

Здѣсь, за границей, богатый, извѣстный, носящій въ сердцѣ своемъ великую тайну и свѣтлую мечту освободить Россію отъ большевиковъ, достигающій уже исполненія мечты, онъ вдругъ встрѣтился съ дочерью этой самой Алечки Лоссовской и въ томъ же возрастѣ въ какомъ была ея мать въ пору его увлеченія. Дочь была красивѣе, глубже, сердечнѣе и умнѣ матери. И она нестрасимо повлекла къ себѣ серьезнаго и занятого Немо.

Ему нужны были лошади для поѣздокъ въ *Vois Notre Dame*. Это сорокъ верстъ отъ Парижа. И Пиксанову и лошади ничего не стоило дѣлать эти сорокъ верстъ разъ въ недѣлю, а у капитана Немо явилась возможность любоваться тою, къ кому его влекли воспоминанія и поздно пробудившееся чувство любви.

Сначала Немо пробовалъ обмануть самого себя. Онъ

говорилъ себѣ, что онъ ѣздить для здоровья. Онъ цѣлые дни проводитъ, сидя за рабочимъ столомъ, или въ автомобилѣ, или въ полетахъ, ему нуженъ иной мотіонъ и что можетъ быть лучше верховой ѣзды? Онъ въ умѣ своемъ сослался на Муссолини и Наполеона. Но чуждый компромисса самъ себя остановилъ. «Ну да, влюбился, какъ кадетъ, какъ гимназистъ... Влюбился, но безумствъ не надѣлаю, а что полюбуюсь на ту, чью мать такъ сильно любилъ, что никогда даже не посмѣлъ сказать ей о своей любви и чей отецъ не только моимъ другомъ, но сталъ и сотрудникомъ и замѣстителемъ, такъ бѣды отъ этого никакой не будетъ!»

И онъ поѣхалъ полюбоваться этой барышней, англичанкой по воспитанію, Русской по крови.

Еще была тогда зима, но дни были яркіе, солнечные, радостные. Въ Булонскомъ лѣсу, все казалось красивымъ и принаряженнымъ. Очень много было катающихся. Немо скоро увидалъ ту, кого такъ хотѣлъ встрѣтить. Она ѣхала на прекрасной рыжей лошади и почти рядомъ съ нею ѣхалъ наѣздникъ, англичанинъ, на сѣрой и такой же хорошей лошади. Капитанъ Немо снялъ котелокъ. Ана сейчасъ же узнала его. Она перевела свою лошадь на шагъ и подѣхала къ Немо.

— Вы ѣздите верхомъ? — спросила она, ласково улыбаясь, — но почему я васъ раньше не встрѣчала?

— Я раньше не ѣздилъ. Только сегодня началъ.

Они говорили по-англійски.

— Какая прекрасная у васъ лошадь. Она не изъ манежа?

— Нѣтъ. Это моя собственная лошадь.

— Это сейчасъ и видно. Раньше я ѣздила на манежной. Теперь мнѣ мама купила этихъ двухъ лошадей. Совсѣмъ другое.

Она пустила свою лошадь рысью. Они проѣхали, молча, аллею. Немо любовался ею. Какъ она напоминала ему Валентину Петровну!... Та ѣздила тогда амазонкой, Ана сидѣла на мужскомъ сѣдлѣ въ разрѣзной юбкѣ. Отъ этого она казалась меньше и стройнѣе, чѣмъ была Валентина Петровна. Она, оборачиваясь, поглядывала на Немо. Въ ея улыбкѣ было нѣчто неотразимо

прелестное. Изъ воспоминанія прошлаго, изъ того, что было сейчасъ передъ нимъ, въ душѣ Немо точно плелась нѣжная ткань. Она опутывала его сердце и непривычно сладко становилось въ немъ. Его большая работа, подвигъ и жертва, имъ задуманные, приобрѣтали отъ этого какое то совсѣмъ новое и чарующее значеніе, и кромѣ Россіи къ нему приближалось это живое существо, похвалу котораго было пріятно заслужить.

Она мягко перевела на шагъ. Лицо ея раскраснѣлось. Пухлый ротъ былъ мило полуоткрытъ. Она наслаждалась движеніемъ лошади. Въ ея синезеленыхъ, совсѣмъ материнскихъ глазахъ отражалось небо и они казались болѣе синими, чѣмъ зелеными. Бриллиантовые огни восторга играли въ нихъ.

— Вы знаете, я ужасно, какъ рада, что встрѣтилась съ вами. Вы тогда пришли, передали это ужасное извѣстіе о томъ, что мой отецъ убитъ на войнѣ, и исчезли, не оставивъ даже своего адреса. Я очень тогда волновалась этимъ и много плакала. Мнѣ такъ хотѣлось все знать о своихъ родителяхъ и о первыхъ годахъ моей жизни и кто же мнѣ могъ рассказать, какъ не вы?

— Представьте, и мнѣ было досадно, что я такъ мало вамъ тогда рассказалъ.

— Вы мнѣ теперь расскажете все о моихъ настоящихъ папѣ и мамѣ. Кто они были и кто были ихъ родители?

— Вашъ отецъ герой, и въ полномъ смыслѣ этого слова джентльменъ... Болѣе чѣмъ джентльменъ.

— Что же можетъ быть болѣе этого?

— Онъ Русскій офицеръ.

— И знаете что, будемъ говорить по Русски. Это мнѣ будетъ практика. Я говорю по Русски съ одною барышней. Она работаетъ въ этомъ, знаете, обществѣ христіанскихъ молодыхъ людей. Но мнѣ этого мало. И съ нею мы ведемъ такіе простые разговоры. Говоримъ о литературѣ. Она даетъ мнѣ читать Русскихъ книгъ, а съ вами мы будемъ говорить о прошломъ моихъ родителей. Ахъ, какъ это интересно все знать о себѣ. Мнѣ иногда кажется, что мы живемъ и въ прошломъ, какъ будемъ жить и въ будущемъ потомъ, послѣ умиранія.

Когда они приѣхали въ заведеніе Ленсманъ, Ана снова представила Немо своей приѣмной матери. Мистриссъ Гербертъ очень радушно привѣтствовала инженера, котораго дожидалась такая прекрасная машина. Она ничего не имѣла противъ того, чтобы Ана ѣздила вмѣстѣ съ нимъ. Притомъ же ихъ сопровождалъ старый наѣздникъ мистеръ Томпсонъ.

— До завтра, мосье Долле.

— До завтра, мадемуазелль Ана.

— Только бы опять хсрошая погода.

— Богъ дастъ, мадемуазелль Ана.

Она помахала ему изъ окна кареты маленькой ручкой, онъ снялъ котелокъ. Было хорошо и тепло на его сердцѣ.

XX.

Капитана Немо мучилъ вопросъ, сказать Анѣ, что ея отецъ живъ, или не говорить, какъ о томъ просилъ его Ранцевъ.

Ранцевъ просилъ его тогда, когда онъ служилъ наѣздникомъ у господи Ленсманъ и былъ бѣденъ. Теперь, когда Ранцевъ становился у такого большого и благороднаго дѣла, можетъ быть, онъ и самъ бы хотѣлъ сблизиться со своею дочерью.

«Будущее покажетъ», — рѣшилъ Немо.

Онъ ѣхалъ по парку. Десятки всадниковъ и amazонокъ его догоняли и обгоняли. Онъ не оборачивался. Но были какія то тайныя силы, — токи что ли какіе? — онъ задолго узнавалъ поступь ея лошади. Онъ не видѣлъ ее, а уже сердце его учащенно билось, и онъ зналъ, что это ѣдетъ она. Артемида настораживала и косила назадъ ушами. И она знала прекрасную рыжую красавицу Аны.

— Чудный день.

— Совсѣмъ весенній, миссъ Ана.

— Ну, говорите, пожалуйста, по Русскому.

Она говорила хорошо, почти безъ акцента, съ лег-

кими неправильностями и чуть картавя, что дѣлало ея рѣчь еще болѣе милой.

Онъ разсказаль ей про дѣтство ея матери.

— Она была тогда дочерью начальника кавалерійской дивизіи.

— Вотъ отчего я такъ люблю лошадей, — сказала Ана.

— Вашъ отецъ ихъ обожаль. Онъ былъ спортсменъ.

— Онъ много скакаль?

— Да.

— На стипль чезахъ?

— Да. И незадолго до войны онъ взяль въ Красномъ Селѣ второй Императорскій призъ.

Все это было «страшно» интересно, но все это требовало поясненій. Вопросы сыпались: — «что такое Красное Село?» «что такое Императорскій призъ?», «это больше Дерби, или это какъ Ливерпульскія скачки»? Бѣдный капитанъ Немо затруднялся съ отвѣтомъ. Какъ бы тутъ ему помогъ Ранцевъ! Онъ то навѣрно зналь всѣ эти скачки.

— А мама?... Она хорошо ѣздила?... Лучше меня?... Какъ она вышла замужъ? Вы мнѣ все, все разскажите. Мнѣ все это надо знать. Я же ихъ дочь!

Всего разсказать было нельзя. Капитанъ Немо проявилъ большую чуткость. Онъ разсказаль о первомъ бракѣ съ профессоромъ Тропаревымъ, но совсѣмъ умолчалъ о Портосѣ, какъ будто его и не было.

— Куда же дѣвался этотъ Тропаревъ? Мама развелась съ нимъ?

— Нѣтъ. Онъ умеръ. Ваша мама осталась вдовою. Къ этому времени ея родители умерли. Она была совсѣмъ одна. Тогда ей сдѣлаль предложеніе вашъ отецъ. Онъ командоваль тогда эскадрономъ въ Маньчжуріи.

И опять нужны были отступленія. Она не знала что такое Маньчжурія. «Это же Китай?... Какъ же мой отецъ могъ тамъ командовать эскадрономъ?...».

Объясненія затягивались. Тутъ Немо чувствовалъ себя хорошо. Онъ это все могъ объяснить. Онъ и самъ былъ шаферомъ у нихъ на свадьбѣ. Тутъ было самое

интересное. Совсѣмъ, какъ въ кинематографѣ! У нея была няня китаянка: «Чао-Ли». Ана нѣсколько разъ повторила это слово.

— Чао-Ли... Чао-Ли, — да я помню... Я слышала. Мнѣ говорили. Ужасно, какъ интересно. Вы знаете, напрягаю память и ничего не могу вспоминать... А вотъ иногда во снѣ... Да нѣтъ, вовсе не во снѣ, а такъ въ какой то полудремѣ, мнѣ слышится, что кто то шипить надо мною... И запахъ табаку... Не нашего... И потомъ запахъ духовъ и вотъ тутъ замреть сердце... И я пойму, что все это мнѣ снится или кажется. Ну, продолжайте... Папа командовалъ эскадрономъ. Я родилась на постовой казармѣ... И кругомъ солдаты... И никого, никого... А потомъ?

Капитанъ Немо разсказалъ, какъ Ану украли китайцы и какъ мистеръ Гербертъ, случайно бывшій на охотѣ освободилъ ее.

— Дальше я знаю. Дальше я вамъ когда нибудь буду разсказать. А что же мои родители?

И опять шель длинный разсказъ о войнѣ и объ атакѣ Заамурцевъ.

— Конная атака... Какъ это прекрасно!

— Вашъ отецъ поскакалъ, чтобы взять пулеметь. Онъ былъ сраженъ восемью пулями.

— Онъ былъ убитъ?

— Ночью его младшій офицеръ Ферфаксовъ, помните, я вамъ разсказывалъ, какъ онъ охотился, какъ онъ ходилъ отыскивать васъ, пошелъ съ солдатами взять вашего отца, чтобы похоронить его. Онъ нашель его лежащимъ подлѣ лошади. Лошадь его...

— Я помню, вы говорили... Ее звали Одалиска...

— Да, Одалиска положила ему голову на грудь. Она была мертва. Вашъ отецъ былъ живъ...

— Ну что же дальше? — ея голосъ дрожалъ.

Капитанъ Немо не могъ лгать.

Онъ разсказалъ какъ принесли раненаго Ранцева на перевязочный пунктъ, какъ перевезли совершенно безнадлежаго въ госпиталь и какъ, благодаря Великой Княгинѣ Анастасіи Николаевнѣ, матери Аны удалось выходить раненаго.

Они ѣздили каждый день. Онъ «для моціона», она по чистому влеченію къ ѣздѣ. Онъ привезъ маленькій, но прекрасный фотографическій аппаратъ и снялъ ее на лошади. Снимокъ вышелъ превосходно. Онъ далъ его увеличить и вставилъ въ дорогую кожаную рамку. То же «маленькія слабости великихъ людей». Но отчего не позволить ихъ себѣ?

Онъ подошелъ въ своемъ разказѣ къ тому мѣсту, гдѣ надо было, или сказать всю правду, или сочинять про смерть Ранцева.

Капитанъ Немо отослалъ лошадей на ферму къ Пиксанову и больше не ѣздилъ въ Булонскомъ лѣсу.

Настало время отъѣзда изъ Парижа. Подготовительныя работы были закончены. Все, что было нужно, спѣшно грузилось въ порту Сенъ Назаръ на пароходъ «Немезиду». Завтра долженъ былъ туда же ѣхать и Немо. Ранцевъ и вся Нордековская рота были на погрузкѣ. «Варьете» капитана Немо тоже находилось тамъ.

Капитанъ Немо рѣшилъ все сказать Анѣ. Онъ въ ней былъ увѣренъ. Ни выдать, ни проболтать она не могла. Просто ей некому было проболтать. Немо казалось, что все его дѣло пріобрѣтетъ еще большую цѣнность, когда эта дѣвочка будетъ все знать. Ему казалось жестокимъ и несправедливымъ рѣшеніе Ранцева отречься отъ дочери. Если тогда съ этимъ рѣшеніемъ можно было какъ то согласиться, теперь это было напрасно. Чуждая фантазіи голова Немо рисовала, какъ будетъ хорошо, когда дѣло ихъ станетъ развиваться. Она одна во всемъ мірѣ будетъ знать, кто это дѣлаетъ. Кто тотъ смѣлый, кто объявилъ войну коммунизму. Анѣ будетъ радостно сознавать, что это ея отецъ и тотъ инженеръ Долле, съ кѣмъ она такъ недавно ѣздила вмѣстѣ въ Булонскомъ лѣсу.

И капитанъ Немо въ это послѣднее свое Парижское утро поѣхалъ въ Булонскій лѣсъ на Артемидѣ. Онъ волновался, какъ гимназистъ, какъ нѣкогда кадетомъ волновался онъ, ѣздя съ ея матерью. Молодо и потому прекрасно и пріятно было это чувство

XXI.

Была весна и совсѣмъ по иному выглядѣль Булонскій лѣсъ въ нѣжной, пушистой прозрачности. Дали были зелены, голубѣли пруды и озера. Капитанъ Немо выѣхалъ нарочно позже и справился ѣздить ли миссъ Гербертъ. Она только что выѣхала.

Онъ встрѣтилъ ее на большой дорогѣ. Она ѣхала навстрѣчу и уже издали узнала его и, улыбаясь, привѣтливо замахала рукой. Она ѣхала не съ наѣздникомъ, мистеромъ Томпсономъ. Ее сопровождалъ на ея сѣрой лошади молодой, очень красивый и очень стильно, по военному строго, одѣтый англичанинъ. Они ѣхали рядомъ и разговаривали

— О, мосье Долле, какъ давно мы съ вами не видались! Я такъ безпокоилась о васъ. Думала, не больны ли вы, а вы все такой же нехорошій, не сказали ни своего адреса, ни номера телефона. Право, я справляться о васъ хотѣла.

Она сильно, съ чувствомъ пожала его руку.

— Позвольте васъ познакомить: — мой кузень капитанъ Джемсъ Холливель.

Молодой человѣкъ приподнялъ котелокъ надъ головой. Они подали другъ другу руки.

— И, милый Джемсъ, вы не сердитесь на насъ, мы будемъ съ инженеромъ говорить по Русски. Онъ мнѣ не досказалъ самага интереснаго про моего отца.

Холливель еще любезнѣе съ чуть замѣтной улыбкой приподнялъ котелокъ.

Капитанъ Немо и Ана ѣхали рядомъ. Мистеръ Холливель немного позади.

— О, какой вы жестокий!... Развѣ можно такъ! На самомъ интересномъ мѣстѣ все прервать. Вы точно не еѣрите, что все, что касается моихъ Русскихъ родителей, такъ меня интересовываетъ. Мой отецъ живъ и сейчасъ?

— Да.

— Гдѣ же онъ теперь? Какъ бы я хотѣла его видѣть.

— Онъ во Франціи.

Она сдѣлала порывистое движеніе. Ея лошадь забеспокоилась.

— Гдѣ?

И тогда капитанъ Немо, отдаваясь тому чувству, которое онъ такъ тщательно сохранялъ въ себѣ всѣ эти мѣсяцы, подробно разсказалъ Анѣ про кинематографическое общество «Атлантида», гдѣ распорядителемъ былъ онъ, а его помощникомъ ея отецъ.

Она прослушала это холодно. Казалось, она была разочарована. Капитанъ Немо это сейчасъ же почувствовалъ. И его это обрадовало.

«А вѣдь душа то въ тебѣ Петрика», — подумалъ онъ.

— Но, это, миссъ Ана, не вѣрно. Это общество только отводъ глазъ.

Она не поняла его.

— Что такое «отводъ глазъ»?

Онъ объяснилъ ей по-англійски и продолжалъ по Русски:

— Мы поведемъ страшную, непримиримую войну съ коммунистами всего свѣта. На аэропланахъ мы прилетимъ въ Россію...

— И мой отецъ?

— И вашъ отецъ, конечно. Вы понимаете: — ваша мать тамъ! Онъ можетъ ее еще и отыскать.

— Боже мой!

— Но вы понимаете, что намъ никто не позволитъ этого дѣлать и намъ нужно было найти такое мѣсто, гдѣ бы мы могли быть, какъ у себя дома.

— И вы нашли такое мѣсто?

— Да.

— Не говорите мнѣ, гдѣ оно? Я понимаю, какая это тайна! Они такъ сильны. Но я буду знать, когда и какъ вы кончите?

— Конечно... Въ концѣ концовъ и газеты про это узнаютъ и будутъ писать. Но, кромѣ того...

Она перебила его.

— Я узнаю все про моего отца. Я увижу его?

По ея теперешнему оживленію Немо понялъ, что въ ней было чувство пренебреженія къ кинематографу и радость, что это не кинематографъ, а большое военное предпріятіе. Значитъ, она не современная, но такая, какъ Ранцевъ... Тоже... Донъ Кихоть... И это укрѣпило его въ возможности сказать все.

— Мы широко используемъ и газы и пропаганду... Мы спасемъ Россію. И тогда...

— И тогда вы приведете ко мнѣ моего отца. Но раньше вы пришлете ко мнѣ когонибудь... предупредить меня... чтобы я могла его достойно принимать... Какъ героя!...

— Хорошо. Я пришла къ вамъ одного стараго и очень почтеннаго человѣка. Онъ васъ зналъ еще тамъ, въ Маньчжуріи.

— Когда я была совсѣмъ малютка. Онъ, значитъ, зналъ моихъ родителей?

— Онъ былъ начальникомъ вашего отца.

— Кто же это?

— Генераль Заборовъ.

Они возвращались домой. Ихъ разговоръ былъ долгій и оживленный. Они очень много ѣхали шагомъ. Это было неудобно при мистерѣ Холливелѣ. Ана поняла это первая. Она обернулась къ своему кузену и сказала ему по-англійски:

— Не правда ли, Джемсъ, какая прекрасная лошадь у господина инженера?

— О yes, — флегматично протянулъ Холливель и подѣхалъ къ нимъ.

У заведенія госпожи Ленсманъ двѣ мощныя машины ожидали всадниковъ. Ана сердечно простилась съ капитаномъ Немо.

— Когда же вы ѣдете? — по Русски сказала она.

— Сегодня.

— Уже?... Какъ жаль, что я теперь, вѣроятно, не скоро васъ увижу.

Она крѣпко, можетъ быть, болѣе сильно, чѣмъ это позволяли приличія, пожала руку Немо. Тотъ понялъ: это пожатіе относилось не къ нему, а къ ея отцу, и бо-

лѣе всего къ тому великому дѣлу, о которомъ онъ только что ей разсказалъ.

У машины Ана еще разъ кивнула головой капитану Немо. Холливель, согнувшись, влѣзъ въ карету и усѣлся на переднее выдвижное мѣсто. Громадный «Пакхардтъ» мягко тронулся и покатился по каменнымъ плитамъ мостовой.

Капитанъ Немо стоялъ подлѣ своего «Рольсъ-Ройса». Шофферъ держалъ открытой дверцу. Машина Гербертъ скрылась за поворотомъ.

«Сказать шофферу: — «за ними»!... На улицу Henri Martin. Приѣхать и выяснитъ все... Просить руки и сердца... Просить права надѣяться на будущее... Кажется, маленькія слабости великихъ людей заходятъ слишкомъ далеко»...

Капитанъ Немо медленно, точно нехотя, залѣзъ въ свою карету. Машина не двигалась. Шофферъ, обернувшись къ Немо, смотрѣлъ вопросительно на него черезъ переднее опущенное стекло. Прошло нѣсколько мгновений, короткихъ, совсѣмъ незамѣтныхъ для шоффера, очень длинныхъ и мучительныхъ для капитана Немо. Его судьба рѣшилась. Счастье показало ему свое лицо. Что то личное появилось передъ нимъ первый разъ въ его жизни.

«А какъ милый Петрикъ былъ бы удивленъ... Обрадованъ?... Кто знаетъ?»

Капитанъ Немо посмотрѣлъ на шоффера. Твердо, спокойно, какъ всегда, быть можетъ, чуть строже чѣмъ всегда, онъ сказалъ:

— Въ городъ Сень Назэръ... По Орлеанской дорогѣ.

XXII.

Ранцевъ проснулся отъ мѣрнаго, глухого шума. Сквозь щели ставень мягкой, бѣлый свѣтъ проникалъ въ маленькую, какъ каюта, комнату приморскаго пансіона. Ее вотъ уже недѣлю занимали Ранцевъ и Ферфакъ.

совъ. Сильный, вдругъ поднявшійся вѣтеръ порывами ударялъ въ ставню. Сосны и кедры глухо шумѣли въ саду. Было пасмурно. Ферфаксовъ, давно не спавшій, сказалъ:

— Ты слышишь?... Какая буря!...

— Да... Кажется и дождь.

— Имъ не везеть.

Ранцевъ сталъ одѣваться.

— Бурдели, наши хозяева, вчера весь день плели гирлянды изъ зелени и цвѣтовъ. По всему городку шли приготовленія къ сегодняшнему дню. Имъ нужны — солнце, хорошая погода... Подумай — праздникъ дѣтей. Бурдель вчера за стаканомъ рома рассказывалъ: — каждая мать, самая бѣдная, обшила, принарядила къ сегодняшнему дню свое дитя, чтобы полюбоваться имъ, чтобы гордиться имъ въ процессіи. А какая процессія при такой погодѣ! Съ ногъ валить.

— Пойдемъ, — сказалъ быстро одѣвшійся Ранцевъ, — посмотримъ.

На улицѣ, идущей къ морю, они должны были схватиться за шляпы. Мелкій песокъ морскихъ дюнь и не то дождь, не то брызги океанской волны, сорванныя ураганомъ, били въ лицо и слѣпили глаза.

Сѣрое небо валилось въ море. Желто-зеленые валы непрерывной чередой, опушаясь бѣлой пѣной, съ ропотомъ и ревомъ шли на берегъ. Купальныя палатки ярко желтой парусины были сняты. Деревянныя будки прижались къ набережной. Къ нимъ, шипя, подкатывалась гѣна волнь.

У океана вѣтеръ казался тише. Мелкій дождь холодилъ лицо. Надъ моремъ клубился туманъ. Мысы по сторонамъ залива стояли въ сизой дымкѣ. Песчаные острова у входа въ океанъ обозначались рѣзкими, бѣлыми полосами прибоя. Море было пустынно.

Вышка, откуда любители бросались въ воду, была сломана. Ея бревна носились по волнамъ. Какой то молодецъ въ черномъ купальномъ костюмѣ входилъ въ воду, доходилъ до первыхъ большихъ волнь, но не рѣшался идти дальше и отпрыгивалъ, фыркая и захлебываясь. Двѣ англичанки стояли на пескѣ пляжа. Вѣтеръ

окрутилъ ихъ юбки около ногъ и точно хотѣлъ сорвать съ нихъ платья. На набережной не было обычныхъ гуляющихъ.

— Невеселая картина, — сказалъ Ранцевъ, — море показываетъ намъ свой нравъ.

— А знаешь, — вглядываясь вдаль охотничьими зоркими глазами, сказалъ Ферфаксовъ, — погода еще исправится. Ты видишь, какъ блѣднѣетъ на небосклонѣ небо. Тамъ какъ бы просвѣчиваетъ синева.

— Пойдемъ, порадуемъ старика Бурделя.

Хозяинъ виллы «Les Rossignoles» большими садовыми ножницами рѣзалъ цвѣты, опустошая клумбы.

— Вы были на морѣ, — спросилъ онъ. — Ну какъ?

— Мнѣ кажется прояснить, — на ужасномъ Русско-шофферскомъ французскомъ языкѣ сказалъ Ферфаксовъ.

— Вы думаете?... Да, конечно... Иначе и быть не можетъ... Должно, обязательно должно прояснить.

— Вы все таки вѣшаете гирлянды, — сказалъ Ранцевъ.

— А какъ же... Моя жена съ мадамъ Манганъ уже начали работать. Какъ же иначе, — съ печалью въ голосъ и со слезами на глазахъ сказалъ Бурдель, — праздникъ Fête Dieu. Богъ придетъ къ намъ. Онъ пройдетъ мимо нашей виллы. Все Ему... Все, что имѣемъ.

Бурдель съ какою то яростью отхватилъ ножницами громадную, прекрасную, только что распустившуюся розу.

— Богъ и Родина — все прекрасное на свѣтѣ. И Богъ придетъ къ намъ. А вдругъ... Нѣтъ этого не можетъ быть... Ну, какъ преосвященный отмѣнить процессію?... Изъ за дождя...

— Какого тамъ чорта дождя, — воскликнулъ Ферфаксовъ, — вы только посмотрите!

Онъ вывелъ старика изъ садика, гдѣ туйи и сирени, росшія у калитки заслоняли небосклонъ и показалъ вдаль. Вѣтеръ гналъ тучи, снимая сѣрую пелену съ волнъ. Надъ островами голубое сверкало море.

— Буря гонитъ тучи на Парижъ. Скоро будетъ со-

всѣмъ ясно. Солнце будетъ... Да и вѣтеръ сталъ замѣтно тише.

— Ахъ, далъ бы Богъ... Далъ бы Богъ... Вы подумайте, мосея Ранцевъ, наши школьники будутъ всѣ въ одинаковыхъ синихъ костюмахъ съ бѣлыми лентами... Они будутъ первый разъ играть на фанфарахъ... И дѣвочки всѣ въ бѣломъ съ кисейными вуалями, въ цвѣтахъ. Какъ же можно — дождь?... Сегодня Богъ придетъ къ намъ!...

XXIII.

Въ три часа дня жидкій благовѣстъ въ одинъ колоколь затрезвонилъ на городской площади. Ранцевъ и Ферфаксовъ пошли на его призывъ.

Небольшая новая каменная церковь стояла на песчаномъ холмѣ дюны. Два марша лѣстницы изъ дикаго камня сходились на площадкѣ на серединѣ дюны и опять расходились, направляясь къ церковнымъ дверямъ. Темная, блестящая зелень лавровъ и миртъ, нѣжные листики стриженныхъ буксовъ яркими пятнами ложились на камни... Вдоль лѣстницы, отъ низа и до верха, полуприкрытыя каменными перилами, точно пчелки въ ульѣ, работали молоденькія дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ. Онѣ торопились украшать цвѣтами церковь. Однѣ растягивали длинное бѣлое полотнище надъ площадкой, другія проворно и ловко нашивали на него розовыя розы и красныя піоны, образуя большой и широкій крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Третьи раскладывали вдоль периль миртовыя вѣтки, украшенныя маленькими розочками...

Прояснивало. Солнце нѣтъ, нѣтъ, да и пробьется сквозь тучи и осіаетъ своими лучами церковь, цвѣты и трудящихся дѣвушекъ. Точно съ неба пошлетъ имъ благословеніе.

По лѣстницѣ почти непрерывной вереницей шли старыя женщины въ черныхъ высокихъ Бретонскихъ наколкахъ и мужчины въ длинныхъ старомодныхъ потер-

тыхъ сюртукахъ. Они, молча, входили въ узкія дубовыя двери и исчезали за ними. Когда открывались двери, изъ церкви доносилось гудѣніе органа и пѣніе женскаго хора. Пѣли что то нѣжное и трогательное, что такъ подходило, такъ отвѣчало, составляя полную гармонию съ цвѣтами, бѣлымъ пчелкамъ-дѣвушкамъ, трудившимся у храма.

Въ церкви было свѣтло, торжественно и нарядно. Она была каменная, длинная, «кораблемъ», съ тонкими бѣлыми колоннами, съ двумя рядами высокихъ узкихъ, стрѣльчатыхъ оконъ. Между колоннъ, подъ потолкомъ, свисали бѣлыя гирлянды бумажныхъ цвѣтовъ. У одного изъ оконъ стояла модель паруснаго, трехмачтоваго брига. У колоннъ всѣ статуи святыхъ были обвиты цвѣтами.

Скамьи были заняты. Впереди сидѣли дѣти. По одну сторону мальчики въ синихъ курточкахъ матросскаго образца, съ большими бѣлыми, шелковыми бантами на лѣвомъ плечѣ, по другую все было бѣло отъ кисейныхъ наколокъ и бѣлыхъ цвѣточныхъ вѣнковъ. Сзади сидѣли старые мужчины и женщины, всѣ въ черномъ. Ранцевъ не замѣтилъ среди мужчинъ — людей средняго, его, возраста. Они молчаливо и незримо присутствовали на Богослуженіи, глядясь съ мраморныхъ досокъ длинными колоннами золотомъ начертанныхъ именъ съ надписью наверху: — «Morts pour la Patrie».

Отъ бѣлыхъ гирляндъ, отъ бѣлаго свѣта, идущаго съ двухъ сторонъ черезъ окна — въ церкви была несказанная свѣтлая красота. Но особенно глубокимъ, небесно чистымъ и прозрачнымъ казался свѣтъ въ нишѣ алтаря, окруженнаго невидимыми изъ церкви окнами. Тамъ въ глубокомъ свѣтѣ цвѣтныхъ стеколъ, точно съ неба спускались на землю, тая въ сіяющемъ эфирѣ, прекрасная статуя Божіей Матери изъ Лурда. Раскрашенный камень голубыхъ ея ризъ, бѣлыя лиліи въ ея розовыхъ рукахъ, свѣтлый Ликъ Божественной красоты въ этомъ свѣтѣ казались по неземному прекрасными.

Жиденкій органъ игралъ псалмы. И все шли въ церковь люди, опускали руку въ чашу съ водой, быстро преклоняли колѣно, присѣдая, и проходили вглубь къ алтарю. Тамъ шла суета приготовленій къ процессіи.

Французское, трехцвѣтное знамя, обшитое золотою бахромою стояло, не колышась. Взметнулись вверхъ вынимаемая изъ гнѣздъ почетными стариками пестрыя хоругви. Старухи потянулись изъ церкви. На площади была толпа. У булочной, гдѣ на верандѣ англичане пили чай, стояли автомобили.

Кое гдѣ вдоль улицъ садовыя ограды виллъ были украшены бѣлыми съ красными полосами полотнищами. По нимъ узоромъ были нашиты зеленые листики и цвѣта. Розовыя, мелкія, выющіяся розы и зелень туій были насыпаны по черному гудрону шоссе.

Мѣдный колоколъ билъ назойливо и мѣрно. Изъ дверей храма ему отвѣчали органъ и пѣніе хора. Эти звуки отрывали отъ земли и уносили къ чему то прекрасному, далекому, свѣтлому, радостному, гдѣ не было земныхъ заботъ и печалей. Это настроеніе передавалось Ранцеву и радовало его. Божія Матерь изъ Лурда, покровительница этого храма, точно явилась благословить его передъ отъѣздомъ.

Старикъ съ сѣдыми густыми волосами — вѣтеръ трепалъ ихъ и игралъ съ ними — въ черномъ пиджакѣ вынесъ изъ церкви длинную малиноваго бархата тяжелую хоругвь, расшитую золотомъ. На хоругви масляными красками была написана Лурдовская Божія Матерь. Хоругвеносецъ прошелъ мимо пестрыхъ выставокъ товаровъ въ окнѣ большого «универсальнаго» магазина и сталъ посерединѣ улицы, обозначивъ голову процессіи. Изъ двора церкви къ нему выбѣжали и пристроились человекъ двадцать мальчиковъ въ синихъ курточкахъ. Ихъ лица подъ круглыми бѣлыми шапочками были серьезны. Изъ церкви потянулись сопровождаемая матерями маленькія дѣти, всѣ въ бѣломъ, съ букетами цвѣтовъ въ рукахъ. Четыре парадно одѣтыхъ мальчика съ большими шелковыми бѣлыми бантами на плечахъ вынесли на носилкахъ статую Христа. За нею слѣдовали дѣти съ маленькими бумажными хоругвями. Дѣвушки въ бѣломъ, за ними юноши въ синемъ, а дальше подъ тяжелымъ балдахиномъ малиноваго бархата медленно шествовалъ, точно изнемогая подъ тяжестью золотомъ шитыхъ ризъ, священникъ.

За нимъ развязно, пряча папиросы въ рукава помятыхъ синихъ пиджаковъ, вышли городскіе музыканты. Дальше шла толпа. Мужчины отдѣльно впереди, за ними женщины.

Мосье Бурдель подошелъ къ Ранцеву. Красное лицо его сіяло. На сѣрыхъ, старыхъ, выцвѣтшихъ глазахъ играла слеза.

— Г-ммъ, — сказалъ онъ, хватая Ранцева за рукавъ. — Вы думаете, бошей побѣдили тамъ?... въ Парижѣ?... Ecole laïque?... Идіоты!... Если бы не мы?... Не наше духовенство?.. ну и, конечно, ваша Русская благородная помощь — боши были бы въ Парижѣ!.. Это мы, вѣрующіе католики... Мы такіе вотъ, какъ Кастельно и Фошъ, — это наши вѣрующіе, не смотря ни на что офицеры и солдаты отстояли Францію. Вы посмотрите — все ленточки почетнаго легіона и военной медали на молящихся... А тѣ думаютъ... Безъ вѣры?... Безъ Бога?... Когда не будетъ вѣры, не будетъ Бога — не станетъ и Франціи... Et voila tous...

XXIV

Размѣренно и негромко впереди ударилъ барабанъ. Процессія тронулась вверхъ по улицѣ.

«Тамъ... тамъ... тамъ»... — раздавалось впереди. Нѣжные дѣвичьи голоса запѣли въ головѣ колонны.

— Nous t'adorons, ô radieuse Hostie
Du Dieu d'amour voile mysterieux,
Sois notre force aux combats de la vie,
Soutiens nos pas sur le chemin des cieux...

Вѣтеръ рвалъ голоса. Въ глубинѣ колонны дѣвушкамъ вторили мужчины. Они шли по три въ черномъ, кто въ сюртукѣ, кто въ блузѣ, кто въ пиджакѣ. Ихъ лица были серьезны. Они несли въ рукахъ маленькія тетради

ки и, слѣдя по нимъ, подхватывали слова плавно колы-
хавшагося въ воздухѣ гимна.

— Triomphe, ô roi, Dieu de l'Eucharistie,
Autour de toi se pressent tes enfants,
Pour réparer l'outrage de l'impie
A Toi nos cœurs et nos vœux et nos chants...

Мотивъ гимна принялъ джазъ-бандный городской оркестръ. Корнетистъ надулъ щеки и заигралъ. Трубы подхватили. Грустно запѣлъ саксофонъ. Голоса неслись къ небу и точно раздвигали на немъ тучи. Клочокъ синяго неба сталъ величиною съ простыню. Свѣтъ золотыми лучами брызнулъ и заигралъ блестками на ризахъ, на вышивкахъ балдахина, на звѣздѣ съ причастиемъ, на трубахъ и барабанахъ. Вѣтеръ колыхалъ хоругвь. Лурдская Божія Матерь плыла надъ толпой. Бумажные флажки трепетали въ дѣтскихъ рукахъ. Матери врывались въ ряды дѣтей и поправляли потревоженное вѣтромъ платье.

Enfants de chœur въ длинныхъ красныхъ и голубыхъ юбкахъ съ глубокими складками, въ пелеринахъ, накрытыхъ кружевами, шли впереди балдахина. Подъ балдахиномъ кюре съ французскимъ длиннымъ и прямымъ носомъ и съ узкой сѣдѣющей бородой, свѣтски воспитанный, по духовному благостный, шелъ чинно и важно съ сознаниемъ святости совершаемаго имъ. За нимъ подъ пестрымъ расшитымъ золотомъ зонтикомъ, медленно шаркая по цвѣтамъ, устилавшимъ шоссе, большими ногами, шелъ старикъ священникъ въ круглой шапочкѣ. У него было рѣзкое лицо и острые сѣрые глаза. Онъ несъ въ рукъ звѣзду съ вложенной въ нее облаткой причастія.

Народъ выходилъ изъ домовъ и лавокъ. Онъ становился вдоль дороги, и, когда приближалось къ нему причастіе, преклонялъ колѣни.

И только сзади равнодушные, нетерпѣливые, безвѣрные, холодные автомобили дерзко кричали рожками, пытаясь обогнать процессію. Навстрѣчу имъ вѣтеръ несъ обрывки священнаго гимна, голоса вѣрующихъ дѣтей, женщинъ и стариковъ и звуки мѣднаго хора.

— Lorsque Jésus, près de quitter la terre
Prit en pitié ses enfants malheureux,
L'Eucharistie est le divin mistère
Qu'il inventa pour rester avec eux... *)

Вѣтеръ плескалъ хоругвями. Длинные вуали дѣвочекъ развѣвались надъ толпою узкими бѣлыми дымами.

Процессія обогнула кварталъ и направилась къ морю. Она не пошла къ Казино и большимъ отелямъ. Тамъ было холодно и точно враждебно къ этой тонкой и чистой вѣрѣ. Она не пошла и къ Мэрии, гдѣ не были повѣшены праздничные флаги, гдѣ все показывало равнодушіе государства къ церкви. Она обшла кварталы маленькихъ виллъ, домики рыбаковъ и мелкихъ торговцевъ. Она точно боялась стѣснить и помѣшать автомобилямъ и жалась въ сторону отъ служителей Золотого Тельца.

Ранцевъ и Ферфаксовъ въ православной Россіи видали крестные ходы. Они видали ихъ и въ столицахъ и въ маленькихъ селахъ. Вездѣ въ старой Россіи, какъ бы ни былъ бѣденъ приходъ, крестный ходъ шель, торжествуя. Властно развѣвались хоругви и было сильно и полно вѣры пѣніе грубаго иногда, но всегда смѣлаго хора: — «Богъ Господь и явился намъ»!...

---

*) Тебя хвалимъ, Святое Причастье,
Таинственный образъ Бога Любви.
Будь наша сила, будь наше счастье,
Будь наша помощь въ небесномъ пути.

Слава Царю, Богу Святыхъ Даровъ,
Къ Тебѣ прибѣгаютъ дѣти Твои,
Отъ оскорбленій нечистыхъ Покровъ.
Тебѣ сердце, мольбы и пѣсни мои.

Когда землю покидалъ Христось
Своихъ дѣтей Онъ пожалѣлъ,
Святые Дары Онъ имъ принесъ,
Своимъ присутвіемъ смягчилъ ихъ удѣлъ.

Здѣсь гимнъ звучалъ робкою, смиренною, неувѣренною мольбою. И звуки оркестра не могли укрѣпить его. Шло очень много дѣтей. Правъ былъ Бурдель. Матери не пожалѣли ни денегъ, ни труда — онѣ принарядили ихъ. И думалъ Ранцевъ: — «какая вырастетъ новая Франція?... Оставятъ ли на всю жизнь въ этихъ маленькихъ душахъ волнуемое воспоминаніе развѣвующіяся хоругви, золотое сіяніе звѣзды, мѣрное пѣніе, преклоненіе колѣнъ, сладкая вѣра, что Богъ сошелъ на землю и шествуетъ среди людей — или и ихъ покорить и оторветъ отъ вѣры зычный голосъ автомобильнаго клаксона?... Останется у нихъ воспоминаніе о медленномъ шествіи по городку съ самимъ Богомъ — какъ тихая пристань, куда можно будетъ уходить усталой душой отъ свѣтскихъ бурь — или безвѣрная школа навсегда сотретъ тихую радость испытаннаго когда то сладкаго волненія»?...

За каменной оградой набережной, по песчаному пляжу ходили зеленые бѣлопѣнные валы. Надъ безконечными просторами моря сіяло блѣдно голубое небо. Бѣлыми дымками развѣвались кисейныя вуали дѣвшекъ, и трепетали безчисленные флажки въ рукахъ дѣтей. Надъ пестрою толпою медленно плылъ лиловый въ золотѣ балдахинъ. Богъ шествовалъ вдоль моря. И обрывками — то дѣвичьими голосами, то звуками оркестра, то несмѣлымъ хоромъ мужчинъ, поющихъ въ унисонъ, подъ мѣрный грохотъ барабана: — «тамъ.. тамъ... тамъ...» доносилось:

— *Reste avec nous et bénis nous, Seigneur!**).

XXV.

Ранцевъ и Ферфаксовъ вернулись съ крестнаго хода умиленные и растроганные. Все перечувствованное ими казалось имъ хорошимъ предзнаменованіемъ для завтрашняго дня.

---

*) Господи буди съ нами и насъ благослѣви.

— Вотъ, какъ никакъ мы и помолились передъ путешествіемъ, — сказалъ Ферфаксовъ. — И стало какъ то спокойнѣе и увѣреннѣе на душѣ.

Госпожа Бурдель встрѣтила ихъ встревоженная, какъ бывають всегда встревожены тихіе, простые люди, живущіе покойною, безмятежною, размѣренною жизнью, когда приходятъ телеграммы.

— Господинъ Ранцевъ, вамъ телеграмма.

Ранцевъ взялъ маленькій голубой, плотно заклеенный листочекъ, торопливо распечаталъ его и взглянулъ.

— «Пріѣзжайте немедленно. Ваше присутствіе необходимо. Нордековъ».

Ранцевъ сейчасъ же расчитался съ хозяевами, поблагодарилъ ихъ за гостепріимство, нанялъ автомобиль и помчался съ Ферфаксовымъ въ Сень Назэръ, гдѣ на пароходѣ «Немезида» собрались статисты кинематографическаго общества «Атлантида».

Пароходъ стоялъ на рѣкѣ Луарѣ. На немъ вчера были закончены ремонтныя работы и погрузка имущества и пассажировъ. Все было готово къ отплытію. Ждали пріѣзда капитана Немо. Ранцевъ долженъ былъ на скромной и непримѣтной виллѣ дождаться его и съ нимъ пріѣхать на «Немезиду».

Едва Ранцевъ прошелъ въ свою каюту, къ нему постучали.

Генераль Чекомасовъ и Нордековъ желали видѣть его по весьма важному дѣлу. Они прошли въ каюту съ серьезными, замкнутыми лицами и плотно притворили за собою двери.

— Петръ Сергѣевичъ, — торжественно началъ Нордековъ, — мы къ вамъ по весьма и весьма тревожному вопросу.

Онъ посмотрѣлъ на Чекомасова. Тотъ молчалъ.

— Садитесь... Я васъ слушаю, — сказалъ Ранцевъ и указалъ гостямъ на койку, а самъ сѣлъ на стулъ у иллюминатора каюты.

— Дѣло вотъ въ чемъ, — началъ, волнуясь, Нордековъ. — Пока мы занимались въ Парижѣ... Ну тамъ... Кинематографическое общество «Атлантида» что ли... и прочее... все шло хорошо... Здѣсь моимъ людямъ впер-

вые пришлось встрѣтиться, столкнуться, такъ сказать, познакомиться со всѣмъ составомъ труппы. Мы приняли участіе и въ погрузкѣ, по вашему приказу... Тяжелые ящики... Очень ихъ много... Масса консервовъ... И понимаете, ни одного фотографическаго аппарата... Прибавьте къ этому: — вездѣ тайна... Тутъ интернаціональ какой то... Обезьяно подобный профессоръ нѣмецъ, не подпускающій къ своимъ ящикамъ. Капитанъ — финляндецъ... Тоже въ респектѣ всѣхъ насъ держить... Туда не ходи, этого не тронь... Команда — Бретонцы... Хмурый народъ... Вездѣ рогатки... Часовые... И часовые — нѣмцы... Всѣ какъ бы въ формѣ... Ну съ этого и пошло...

Онъ замолчалъ, тяжело дыша. Ему видимо трудно было все это сказать.

— Что же пошло? — строго спросилъ Ранцевъ.

— Правду то сказать, — вмѣшался въ разговоръ генераль Чекомасовъ, — это началось еще въ Парижѣ. Вы понимаете, какъ ни велика была тайна... но близкимъ, роднымъ сказали... Пошла сплетня... А вы знаете Парижъ эмигрантскій съ его ревностью, завистью и злобою.

— Кинематографическое общество «Атлантида»... Чего же еще надо?

— Такъ, видите ли, Петръ Сергѣевичъ, одинъ изъ нашихъ союзовъ...

— Очень мощный союзъ, имѣющій представителей по всему свѣту, — вставилъ Чекомасовъ, — союзъ профессиональный...

— Имѣющій почти такое же вліяніе, какъ Обще-Воинскій Союзъ, произвелъ черезъ своихъ членовъ по всѣмъ странамъ анкету и опросилъ всѣхъ работниковъ кинематографическаго дѣла.

— И что же?..

— Ну и знаете, что выяснилось?... Ни Морисъ Шевалье, ни Рамонъ Новарро, ни Харри Куперъ, Дугласъ Фербанксъ, Бастеръ Кингтонъ, Шарло Чаплинъ, Иванъ Петровичъ, я не говорю уже про Русскихъ фильмовиковъ — Мозжухина, такъ же никто изъ «старъ», — ни Мери Пикфордъ, ни Глорія Свансонъ, ни Сюзи Вернонъ, Лили Дамита, наши Ольга Чехова, Киса Куприна, ни

нѣмка Хенни Портенъ, словомъ никто изъ людей, близкихъ къ кинематографическому міру ничего никогда не слыхалъ объ «Атлантидѣ» и не велъ съ нею никакихъ переговоровъ. И это привело всѣхъ насъ въ большое смущеніе.

— Какое вамъ-то дѣло, какихъ артистовъ беретъ наше общество? Развѣ мало такихъ фильмъ, гдѣ совсѣмъ и не требуется первыхъ артистовъ?...

— Да, конечно, — вѣско сказала Чекомасовъ. — Но я не знаю фильмы, гдѣ бы были нужны хорошо поддѣланные совѣтскіе паспорта, или цѣлыя библіотеки совѣтскихъ книгъ и изданій? Экранъ такой ужъ точности не требуетъ. Это каждому изъ насъ понятно.

— Значитъ и вы болтали?

Чекомасовъ смутился.

— Я не болталъ, — густо краснѣя, сказалъ онъ, — но я не могъ про это промолчать, когда этотъ вопросъ серьезно обсуждался.

— У васъ было собраніе?... митингъ? — не скрывая своего отвращенія сказалъ Ранцевъ.

— Митингъ, не митингъ... Нѣтъ... Зачѣмъ же такъ говорить!... Но согласитесь?... Насъ нанимали на одно, а везутъ совсѣмъ на другое...

— Но, позвольте, Георгій Димитріевичъ, вы же сами знаете, у насъ уже была сѣмка.

— Какая же это сѣмка?... Курамъ на смѣхъ, Петръ Сергѣевичъ... Отъ меня, изъ цѣлой моей роты статистовъ взяли одного... И кого же!? Фирса Агафошкина!... Возили его въ Лондонъ, таскали по Парижу, возили еще, кажется, въ Италію.. Этотъ болванъ ничего толкомъ и рассказать не могъ. Общество держитъ массу статистовъ, а снимаетъ какія то точно видовыя фильмы и монтажъ ихъ поручаетъ чужому французскому обществу... Это только усугубило подозрѣнія, что дѣло то совсѣмъ не въ сѣмкахъ...

— Хорошо... Допустимъ, что и точно дѣло не въ сѣмкахъ. Васъ нанимали въ кинематографическое общество «Атлантида» для сѣмки опасной фильмы. И вамъ это объявляли... Въ вашихъ контрактахъ даже оговорена пенсія вашимъ семьямъ, если бы съ вами что

либо случилось. Вы шли на это... Добровольно... Васъ никто не понуждалъ...

— Да шли... На съемки... Можетъ быть, съ хищными звѣрями, какъ въ Trader Horne'ѣ... Но на авантюру?...

— Авантюру?... Какая тамъ авантюра!.. Вы видѣли, взяты сами крѣпкіе... Самые вѣрные члены Обще-Воинскаго Союза... Лучшіе офицеры, казаки и солдаты... Военные изъ военныхъ... Бѣлые изъ бѣлыхъ...

— Вѣрно... вѣрно-съ все это... Но вотъ мнѣ, Петръ Сергѣевичъ, задаютъ вопросы.. Ну и я слышалъ тоже про это... А если все это ловушка? Новая работа пресловутаго чекистскаго треста?... А вотъ выйдемъ мы, знаете, въ море, а тамъ насъ нѣмцы и французы — Богъ ихъ знаетъ, что они за люди, моя вторая то полурота, окружаютъ насъ, свяжутъ, посадятъ въ трюмъ и отвезутъ куда угодно... Хотя въ Бѣлое море, на Соловки?... Почему команда не Русская?... А сколько, между прочимъ, у насъ набрано моряковъ! Если капитанъ Немо не довѣряетъ намъ, почему мы должны ему такъ слѣпо вѣрить?...

— Вы мнѣ вѣрите?... Вы же меня не первый день знаете...

— Вамъ, Петръ Сергѣевичъ, да... Вы, офицеръ... Но, развѣ вы не можете быть сами обмануты?... Какъ мы вѣрили Кутепову, а Кутепова увезли же большевики, сумѣли заманить въ ловушку... Кто такое Капитанъ Немо?... Псевдонимъ?... Мы его не знаемъ... Онъ никогда и ни въ какомъ бѣломъ движеніи не участвовалъ. Его никто изъ нашихъ признанныхъ вождей не знаетъ. Мы его даже никогда не видали... По крайней мѣрѣ люди моей полуроты, — съ большимъ волненіемъ сказалъ Нордековъ.

— На дѣло ухлопана уйма денегъ, — спокойно и разсудительно сказалъ Чекомасовъ, — откуда же эти деньги?... Кто поручилъ капитану Немо его работу? Кто ее оплачиваетъ? Изъ какихъ источниковъ питается вся эта громадная организація?.. Вотъ вопросы, которыми насъ, старшихъ, здѣсь засыпали. Мы отлично знаемъ, что на бѣлое дѣло денегъ никогда никто не давалъ, и, значитъ,

если есть деньги, и большія притомъ, — то эти деньги даны на красное дѣло. Это большевицкія деньги, Ранцевъ. Вы не волнуйтесь. Обсудимъ все хладнокровно. Вы отлично знаете, что каждый изъ насъ готовъ отдать свою жизнь за Родину. И я, между прочимъ, занимаясь изготовленіемъ фальшивыхъ паспортовъ и документовъ, считалъ, что это для Родины и объ одномъ только и думалъ, какъ ей послужить.

— Ну, такъ еще разъ, — въ чемъ дѣло?..

— Отъ насъ требуютъ полного довѣрія и подчиненія, что говорится безъ отговорочнаго, а какъ мы можемъ его дать, когда самимъ то намъ ничего не довѣряютъ. Фильмовое общество!.. Прекрасно!.. Но по всему Парижу болтаютъ, что фильмовое общество «Атлантида» — новая продѣлка большевиковъ. Они сильны, Петръ Сергѣевичъ, охъ какъ сильны.

— Знаю это, — съ досадою сказалъ Ранцевъ. — Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.. Кому же вы бы повѣрили, если вы и мнѣ не вѣрите?..

Чекомасовъ и Нордековъ не отвѣтили на вопросъ Ранцева. Въ каютѣ наступило долгое молчаніе. Было слышно, какъ растревоженные дневною бурею волны Луары били и плескали о борта «Немезиды». Чуть скрипѣли канаты въ якорныхъ клюзахъ. Солнце, отражаясь о волны, играло зайчиками по бѣлому свѣже покрашенному потолку каюты. /

Глубокимъ и тихимъ, безконечно печальнымъ голосомъ Ранцевъ сталъ говорить, медленно цѣдя слово за словомъ.

— У насъ былъ Великій Князь Николай Николаевичъ... Рыцарь безъ страха и упрека... Враги признавали чистоту его побужденій. Офицеры его обожали, какъ великаго полководца и настоящаго патріота. Когда на Зарубежномъ Съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о безъотговорочномъ ему подчиненіи — шестью голосами воздержавшихся — это предложеніе было отклонено. Ему... — не повѣрили... Что же, господа, тогда и думать нечего о какой бы то ни было работѣ для спасенія Россіи?..

Ранцевъ замолчалъ. Никто ничего ему не возразилъ. Всѣ трое сидѣли подавленные и грустные.

— Вотъ и выходитъ, — все въ томъ же раздумьи, еще тише продолжалъ Ранцевъ, — безъ Государя мы ничего не можемъ. Безъ Государя мы просто бѣженская пыль... А и тому мы измѣнили.

Въ его голосѣ послышалось рыданіе, но онъ сейчасъ же справился съ собою.

— Слушайте, господа, — твердо и громко сказалъ онъ. — Я приму къ свѣдѣнію все, что вы мнѣ говорили. Призовите вашихъ людей къ спокойствію. Я дамъ имъ возможность завтра же убѣдиться въ ошибочности ихъ подозрѣній.

— Вся бѣда то въ томъ, — сказалъ Нордековъ, — что мы все это время, долгіе годы нашей эмигрантской жизни жили мечтами о прошломъ... Поминками старого быта.. Или думали о будущемъ, рисуя его совсѣмъ другими чертами. А вотъ прикоснулись къ настоящему, первый разъ стали что то дѣлать похожее на дѣло... оглянулись... и испугались.

— О прошломъ думаютъ — дураки, о будущемъ гадаютъ сумасшедшіе. Храбрые идутъ, не оглядываясь, — твердо сказалъ Ранцевъ. — Ступайте съ Богомъ.

Какъ только Чекомасовъ и Нордековъ вышли изъ каюты, Ранцевъ вызвалъ къ себѣ Ферфаксова. Онъ приказалъ ему вернуться на виллу «Les Rossignoles», дожидаться тамъ капитана Немо, рассказать ему, что было и доложить ему, что при такихъ обстоятельствахъ, онъ, Ранцевъ, не считаетъ возможнымъ оставить пароходъ безъ себя.

XXVI.

Капитанъ Немо съ Ферфаксовымъ на своей машинѣ пріѣхалъ въ два часа ночи. Онъ проѣхалъ прежде всего въ лоцію, переговорилъ съ дежурнымъ чиновникомъ, показалъ готовые, выправленные на таможенъ выпускные документы, вызвалъ лоцмана, и въ четвертомъ

часу утра, когда все громадное устье Луары было затянато густымъ туманомъ, на шлюпкѣ подошелъ къ «Немезидѣ».

Дежурный офицеръ шведъ его встрѣтилъ.

— Попросите ко мнѣ капитана Ольсоне, — быстро на ходу сказалъ ему Немо. — Ферфаксовъ, пройдите къ Петру Сергѣевичу, скажите, что я ожидаю его.

Немо спустился въ батарейную палубу, прошелъ къ своей просторной каютѣ, своимъ ключомъ открылъ ее и пустилъ свѣтъ. У двери каюты стоялъ часовой, рослый нѣмецъ, Нордековской второй полуроты.

— Капитана Ольсоне и господина Ранцева сейчасъ же пропустить ко мнѣ. Больше никого не пускать, — по-нѣмецки сказалъ Немо часовому.

— *Zu Befehl, Herr Kapitan*, — послѣдовалъ быстрый отвѣтъ.

Въ каютѣ пахло масляной краской, машиннымъ масломъ и моремъ. Иллюминаторъ былъ открытъ. Легкій предъутренній вѣтерокъ трепалъ голубую занавѣску. При яркомъ свѣтѣ электрическаго фонаря, вдѣланнаго въ потолокъ, стѣны, покрашенныя въ бѣлую краску и ярко начищенныя мѣдныя части блистали свѣжестью и новизной.

Въ двери каюты постучали.

— Кто тамъ?...

— Ранцевъ.

— Войди, Петръ Сергѣевичъ, я жду.

Ранцевъ не ложился. Въ сильномъ волненіи онъ дождался Немо. Онъ зналъ, что въ каютѣ компаніи до полуночи шло собраніе. И было много нездоровой критики и праздныхъ вопросовъ. «Почему нѣтъ вина?... Почему запрещено курить?... Куда и зачѣмъ насъ везутъ»? Настроеніе было приподнятое и безпокойное. Но, какъ Ранцевъ ни допытывалъ Нордекова, онъ ни на кого не могъ указать, чтобы кто мутилъ.

— Такъ, Петръ Сергѣевичъ, само собою выходило. Естественное безпокойство овладѣло людьми. Жребій брошенъ... Ну и стало страшно, подъ вліяніемъ слуховъ и Парижской болтовни, такъ естественной при прощаніи. Какъ никакъ слишкомъ рѣзкая переменна жизни.

Теперь всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Ранцевъ только что обошелъ пароходъ. Всюду была настороженная тишина. Поставленные по его указанію часовые нѣмцы и французы были на мѣстахъ. Внизу глухо и мѣрно стучалъ Дизель, подавая электричество. Ранцевъ слышалъ, какъ причалила шлюпка и ожидалъ приглашенія.

Ранцевъ хотѣлъ начать свой докладъ. Немо остановилъ его.

— Подождемъ Ольсоне.

Лицо Немо было задумчиво и скорбно. Онъ точно постарѣлъ за эту недѣлю на много лѣтъ.

Ольсоне не замедлилъ появиться. По морской привычкѣ онъ спалъ и на якорѣ однимъ глазомъ.

— Капитанъ, у васъ все готово къ отплытію по указанному мною курсу?

— Есть. Все готово.

— Дизеля можете пустить немедленно?

— Есть. Дизеля можно пустить сейчасъ. Машина прогрѣта.

— Выбирайте якоря... Съ Богомъ... Туманъ не помѣшаетъ выйти изъ рѣки?

— Лоцманъ сказалъ: — видимость достаточная. Пойдемъ по теченію самымъ малымъ ходомъ, только чтобы руля слушалась.

— Съ Богомъ, — повторилъ Немо, наклоненіемъ головы отпуская отъ себя капитана.

Онъ вышелъ въ корридоръ за капитаномъ и нѣсколько мгновений прислушивался къ тому, что дѣлается на пароходѣ.

Босыя ноги пробѣжали надъ головой. Будя ночную тишину застучала лебедка, выбирая якорный канатъ. Плеснула волна. Потомъ звонко и чеканно чисто сталь отзванивать машинный телеграфъ на командномъ мостикѣ. «Динь... динь»... Мягко заработалъ винтъ. У Ранцева чуть закружилась голова. Пароходъ поворачивалъ по теченію.

Въ распахнувшуюся отъ вѣтра занавѣску иллюминатора стало видно, какъ медленно поплыли мимо огни фонарей Сенъ Назэрскихъ улицъ и большое, высокое зданіе морской казармы.

Ровно и мѣрно, не нарушая тишины ночи, но сливаясь съ нею, стучала машина, и шелестѣла подѣ килемъ разбуженная рѣчная волна.

— Ну, рассказывай мнѣ все безъ утайки, — сказалъ, входя въ каюту, Немо. Онъ погасилъ электричество и сѣлъ въ глубокое кожаное кресло, жестомъ приглашая Ранцева занять другое, противъ него.

Блѣдный, утренній свѣтъ освѣтилъ его усталое, измученное лицо. Зубы были стиснуты, и какая то новая, незнакомая Ранцеву, жестокая складка легла въ углахъ его рта.

XXVII.

— Хорошо, — сказалъ Немо, когда Ранцевъ кончилъ свой докладъ. — Что же ты мнѣ прикажешь дѣлать?... Арестовать всѣхъ тѣхъ, кто своею болтовнею смущалъ другихъ?... То есть прежде всего начальниковъ... Силы для этого у меня найдутся. Связать ихъ и бросить въ трюмъ?... Сгноить ихъ голодомъ?... Повѣсить ихъ на нокахъ рей?... Привязать къ ихъ ногамъ ядра и въ саванахъ спустить на дно морское?... Что же все это можно... Въ моей власти... Мы скоро выйдемъ изъ территориальныхъ водъ Франціи. На кормѣ виситъ флагъ такого крошечнаго государства, которое протестовать не станетъ. Да и никто ничего не узнаетъ. Ты, Петръ Сергѣевичъ, лучше меня знаешь офицерскую душу. Ты жилъ съ людьми, я жилъ съ наукой... Научи меня... Присовѣтуй мнѣ.

— Ихъ надо понять, — такъ тихо, что Немо едва слышалъ, сказалъ Ранцевъ.

— И... простить, конечно, — съ ѣдкой ироніей кинулъ Немо. — Да, это просто... По христіански... Все понимать и все прощать... и большевиковъ понять и простить...

— Прежде всего, Ричардъ Васильевичъ, тутъ кинематографическое общество «Атлантида».. И ничего другого они не знаютъ...

— Ну что же... Если это коммерческое предпріятіе, съ которымъ они связали себя контрактами, значитъ можно и бунтовать?

— Они е щ е не бунтовали, — твердо сказалъ Ранцевъ.

— Это «еще» великолѣпно, — съ горечью воскликнулъ Немо. — Надо, значитъ, чтобы они меня, тебя убили и только тогда признать наличіе бунта. Я предпочитаю нападать, а не обороняться... Надо гасить волненія и грядущія революціи и бунты въ самомъ ихъ зародышѣ.

— Имъ столько разъ измѣняли... Ихъ столько разъ обманывали...

— Оставь, — съ брезгливой гримасой махнулъ рукой Немо. — Не отъ тебя мнѣ это слышать. Кто имъ измѣнялъ?... Это они измѣняли... Это они слушали профессорскую клевету съ думской трибуны, и считали себя въ правѣ измѣнить присягѣ... Что, — повысилъ голосъ Немо, замѣтивъ, что Ранцевъ хочетъ возразить ему. — Государь имъ измѣнилъ?... Государь обманулъ ихъ?... Государь былъ вѣренъ до самой смерти и Россіи и своему долгу и даже покинувшимъ его и предоставившимъ его своей судьбѣ союзникамъ.

— Государь отрекся отъ Престола и приказалъ всѣмъ намъ служить Временному Правительству. Въ этомъ ихъ оправданіе.

— Однако, слышалъ я, ты этому правительству отказался присягать.

— Я что же?... Я не въ счетъ... Я — Донъ Кихоть.

— Ну, ладно... А Деникинъ, Колчакъ измѣнили?... Какъ стало тяжело — ихъ покинули...

— Не офицеры.

— Нѣтъ... И офицеры... Вся исторія этого нашего сверхъ подлаго времени такъ напоминаетъ мнѣ Смутное Время 1605-1613 годовъ. Такое же шатаніе отъ королевича Владислава къ Лжедмитрію, отъ Лжедмитрія къ Тушинскому вору, отъ него къ Пожарскому, Ляпунову... Такъ и тутъ отъ гетмана Скоропадскаго къ Махно, отъ Махно къ большевикамъ, отъ Деникина къ кубанской радѣ... И сами не знаютъ, чего хотятъ.

— Не офицеры, — еще разъ строго повторилъ Ранцевъ.

— А тутъ не офицеры, — жестко съ упрекомъ сказалъ Немо. — Вотъ, думалъ я, прошло столько лѣтъ нашего несчастья и, кажется, такъ ясно стало видно, что нельзя же ничего такъ таки и не дѣлать и, сложа руки, смотрѣть, какъ гибнетъ Россія... Вотъ, придумалъ я, всѣмъ пожертвовалъ, набралъ лучшихъ людей... Мы еще ничего не сдѣлали, ничего не начали, а уже броженіе и эти такъ знакомые «разговорчики»... Что же мы за люди? Куда мы годимся? Какъ осудить насъ исторія!

— Это потому, — твердо, прямо въ глаза глядя Немо, сказалъ Ранцевъ, — что они совсѣмъ не знаютъ, куда и зачѣмъ ихъ везутъ? Они вѣдь даже и тебя не знаютъ, что ты за человѣкъ?

— Они знаютъ тебя.

— Ну... Кто я!..

— Ты — Ранцевъ... Ты Русскій офицеръ и твоего слова имъ должно быть вполнѣ достаточно... Что же они?... Ужели — трусы?..

— Нѣтъ, они не трусы, — съ силою сказалъ Ранцевъ. — Идти и умирать въ бою — это храбрость, и она у нихъ, у всѣхъ, есть. Но быть, какъ думаютъ они, обманомъ отвезенными въ чрезвычайку и тамъ перебитыми, какъ скотина — это не храбрость, а глупость. Это безславная и гадкая смерть. Вся обстановка нашего похода такова, что похоже на то, что ихъ куда то нарочно везутъ не на войну, а для того, чтобы предать. И я ихъ психологію понимаю.

— И прощаешь.

— Нѣтъ. Не прощаю. Но считаю нужнымъ теперь же открыть имъ глаза, посвятить ихъ во всю ту работу, которая ихъ ожидаетъ, и тогда судить ихъ. Теперь, когда мы на пароходѣ и въ морѣ, предателей бояться не приходится. А если бы таковыя и явились, — мы и сами съ ними справимся. Да ты увидишь, какъ и сами они тогда отнесутся къ предательству. Я повторяю тебѣ: и я и Ферфаксовъ набрали тебѣ такихъ людей, въ храбрости

которыхъ сомнѣваться не приходится... Честные, доблестные Русскіе офицеры...

— И... съ мѣста... «разговорчики»...

— Не забудь, что они пережили... Они пережили революцію. Это не забывается... Если бы это было при Государѣ?

— Однако, почему нибудь у насъ не стало Государя... Онъ не даромъ отрекся... И никто не помѣшалъ его отреченію.

Что могъ на это возразить Ранцевъ? Онъ замолчалъ.

Немо низко опустилъ голову. Вся его фигура, согнувшаяся, точно сложившаяся въ креслѣ, показывала глубокое удрученіе. Онъ тяжело вздохнулъ, провелъ рукою по густымъ, бѣлымъ волосамъ, по лицу, крѣпко зажмурился, точно прогоняя какую то тяжелую, назойливую мысль, поднялъ голову, и, вставъ съ кресла, подошелъ къ письменному столу, устроенному у лѣвой переборки каюты. Онъ взялъ большой блокъ нотъ и сталъ писать на немъ короткія записки, отрывая листокъ за листкомъ.

Всходившее солнце бросило золотой лучъ въ иллюминаторъ и освѣтило его сильную, крѣпкую спину. Ранцевъ сидѣлъ не двигаясь. Въ окна иллюминатора видны были далекіе, низкіе, зеленые берега Луары. Они пронеслись съ большою быстротою. Сильнѣе стучала машина, и корпусъ парохода мѣрно вздрагивалъ. Вода шипѣла подъ килемъ и пѣнными полосами, блистая на солнцѣ, бѣжала къ берегу.

Чуткое ухо Ранцева улавливало пробужденіе пассажировъ парохода «Немезида».

Немо тяжело поднялся со стула. Въ рукѣ у него были написанныя имъ записки.

— Прикажи, — сказалъ онъ, — разнести по адресамъ... Я хотѣлъ... Я считалъ нужнымъ... не разсуждая... По военному... Ну что же... Разговорчики — такъ разговорчики — видно безъ нихъ не обойдешься.. Ступай. Тутъ есть и касающееся до тебя.

XXVIII.

Весь день на пароходѣ шла дѣловая суета. Нордековъ съ ротнымъ каптенармусомъ, взводными командирами, унтеръ-офицерами и вызванными изъ взводовъ приемщиками получалъ въ трюмѣ отъ Дрянскаго винтовки, пулеметы, патроны, аммуницію, бѣлья, тропическія куртки, соломенные легкія широкополыя шляпы, сабли и револьверы для офицеровъ.

При видѣ настоящаго прекраснаго оружія «разговорчики» смолкли. Всѣ стали серьезны. Если даже и правда, что везли ихъ къ большевикамъ, то везли не безоружными.

Получили приказы и Вундерлихъ и Лагерхольмъ и засуетились по своимъ просторнымъ каютамъ, гдѣ у нихъ были лабораторіи и мастерскія.

Ранцевъ, прочитавъ длинную и подробную инструкцію, набросанную ему нервнымъ почеркомъ капитана Немо, собралъ у себя всѣхъ начальниковъ и капитана 1-го ранга Волошина, завѣдывавшаго морской частью и въ продолженіе четырехъ часовъ подробно обсуждалъ съ ними программу дѣйствій.

Съ закатомъ солнца спустили кормовой флагъ того экзотическаго государства, за которымъ числилась «Немезида». На носу, кормѣ и по бортамъ ставили пушки Гочкиса и митральезы. Пароходъ приводился въ боевое положеніе.

Когда стемнѣло, за кормою спустили деревянную стремянку для рабочихъ, провели провода къ электрическимъ переноснымъ фонарямъ, и Дружко, онъ былъ взятъ Ранцевымъ, какъ вѣрный человѣкъ и по художественной части, спустился съ рабочими на стремянку. Они отвинтили названіе парохода «Néméside» и наименование порта, покрасили мѣста буквъ и привинтили заранее заготовленные буквы: «Мститель» и «С.-Петербургъ»...

Работа на пароходѣ шла почти всю ночь. Морскіе

офицеры и гардемарины подъ руководствомъ капитана Волошина прибирали по военному «Мститель».

Немо не выходилъ изъ каюты.

Мертвая зыбь, остатокъ воскресной бури, улеглась. Качка была мѣрная, и страдавшихъ морской болѣзнью было очень мало. Берега Европы скрылись. Нигдѣ не было видно ни маячныхъ, ни судовыхъ огней. Пароходъ шелъ съ большою скоростью и не по курсу главныхъ линий. Поздно ночью въ подзорную трубу были видны огни Финистерскаго маяка — «Мститель» покинулъ Европу. Взятый имъ курсъ успокаивалъ пассажировъ: — это былъ курсъ къ Панамскому каналу, къ островамъ Галапагосъ, а отнюдь не къ совѣтскому союзу республикъ.

Значить, и правда: — кинематографическая съемка. Но... Для чего такое вооружение?... Почему шли съ потушенными огнями и на мостикѣ, кромѣ штурмана неотлучно стояли на вахтѣ два морскихъ офицера: — Русскій и финляндецъ.

За часъ до разсвѣта барабанъ пробилъ повѣстку къ зарѣ. Засвистали боцманскія дудки. Спозаранку поднимали пассажировъ, статистовъ кинематографическаго общества «Атлантида».

Море было гладкое. Зыбь, беспокоившая вчера при дневныхъ работахъ, прекратилась. Въ темнотѣ таинственно свѣтилась фосфоресцирующая волна, шедшая отъ парохода. Мириады звѣздъ, отражаясь въ ровной поверхности океана, смягчали темноту жаркой южной ночи.

Когда люди, вызванные сигналами, выходили на верхнюю палубу, одни по одиночкѣ, Нордековская рота въ строю, блестящая бѣлыми кителями и новенькой скрипящей кожаной амуницией, наступалъ разсвѣтъ. Звѣзды погасали. Море и небо казались бѣлыми. На западѣ, закрывая небосклонъ, стояло громадное, сѣрое, плотное, кучевое облако. Его круглая вершина начинала розовѣть, отражая, гдѣ то далеко, пылающую утреннюю зарю.

Длиннобородый, сѣдой финляндецъ Лагерхольмъ съ помощниками и Ванечкой Метелинымъ устанавлива-

ли передаточный аппаратъ радіо-станціи и провѣряли моторъ. Моряки разошлись по орудіямъ и стали на бакъ и на ютъ. Капитанъ Волошинъ поднялся на командный мостикъ. Амарантовъ вывелъ трубачей, Гласовъ хоръ, и они стали подъ прямымъ угломъ къ правому флангу роты, выстроившейся вдоль борта. У люка, ведущаго въ трюмъ, къ камбузамъ, въ бѣлой одеждѣ и бѣлыхъ поварскихъ колпакахъ торчали съ любопытными лицами Нифонтъ Ивановичъ и Фирсъ.

Наступала какая то отвѣтственная серьезная минута. Безсонная, въ работѣ проведенная ночь, волненіе, пережитое за день, непредѣльность окружающаго ихъ океана, все это создавало духъ поднимающее настроеніе.

Сдержанно раздавалась команда Нордекова:
— Становись!...

Чуть слышно стукнули по надраенной пескомъ палубѣ желѣзные затылки прикладовъ. Люди равняли носки, разставляя ихъ по ширинѣ приклада.

— Р-равняйсь!...

Нордековъ съ праваго фланга, Парчевскій съ лѣваго, провѣряли равеніе. Точно въ давно забытомъ снѣ слышались такъ знакомыя поправки.

— Вѣха, осадите назадъ... Князь Ардаганскій вы всѣмъ завалили правое плечо... Грудь четвертаго человека должны видѣть... Шею на воротникъ... Поднимите голову... Смир-рна!...

И опять «становись», «равняйсь» и «смирно».

Все казалось недостаточно хорошо выравнена рота.

И было такъ, какъ нѣкогда бывало на царскихъ смотрахъ. Что то теплое подкатывало къ сердцу. Тогда съ Царемъ видѣли Россію, теперъ, казалось, съ рождающимся въ океанѣ днемъ — воскресаетъ умершая, потерянная Россія...

XXIX.

На востокъ вдоль океана золотая протянулась полоса.

Въ широкомъ люкъ, ведущемъ въ каютъ компанію и офицерскія каюты показалась стройная высокая фигура Ранцева. Онъ былъ, какъ и всѣ, въ просторномъ бѣломъ кителѣ, подхваченномъ въ талии ремнемъ. На ремнѣ висѣла дорогая сабля. На груди Ранцева скромно бѣлѣлъ Георгіевскій крестъ. На головѣ была надѣта широкополая шляпа съ загнутымъ полемъ: очень молодиль и красиль его этотъ костюмъ.

Нордековъ встрепенулся и торжественнымъ голосомъ командовалъ:

— Р-рота! Шай, на кр-р-рауль!

Въ два счета — «разъ и два» — приподнялись и стали противъ лицъ поднятыя винтовки. Музыканты разобрали трубы. Хоръ Гласова сталъ смирно. Молча, не здороваясь, въ полной, напряженнѣйшей тишинѣ Ранцевъ обошелъ фронтъ роты и медленно съ нарочитою важностью поднялся на капитанскій мостикъ.

Въ ту же минуту ярко, нестерпимымъ блескомъ загорѣлось солнце, краемъ показываясь изъ водъ океана.

Молодой, изъ мичмановъ военнаго времени, вахтенный начальникъ, лейтенантъ Деревинъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, срываясь на длинной командѣ, прокричалъ съ мостика:

— На флагъ, гюйсъ и стеньговые флаги!... На фалы для расцвѣчиванія!...

Матросы разбѣжались по пароходу. И снова стала великолѣпная, несказанно волнующая, рвущая сердце тишина.

Солнце показалось изъ за небосвода и освѣтило весь пароходъ съ неподвижно стоящими на немъ людьми.

Деревинъ командовалъ:

— Флагъ!... гюйсъ!... и флаги поднять!...

Въ тотъ же мигъ оркестръ и хоръ дружно заиграли такъ давно неслышанный Русскій гимнъ. Горнисть на флангѣ, разрывая звуки гимна, проигралъ «открытие огня».

Съ праваго борта ударила пушка Гочкисса. Ей съ лѣваго отвѣтила другая. «Императорскій» салютъ въ 31 выстрѣлъ сталъ перекатываться съ борта на бортъ подъ звуки гимна.

Невольно всѣ скосили глаза къ кормѣ. Тамъ на мѣсто маленькаго «товаро-пассажирскаго» флачка экзотической республики, который развѣвался на Луарѣ, въ городѣ Сенъ Назэрѣ, величественно и красиво разворачивался бѣлый, съ голубыми діагоналями Русскій Андреевскій флагъ. На стеньгахъ гордо раскрылись Русскіе трехцвѣтные флаги, а по стеньгамъ, отъ клотиковъ небольшихъ мачтъ-крановъ, весь пароходъ загорѣлся пестрымъ узоромъ маленькихъ сигнальныхъ флачковъ.

Въ рукахъ у солдатъ Нордековской роты отъ волненія качались ружья. У многихъ слезы текли по щекамъ.

Едва смолкъ салютъ, и послѣдніе звуки гимна, дрожа, пронеслись надъ ставшимъ голубымъ океаномъ, — Ранцевъ громкимъ, воодушевленнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Русскому Государю, который будетъ... Безъ котораго не будетъ Россіи... могучее Русское ура!...

Снова грянулъ оркестръ. Ура покатилося по кораблю. Нифонтъ Ивановичъ сорвалъ съ головы поварской колпакъ и махалъ имъ въ какомъ то дикомъ возбужденіи. Въ этотъ мигъ, всѣмъ этимъ людямъ, — среди нихъ было много отчаявшихся, утратившихъ вѣру въ воскресеніе Россіи — казалось: и точно взошло солнце и родилась съ нимъ Россія.

— Великой Россіи ура!...

И опять гимнъ хора, гимнъ оркестра и громовое, до хрипоты, страшное, восторженное ура.

— Р-рота къ ногѣ!...

Въ казавшейся послѣ крика и музыки особенно внушительной тишинѣ чуть слышно стукнули винтовки.

— Музыканты, барабанщики и горнисты — на молитву!...

Мелодичный сигналъ внесъ успокоеніе въ взволнованныя сердца.

— На молитву!

Ружья склонились къ локтю лѣвой согнутой руки.

— Шапки долой!

Хоръ Гласова мѣрно, молитвенно тихо и умиленно красиво запѣлъ «Отче нашъ». Къ его пѣнію пристала рота. Звуки росли, ширились, и точно молитва лилась и рвалась къ самому небу и не могла быть тамъ не услышанной.

— Музыканты, барабанщики и горнисты — накройтесь!... Музыканты, барабанщики и горнисты — отбой!

Накрылись, взяли винтовки къ ногѣ. Приказано было стать вольно.

Ванечка Метелинъ подошелъ къ радіо пріемнику и ровнымъ, отчетливымъ, чеканнымъ, хорошо обработаннымъ для радіо-передачи голосомъ сталъ говорить:

— Сталинъ!... Ты слышалъ?... Молотовъ и Зиновьевъ, вы слышали?... Ворошиловъ, Буденный, Тухачевскій, Блюхеръ, вы всѣ, красные тираны Русской земли, вы слышали все это?... Русский народъ, всѣ, кто слышали, скажите тѣмъ, кто не слышалъ: — «Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ»... Вы слышали Русский гимнъ, вы слышали настоящую команду, вы слышали молитву православныхъ Русскихъ людей, вы слышали о чемъ думаютъ, чему и какъ они кричатъ ура... Жива Россія!... Не сломить вамъ ее вашими грязными продажными руками... Идетъ мечь... Не сдобровать вамъ!... Русский народъ къ тебѣ идутъ освободители... Терпи — терпѣть осталось немного!... Жди — ждать осталось недолго!...

Было что то таинственное и страшное въ эти мгновенія на палубѣ «Мстителя». Будто вмѣстѣ съ радіо-волнами потянулись далеко на востокъ, гдѣ давно уже наступилъ день какія то незримыя, но явно ощущаемыя нити. Онѣ связали, пока еще тонкими, легко разрываемыми путами этотъ маленькій плавучій городокъ подъ

Русскимъ Андреевскимъ флагомъ съ необъятными просторами великой Россіи, стонущей подъ красными тряпками кроваваго третьяго интернаціонала.

Радио-приемникъ былъ закрытъ.

Мертвая тишина стояла на палубѣ «Мстителя». Въ этой тишинѣ сухо, четко и очень официально прозвучали слова, сказанныя Ранцевымъ:

— Начальникамъ всѣхъ степеней прибыть къ восьми часамъ въ каютъ-компанію. Въ восемнадцать часовъ всѣмъ собраться безъ оружія на верхней палубѣ... Разойтись...

Рота повернулась налѣво и рядами стала спускаться на батареиную палубу. Было слышно только поскрипываніе новыхъ сапогъ, рипѣніе кожаной амуниці, да иногда кто нибудь на порогѣ люка неловко стукнетъ прикладомъ.

Нордековъ шелъ сзади роты. Въ сущности случилось то, о чемъ онъ всѣ эти годы мечталъ. Гдѣ то въ глубинѣ робкій духъ шепталъ лукавыя рѣчи. Значитъ: — и точно — нѣтъ никакого кинематографическаго общества «Атлантида», но они призваны спасти Россію отъ коммунистовъ.

Съ ротою въ триста человѣкъ?...

Не авантюра-ли?...

И было страшно, смутно и жутко на душѣ у Нордекова.

XXX.

Въ каютъ компанію собрались задолго до восьми часовъ. Были хмуры, молчаливы и задумчивы. Всѣмъ такъ хотѣлось курить, говорить, обмѣняться впечатлѣніями утра и всѣ, или молчали, или говорили о пустякахъ. И только всегда бодрый и веселый Парчевскій, стоявшій рядомъ съ Нордековымъ, шепнулъ ему со всѣмъ тихо, такъ чтобы никто не могъ его услышать:

— Признайся: — думаешь, а попали мы таки въ грязную исторіюку?

Нордековъ сердито пожалъ плечами. Парчевскій угадалъ его мысли.

Послѣ не всегда сытой, но всегда спокойной и безответственной жизни за границей, вдругъ сразу, въ это тихое, июньское утро въ Атлантическомъ океанѣ, передъ ними всталъ во всей сложности и опасности вопросъ о борьбѣ за Россію.

Сколько разъ думали объ этомъ, сколько разъ обсуждали этотъ вопросъ въ Парижскихъ мансардахъ подъ раскаленными крышами, въ сизыхъ облакахъ табачнаго дыма, сколько разъ слушали на эту тему красивыя хлесткія рѣчи на собраніяхъ и банкетахъ, но никогда этотъ вопросъ не предполагалъ дѣйствія. Мало кто думалъ, что вотъ именно — это «я», своею шкурою, буду пробивать дорогу въ Россію. И «ура» кричали, и въ вѣрности вождямъ клялись — все съ тѣмъ большимъ пыломъ, чѣмъ дальше были отъ исполненія этихъ клятвъ.

Ихъ триста вооруженныхъ человѣкъ, идущихъ на простомъ пароходѣ, вооруженномъ пушками Гочкисса!

Тремя стами человѣкъ освободить Россію отъ большевиковъ съ ихъ громадной красной арміей, съ ихъ одичалымъ, милитаризованнымъ народомъ, гдѣ даже женщины вооружены на защиту совѣтовъ. Идти бороться съ краснымъ воздушнымъ флотомъ, поставленнымъ нѣмцами, идти бороться въ государство съ непревзойденнымъ шпіонажемъ, сыскомъ и агитаціей, имѣющее въ резервѣ весь міръ, ненавидящій Россію и недопускающій возможности возстановленія въ ней Императорской власти. Идти опредѣленно съ монархическими лозунгами?!

Не сумасшествіе ли это?... Не попали ли они въ руки фанатика, полоумнаго, который только понапрасну погубить ихъ?...

Послѣ душевнаго подъема на разсвѣтѣ, вызваннаго трогательной и красивой церемоніей подъема Русскаго флага, послѣ музыки и слова, сказаннаго въ радіо, наступила въ этихъ истерзанныхъ, измученныхъ, столько разъ обманутыхъ въ ихъ надеждахъ душахъ естественная реакція. Такъ опошленное, но и такъ часто

повторяемое въ эти тринадцать лѣтъ слово — «авантюра» — шло на умъ не одному Нордекову. Подвигъ, къ которому ихъ призывали, казался невыполнимымъ, а потому и бесполезнымъ и ненужнымъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ боялись въ переживаемыхъ чувствахъ признаться самимъ себѣ, боялись, что другой угадаетъ, что творится на душѣ, и потому молчали.

Ровно въ восемь часовъ по корридору, идущему къ каютъ-компаніи раздались быстрые, четкіе шаги, портьера, отдѣлявшая каютъ-компанію отъ прохода широко распахнулась и въ ней появился, какъ въ рамѣ тотъ таинственный человѣкъ, именемъ котораго и волей всѣ они были здѣсь собраны.

Онъ былъ весь въ бѣломъ. Красивый кортикъ на ременномъ поясѣ стягивалъ его станъ. Онъ былъ высокъ, въ мѣру полонъ, строенъ. Смуглое лицо его было сухощаво. Голова покрыта сѣдыми, коротко стриженными волосами. Лицо было гладко брито. Темные глаза горѣли неугасаемымъ пламенемъ точно юношескаго цѣломудрія.

Нордековъ scomандоваль:

— Господа офицеры!...

Человѣкъ въ бѣломъ сдѣлалъ шагъ впередъ и вошелъ въ каютъ-компанію. За нимъ вошелъ, слѣдовавшій за нимъ Ранцевъ.

Капитанъ Немо, чуть нагибая голову, поклонился офицерамъ. Ему отвѣтили низкимъ поклономъ.

Прошло нѣсколько долгихъ мгновений. Капитанъ Немо, молча, смотрѣлъ въ глаза офицерамъ. Казалось, онъ обладалъ способностью читать ихъ мысли. Офицеры стояли неподвижно. Многіе подъ волевымъ взглядомъ Немо потупили глаза.

— Спасти Россію... Это мечта каждаго изъ насъ съ самага перваго дня этой проклятой революціи, — негромко, чеканнымъ и яснымъ голосомъ началъ Немо. И сразу было видно, что этотъ человѣкъ не привыкъ говорить, что онъ не умѣетъ говорить, но знаетъ, что сказать и сумѣетъ это сказать.

— Какъ спасти?... Какими такими силами?... Сила есть только одна: — сила самого Русскаго народа... Мы

знаемъ, что онъ въ разумной и болѣе зрѣлой своей части ненавидитъ большевиковъ и созданный ими анафемскій строй. Молодежь — наоборотъ... Она обманута, развращена... Ничего другого она не видала и не знаетъ... Ей внушили, что раньше, «при царяхъ» еще хуже было. Прошлое оклеветано. Кромѣ того — ужасный сыскъ и терроръ. Люди затравлены... запуганы... Они и рады бы возстать, и не могутъ... Они возмущаются, ихъ возстанія подавляются съ необычайною, садическою что ли? жестокостью. Эта жестокость остается неотомщенной... Прибавьте къ этому, что за ними, работая для нихъ, стоитъ весь, погрязшій въ матеріализмъ и практицизмъ, такъ называемый — культурный міръ. Ему ненавистна христіанская, православная, вѣровавшая въ Бога старая Императорская Россія. Этотъ міръ не дастъ большевикамъ пастъ. И мы должны признать, что насъ ожидаетъ война не только съ большевиками, но и со всѣмъ міромъ...

Этотъ человѣкъ хорошо былъ освѣдомленъ. Онъ зналъ положеніе вещей и, во всякомъ случаѣ, онъ не строилъ себѣ иллюзій.

Легкій вздохъ раздался въ наступившей на мигъ тишинѣ.

— То есть, конечно, это не такъ... не совсѣмъ такъ, — продолжалъ Немо. — Весь міръ, именно, весь міръ ненавидитъ коммунистовъ не меньшею ненавистью, чѣмъ мы. Но во главѣ правительствъ вездѣ стоятъ социалисты, младшіе братья коммунистовъ, и мы присутствуемъ при странномъ и совсѣмъ неестественномъ союзѣ капитала съ коммунизмомъ. Міръ усталъ послѣ войны. Современная Европа — это выпашь, истощенное поле, не могущее ничего родить. Міръ сталъ трусливъ и мягкотѣлъ. Его мечты: — миръ, разоруженія, отсутствіе кошмарнаго призрака войны. Коммунисты застрачиваютъ его своими — жестокостью, наглостью и пуганіемъ войною.

Капитанъ Немо остановился. Было похоже, что онъ потерялъ нить своей мысли. Онъ строго и пытливо обвелъ глазами офицеровъ.

— Надо повести неумолкающую ни на минуту, мощ-

ную пропаганду о вредѣ коммунизма. Надо вездѣ, и за границей и въ Россіи повторять объ этомъ. Слово, пѣніе, музыка, газета, книга, радіо, кинематографъ, театръ, церковная кафедра, — все... все... все должно кричать противъ коммунистовъ... Надо во всей Россіи поднять повсемѣстное возстаніе. Надо возставшимъ дать начальниковъ и руководителей, надо вооружить ихъ... Надо лютою, жидовскою мстостью мстить тѣмъ, кто пойдетъ подавлять это возстаніе... Надо тамъ, въ самой Россіи, создать въ противовѣсъ красной арміи свою Русскую армію. Надо пробудить самосознаніе и духъ смѣлой предприимчивости въ старшемъ поколѣннн, надо открыть глаза молодежи. Вотъ, задача Русской эмиграціи, если она хочетъ быть достойной своего великаго отечества. Вотъ та задача, которую я поставилъ себѣ и вамъ, кого я обманомъ позвалъ идти за собою.

Капитанъ Немо на минуту опустилъ свою голову. Онъ ее сейчасъ и поднялъ и съ большою силою продолжалъ:

— Я часто слышалъ, какъ говорили: — «почему у насъ нѣтъ своего Муссолини?... Почему среди насъ не появится свой Русскій Хитлеръ, который поведетъ насъ къ спасенію Родины?» Я бы уже скорѣе сказалъ: — «почему въ двадцатомъ вѣкѣ невозможно повтореніе семнадцатаго вѣка, и нѣтъ среди насъ ни Мининыхъ ни Пожарскихъ?»... Праздный вопросъ, господа. Минины и Пожарскіе, Муссолини и Хитлеры не могутъ родиться на чужой сухой почвѣ. Они требуютъ родного чернозема. Великій Князь Николай Николаевичъ говорилъ: — «если бы мы могли имѣть хотя одну квадратную версту своей, Русской земли, мы могли бы работать...» Мы этой квадратной версты, гдѣ мы можемъ дѣлать все, что мы хотимъ, до сего времени не имѣли. И потому жестокіе безумцы тѣ, кто упрекаетъ нашихъ «вождей» въ томъ, что они никуда не ведутъ. Надо работать... Надо вести пропаганду... Надо поставить радіо... Кто позволить?... Надо послать на аэропланахъ, — ибо какъ же иначе? — подмогу возстающимъ въ Россіи. Кто позволить купить, кто выпустить, да еще во-

оруженный аэропланъ, направленный въ совѣтскую республику, которой всѣ боятся, которую всѣ подкуплены и передъ которой всѣ заискиваютъ... Безъ свободной базы нельзя ничего дѣлать.

Капитанъ Немо сдѣлалъ длинную паузу. Было слышно, какъ подъ килемъ быстро идущаго парохода шумѣла вода океана и мѣрно стучала машина.

— Я эту базу имѣю. Я васъ везу на эту базу. Оттуда мы можемъ говорить, пѣть и играть такъ, какъ мы это сдѣлали сегодня при подъемѣ флага и все, что мы захотимъ, чтобы слышали въ Россіи или за границей то и будетъ слышно, благодаря прекраснымъ изобрѣтеніямъ, секретомъ коихъ обладаю я. Я одинъ... Тамъ мы можемъ свободно и никого не боясь изготавлять такія средства борьбы, которыхъ никто не знаетъ и съ которыми и васъ, такихъ малочисленныхъ будетъ достаточно, чтобы застращать самыхъ вѣрныхъ, самыхъ преданныхъ слугъ третьяго интернаціонала... Тамъ я смогу безпрепятственно собрать изготавленные для кинематографическаго общества «Атлантида» аэропланы и распорядиться ими такъ, какъ я хочу. Послать ихъ, куда хочу, и съ кѣмъ и чѣмъ хочу...

Нѣсколько минутъ капитанъ Немо молчалъ. Потомъ съ неукротимой волей продолжалъ. Въ его страстномъ голосѣ, рѣзко и четко раздававшемся по каютѣ компаніи былъ такой увѣренный приказъ, что холодъ пробѣжалъ по жиламъ Нордекова и ноги его обмякли.

— Я пошлю ихъ... Полетите туда, въ Россію... вы... Вы, кого я избираю... Кого назначу... Кому прикажу... Кого признаю достойнымъ этого счастливаго жребія... Но вы полетите туда во всеоружіи знанія. Тамъ, гдѣ триста человѣкъ ополчились на войну съ цѣлымъ міромъ, тамъ нельзя воевать винтовками и пушками и дѣйствовать конными атаками. Тамъ: — страшный ядъ... обманъ... Переодѣваніе въ одежды противника. Пользованіе его средствами... Тамъ поднятіе противъ врага населенія и ужасная неслыханная месть предателямъ и тѣмъ, кто пойдетъ усмирять возставшихъ...

Капитанъ Немо еще разъ окинулъ острымъ взглядомъ внимательно слушавшихъ его офицеровъ.

Одни стояли смѣло, съ вызовомъ глядя въ глаза Немо. Ихъ глаза говорили: «пошли меня... Меня, въ первую очередь». Другіе потупились въ смущеніи. Грандіозность плана ихъ подавляла. Новизна пугала. Такъ просто было маршировать и дѣлать ружейные приемы и такъ казалось совсѣмъ не простымъ летѣть въ Россію и тамъ дѣйствовать ядами и обманомъ.

Капитанъ Немо оглянулся на Ранцева. Тотъ стоялъ прямо, на вытяжку, глядя острымъ немигающимъ взглядомъ въ глаза офицеровъ, точно запоминалъ онъ выраженія ихъ лицъ, чтобы въ будущемъ знать, кто чего стоитъ.

— Однако, одной вашей Русской работы мало. Когда поднимется возстаніе въ Россіи, когда Русскіе станутъ одолѣвать коммунистовъ, тогда на защиту ихъ встанетъ весь капиталистическій міръ, и мы должны быть готовы парализовать его работу, запугать его такъ же, какъ запугивали и запугиваютъ его коммунисты. Для этого мною взяты иностранцы, французы и нѣмцы. Эти люди, такъ же, какъ и вы, поняли весь вредъ коммунизма и они такіе же страстные, смѣлые и непоколебимые враги его, какъ и вы.

Стало яснѣе въ головахъ тѣхъ, кто волновался вчера, кого пугала авантюра. Авантюра то оставалась, но какъ то по новому она выглядѣла, и въ этомъ новомъ была надежда на успѣхъ. Когда смотрѣли на Немо — эта надежда обращалась въ вѣру, такъ смѣло и просто смотрѣлъ онъ на всѣ трудности, которыя понималъ и недооцѣнивалъ.

Опять стало тихо въ каютъ-компаніи. Съ палубы доносилось согласное пѣніе — хоръ Гласова спѣвался къ новому концерту для радіо.

XXXI.

— Мнѣ пришлось васъ всѣхъ обмануть... — сказала послѣ долгаго молчанія капитанъ Немо. — Кинематографическое общество «Атлантида»... Зачѣмъ это?... Отчего такое святое, чистое и прямое дѣло, какъ спасеніе Россіи... всего міра отъ коммунистовъ, начинать съ обмана?... А, какъ же, господа, было поступить иначе? Ни средствъ, ни времени, ни людей, ни знаній не хватило бы, чтобы все создавать самому. Нужны заводы, фабрики, нужна вся эта безумная техника современнаго міра, чтобы все приготовить скоро, дешево и хорошо. Готовить для Россіи оружіе, оборудовать совсѣмъ особенную химическую лабораторію, строить радіоаппараты, заказывать части аэроплановъ, наконецъ, собрать цѣлую роту молодыхъ людей и обучать ихъ военному строю, да кто же и гдѣ это позволить? При теперешнемъ то сыскѣ, при теперешней то жаждѣ обо всемъ, мало-мальски пахнущемъ войною, доносить по начальству — мигомъ все отобрали бы, выслали бы, а то и арестовали бы... Но все это — для развлеченія толпы.. Совсѣмъ другое дѣло... Развѣ не замѣтили вы, что кинематографъ, футболь, матчи боксеровъ, все, что собираетъ большія, ревуція отъ восторга толпы, пользуется совсѣмъ особыми правами. Имъ подчинены дипломаты, ихъ слушаютъ парламенты и въ палатѣ депутатовъ къ нимъ особенно внимательны... Сколько вещей, морально совсѣмъ недопустимыхъ, показываютъ въ кинематографѣ, боксерскіе поединки обратились въ гладіаторскія игры, гдѣ часто смерть ожидаетъ одного изъ борющихся. Но это все позволено, ибо — для толпы — этого подлиннаго тирана современнаго міра... Толпа, а она вездѣ, на заводахъ, въ таможняхъ, на верфяхъ, — толпа привѣтствовала мысль какого то анонимнаго общества «Атлантида» поставить нѣчто совсѣмъ изъ ряда вонъ выходящее, нѣчто потрясающее, и она одобрила и покупку парохода, оборудованнаго, какъ крейсеръ и даже его вооруженіе. Для кинематографа!!... А скажи я, что это

нужно, чтобы какая нибудь совѣтская лодка, пронюхавъ о нашемъ путешествіи, не настигла насъ въ дорогѣ, — и сейчасъ же пошли бы запросы въ палатѣ, разговоры объ интервенціи и вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла дружественнаго государства!

— Но неужели никто такъ таки и не догадался и не заподозрилъ? — несмѣло спросилъ Парчевскій.

Капитанъ Немо такъ себя поставилъ, что, казалось, нельзя было ему задавать вопросовъ. И, если бы капитанъ Немо совсѣмъ не отвѣтилъ на вопросъ, никому и въ голову не пришло бы обижаться.

Но капитанъ Немо отвѣтилъ съ полною готовностью и очень любезно.

— Конечно, не только догадывались, но и прямо знали, для чего это дѣлается. Заказать десятки тысячъ ружей и тысячи пулеметовъ... не для кинематографа же это было нужно?... Такъ же какъ и миллионы патроновъ. Знали, и потому на верхахъ, гдѣ отлично понимаютъ весь роковой вредъ коммунистовъ намъ всячески помогали.. Они вѣдь связаны толпою, и они привѣтствовали, что мы замаскировали себя отъ толпы обществомъ «Атлантида».

— Почему вы, господинъ капитанъ, не сказали намъ этого сразу? Какъ намъ все было бы легче. Хотя бы нѣкоторымъ, довѣреннымъ... И безъ того догадывающимся, — сказалъ генераль Чекомасовъ.

— Какъ могъ я сказать объ этомъ въ Парижѣ?... У каждого есть родные, близкіе, знакомые... Наконецъ, въ порядкѣ своей дисциплины, многіе проболтали бы о моей тайнѣ. И она стала бы достояніемъ толпы. Появились бы вездѣсущіе газетные репортеры, и все дѣло было бы сорвано, еще не начавшись. Сколько было тому примѣровъ! Вспомните, какъ мы ни береглись, а какая то анкета была... Кому то, и бѣлому притомъ, было нужно знать, что же это за кинематографическая съемка, о которой въ кинематографическомъ мірѣ какъ разъ и не говорятъ... Вѣрьте мнѣ, господа, пока эмиграція не научится молчать, какъ умѣютъ молчать въ совѣтской республикѣ, иначе поступать нельзя.

Казалось, капитанъ Немо кончилъ. Онъ сдѣлалъ движеніе, опять нѣчто въ родѣ поклона, чтобы уходить, но тутъ осмѣлѣвшій Нордековъ задалъ ему волновавшій его вопросъ.

— Намъ все-таки неясно... Повидимому, вы предполагаете вести войну съ большевиками совсѣмъ особеннымъ образомъ: — пропагандой, газами, аэропланами, словомъ какъ то по новому... Такъ для чего же вамъ понадобилась старая муштровка, повороты, ружейные приемы, маршировка подъ барабанъ, наконецъ, наша однообразная одежда, форма, такъ сказать, эти сабли? — Нордековъ не безъ тщеславнаго удовольствія прикоснулся къ блестящимъ ножнамъ висѣвшей у него на боку сабли.

Немо укоризненно покачалъ головой. Точно говорилъ онъ: — «какъ же вы позабыли, что это азбука военнаго дѣла».

— Муштровка, мундиръ, оружіе, всегда носимое — создаютъ солдата. Когда придемъ на мѣсто, придется и ротныя ученія пройти, и пострѣлять, и стрѣлковому дѣлу поучиться. Вамъ, именно вамъ, придется стать учителями и создателями той Русской арміи, которая должна будетъ замѣнить красную армію. Какъ же вы создадите изъ крестьянина колхозника, изъ рабочаго, изъ Соловецкаго или Нарымскаго узника и ссыльно-поселеннаго доблестнаго солдата Русской арміи, какъ не этими старыми, вѣрными, испытанными и ничѣмъ незамѣненными и незамѣнимыми путями и методами? Одни изъ васъ ихъ основательно позабыли, другіе и вовсе не знали. Мнѣ надо было ихъ вамъ напомнить... Ну и для кинематографа тоже... Толпѣ это понятно, что въ кинематографѣ войска должны быть и молодцовато выправленными и хорошо муштрованными... Теперь когда вы знаете, что васъ ожидаетъ... Я никого не неволю... Силою заставлять кого бы то ни было спасать Россію я не намѣренъ... Могу... но не хочу... Кто изъ васъ не желаетъ, считаетъ, что я его обманулъ?... Тому заявить Петру Сергѣевичу Ранцеву о томъ... Отпустить, вы сами понимаете, такихъ людей до срока я не могу... Слишкомъ много они знаютъ. Тотъ будетъ жить на острову... и сниматься...

для фильмы въ обществѣ «Атлантида»... Согласно съ контрактомъ — въ теченіе года...

Натянутыя улыбки появились на лицахъ офицеровъ.

Капитанъ Немо поклонился и вышелъ въ сопровожденіи Ранцева изъ каютъ-компаніи.

XXXII.

Въ шесть часовъ вечера пассажиры «Мстителя» стали собираться на палубѣ. На ней уже были сдѣланы нѣкоторыя приготовленія для показа чего то. Большая часть палубы на ютѣ была отгорожена шнуркомъ, и за нимъ въ большомъ соломенномъ пароходномъ креслѣ сидѣла, развалиясь, обезьяна. Она была одѣта въ бѣлый тропическій костюмъ, свободно на ней висѣвшій. Ея коричневая голова, покрытая рѣдкими, сбитыми, неприглаженными волосами, похожими на шерсть, ея морщинистое лицо, поросшее клочьями сѣдыхъ и бурыхъ волосъ, носъ, широкими открытыми ноздрями торчащей впередъ, маленькіе, острые, сверлящіе глазки, все это было такое нечеловѣческое, обезьянье, что многіе и точно были далеко не увѣрены, что передъ ними человѣкъ. Два нѣмца изъ четвертаго взвода Нордековской роты были при ней. Въ довершеніе возможности предположенія, что это и точно была обезьяна, тутъ же подлѣ стояли ящики съ морскими свинками и кроликами, будто и впрямь пассажирамъ «Мстителя» собирались показать какой то звѣринецъ. Электрической моторъ, ящики съ склянками, шести на штативахъ были поставлены кругомъ обезьяны.

— Глянь, какой страшный... Что же это за звѣрюга такая?... — безцеремонно показывая на обезьяну пальцемъ, спрашивалъ Фирсъ Агафошкинъ, протискавшійся въ первые ряды.

— Человѣкъ это, али нарочно, такъ для обмана, сдѣлано?

Вопросы и замѣчанія Фирса создавали въ толпѣ

смѣшливое, не серьезное настроеніе. Ожидали какого то, забавнаго, занятнаго представленія и, конечно, никакого отношенія не могущаго имѣть къ такому дѣлу, какъ спасеніе Россіи.

Команды: — «смирно» и «господа офицеры» прекратили шутки и разговоры.

Ранцевъ вышелъ на палубу.

— Господа офицеры, — сказалъ онъ. — Прошу стоять вольно и прослушать мои объясненія.

Онъ подошелъ къ обезьянѣ и поздоровался съ нею.

— Глянь, какая ученая, — прошепталъ Фирсъ. — Лапку даетъ, совсѣмъ, ну — человѣкъ.

— Господа, — сказалъ Ранцевъ, — позвольте вамъ представить нашего сотрудника, знаменитаго химика Карла Леопольдовича Вундерлиха.

— Профессора Вундерлиха, — приподнимаясь съ кресла, — сказала обезьяна.

— Профессора Вундерлиха, — поправился Ранцевъ. — Когда вамъ придется работать въ Россіи, постоянная опасность доведетъ ваши нервы до страшнаго напряженія и вамъ будетъ нужно гдѣ то отдохнуть, собраться съ силами, перевооружиться, приготовить все вамъ нужное въ полной безопасности, зная, что никто вамъ не можетъ помѣшать... Вамъ тамъ надо будетъ имѣть собственную базу...

Обезьяна приподнялась и рукою тронула Ранцева, показывая, что она будетъ сама объяснять.

Ранцевъ отошелъ въ сторону.

— Когда ви биль дѣти, — начала обезьяна, моргая маленькими глазами и хитро поглядывая на окружавшихъ ее пассажировъ «Мстителя». — Когда ви биль маленьки, ви игралъ въ «кошка -мишка». Кошка появилась — миши въ домъ. Большевикъ это кошка... Ви — миши... Большевикъ появился — мишамъ надо спрятаться... Достать нельзя.

Вундерлихъ сказалъ нѣсколько словъ по-нѣмецки солдатамъ и тѣ поставили у бортовъ шести съ зажимами.

Вундерлихъ показалъ на шести.

— Слихаль въ банкахъ, у кассъ пускаютъ такой

лучь... Человѣкъ пошелъ — его убьютъ... Вотъ это тоже мои лучи. Здѣсь пускайтъ, тамъ принимайтъ... Далеко, хоть десять километровъ... Кто идетъ между, тотъ попадаетъ въ лучи... Ви сидитъ въ домъ, за эти шести. Миши идутъ.. Теперь, смотрите, что происхождайтъ.

Онъ досталъ изъ ящика маленькую стеклянную баночку съ бѣлымъ порошкомъ и далъ ее солдату.

Тотъ укрѣпилъ ее на одномъ изъ штативовъ, давая направленіе стрѣлкѣ къ другому штативу, стоявшему у противоположнаго борта. Моторъ сталъ неслышно работать.

— Ви ничего не видитъ. Ничего и нѣтъ. Можете ходить сколько угодно. Пожалуйста ко мнѣ.

Но никто не двигался съ мѣста. Все было такъ таинственно, что казалось страшнымъ.

— Пожалуйста... Пожалуйста, ничего не бойсь. Ничего страшнаго.

Всѣ жались другъ къ другу, никто не трогался съ мѣста.

— Факсъ, иди ко мнѣ, — сказалъ Ранцевъ.

Ферфаксовъ, стоявшій у борта послушно и смѣло, легкой охотничьей походкой прошелъ между шестами къ Ранцеву и обратнo.

— Нишего и нѣтъ, — кривясь въ безобразной усмѣшкѣ, сказалъ Вундерлихъ... — Теперь пускаю. Это смѣхучій.. Кто идетъ — смѣется... Хочетъ, не хочетъ — смѣется.. Дольго... Цѣлій часъ смѣется.. такой смѣхачъ... Идти не можетъ... Поворачивайтъ назадъ... Спазма... Надо докторъ... Н-ню, между прочимъ... блягополюшна... Смѣхъ это здорово... Очень хорошо для пишевареній. Н-ню, кто желайтъ?... Маленькій смѣхачъ.

— Господа, — сказалъ Ранцевъ, желаете попробовать. Ничего опаснаго для здоровья нѣтъ. Это вы будете употреблять, когда пожелаете оградить себя отъ ненужныхъ глазъ и ушей, но не желаете дѣлать зло.

Фирсъ Агафошкинъ стоялъ сбоку и впереди всѣхъ. Въ бѣломъ колпакѣ и поварскомъ фартукѣ онъ глупо ухмылялся, видимо сильно захваченный всѣмъ, что тутъ показывалось.

— Н-ну, — протянулъ онъ. — Ньюжли же такая штука, чтобы смѣяться, ежели я, къ примѣру, плакать хочу?

— Иди, Фирсъ, — подтолкнулъ его Мишель Строговъ, стоявшій рядомъ съ нимъ.

— А что?... Не пойду?... — куражась и выступая впередъ, сказалъ Фирсъ. Онъ чувствовалъ себя предметомъ всеобщаго вниманія и это подмывало его. — Отчего не пойти?... Да я!... Съ Ереминскаго хутора казаки да ничего такого не пугались. Что мнѣ обезьяна сдѣлаетъ?... Подойду и скажу: — «дай мнѣ лапку, какъ генералу подавала»... Что тутъ страшнаго. Одна химія и только.

Прикрывая сгибомъ локтя лицо и точно бросаясь черезъ огонь, Фирсъ Агафошкинъ стремительно побѣжалъ къ Вундерлиху.

Но, едва онъ дошелъ до линіи между штативами, какъ точно какая то невидимая сила откинула его назадъ. Онъ схватился руками за животъ и кинулся обратно въ толпу, сгрудившуюся подлѣ шканцевъ.

— Ха-ха-ха, — вопилъ онъ, корчась отъ смѣха. — Хо-хо-хо... Вотъ умора то!... Ой-ой-ой... — Обезьяна то!... ха-ха-а!...

Это было такъ странно и неожиданно, что кое кто не повѣрилъ. Казалось, что Фирсъ просто дуритъ, представляется... Молодой летчикъ Вѣха пошелъ медленными осторожными шагами черезъ невидимый лучъ. Но едва дошелъ до него, какъ повернулъ обратно. Видно было, какъ онъ всѣми силами старался удержать смѣхъ. Лицо его кривило спазмой, наконецъ, прорвало и —

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха... — присоединилъ онъ свой смѣхъ къ неистовому дикому хохоту Фирса.

Еще два, три человекъ бросились, пытаясь быстро проскочить роковую полосу, но и ихъ невидимая сила отбрасывала и они корчились въ спазмахъ смѣха. Всѣхъ ихъ переловилъ докторъ Пономаревъ и повелъ въ пріемный покой отпаивать и успокаивать. И долго по трапамъ и корридорамъ парохода раздавалось неистовое, истерическое:

— Ха-ха-ха... хи-хи-хи... хо-хо-хо!...

XXXIII.

Ранцевъ остановилъ токъ. Помощникъ Вундерлиха вынулъ склянку. Профессоръ досталъ изъ ящика колбочку съ розовымъ порошкомъ. Ее вставили на мѣсто прежней.

— Теперь, — самодовольно говорилъ Вундерлихъ, — это плакучій. Кто теперь идетъ — плакать будетъ... Горько плакать... Н-ню тоже не опасно для здоровья ничуть... Слезы это тоже иногда ошень карашо... Успокаивайтъ нервы.

Но плакать, повидимому, никому не хотѣлось.

«Волевой» человѣкъ Мишель Строговъ, — ему эти опыты чрезвычайно понравились, въ нихъ онъ увидалъ хорошее средство испытанія воли — вышелъ впередъ.

— Н-ну, — съ сомнѣніемъ въ голосѣ протянулъ онъ и пошелъ твердыми шагами боксера, идущаго на противника черезъ полосу. Было видно, какъ, вступивъ въ промежутокъ между шестами, онъ заставлялъ себя сдѣлать еще шагъ, но потомъ схватился за глаза руками и быстро пошелъ назадъ. Слезы градомъ лились изъ подъ пальцевъ. Непроизвольная спазма рыданій кривила лицо. Онъ уже не въ силахъ былъ дольше держаться и громко зарыдалъ. Докторъ Пономаревъ подхватилъ его подъ руки и бережно повелъ внизъ. Зрители стояли, нахмурившись. Никто не пожелалъ повторять опыта Мишеля Строгова.

Склянку съ розовымъ порошкомъ вынули, самъ Вундерлихъ пошелъ вставлятъ въ штативъ новую скляночку съ сѣрымъ порошкомъ.

Онъ обратился къ Ранцеву:

— Я попросилъ бы васъ поставить офицеръ впередъ, чтобы никто не ходилъ теперь. Это ошень опасный лучъ... Это «капучій»... Теперь, кто идетъ... большевикъ... шмертъ...

Его помощники перенесли кроликовъ и морскихъ свинокъ къ публикѣ. На палубѣ было томительно тихо.

— Знаешь, — прошептала Парчевскій, обращаясь къ Нордекову, — совсѣмъ, какъ въ циркѣ передъ какимъ нибудь опаснымъ салто мортале. И чего не придумалъ человѣкъ? Не даромъ онъ и на человѣка не похожъ...

— Fertig? — спросилъ Вундерлихъ.

— Jawohl, — отвѣтилъ помощникъ, державшій клѣтки.

— Пускайте кроликъ и швиней.

— Не надо... не надо, — раздались голоса. — Вѣримъ и такъ!

Кролики и свинки побѣжали за приманкой. Едва они достигли роковой черты, какъ стали падать и дрыгать лапками въ смертельной конвульси.

Тяжелая тишина стояла на палубѣ. Помощники Вундерлиха выбросили тѣла свинокъ и кроликовъ за бортъ на съѣденіе акуламъ. Всѣ вдругъ заговорили.

— Да... Ну и придумано, — сказалъ Нордековъ. — Дьявольская какая штука.

— А какъ же противъ большевиковъ то! Другого средства нѣтъ!... Травить ихъ, подлецовъ надо, — сказалъ Амарантовъ.

— Это какъ въ крѣпости, за такими лучами.

— Если не вретъ профессоръ, что на десять верстъ идетъ его лучъ такъ лучше всякой крѣпости.

— Изъ пушекъ пали, не долетить.

— Главное, господа, то, что можно поставить въ любомъ мѣстѣ.

— И притомъ совершенно непримѣтно.

— Д-да... Это не авантюра.

— Какая тамъ авантюра!... Самого Сталина смѣять-ся заставимъ.

— А потомъ и плакать...

Возбужденіе становилось сильнѣе. Люди перемѣшались и какъ то не замѣтили, какъ Вундерлихъ съ его аппаратами исчезъ, точно сквозь палубу провалился. На мѣсто его «штучекъ» поставили небольшой радіо-приемникъ и завели моторъ. Хоръ Амарантова и пѣвчіе Глазова приблизились къ нимъ.

Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. «Мститель» несся по спокойному океану. Передъ нимъ спускалось къ морской равнинѣ румяное солнце.

XXXIV.

Высокій сѣдобородый финляндецъ подошелъ къ аппарату и сталъ объяснять его устройство.

— Господа, если кто изъ васъ знакомъ съ аппаратами радіо, тотъ можетъ видѣть, что мой аппаратъ нѣсколько иного устройства, чѣмъ всѣ практикуемые теперь аппараты. Сейчасъ въ Европейской Россіи поздній вечеръ. Во всѣхъ казармахъ, въ лагеряхъ, въ клубахъ красныхъ командировъ, въ избахъ читальняхъ люди собрались подлѣ своихъ и общественныхъ радіо-аппаратовъ, чтобы слушать объявленную программу. Я беру своимъ приборомъ ихъ волну. Я слушаю ихъ, и потомъ я пускаю особую свою волну. Назначеніе ея съѣсть, такъ сказать, ихъ волну, уничтожить ее, не заглушить шумомъ, какъ это дѣлается обыкновенно, но просто парализовать ее. Я не буду объяснять вамъ техническихъ подробностей, какъ это дѣлается. Скажу только, я заставляю ихъ аппараты замолчать, и сейчасъ же пускаю свою волну и она имъ всюду, гдѣ они приготовились слушать свое даетъ наше. Я имъ навязываю въ ихъ же аппараты свою программу. Сегодняшняя наша программа предназначена для красной арміи по преимуществу. У нихъ сегодня... — Лагерхольмъ вынулъ записочку — у нихъ сегодня... въ эти часы... Да.. .Станція «и м е н и К о м и н т е р н а»: — «Комсомольская Правда» — это передача газетнаго номера. «Крестьянскія передачи», — «Музыка танца», станція «Опытный передатчикъ»: — «часъ піонера и школьника», «лекція по физ-культурѣ» и «Русскія пѣсни».. Какъ видите, программа небогатая и какъ далеко ей до европейскихъ программъ. Возьмемъ для начала станцію «имени Коминтерна».

Лагерхольмъ покрутилъ кружки, навелъ, прислушался, навелъ еще, повернулъ аппаратъ, и сейчасъ же ясно и четко, будто тутъ рядомъ кто то говорилъ, раздалось:

— Бюрократизмъ, помноженный на безответственность, сложенный съ нелегкой организаціей аппарата да-етъ вотъ какіе плоды...

— Ну, это очевидно «Комсомольская Правда» передаетъ содержаніе своего номера. Итакъ мы начинаемъ вмѣсто ихъ скучной ,всѣмъ въ зубахъ навязшей чепухи подавать нашу программу. Викторъ Павловичъ, прошу начинать...

Амарантовъ взмахнулъ бѣлой палочкой.

— Разъ, два, три... четыре...

Прекрасный оркестръ заигралъ старинный «Петровский» маршъ.

Какъ только онъ кончилъ, хоръ Гласова, дополняя и освѣщая то, что игралось запѣлъ:

— Знають турки насъ и шведы
И про насъ извѣстенъ свѣтъ...
На сраженья, на побѣды
Насъ всегда самъ царь ведетъ...

Красивымъ переливомъ, понизивъ голоса, пѣвчіе продолжали:

— Съ нами трудъ онъ раздѣляетъ,
Съ нами онъ всегда въ бояхъ,
Счастьемъ всякъ изъ насъ считаетъ —
Умереть въ его глазахъ...

— Кто тамъ въ Россіи слыхалъ когда эту пѣсню, тотъ пусть ее вспомнитъ, кто никогда не слыхалъ, пусть узнаетъ во что вѣрила, чему служила старая Русская армія, — сказалъ Ранцевъ.

Послѣ пѣвчихъ къ аппарату подошелъ Ванечка Метелинъ и своимъ красивымъ, приспособленнымъ для радио голосомъ сталъ говорить:

— Слушайте Русскіе, что вамъ говоритъ Русская Правда: — «Русскій царь Александръ Второй уничто-

жилъ крѣпостное право... Да будетъ имя его благословенно во вѣки!... Инородецъ коммунистъ Сталинъ возстановилъ крѣпостное право. — Да будетъ его имя проклято во вѣки!»

Снова заигралъ оркестръ. Съ рѣдкимъ подъемомъ — музыкантамъ казалось, что они видятъ необъятную Россію, слушающую ихъ черезъ сотни радіо — оркестръ игралъ «увертюру 1812-го года» Чайковского.

Настроение оркестра передавалось и слушателямъ на палубѣ. Всѣ задумались, всѣ притихли... Мысли каждого были тамъ, куда невидимыя волны несли прекрасную музыку, полную патріотическаго порыва и вдохновения.

Программа продолжалась.

— «Братская пѣсня», — провозгласилъ Метелинъ. И съ молитвеннымъ умиленіемъ началъ:

— Вѣйся бѣло-сине-красный,
Братскій Крестный Стягъ...
Всѣ — къ прекрасной цѣли ясной!...
Сгинетъ красный врагъ!...

Ужъ даетъ святыя восторженія
Братскій нашъ посѣвъ!...
Съ братскимъ знаменемъ свободы
Встанетъ Русскій гнѣвъ!

И придетъ на гибель Змію
Русской Правды часъ.
Господи!... Спаси Россію!...
И помилуй насъ!...

Павшимъ — рай!... На бой живые!...
Коммунизмъ умретъ!...
Съ нами Богъ!... Жива Россія!...
За нее впередъ!...*)

Глубоко задумавшись стоялъ Нордековъ. Онъ да-

---

*) Изъ пѣсень и призывовъ Братства Русской Правды.

же не слышалъ, какъ прекрасный баритонъ Гласовскаго хора запѣлъ пѣсню о Кудеярѣ.

«Если все это меня такъ волнуетъ», — думалъ Нордековъ. — «Что же должны испытывать въ Россіи, гдѣ одни никогда не слыхали такого смѣлаго слова, такого открытаго призыва къ борьбѣ и побѣдѣ, другіе, можетъ быть, когда и слыхали, да совсѣмъ позабыли и опустились въ тяжелой повседневной жизни. Господи, спаси Россію и помилуй насъ!

И, если это будетъ каждый день... постоянно будить, сѣять новыя мысли, толкать на борьбу? Отъ слова родится дѣло... И мы ему поможемъ»...

Въ его мысли ворвались громкія и убѣдительныя слова Метелина. Онъ опять стоялъ у аппарата.

— Красноармеецъ!... Зачѣмъ у тебя голова на плечахъ и штыкъ въ рукахъ... Чтобъ помогать держать твою мать Россію въ рабствѣ?... Кому ты долженъ передъ своею совѣстью служить?... Народу?... А?... Народу?!... Народу?! Такъ и служи народу. Избавь его отъ разбойничьяго Антихристова ига... Подымай на штыки комиссаровъ!... Требуй отъ Русскихъ начальниковъ, чтобы вели тебя добывать Русскую власть и Русскую свободу!... Становись подъ Русское знамя!... Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ...*)

— Вотъ это, ваше высокоблагородіе, — сказалъ незамѣтно подошедшій къ Нордекову Нифонтъ Ивановичъ, — и точно утѣшительное слово. Радостно слушать... Нехай тамъ послушаютъ и вникнуть...

Солнце заходило. Оно коснулось краемъ морскихъ просторовъ. Трубачъ протрубилъ повѣстку къ зарѣ. Рота Нордекова стала строиться на повѣрку. Радио концертъ былъ конченъ.

Когда расходились по каютамъ у всѣхъ была одна мысль.

«Да, это для Россіи.... Да, это за Россію... Это не наша прошлая партійная грызня... Это точно настоящее дѣло... Кто намъ тутъ на «Мстительѣ» посмѣетъ помѣшатель дѣлать, что мы хотимъ, что мы признаемъ нуж-

---

*) Изъ призывовъ Братства Русской Правды.

нымъ... А, когда будетъ не палуба парохода, а цѣлые острова Галапагосъ!?!...»

Эти люди послѣ столькихъ лѣтъ эмигрантскаго отчаянія, слабости, упадка духа, первый разъ чувствовали себя сильными, твердыми, способными на дѣло спасенія Родины, стойкими для борьбы. Съ вѣрою и уваженіемъ они думали о томъ, кто все это среди эмигрантскаго хаоса, разсѣянія и безтолочи придумалъ, организовалъ, создалъ и устроилъ и кто скрылся подъ такимъ страннымъ именемъ:

— Капитанъ Немо.

П. Н. Красновъ

ПОДВИГЪ

Романъ

ТОМЪ II

**Издательство
Е. СІЯЛЬСКОЙ**

2, Rue Pierre-le-Grand, PARIS (8°)

1 9 3 2

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОСТРОВА ГАЛАПАГОСЪ.

Галапагосскіе острова — названіе принадлежащаго къ южно-американской республикѣ Эквадору и лежащаго по обѣ стороны экватора между 70° и 74° з. д. (отъ Гринвича) архипелага изъ 11 большихъ и малыхъ острововъ (Islotes) изъ которыхъ Альбермаль (4276 кв. км.) самый большой, занимаютъ вмѣстѣ пространство въ 7643 кв. км. Всѣ они вулканическаго происхожденія и возвышаются до 1500 м. надъ уровнемъ моря...

...Несмотря на то, что эти острова лежатъ въ разстояніи лишь 1000 км. отъ материка, ихъ флора, птицы, рыбы и земноводныя представляютъ по большей части такія особенности въ своемъ устройствѣ, какихъ вовсе не встрѣчается на материкѣ...

...Они долго назывались заколдованными (escantados) островами, потому что при господствующемъ тамъ быстромъ теченіи и безвѣтріи до нихъ трудно добраться и не менѣе трудно удалиться отъ нихъ...

«Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона».

I.

Подъ вечеръ на горизонтѣ показался берегъ. Дулъ порывистый, рѣзкій, знойный вѣтеръ. Онъ несъ съ собою дыханіе земли. Пахло пряными травами и цвѣтами. Сильно качало.

Острый и высокій носъ парохода вдругъ поднимался и заслонялъ собою далекую, мутную линію берега, опѣненнаго сильнымъ прибоемъ, и тогда не было видно океана, но передъ глазами зловѣще горѣло красными огнями закатное небо. Лиловыя густыя облака тѣснились подъ небосводомъ. Потомъ вдругъ съ грохотомъ и плескомъ пароходъ обрушивался въ волны, зарывался въ нихъ, обдавая пѣною и брызгами немногихъ пассажировъ, стоявшихъ на бакѣ и тогда передъ глазами были безконечные ряды волнъ, несущихся въ непрерывной чередѣ навстрѣчу пароходу. Бѣлые гребни вспыхивали и погасали въ утомительномъ одчобразіи.

На бакѣ подлѣ лейтенанта Деревина собралось нѣсколько человекъ. Къ нимъ подошелъ мучимый морской болѣзнію Нордековъ и прислушался къ тому, что рассказывалъ молодой лейтенантъ .

Деревинъ съ апломбомъ настоящаго морского волка, бывалаго моряка, показывалъ пальцемъ вдаль и объяснялъ, что и гдѣ находится.

— Это, господа, передъ нами группа большихъ Антильскихъ острововъ направо, а тамъ къ лѣвому борту чуть намѣчаются малые Антильскіе острова. Вотъ это должно быть Санъ Доминго, тамъ Порто Рико. Мы направляемся, держимъ курсъ, — поправился онъ — на проливъ Мона.

— Вы развѣ тутъ когда бывали? — спросилъ Нордековъ.

Деревину не хотѣлось признаться, что это первое его настоящее плаваніе. Онъ скосилъ глаза на полковника, сдѣлалъ видъ, что не слышалъ вопроса и продолжалъ рассказывать то, что сообразилъ, стоя на вахтѣ и глядя на карту, гдѣ былъ проложенъ ихъ путь.

— Я полагаю, мы ночью пройдемъ проливъ... Вотъ качать то будетъ! — Сашка держись — начинается! — кое кто основательно рыбокъ покормить... Завтра за день пересѣчемъ Антильское море и къ ночи подойдемъ къ Панамскому каналу. Вотъ я не знаю, какъ проходить то его будемъ, сейчасъ же ночью, или днемъ. Жуткое, знаете, мѣсто. Я бы того... Пушки то къ чортовой матери... Въ океанъ... Придаться могутъ... Вмѣ-

сто родимаго то нашего Андреевскаго флага опять какойнибудь Вампукистый вывѣсилъ, чтобы и не разобрать, что за нація... А то — таможни... Досмотръ... То да се... Америка... Сами понимаете, шутки босы съ этимъ народомъ...

— У насъ сухой режимъ, — пробасилъ Амарантовъ. — Чего ей больше надо. Рюмки коньяку нигдѣ не найдешь...

— Ну, а нащупаютъ аэропланы... Вонъ у полковника винтовки совсѣмъ открыто въ пирамидахъ стоять... Что хорошаго? Еще хорошо, что волна. Никого не видно. Рыбачьихъ лодокъ и тѣхъ нѣтъ... А то тутъ, въ Антильскомъ морѣ, застукаютъ и никуда не подашься. Подводная какаянибудь этакая лодка.

— А да ну васъ, — недовольно сказалъ Нордековъ. — Что вы каркаете. Тошно и безъ васъ.

Онъ отошелъ отъ группы и спустился въ каюту. Тамъ на койкѣ лежалъ его соплаватель Парчевскій. Несмотря на жару онъ укуталъ полотенцемъ голову и закрылся одѣяломъ. При входѣ Нордекова онъ повернулся къ нему и болѣзненно застоналъ.

— Что это, Георгій Димитріевичъ, — капризно проговорилъ онъ. — Когда же все это кончится? Не могу я больше. Всѣ мои внутренности наизнанку выворотило. Я не нанимался плавать по морямъ..

— Вы думаете, мнѣ то легче, — укладываясь на койку, проворчалъ Нордековъ.

— Хоть бы малюсенькую этакую рюмашечку коньяку.. Я у доктора нашего просилъ. Принесъ валерьяновыхъ капель, а отъ нихъ еще хуже мутить. Говорить, что коньяку нѣтъ... Вретъ, поди. Не можетъ того быть, чтобы у доктора, да коньяку не нашлось. Вѣдь умирающимъ даютъ... Правда, Георгій Димитріевичъ? А я почти что умирающій...

— Тутъ, Евгений Ивановичъ, другое меня мучаетъ. Мы и точно идемъ на острова Галапагосъ. Не для съемокъ же?.. Скажите мнѣ, что же все это значить? Вооружены до зубовъ. Всю Совдепію своими Вундерлиховыми газами задушить можемъ, а премъ на острова Галапагосъ... И вѣдь это не тайна. Объ островахъ то этихъ

основательно кричали въ Парижѣ. Это не какіе нибудь тамъ совсѣмъ необитаемые острова. Тамъ, я читалъ какъ то въ газетахъ, уже поселился какой то нѣмецъ... Поди и радіо найдется. Разгружаться то станемъ... Все и станетъ ясно, что мы за публика... Интервенты... Острова принадлежатъ республикѣ Эквадоръ. Вы не знаете, кстати, что республика то эта признала совѣты, или нѣтъ? А если, знаете, признала, да тамъ уже и полпредство есть... Вотъ вы и подумайте, милый, чѣмъ все это можетъ окончиться.

— Думать, Георгій Димитріевичъ, никакъ не могу. То мѣсто, которымъ думаютъ, перемѣстилось у меня на другое совсѣмъ мѣсто. Плохо мнѣ.

— А я, какъ стану думать и качку позабуду и такъ мнѣ станетъ неспокойно. А что ежели да онъ просто сумасшедшій?... Вотъ вѣдь забавная исторійка то выйдетъ!...

Нордековъ поднялся съ койки.

— Вы куда же?

— Томить меня. Не могу я такъ пребывать въ неизвѣстности. Я и качку не чую. Пойду посмотрю, какъ и куда несетъ насъ эта страшная сила.

На палубѣ было пусто. Тропическая ночь наступила. Шли съ погашенными огнями. Ни на клотикахъ, ни бортовыхъ фонарей зажжено не было. Флаги были убраны. Пароходъ несея, пѣня волны и колыхаясь на нихъ. Вдоль борта, ловко соразмѣряя свои шаги съ качкой, прямой и стройный ходилъ взадъ и впередъ Ранцевъ. Его увѣренный видъ немного успокоилъ Нордекова. Онъ хотѣлъ было подойти къ нему и заговорить, но побоялся.

Нордековъ постоялъ у борта. Зловѣщая, нелюдиная ночь была кругомъ. Тучи закрыли полъ неба. Не было видно звѣздъ, и только блистала, сверкала, сполохомъ играла и вспыхивала за Антильскими Островами синяя пламенная зарница. Она, отражаясь въ кипѣнни волнъ, серебромъ зажигала пѣну. Міръ казался страшнымъ.

Нордекову, какъ часто эти дни, пришла въ голову навязчивая мысль, «что какъ ничего этого и нѣтъ...

Есть только сонъ... Небытіе... зловѣщіе призраки... Непонятная и неуютная жизнь... Господи, неужели, авантюра?... Обманъ честныхъ и простодушныхъ Русскихъ офицеровъ!...

II.

Передъ разсвѣтомъ Нордековъ вышелъ на бакъ. Тамъ уже были Мишель Строговъ, Фирсъ Агафошкинъ и князь Ардаганскій. Михако, вооружившись биноклемъ, смотрѣлъ вдаль.

Качка продолжалась. Нордековъ изъ за нея и своихъ тяжелыхъ навязчивыхъ мыслей не спалъ всю ночь и теперь чувствовалъ себя совсѣмъ скверно. Въ мозгахъ и у него, какъ у Парчевскаго, что то передвинулось и онъ ничего не могъ толкомъ сообразить.

Михако и Строговъ спорили о томъ, могли за ночь пройти Антильское море и Панамскій каналъ или нѣтъ.

— Ну что вы, князь, — сказалъ Нордековъ. — Какъ бы мы скоро ни шли, дай Богъ къ разсвѣту подойти ко входу въ каналъ. А тамъ неизбѣжныя формальности... Да по каналу, слыхалъ я, ходятъ такъ тихо, что почти сутки надо потратить на его прохожденіе.

— Но тогда, господинъ полковникъ, что же это такое? Я тамъ, съ нашего праваго борта вижу въ бинокль сплошной берегъ. Какой же это можетъ быть берегъ, какъ не Американскій? И смотрите, какъ восходитъ солнце. Не сзади, а съ лѣваго борта. Мы идемъ на югъ.

— Вѣрно... Послушайте, князь. Я ничего толкомъ сообразить не могу. Это отъ качки вѣроятно. Если мы прошли каналъ и повернули на югъ вдоль Американскаго берега, это Колумбія. Она должна быть у насъ съ лѣвой стороны... Такъ... А вы говорите, что берегъ виденъ съ праваго борта. Да берегъ ли это?

— Берегъ... А то что же?

— А чортъ его знаетъ что. Впрочемъ, послушайте... Мы идемъ по вашему вдоль берега на югъ. Солн-

це, значить, должно восходить изъ за Америки. Америка должна быть на востокъ отъ насъ... А между тѣмъ солнце восходитъ... Восходитъ... Гдѣ?... Въ океанѣ.

Къ нимъ подошелъ Нифонтъ Ивановичъ и прислушался къ ихъ спору.

— Постой, — сказала съ самоувѣренно глупымъ видомъ Мишель Строговъ, трогая отца за рукавъ. — Что ты говоришь, Америка на востокѣ... Америка... Какъ же это можетъ бытъ... Америка всегда на западѣ.

Это разсужденіе точно ошеломило полковника.

— Какъ на западѣ?...

— Конечно, на западѣ, — подтвердилъ и князь Ардаганскій. — Японія и Дальній востокъ на востокѣ. Вѣдь тогда по вашему выходитъ, что Японія и Дальній Востокъ на западѣ. Страна Восходящаго солнца... А солнце всегда восходитъ на востокѣ. Какъ же востокъ можетъ быть на западѣ...

Полковника серьезно укачивало. Было мгновеніе, когда явилась потребность подойти быстро къ борту, но онъ удержался, и отъ этого еще хуже стала работать голова.

— Вы, Михако, говорите какую то ерунду. Какъ востокъ на западѣ?

— Это вы такъ сказали, господинъ полковникъ.

— Да, это сказалъ я. Не отрицаю. Принимая шарообразность земли, если ѣхать на западъ — пріѣдешь на востокъ.

— Ну что ты, — съ прежнимъ апломбомъ все знающаго человѣка сказалъ Мишель. — Колумбъ ѣхалъ все на западъ и пріѣхалъ въ Америку.

— Да, конечно, въ Америку. Онъ и открылъ Америку, — подтвердилъ князь Ардаганскій.

Полковникъ начиналъ раздражаться.

— Это все потому, князь, — сказалъ онъ, — что вы учились въ иностранной школѣ... Васъ не основательно учили... Если мы, такъ сказать, проткнули Америку, пройдя каналъ, мы оставили ее сзади себя и она очутилась на востокѣ.

— Опять Америка на востокѣ, — съ досадою на

отца сказалъ Мишель. — Этого никогда не можетъ быть.

Полковника такъ качнуло, что онъ едва сдержался. Надо было бѣжать въ каюту, но ноги стали какъ изъ ваты... Голова мутилась. Эта новая молодежь хоть кого могла довести до морской болѣзни.

— Дозвольте, ваше вышкородіе, я васъ примирю, — довѣрительно сказалъ Фирсъ Агафошкинъ. — Я такъ полагаю, что это все происходитъ отъ качки. Вчора лейтенантъ Деревинъ очень даже явственно объяснялъ. Отъ качки происходитъ девиация компаса и отъ того не разберешь, гдѣ какая сторона.

— Молчи, обормоть, — вмѣшался Нифонтъ Ивановичъ. — Что ты можешь понимать, когда образованные люди въ толкъ не возьмутъ, что происходитъ. Солнышко, ваше высокоблагородіе, точно изъ за моря восходитъ, какъ и вчора, какъ и третьева дня, какъ и всегда. Потому такъ ему отъ Господа положоно. И солнышко всегда изъ воды восходитъ, потому такъ Господь сотворилъ, чтобы ему омыться можно было.

— А да ну васъ, — съ досадою крикнулъ полковникъ и, прижимая платокъ ко рту, побѣжалъ къ борту. Постоявъ надъ волнами, онъ съ сине-зеленымъ лицомъ, шатаясь и хватаясь за что попало, — ноги его совсѣмъ не держали — прошелъ къ люку и сталъ спускаться въ каюту.

Онъ легъ на койку и съ головою укутался въ одѣяло. Голова, ставшая было ледяной, начала согрѣваться и соображеніе возвратилось къ нему.

«Конечно, «Мститель», не доходя Панамскаго канала, повернулъ на югъ. Почему?... Потому ли, что опять обманъ, или съ такимъ контръ-революціоннымъ грузомъ не рискнули идти черезъ каналъ? Можетъ быть и по радио передали, чтобы не совались туда... Значить, идемъ кругомъ Америки. Значить... Все таки?... Острова Галапагосъ?... Какъ все это глупо выходитъ.

Нордековъ подѣлился своими мыслями съ Парчевскимъ, но тотъ отнесся ко всему этому холодно.

— Идемъ къ Фалккландскимъ островамъ, будемъ огибать мысъ Горнъ. Тутъ, дорогой, грустно одно, что

значить, намъ безъ конца предстоитъ болтыхаться по этимъ проклятымъ морямъ.

Неожиданная перемена курса была замечена и другими пассажирами «Мстителя», и снова начались «разговорчики».

Капитанъ Волошинъ сказалъ, что «Мститель» тщательно избѣгалъ курса «большихъ» линий, по которому идутъ пароходы изъ Европы въ порты Южной Америки: — Паранаибо, Пару, Пернамбуко, Бахию и Рио де Жанейро. Онъ взялъ курсъ какъ будто къ острову святаго Павла и направлялся въ таинственную и самую глубокую часть Атлантическаго океана, въ такъ называемый «ровъ Романша», гдѣ морская карта показывала глубину до 7370 метровъ, гдѣ рѣдкіе въ этихъ частяхъ океана мореплаватели отмѣтили частыя землетрясенія и появленіе и исчезновеніе скалъ и острововъ. «Мститель» срѣзалъ на своемъ таинственномъ курсѣ Саргассово море, гдѣ плаваніе почиталось опаснымъ, шелъ навстрѣчу невѣдомымъ морскимъ теченіямъ, тамъ, гдѣ годами не бываетъ ни одного парохода, ни одного паруснаго судна, гдѣ точно пустыня залегла въ океанѣ.

Французы матросы болтали о морскихъ змѣяхъ въ нѣсколько сотъ метровъ длиною, обь ундинахъ, наполовину женщинахъ, наполовину рыбахъ. Говорили обь особыхъ водоросляхъ запутывающихъ пароходные винты до такой степени, что они ломаются. Рассказывали и старую легенду о «Летучемъ Голландцѣ», о кораблѣ, непремѣнно парусномъ, идущемъ наперерѣзъ курса, безъ людей и капитана... Боялись встрѣчи съ нимъ. Она всегда предвѣщала несчастіе.

Жара, качка, неизвѣстность, куда же, наконецъ, идутъ, все это усиливало нервность пассажировъ. Хоръ не пѣлъ. Музыка не играла, и по каютамъ и въ помѣщеніи команды тихо шептались и передавали слухи и свои наблюденія за отстоянныя вахты.

«Мститель» шелъ неровно. По ночамъ онъ часто стоялъ. Машина не работала. Онъ мѣнялъ курсъ. Точно онъ искалъ что то, или ожидалъ кого то.

Въ каютъ компаніи состоялось собраніе старшихъ инновъ. Подъ давленіемъ младшихъ, въ виду ихъ нерв-

ности, было вынесено постановление выразить недовѣріе капитану Немо, отправить для этого къ нему депутацію и потребовать объясненій.

Ранцевъ доложилъ о происшедшемъ капитану Немо.

— Скажи имъ, — твердо, раздѣльно произнося каждое слово, сказалъ Немо, — пусть явятся ко мнѣ. Я надѣну на нихъ кандалы и прикажу гирляндой повѣсить на нокахъ рей. Или мы офицеры и идемъ уничтожать коммунистовъ, или мы глупыя, нервныя бабы... У насъ нѣтъ больше кинематографическаго общества, это всѣ теперь знаютъ, но есть отрядъ людей, готовыхъ все, до самой жизни, отдать за Родину. Я требую отъ нихъ дисциплины, повиновенія и бодрости... Бодрости, этого высшаго качества офицера... Понялъ?...

Ранцевъ передалъ слова капитана Немо старшимъ. Тѣ промолчали и смирились.

Въ эту ночь усиленно работало радіо. Оно подавало сигналы бѣдствія: S.O.S. Радіо взывало о помощи. Оно говорило, что пароходъ «Немезида», вышедшій 9-го іюня изъ порта Санъ Назэръ съ артистами кинематографическаго общества «Атлантида» получилъ въ открытомъ морѣ по неизвѣстнымъ причинамъ пробоину и тонетъ. Радіо указывало координаты къ востоку отъ острова Санъ Доминго, тамъ, гдѣ «Мститель» былъ пять дней тому назадъ.

И это стало извѣстно въ каютъ компаніи. Но теперь всѣ мрачно молчали. «Значитъ такъ надо. Значитъ, спасать Россію надо было людьми, которыхъ всѣ считаютъ погибшими... Людьми — «отпѣтыми»... Можетъ быть это и правильно»...

Но мучительною болью сжимались сердца за родныхъ, за женъ и дѣтей. Особенно — за женъ. При тяжелой и полной всякихъ соблазновъ Парижской жизни, что, если жены то за это время повыйдутъ замужъ, на самомъ законномъ основаніи считая себя вдовами?

По просьбѣ Ферфаксова Ранцевъ доложилъ все это капитану Немо. Тотъ глубоко задумался. Что то размягченное и нѣжное появилось въ его обыкновенно суровыхъ и строгихъ глазахъ. Какъ удивился бы Ранцевъ,

если бы онъ могъ понять и постигнуть, чей образъ вдругъ всталъ въ памяти его начальника и друга.

— Такъ скоро замужъ не выйдутъ, — задумчиво сказалъ Немо. — Передай, чтобы не беспокоились и не волновались... При первомъ же случаѣ, а онъ будетъ очень скоро, — я дамъ знать всѣмъ семьямъ, что ихъ главы живы и здоровы. Это, конечно, рискъ... Но что же дѣлать.

Онъ помолчалъ. Потомъ, горько усмѣхнувшись, добавилъ:

— Мы идемъ спасать Россію... Теперь всѣ это знаютъ... Сомнѣній быть не можетъ... Мы клялись все ей отдать... Такъ неужели же ей не отдадимъ женъ нашихъ и дѣтей?... Какъ ты отдалъ... свою дочь... Россія требуетъ жертвъ... Посмотри, что дѣлается тамъ... Какой тамъ ужасъ... Родителей отрываютъ отъ дѣтей, мужей отъ женъ и отправляютъ въ голодную, кошмарную ссылку... Мы идемъ прекратить это. Такъ пожертвуемъ же спокойствіемъ нашихъ близкихъ. Ужели недостойна Россія этой жертвы?... И пусть догадаются и поймутъ... Это же нужно... Особенно въ виду «разговорчиковъ» нужно...

И еще прошла мучительная, полная скрытыхъ волненій недѣля. Море успокоилось. И съ его успокоеніемъ, казалось, успокаивались и нервы у пассажировъ «Мстителя». Вѣтеръ стихъ. Полный штиль сталъ надъ моремъ. Океанъ былъ, какъ голубое масло.

III.

Утро было несказанно прекрасное. И, какъ это бываетъ подъ тропиками, оно народилось вдругъ, безъ призрачныхъ сумерекъ, безъ блѣднаго и больного разсвѣта. Сразу въ темноту ворвались свѣтлые, еще далекіе, заокеанскіе лучи, розовой пеленой подернулась водная равнина, и — вотъ оно — въ золотой порфирѣ, слѣпя горячими лучами, несло въ небесную твердь

румяное, точно заспавшаяся на горячей пуховой подушкѣ полная красавица, солнце! Ослѣпительно заблесталъ недвижный, ни однимъ дуновеніемъ вѣтерка непоколебленный океанъ.

«Мститель» бѣжалъ ровнымъ увѣреннымъ бѣгомъ. Въ обѣ стороны отъ киля съ тихимъ шипѣніемъ расходились серебряныя полосы, становились все шире и ниже, отливали перламутромъ и исчезали подъ самымъ небосводомъ. Съ высокаго борта были видны громадныя, толстыя, шарообразныя медузы. Изъ подъ ихъ полупрозрачныхъ шапокъ свисали не то щупальцы, не то листья и тихо колебались, то ли отъ движенія водныхъ струй, то ли потому, что онѣ были живыя. Ихъ тѣла горѣли опаловыми, загадочными огнями. Въ сонной водѣ, озаряемой косыми солнечными лучами играли стайки голубыхъ стройныхъ рыбокъ.

— Макрель, — сказалъ Нифонтъ Ивановичъ. Онъ только что заварилъ на всю команду чай и вылѣзъ изъ своего горячаго камбуза вздохнуть на вольномъ воздухѣ и полюбоваться Божьимъ міромъ. — Ежели бы, скажемъ, сѣтъ забросить, ба-альшой уловъ получить можно. Только рыба здѣсь, позволительно сказать — дрянъ... Никакого съ ей проку нѣтъ.

На палубу поднимались пассажиры. Послѣ качки все не могли оправиться, да и тропическая жара размаривала.

Полковникъ Парчевскій вышелъ въ легкой пестрой пижамѣ и въ широкой соломенной шляпѣ.

Чуть слышно, мѣрно и ровно, работали нефтяные Дизеля. Пароходъ точно дышалъ, подаваясь впередъ.

Въ ясномъ небѣ видно было далеко. Голубой сводъ безъ облака, синее море безъ морщинки и горитъ, горитъ, не желая погаснуть, золотая полоса на востокѣ. Океанъ жадно отражалъ солнечный блескъ.

Къ старому Агафошкину подходили пассажиры. Пришелъ и Нордековъ, хмурый, съ помятымъ желтымъ лицомъ. На протянутыя ему для здорованія руки недовольно покосился.

—Извиняюсь, господа, еще не умывался.

— Ваше высокоблагородіе, — довѣрительно, какъ

къ своему, съ одной виллы «Les Coccinelles» пришедшему сюда, будто своему однохуторцу обратился къ нему Нифонтъ Ивановичъ. — И чего въ толкъ не возьму. У насъ, скажемъ, Донъ и Азовское море. Ну — рыбы — несосвѣтима сила. Осетры... Бывало Императору въ презентъ готовимъ, Гниловская станица займется, постарается, ей Богу — въ сажень! Мясо тебѣ плотное, хоть ножомъ его рѣжь, опять же судакъ. Самъ цвѣтной, полосатый, а мясо тебѣ бѣлое и ну вкусное же... Или красноперые чекомасы. Вкусъ у нихъ... Особливо ежели въ маслѣ или въ сметанѣ прожарить... Тутъ развѣ рыба?... Не поймешь ничего... Она и свѣжая вохнетъ. Чуть заглядѣлся — и расползлась. Жевать станешь, ну чистая резина. А уже казалось бы такія моря, что тутъ то бы осетрамъ раздолье. Или, можетъ, на днѣ сидятъ?.. Они на днѣ то больно любятъ... Въ иль заротся и не поймешь, корчага, али осетерь.

Нифонтъ Ивановичъ, прикрывъ глаза, оглядѣлъ небосводъ. Онъ остановилъ взоръ, вдаль устремленный и примолкъ.

— Корабль, — тихо, какъ бы про себя, сказалъ онъ.

Всѣ посмотрѣли туда, куда показывалъ старикъ, но никто ничего не увидалъ.

— А можетъ такъ попричтилось.

— А что вы видите?

— Да быдто темная какая точка... Да оно такъ и есть.

Князь Ардаганскій побѣжалъ внизъ за биноклемъ.

На корабельномъ курсѣ появилась и быстро выростала какая то точка.

— Точно средневѣковый замокъ въ развалинахъ. На Рейнѣ такіе я видалъ, — вздыхая сказалъ Деревинъ. — Но только это не можетъ быть островъ. На картѣ, — я на вахтѣ сейчасъ стоялъ, — ничего нѣтъ на нашемъ курсѣ.

— Однако сами видите — островъ, — сердито сказалъ Мишель Строговъ. — На картѣ мало ли чего не показано. Все наше путешествіе ни на какой картѣ показано не можетъ быть... Тайна... Ну и островъ таинственный.

— Вмѣсто острововъ Галапагось — таинственный островъ капитана Немо, — округляя веселые выпуклые глаза, сказалъ Ардаганскій и опять впился въ бинокль. — Островъ, знаете, и есть... И преунылый какой то островъ... Хотя и очень красиво. Островъ принцессы Грезы... А, Мишель?... Можетъ, тамъ спящая красавица, и какимъ Флорестаномъ вы явитесь къ ней.

Пароходъ держалъ курсъ на островъ. Уже простыми глазами были видны его очертанія. Скалы въ солнечныхъ лучахъ казались розовыми. Онѣ выдвигались изъ воды и правда походили на развалины громаднаго, циклопическаго замка. Подъ скалами былъ зеленый лугъ, опоясанный пѣнистой полосой прибоя.

На командномъ мостикѣ появилось начальство, капитаны Волошинъ и Ольсоне и два офицера финна.

Вахтенный приказалъ пробить повѣстку къ поднятію флага. Пассажиры разошлись по каютамъ, чтобы одѣться и привести себя въ порядокъ. Всѣ были взволнованы. Наконецъ, приближались они къ конечной цѣли путешествія, къ той таинственной, недоступной ни для чьего наблюденія базѣ, которую нужно было имѣть капитану Немо. Теперь поняли, какъ во всемъ онъ былъ правъ, какъ все было продумано. Вотъ почему они перемѣнили курсъ, вотъ почему не пошли на острова Галапагось, про которые всѣмъ было извѣстно, вотъ почему подавали сигналы бѣдствія, и шли къ этому странному нелюдимому острову... Но что же это былъ за островъ?...

Къ нему подходилъ съ гордо рѣявшимъ за кормою Андреевскимъ флагомъ «Мститель». Онъ задержалъ свой бѣгъ. На носу мѣряли глубину. Специалисты подводныхъ камней и скалъ — финны — всматривались въ океанскія глубины. Машинный телеграфъ часто отзванивалъ. Машина застопорила. Пароходъ шель по инерціи.

Островъ былъ почти правильной круглой формы. Его ничѣмъ неизрѣзанные берега не представляли надежнаго мѣста для остановки. И опять стало понятно, почему такъ долго бродили по океану: — ждали тихой погоды и спокойнаго моря.

Бросили якоря.

Совсѣмъ близко былъ песчаный бѣлесоватый берегъ. Кое гдѣ черныя скалы и камни торчали изъ песка. Надъ пляжемъ краснымъ обрывомъ поднимался берегъ. Тамъ былъ зеленый лугъ. Мелкій кустарникъ поросъ по нему. Почти посерединѣ острова, ближе къ южной его окраинѣ, бросая сейчасъ тѣнь, закрывавшую западную часть острова, вздымалась крутая гора съ обрывистыми, скалистыми краями, похожими на обломки кратера потухшаго вулкана.

Простыми глазами была видна на той горѣ высокая бѣлая мачта. У основанія ея, какъ муха на куполѣ собора, возился сейчасъ какой то человекъ.

Вахтенный скомандовалъ: — «по орудіямъ». Горнисть протрубилъ: — «открытие огня».

Медленно, едва колышимый въ недвижимомъ знойномъ воздухѣ, ярко освѣщенный солнцемъ, поднимался, разворачиваясь на флагштокѣ мачты, громадный флагъ.

Въ то же мгновение рѣзко ударили выстрѣлы салюта.

Флагъ точно ожидалъ ихъ. Онъ коснулся верхнимъ краемъ клотика, дрогнулъ, на мгновение развернулся во всю длину и сейчасъ же опалъ, приникнувъ къ дереву мачты.

Флагъ этотъ былъ — Русскій.

IV.

На пароходѣ шла «авральная» работа. Всѣ были вызваны наверхъ, каждому было указано, что дѣлать. Все закипѣло. Бѣшенымъ темпомъ шла разгрузка парохода. Застучали паровыя лебедки подъ кранами и поползли на цѣпяхъ и канатахъ изъ нѣдръ трюма тяжелые ящики.

Да, все было предусмотрѣно. Первыми были подняты и спущены на воду желѣзные понтоны. Офицеры, бывшіе понтонеры, скрѣпляли ихъ, настилали досками

и нагружали аэропланними частями, палатками, разборными бараками, моторами, тяжелыми и громоздкими предметами. Одновременно спустили паровые катера для буксировки понтоновъ и начали свозить на шлюпкахъ людей, чтобы принимать на берегу доставляемыя вещи.

На первой шлюпкѣ отправились Ранцевъ и по его приказанію — Нордековъ, Арановъ, Вундерлихъ, Лагерхольмъ и старый Агафошкинъ.

Гребцы взялись за весла.

— Господа, прошу сейчасъ же вмѣстѣ со мною выбрать мѣста для палаточнаго лагеря роты, для аэропланныхъ ангаровъ, для вашей лабораторіи, профессоръ, для станціи радіо, — сказалъ Ранцевъ. — А ты, станица, отыщи хорошую воду и установи кухни, чтобы вечерній ужинъ былъ уже на берегу.

Островъ былъ унылый и необитаемый. По крайней мѣрѣ никакихъ пирогъ съ дикарями не показалось навстрѣчу шлюпкѣ, и не было видно того человѣка, что крѣпилъ Русскій флагъ... «Да и было ли это все, — думалъ Нордековъ, — «не было ли все это опять сонное и странное видѣніе»?

Шлюпка коснулась дна. Всѣ спрыгнули въ воду и пошли къ берегу. Намытый песокъ пляжа упирался въ красно земельный обрывъ. Вскарabкались на него и пошли къ скаламъ по зеленому, покрытому невысокою, жирною травою лугу. Попадались кусты и кактусы. Кусты были мелкихъ миртовыхъ породъ съ маленькими жесткими листиками и крошечными бѣлыми цвѣточками. Кое гдѣ росъ кривой, карявый можжевельникъ. Вьющіяся растенія съ большими, мягкими, свѣтлозелеными, круглыми листьями, гирляндами свѣшивались съ него. Ничего живого не попадалось. Не было даже ящерицъ. Птицы не щебетали. Островъ былъ нѣмъ и мертвъ.

Вдругъ, и такъ неожиданно, что всѣ вздрогнули и пріостановились, изъ за скалъ показался высокій сѣдой старикъ. Онъ быстро шелъ навстрѣчу. Рваныя полы темной одежды, будто черкески, болтались у колѣнъ. Бѣлая мохнатая шапка, съ алымъ когда то, верхомъ была надѣта на голову. За плечами у него было ружье, сбоку

болталась шашка, оправленная въ серебро. Самъ онъ былъ высокій, плотный, мѣшковатый, шелъ, чуть переваливаясь, широко загребая носками привычныхъ къ ходьбѣ ногъ. Когда онъ былъ ближе, разсмотрѣли на черкескѣ алые погоны съ тремя бѣлыми лычками и кресты и медали на гозыряхъ съ мѣдными патронами.

Шагахъ въ ста старый урядникъ пріостановился, приглядѣлся, точно нацѣливаясь, кто же здѣсь главный, кому рапортовать и яснымъ казачьимъ глазомъ опредѣлилъ вѣрно: — онъ направился прямо къ Ранцеву.

Онъ подошелъ, остановился, приложилъ руку къ папахѣ, и четко, стариковскимъ голосомъ отрапортовалъ:

— Ваше превосходительство, на Россійскомъ острову за цей рікъ ніякихъ происшествій не було. Чи капытанъ Немовъ не зъ вами будэ?..

— Капитанъ Немо еще на пароходѣ. Я его замѣститель — Ранцевъ. Ты что же здѣсь дѣлаешь, старикъ?

— Хранитель тай харнизонъ Россійскаго острова. У той рокъ капытанъ Немовъ мене до его приставивъ тай казавъ дуже берегти его для Россійской державы. А я Пластунскаго баталіона Кубаньскаго козацкаго війска урядникъ Тпрунька.

— Неужели, старикъ, одинъ цѣлый годъ прожилъ здѣсь, — спросилъ Нордековъ.

— Гэтъ одинъ. За Господомъ Богомъ проживъ.

— Чѣмъ же ты питался?..

— Концерыты капытанъ бросавъ. У весну, якъ птиця летіла охотою мало баловався. Тай рібку у окіана потягувавъ. А то у нічъ запалю охарокъ тай до світа читаю Писання. Эвангиля тай Псалтырь — дуже гарно.

— Никто за годъ на острову не былъ?..

— Никого и не бачивъ. Навіть порожній островъ Россійской державы.

— Ну теперъ будутъ и обитатели. Видишь, сколько народа валить.

— Слава Тобі Боже. Зачекався.

Нифонтъ Ивановичъ суетился подлѣ. Все дожидался, когда можно будетъ задать волнующій его вопросъ

старику кубанцу. Наконецъ, улучивъ моментъ, когда Ранцевъ, онъ таки побаивался его — настоящий, «сурьезный» начальникъ — заговорилъ о чемъ то съ Арановымъ и отошелъ отъ Тпруньки, онъ обратился къ кубанцу:

— Гдѣ вода то, старикъ, питьевая?... Хорошая, станция, вода?...

— Вода у горі... Така' тоби' вода що лучшо'и и не тре'ба. Нена'че твои Эссентуки. Якъ минеральна вода. Тай бога'цько же її. Цілу дывизію напоить можно. Вода протечна. Бачишь, ручій побігъ. Я его Кубанкою прозвавъ.

— А гдѣ самъ то обитаешь, старикъ?

— У хорахъ моя хата. Я нена'че черкесь... Баштанъ посадивъ съ тихъ сѣмянъ, що капытанъ міні давъ.

— И ладно растеть? — обернувшись къ Тпрунькѣ, спросилъ Ранцевъ.

— А вотъ подыви'ться.

Поднялись на первое плоскогорье. Оно было хорошо укрыто скалами. На красной глинистой землѣ, поросшей рѣдкой травой, въ углу у самыхъ скалъ стояла маленькая малороссійская мазанка. Глиняная труба была накрыта муравленнымъ горшкомъ.

— Самъ и будовавъ, — не безъ гордости показалъ Тпрунька.

За хатою былъ окруженный тыномъ огородъ.

Тпрунька повелъ Ранцева къ нему.

— Баштанъ тутешній погано вдається, ваше превосходительство, — говорилъ Тпрунька, показывая гряды. — Дыни ще де якъ уроди'шся. А кавуны геть усі пропали. И не уразумію відь чо'го. Сдається и земля для ихъ сама га'рна. Оги'рки добре идуть. Такъ само и картошка.

Но Ранцевъ уже не слушалъ старика. Съ плоскогорья почти весь островъ былъ какъ на ладони. Ранцевъ острымъ взглядомъ осматривалъ его. Онъ повернулся къ Аранову и показалъ на широкую долину, полого спускавшуюся къ океану и отдѣленную отъ него невысокою грядою холмовъ.

— Михайлъ Михайловичъ, какъ располагаете, го-

дится это мѣсто для вашихъ ангаровъ?

Арановъ разсѣяннымъ взглядомъ окинулъ островъ. Онъ, какъ и всегда, отвѣтилъ не сразу.

— Да, конечно, — и, помолчавъ, точно что то вычисляя, добавилъ, — я пойду отмѣчу мѣста ангаровъ и мастерскихъ. Медлить не будемъ. Онъ сталъ спускаться съ плоскогорья. Ранцевъ слѣдилъ за нимъ, потомъ повернулся къ Нордекову.

— Георгій Димитріевичъ, — сказалъ онъ, — вызывайте своихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, разбивайте лагерь на слѣдующей террасѣ, за скалистымъ гребнемъ.

Онъ пошелъ показать Нордекову, какъ хотѣлъ бы онъ, чтобы былъ разбитъ лагерь.

— Понимаете, я требую... Порядокъ, какъ въ Красномъ Селѣ...

Онъ оглянулся назадъ. У бѣлой мазанки, возлѣ тына, совсѣмъ старики станичники стояли. Агафошкинъ въ бѣлыхъ панталонахъ и въ длинномъ кителѣ, въ соломенной шляпѣ и Тпрунька. Онъ снялъ винтовку и шашку и, нагнувшись къ землѣ, что то показывалъ, разводя руками, набирая пальцами жирную землю и бросая ее.

Ранцевъ хотѣлъ было позвать Тпруньку, чтобы онъ показывалъ дальше островъ, да ему жаль стало отрывать старика отъ интересной бесѣды съ давно невиданнымъ станичникомъ, да и не къ чему было — островъ вотъ онъ — весь былъ какъ на ладони.

V.

Работа на острову кипѣла.

Въ яркомъ пеклѣ и нестерпимомъ блескѣ точно застывшего моря, презирая зной и отвѣсные лучи солнца, счовали взадъ и впередъ понтоны. Полуголые люди съ пѣніемъ и криками тащили тяжелые ящики на берегъ. Стучали топоры.

Ранцевъ издали съ горы смотрѣлъ на работу. Гла-совскій хоръ выгружалъ большой ящикъ съ грузови-комъ.

Работа не спорилась. Вдругъ произошло движеніе. Въ знойномъ воздухѣ народилась пѣсня. Люди взялись за канаты.

Теноръ Кобылинъ въ однихъ трусикахъ, бѣлотѣ-лый, блистая стеклами пенсне, завелъ старую бурлац-кую.

— Англичанинъ, мудрецъ,
Чтобъ работать спорѣй
Изобрѣлъ за машиной машину...
А нашъ Русскій мужикъ
Онъ работать привыкъ,
Подъ родную дубину...

И дружно грянулъ хорошо спѣвшійся хоръ:

— Эй, дубинушка, ухнемъ.
Да, зеленая, сама поидеть...
Дернемъ... Подернемъ...
Идетъ... Идетъ... Идетъ...

Ящикъ ползъ на берегъ.

Звонкій раздался восторженный голосъ:

— Вотъ тебѣ, братцы, и Атлантическій океанъ...
Что Волга матушка... А ну, робя, дальше:

— Отчего ты свая стала,
Да подрядчикъ пропиль сало...
Эй, дубинушка ухнемъ...

Ранцевъ издали наблюдалъ рабочихъ. Годы изгна-нія слетѣли съ этихъ людей. Какъ птица, выпущенная на волю, они пѣли, отдаваясь звукамъ своихъ пѣсень, какъ выпущенный на волю звѣрь, томившійся въ клѣт-кѣ, они радовались счастью, быть собою, наконецъ, осо-знать себя Русскими, на Русской землѣ! Они остано-вились и, точно отвѣчая мыслямъ Ранцева, взглянули на

гордо рѣявшій надъ горою громадный Русскій флагъ. Ихъ голоса были отчетливо слышны наверху.

— Гдѣ Русскіе, тамъ и Волга, — восторженно крикнулъ въ юношескомъ задорѣ Кобылинъ.

— А кубанца видали, братцы?

— Робинзонъ, настоящій Робинзонъ!

— Нѣтъ, братцы, почище будетъ Робинзона. И какъ ладно все у него устроено. Я въ хатѣ былъ. Ну чисто Ледяной походъ мнѣ напомнило. Славный дѣдъ. И не томился, цѣлый годъ одинъ живучи.

— Не томился, потому что вѣрилъ.

— Вѣримъ и мы...

— А почтенный старикъ. Все скулилъ, вишь ты пчелъ тутъ нѣтъ. Хуть бы, говоритъ, морскія какія ни на есть пчелы набрели, я и ихъ бы замордовалъ.

Съ трескомъ отдирались доски, обнажая грузовикъ. Мишель Строговъ наливаль эссенцію, сейчасъ и поѣдетъ. Негдѣ было подняться.

— Вы по руслу попробуйте, Мишель, — кричали ему. — Не топко.

— Лучше по доскамъ. Доски можно подложить.

— Куда же по доскамъ. Не выдержатъ никакъ доски. Тонкія вѣдь.

— Стойте, Мишель, мы вамъ подкопаемъ сейчасъ. Лопаты достали.

Ранцевъ сталъ спускаться внизъ, чтобы дать указанія, что и куда возить.

Цѣлую недѣлю и все такимъ же живымъ и бодрымъ темпомъ шла разгрузка парохода. Капитанъ Ольсоне поглядывалъ на небо, справлялся съ барометромъ и поторапливалъ рабочихъ. Работали въ три смѣны и днемъ и ночью. Съ парохода свѣтили прожекторами и въ ихъ лучахъ непохожими на людей были рабочіе на пустынномъ острову.

Одновременно съ разгрузкой шла постройка ангаровъ и мастерскихъ и установка палаточнаго лагеря.

«Какъ въ Красномъ Селѣ»... По шнуру отбили переднюю линейку и копали дернъ, чтобы обложить ее. По шестамъ провѣшивали линію палатокъ, равняли въ затылокъ и метромъ отмѣривали дистанціи и интер-

валы. Ферфаксовъ сносилъ красивые обломки скалъ и посередичѣ линейки устраивалъ подобіе кіота для образа Георгія Побѣдоносца, покровителя роты.

Профессоръ Вундерлихъ съ Лагерхольмомъ ходили по острову, изучая его.

Вершина горы была розовая и возвышалась правильнымъ куполомъ. Она походила на форму потаяшаго земляничнаго мороженаго. Отъ нея кольцеобразно шель внизъ базальтовый кряжъ. Скалы имѣли различный размѣръ и видъ. Однѣ валунами громоздились другъ на друга, точно розсыпь картофеля исполина, другія торчали острыми пиками съ рѣзко очерченными гранями. Ихъ цвѣтъ былъ, то серебристо сѣрый, графитовый, то изсиня чернѣй, мрачный и жесткій. Изъ подъ скалъ многими подземными ключами выбивалась чистая, хрустальная вода. Она наполняла естественные, образовавшіеся между камнями водоемы, падала оттуда водопадами, сливалась въ рѣчку и текла къ океану по зеленому дугу плоскогорья.

Все было молодо, ярко и красочно, какъ должно быть было на землѣ въ первые дни мірозданія. Трава была, какъ чистый изумрудъ, камни точно шлифованные, края водоемовъ хранили острия грани, необточенные водою.

— Этому острову, — ковыряя палкой въ землѣ, сказалъ профессоръ Вундерлихъ, — и десяти лѣтъ нѣтъ.

— Вы думаете, — сказалъ Лагерхольмъ.

— Когда я что говорю, — строго и вѣско по нѣмецки сказалъ Вундерлихъ, — я не думаю, я знаю. Я ученый человекъ. Этотъ островъ вулканическаго происхожденія. Онъ выдвинулся уже послѣ войны. Потому его никто и не нашель. Во время войны, избѣгая нашихъ подводныхъ лодокъ, суда колесили по всему океану и они нашли бы его... Они не нашли. Теперь никто не найдетъ... Это уже *ausgescholossen!*... Очень это хорошее мѣсто для нашей съ вами работы. Лучше, чѣмъ тамъ въ лѣсу... Тутъ ничего бояться не надо.

Къ концу недѣли, по указанію Ранцева, были установлены пушки Гочкиса въ нарытыхъ батареяхъ. Часть

ихъ была оставлена на «Мститель». На восьмой день, на разсвѣтѣ, «Мститель» и береговая батарея обмѣнялись прощальными выстрѣлами, отсалютовали флагомъ, и «Мститель» съ иностранной командой и капитаномъ Ольсоне, прогудѣвъ на прощанье, взялъ курсъ на сѣверъ и скоро исчезъ въ морской дали.

И было время. Съ полудня голубое небо заволочлось сѣрою дымною завѣсою. Совсѣмъ неожиданно среди полной тишины налетѣлъ вихрь, заигралъ флагомъ на мачтѣ, развернулъ его во всю его трехсаженную длину и хлопнулъ имъ раза два. Потомъ все стихло. Флагъ безжизненно повисъ вдоль мачты. И только успѣлъ Тпрунька, знавшій, что все это значитъ, добѣжать и спустилъ флагъ, какъ заревѣла океанская буря.

Вѣтеръ, на тысячахъ миль не имѣющій препоны, вздымалъ громадныя волны. Точно хотѣлъ онъ до самаго дна выдуть воду изъ океана. Темнозеленые валы, покрытые частымъ бѣлымъ кружевомъ пѣны, съ кипящими гребнями шли на островъ.

Они налетали на берегъ, падали съ грохотомъ и съ шипѣніемъ разливались у зеленаго луга. Вѣтеръ вылъ съ неистовою силою. Кусты никли подъ его порывами къ землѣ. Огромныя волны казались выше горы. Островъ точно дрожалъ и трясся на нихъ. Казалось, сорветъ его съ его жидкаго основанія, смоетъ песчаную отмель и разнесетъ самую гору.

«Мститель» ушелъ во время. Никакіе якоря не могли бы его удержать въ открытомъ океанѣ. Его разбило бы о скалы.

Эта буря продолжалась три дня и три noci. И такъ же внезапно, какъ налетѣла она, такъ и стихла. Океанъ посинѣлъ. Волны съ мѣрною послѣдовательностью шли къ берегамъ и разливались у нихъ, все дальше и дальше отступая и намывая свѣжій песокъ и гальку пляжа.

VI.

Въ «затишкѣ», гдѣ былъ установлень лагерь, буря ощущалась мало. Она неслась надъ горами, выла въ скалахъ, въ лагерь же едва играла флячками палатокъ, да чуть отдувала ихъ парусину.

Занятія и работы въ отрядѣ капитана Немо не прекращались. Очи производились по особымъ росписаніямъ, составленнымъ и выработаннымъ Ранцевымъ вмѣстѣ съ Арановымъ, Вундерлихомъ, Лагерхольмомъ, Нордековымъ и Субботинимъ.

Рота Нордекова была разбита Ранцевымъ на тридцать отрядовъ, или, какъ ихъ по-французски назвали офицеры, — на тридцать «экиповъ». Въ каждомъ отрядѣ былъ старшій, его помощникъ и замѣститель, два «газовика» и два пропагандиста... Кромѣ нихъ въ отрядъ входили летчикъ и мехачикъ. Люди въ экипахъ были изъ одной мѣстности. Во главѣ перваго отряда сталъ Ранцевъ, его помощникомъ — Ферфаксовъ. Этотъ и слѣдующіе пять отрядовъ были составлены изъ сѣверянъ, уроженцевъ Сибири. Два отряда были составлены изъ Петербуржцевъ, три изъ Москвичей, затѣмъ были отряды для всѣхъ большихъ городовъ: Кіева, Одессы, Харькова, Нижняго Новгорода, Курска, Ростова и т. д.

Во главѣ одного изъ Петербургскихъ отрядовъ были поставлены полковники Нордековъ и Парчевскій. Такъ какъ людей въ отряды должны были подбирать по своему желанію сами начальники, — Ранцевъ только осматривалъ ихъ и утверждалъ выборъ, — Нордековъ взялъ въ свой «экипъ» Мишеля Строгова. Очъ же сравнительно недавно былъ въ Петербургѣ и могъ быть полезенъ своими знаніями совѣтской жизни.

Ранцевъ, осматривая и провѣряя составъ отрядовъ, остановился противъ Мишеля и долго внимательно смотрѣлъ въ узко поставленные глаза будущаго боксера, горящіе недобрымъ, волевымъ блескомъ. Потомъ коснулся пальцами груди Мишеля и отпячивая его назадъ, сказалъ тономъ, не допускающимъ возраженій:

— Отставить... Георгій Димитріевичъ, вы замѣните Александра Нордекова другимъ Петербуржцемъ. Нордековъ останется на острову.

Полковникъ ничего не возразилъ. Онъ понималъ: — дисциплина... они были въ строю.

Вечеромъ онъ пошелъ объясняться съ Ранцевымъ.

— Петръ Сергѣевичъ, я къ вамъ, — просовывая голову въ палатку Ранцева, сказалъ Нордековъ.

— Прошу.

Ранцевъ сидѣлъ на складномъ стулѣ подлѣ небольшого стола. На столѣ были разложены карты крупнаго масштаба, надъ ними въ свинтномъ походномъ подсвѣчникѣ горѣла свѣча. Ранцевъ пересѣлъ на низкую койку, стоящую въ глубинѣ палатки и пододвинулъ стулъ полковнику.

— Что имѣете доложить?...

— Я, собственно, по поводу моего сына Шуры.

— Ну... Такъ въ чемъ же дѣло?...

— Я бы хотѣлъ взять его въ мой экипъ.

— Вы знаете, для чего эти отряды?

— Догадываюсь.

— Эти отряды на аэропланахъ полетятъ въ Россію... Они тамъ будутъ готовить возстаніе. Они жестокою мстью подавляющимъ возстаніе будутъ помогать возставшимъ. Они будутъ работать, окруженные самымъ утонченнымъ сыскомъ, окруженные доносчиками и шпионами. Вы понимаете, какая должна быть спайка между всѣми членами отряда. Отрядъ долженъ быть, какъ тѣло одного человѣка. Онъ долженъ имѣть одну душу, одну вѣру, одно устремленіе.

— Я отлично все это усвоилъ... Шура мнѣ сынъ.

— Вы ручаетесь за него? — строго спросилъ Ранцевъ и прямо, неломаящимся взглядомъ посмотрѣлъ въ глаза Нордекову.

Съ минуту такъ, молча, они смотрѣли въ глаза другъ другу. И въ эту минуту вся жизнь на виллѣ «Les Coccinelles» прошла передъ Нордековымъ. Мамочка съ

ея «винтиками»... жена Ольга Сергѣевна, Леночка — «совдепка», и наверху въ комнатѣ-гробу странный, невѣдомый, «волевой», современный, новый человѣкъ, сынъ и не сынъ Мишель Строговъ, никогда не назвавшій его отцомъ, или папой, никогда не назвавшій мать мамой, не открывшій никому своей души, рѣзко дерзившій бабушкѣ и всѣмъ имъ чужой и непонятный. Будущій чемпионъ бокса и миллионеръ — вотъ все, что зналъ про него полковникъ.

Нордековъ медленно всталъ со стула, опустилъ глаза и тихо сказалъ:

— Извиняюсь, что побезпокоилъ.

Согнувшись онъ вышелъ изъ палатки и пошелъ къ себѣ. Мишель его ожидалъ.

— На чемъ же порѣшили? — спросилъ, непринужденно улыбаясь, Мишель.

— Ты останешься, Шура.

— Хны... Это еще что такое!... Да просто я не желаю оставаться на этомъ проклятомъ острову... Мнѣ надо начинать мою карьеру. Я не хочу.

— Такъ надо... Такъ будетъ лучше, — кротко сказалъ полковникъ.

Мишель сжалъ кулаки и, сдвинувъ узкія брови, съ большимъ гнѣвомъ выкрикнулъ:

— Ну это мы еще посмотримъ. Я ему покажу... съдому чорту.

Онъ вышелъ изъ палатки отца и, заложивъ руки въ карманы, пошелъ «волевой» походкой по лагерю, освѣщенному электрическими фонарями.

Какими то чудовищами, точно изваянія великановъ чернѣли, освѣщенные отблесками фонарей, базальтовыя скалы. Между ними, какъ огромные китайскіе бумажные фочари пузырями свѣтились палатки. Въ нихъ слышно было бормотаніе и разговоръ. Во всѣхъ тридцати «экипахъ» протверживали урокъ «полит-грамоты», заданный утромъ полковникомъ Субботинымъ.

VII.

Мишель Строговъ былъ серьезно уязвленъ и оскорбленъ тѣмъ, что его оставили изъ отряда его отца. На острову оставалось немало народа, не попавшаго въ «экипы». Но это были люди, оставленные для службы на острову. Это были тѣ, кому просто не хватило мѣста. Мишель же былъ избранъ и оставленъ. Онъ и сейчасъ ощущалъ оскорбительное прикосновеніе пальцевъ Ранцева, когда тотъ осадилъ его изъ шеренги Нордековскаго «экипа». Сначала онъ почувствовалъ себя хуже другихъ и это его поразило. Онъ такъ привыкъ считать, что онъ лучше и умнѣ всѣхъ, что согласиться съ тѣмъ, что онъ могъ быть признанъ для чего бы то ни было негоднымъ, онъ не могъ. И привычная гордость скоро подсказала ему, что онъ оставленъ изъ личныхъ счетовъ, что съ нимъ сдѣлана величайшая несправедливость, и онъ возненавидѣлъ Ранцева со всею силою своей невѣрующей души. Онъ все это время мало интересовался тѣмъ, что дѣлалось въ отрядѣ, машинально исполняя тѣ работы, куда его привлекали вмѣстѣ съ другими. Теперь онъ сталъ присматриваться, прислушиваться и отгадывать, какая была конечная цѣль всѣхъ сложныхъ работъ, шедшихъ на острову. Догадываться было нетрудно, да теперь этого никто и не скрывалъ. Это была подготовка къ жестокой борьбѣ съ большевиками, къ освобожденію отъ ихъ ига Россіи.

Мишель Строговъ былъ равнодушенъ къ Россіи. Онъ пошелъ въ отрядъ не для работы, но для раскрытія тайны, для продажи этой тайны кому то и полученія тѣхъ крупныхъ денегъ, которыя ему были нужны для его настоящей карьеры современнаго человѣка — карьеры боксера.

Тайна была наполовину раскрыта, но для реализаціи ея нужно было покинуть этотъ островъ. Только въ Европѣ, или въ Америкѣ онъ могъ рассчитывать хорошо продать узнанную имъ тайну. Его оставили отъ полета съ острова и этимъ преградили ему возможность реализовать добытыя имъ свѣдѣнія.

Мишель Строговъ ни съ кѣмъ не дружилъ. Онъ держался ближе къ своимъ сверстникамъ, каковыми были Фирсъ Агафошкинъ, князь Ардаганскій, теноръ Кобылинъ и еще нѣсколько молодыхъ людей. Онъ пытался посвятить ихъ въ свои планы, открыть имъ свои идеалы, но даже Фирсъ его не понялъ. Всѣ горѣли одною идеей, всѣ были увлечены одною мечтою — спасеніемъ Родины. У всѣхъ на языкѣ были сказанныя, кажется, Муссолини слова: «все для Родины, все черезъ Родину, все на Родинѣ». Это слово, чуждое пониманію Строгова, бывшаго въ полномъ смыслѣ этого слова человѣкомъ безъ отечества, дико звучало для Мишеля... Но кругомъ только объ этомъ и говорили. Фирсъ изучалъ евангеліе и на насмѣшку Мишеля Строгова сказалъ съ тихимъ укоромъ:

— Я изъ послушанія дѣдушкѣ никакъ не выйду, а вамъ стыдно — вы образованный.

Ближе всѣхъ былъ князь Ардаганскій. Именно потому онъ сталъ ближе всѣхъ, что онъ былъ, какъ самый ярый противобольшевикъ, дальше всѣхъ отъ Мишеля. Но князь былъ очень добрый, очень вѣрующій человѣкъ и онъ считалъ своимъ долгомъ обуздать и укротить Мишеля, успокоить его и помочь ему. Мишель не открывался ему вполнѣ, но князь догадывался, какая буря бушевала въ душѣ Мишеля.

Мишель пытался съ разными людьми и молодыми и старыми говорить о томъ, что его волновало: — о боксѣ, о чемпионатахъ разнаго рода, о милліонахъ, которые теперь можно такъ легко «сдѣлать». Его не понимали.

— На что мнѣ милліоны, когда у меня не будетъ Родины, — сказалъ Мишелю Кобылинъ.

— Самое сладкое въ жизни — это умереть за Родину, — сказалъ князь Ардаганскій. — Я училъ это въ школѣ, но тогда я этого не понималъ. Здѣсь я это понялъ.

— Я бы хотѣлъ быть такимъ, какъ Ранцевъ, — сказалъ корнетистъ Ковалевъ. — Бѣднымъ, но честнымъ. Рыцаремъ... Офицеромъ...

Спорить было бесполезно. Эти люди никогда не

поняли бы его. Надо было молчать. Кругомъ шла дѣятельная жизнь и хотѣлъ или не хотѣлъ Мишель, она втягивала его въ себя и заставляла работать, молча, стиснувъ зубы, затаивъ въ себѣ мсть Ранцеву и всѣмъ этимъ Дочь-Кихотамъ, какъ называлъ Мишель всѣхъ офицеровъ острова.

Съ необыкновеннымъ, суровымъ педантизмомъ Ранцевъ наблюдалъ, чтобы всѣ люди были на занятіяхъ, а занятія шли согласно съ составленнымъ имъ росписаніемъ. Для большинства, прошедшаго Галлиполійскую Кутеповскую школу, этотъ педантизмъ не былъ ни страшень, ни новъ. Отъ него, правда, отвыкли. Онъ показался по началу тяжелымъ, но незамѣтно впряглись въ работу, и время полетѣло съ невѣроятною быстротою. Некогда было задумываться и критиковать, да и критиковать было нелегко: — все было разумно поставлено.

Въ четыре часа утра трубилъ горнистъ или билъ барабанщикъ «побудку» и въ темнотѣ тропической ночи, разсѣянной горящими на лагерной личейкѣ четырьмя высокими фонарями, подъ темносинимъ пологомъ неба, усѣяннымъ незнакомыми, большими и яркими звѣздами экватора, люди умывались, строились на общую молитву противъ прекраснаго отряднаго образа, потомъ шли въ столовую, гдѣ получали чай и утренній завтракъ.

Въ пять часовъ утра всѣ были на работахъ. Одни шли въ ангары, другіе въ мастерскія, остающіеся люди Нордековской роты строились на ученье. Еще въ темнотѣ занимались гимнастикой. Въ шесть часовъ съ восходомъ солнца шли на ротное ученье. Это было чаще всего рѣшеніе тактической задачи на мѣстности, причемъ иногда изъ роты дѣлали обозначенный батальонъ или цѣлый полкъ и проходили съ нимъ всѣ стадіи наступленія или обороны. А то шли упражняться въ стрѣльбѣ изъ винтовокъ и пулеметовъ, въ метаніи протыхъ и газовыхъ ручныхъ гранатъ. Ученье кончалось и расходились: одни къ профессору Вундерлиху обучаться установкѣ и управленію его газовыми аппаратами, другіе съ полковниками Субботинымъ и Ястребовымъ изу-

чали совѣтскій бытъ, затверживали свои совѣтскія имена и свое прошлое, согласно съ новыми паспортами. Въ одиннадцать часовъ былъ обѣдъ—на славу кормиль Гифонтъ ивановичъ — послѣ обѣда до трехъ часовъ отдыхали, предаваясь полуденной сѣстѣ жаркихъ странъ. Въ три часа подъ навѣсомъ, на легкомъ сквознякѣ у громкоговорителя слушали чтеніе по радио Парижскихъ газетъ. Это была связь съ оставленнымъ міромъ.

На одномъ изъ первыхъ чтеній узнали о гибели не далеко отъ большихъ Антильскихъ острововъ парохода «Немезида», перевозившаго на острова Галапагосъ, кинематографическую труппу общества «Атлантида». Вся Русская колонія была взволнована этимъ несчастіемъ. Во всѣхъ церквяхъ Парижа, Медона, Ліона, Бѣлграда, Софіи и въ другихъ мѣстахъ Русскаго разсѣянія служили панихиды по погибшимъ. Служили панихиду и въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ была вилла «Les Coccinelles». И жутко было слушать о себѣ, живыхъ, какъ объ умершихъ. Но самое страшное было, что газеты занялись этимъ одинъ, два дня, а потомъ и забыли, какъ будто бы никого изъ погибшихъ и не было на свѣтѣ. Но вспомнили, что такъ же скоро примирились съ гибелью Кутепова, и въ этомъ нашли грустное, философическое успокоеніе. И думали лишь о томъ, помнили ли о нихъ по крайней мѣрѣ ихъ жены, матери и дѣти?..

Мишель Строговъ подмѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на слушателей этимъ извѣстіемъ и запомнилъ его.

Во время слушанія громкоговорителя пили чай и прохладительные напитки, послѣ разбивались по отрядамъ и шелъ практической урокъ совѣтскаго быта.

Полковникъ Субботинъ ходилъ взадъ и впередъ по палаткѣ, гдѣ на скамьяхъ сидѣли люди «экиповъ».

— Прежде всего запомните, что несмотря на всю ту чепуху, которой старались большевики повернуть мозги на бекрень Русскому народу, имъ это никакъ не удалось. Вы пріѣдете все таки въ Россію. Въ Россію, бѣдную, озлобленную, грязную, голодную, но Россію, и найдете въ ней не коммунистовъ, но Русскихъ. Не бойтесь мелкихъ ошибокъ въ совѣтской терминологіи, ея и

сами совѣтскіе граждане далеко не всѣ знаютъ. Конечно, лучше навсегда усвоить то, что усвоили и къ чему привыкли въ совѣтской республикѣ. Тамъ нѣтъ второго и третьяго классовъ, но есть твердые и мягкіе вагоны...

— Какое фарисейство, — сказалъ Парчевскій.

— Да... вѣрно... фарисейство... Но вся совѣтская республика есть величайшая, неслыханная доселѣ ложь, обманъ, партійное ханжество и насиліе... Въ совѣтской республикѣ многого нѣтъ того, къ чему вы такъ привыкли за границей. Тамъ послѣ бритья нельзя освѣжить кожу камнемъ, тамъ не носятъ воротничковъ... Рѣдко кто носитъ, особенно лѣтомъ, шляпы. Но не смущайтесь, если вы ошибетесь. Помните, милиція уже не та, и чекисты много сбавили форса. На замѣчаніе спокойно и дерзко даже кричите, что при «царизмѣ» все было. Толпа на вашей сторонѣ. Васъ тронуть не посмѣютъ. Чѣмъ смѣлѣе, скажу болѣе, чѣмъ наглѣе вы будете въ случаѣ какого бы то ни было недоразумѣнія, тѣмъ больше шансовъ, что васъ никто не посмѣетъ тронуть. Да вы вѣдь и пойдете не безоружными. Въ случаѣ, если вамъ придется столкнуться съ партійцемъ, чѣмъ большую чушь и наборъ словъ вы будете городить, тѣмъ больше шансовъ у васъ будетъ на успѣхъ. Ну-те-съ... Что такое уклонъ?... Что значитъ быть правымъ уклонистомъ?... Что такое Загсъ?... Господа, читайте, изучайте Зоценку. Не думайте, что это карриатура, кривое зеркало, это подлинное отраженіе или, какъ теперь стали говорить: «отображеніе» совѣтскаго быта во всей его неприкрашенной уродливости. Евстратовъ, расскажите намъ, какъ бы вы стали говорить съ партійцемъ... ну хотя бы... вотъ модная тема: — о партійной чисткѣ.

Евстратовъ всталъ со скамьи, придалъ своему курносому лицу тупое, упорное выраженіе и сталъ говорить, какъ твердо заученный урокъ:

— Въ ЦИК продолжаютъ поступать съ мѣстъ многочисленные запросы по чисткѣ и провѣркѣ партіи. Товарищи, къ этому надо относиться съ должнымъ вниманіемъ и партійною серьезностью. Провѣркомы и партсрганизациі запрашиваютъ напредмѣръ: подлежатъ ли

провѣркѣ кандидаты, какъ поступать, когда возникнетъ сомнѣніе въ установленіи партстажа, гдѣ провѣрить только что прибывшихъ въ ячейку изъ другихъ организацій, гдѣ и когда наклеивать марки на партдокументъ провѣренного, нужно ли голосовать на собраніяхъ и т. д. Товарищи, все это праздные вопросы. Все это предусмотрено и разъяснено въ инструкціяхъ и письмахъ ЦКК ВКП. Статодѣломъ ЦК ВКП разосланы на мѣста бланки статистической отчетности о чисткѣ и провѣркѣ партіи и инструкція по составленію отчетности и подведенію итоговъ чистки. Всего формъ отчетности четыре. Форма № 1 — списокъ членовъ ячейки. Онъ составляется въ каждой ячейкѣ въ двухъ экземплярахъ за два, три дня до чистки. Провѣркомы отмѣчаютъ въ этомъ списокѣ результаты провѣрки каждаго партійца или причины неявки. Форма № 2 — итоги провѣрки...

— Очень хорошо-съ... Довольно, господинъ Евстратовъ. Прошу васъ садиться. Изъ этого краткаго доклада, господа, не думайте, что доклада придуманнаго, чтобы посмѣяться надъ узкимъ бюрократизмомъ и канцеляризмомъ коммунистической партіи, нѣтъ, доклада подлиннаго, вы можете убѣдиться, до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ, до какого абсурднаго узкаго канцеляризма и бюрократизма дошли большевики. И этихъ всѣхъ правилъ, отчетностей, инструкцій, формъ, которыми засыпаютъ совѣтскихъ служащихъ, естественно никто не можетъ какъ слѣдуетъ усвоить и запомнить. Отсюда — смѣлость и наглость при спорахъ и вы всегда будете правы. Знать всѣ декреты, инструкціи, формы и правила большевиковъ труднѣе, чѣмъ изучить китайскую грамоту. Ихъ не знаютъ и сами такъ называемые «стопроцентные» коммунисты. Вы спросите меня, откуда вся эта канцелярская галиматія въ коммунистической партіи? Надо знать, кто такіе большевики? Соціалисты и ихъ производная — большевики — это дѣтище той части народа, которая оторвалась отъ него, получила нѣкоторыя знанія, не знаетъ народа, не желаетъ знать его чаяній и вождельній, создала въ своей головѣ нарочно придуманныя правила и съ тупостью народныхъ учителей старается во что бы то ни стало

привить свои правила народу. Соціалисты — это дѣтище такъ называемой «интеллигенціи». Ея самые яркіе представители, это туполобыя, фанатическія курсистки, которыхъ знанія опьянили и онѣ возомнили себя въ нѣ-которомъ родѣ богами. Что могла эта «интеллигенція» придумать для народа, кромѣ воинствующаго безбожія, самаго грубаго и пошлаго матеріализма и всѣхъ этихъ рапортичекъ, инструкцій, формъ, доносовъ и экзаменовъ «како вѣруеши»?... Соціалисты вышли изъ среды, гдѣ спрашиваютъ уроки «отъ эстого до эстого», гдѣ ставятъ баллы, сажаютъ въ карцеръ, дѣлаютъ экзамены и выгоняютъ вонъ изъ школы. Это единственное свое знаніе они и примѣнили къ жизни великаго народа. Они экзаменуютъ его, ставятъ ему баллы, сажаютъ въ карцера Гороховыхъ и Лубянокъ и выгоняютъ вонъ изъ жизни. Большевизмъ — это прежде всего мѣщанство, доведенное до абсурда... Большевизмъ — это невѣроятная пошлость, это оскотиненіе человѣка. И потому не бойтесь. Смотрите на все просто. Тамъ, куда вы прилетите, гдѣ сразу вы очутитесь въ толпѣ народа, вы не найдете ничего страшнаго. Вы увидите тамъ дѣвицъ, мечтающихъ объ «ирисахъ» Моссельпрома, о билетѣ въ кинематографъ, о прюнелевыхъ ботинкахъ и о шерстяныхъ теплыхъ чулкахъ. Тамъ вы найдете молодыхъ людей, зубрящихъ партійные уроки и боящихся получить дурной баллъ. Вы вездѣ будете выше ихъ и только — не бойтесь...

Субботинъ поклонился слушателямъ. Его урокъ кончался. Ранцевъ, присутствовавшій на занятіяхъ, знакомъ показалъ, чтобы не расходились и сказалъ:

— Особенно эти мѣщанство и пошлость сказались въ красной арміи. Совѣтское Правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы создать боеспособную армію. Она тратитъ на нее большія деньги, она ее старается кормить и одѣвать и, тѣмъ не менѣе, къ тринадцатому году существованія красной арміи она представляетъ изъ себя и по внѣшнему виду и по внутреннему своему содержанію то, чѣмъ была наша армія во времена Временнаго Правительства. Красная армія можетъ дать Калуць, но за нимъ неизбѣжно послѣдуетъ —

Тарнополь... Красные командиры не гордятся, но тягостятся службой. Нашъ офицеръ сживался съ полкомъ цѣлымъ рядомъ предковъ, служившихъ въ этомъ полку. Онъ любилъ свой полкъ, гордился имъ. Онъ любилъ и дорожилъ полковымъ мундиромъ, берегъ и цѣнилъ носимое имъ оружіе... Ничего этого нѣтъ въ средѣ краснаго команднаго состава. Это не офицеры, это чиновники, ненавидящіе службу, отбывающіе въ ней номеръ. Красная армія съ полками безъ традицій прошлаго, со скучнымъ и позорнымъ настоящимъ и безъ всякаго будущаго — мертвый организмъ. Въ ней каждый понимаетъ, что коммунизмъ умретъ и съ нимъ умретъ и его красная армія. Вамъ, господа, придется на ея мѣстѣ создавать новую Россійскую Имперскую Армію на началахъ вѣры въ Бога, вѣрности присягѣ будущему Государю и доблестнаго, рыцарскаго служенія Родинѣ. Готовьтесь къ этому.

— Насъ для этого слишкомъ мало, — съ мѣста сказалъ Парчевскій.

— За вами вся Россія... Въ нужную минуту къ вамъ явится на помощь Русскій Обще-Воинскій Союзъ и пополнитъ ваши ряды знающими, доблестными и опытными офицерами. Онъ явится къ вамъ готовыми полковыми ячейками, сквозь труды и лишения эмигрантской жизни пронесшими непоколебимую вѣрность знаменнымъ лозунгамъ и горячую жертвенную любовь къ родному полку.

Глубокою, страстною вѣрою дышали слова Ранцева. Они вливали бодрость въ сердца офицеровъ. Послѣ его словъ легче дышалось. Забылись тяжелые труды въ непривычномъ климатѣ, забылась тоска по покинутымъ семьямъ. Готовились къ подвигу и вѣрили, что подвигъ этотъ будетъ ненепрасенъ.

Занятія шли по своему росписанію и, независимо отъ него, дни и ночи непрерывно въ аэропланнхъ ангарахъ стучали по металлу молотки, клещи стягивали гайками винты. Подъ руководствомъ инженеровъ шла сборка аэропланнхъ частей.

И не прошло и мѣсяца такой напряженнѣйшей работы, какъ то одинъ, то другой серебряный лебедь, кра-

савецъ аэропланъ, выбѣгалъ изъ ангара, становился на отмѣченную точку и вдругъ безъ шума и безъ разбѣга, точно подхваченный какою то невидимою силою взмывалъ кверху и исчезалъ въ голубой выси.

Возвращавшіеся съ пробныхъ полетовъ авіаторы были въ восторгѣ отъ аппаратовъ Аранова. Самъ Арановъ всегда стоялъ и ожидалъ замѣчаній о полетѣ. Взволнованный, возбужденный совершеннымъ полетомъ летчикъ шелъ къ нему съ докладомъ.

— Какая удивительная машина, Михаилъ Михайловичъ, — уже издали говорилъ летчикъ. — Я совершенно забывалъ, что я лечу на аэропланѣ. Просто парилъ орломъ въ воздухѣ. Останавливался, прибавлялъ и убавлялъ скорость. Какъ нѣкій духъ неслышно носился надъ океаномъ. Мой аппаратъ высоты показывалъ шесть тысячъ метровъ, а я и не замѣчалъ этого въ своей кабинѣ. Вы думаете, я могу завтра подняться выше?...

Арановъ стальными глазами вглядывался въ глаза летчика и какъ всегда долго не отвѣчалъ.

— Да, конечно, — наконецъ, говорилъ онъ и шелъ навстрѣчу слѣдующему летчику, безшумно спускавшемуся на указанное ему мѣсто.

Мишель Строговъ наблюдалъ все это. Онъ обладалъ теперь въ полной мѣрѣ тайной и онъ понималъ, какихъ денегъ стоила эта тайна. Дѣйствительно — миллионъ!... Но использовать ее, пока онъ находится на этомъ проклятомъ острову онъ никакъ не могъ. Все сильнѣе и ярче накупала въ немъ злоба противъ Ранцева, оставившаго его отъ полета и жажда мести во что бы то ни стало стала главною его мыслью. Изъ далекихъ воспоминаній дѣтства выплыли времена, проведенныя имъ въ комсомолѣ и уроки тамъ полученные. Разлагать и уничтожать всякое дѣло, всякое начинаніе... Сѣять смуту среди участниковъ... Подрывать довѣріе къ начальникамъ — вотъ та работа, которая указывалась въ такихъ дѣлахъ. Мишель Строговъ искалъ случая, чтобы взорвать работу Ранцева и уничтожить довѣріе къ нему офицеровъ и солдатъ отряда капитано Немо. Изъ своего коммунистическаго прошлаго онъ усвоилъ, что въ такихъ случаяхъ надо найти слабое мѣсто у противни-

ка и по нему и ударить какъ и чѣмъ угодно, хотя бы ложью и клеветой. И Мишель Строговъ нашелъ такое мѣсто.

VIII.

Въ собранской столовой кончили ужинать. Почти всѣ офицеры разошлись по палаткамъ. Свѣчи были погашены. Только на одномъ концѣ длиннаго стола, гдѣ горѣлъ лампіонъ, осталась небольшая группа. Тамъ смотрѣли, какъ неизвѣстно откуда прилетѣвшая большая ярко голубая блестящая бабочка билась крыльями о стекло лампіона. Въ противоположномъ углу въ темнотѣ, Фирсъ Агафошкинъ у самовара перетиралъ стаканы. Никто изъ сидѣвшихъ у стола не замѣтилъ, какъ въ этотъ темный уголъ прошелъ изъ лагеря Ранцевъ. Онъ не хотѣлъ тревожить офицеровъ и, сдѣлавъ Фирсу знакъ, чтобы онъ не докладывалъ о его приходѣ, спросилъ себѣ стаканъ чая и сѣлъ въ углу, издали наблюдая за бабочкой.

— Первый вѣстникъ на Россійскій островъ, — сказалъ Парчевскій, стоя слѣдившій за порханіемъ бабочки.

— Господинъ полковникъ, мы должны спасти ее и не дать обжечь ея прекрасныя крылышки, — сказалъ князь Ардаганскій.

— Какъ вы думаете, какъ и откуда она могла попасть къ намъ? — сказалъ Кобылинъ. Его голосъ былъ нѣженъ. Казалось, что это сказала груднымъ низкимъ голосомъ женщина.

— Вѣтромъ могло принести куколку. И вотъ это первое существо, родившееся на острову, — сказалъ Парчевскій.

— Я, господа, видалъ мышей, — сказалъ Ферфаксонъ.

— Ну эти попали съ ящиками съ мукой со «Мстителя». Онѣ того же порядка, что и мы. Но бабочка... Откуда она?...

— Какъ интересно наблюдать зарожденіе флоры и фауны на острову, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ничего не было.

— Такъ когда то было и на всей нашей землѣ.

— Да, если вѣрить матеріалистамъ и считать теорію Дарвина за непреложную истину.

— Но она давно уже опровергнута. Ей вѣрятъ только такія тупицы, о которыхъ, помните, намъ рассказывалъ полковникъ Субботинъ.

Ферфаксовъ, наконецъ, поймалъ бабочку и бережно передалъ ее Ардаганскому.

— Отнесите ее осторожноенько, Михако, подальше и положите въ траву, да крылышки ей не помните.

— Однако, господа, откуда нибудь все это берется? Какая то теорія зарожденія видовъ должна быть, — сказалъ Кобылинъ.

Ферфаксовъ быстро обернулся къ говорившему. Милое смущеніе загорѣлось на его смугломъ, не старѣющемъ лицѣ.

— Какъ какая то теорія, — сказалъ онъ срывающимся отъ волненія голосомъ. — Не теорія, но точное знаніе. Жизнь всему живущему послалъ Тотъ, о Комъ поетъ псалмопѣвецъ Давидъ: — «Господь творитъ все, что хочетъ, на небесахъ и на землѣ, на моряхъ и во всѣхъ безднахъ. Возводитъ облака отъ края земли, творитъ молніи при дождѣ, изводитъ вѣтеръ изъ хранилищъ Своихъ...»*).

— Вѣтеръ изъ хранилищъ, — съ глубокою ироніей сказалъ Мишель Строговъ. — Какой же авторитетъ Давидъ... Да и былъ ли онъ когда?...

Ферфаксовъ смутился. Этотъ самоувѣренный молодой человѣкъ не нравился Ферфаксову, но оборвать его онъ при своей тонкой деликатности не могъ. Какъ оборвать?... Онъ былъ сыномъ полковника Нордекова, съ кѣмъ онъ вмѣстѣ пережилъ такія страшныя и незабываемыя минуты на берегу Сены. Ферфаксовъ зналъ всю исторію Мишеля. Онъ жалѣлъ его. Сколько разъ онъ хотѣлъ подойти къ его ожесточенному сердцу съ ти-

---

*) 134-й псаломъ Давида.

хими словами любви и участія и понималъ, что разобьются его слова о насмѣшливую самоувѣренность и холодную самовлюбленность Мишеля.

Парчевскій замѣтилъ смущеніе Ферфаксова и поспѣшилъ ему на помощь.

— Бросимъ всѣ эти такъ давно всѣмъ надоѣвшіе споры о мірозданіи. Какъ мудро придумалъ капитанъ Немо, устроивъ нашу базу на этомъ никому невѣдомомъ острову.

— Не нахожу, — быстро и зло сказалъ Мишель.

Всѣ примолкли. Съ нѣкоторою растерянностью смотрѣли на самага молодого изъ нихъ, такъ смѣло оспаривавшаго ихъ.

— Прежде всего, — осмѣлѣвъ отъ молчанія, продолжалъ Мишель, — селить на островѣ одного этого старика Кубанца было совсѣмъ не осторожно... Онъ могъ за этотъ годъ сто разъ въ ящикъ сыграть и тогда бы кто сталъ Россійскій флагъ поднимать. Это разъ... — Мишель гордо оглянулъ всѣхъ. Онъ казался самому себѣ удивительно умнымъ и проникательнымъ. — Другое — и самый то этотъ островъ — ерунда съ масломъ. Вундерлихъ говорилъ, что онъ выдвинулся изъ океана вслѣдствіе землетрясенія лѣтъ восемь, десять тому назадъ. Ну развѣ не легкомысленно селиться на такомъ острову? Онъ можетъ такъ же свободно, какъ вынырнулъ изъ воды и нырнуть подъ воду, и со всѣми нами... Какая же эта база?..

— Но этотъ островъ, — внушительно и строго сказалъ капитанъ Волошинъ, — лежитъ на 2° 10' 11" южной широты и на 22° 32' 18" западной долготы отъ Гринвича. Онъ находится внѣ какихъ бы то ни было судовыхъ рейсовъ. Наше пребываніе на немъ невозможно открыть. А это въ нашемъ дѣлѣ самое важное... А то, что онъ можетъ или не можетъ обратно опуститься — это дѣло десятое. Вулканъ давно потухъ. Землетрясенія не можетъ произойти. Вы этого, молодой человѣкъ, не учитываете.

«Сорвалось», — подумалъ Мишель Строговъ. «Молодой человѣкъ» извело и оскорбило его. Онъ со злобою посмотрѣлъ на Волошина. Онъ зналъ, что у Воло-

шина была красивая жена и что онъ больше другихъ офицеровъ тосковалъ по семьѣ и волновался, что она не знаетъ, что они не погибли. Это и вообще было самое больное мѣсто въ экспедиціи. Тутъ были Парчевскій, Ферфаксовъ, все женатые, Кобылинъ, — у него осталась невѣста — француженка, князь Ардаганскій, признавшійся какъ то Мишелю, что онъ безъ ума влюбленъ въ нѣкую очень молодую особу. «По больному то и бить», — вспомнилъ онъ и, засунувъ руки въ карманы, съ небрежно независимымъ видомъ бросилъ:

— Да и вообще...

— Нѣтъ, Мишель, — строго сказалъ Парчевскій, — если что начали, то и договаривайте.

— Вообще... Нѣтъ честности... Насъ обманываютъ...

— То есть? — еще строже сказалъ Парчевскій.

— А вотъ обѣщали женъ и матерей увѣдомить... Вообще родныхъ, что «Немезида» не погибла, а между тѣмъ... Вотъ уже мѣсяць...

Тяжелое молчаніе стало въ палаткѣ.

Ранцевъ отставилъ свой стаканъ и подошелъ къ офицерамъ. Всѣ поднялись.

— Господа, — тихимъ отъ сердца идущимъ голосомъ сказалъ Ранцевъ, — Александръ Нордековъ смутилъ васъ. Да, это вѣрно, капитанъ Немо не нашелъ пока возможнымъ громогласно черезъ радіо сообщить о томъ, что пассажиры «Немезиды» не погибли. Вы сами понимаете, что этого нельзя было сдѣлать. «Немезида» должна была исчезнуть изъ поля зрѣнія праздныхъ и любопытныхъ наблюдателей. Иначе, корреспонденты большихъ газетъ, какіе нибудь снобирующие милліонеры американцы, наконецъ, просто конкурирующие фильмовики хлынули бы вслѣдъ за ней на острова Галапагось... Не найдя тамъ никакихъ слѣдовъ фильмовой съемки, они подняли бы тревогу, стали бы искать... При теперешнихъ то средствахъ воздушной развѣдки, имъ такъ просто было бы наткнуться на нашъ островъ, и вся наша работа рухнула бы раньше времени. Она была бы сорвана. Теперь насъ нѣтъ. Вы сами видите, какъ въ нашъ вѣкъ скоро забываютъ умершихъ... Мы можемъ спокойно работать и завершить наше дѣло. Сказать

сейчасъ ничего нельзя. Вашимъ семьямъ придется потерпѣть. Итакъ уже Совѣты очень заинтересованы, откуда съѣтъ пропаганду радіо. Мы должны до поры до времени притаиться, какъ бы не быть вовсе... Но я могу васъ увѣрить, что ваша забота тяготитъ и капитана Немо и онъ, при первой же возможности, дастъ неопровержимыя доказательства вашимъ семьямъ, что вы не погибли...

Ранцевъ повернулся къ Мишелю и сказалъ, возвышая голосъ, тономъ не допускающимъ возраженія:

— Васъ, Александръ Георгіевичъ, я предупреждаю, что, если вы будете невоздержны на языкъ и еще разъ позволите себѣ выступать съ необоснованною критикой и обвиненіями, которымъ нѣтъ мѣста, я буду принужденъ арестовать васъ. Я могу принять и другія мѣры... Господа, часъ поздній. Завтра съ утра большія работы. Прошу васъ разойтись по палаткамъ.

Ранцевъ сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ въ полной тишинѣ изъ палатки.

IX.

Выйдя изъ собранія, Ранцевъ пошелъ на гору, гдѣ на послѣдней террасѣ, подъ самой вершиной, укрытый со всѣхъ сторонъ скалами стоялъ баракъ капитана Немо. Часовые окликнули его: — «что пропускъ»? Ранцевъ отвѣтилъ. Часовые узнали его. Имъ былъ разъ навсегда отданъ приказъ пропускать его къ Немо во всякое время дня и ночи. Ранцевъ постучалъ у двери барака.

— Да... да... Ты, Петръ Сергѣевичъ?... Входи... Очень кстати.

Капитанъ Немо сидѣлъ въ углу барака у небольшо-го стола, гдѣ былъ радіо аппаратъ. Онъ держалъ у своихъ ушей эбонитовые кружки. Онъ подалъ одинъ Ранцеву и жестомъ показалъ, чтобы Ранцевъ сѣлъ рядомъ съ нимъ. Свободной рукой Немо на блокъ-нотѣ напи-

салъ карандашомъ: — «говорить Дріянский, съ бывшаго «Мстителя» изъ Вардо... по спеціальной волнѣ... уловить ее никто не можетъ».

Въ аппаратѣ потрескивало и черезъ эти потрескиванія слышенъ былъ знакомый голосъ Дріянскаго.

— Сто тысячъ винтовокъ и десять тысячъ станковыхъ пулеметовъ, десять миллионovъ патроновъ къ нимъ погружены. Все прошло благополучно. Комплектовъ зимней одежды могли взять только пять тысячъ, мануфактуры тысячу тоннъ. Съ зимней одеждой имѣю надежду управиться на мѣстѣ. Такъ мнѣ и Кортиненъ писалъ. Во всякомъ случаѣ обѣщаютъ подачу слѣдующимъ рейсомъ еще двадцать тысячъ комплектовъ и двѣ тысячи сѣделъ. Дѣло поставки налажено... Теперь самое главное... Ледокола въ Шверіи мы не нашли... Но въ Вардо стоялъ совѣтскій ледоколъ «Ильичъ». Переговоривъ съ Ольсоне рѣшилъ овладѣть имъ. Лейтенантъ Нюстромъ съ двумя молодцами подошелъ къ «Ильичу» на шлюпкѣ. Были приняты. Употребили данное Вундерлихомъ дихлоръ-ди-этиль-сульфидовое соединеніе. Дѣйствительно — король газовъ!... Весь экипажъ сдохъ моментально. Наши остались невредимыми только потому, что знали, гдѣ незараженное мѣсто... Всю ночь чистили судно и сбрасывали трупы въ море. Поставили свою команду. Что удивительно — шведовъ нисколько не поразила перемѣна капитана на «Ильичѣ». Оказывается, съ совѣтскими судами это обыкновенная исторія. Завтра съ ледоколомъ идемъ дальше. Если благополучно проскочимъ «железные ворота», черезъ недѣлю будемъ въ указанномъ вами мѣстѣ. Шведы утверждаютъ, что при нынѣшнемъ лѣтѣ, тепломъ и дождливомъ, раньше конца сентября не будетъ настоящаго ледостава. Значитъ четыре рейса намъ обезпечены. Только вы успѣвайте насъ принять... Все...

Аппаратъ точно изъ приличія пощелкалъ еще немного, потомъ все стихло. Капитанъ Немо снялъ съ себя наушникъ. Онъ всталъ и прошелся по кабинету.

— Ты слышалъ, Петръ Сергѣевичъ. Медлить больше нельзя. Твои отряды готовы?

— Да... Болѣе или менѣе. Насколько можно было

въ такой короткій срокъ изучить такое сложное и большое дѣло.

— Я тебя понимаю. То, что намъ надо знать такъ безпредѣльно, что сколько ни изучай, все останутся необслѣдованныя области знанія. Все тысячи вопросовъ будутъ безъ отвѣта. Что дѣлать? — найдете отвѣты на мѣстѣ, ихъ подскажетъ вамъ сама жизнь. Настало время дѣйствовать. Иначе, пока солнышко взойдетъ — роса очи выѣстъ. Каждый день, что коммунисты остаются у власти, усиливаетъ ихъ на годы и приближаетъ возможность міровой революціи и гибели европейской культуры... Мы начнемъ... Другіе намъ помогутъ... Братья Русской Правды борются уже давно. За нами, а когда все узнаетъ, и съ нами — громадный Обще-Воинскій Союзъ... Итакъ приступимъ... Проси ко мнѣ сейчасъ всѣхъ начальниковъ отрядовъ, Русскихъ и иностранныхъ... Когда я ихъ отпущу, пусть явятся ко мнѣ летчики машинъ, назначенныхъ подъ отряды.

— Слушаюсь...

Ранцевъ спускался быстрой походкой съ горы. Кругомъ томительно красивая была лунная ночь. Внизу тусклыми казались фонари на лагерной линейкѣ. Мертвая тишина была на острову. Океанъ былъ тихъ. Изрѣдка онъ точно вздыхалъ во снѣ. Набѣгала волна прибоя. Это молчаніе природы смягчало и умиротворяло бурно колотившееся сердце Ранцева.

Вотъ оно, то, о чемъ столько лѣтъ въ эмиграціи онъ мечталъ — начинается... И какъ!...

Х.

Такъ же, какъ и Ранцевъ, всѣ офицеры, кого въ этотъ поздній часъ разбудили и потребовали къ капитану Немо, долгіе годы эмигрантскаго бытія, не переставая, мечтали о томъ, какъ они вернутся на родину. Возвращеніе въ Россію было смысломъ ихъ жизни. Безъ мечты о немъ и самая жизнь была невозможна.

Въ разное время по разному представлялось имъ возвращеніе въ Россію и работа тамъ.

Чаще всего имъ рисовалось, что гдѣ то... скорѣе всего въ Юго-Славіи формируется русская армія. Во главѣ ея становится благороднѣйшій, единовѣрный король рыцарь Александръ и ведетъ эту армію черезъ Румынію въ Бессарабію и начинаетъ новый побѣдоносный походъ на Москву. Они идутъ въ его арміи, кто простыми рядовыми, кто ротными, кто батальонными или полковыми командирами. Въ этихъ мечтахъ походъ всегда рисовался опредѣленными чертами. Сборъ въ какомъ то лагерѣ. Вооруженіе и снаряженіе. Короткое, но умѣлое «интенсивное» обученіе. Эшелоны. Выгрузка. Походная колонна. Мѣры охраненія. Развѣдка и бой... Непремѣнно бой... Далекій гулъ чужой артиллеріи и бѣлые дымки разрывовъ въ синемъ небѣ надъ головами. Смѣлое и быстрое движеніе не лежащихъ цѣпей...

Варианты были разные, но смыслъ былъ одинъ — бой и входъ побѣдоносныхъ полковъ въ Одессу, Елизаветградъ, Черкасы, Полтаву, Харьковъ...

Иногда все это представлялось въ воображеніи по иному. Образумились нѣмцы. Хитлеръ, что ли перевернулъ всѣ ихъ планы? Они порвали съ большевиками, заключили союзъ съ французами и «бѣлая армія» выдвигается изъ Эстоніи и Финляндіи — прямо на Петербургъ... Чего бы проще?... Вся операціонная линія меньше ста верстъ... Или это Франція приказала Польшѣ, и бѣлая армія формировалась въ Польшѣ и шла на Двинскъ и Псковъ, или на Великіе Луки и Москву...

Порою думали, что все это можетъ случиться иначе... безъ нихъ. Вдругъ какимъ то свѣтомъ озарится и прозрѣетъ красная армія, свергнетъ совѣтскую власть и тогда всѣмъ имъ «бѣлымъ» офицерамъ придется вернуться въ порядкѣ — приглашенія. Въ воображеніи рисовалось, какъ они входятъ съ волненіемъ въ красноармейскія казармы... Найдутъ ли они тогда общій языкъ со вчерашними крас-комами и смогутъ ли, все позабывъ, служить съ ними новой, не большевицкой Россіи?

Болѣе смѣлые, нетерпѣливые и рѣшительные, особенно тѣ, кто состоялъ въ Братствѣ Русской Правды

мечтали о командировкѣ «туда». Имъ давали фальшивые паспорта, визы, снабжали деньгами, оружіемъ, «явками» и они ѣхали съ великой опаской, каждую минуту рискуя быть узанными, преданными, арестованными, подвергнутыми пыткамъ и уничтоженными. Подвигъ?... Но какой страшный, не каждому доступный подвигъ!

И вотъ теперь... Свершилось... Они ѣдутъ туда... Какъ все это было совсѣмъ по иному, чѣмъ они думали!...

Они входили одинъ за другимъ въ баракъ капитана Немо и выстраивались кругомъ большого письменнаго стола, за которымъ стоялъ Немо. На столѣ подъ низко спущенной лампой была разложена карта Россіи.

Стукъ сапогъ, шопоть и покашливаніе взволнованныхъ ночнымъ вызовомъ начальниковъ отрядовъ смолкъ. Капитанъ Немо поднялъ голову и спросилъ Ранцева:

— Всѣ?

— Такъ точно, Ричардъ Васильевичъ.

— Прошу начальниковъ первыхъ пяти отрядовъ, объединенныхъ подъ начальствомъ Петра Сергѣевича Ранцева подойти ко мнѣ.

Въ толпѣ, стоявшей вокругъ стола произошло перемѣщеніе. Пять человекъ съ серьезными и сосредоточенными лицами стали противъ Немо.

Капитанъ Немо широкою ладонью накрылъ одно мѣсто на картѣ.

— Господа, вы въ общихъ чертахъ знаете вашу задачу. Вы давно получили соотвѣтствующіе отрѣзки картъ и вы должны были ихъ изучить. Объ этомъ краѣ всегда какъ то было у насъ неправильное представленіе. Не такой дикій и не такой холодный это край. Уже къ началу Великой войны онъ былъ вдоль рѣки густо покрытъ поселками и селами, и промысла въ немъ процвѣтали. Великая война сгустила въ немъ населеніе. Военно плѣнные... Ихъ охрана... Все это пустило тамъ какіе то корни. Теперь, смотрите... При большевикахъ... Вотъ эти розовыя пятна — это громадные лагеря рабовъ, концентраціонные лагеря ссыльныхъ... Общее число людей въ нихъ заключенныхъ доходитъ до пяти мил-

ліонівъ челоуѣкъ... Это рабочіе и крестьяне... Кулаки и подкулачники... Наибольше крѣпкій и предприимчивый народъ... Тамъ лютою ненавистью ненавидятъ большевиковъ. Да... они изнурены недоѣданіемъ и болѣзнями. Измучены каторжнымъ трудомъ въ невѣроятныхъ условіяхъ жизни. Но изъ миллионівъ людей найдутся сотни тысячъ, которые при соотвѣтствующемъ питаніи окрѣпнутъ.. Никакихъ дорогъ.. Въ короткое лѣто рѣдкіе пароходы по рѣкѣ, да почтовый, плохо содержимый трактъ... Перегородить рѣку лучами профессора Вундерлиха, поставить такія же ядовитыя лучевыя заставы на немногихъ дорогахъ, снять телеграфъ и радіо-аппараты — да послѣдніе вотъ уже больше мѣсяца работаютъ для насъ, принимая только нашу станцію, — и вы становитесь полными хозяевами громаднаго края... Вы прилетите туда, никѣмъ не обнаруженные и незамѣченные на аэропланахъ. Гдѣ нужно — уничтожите чекистовъ. Именемъ Русскаго Государя вы возьмете власть въ свои руки. Вы сдѣлаете по деревнямъ наборъ и приступите къ организаци и обученію Русской арміи. Снаряженіе, одежду и оружіе вамъ везетъ «Мститель». Онъ теперь называется «Гекторомъ» и идетъ подъ тѣмъ же экзотическимъ флагомъ, подъ которымъ мы вышли изъ Сень Назэра на «Немезидѣ». Начнете съ роты... Развернете ее въ батальонъ... Создайте учебныя команды... Постепенно сводите въ полки, бригады, дивизіи. Время у васъ будетъ. «Гекторъ» будетъ вамъ доставлять все, что нужно. Понадобятся офицеры и старшіе начальники, снесетесь съ Обще-Воинскимъ Союзомъ и получите готовые кадры полковъ. Ваша задача создать крѣпкую духомъ, сильную армію, тысячъ въ четыреста, основательно ее воспитать и обучить. Эта армія должна будетъ потомъ въ Россіи смѣнить безвѣрныя красноармейскія части, пропитанныя коммунистическимъ духомъ. Тѣ всѣ распустите... Вамъ никто не помѣшаетъ... Идти къ вамъ надо походомъ. Это мѣсяцы пути. Газовыя заставы не пропустятъ никого. Аэропланы?... Но у васъ останутся ваши аэропланы, снабженные минами, неслышныя, невидимыя, вы ими собьете любой воздушный флотъ противника. Какъ ничего не могъ сдѣлать

красный воздушный флотъ съ мятежными текинцами въ пескахъ Ферганы и Хореизма, такъ здѣсь еще меньше онъ сможетъ причинить вамъ вреда... Сколько времени вамъ на это? Ну... восемь мѣсяцевъ?... Годъ?... Черезъ годъ должно быть все готово... Вы идете со своими временными или, если успѣютъ вамъ доставить, старыми знаменами Русской арміи дальше... по Россіи... Съ бѣлыми знаменами, на которыхъ ничего не написано, ходить только сдаться. На вашихъ, какъ и на старыхъ Русскихъ знаменахъ должно быть написано: — «за вѣру, царя и отечество»... Все должно быть ясно въ вашихъ головахъ, и эту ясность вы должны нести съ собою... Вы полетите сегодня съ разсвѣтомъ. Прошу собраться и изготавиться къ полету такъ, какъ это вамъ было не разъ указано... Петръ Сергѣевичъ, прошу тебя остаться со мною. У тебя все готово?

— Все.

— Ну такъ тебѣ и собираться особенно не надо. Вы можете идти... Попрошу — Петербургъ, Москву, Кіевъ, Харьковъ и Ростовъ.

Вызываемые подошли къ столу и стали въ ожиданіи инструкцій. За тонкими стѣнами барака было слышно, какъ съ взволнованнымъ говоромъ спускались съ горы люди Ранцевскихъ отрядовъ. Слышнѣ шумѣлъ океанъ. Приливъ начинался. При блескѣ луны медленно шествовала надъ міромъ полная неразгаданной, неизъяснимой тайны ночь.

ХІІ.

Ночь еще была въ полной силѣ. Румяный мѣсяцъ склонялся къ западу, когда послѣдній начальникъ отряда, получивъ указанія отъ капитана Немо, вышелъ изъ барака. Капитанъ Немо и Ранцевъ остались одни.

Немо подошелъ къ Ранцеву и обѣими руками взялъ своего стараго друга за руки.

— Прощай, мой милый, дорогой мой Петрикъ, —

сказалъ онъ. — Не говорю тебѣ «до свиданія»: — врядъ ли когда еще свидимся... Прощай... Я вѣрю... Я не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете великое дѣло... Вы спасете Россію... весь міръ... отъ большевиковъ... Вы, доблестные Русскіе офицеры, сказавшіе что на вашемъ посту васъ можетъ смѣнить только смерть... Сколько васъ за это время нашло эту почетную смѣну... Кутеповъ... Александръ Павловичъ Кутеповъ, посмотри на своихъ сподвижниковъ!... Помолись за нихъ у Престола Всевышняго!... Конради, Коверда, да дастъ вамъ Господь счастье скоро увидѣть завершеннымъ то дѣло, которое вы такъ беззавѣтно честно и славно начали. Захарченко-Шульцъ, образецъ офицерской жены, герой женщина, Сусалинъ, Ларіоновъ, Мономаховъ, Соловьевъ, Карташовъ, вы, живые и мертвые, Братья Русской Правды, Партизаны Зеленаго Дуба, смѣлые борцы за свободу Туркестанскихъ степей Данаидъ ханъ и Измаиль бекъ... Ты видишь, Петрикъ, сколько смѣлыхъ, доблестныхъ людей проложило вамъ тропы. Вы идете не въ неизвѣстность. Эти маленькіе, одинокіе, живые и мертвые, подготовили вамъ почву. А сколько еще вы встрѣтите тамъ такихъ, о комъ мы здѣсь и не знаемъ и не подозреваемъ, но кто давно и также доблестно и безкорыстно работаетъ во имя свободы Родины. Я тебѣ вѣрю, Петрикъ. Я вѣрю, что не закружится у тебя голова, когда ты станешь во главѣ тобою созданной прекрасной, христіанской, Русской арміи и поведешь ее на Москву и Петербургъ... Я вѣрю, что въ тебѣ, простомъ Русскомъ офицерѣ... Р а н ц е в ѣ... Какая, Петрикъ, фамилія у тебя хорошая... Р а н ц е в ѣ!... Все тяжелое, что лежитъ на солдатѣ, ты взялъ на свои офицерскія плечи и доблестно въ р а н ц ѣ души своей донесешь до славной побѣды. Я вѣрю, что въ твоемъ сердцѣ нѣтъ Наполеона Бонапарта. Не для себя... Нѣтъ!... Для своего будущаго Государя!... Ему построишь свои великолѣпныя войска на Красной ли площади въ Москвѣ, или въ Петербургѣ у Зимняго Дворца, ему скомандуешь: — «Шай на краулъ», а самъ скромно опустишь, салютуя, шашку и отойдешь въ сторону... Вѣдь такъ?...

— Отъѣду, Ричардъ.

— Да. Отъѣдешь... Конечно, отъѣдешь... галопомъ... Ну иди. И тебѣ какъ то тоже собраться надо... Сейчасъ и летѣть... Прощай... Дай, Петрикъ, я перекрещу тебя.

Капитанъ Немо горячо обнялъ Ранцева, перекрестилъ и поцѣловалъ его. Слезы блистали на его глазахъ. Онъ и не старался скрыть ихъ.

— Милый мой Петрикъ... Всегда я любилъ тебя... Съ кадетскихъ лѣтъ... Свѣтлая у тебя душа... Ну дай тебѣ Богъ!... Иди... иди!...

Капитанъ Немо положилъ руку на плечо Ранцева и такъ и довелъ его до спуска съ горы.

Тропическая ночь была надъ островомъ. Большія, яркія, южныя звѣзды блистали на небѣ. Внизу, гдѣ желтыми, расплывчатыми огнями свѣтились освѣщенные изнутри палатки лагеря были слышны голоса и кто то громко кричалъ, — въ тихомъ прозрачномъ ночномъ воздухѣ каждое слово было слышно на площадкѣ у барака капитана Немо:

— Нифонтъ Ивановичъ, а Нифонтъ Ивановичъ!... Вы намъ чай то сготовите?...

И бодро отвѣчалъ отъ костра изъ кустовъ алоэ старый Агафошкинъ:

— Есть, готовлю. Заразъ и вода кипить. Фирсъ сей минутъ разноситъ будетъ. Пожалуйста въ столовку.

ХІІІ.

Едва брызнули первые золотые лучи солнца изъ за океана и освѣтили розовымъ свѣтомъ вершину горы Россійскаго острова, какъ на мачтѣ сталъ подниматься большой Русскій флагъ. На передней линейкѣ построилась Нордековская рота. Взяли «на крауль». Оркестръ Амарантова торжественно и плавно игралъ гимнъ.

И въ тотъ же мигъ изъ одного изъ шестидесяти ангаровъ на кругъ, обозначенный на лугу бѣлымъ пескомъ плавно выкатилъ аэропланъ № 1 и остановился на точкѣ. Тѣнь горы закрыла его. На передней площадкѣ лѣ-

вѣе Нордековской роты, нагруженные чемоданами и увязками въ авіагорскихъ шубахъ и шлемахъ выстроились люди девяти отрядовъ. Къ нимъ спустился съ горы капитанъ Немо.

— Первый отрядъ, выходи на посадку, — скомадовалъ онъ.

Шесть человѣкъ во главѣ съ Ранцевымъ отдѣлились отъ шеренги и пошли къ аэроплану.

У входа къ кабину капитанъ Немо молча пожалъ каждому руку.

— Можно пускать? — спросилъ Арановъ.

— Съ Богомъ!

Верхніе пропеллеры закрутились съ мягкимъ, едва слышнымъ шипѣніемъ. Сильный вихрь едва не сорвалъ съ Аранова шляпу. Аэропланъ безшумно отдѣлился отъ земли, отвѣсно поднялся надъ головами, ускорилъ свой полетъ вверхъ, черезъ мгновение онъ былъ уже надъ горою, сдѣлалъ красивый, плавный кругъ надъ Русскимъ флагомъ и серебряною, едва примѣтною въ небѣ точкою умчался на сѣверо-востокъ и исчезъ въ блистаніи солнечныхъ лучей въ розово-голубомъ утреннемъ небѣ.

И сейчасъ же изъ второго ангара на ту же точку сталъ аппаратъ № 2.

— Второй отрядъ выходи на посадку!

Такое же молчаливое пожатіе руки, сердечное: — «съ Богомъ» — и второй аэропланъ исчезъ, точно растворился въ безкрайнихъ небесныхъ просторахъ.

Девять отрядовъ, 54 человѣка команды и 18 летчиковъ улетѣли съ острова и стало на островѣ будто безлюдно и торжественно тихо.

Между часомъ и тремя у приѣмника радіо аппарата игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ Гласова. Ванечка Метелинъ надрывался въ радіо, съ изступленіемъ и страстью призывая Русскій народъ къ общему возстанію.

— Неужели, неужели нѣтъ, — кричалъ онъ съ внутреннимъ надрывомъ, красивымъ звучнымъ голосомъ,

— ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи людей честныхъ, серьезныхъ, умныхъ, которые пошли бы съ оружіемъ на коммунистовъ?... Неужели роковою силою, фатально, неминуемо, неизбежно, какимъ то рокомъ увлекаемая Европа и съ нею весь міръ катится, стремглавъ, въ пропасть? Неужели это неминуемо?... Неужели ни молитвы, ни добрая воля, ни разумъ, ни предвидѣніе, ничто не предотвратитъ катастрофы?... Нѣтъ!... Это не такъ!... Слушайте всѣ... Во всемъ мірѣ слушайте... Насталъ часъ Божіей мести. Всѣ люди въ кол-хозахъ будутъ заклеены антихристовой печатью... Кто посмѣетъ усмирять возставшихъ — смертію погибнетъ. Идите... Идите войною на коммунистовъ, иначе это они поведутъ васъ на войну съ цѣлымъ міромъ...

Потомъ увлекательно, молитвенно, несказанно красиво и съ большимъ подъемомъ Гласовскій хоръ пѣлъ: — «съ нами Богъ, разумѣйте, языци и покоряйтесь, яко съ нами Богъ»...

Отвѣсные лучи солнца упадавшіе на крышу навѣса давали внизу густую синюю тѣнь. Лица пѣвцовъ были сосредоточены и серьезны. Каждый понималъ, что п о д в и г ъ спасенія Родины начался. Передъ хористами былъ только черный кругъ радіо приѣмника — имъ казалось, что вся Россія, весь міръ ихъ слушали. Они никогда еще не испытывали такого нервнаго подъема. Никогда не было ихъ пѣніе такъ вдохновенно и не лилось такъ отъ самага сердца. Имъ казалось, что ихъ голоса мчатся за тѣми серебряными птицами, что сегодня утромъ улетѣли на сѣверо-востокъ, что они догоняютъ ихъ, что они имъ помогаютъ, несутъ имъ силу и власть побѣды.

На другой день еще новая партія въ десять летательныхъ машинъ съ такою же торжественностью, молчаливою простотою направилась въ указанная капитаномъ Немо мѣста.

Лагерь на острову Россійскомъ пустѣль.

XIV.

Съ отъѣздомъ «мужчинъ», какъ называла Ольга Сергѣевна мужа и сына, жизнь на виллѣ «Les Cocci-nelles» круто измѣнилась.

Физическій законъ, что природа не терпитъ пустоты, повидимому относился и къ пустымъ квартирамъ. Не прошло и недѣли послѣ отъѣзда Агафошкина, какъ въ его подвальную мастерскую вселилась французская семья Боннейлей, состоявшая изъ постоянно пьянаго мужа, беременной жены и двухъ маленькихъ дѣтей. А еще черезъ два дня хозяинъ сдалъ комнату-гробъ Мишеля Строгова молодой француженкѣ Софи Земпель, студенткѣ изъ Сорбонны.

— Конечно — жидовка, — сказала про новую жилицу Ольга Сергѣевна.

— Ну что же что еврейка, — сказала мамочка. — Былъ бы хорошій человекъ. И Леночка не такъ одинока будетъ. Можетъ съ нею и науками заинтересуется.

По «мужчинамъ», первое по крайней мѣрѣ время, не очень скучали. Было даже какъ то легче и свободнѣе. Полковникъ не раздражалъ Ольгу Сергѣевну своимъ параднымъ видомъ, Мишель Строговъ не мѣшалъ глупыми выходками. Мамочкѣ тоже стало легче: — можно было не готовить обѣда на всѣхъ, а ограничиваться кофе и круассанами. По настоящему скучала по полковнику только одна Топси. Она искренно скулила по нему, но ей не вѣрили.

— Это она щенята не можетъ забыть, — говорила мамочка.

Топси виновато, улыбалась и думала: — «дались имъ эти щенята, совсѣмъ они не понимаютъ собачьихъ чувствъ». Она по прежнему бѣгала по утрамъ за газетой, но теперь приносила газету мамочкѣ, которая равнодушно брала ее и откладывала до своего кофе. Было Топси скучно и безъ стараго Нифонта Ивановича. Собака чувствовала въ немъ вѣрнаго друга.

Софи Земпель какъ то очень скоро сумѣла втеретьъ-

ся въ семью Нордековыхъ. Это была услужливая и любезная дѣвушка неопредѣленныхъ лѣтъ. Она съ интересомъ и охотою слушала Леночкины рассказы о жизни въ Совѣтской республикѣ, но ничему не возмущалась.

— Это потому, — говорила Ольга Сергѣевна, — что она не понимаетъ. Испытала бы на своей шкурѣ, такъ стала бы понимать.

— Все таки милая дѣвушка, — сказала мамочка. — Ты посмотри вотъ и еврейка, а какая услужливая. И въ лавку сходить, за трудъ себѣ не сочтетъ и Леночку общалась въ Сорбонну сводить. Все ума наберется скольконибудь. Наша бы, развѣ такъ поступила бы?

Наша — это разумѣлось — Русская.

Леночка была въ восторгѣ отъ новой подруги. Отъ дѣтства осталось у ней преклоненіе передъ иностранцами. Софи же была француженка и еще парижанка...

Въ эти дни, когда жизнь на виллѣ «Les Coccinelles» начала только утряхаться и вступать въ новую колею, мамочка за своимъ дневнымъ кофе прочла въ газетѣ, что на судахъ въ Атлантическомъ океанѣ было получено радіо, призывъ о помощи, подаваемый съ парохода «Немезида» отъ Антильскихъ острововъ. Сначала мамочка хотѣла утаить эту газету отъ Ольги Сергѣевны, а когда та спросить, чтобы читать на ночь, сказать ей, что газеты не было. Но вспомнила, что Ольга Сергѣевна видала, какъ собака утромъ принесла газету и рѣшила не только дать газету, но и показать мѣсто, гдѣ было напечатано о «Немезидѣ».

«Все равно», — думала она, — «это какъ «винтики». Отъ нихъ никто никуда не уйдетъ».

Ольга Сергѣевна довольно равнодушно прочла показанную ей мамочкой замѣтку.

— Ну что же? — сказала она, поднимая глаза отъ газеты.

— Такъ вѣдь ты, чай, слыхала, тогда въ газетахъ писали, что наши на какой то «Немезидѣ» поѣхали.

— Такъ постойте, мама. А гдѣ эти самые Антильскіе то острова находятся?...

— Я думаю, въ Великомъ океанѣ.

— Такъ наши-то не могли такъ скоро добраться до нихъ. «Немезида» для парохода слишкомъ обыкновенное имя. Мало-ли какія еще «Немезиды» могутъ быть. И опять же сигналы о бѣдствіи, это не значить, чтобы крушеніе, или чтонибудь такое.

Какъ-то совсѣмъ не вмѣщалось въ ея головѣ представленіе о томъ, что полковника можетъ постигнуть какое-нибудь несчастье. Всѣ несчастья, такъ ей казалось, остались «тамъ», въ Россіи. Здѣсь, за границей, они, наконецъ, обрѣли тихую пристань, гдѣ можно отдохнуть отъ неожиданныхъ смертей и опасностей.

И когда на другой день къ ней пришла растревоженная Лидія Петровна Парчевская, она такъ увѣренно говорила, что ничего съ ихъ мужьями не могло случиться, что это какая-то другая «Немезида», что «ихъ» «Немезида» никакъ не могла быть уже у Антильскихъ острововъ, что Лидія Петровна цѣловала Ольгу Сергѣевну и говорила:

— Ну, какъ я вамъ благодарна за это... Какъ вы меня успокоили. Я сегодня и на службѣ была сама не своя. Никакъ не могла заставить себя не думать объ этомъ.

Потомъ прошло два томительныхъ дня. Никакихъ ни подтвержденій, ни опроверженій тревожнаго радіо въ газетахъ не было. Теперь Ольга Сергѣевна сама дожидалась Топси съ газетой и первая отбирала ее отъ нея. Она жадно проглядывала влажные листы и съ трепетомъ ожидала дальнѣйшихъ извѣстій.

На третій день въ газетѣ появилась большая замѣтка газетнаго освѣдомителя по совѣтскимъ дѣламъ. Онъ прямо и точно, такъ точно, будто онъ самъ присутствовалъ при крушеніи «Немезиды», описывалъ, что на пути къ Панамскому каналу, не доходя до Антильскихъ острововъ, при совершенно исключительныхъ и загадочныхъ обстоятельствахъ погибъ пароходъ, приобрѣтенный анонимнымъ кинематографическимъ обществомъ «Атлантида». На этомъ пароходѣ, носившемъ наимено-

ваніе «Немезида», шло, не считая команды, около трехсотъ статистовъ кинематографическаго общества, почти исключительно «бѣлыхъ» офицеровъ. По отзывамъ товарищей все это были самые активно настроенные офицеры, непримиримѣйшіе противобольшевики. «Немезида» погибла тамъ, гдѣ вообще никогда никакихъ крушеній не отмѣчалось. Она, повидимому, затонула отъ неизвѣстной причины на большой глубинѣ. Ни подводныхъ скалъ, ни мелей тамъ не было. Послѣднее время не было и сколько-нибудь значительныхъ бурь въ Атлантическомъ океанѣ. Авторъ замѣтки, нѣкто Сергѣевъ, морской офицеръ, отмѣчалъ загадочность этого крушенія и писалъ, что оно должно быть отнесено къ числу такихъ же непонятныхъ и неразгаданныхъ явленій нашего времени, къ какимъ относится исчезновеніе среди бѣла дня изъ Парижа генерала Кутепова. Онъ писалъ, что ему извѣстно, какъ интересовались большевики кинематографическимъ обществомъ «Атлантида», какъ старались, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, попасть въ него... Въ томъ же номерѣ газеты, нѣсколькими строками ниже, было помѣщено сообщеніе, что примѣрно недѣли двѣ тому назадъ совѣтская подводная лодка находилась въ водахъ Гавра.

Ольга Сергѣевна прочла это извѣстіе и перечла его нѣсколько разъ и все-таки мысль ея отказывалась воспринять, что ея мужъ и сынъ погибли на днѣ океана. Уже слишкомъ все это казалось быстрымъ, неожиданнымъ и необыкновеннымъ. Она пошла на службу, добросовѣстно и, какъ всегда безъ ошибокъ, писала подъ диктовку своего патрона. Она вернулась домой и все была въ томъ же оупѣніи. Мамочка не трогала ее. Леночка молчала. Обѣ какъ-то почтительно отнеслись къ ея горю. А она при всей своей пришибленности все не вѣрила въ то, что это могло случиться и думала о мужѣ и о сынѣ не какъ о мертвыхъ, но какъ о живыхъ.

Русскія газеты запестрѣли объявленіями въ черныхъ рамкахъ. Служили панихиды полковныя объединенія, служили «убитыя» горемъ вдовы и матери. Ольга Сергѣевна все не вѣрила.

Дня два газеты этимъ вопросомъ занимались, потомъ какъ-то быстро охладѣли и позабыли. Русское общество привыкло къ своему безправію. Еще со дня потопленія итальянскимъ пароходомъ на Константинопольскомъ рейдѣ яхты генерала Врангеля, потомъ послѣ осужденія Коверды, похищенія генерала Кутепова, Русское общество было научено молчать и «не рипаться». Оно и теперь замолчало. Другія, болѣе важныя событія заслонили гибель «Немезиды». Въ Испаніи была революція, Германія катилась къ какому-то странному банкротству среди изобилія, король Альфонсъ, Маура, Каталонцы, канцлеръ Брюнингъ, Хитлеръ, разѣзды премьеровъ по всему свѣту вытѣснили съ газетныхъ столбцовъ таинственную «Немезиду», на которой погибло до трехсотъ офицеровъ. Гибель Русскихъ людей за границей была настолько привычнымъ явленіемъ, что уже никого не смущала. Молодежь умирала отъ переутомленія и чахотки, старики кончали съ собою отъ голода, безработицы и одиночества. Не хватало на всѣхъ жалости.

Кое-гдѣ, тамъ, гдѣ среди погибшихъ не было родственниковъ, даже злорадствовали. «Сунулись со своимъ Русскимъ суконнымъ рыломъ какіе-то таинственные Холливуды основывать. На островахъ Галапагось! Куда ихъ понесло! Не могли точно устроить студию хотя бы въ томъ же Медонѣ? Если въ сильный вѣтеръ Сену снимать и горизонтъ ловко поставить — не хуже океанской волны выйдетъ. Зря какую уймаищу денегъ ухлопали... Вотъ на такія затѣи, на театры, оперы, на памятники балеринамъ деньги всегда найдутся, а дать заслуженнымъ старикамъ пенсію, поддержать стипендіями молодежь, помочь безработнымъ, или инвалидамъ, на это денегъ никогда не найдешь...»

Грусть и отчаяніе лишь постепенно овладѣвали Ольгою Сергѣевной и она только черезъ нѣсколько дней ощутила, осознала и поняла, что такое — неутѣшное горе.

XV.

Ольга Сергѣевна пришла въ воскресенье въ церковь рано, когда въ ней никого прихожанъ не было. Сторожъ, старикъ, «бывшій» генералъ только что открылъ двери и медленно, шаркая слабыми ногами, ходилъ по церкви, стиралъ пыль и зажигалъ лампадки.

Посерединѣ на сколоченномъ изъ досокъ широкомъ налоѣ, покрытомъ чистымъ полотенцемъ, былъ поставленъ небольшой образъ Казанской Божіей Матери... Говорили: — чудотворный образъ. Его привезли вчера ко всенощной. Образъ былъ убранъ пучками нѣжныхъ бѣлыхъ нарциссовъ. На нихъ были положены кисти розовыхъ маленькихъ выющихся розочекъ. Несказанно нѣженъ, красивъ и дѣвственно чистъ былъ отъ этихъ цвѣтовъ уборъ «Невѣсты Невѣстной».

Ольга Сергѣевна подошла къ образу и опустила на колѣни. Еще не склоняя головы, она оглянула церковь. Ей часто раньше представлялось, что это не настоящая церковь. Сейчасъ она поняла, что именно въ этой простотѣ нищенски бѣдно убраннаго храма съ простымъ холщевымъ иконостасомъ, съ печатанными на бумагѣ образами и есть свидѣтельство, что здѣсь незримо присутствуетъ Господь. Именно это и есть настоящая церковь. Она создана не тщеславіемъ людскимъ, не отъ избытка и изобилія, а отъ нищеты. Это лепта вдовицы, такъ благосклонно принятая Христомъ. Ее созидала глубокая вѣра. На нее давали, отказывая себѣ въ необходимомъ, украшать ее приходили люди, валившіеся съ ногъ отъ усталости послѣ дня, проведеннаго въ тяжелой, непосильной и непривычной работѣ.

Ольга Сергѣевна умилилась. Она нагнулась въ земномъ поклонѣ передъ Матерью Бога и поняла, что Богъ ее услышитъ. Она хотѣла молиться, но почувствовала, что не можетъ молиться, не покаившись. Она такъ была виновата передъ мужемъ и сыномъ.

«Онъ правъ... Онъ, а не я... И отступленія «по стратегическимъ соображеніямъ»... А, если и точно такъ на-

до было? Нельзя было иначе? Почему онъ виноватъ, когда всѣ такъ дѣлали. Такъ было надо.... Такъ было отъ Бога... Прости меня, Боже, Святая Матерь, попроси у Господа, Сына Твоего, мнѣ прощеніе. И пріятіе революціи... Какъ же онъ могъ не пріять ее, когда всѣ, и самъ Государь ее приняли?... Я... Я была не права. Господи прости меня. Георгій, ты слышишь, прости меня... И теперь эти ихъ полковьяя объединенія, полковой музей, собранія, — это служеніе Родинѣ, а я только о себѣ и думала. Они себя забывали. Они отъ своего малаго личнаго отдавали идеѣ... Они подлинно были герои. Господи, прости меня. Георгій, ты слышишь, Георгій, я... я была не права... Прости меня, Георгій».

Она прижалась лбомъ къ полу, гдѣ лежалъ маленькій дешевый коврикъ и долго не разгибала спину. Она чувствовала боль въ поясицѣ. Эта боль ее радовала. Она приподняла голову, перекрестилась и подумала: — «и то, что Шура сталъ Мишелемъ Строговымъ, развѣ онъ виноватъ? Я не должна была его оставлять и, когда онъ вернулся, я должна была вліять на него... Я съ нимъ даже мало разговаривала. Все некогда.... Все устала... Раздражалъ онъ меня и не могла я съ нимъ спорить.... Шура, прости меня»...

Она, не поднимая головы, ощутила, какъ подлѣ нея кто-то тихо опустился на колѣни. И она знала, что это была Лидія Петровна. Она сквозь бѣгущія мысли и молитвы слышала движеніе въ храмѣ. Должно быть священникъ прошелъ въ алтарь, чтецъ на клиросѣ шелестѣлъ листами книгъ. Запахъ ладана сталъ заглушать благоуханіе нарциссовъ. Раздували въ алтарѣ кадило.

Ольга Сергѣевна, не вставая съ колѣнъ, выпрямилась. Большими, покрытыми слезною пленкой глазами она смотрѣла, какъ подлѣ нея Парчевская убирала принесенными свѣжими, и все бѣлыми, нарциссами образъ. Сзади Парчевской протянулась тоненькая худая ручка, и Ольга Сергѣевна по ней узнала — Анеля принесла пучекъ розъ. Было въ этомъ украшеніи цвѣтами образа что-то такое трогательное, красивое, удивительно милое

и полное такой чистой вѣры, что Ольга Сергѣевна съ трудомъ удержала рыданіе.

Когда служба кончилась, Парчевская и Ферфаксова подошли къ Ольгѣ Сергѣевнѣ. Онѣ предлагали отслужить общую панихиду. Хотя общество и обязалось въ случаѣ несчастія платить пенсію, но могло ли общество предвидѣть, что всѣ погибнуть? У нихъ не было письменнаго контракта и какъ и гдѣ искать съ общества, о которомъ онѣ ничего не знали. Будущее было неизвѣстно и нужно было быть экономными.

— Милая, вы ничего не имѣете противъ, отслужить сообща, вы, Анеля и я сейчасъ скромненько и безъ пѣвчихъ панихиду по нашимъ погибшимъ, — сказала Лидія Петровна.

— Конечно, конечно, — отвѣтила Ольга Сергѣевна. — Но, можетъ быть, это неправда. Газеты такъ много врутъ.

— Ахъ, милая, далъ бы Богъ! Но панихида и по живымъ, такъ говорятъ, никогда не повредить.

Въ опустѣвшей церкви онѣ служили панихиду. Батюшка возносилъ моленія проникновенно и красиво. Діаконъ — Ольга Сергѣевна теперь совсѣмъ забыла, что онъ уланскій штабсъ-ротмистръ, — пѣлъ за хоръ, не всегда въ тонъ и не все вѣрно, но съ такимъ чувствомъ, что Ольга Сергѣевна искренно и, уже не скрывая своихъ слезъ, плакала, и плакали съ нею Анеля и Лидія Петровна.

Когда діаконъ сладкимъ баскомъ заливался: «Бога никто же, видѣ нигдѣ же, на Него же ангельскія не смѣютъ взирати», Ольга Сергѣевна чувствовала трепеть во всемъ тѣлѣ. Она не видѣла Бога, но ощущала всею душою своею Его незримое присутствіе и понимала, какъ она ошибалась, считая, что это не настоящее. Все: и церковь и діаконъ было именно настоящее, такое, какъ надо, угодное Богу.

Она шла домой съ поднятою головой, увѣренная, что Господь услышалъ ея молитвы и что вотъ сейчасъ. Онъ пошлетъ ей какое-то знаменіе и скажетъ ей, что самое ужасное, что можетъ быть въ жизни — уходъ че-

ловѣка близкаго н а в с е г д а, такъ что ужъ никогда и никакъ его и не увидишь, ее миновало.

Въ тупичкѣ ихъ переулка она встрѣтилась съ рѣдкимъ гостемъ виллы «Les Coccinelles» — почтальономъ. Онъ сказалъ, что у него для нея есть денежный переводъ, и вернулся съ нею на дачу.

Почтальонъ принесъ обусловленные пенсiонные тысячу франковъ за мужа и пятьсотъ за сына.

Ольга Сергѣевна приняла деньги, расписалась на карточкѣ, дала почтальону на чай и, не отвѣчая на разспросы мамочки, прошла въ свою комнату. Ей надо было собраться съ мыслями.

Что все это значило?.. Они погибли... Но тогда что же значила и чего стоила ея молитва? Они не могли погибнуть... Общество выплачиваетъ пенсiи... Что же это за такое честное и богатое общество, не стѣсняющееся въ расходахъ и, безъ напоминанiя, безъ просьбъ, безъ суда платящее то, что обязалось, безъ писаннаго контракта? Если всѣ они погибли, такъ и концы въ воду. Кто же тогда платить? Это выходило совсѣмъ не по современному. Слишкомъ по старинному честно. Не практично честно. А что если ея первая догадка была правильна и общество «Атлантида» совсѣмъ не кинематографическое общество, но общество политическое, и она получаетъ пенсiю за погубленныхъ людей... отъ большевиковъ... Большевики стануть платить деньги за убитыхъ ими людей! О! Никогда!.. Ну, а если?.. Это нѣчто совсѣмъ непонятное, что-то вродѣ пресловутаго «треста?»..

Ольга Сергѣевна вынула изъ сумочки деньги и пересмотрѣла ихъ. Ей пришла въ голову дикая мысль, что большевицкiя деньги должны быть особенныя. Но деньги были, какъ всегда деньги съ почты, — старенькiе, исколотые булавками, сотенные, пестрые, засаленные билеты и ничего въ нихъ страшнаго не было.

Но почему-то эти деньги укрѣпили зародившуюся въ Ольгѣ Сергѣевнѣ надежду, что ея мужъ и сынъ живы и увѣренность, что они поѣхали на большое политическое дѣло, о которомъ надо молчать.

XVI.

Леночка быстро сдружилась съ новой жилищей, Софи Земпель. Онѣ стали «ами». Это трогало Леночку. По предложенію Земпель онѣ вмѣстѣ ѣздили въ Сорбонну, и Леночка, изъ пятаго въ десятое понимая то, что тамъ читалось, съ увлеченіемъ слушала самыя разнообразныя лекціи. Она просвѣщалась въ Ассиро-Вавилонскомъ искусствѣ, слушала о Португальской поэзіи, о банковскихъ операціяхъ и разъ даже прослушала лекцію о «кривыхъ второго порядка».

Эти лекціи, все исключительно матеріалистическія, — такой подборъ дѣлала Софи Земпель, — говорили Леночкѣ, что, если во Франціи и нѣтъ того богоборчества, которое она наблюдала въ совѣтской республикѣ, то есть, пожалуй, еще худшее, игнорированіе, забвеніе Бога, отрицаніе надобности въ Немъ, въ Его помощи. Наука все объясняла, наука до всего дошла и все собою покрывала.

Эта наука, безпорядочныя, безалаберныя лекціи, прослушанныя Леночкой въ Сорбоннѣ, упали на ея изуродованную душу, какъ дрожжи въ тѣсто. Въ ней произошелъ переломъ и создалась своя теорія жизни и смерти, тоже своего рода «винтики», какіе были у Неонилы Львовны. Много способствовалъ этому и кинематографъ, посѣщаемый ею по вечерамъ. Она видѣла говорящія тѣни на экранѣ. И ей становилось страшно. Особенно жутко было, когда она знала, что артистъ или артистка, показываемые на экранѣ, умерли. А она слышала ихъ голосъ, видѣла образъ, двигавшійся по полотну. Она выходила въ толпѣ изъ кинематографа, спѣшила на подземную дорогу, мчалась къ своему вокзалу, чтобы ѣхать домой, а сама брезгливо жалась отъ людей. Ей казалось, что она чувствуетъ запахъ тлѣнія ихъ тѣлъ, совѣмъ, какъ тогда, когда она на салазкахъ везла полуразложившійся трупъ матери, чтобы зарыть его на кладбищѣ города Троицка. Ей казалось, что жизни собственно и нѣтъ. Это не живые люди ее окружаютъ, но

тѣни, какъ въ кинематографѣ. Людскія тѣни прошли и проходятъ безконечными вереницами по улицамъ мірового города, появляются и исчезаютъ. И вотъ тотъ, что только что, выходя изъ вагона, толкнулъ ее, онъ испарится въ ночномъ туманѣ и исчезнетъ навсегда. Изъ какой-то гадкой слизи возникали люди и разваливались, распадались опять въ вонючую слизь. Эта мысль стала ее преслѣдовать и уже было не до миллионѡвъ. Стало страшно жить.

На обширномъ дворѣ Сорбонны Леночка видѣла разноплеменную молодежь, съ веселымъ говоромъ разбѣгавшуюся по гулкимъ корридорамъ и обширнымъ аудиторіямъ. Она видѣла негровъ и китайцевъ, англичанокъ и американокъ, учившихся вмѣстѣ, слушавшихъ лекціи. Между многими было дружное товарищество. Ихъ шутки, ихъ смѣхъ, озабоченная бѣготня, вся ихъ шумная толпа напомнили Леночкѣ совѣтскіе ВУЗ-ы, но только не было среди нихъ совѣтскаго озлобленія. Всѣ были болѣе или менѣе хорошо одѣты, и шутки и шалости этой молодежи были приличны. Леночка поняла, что тутъ, хотя у многихъ были «ами», нельзя было съ ними обойтись просто и отдаться, какъ говорилось у совѣтской молодежи «безъ черемухи», или попросить сдѣлать ребенка.

Въ полдень Леночка и Софи мчались на громящемъ автобусѣ, или въ душномъ вагонѣ подземной дороги куда-то за Этуаль, въ недешевый ресторанъ, гдѣ ожидалъ ихъ «ами» Софи. Подлѣ Сорбонны, въ Латинскомъ кварталѣ, было сколько угодно маленькихъ и такихъ, казалось, Леночкѣ, симпатичныхъ студенческихъ ресторановъ и столовокъ, были и болѣе роскошные, но дешевые рестораны «Дюваля», но Софи и ея «ами» облюбовали Русскій ресторанъ и ѣхали въ него въ шумной полуденной Парижской толпѣ, торопящейся завтракать.

Онѣ выскакивали у Этуали и, если шелъ дождь, забѣгали подъ громаду Триумфальной арки и стояли тамъ подлѣ каменной плиты, уложенной вянущими вѣнками и букетами. Леночка со страхомъ смотрѣла, какъ мета-

лось гдѣ-то въ глубинѣ неугасимое пламя. Ей казалось, что это душа солдата сгораеть тамъ и не можетъ найти покоя. Она думала: «значитъ, душа-то есть».

Онѣ спустились по широкому проспекту круто внизъ и входили въ маленькую, тѣсную, узкую улочку. У панели длиннымъ рядомъ стояли машины такси. Черезъ тѣсную дверь онѣ попадали въ Русскій ресторанъ. За узкими, длинными столами вдоль стѣны на диванахъ-скамьяхъ рядами сидѣли люди. И было такъ тѣсно, какъ въ совѣтской столовкѣ. Было сумрачно и душно. Глухой гулъ и гомонъ голосовъ поражалъ послѣ притихшей въ полуденномъ отдыхѣ улочки. Отъ табачнаго дыма першило въ горлѣ. Но на столахъ были бѣлыя скатерти и вѣжливая прислуга во фракахъ — какъ эти фраки первое время казались смѣшными Леночкѣ — спрашивала, наклоняясь надъ ухомъ:

— Вамъ борща, или пирогъ съ вязигой? Какой напитокъ прикажете? Пиво или квасъ?

Жанъ, «ами» Софи, ожидалъ ихъ и берегъ имъ мѣста. Онѣ кричалъ:

— Квасъ... квасъ... *Donnez-moi du kwass!*..

Странный человекъ былъ этотъ Жанъ. Онѣ былъ французъ, но хорошо говорилъ по Русски и зналъ Россію. Онѣ былъ темный брюнетъ и, какъ тщательно онѣ ни брился, его щеки и подбородокъ были покрыты гладкой синевою. Подъ самыми ноздрями торчали двѣ крошечныя кисточки, точно не совсѣмъ опрятенъ былъ носъ. Лицо было безъ морщинъ, блѣдное съ нездоровыми пятнами и прыщами. Онѣ носилъ большія круглыя очки въ черной роговой оправѣ. Прислуга ресторана называла его американцемъ и пыталась заговаривать съ нимъ по-англійски. Леночка никакъ не могла опредѣлить, ни сколько ему лѣтъ, ни правда-ли, что онѣ былъ французъ. Ему можно было дать и двадцать пять и всѣ сорокъ. Леночка опредѣлила его по совѣтски: «комиссаръ» въ какомъ-нибудь хозяйственномъ учрежденіи. Здѣсь онѣ могъ быть и адвокатомъ и приказчикомъ, могъ быть и просто спекулянтномъ, или бирже-

вымъ зайцемъ. Софи никогда не говорила, кто такое ея «ами». Леночка не рѣшалась спросить, кто онъ.

Сидѣли такъ тѣсно, что касались колѣнями другъ друга. Леночка оглядывала ресторанъ. Въ углу подъ аркой висѣла икона въ фольгѣ. Противъ Леночки, на стѣнѣ, въ рамочкахъ были развѣшаны раскрашенныя литографіи, изображавшія Русскихъ солдатъ въ старыхъ формахъ. Наискось отъ Леночки у стѣны сидѣлъ желчный человѣкъ, обросшій косматой, черной бородой, съ громадными, вѣрно выдавшими нечеловѣческія муки, страдающими глазами. Онъ волновался, что ему долго не подавали кофе. И кофе ему подали въ какомъ-то странномъ приборѣ изъ стекла, напоминавшемъ химическую колбу. Въ немъ на спиртовой лампочкѣ кипятили воду. Рядомъ съ Леночкой была хорошенькая свѣтлая блондинка съ подщипанными бровями и большими выпуклыми, карими Русскими глазами. Она рассказывала скромно одѣтой брюнеткѣ, сидѣвшей рядомъ съ нею, про какую-то Муру, устраивавшую прошлое Рождество елку, и какъ упала съ елки свѣча и сгорѣла скатерть на столѣ.

— Мура, конечно, очень огорчилась, — слышала Леночка свѣжій голосъ блондинки сквозь гулъ ресторана. — Понимаешь... Такая неприятность... Надо выйти изъ положенія...

Желчный бородачъ дымящейся папиросой тыкалъ въ кофейный приборъ и сердито говорилъ лакею во фракѣ:

— Не закипаетъ вашъ кофе... А мнѣ ѣхать надо... Понимаете, ѣхать надо.

Пожилая, гладко причесанная женщина, съ такимъ пріятнымъ Русскимъ лицомъ, что Леночка заглядѣлась на нее, стояла въ глубинѣ, подъ иконой, у входа въ тѣсную гардеробную и внимательно смѣтрѣла, кто встаетъ, чтобы быстро подать пальто и шляпу съ тростью.

Въ этой тѣснотѣ, за тарелкой борща, на Леночку находила откровенность, и она охотно рассказывала Софи и ея «ами» про свою совѣтскую жизнь, про пріѣздъ въ Парижъ и какъ она все нашла въ Парижѣ не такимъ,

какъ ей казалось въ Ленинградѣ. Она рассказывала про бабушку съ ея «винтиками», про полковника и про Мишеля Строгова. Ей казалось теперь смѣшнымъ ея увлеченіе Мишелемъ и мечты о милліонахъ. Сорбонна съ ея лекціями показали ей другую жизнь. Она вдругъ умолкала и прислушивалась. Ей казалось, что на мгновеніе смолкалъ и гулъ многихъ голосовъ. Время на мигъ точно останавливалось.

«Если время подчинить себѣ», — думала Леночка, — «и допустимъ такъ: каждая секунда, что отбиваетъ пульсъ у меня въ рукѣ, есть годъ, но только для другихъ, а не для меня».

Она смотрѣла на Жана. Ей казалось, что она видитъ, какъ на ея глазахъ быстро старѣетъ лицо Жана. Оно покрывается морщинами, желтѣетъ; посѣдѣли и полысѣли виски, стали падать волосы и уже стало лицо мертвымъ, потемнѣло, стало облѣзать... Какое ужасное зрѣлище. Обнажаются кости. И нѣтъ ничего. Маленькая лужица слизи, не больше, какъ плевокъ. Это все, что былъ Жанъ. Это все, что осталось отъ Софи, отъ нея самой. Весь ресторанъ сталъ казаться призракомъ и было жутко касаться колѣнями колѣнь Жана.

— Что вы на меня такъ смотрите? — второй разъ спросилъ Жанъ.

Леночка встряхнулась.

— Я?... Нѣтъ, ничего... Я такъ... Представьте, какія у меня мысли.

И она коротко и сбивчиво пересказала Жану тѣ мысли, что ее мучили.

— А да... Я это такъ понимаю, — сказалъ Жанъ и отложилъ въ сторону папиросу. — Это въ васъ говорить славянская душа... А какъ же тогда ваши мечты стать звѣздой экрана, заработать милліоны?

— Я эти мечты оставила. Мнѣ надоѣла жизнь. Знаете... На мигъ это даже не стоитъ, а вѣчнаго на свѣтѣ нѣтъ ничего. Да и какъ сдѣлать эти милліоны? Надо быстро, пока молода. Когда состарѣешься и милліоны ни къ чему.

— Но вы мнѣ говорили, что обладаете какою-то тайной.

— Да, говорила... Но я даже не знаю, какая это тайна! — политическая или кинематографическая.

— О, мадмуазелль, но это же двѣ большія разницы. Это совсѣмъ различные источники доходовъ, разная расцѣнка гонораровъ и иной рискъ.

Леночку смѣшило, какъ Жанъ говорилъ ей «мадмуазелль», совсѣмъ не по французски... Можетъ быть, онъ и, правда, американецъ, только прикидывается французомъ, чтобы его не эксплуатировали.

— Какой же рискъ?

— Какъ какой? Вы мнѣ рассказывали про кинематографическое общество «Атлантида», и вы мнѣ дали понять, что вы подозрѣваете, что это общество политическое. Такъ, по крайней мѣрѣ, вы слышали, какъ проговаривались вашъ дядя и ваша тетка. Допустимъ, что это такъ. Противъ кого можетъ быть направлено это общество?

— Противъ совѣтской республики, — не задумываясь, отвѣтила Леночка.

— Прекрасно. Но, если вы обладаете тайной, направленной противъ совѣтовъ, вы обязаны сказать объ этомъ французской полиціи или прямо въ полпредствѣ. Это вашъ долгъ.

— Почему это мой долгъ?

— Да вы какая гражданка?

— Я васъ не понимаю.

— По паспорту?

— Паспортъ у меня совѣтскій. Но это еще ничего не доказываетъ.

Барышня, рассказывавшая про Муру, какъ показалось Леночкѣ, что-то очень быстро собралась уходить. Она прошла мимо Леночки и брезгливо обошла ее. Это задѣло Леночку, и она съ нѣкоторымъ задоромъ и раздраженіемъ сказала:

— Кто и что мнѣ можетъ здѣсь во Франціи сдѣлать? Я никому не обязана доносить.

— Положимъ... Разъ вы совѣтская гражданка, то вы и обязаны исполнять всѣ совѣтскіе законы.

— Даже и во Франціи?

— Даже и во Франціи... Оставимъ этотъ разговоръ. Здѣсь не мѣсто объ этомъ говорить. Все это пустяки. Я сказалъ это, чтобы васъ подразнить. Все же это ерунда. Глупости. Тѣмъ болѣе, что «Немезида», на которой ѣхали участники этого кинематографическаго или политическаго общества, какъ мы знаемъ, погибла.

— Тетя не вѣритъ, что она погибла. И Лидія Петровна Парчевская тоже...

— Парчевская... Парчевская, — повторилъ въ какомъ-то раздумьи Жанъ. — Я что-то слыхаль эту фамилію. Вы не можете мнѣ узнать, гдѣ живетъ госпожа Парчевская?

— Я знаю. Она живетъ тамъ же, гдѣ и мы. Я къ ней носила отъ тети книги.

— Ахъ, мнѣ точнаго адреса и не надо. Я ее разыщу и такъ. А... скажите?.. Вы не слыхали про Пиксанова?

— Дядя что-то говорилъ... И Ферфаксовъ говорилъ... Онъ живетъ далеко, въ деревнѣ.

— А вы не знаете, именно гдѣ?

— Нѣтъ, — сухо сказала Леночка. «Если такъ будутъ выпрашивать у меня тайны, такъ что же я на нихъ заработаю? Этотъ Жанъ никогда даже какимъ-нибудь персикомъ не угостить, а все выпрашиваетъ».

Она рѣшила ничего не говорить больше Жану.

Жанъ, какъ бы самъ съ собою разговаривая или обращаясь къ безмолвной все это время Софи, сказалъ:

— Я слыхаль про какое-то таинственное радіо... Мнѣ говорили о немъ знакомые французы спеціалисты.

Жанъ всталъ первый. Счета были уплачены. Каждый платилъ за себя. По товарищески. Они вышли. Жанъ подозвалъ такси и, простившись съ Софи и Леночкой, помчался вверхъ по переулку.

— Пойдемъ на метро, — сказала Софи.

— Нѣтъ, — возьми такси. Ёдемъ домой. Я не хорошо себя чувствую. Мнѣ страшно.

Леночка дрожала внутреннею дрожью и была, какъ въ лихорадкѣ. Она вдругъ поняла, что Сорбонна, этотъ прокуренный ресторанъ, весь Парижъ, Жанъ, все это вздоръ, мифъ, сонное видѣніе, призракъ, все это только кажется. Ничего этого нѣтъ. Она «совѣтская» и здѣсь она такъ же окружена, какъ въ совѣтской республикѣ сыскомъ и шпионажемъ. Здѣсь ее такъ же могутъ запросто «угробить», какъ угробили ее мать.

— Кто этотъ Жанъ? — спросила Леночка.

— Кто?.. Очень хорошій человѣкъ.

— Но гдѣ онъ служитъ?.. Гдѣ?.. Скажи мнѣ...

— Ахъ... Ну, какая ты глупая. Но почему я знаю? Онъ хорошо зарабатываетъ. Ты видала какіе у него галстуки?.. И какая брошь!

— Да... Но откуда, откуда все это? — съ тоскою проговорила Леночка. — Скорѣе возьми такси.

— *L'âme slave*, — снисходительно сказала Софи. — Только ты платишь.

Она подозвала такси.

XVII.

Почти каждый день, вечеромъ, Лидія Петровна приходила къ Нордековой. Онѣ брали свои чашки съ чаемъ и по куску хлѣба и уходили въ комнату Ольги Сергѣевны. У нихъ были «секреты». Напрасная уловка. Мамочка ядовито улыбалась, дѣлала незамѣтный знакъ Леночкѣ и обѣ неслышно придвигали стулья ближе къ двери и прислушивались. Когда разговоры за дверью смолкали, онѣ начинали гремѣть посудой.

Сначала говорила Лидія Петровна и такъ тихо, что даже и черезъ картонную дверь ничего не было слышно. Потомъ шуршали разворачиваемыя газеты, принесенныя Парчевской, и Лидія Петровна говорила:

— Я не знаю, почему въ нашихъ парижскихъ газетахъ ничего этого не пишутъ.

Ольга Сергѣевна отвѣчала чуть слышнымъ шопотомъ:

— Я справлялась у нашего милого прокурора. Онъ говоритъ, что все это нуждается въ тщательной провѣркѣ. Были случаи, что сами большевики нарочно пускали такіе слухи о возстаніяхъ, чтобы потомъ опровергнуть ихъ и, вызвавъ въ эмиграціи сначала надежды, потомъ вызвать депрессию.

— Да, конечно, отъ нихъ можно всего ожидать. Дьяволы какіе-то, — тихо сказала Лидія Петровна. — Но вотъ видите, въ Бѣлградской газетѣ опять пишутъ. Раньше было радіо «имени генерала Кутепова» и это радіо три раза въ недѣлю говорило самыя контръ-революціонныя рѣчи. Потомъ оно замолкло. А теперь вотъ уже больше мѣсяца немолчно звучитъ совсѣмъ непонятное радіо. Играетъ оркестръ «Боже царя храни» и поетъ прекрасный хоръ. Можете себѣ представить, какое это должно тамъ производить впечатлѣніе? И кто-то прекрасно разъясняетъ всю политику большевиковъ. Вы помните, милая, какъ намъ Амарантовъ говорилъ, что главное вниманіе у нихъ обращено на отчетливое исполненіе гимна и какъ-то особенно ставили инструменты, чтобы по радіо можно было передавать.

— Вы думаете?..

— Кто знаетъ.

Обѣ замолчали. Леночка и мамочка перетирали посуду.

— Какъ онѣ долго возятся съ посудой, — сказала Ольга Сергѣевна съ досадой.

— Хотите, я пойду помогу имъ.

— Ахъ, что вы, милая.

— Сегодня я получила черезъ наше полковое объединеніе Дальне-восточную газету. Тамъ еще болѣе поразительныя вещи пишутъ. Помните, въ Кубанской Области было возстаніе и усмиряли его воздушнымъ флотомъ. Такъ вотъ пишутъ, будто всѣ тѣ летчики, которые сбрасывали бомбы въ возставшія станицы, были найдены въ своихъ постеляхъ мертвыми и врачи совѣтскіе не могли опредѣлить, отъ чего послѣдовала смерть. И

такая же участь постигла и тѣхъ летчиковъ, что усмиряли возстаніе въ Туркестанѣ. Странно.

— Да, очень странно. А что пишутъ по этому поводу въ Бѣлградской газетѣ?

— Будто еще какія-то странныя явленія происходятъ съ милицейскими, усмиряющими уличные беспорядки. Ихъ вдругъ одолѣваютъ слезы.

— Что же это возможно. Я читала, что въ Америкѣ для борьбы съ бутлегерами употребляютъ особыя ручныя бомбы, пускающія при разрывѣ слезоточивые газы.

— Но откуда эти газы тамъ?

И опять замолчали, и слышно было только, какъ онѣ переворачивали газетные листы, должно быть обѣ читали газеты.

Мамочка и Леночка убрали посуду въ шкафъ.

Совсѣмъ громко сказала Лидія Петровна:

— Вы не обратили вниманія, милая, что все это пошло какъ разъ съ того времени, когда наши уѣхали сниматься.

— Ахъ, далъ бы Богъ. Вы знаете, что я уже перестала вѣрить въ возможность какой бы то ни было борьбы.

— Женя, уѣзжая, сказалъ мнѣ: «ты о насъ скоро и хорошо услышишь».

— Далъ бы Богъ. Я уже такъ молюсь Владычицѣ и Покровительницѣ Русской земли. Наша она теперь у насъ въ храмѣ... Казанская... Петербургская...

Лидія Петровна стала прощаться.

— До завтра, милая.

— Мы еще увидимся въ церкви. Я приду рано. Будемъ убирать цвѣтами икону.

— Такъ это красиво.

— Знаете, лучше всякихъ самоцвѣтныхъ камней.

— Каждый дѣлаетъ, что можетъ. Намъ камни то не по нашему бѣженскому карману. До свиданія, милая.

Мамочка и Леночка едва успѣли убрать стулья, на которыхъ сидѣли, какъ раскрылась дверь, и Парчевская, а за нею Ольга Сергѣевна вышли изъ комнаты.

Леночка пошла проводить Парчевскую до калитки.

Подслушанное ею уже не радовало ее, но тяготило страшную тайною, за которую можно отвѣтить и заплатить. Ей было страшно за Парчевскую.

— Вы не боитесь такъ одна? — спросила она.

— Что вы, Леночка, во Франціи то! Я всегда одна хожу.

— Что же что во Франціи, — сказала печально Леночка. — А Кутеповъ?

— Ну я вѣдь не Кутеповъ. Какой во мнѣ интересъ для большевиковъ.

Парчевская бодро зашагала по *rue de la Gare*.

XVIII.

Въ это воскресенье какъ-то особенно хорошо было молиться въ ихъ скромномъ храмѣ. Ольга Сергѣевна долго стояла на колѣняхъ передъ убраннымъ бѣлыми и желтыми ромашками образомъ и молила о чудѣ. Она вѣрила, что Святая Дѣва, прекрасная не земною, красотою, ея родная «Казанская» пошлетъ ей это чудо просто и не замѣтно. Другіе скажутъ: «случай», но она будетъ знать, что это вымоленное ею чудо.

День былъ жаркій и солнечный. Природа сіяла. Маленькій ихъ тупичокъ съ жидкими палисадниками пестрѣлъ цвѣтами. Въ праздничномъ и радостномъ настроеніи Ольга Сергѣевна вернулась домой. Мамочка вынесла старое просиженное соломенное кресло изъ своей комнаты и сидѣла въ немъ въ палисадникѣ. Леночка возилась у газовой плиты. Семейство Боннейлей съ утра куда-то уѣхало. Софи Земпель была у окошка-балкона. Топси растянулась у ногъ мамочки. Она повиляла хвостомъ навстрѣчу Ольга Сергѣевнѣ, но не встала. Очень уже хорошо было лежать на пригрѣтомъ солнцемъ пескѣ.

Ольга Сергѣевна сѣла на каменные ступеньки

крыльца и благоговѣнно, отламывая маленькими кусочками и стараясь не уронить крошекъ на землю, ѣла принесенную ею просвиру.

Мамочка смотрѣла на нее съ иронической усмѣшкой. Эта усмѣшка — ее старалась не замѣчать Ольга Сергѣевна — раздражала ее. Мамочка это чувствовала. Она думала: «сама я ее учила когда-то этому: вотъ вѣдь дура-то пѣтая была! Вѣрила!... Чему тутъ вѣрить? Все теперь наукой объяснено, и ничего ни святого, ни страшнаго нѣтъ. Докторъ лучше здоровье пошлетъ, чѣмъ всѣ эти просвирки». Она наслаждалась, видя, какъ ее дочь краснѣетъ подъ ея взглядомъ.

— Ты бы, Леля, кусочекъ и Топси дала.

Ольга Сергѣевна не отвѣчала. Она старалась скорѣе доѣсть просвиру.

— Ничего что священная. И песь вѣдь Божія тварь.

— Не кощунствуйте, мама, — съ раздраженіемъ сказала Ольга Сергѣевна. — Грѣхъ это большой.

Она встала со ступеньки и хотѣла въ домъ. Но въ это время стукнула калитка ихъ переулка. Ольга Сергѣевна оглянулась на стукъ. Какой-то молодой высокій человѣкъ въ лѣтнемъ сѣромъ костюмѣ и новой модной шляпѣ съ широкими полями входилъ въ ихъ тупикъ. Было въ этомъ элегантномъ человѣкѣ что-то знакомое. Онъ увидаль Ольгу Сергѣевну и, снявъ шляпу, низко и церемонно поклонился.

— Тетя, — крикнула сверху Леночка. — Михако кланяется совсѣмъ какъ на картинкѣ котъ въ сапогахъ кланяется маркизу де Карабасъ.

Ольга Сергѣевна сейчасъ же узнала князя Ардаганскаго. Ей показалось, что князь выросъ за это время и сильно загорѣлъ красивымъ бронзовымъ загаромъ, какимъ загораютъ на горномъ солнцѣ жители горъ и летчики.

Но... приходъ сюда Ардаганскаго, одного изъ членовъ кинематографическаго общества «Атлантида», знаменоваль, что «Немезида» не погибла и, значить, ея мужъ и сынъ живы.

Чудо, котораго она ждала и въ которое она вѣри-

ла, совершилось. И не въ силахъ себя сдерживать, она, широко улыбаясь, бѣгомъ побѣжала къ калиткѣ.

Не думая ни о чемъ, она крикнула:

— Князь, вы живы?..

— Какъ видите.

— А «Немезида»?

— И не думала тонуть.

Князь Ардаганскій былъ очень смущенъ. Три дня тому назадъ, когда замѣнившій Ранцева въ должности замѣстителя капитана Немо полковникъ Арановъ отправлялъ его въ Парижъ для сообщенія семьямъ, что ихъ главы живы, онъ говорилъ, какъ всегда невнятно и отрывисто. Про Аранова среди офицеровъ ходилъ анекдотъ, что онъ такъ ушелъ въ свои изобрѣтенія и математическія выкладки, что забылъ Русскій языкъ и умѣетъ говорить только два слова: «да, конечно». Арановъ говорилъ князю, что его выбрали, какъ самага молодого, а потому наименѣ примѣтнаго въ Парижской толпѣ. Его обязанность посѣтить всѣ семьи, и всюду засвидѣтельствовать, что всѣ живы и здоровы и просили кланяться. — «Но меня спрашивать будутъ?» — сказалъ князь. Арановъ, какъ и всегда, помолчалъ. Офицеры рассказывали, что въ это время онъ высчитываетъ кубическій корень изъ восьмизначнаго числа. — «Да, конечно», наконецъ, сказалъ онъ. — «Что же мнѣ говорить?» — «Ничего не говорите». — «Но это неудобно... Тамъ дамы»... Этого Арановъ совсѣмъ не понималъ и, когда князь пояснилъ ему все неудобство молчанія, когда васъ спрашиваютъ дамы, Арановъ послѣ долгой паузы сказалъ: — «да, конечно»... И потомъ добавилъ: — «Еще тутъ, можетъ быть... Письма тамъ какія... Такъ никакихъ чтобы писемъ»... Трудная была задача. Ардаганскій хотѣлъ было отказаться. Но отказаться летѣтъ!... Л е т ѣ т ь !! Одно это уже какъ прельщало его, летѣтъ въ Парижъ, гдѣ была его мать, гдѣ была та, кого онъ любилъ первую и такую чистою, почти неосознанною любовью, больше въ мечтахъ, чѣмъ сердцемъ, было выше его силъ, и онъ не отказался. Онъ все-таки высказалъ свои затрудненія Аранову. Тотъ криво усмѣхнулъ

ся, потомъ сказалъ: — «Ну, врите тамъ что-нибудь.... Впрочемъ, можете и правду говорить. Все равно вамъ никто не повѣритъ». Получивъ приказаніе, деньги, указаніе, что онъ отнюдь не долженъ носить ихъ «Атлантической» формы, что вообще то «Немезида» для всѣхъ погибла, что онъ долженъ очень хорошо одѣться и походить возможно болѣе на француза, — князь же кончилъ французскій колледжъ, — что нигдѣ онъ не долженъ задерживаться, промелькнуть метеоромъ по всѣмъ домамъ, успокоить семьи, исполнить еще два, три порученія и сейчасъ же летѣть обратно, князь былъ отпущенъ изъ ангара полковника Аранова.

Когда въ лагерѣ стало извѣстно, куда и зачѣмъ летитъ князь, къ нему присталъ Мишель Строговъ. Онъ просилъ, чтобы князь передалъ его двоюродной сестрѣ, Леночкѣ Зобонецкой, совсѣмъ маленькую записочку. — «Вы понимаете, Михако, это дѣло любовное. Мнѣ очень надо ее успокоить и никто, кромѣ насъ двоихъ не долженъ этого знать».

Передача записки нарушала инструкціи, полученныя отъ Аранова княземъ. Но князю было очень трудно отказать въ этомъ пустякѣ Мишелю. Очень ужъ его просилъ объ этомъ Мишель. Уже очень, — такъ казалось доброму князю, — сердца то ихъ бились созвучно. Князю было, кромѣ всего этого, безконечно жаль Мишеля Строгова. Его отставленіе отъ полета съ отцомъ казалось ему чрезвычайно жестокою и несправедливою со стороны этого «педанта» Ранцева. Михако принадлежалъ къ молодому поколѣнію, выросшему и воспитавшемуся въ послѣ-военное время, когда въ обществѣ произошелъ нѣкоторый моральный сдвигъ, то, что называлось: «переоцѣнка цѣнностей». Точность въ исполненіи приказанія или порученія стала относительной, какъ стала относительной и подверглась сомнѣнію самая честность. Молодежь, даже такая прекрасная, какою былъ князь Ардаганскій, стала «разсуждать». Въ полученныя отъ старшихъ приказанія она вносила поправки, считая себя умнѣе стариковъ. Въ этой молодежи была и еще одна черта. Испытавъ въ жизни много,

видѣвъ въ самые нѣжные годы ея суровость, она какъ-то размякла и иногда, особенно когда ея интересы не были затронуты, она не умѣла настойчиво отказать.

Изъ старшихъ обитателей лагеря никто ни о чемъ не просилъ Ардаганскаго. Фирсъ хотѣлъ было написать «цидулю» паннѣ Зосѣ, но, когда князь несмѣло сказалъ, что онъ не имѣетъ права передавать никакихъ писемъ, Фирсъ махнулъ безпечно рукой и сказалъ: — «Ну, нельзя, такъ и нельзя. Передайте, ваше сіятельство, Зоськѣ, что я по прежнему ей вѣренъ, болѣе потому, что тутъ и измѣнить то ей не съ кѣмъ. Никакой даже чернокожей обезьяны дѣвичьяго рода тутъ нѣтъ. Такъ и передайте, чтобы значить не безпокоилась. А разыскать ее можете черезъ госпожу полковницу Ферфаксову. Онѣ общали о Зоськѣ позаботиться, чтобы не путалась съ кѣмъ не слѣдуетъ»... Старый Нифонтъ Ивановичъ просилъ, и очень трогательно, передать его поклоны генеральшѣ, полковницѣ и барышнѣ. «Топси пожмите лапку, скажите, чтобы не скулила. Помнить ее старый дѣдушка».

Все это было легко и просто тамъ, на островѣ Россійскомъ, но какъ оказался онъ противъ глубокихъ, полныхъ вѣры и печали глазъ Нордековой, какъ увидалъ маленькіе, сверлящіе буравчиками глазки Неонилы Львовны, почувствовалъ бѣдный Михако, что его дипломатическія способности очень невысокаго сорта. «Лучше всего говорить правду», — подумалъ онъ, — «не всю, конечно, правду. И отмалчиваться, а главное, поскорѣе уйти. Это не очень любезно, ну да поймутъ же и простятъ».

Сверху сбѣжала Леночка. Изъ окна комнаты Мишеля Строгова смотрѣла какая-то молодая брюнетка. Князь подозрительно покосился на нее.

— Не бойтесь, — сказала Ольга Сергѣевна, подмѣтившая его взглядъ, — это у насъ новая жилица. Она французенка, ничего по Русски не понимаетъ. Ну, какъ же они? Какъ мы наволновались по васъ! Панихиды даже служили. Ну, говорите... Только всю правду. Это вѣрно, всѣ живы и здоровы?

— Снимаетесь, — протянула, насмѣшливо улыбаясь, Неонила Львовна. — А не секретъ, сюжетъ вашей необычайной фильмы?

— А кто у васъ «старъ»? — спросила Леночка.

Вопросы сыпались, и это было хорошо для Ардаганскаго. Онъ могъ на нихъ не отвѣчать.

— Навѣрно они американку какую-нибудь взяли... Патриоты, — протянула мамочка.

— Пойдемте, пойдемте ко мнѣ, — звала Ольга Сергѣевна, — вы мнѣ все скажете. Что Шура? Все такимъ же дичкомъ? А Георгій Дмитріевичъ, не скучаетъ?

Въ комнатѣ еще былъ утренній беспорядокъ. Ольга Сергѣевна не успѣла прибрать ее. Она не замѣтила этого. Набросила одѣяло на постель и сѣла подлѣ смятой подушки.

— Князь, — сказала она, — не томите меня. Мы догадываемся. Мы знаемъ, что это не кинематографъ. Скажите мнѣ... Я никому ничего не скажу. Я же понимаю, какая это опасная тайна.

— Ольга Сергѣевна, — съ чувствомъ сказалъ князь, — я ничего не могу сказать. Я далъ честное слово никому ничего не говорить. Я могу вамъ тоже честнымъ словомъ завѣрить, что Георгій Дмитріевичъ и Шура въ добромъ здравіи.

— Гдѣ же они всѣ находятся? Вѣдь не на этихъ же глупыхъ островахъ Галапагосъ?

— Этого, Ольга Сергѣевна, я никакъ не могу сказать.

— Вы мнѣ не вѣрите?

— Нѣтъ, Ольга Сергѣевна, я вамъ очень вѣрю, но я не могу, и не могу.

Князь страдалъ подѣ выразительнымъ взглядомъ прелестныхъ женскихъ глазъ. Беспорядокъ въ спальнѣ смущалъ его. Ему было неловко. Казалось, что онъ оскорбляетъ Ольгу Сергѣевну. Онъ чувствовалъ, что, если сейчасъ не уйдетъ, то размягчится и разболтаетъ.

Ольга Сергѣевна поняла его душевное состояніе и ей стало жаль Ардаганскаго.

— Когда же вы уѣхали оттуда?

— Третьяго дня, — сказалъ Ардаганскій.

— Третьяго дня, — воскликнула Ольга Сергѣевна.

— Такъ недавно... Господи, да гдѣ же вы всѣ находитесь?

Князь Ардаганскій мучительно покраснѣлъ. Онъ уже проболтался.

— Ольга Сергѣевна, простите меня. Я сказалъ вамъ все, что могъ сказать. Сказалъ больше... Мнѣ надо спѣшить. Парижъ такъ великъ... Мнѣ же надо всѣхъ объѣхать.

— Да, я понимаю васъ, — съ печальнымъ упрекомъ говорила Ольга Сергѣевна, — провожая князя.

— Уже, — сказала не безъ язвительности Неонила Львовна. — Не долго же нагостили у насъ, молодой человѣкъ.

Надо было передать незамѣтно Леночкѣ письмо Мишеля. Леночка будто знала объ этомъ. Она побѣжала за нерѣшительно шедшимъ по тупичку Ардаганскимъ.

— Князь, — крикнула она. — Михako!

Ардаганскій остановился.

— Выйдемте за ворота, — тихо сказалъ онъ.

Изъ окна комнаты Мишеля Строгова, высунувшись по поясъ, за ними слѣдила француженка брюнетка. У калитки стояла Ольга Сергѣевна.

Ардаганскій досталъ маленькій конвертикъ и передалъ его Леночкѣ.

— Мишель Строговъ просилъ вамъ передать, — быстро сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ по улицѣ, направляясь къ станціи желѣзной дороги.

Леночка взяла конвертъ и спрятала его на груди. «Вотъ она, тайна, которой никто не знаетъ. Тайна, за которую можно получить миллионы», — подумала она.

Но обладаніе этой тайной не радовало ее. Оно волновало ее и пугало.

XIX.

Это была правда, что князю Ардаганскому надо было спѣшить. Онъ долженъ былъ въ одинъ день объѣхать весь Парижъ съ пригородами. Всѣхъ застать, всѣмъ объяснить, что ихъ близкіе живы и здоровы. Отъ ненужныхъ разспросовъ отбояриться. Все это требовало времени. На другой день онъ долженъ былъ побывать у Пиксановыхъ. Это вышло, такъ казалось князю, совсѣмъ необыкновеннымъ образомъ. Заканчивая свои немногословныя объясненія, Арановъ сказалъ: — «Ну, и потомъ вы съѣздите къ Пиксанову. Вы знаете, гдѣ онъ живетъ?» — «Знаю», — сказалъ Ардаганскій, — «но у Пиксанова здѣсь нѣтъ никого близкихъ. Что передать ему прикажете?» — «Да, конечно,» — сказалъ, глядя куда-то вдаль, Арановъ, — «никого близкихъ. Но вы пріѣзжайте къ нему и тамъ уже узнаете зачѣмъ».

Князь Ардаганскій былъ окончательно смущенъ. Что же это за люди окружали капитана Немо? Они умѣли читать въ душахъ и въ сердцахъ людей. Какъ могъ Арановъ знать, что князь влюбленъ первою необыкновенною любовью въ Галину Пиксанову. Это же было совсѣмъ необычайно. Князь никому не говорилъ о своемъ чувствѣ.

Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ по порученію Ранпева на Пиксановскую ферму. Потомъ ѣздилъ и самостоятельно. Его, чистаго, воспитаннаго матерью, вдовою разстрѣляннаго большевицами генерала, юношу необычайно потянуло къ Галинѣ. Все въ ней казалось такимъ несовременнымъ. Въ ней онъ нашелъ «Тургеневскую» дѣвушку, о какой писали тогда, что этотъ типъ вымеръ и не можетъ быть въ нынѣшней жизни. А увидалъ ее, окруженную молодыми курочками и кроликами, услышалъ, какъ нѣжными именами она звала свою мать и почувствовалъ, что газетные писатели не правы и что «Тургеневская» дѣвушка въ самомъ привлекательномъ ея видѣ можетъ быть и въ эмиграціи. И съ первыхъ встрѣчъ полюбилъ Галину такую чистою и большою

любовью, какую можно любить только въ неполные девятнадцать лѣтъ и когда жизнь видѣлъ со школьной скамьи, да изъ-подъ крыла любящей и вѣрующей матери.

Съ букетомъ цвѣтовъ и большою коробкою конфетъ — безсознательная вольность, дань времени, — князь Ардаганскій шелъ дождливымъ и хмурымъ туманнымъ утромъ на Пиксановскую ферму. Шестъ километровъ, однако, пѣшкомъ, подъ дождемъ и по грязному, размытому и развѣзженному деревенскому шоссе! Его сѣрый элегантный костюмъ съ такою острою складкою на штанахъ, какую онъ видѣлъ у президента Думерга въ кинематографѣ, гдѣ онъ былъ изображенъ вмѣстѣ съ Брианомъ на колониальной выставкѣ, размокъ.

Сѣрыя тучи дымными клочьями низко неслись надъ полями, гдѣ шла торопливая уборка пшеницы. Боялись, не загнили бы хлѣба на корню.

Ардаганскій миновалъ деревню съ узкими улицами и съ желтыми высокими стѣнами садовъ и огородовъ, дошелъ до завѣтной сѣрой калитки и дернулъ за ручку колокола.

— Qui est là?.. — сейчасъ же раздался милый звонкій голосокъ, и Галина — какъ она выросла за это недолгое время — появилась въ черной рамѣ раскрытой калитки. Мокрая прядь свѣтлыхъ волосъ легла на лобъ. Розовое ситцевое платье мягко обтягивало стройную ея дѣвичью фигурку.

— Идите скорѣе въ комнаты. Вы совсѣмъ промокли. И платье ваше испортится. Смотрите, складку совсѣмъ потеряли.

Серебряный смѣхъ сопровождалъ ея слова.

Отъ «президентской» складки ничего не осталось. Штаны висѣли двумя канализационными трубами, какъ у Бриана на томъ же снимкѣ. Совсѣмъ «демократическіе» стали штаны.

Галина пропустила князя въ калитку.

— У-у.... У-у..., съ высокой ноты на низкую закричала куда-то къ огороду Галина. Изъ-за каменной ограды

ей отвѣтило такое же мелодичное: «У-у....У-у...» Чудной музыкой казались эти звуки Ардаганскому.

Любовь Дмитриевна съ двумя кочанами капусты, прижатými къ груди, вышла изъ огорода.

— Князь, — воскликнула она, — наконецъ-то! Ерма будетъ такъ радъ. Онъ такъ васъ поджидаль всѣ эти дни...

Пиксановъ, обтирая руки, запачканные землею, вышелъ вслѣдъ за женою.

— Бож-же мой, да вы совсѣмъ промокли, — сказалъ онъ. — Ну, слава Богу, наконецъ-то... Когда прилетѣли?...

Князь Ардаганскій сдѣлалъ круглые глаза.

— Отъ меня, князь, не скрывайтесь. Не нужно. Можете быть вполне откровеннымъ. Не людямъ — Богу и Родинѣ служимъ. Ну вы, — обратился онъ къ женѣ и дочери, — готовьте что-нибудь гостю, покормить его надо. Гость надолго. Да и согрѣть. Водки, князь, не хотите?

Князь совсѣмъ смутился. Водки онъ никогда не пилъ. Но отказаться ему, зачисленному въ гусарскій полкъ вольноопредѣляющимся, казалось невыносимымъ. Онъ промолчалъ.

— Пойдемте наверхъ. Тамъ теплѣе, скорѣе просохнете. Галинка, къ тебѣ можно?

— Можно, папочка.

Какъ въ какое-то святое святыхъ поднимался князь въ комнату Галины по древней съ выбитыми ступенями лѣстницѣ, съ перилами, изъѣденными жучкомъ съ вѣвшей пылью на стѣнахъ. Пиксановъ толкнулъ узкую дверь, и они вошли въ маленькую комнату. Почти всю переднюю стѣну занимало окно въ кружевныхъ занавѣскахъ. Оно было открыто. Отцвѣтшая липа въ шарикахъ сѣмянъ протягивала къ нему мокрая, пахнуція свѣжестью вѣтви. И вся комната была полна этимъ точно дѣвичьимъ чистымъ ароматомъ. У стѣны стоялъ маленькій диванъ, служившій Галинѣ постелью. На немъ лежали вышитыя шелковыя подушки. На каменномъ полу подлѣ дивана былъ разостланъ коврикъ изъ сѣра-

го кроличьяго нѣжнаго мѣха, подбитый сукномъ оливковаго цвѣта. Въ углу у образовъ теплилась лампада. Вся стѣна надъ диваномъ была увѣшана портретами, фотографіями, открытками, изображавшими Государя, Императрицу и Царскую семью. И было видно, что это были «пенаты» Галины. Они были украшены, гдѣ орденскою ленточкою, гдѣ свѣжими цвѣтами. Весь образъ Галины былъ въ этой комнатѣ такъ просто, но и такъ мило убранной. И этотъ образъ вполне отвѣчалъ той несказанной прелести идеальнаго о ней представленія, какое было у князя Ардаганскаго.

— Садитесь, князь — указалъ на диванъ Пиксановъ.

Ардаганскій взялъ стулъ и сѣлъ на самый кончикъ. Онъ такъ боялся что-нибудь запачкать въ этой чистенькой горенкѣ.

— Ну какъ хотите, — сказалъ Пиксановъ и плотно усѣлся на постели дочери. — Когда вы летите обратно?

— Почему вы знатѣ?... Вѣдь это такая тайна... — округляя испуганные глаза съ упрекомъ сказалъ Ардаганскій.

— А, да ну васъ, — съ грубоватой лаской сказалъ Пиксановъ. — Не отъ меня только эта тайна.... Я давно работаю съ вами. И до послѣднихъ дней былъ въ непрерывной связи съ капитаномъ Немо и Ранцевымъ. По радіо, конечно... Газеты то вамъ кто же читалъ?.. Парижскія!.. А теперь не могу... Не смѣю... Мнѣ было сказано, что вы прилетите и чтобы я все вамъ изложилъ, такъ какъ вы сейчасъ же и обратно должны летѣть. Я вчера закрылъ радіо... По крайней мѣрѣ, на время. За мною слѣжка.... Поняли?.. Сегодня должны наѣхать жандармы... Меня предупредили объ этомъ... Пожалуй, хорошо, что вы тутъ. Во-первыхъ, сами увидите, какъ обстоитъ теперь дѣло здѣсь, а кромѣ того, вы съ цвѣтами и коробкой конфетъ — хорошая декорація мирной и далекой отъ всякой конспираціи жизни. Поняли меня. Кѣмъ вы будете?.. Моимъ племянникомъ?.. Нѣтъ... Лучше... Племянникомъ моей жены.... Отчего?... Зачѣмъ?.. Почему?.. Какая логика?.. Кто имъ донесъ?.. У большевиковъ, положимъ, большія деньги и еще большая наг-

лость... Ну и, конечно, реставраціей и реакціей пугаютъ, а это такіе жупелы для европейской демократіи, что при одномъ словѣ этомъ у нея ажъ глаза на лобъ лѣзутъ. Я давно зналъ, что рано или поздно Мандровская улавливательная станція должна нащупать насъ. Она же такъ недалеко отъ насъ. Надѣялся, что это будетъ поздно, а не рано... Кромѣ того, думалъ, что даже она и знаетъ, догадывается, въ чемъ дѣло... Это же не биржевые зайцы сговариваются, какъ лучше спекулировать... Вѣдь, если взять всю Францію, такъ всѣ шестьдесятъ милліоновъ французскаго народа за насъ и съ нами и только какихъ-нибудь, ну тамъ, нѣсколько сотъ тысячъ, вѣрятъ въ этотъ проклятый коммунизмъ. А вотъ подите, шестьдесятъ милліоновъ этихъ-то нѣсколько сотъ тысячъ какъ еще боятся... Коммунисты, гдѣ деньгами, гдѣ жидовскимъ окрикомъ и нахрапомъ добиваются своего. Теперь вотъ пактъ о ненападении придумали... Пактъ, слово-то какое глупое!... Имъ мало акта... Пактъ придумали... Чушь, конечно, ерунда, предательство, глупость... преступленіе... А вѣдь какъ клюнуло-то!... Разговариваютъ съ ними, подлецами, за столъ ихъ, мазуриковъ, съ собою сажаютъ... Ну и вотъ подъ вліяніемъ пактовъ то этихъ самыхъ наше «бѣлое» дѣло взято подъ подозрѣніе. Сегодня долженъ быть обыскъ въ деревнѣ. Гдѣ?.. Конечно, у меня... Я же одинъ здѣсь Русскій!... Ну и кромѣ того... Можетъ быть, слышали: того типа, что убилъ Великаго Князя въ 1918-мъ гсду, нашли мертвымъ въ мансардѣ. Никакихъ слѣдовъ, чтобы насильственная смерть, однако, догадываются, чьихъ рукъ дѣло. «Огонь поядающій» коснулся его. Когда похитителей Кутепова искали, такъ не нашли... Ну, а теперь всю эмиграцію наизнанку переворачиваютъ... Поняли меня?.. Такъ, когда вернетесь, скажите, что я принужденъ ради дѣла молчать пока налетѣвшая на насъ гроза не утихнетъ... Поняли мое положеніе... Вы когда летите обратно?

Князь Ардаганскій послѣ всей этой исповѣди понималъ, что скрывать что-нибудь бесполезно: Пиксановъ зналъ больше его. Онъ съ полнымъ довѣріемъ отвѣтилъ:

— Я завтра ѣду въ Шамониксъ отыскивать въ горахъ нашъ аэропланъ.

— Такъ... такъ... Отличное дѣло. Богъ въ помощь.

— Папочка, — раздался за дверью спокойный, но настойчивый голосъ Галинки, — ѣдутъ.

Пиксановъ всталъ и открылъ дверь. Галина въ платочкѣ и кофтушкѣ — совсѣмъ малороссійская дѣвушка крестьяночка, — съ корзинкой лукошкомъ на рукѣ, стояла у двери, на площадкѣ лѣстницы.

— Такъ я побѣгу, папочка.

— Бѣги, родная, бѣги и Богъ да поможетъ тебѣ.

Пиксановъ нѣжнымъ, князь Ардаганскій влюбленнымъ взглядами проводили Галину до калитки. Она шмыгнула въ нее и исчезла за каменнымъ заборомъ.

Во дворъ вѣзжали на гнѣдыхъ, дымящихъ дождевымъ паромъ лошадахъ жандармы въ черныхъ длинныхъ плащахъ и голубыхъ съ чернымъ широкимъ околышемъ фуражкахъ кострюлькой. Съ ними былъ какой-то штатскій, ведшій велосипедъ въ рукѣ. Жандармы слѣзли съ лошадей и привязали ихъ у воротъ. Всѣ трое направились къ Пиксанову и князю, ожидавшимъ ихъ у входа въ домъ.

Дождь пересталъ. Туманъ сѣлся на землю.

XX.

Бригадиръ, съ узкимъ серебрянымъ галуномъ по краю фуражки и съ расшитыми рукавами однобортнаго чернаго мундира подошелъ къ Пиксанову.

— Colonel Piksanoft?...

— Oui, monsieur le brigadier...

Бригадиръ покровительственно и важно, какъ умѣютъ это дѣлать французы, протянулъ Пиксанову лѣвую руку въ мокрой, рыжей перчаткѣ.

— Мы просимъ насъ извинить.. Что дѣлать... Долгъ службы... Вы сами понимаете... Мы должны васъ побез-

покоить немного... Вотъ ордерокъ... Намъ надо осмотрѣть ваше жилище. Есть донесеніе, что у васъ есть станція беспроволочнаго телеграфа.

Пиксановъ изобразилъ на своемъ безстрастномъ рыбьемъ лицѣ крайнее удивленіе.

— Ты слышишь, Люба, — обратился онъ по-французски къ стоявшей у открытой двери женѣ. — У насъ станція беспроволочнаго телеграфа.

Любовь Дмитриевна пошла къ печкѣ, пожала плечами и сказала красивымъ низкимъ голосомъ:

— Пусть посмотрятъ.

Незванные гости пошли по комнатамъ. Домъ былъ старый, мѣстами развалившійся. Осмотрѣть его весь съ надворными постройками, конюшней, сараями, курятниками, сѣновалами и дня не хватило бы. Жандармы смотрѣли поверхностно, штатскій, маленькій кривоногій человекъ съ подшпиленными для велосипеда шпильками штанами, въ сѣрой рабочей каскеткѣ блиномъ и въ распахнутой черной кожаной курткѣ поверхъ пиджака всюду соваль свой носъ и все допрашивалъ Пиксанова.

— Это пианино?.. А зачѣмъ вамъ пианино?..

— Жена поетъ и играетъ. Зимой, знаете, скучно безъ музыки.

— Но вы могли поставить радіо.

— Мы его не имѣемъ.хлопотно очень. Самимъ пріятнѣе, играешь и слушаешь, что хочешь, а не то, что даютъ...

Штатскій заглянулъ подъ кровать, приподнялъ «сомье», открывалъ шкапы. Бригадиръ и сопровождавшій его молодой жандармъ ходили безучастно. Бригадиръ подмигивалъ Пиксанову на старанія штатскаго.

— Былъ бы телеграфъ, — сказалъ онъ, наконецъ, — были бы мачты, антенны... Проволока, моторъ... Ничего этого нигдѣ не видно.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, — огрызнулся штатскій, — теперь это такъ усовершенствовано, что ничего и не надо. Ящикъ не больше этого сундука. Вотъ и все. Что въ этомъ сундукѣ?

Пиксановъ поднялъ крышку.

— Грязное бѣлье, — сказалъ онъ.

— Хорошо-съ, — съ какимъ-то озлобленіемъ наскочилъ штатскій на Пиксанова, — а скажите мнѣ?... Вашъ патронъ?... Кто онъ такой?

— Инженеръ Долле.

— Что же онъ Русскій?

— Да.

— Почему у него французское имя?

— Когда у васъ была такая же революція, какъ у насъ теперь, и народъ казнилъ короля и истреблялъ дворянство, его предки бѣжали въ Россію.. Какъ мы теперь были принуждены бѣжать къ вамъ во Францію... *Chassée croisée*, знаете, такое вышло... Предки моего патрона остались въ Россіи. Имъ при нашихъ императорахъ очень хорошо жилось. А теперь... Пришла революція въ Россію и имъ пришлось бѣжать... Обратно во Францію... Отъ рабоче-крестьянской власти господъ большевиковъ.

— Это онъ тутъ арендовалъ въ лѣсу охоту?

— Да, онъ.

— Онъ охотился?

— Нѣтъ. Онъ снялъ охоту въ концѣ сезона, охотиться не успѣлъ, а теперь до конца сентября охота запрещена.

— Онъ богатый человѣкъ?..

— Да... вѣроятно.... Я не имѣю обыкновенія считать въ чужихъ карманахъ деньги.

— Ну, оставьте, право, — обратился снова къ штатскому бригадирь. — Сразу видно, вы введены въ заблужденіе, ничего тутъ и быть не можетъ. У нихъ даже электрическаго освѣщенія нѣтъ. Керосиновыя лампы повсюду. Господинъ *ancien combattant*, занимается куроводствомъ. Какіе тутъ могутъ быть радіо.

— Я знаю, что дѣлаю и вы обязаны мнѣ помогать.

— Да развѣ я вамъ мѣшаю?

— Ну и дайте обо всемъ распросить... Въ лѣсу есть постройки?..

— Да, тамъ есть два дома лѣсниковъ и въ глубинѣ

лѣса развалина, должно быть стараго охотничьяго домика. Жандармы знаютъ.

Бригадиръ подтвердилъ слова Пиксанова.

— Кто живетъ въ домахъ?

— Лѣсники французы. Въ развалинѣ патронъ позволилъ поселиться одному старику монаху.

— Русскому?

— Да, Русскому.

— Это почему?

— Въ Россіи большевики уничтожили монастыри и разогнали монаховъ. Многіе уѣхали въ Югославію, въ Грецію, на Аѳонъ. Отецъ Θεодосій пріѣхаль съ офицерами въ Парижъ. Дѣваться ему некуда. Ночеваль на улицѣ... Подъ мостами... Патронъ его и пріютилъ.

Штатскій досталь изъ-за пазухи большой кожаный бумажникъ, вынулъ изъ него карту, всю прочерченную пересѣкающимися красными и черными линіями, долго разглядываль ее, разложивъ на письменномъ столикѣ Любви Дмитріевны и, наконецъ, сказалъ:

— Я хочу осмотрѣть лѣсъ. Наши координаты сходятся въ лѣсу.

— Но, мосье Рибо... Конечно, это какъ вамъ будетъ угодно... Но лѣсъ двадцать квадратныхъ километровъ. Его и въ мѣсяцъ не осмотришь.

— Я хочу провѣрить эту развалину, гдѣ Русскій монахъ. Это мое право и обязанность.

— Я считаю долгомъ предупредить васъ, — продолжалъ бригадиръ, — что въ лѣсу очень топко и грязно и вы тамъ на велосипедѣ далеко не вездѣ пройдете.

— Гдѣ надо я пройду пѣшкомъ, — гордо сказалъ маленькій человекъ и сталъ спускаться внизъ.

— Это ваша жена? А кто этотъ молодой человекъ?

— Ея племянникъ.

Бригадиръ выразительно ткнулъ пальцемъ въ коробку конфетъ и букетъ цвѣтовъ, лежавшіе на большомъ кругломъ столѣ, и сказалъ:

— Полноте, мосье Рибо, не въ этой же коробкѣ радіо-станція.

Рибо зашагалъ къ велосипеду. Жандармы прило-

жились ладонями къ прямымъ козырькамъ фуражекъ.

— Бонжуръ мосье, мадамъ...

Стали отвязывать лошадей.

Туманъ низко стоялъ надъ полями. Все кругомъ было сѣро и уныло, какъ бываетъ въ хмурый день позднею осенью.

XXI.

Обѣдали втроемъ. Князь Ардаганскій былъ взволнованъ. Онъ безпокоился о Галинѣ и не могъ этого скрыть. Его раздражало, что родители Галины не придавали значенія ея долгому отсутствію.

— Куда же пошла Галина? — наконецъ, спросилъ, мѣняясь въ лицѣ, дрожащимъ голосомъ князь.

— Въ лѣсъ. По грибы, — просто сказала Любовь Димитріевна.

Пиксановъ закурилъ папиросу.

— Слушайте, князь... Неужели не догадались? Галина пошла къ отцу Θεодосію... Надо же предупредить, чтобы старика не застали врасплохъ. Тамъ все-таки и прибрать кое-что надо. Поняли?.. Главное-то я давно припряталъ. Газеты кое-что проболтали про радіо. Сидите съ нами спокойно. Дождемся Галочки и послушаемъ, что она намъ расскажетъ про визитъ шпики. Имъ вѣдь интересно, чтобы не было станцій, передающихъ биржевые секреты... Все служба золотому тельцу. Ну, а мы... Жандармы то, можетъ быть, давно знали, что мы тутъ дѣлаемъ, да и станція тоже, да не трогали. Пока не явился этотъ. Рожа-то какая поганая!... По всему обличію или коммунистъ, или купленный большевицкимъ полпредствомъ... Хочетъ непременно доискаться. Ну, да увидимъ. Богъ не безъ милости.

Безконечно тянулся день. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, какимъ бы счастьемъ былъ для князя этотъ день! Какъ досыта наговорился бы онъ съ милой дѣвочкой, разспросилъ бы ее обо всемъ! Теперь

всѣ молчали. Князя усадили у плиты сушиться. Любовь Димитріевна пошла чистить курятникъ. Князь сорвался было съ кресла.

— Позвольте я вамъ помогу.

Любовь Димитріевна улыбнулась снисходительно ласковой улыбкой.

— Ну, куда вамъ... Въ вашемъ-то костюмѣ. Ботинки въ разъ загубите. Вы знаете, что... Пока что, снимайте-ка костюмъ, да разгладьте его, я вамъ утюжокъ на фуръ поставлю. Ну, — уже въ дверяхъ сказала она, — пока!..

Въ пятомъ часу, въ полутемной комнатѣ — очень хмурый и тоскливый былъ день, — пили чай. Галины все не было.

— Ты не поѣдешь ей навстрѣчу? — спросила Любовь Димитріевна.

— Не къ чему. Она навѣрно пойдетъ напрямикъ лѣсомъ и мы только разминемся. Притомъ же неизвѣстно, что тамъ эти господа нашли. Моя поѣздка наведетъ ихъ на новыя подозрѣнія. Она навѣрно ожидаетъ ихъ отъѣзда, чтобы допросить отца Θεодосія и рассказать намъ все обстоятельно. Ты же ее знаешь.

Время шло. Колоколъ на деревенской колокольнѣ отбивалъ часы и получасы. Въ деревнѣ была тишина. Съ желѣзнымъ скрежетомъ, показавшимся князю ужаснымъ, двѣ пары бѣлыхъ громадныхъ воловъ протаскивали вальки по дорогѣ. Гдѣ-то далеко прогудѣлъ поѣздъ. Туманъ становился гуще. Надвигался тихій, сырой и теплый вечеръ. Набухшія дождемъ вѣтви липъ низко опустились къ дому. Пѣтухи собрались подъ ними тѣсной стаей и стояли нахохлившись. Начиналъ опять моросить мелкій дождь. Сердце князя разрывалось отъ тоски и безпокойства за Галину.

И какъ всегда, когда слишкомъ напряженно ожидаютъ, совсѣмъ не въ ту минуту, когда ждали, уже въ полутьмѣ, вдругъ скрипнула и открылась калитка, и Галина съ веселымъ смѣхомъ пробѣжала черезъ дворъ.

Ея туфельки были облѣплены грязью. Въ грязи были и стройныя, голыя ноги. Подолъ платья намокъ о траву, папоротникъ и кусты. Лукошко на рукѣ было

полно бѣлыхъ грибовъ. Лицо сіяло радостью и счастьемъ исполненнаго долга. Голубые глаза сверкали и играли огненными искорками, смѣхъ открывалъ милыя ямки на розовыхъ щекахъ.

— Мама!.. Папочка!.. Князь!.. — пробѣгая по двору, крикнула она. — Все такъ отлично... Ну такъ отлично... Очень даже хорошо все вышло. Лучше, право и не надо...

— Ты башмаки-то переодѣнь раньше... Простудишься, — сказала Любовь Димитріевна.

— Ну, мамулечка, — удивительно мило протянула Галина. — Переодѣнусь послѣ, раньше все расскажу.

— Да вѣдь ты ничего еще и не ѣла.

— Ничего и не ѣла, — точно сама на себя удивилась Галина.

— Ну такъ ѣшь раньше.

— Нѣтъ... Послѣ, папа... Это всегда успѣю. Раньше все по порядку.

Она не безъ гордости поставила корзинку съ грибами на столъ, сама сѣла подлѣ печки, гдѣ кипѣлъ и свистѣлъ чайникъ, вдругъ вообразившій себя заправскимъ самоваромъ, протянула ножки къ огню и начала.

— Ну-съ... Вышла я, и бѣгомъ, бѣгомъ, въ лѣсъ и къ отцу Θεодосію. Заперто... Ну, да знаю я его уловки. Стучу... Слышу, говоритъ: — «Господи, спаси Россію»... Я ему сейчасъ: «Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ»... Ну и открылась мнѣ его келійка. Мы скоренько за уборку. Моторъ... Еле стащили... Ну и тяжелый!.. Въ лабораторію, гдѣ нѣмецкая обезьяна была. Работали, хоть въ кинематографъ насъ снимай... Полъ заложили. Ковриками покрыли, травки набросали. Мачта была уже снята... Мы ее на цѣлую версту отнесли въ лѣсъ и спрятали въ папоротникахъ. Ни за что не найти! И только кончили, глядимъ — ѣдутъ. И тотъ типъ съ ними... На велосипедѣ... Я въ лѣсъ и по грибы. Да какъ долго же они были! Я цѣлое лукошко набрать успѣла. Наконецъ, слава Богу, уѣхали. Я сейчасъ, мамочка, къ отцу Θεодосію. Разспросить же его надо. И какъ же онъ хорошо все устроилъ.... Такой хитрый. Дверь, значить, оставилъ от-

крытой: входи, молъ, ничего запретнаго нѣтъ. Ну, тѣ и входятъ... Видятъ иконы... Лампадки затеплены... Свѣчи зажжены у налоя, книга раскрытая, лежитъ. Отецъ Θεодосій ихъ монастырскимъ поклономъ встрѣчаетъ, какъ самыхъ дорогихъ гостей. Жандармы шапки сняли, тотъ типъ такъ въ шапкѣ и расхаживаетъ. Отецъ Θεодосій, — онъ, мамочка, такъ все это забавно рассказываетъ, — на своемъ французскомъ языкѣ и говоритъ ему: — «снимите вашу каскеточку, тутъ домъ молитвы»... Снялъ... Ну что же, папа, рассказывать, ты самъ знаешь, если не знать всего устройства, можно годъ искать, ни до чего не доискаться. Однако, полѣзли наверхъ, ходили, нюхали, смотрѣли сверху на лѣсъ. По деревьямъ глазами шарили... Тотъ типъ все свою карту свѣрлялъ, потомъ поѣхали къ лѣсникамъ. А я скорѣе домой, къ вамъ, съ докладомъ. Вѣдь далеко, мамулечка, да и дорога какая!.. Ужасъ...

Князь Ардаганскій съ такимъ откровеннымъ восхищеніемъ и обожаніемъ смотрѣлъ на Галину, что та смутилась.

Князя оставили ужинать. Да и поѣзда раньше не было. Уже ночью, всю семью вышли его проводить. Все время разговоръ былъ о Галинѣ, объ удачно отбытомъ обыскѣ и всѣ жители фермы казались героями, хотя, вотъ онъ — подлинный герой — шелъ вмѣстѣ съ ними! Но Ардаганскій ни слова не говорилъ о томъ, что всего два дня тому назадъ онъ на громадной вышинѣ мчался на аэропланѣ надъ Атлантическимъ океаномъ, что страшный, совсѣмъ на земной, не похожій холодъ забирался въ ихъ особо приспособленную каюту, что днемъ лучи солнца слѣпили глаза, а ночью по-иному, чѣмъ привыкъ видѣть ихъ князь, свѣтили звѣзды и безшумно несли аэропланъ надъ землею, чтобы спуститься въ дикомъ, не посѣщаемомъ людьми мѣстѣ. По своей скромности князь объ этомъ не рассказывалъ, да ему и запрещено было говорить, какъ онъ попалъ во Францію.

Дождь пересталъ. Прояснило, луна молодякъ проткнулась сквозь тучи. Разстались за деревней и князь,

подобравъ на этотъ разъ концы своихъ штановъ, бодро зашагалъ на маленькую глухую станцію.

И когда вдругъ изъ ночной тьмы показался пустой поѣздъ съ ярко освѣщенными вагонами, и князь сѣлъ въ него и помчался черезъ ночь, онъ все думалъ о томъ, что онъ сейчасъ видѣлъ и слышалъ.

«Да, она героиня» — думалъ онъ. — «Настоящая героиня... Тургеневская дѣвушка... Какъ она все сдѣлала. И лѣса не боялась...»

Надъ Парижемъ желтое свѣтилось зарево. Тамъ, гдѣ была колониальная выставка, ярко отражались въ небѣ огни, и лучи прожекторовъ свѣтили въ пространство. Князь сидѣлъ, какъ очарованный, смотрѣлъ въ окно и все думалъ: «она героиня... героиня моего романа».

XXII.

Какъ и всегда, въ десятомъ часу утра почтальонъ на велосипедѣ бодро подкатилъ къ калиткѣ Пиксановской фермы и передалъ выбѣжавшей на его звонокъ Галинѣ газету.

Пиксановъ сидѣлъ дома. Дожди мѣшали работать въ огородѣ. Онъ развернулъ газету и сталъ ее читать. Всякая дребедень была теперь въ газетахъ. О главномъ, о Русскомъ, о томъ большомъ и больномъ, что заполняло думы всѣхъ читателей и волновало ихъ, или нельзя было писать, или не хотѣли писать и наполняли газетные листы рассказами о Джекѣ Куганѣ, о женахъ — сколько ихъ! — Шарло Чаплина, о его котелкѣ и башмакахъ... Писали о сумасбродствахъ богатыхъ людей, о милліонахъ, завѣщанныхъ любимой кошкѣ или попугаю. И заголовки газетъ были такіе, что можно было подумать, что выходили газеты въ сумасшедшемъ домѣ. «Женщина, оказавшаяся мужчиной»... «Полковникъ, оказавшійся женщиной»... «Подо льдомъ къ сѣверному полюсу»...

Разсѣянно скользя по этимъ пустымъ извѣстіямъ, Пиксановъ увидаль заголовокъ жирнымъ шрифтомъ: «Таинственный аэропланъ». Онъ сталъ читать.

...«Во французскихъ Альпахъ, въ районѣ Шамоникса, туристы обнаружили на высотѣ 3.500 метровъ аэропланъ. Ни въ самомъ аппаратѣ, ни вокругъ него туристы не нашли летчиковъ, несмотря на усердные поиски. На снѣгу около аэроплана видны были большія пятна, которыя въ началѣ показались туристамъ кровью.

«При ближайшемъ разслѣдованіи, однако, оказалось, что пятна на снѣгу были сдѣланы какою-то жидкостью и имѣли форму правильныхъ круговъ: повидимому, въ этомъ мѣстѣ кто-то указаль авіатору куда спуститься.

«Какъ попалъ аэропланъ въ эти мѣста и куда дѣвался летчикъ, — представляется весьма загадочнымъ. «Жандармерія производитъ разслѣдованіе»...

Пиксановъ опустилъ газету. «А вѣдь это ихъ аэропланъ», — подумаль онъ. «Успѣетъ ли милый князь и тѣ, кто прилетѣли съ нимъ, благополучно проскочить на этотъ аэропланъ и улетѣть, куда ему надо. И тамъ уже, какъ и у меня, жандармерія впуталась въ ихъ тайное дѣло и мѣшаетъ планомѣрной работѣ».

«Да, ужасно... Зачѣмъ, почему, отчего, какая логика въ томъ, что капиталистическія страны Европы такъ усиленно помогаютъ коммунистамъ разрушать ихъ же благосостояніе и такъ же старательно мѣшаютъ тѣмъ, кто борется за право и законъ?... И всюду шныряють теперь эти скучающіе, снобирующие туристы, и, кажется, нѣтъ теперь такой точки на земномъ шарѣ, куда не проникъ бы какой-нибудь джентльменъ въ дорогомъ «пулловерѣ», въ гетрахъ и вязаной шапкѣ и не остановился съ идиотской улыбкой разсматривать то, что такъ тщательно и съ такимъ рискомъ для жизни хотѣли отъ него скрыть. И какъ страшно, что и тамъ... Тоже... Какой-нибудь умирающей отъ скуки, задавленный своими милліонами американецъ, не наткнется въ своихъ плаваніяхъ на моторной яхтѣ на т о т ъ островъ и не завопитъ о немъ въ газетахъ всего міра... Ужасно....Эти мнѣ

снобы, бездѣльники, сами навязывающіе на собственную шею петлю коммунистической веревки!»..

Пиксановъ закурилъ дешевую папиросу и продолжалъ въ тяжкомъ раздумьи листать газету. Со двора доносилось кудахтанье куръ и звонкій голосъ Галины.

— Мамулечка, сегодня молодья курочки уже четвертое яйцо несутъ и все сто шестой номеръ...

«Да здѣсь жизнь», — со вздохомъ подумалъ Пиксановъ, — «тамъ противодѣйствіе жизни... Ибо безъ Бога... ибо противъ Бога»...

Онъ углубился въ газету.

«Англійская свадьба въ Русской церкви»... Тоже снобъ какой-нибудь, ради моды сунулся въ Русскую церковь... Или наша какая-нибудь бѣдная дѣвушка продана за англійскіе фунты... «Вчера въ 9 1/2 часовъ вечера въ Русской церкви состоялось по православному обряду бракосочетаніе капитана англійской службы Джемса Холливеля съ миссъ Анастасіей Гербертъ. Бракосочетаніе совершалъ...» На свадьбѣ, однако, не было никого Русскаго. Свадьба была чисто англійская... Но почему православная? «Тоже снобизмъ какой-нибудь, въ родѣ путешествія къ сѣверному полюсу на подводной лодкѣ»...

«Чествованіе»... Ну, конечно!... Мы безъ чествованій и праздниковъ обойтись никакъ не можемъ, хотя уже чего чествовать и что праздновать, когда я, гвардейскій полковникъ, принужденъ здѣсь куръ разводить»...

Пиксановъ выплюнулъ недокуренную папиросу, швырнулъ газету на полъ и вышелъ изъ полутемной комнаты на дворъ. Яркій солнечный свѣтъ его ослѣпилъ. Голубое небо было бездонно. На крышѣ ворковали, радуясь долгожданному солнцу голуби, воробьи, чирикали у навознаго ларя. Изъ курятника слышались звуки скребковъ. Любовь Димитріевна съ Галиной чистили птичникъ.

Пиксановъ посмотрѣлъ на небо. «Можетъ быть, князь и летитъ, и все обошлось благополучно. Славный юноша... И, видимо, сраженъ моей баловницей. Ну что

жъ, вотъ придемъ въ Россію, тогда и мы будемъ чествовать и праздновать, уже на законномъ основаніи и по праву, каждый въ мѣрѣ совершеннаго... А кто ничего? Ну ничего и не получить.. Ничего и есть ничего. И ноль всегда ноль, какъ его ни чествуй и ни величай»...

XXIII.

Получивъ отъ князя Ардаганскаго голубенькій пакетикъ съ посланіемъ Мишеля Строгова, Леночка не ощутила никакой радости. Тревога охватила ее сердце. Что въ этомъ посланіи? Какая тайна?... Сорбонна за эти мѣсяцы кое-чему научила Леночку. Она показала ей, что милліоны легко дѣлаютъ въ кинематографахъ, да въ романахъ, въ жизни совсѣмъ не такъ это просто. Если это кинематографическая тайна, какъ ее использовать?... Страшно подумать, если это тайна политическая. Мухомо былъ замкнутъ и молчаливъ... На его лицѣ было такое выраженіе, какое Леночка видала въ кинематографахъ на лицахъ героевъ или преступниковъ. Послѣ разговоровъ съ Жаномъ Леночка поняла, что Парижъ съ его «ажанами» вовсе не безопасное мѣсто и здѣсь, если тайна касается совѣтской республики, можно такъ же влипнуть, какъ и въ какомъ-нибудь Троцкѣ.

Первымъ движеніемъ Леночки было вскрыть и сейчасъ же прочитать, что пишетъ ей Мишель Строговъ. Но она чувствовала себя подъ наблюденіемъ. Тетка стояла у калитки, Софи все глядѣла въ окно. Леночка зашла за уголь дома и тамъ спрятала конвертъ у себя на груди.

Надо было идти домой завтракать. Леночка надѣла на лицо привычную маску сдержанности. Въ совѣтской республикѣ безъ такой маски можно было пропасть. Она умѣла ее носить, и съ нею на лицѣ пошла къ дому небрежной вихляющей походкой, какою ходятъ париж-

скія манекенши и которую Леночка изучила въ кинематографѣ.

— Что вы тамъ съ княземъ шептались? — съ ласковою ворчливостью сказала Неонила Львовна. — Не пара онъ тебѣ. Гляди какъ вырядился! Все новенькое. Видать — въ хорошемъ магазинѣ куплено, и все у него тайна да тайна, какіе подумашь, секретники выискались. Конспираторы!

— Спрашивала о Мишелечкѣ, — съ наивнымъ видомъ сказала Леночка.

— Можетъ быть, онъ тебѣ что про Шуру подробнѣе сказалъ, — съ волненіемъ въ голосѣ сказала Ольга Сергѣевна.

— Ничего особеннаго... Живъ... Здоровъ... Снимается... Михако, правда, сталъ очень уже въ секреты играть.

— Да, — протянула Неонила Львовна, — былъ милый человѣкъ, а теперь просто фификусъ какой-то.

Послѣ завтрака Леночка позвала Топси.

— Я, тетя, пойду немного погулять съ собакой.

На рыночной площади были скамейки. Леночка рѣшила тамъ прочесть посланіе Мишеля. Когда она была уже на площади ее догнала Софи.

— Что это за прекрасный человѣкъ былъ у васъ? — спросила Софи.

«Софи не помѣшаетъ, — подумала Леночка. — «Письмо написано по Русски. Она ничего не разберетъ».

— Это былъ молодой князь Ардаганскій.

Хотя совѣтская школа второй ступени и тщательно вытравила изъ головы Леночки понятіе о почетности княжескаго званія, она не безъ гордости назвала Ардаганскаго княземъ.

— Это твой «ами»?

Леночка неопредѣленно подернула плечомъ, понимай, моль, какъ знаешь, отъ такого «ами» не хотѣлось отказываться.

— Давай, сядемъ. Мнѣ надо прочитать одно письмо. Ты позволишь?

— Ахъ, сдѣлай милость.

Они сѣли на желтую исщербленную скамейку. По другую сторону ея сидѣлъ какой-то старикъ. Въ немъ ничего не было подозрительнаго. Леночка вынула съ груди конвертъ и осторожно ноготкомъ вскрыла его. Софи нарочно стала смотрѣть въ сторону.

Крупнымъ корявымъ почеркомъ Мишеля — онъ со-всѣмъ отвыкъ писать — было начертано:

«Леночка, дорогая, умоляю васъ, выручайте всѣхъ насъ изъ бѣды. Мы попали въ грязную исторію. Торопитесь... Можетъ быть, вы извлечете изъ моего сообщенія и пользу. Не знаю. Это самая обыкновенная бѣлогвардейская авантюра. Стопроцентная контръ-революція. Никакого общества «Атлантида» нѣтъ. Есть солдаты, удушливые газы, аэропланы и пулеметы, направленные противъ большевиковъ цѣлаго свѣта. Вы понимаете, какое это безуміе. Опять война. Насъ надо разоблачить. Не знаю, гдѣ, въ Лигѣ Націй или прямо у большевиковъ, гдѣ больше дадутъ. Спасайте скорѣе, но и не продешевите... Наша военная база находится на вулканическомъ островѣ, лежащемъ на 2°10'11" южной широты и 22°32'18" западной долготы отъ Гринвича. Это очень важныя свѣдѣнія. Боюсь, что вы не сумѣете ихъ использовать. Храните ихъ тщательно»...

Записка была безъ подписи. Мишель зналъ, что дѣлалъ. Леночка опустила руки съ запиской на колѣни и смотрѣла вдаль. Она была такъ поражена, что ничего не видѣла. Она не видѣла, что Софи внимательно разглядывала записку.

«Тайна была политическая. Самъ Мишель Строговъ признавалъ ея значеніе и опасность. Что дѣлать?... Что дѣлать?...»

Леночка машинально спрятала записку на груди и тяжело вздохнула.

— Что-нибудь неприятное? — участливо спросила Софи.

— Ахъ... Нѣтъ...

Леночка поднялась.

— Пойдемъ домой.

Софи послушно встала и пошла съ подругой къ до-

му. Обѣ молчали. Холодные токи бѣжали по жиламъ Леночки. «Донести?... Сказать кому-то объ этомъ заговорѣ, объ этой «авантюрѣ»? Доносъ ее не страшилъ и не смущалъ. Она не думала, какія могутъ быть послѣдствія доноса для ея дяди и Мишеля. Она усвоила со школьной скамьи, что доносить не стыдно, не преступно, не гадко. Каждый обязанъ доносить. Ее смущало другое... Куда донести? А какъ съ этой запиской она сама попадетъся? Тутъ дѣло шло уже не о милліонахъ, которые кто и за что ей дастъ?... Не большевики же? Она знала, какъ и чѣмъ платили большевики доносчикамъ. Она знала и ихъ грубость и ихъ жестокость, и она боялась ихъ. Она теперь знала, что они были повсюду. И Жанъ былъ большевикъ. Надо ихъ остерегаться. Могутъ быть пытки, можетъ быть смерть.

Леночка не помнила, какъ она дошла до дома и простилась съ Софи.

— У меня голова болитъ, — жалобно сказала она подругѣ.

Она воспользовалась тѣмъ, что Неонила Львовна ушла куда-то и прошла къ Ольгѣ Сергѣевнѣ. Она не считала возможнымъ скрывать опасность, грозившую всѣмъ.

— Тетя, — сказала она, — князь мнѣ передалъ письмо отъ Мишеля.

Она подала записку Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Та прочла и перечла ее нѣсколько разъ. Она подняла глаза къ образу. Такъ вотъ оно чудо, которое она намолила у образа Богоматери? Все обманъ! Всѣ ея прежнія чувства, все прошлое, притушенное разлукой недоброжелательство къ мужу вспыхнуло съ прежней силой. Онъ снова сталъ для нея «полковникомъ», Донъ-Кихотомъ. Она перечитывала и старалась вникнуть въ смыслъ того, что писалъ Шура.

«Онъ, старый офицеръ генеральнаго штаба, не увидалъ того, что увидалъ и понялъ Шура, кого всѣ они считали недоучкой и дуракомъ. Шура правъ. Конечно, — авантюра!... Ихъ триста человекъ, и они хотятъ бо-

роться со всѣмъ міромъ. Съ какого-то таинственнаго острова на экваторѣ? Безуміе».

Ольга Сергѣевна давно въ сердцѣ своемъ постановила, что большевики непобѣдимы. Отъ того и было такъ темно и мрачно на ея сердцѣ, что она-то знала, что никогда, никогда не вернется она въ Россію. Да и зачѣмъ? Тринадцатилѣтнее владычество большевиковъ не могло пройти незамѣтнымъ. Какую она найдетъ теперь тамъ Россію?

Весь праздникъ души, что торжественнымъ гимномъ пѣлъ въ ея сердцѣ, когда она узнала, что ея близкіе живы и здоровы, пропалъ и затихъ, какъ только она поняла, на какое дѣло они пошли.

Россіи они все равно не спасутъ, только сами погибнутъ.

— Порви, — сказала она Леночкѣ, не зная, что сказать, — порви эту записку... Нѣтъ, стой... Не рви... Она можетъ понадобиться. Можетъ быть, и правда все это надо разстроить... Просить вмѣшаться французовъ и остановить эту авантюру... Но храни ее бережно... Храни... Никому не показывай. Ты понимаешь... Ты тамъ сама жила... Ты знаешь, чѣмъ и какъ ты рискуешь, если кто не надо узнаетъ про нее. Хоть и Парижъ... У меня Кутеповъ передъ глазами... И никто за него не заступился...

Онѣ обѣ были, какъ заговорщицы. Отъ мамочки молчаливо рѣшили все скрыть. Но та видѣла огорченное лицо дочери и тревогу Леночки, видѣла, что отъ нея что-то скрываютъ, обижалась и ворчала вслухъ:

— Это, дѣти мои, какъ «винтики»... Какъ «винтики»... Куда повернуть, куда полетятъ, такъ тому и быть... Такъ тому и быть... — какъ ворона каркала она.

Тревога, волненіе и безпокойство и самый ужасный страхъ вошли въ бѣдныя каморки виллы «Les Coccielles»...

XXIV.

На другой день Леночка не хотѣла ѣхать въ Сорбонну, но Софи пришла за нею, какъ всегда и сказала, что будетъ какая-то особенно интересная лекція про прошлое Парижа, будетъ читать знаменитость, и Леночка рѣшила, что опасности нѣтъ, если она поѣдетъ. Она при Софи запрятала поглубже на грудь голубенькій конвертикъ и онѣ поѣхали въ Сорбонну.

— Только, какъ тамъ хочешь, — сказала дорогой Леночка, — а завтракать мы пойдёмъ куда-нибудь въ Латинскомъ кварталѣ. Я откровенно тебѣ скажу, я не хочу встрѣчаться съ Жаномъ. Ты на меня не обижайся. Мнѣ не нравится его манера все выпрашивать.

— Какъ хочешь, — спокойно сказала Софи.

Лекція и правда была интересная. Все прошлое Парижа встало передъ Леночкой. Улицы, острова, кварталы, все точно ожило, покрылось невидимыми тѣнями людей прошлаго и стали по новому интересными и красочными. Завтракали въ маленькомъ ресторанчикѣ во второмъ этажѣ, на площади Сень-Мишель. Низенькая комната стараго дома была полна молодежи, студентами и студентками. Веселый смѣхъ и шутки не смолкали. На Леночку поглядывали съ нескрытой симпатіей. Она нравилась восточною красотою. Леночка совсѣмъ разсѣялась, и ей стали казаться смѣшными ея страхи. Въ Парижѣ ничто не можетъ случиться и никакой большевикъ не посмѣетъ къ ней прикоснуться, какими бы тайнами она ни обладала. Эта милая молодежь за нее заступится и ее отстоитъ!

Послѣ завтрака Софи предложила Леночкѣ поѣхать вмѣстѣ съ нею къ ея портнихѣ. Это была давнишняя мечта Леночки. Софи была парижанка и какъ и гдѣ она одѣвается это было такъ интересно. Онѣ взяли такси и поѣхали куда-то очень далеко.

Домъ былъ сѣрый и невзрачный. Софи объяснила, что это совсѣмъ недорогая портниха, но она работаетъ на лучшіе дома Парижа. Онѣ поднимались на шестой

этажъ. Лифта не было. Леночка запыхалась, когда дошла до площадки, куда выходили три двери. Тишина стыла за ними. Софи позвонила у лѣвой двери и, какъ показалось Леночкѣ, позвонила какъ-то странно, нѣсколько разъ. Дверь открылась, и тотъ, кто открылъ ее, спрятался въ сосѣдней комнатѣ. Была темная крошечная комнатушка прихожей, куда несмѣло вошла Леночка за подругой. Едва она вошла, какъ чьи-то сильныя руки схватили ее за горло, въ полумракѣ Леночкѣ показалось, что она увидала искаженное лицо Жана, Софи набросилась на нее, разстегнула ея платье и выхватила завѣтную записку Мишеля Строгова. Это было одно мгновение, въ слѣдующее, ее грубо повернули, съ силою толкнули къ лѣстницѣ, такъ, что она не могла удержать равновѣсія и покатила по крутымъ ступенямъ. Наверху дверь закрылась, и тамъ все стихло.

Леночка очнулась и оправилась отъ охватившаго ее страха только на площадкѣ пятаго этажа, куда она скатилась. Безумный страхъ владѣлъ ею. «Вотъ оно, вотъ оно», — думала она, — «большевики. Я попала къ нимъ въ ловушку».

Она подобрала платье, застегнула блузку и въ страхѣ, не отдавая себѣ отчета что дѣлаетъ, побѣжала внизъ по лѣстницѣ, выскочила изъ дома и пробѣжала нѣсколько кварталовъ, не замѣчая ни домовъ, ни улицъ. Она остановилась только у входа въ подземную дорогу. Тутъ были люди, и не было такъ страшно. Она поѣхала домой. У нея отъ ушиба и нервнаго потрясенія разболѣлась голова. Дома она съ трудомъ дозвонилась. «Мамочка» предавалась послѣобѣденному сну. Ольги Сергѣевны не было дома.

Неонила Львовна впустила Леночку и сейчасъ же снова завалилась на постель. Леночка прошла въ комнату Ольги Сергѣевны и легла. Въ головѣ шумѣло. Ее била лихорадка. Она смутно сознавала, что случилось нѣчто ужасное. Если Софи вырвала записку, она знала ея содержаніе. Она въ ней была заинтересована. Она знала по-Русски. Она и Жанъ не были французами, но были

Русскими большевиками, нарочно подосланными, чтобы слѣдить за ними.

Сквозь сильную головную боль мысль Леночки работала удивительно ясно и логично. Точно какой-то клубокъ распутывался передъ нею, и все становилось яснымъ. Во всемъ, во всемъ виновата та «авантюра», куда «влипли» полковникъ и Мишель Строговъ. Она была давно раскрыта большевиками и имъ надо было только добыть доказательства. Софи была подослана, чтобы слѣдить за ними. Они всѣ обречены. Тутъ мысли путались. Что же дальше дѣлать и какъ спастись? Прежде все надо дождаться Софи и начисто объясниться съ нею. Сказать обо всемъ Ольгѣ Сергѣевнѣ или лучше не говорить? Нѣтъ, лучше пока молчать. Надо узнать все отъ Софи.

Леночку предательство подруги не возмущало. Въ школѣ второй ступени она и не такое предательство видала. Но здѣсь противъ предательства можно было бороться. Онѣ были не въ Совѣтской республикѣ, а въ Парижѣ, переполненномъ «бѣлыми» Русскими и, если она скажетъ имъ, кто такое Софи Земпель, ее заставятъ вернуть записку. Это были смѣлые и гордые планы. Они быстро и какъ-то совсѣмъ непослѣдовательно смѣнялись полнымъ упадкомъ духа и тогда Леночка тряслась въ лихорадкѣ и съ тревогою прислушивалась къ тому, что дѣлается на дворѣ. Ей слышались гудки автомобиля, грохотъ грузовика, людской гомонъ. Она въ тревогѣ поднималась на постели. Въ эти часы все было тихо въ этомъ мѣстечкѣ, всѣ жители были на работѣ или на службѣ въ Парижѣ и оно было пусто. Леночка ждала возвращенія Софи. Должна же будетъ она вернуться.

Софи не приходила. Ольга Сергѣевна вернулась усталая и раздраженная. Отъ ея вчерашняго праздничнаго настроенія и слѣда не осталось. Обѣдали молча. Скоро послѣ обѣда полегли спать. Леночка не спала. Она все прислушивалась, когда вернется Софи. Ты не возвращалась.

Леночка рѣшила искать Софи въ Сорбоннѣ, ѣхать въ Русскій ресторанный. Тамъ она скажетъ всѣмъ, что съ

нею сдѣлали, ее поймутъ и должны же они, Русскіе, ее защитить. Это же Парижъ!.. Парижъ!!

Въ Сорбоннѣ Софи не оказалось. Леночка дождалась перерыва на завтракъ и поѣхала въ ресторанъ.

Смутно и невесело было у нея на душѣ. Рѣшимость изобличить Жана и Софи смѣнялись безотчетнымъ страхомъ и желаніемъ никогда не встрѣчаться съ ними.

XXV.

Уже издали Леночка увидала, что ихъ три мѣста были свободны. Прислуга берегла ихъ для постоянныхъ посѣтителей. Красивая блондинка посторонилась передъ Леночкой, давая ей мѣсто. Леночка, не думая, заказала себѣ что то. Она ѣла машинально. Противъ нея сидѣлъ лохматый бородачъ и, размахивая дымящейся папиросой и пуская дымъ въ лицо Леночкѣ, сердито говорилъ своему собесѣднику.

— Воинствующее безбожіе лучше, въ тысячу разъ лучше полного равнодушія и бойкота вѣры, овладѣвающихъ все болѣе и болѣе матеріалистическимъ міромъ Европейскихъ странъ. Воинствующее безбожіе возбуждаетъ въ населеніи протестъ, желаніе бороться. Вы посмотрите, какъ отвѣчаетъ населеніе на всѣ преслѣдованія христіанъ въ совѣтской Россіи. На мѣсто разрушаемыхъ, растутъ новые храмы и тамъ, гдѣ ихъ можно меньше всего ожидать: въ рабочихъ кварталахъ... Они распинаютъ Христа, а Христось воскресаетъ тамъ во всей славѣ своей. Тогда, какъ здѣсь, это лаическое воспитаніе дѣтей въ безбожій ведетъ къ полному оскудѣнію вѣры, къ поразительному равнодушію, къ незнанію ея.. къ самому грубому матеріализму.

— Большевики въ роли возбудителей христіанства... Оригинальная мысль, Борисъ Николаевичъ.

Леночка дальше не слушала. Она отдавала блюдо за блюдомъ, почти не притрогиваясь къ нимъ.

— Барышня нездоровы, или ей что не нравится, — спросилъ ее подававшій ей молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, такъ... Дайте счетъ.

Она заплатила и пошла къ выходу. Когда проходила между столами съ тѣсно сидящими гостями ей показалось, что кто то, кажется, та блондинка, что рассказывала про Муру, сказала негромко: «совдепка»...

Леночкѣ это было все равно. Она вдругъ поняла, что ничего нѣтъ. Все призраки... И блондинка — призракъ... Развѣ есть такое имя Мура?.. Спалила на Рождествѣ скатерть и этимъ огорчалась... Слизь!.. Слизь! Просто дура!.. Леночка подымалась къ площади Этуали, и встрѣчные люди казались ей кинематографическими тѣнями. Собственно жизни нѣтъ. Все это только такъ кажется. И происшествіе, бывшее вчера и оскорбительность выталкиванія въ дверь — это все относительно, какъ посмотрѣть? Было больно, когда она упала на ступени лѣстницы, но боль бываетъ и сильнѣе. Ее могли и пытаться? Могли убить!.. Убить.. Что такое убить? Сдѣлать ее слизью, какою она была нѣкогда... Воинствующее безбожіе, какъ все это глупо! Ничего нѣтъ!.. Ничего нѣтъ!

Леночка спускалась къ Сенѣ. Золотистый туманъ легкой дымкой стлался надъ городомъ. День былъ прекрасенъ. Впереди, какъ какое-то страшное безобразное чудовище, широко разставившее ноги, высилась къ голубому небу Эйфелева башня. Леночка вошла подъ нее.

На башню пускали. Заплатить нѣсколько франковъ и можно подняться почти на самый верхъ. На самую верхнюю площадку нельзя, тамъ радіо-телеграфъ.

Все въ томъ же задумчивомъ, точно полубредовомъ состояніи Леночка заплатила деньги и встала въ кабину подъемной машины. Земля стала уходить изъ-подъ ея ногъ. Парижъ открывался все шире и шире. На верху было всего двое посѣтителей. Какая-то молодая дама и съ ней молодой человѣкъ. Поднявшіеся съ Леночкой пассажиры разбрелись по площадкѣ. Леночка смотрѣла на нѣжныя дали, тонуція въ розовой дымкѣ. «Это такъ кажется... Тамъ старая Лютеція. О ней такъ пламенно

и страстно рассказывалъ вчера профессоръ. Тамъ ходили римляне... У Ключни были ихъ бани. Гдѣ они? Слизь? Изъ слизи вышли и въ слизь и обратились. И сколько ихъ!.. Этихъ Людовиковъ, что жили здѣсь и по своему любили Парижъ. И тамъ, гдѣ теперь широкое авеню Елисейскихъ полей съ непрерывнымъ рядомъ автомобильныхъ магазиновъ и такое людное, что трудно перейти черезъ него, когда-то собаками травили оленей. Все прошло. И Наполеоны и революція. Все случайные гости на одинъ мигъ. И она на одинъ мигъ. И, если ускорить этотъ мигъ — не будетъ и этого липкаго страха передъ большевиками и думъ, какъ устроить свою жизнь. Недавно она смотрѣла въ лицо Жана и думала, если годъ обратить въ секунду.. И на ея глазахъ лицо Жана старѣло, потомъ умерло, разложилось и обратилось въ слизь. Ну... ускорить».

Леночка нагибалась все болѣе и болѣе внизъ. Точно хотѣла она разсмотрѣть, кто тамъ ходитъ подъ самыми ногами башни. Кровь прилиwała къ головѣ и пространство тянуло ее въ бездну.

Она нагнулась еще больше. Мокрое желѣзо периль холодило животъ сквозь тонкую матерію платья.

Это случилось какъ-то вдругъ и совсѣмъ непонятно. Голова сладко закружилась. Леночка услышала, какъ кто-то, можетъ быть, это была даже и она, или та молодая дама, что стояла недалеко отъ нея, закричалъ тонкимъ, все удаляющимся и замирающимъ голосомъ: а-а-а!..

И потомъ наступила страшная тишина. Въ ушахъ шумѣло.... Какой-то ударъ, и все исчезло въ небытіи.

.....

То, что было Леночкой, кровавой слизью лежало точно мѣшокъ съ чѣмъ-то мокрымъ, на панели. Начиная собираться народъ. Полицейскій громко и залиvisto подалъ свистокъ. Какіе-то люди принесли брезентъ. Имъ накрыли Леночку отъ любопытныхъ взглядовъ. Какъ-то очень скоро примчался автомобиль съ краснымъ флажкомъ на крышѣ. Изъ него вышли санитары. Они уложили Леночку на носилки и погрузили на авто-

мобиль. Въ госпиталѣ, куда привезли тѣло Леночки, его раздѣли, осмотрѣли и, не найдя никакихъ документовъ, или примѣтъ, по которымъ можно было признать, кто была Леночка, отмѣтили «inconnue» и отправили въ моргъ.

Эту ночь на виллѣ «Les Coccinelles» Ольга Сергѣевна не ложилась спать. Она ожидала Леночку. Но пришло солнечное, яркое лѣтнее утро, Леночка не вернулась. Сильное безпокойство охватило Ольгу Сергѣевну, но надо было идти на службу. Это время хозяева такъ легко рассчитывали служащихъ, что надо было быть на чеку и ничѣмъ не возбудить недовольства патрона. Вернувшись, она первымъ дѣломъ спросила «мачку», вернулась - ли Леночка.

Леночки не было. Теперь забезпокоилась и Неонила Львовна. Но прошелъ и еще день, пока Ольга Сергѣевна рѣшилась пойти въ полицейскій комиссариатъ. Тамъ ее разспросили, записали ея адресъ и сказали, что если на ушедшей не было ея «carte d'identité», отыскать будетъ очень трудно, почти невозможно.

— Какъ же такъ?... — сказала Ольга Сергѣевна. Ея лицо изобразило страданіе.

— Въ Парижѣ, мадамъ, примѣрно пять тысячъ челоуѣкъ ежегодно безъ вѣсти пропадаетъ, — любезно сказалъ чиновникъ. — Однако, это вовсе не обозначаетъ, что всѣ они непременно гибнутъ. Мало ли причинъ, по какимъ люди скрываются изъ своихъ домовъ, никому объ этомъ не заявляя. Особенно молодыя дѣвушки.

— Но у ней, повидимому, никого не было, съ кѣмъ она могла бѣжать.

— Но вы говорите, что одновременно съ нею изъ вашего дома исчезла мадемуазелль Земпель. Наконецъ, допустимъ, что могло быть уличное происшествіе, она могла попасть подъ автомобиль или трамвай. Ее отвезли бы въ госпиталь и какъ только она пришла бы въ себя, она назвалась бы и сказала свой адресъ и васъ по нему увѣдомили бы. Это въ интересахъ самого госпиталя. Если она задавлена совѣмъ — ищите ее въ моргѣ. Можетъ быть, ее еще не похоронили.

Ольга Сергѣевна рассказала все это Неониль Львовнѣ.

Старуха подняла на дочь глаза.

— Искать въ моргѣ... Зачѣмъ, — медленно проговорила она. — Зачѣмъ намъ мертвая Леночка?..

— Ахъ, мамочка, надо же ее похоронить, какъ слѣдуетъ.

— Похоронить, какъ слѣдуетъ, — строго сказала старуха. — А ты, милая, знаешь, что это значитъ — похоронить, какъ слѣдуетъ?... Что Леночка - то вѣрила въ твоего Бога?.. Ты только подумай, сколько расходовъ, сколько совсѣмъ ненужнаго безпокойства сдѣлаетъ то, что ты называешь — похоронить, какъ слѣдуетъ!.. Что она-то сама свою мать, какъ слѣдуетъ, хоронила?.. Небось, закопала, да и все. Леночка пришла къ намъ незванная, непрошенная, такъ и ушла... Такова ея судьба.

Жестокая, но и неотразимая логика была въ словахъ «мамочки». Въ ней говорила та бѣженская мудрость, которой не была чужда и сама Ольга Сергѣевна. Она наклонила голову и молча вышла изъ комнаты.

«Да... Было бы это дома... Въ Россіи... Совсѣмъ другой разговоръ былъ бы. Тамъ мы все знали... Здѣсь... пять тысячъ человѣкъ ежегодно пропадаетъ въ Парижѣ и никого это не удивляетъ».

Она прислушалась. Ей показалось, что въ сосѣдней комнатѣ ходитъ Леночка и напѣваетъ вполголоса:

— Жила была Россія

Великая держава.

Враги ее боялись —

Была и честь, и слава...

— Ни чести, ни славы, — прошептала Ольга Сергѣевна, — такъ что ужъ... гдѣ ужъ... Молчать надо и терпѣть... Такъ Богу угодно.....

Нежданная и незванная явилась Леночка изъ той невѣдомой и страшной страны, которая была Россіей и такъ же неожиданно и таинственно исчезла... Какъ исчезаетъ пять тысячъ человѣкъ въ Парижѣ, какъ столько

и столько исчезло за это время ея близкихъ и знакомыхъ... Такой значить вѣкъ... Время такое... На все воля Божія.

XXVI.

Газеты, помѣстившія замѣтку о свадьбѣ мистера Холливель и миссъ Гербертъ въ православной церкви, написали вѣрно. Но это не было англійскимъ снобизмомъ, какъ о томъ подумали Пиксановъ и многіе другіе. Это вытекало изъ самаго происхожденія миссъ Гербертъ, о чемъ никто не зналъ.

Когда капитанъ Холливель въ самой изысканной и красивой формѣ сдѣлалъ Анѣ Гербертъ предложеніе и просилъ ея руки и сердца, Она подняла на него свои прекрасные сине-голубые глаза — въ нихъ точно играла морская волна — и сказала въ тихомъ раздумьи:

— Прежде чѣмъ дать вамъ мой отвѣтъ, Джемсъ, я должна вамъ, сказать, кто я.

Она сдѣлала паузу. Она, казалось, ждала вопросовъ. Ихъ не послѣдовало.

— Я не англичанка, какъ вы думаете. Я Русская.

Она внимательно посмотрѣла въ глаза мистера Холливеля. Въ нихъ не было ничего. Лицо молодого капитана было какъ всегда холодно. Онъ ждалъ, что скажетъ его нареченная.

— Я не миссъ Гербертъ. Я только удочерена Гербертами и потому ношу ихъ фамилію. Я дочь Русскаго офицера — Ранцева. Душа у меня Русская, хотя, конечно, по воспитанію я болѣе англичанка, чѣмъ Русская.

Она замолчала.

— Я объ этомъ имѣлъ случай догадываться. Это ничего не мѣняетъ, и я повторяю вамъ то, что сказалъ только что: — я прошу васъ быть моею женой.

Ана густо покраснѣла и тихо сказала.

— Поговорите объ этомъ съ моею матерью. Что касается до меня — я согласна. Но я прошу, чтобы вѣнчаніе было, какъ въ англиканской, такъ и въ православ-

ной церквахъ. Я очень предана, люблю и уважаю вѣру моихъ родителей.

Мистеръ Холливель молча нагнулъ голову, выражая этимъ полное согласіе съ желаніемъ невѣсты.

Бракъ былъ, какъ всѣ браки этого вѣка, этого послѣ военнаго времени, когда у людей измѣнились понятія и произошла «переоцѣнка цѣнностей». Наружно — бракъ хоть куда. Въ англійскій романъ или въ кинематографъ — лучше не надо. Моднѣе, лучше, красивѣе ничего не придумаешь.

Женихъ высокаго роста, чисто бритый, черноволосый, съ прической, точно лакомъ покрытой, на проборъ, съ сухимъ, замкнутымъ, волевымъ лицомъ, съ тонкими губами и холодными, узко поставленными стальными глазами. Ему было за тридцать. Онъ повидаль войну, и орденская ленточка украшала петлицу его костюма. Всегда безукоризненно и со знаніемъ мужской моды и того, гдѣ что надѣть, одѣтый, съ умѣло подобранными въ тонъ и цвѣтъ галстукомъ и платочкомъ, онъ былъ всегда и вездѣ примѣтенъ. Никто не умѣлъ такъ красиво носить фракъ, такъ одѣться на морскомъ пляжѣ въ пижаму, такъ быть хорошъ въ теннисныхъ трусикахъ и фуфайкѣ, какъ Джемсъ Холливель. Самый изящный мужчина англійской колоніи въ Парижѣ! Не было, казалось, спорта, котораго онъ не зналъ бы. Онъ плѣнилъ Ану своей прекрасной верховой ѣздой и знаніемъ лошади. На площадкѣ «Багатель» въ Булонскомъ лѣсу онъ былъ непобѣдимъ въ полло. Онъ прекрасно игралъ въ теннисъ и былъ постояннымъ партнеромъ миссъ Аны. Онъ отлично игралъ въ гольфъ и былъ благородно красивъ въ игрѣ въ бриджъ. Онъ умѣлъ править автомобилемъ и, кажется, леталъ на аэропланѣ. Совершеннѣйшій герой романа второй четверти двадцатаго вѣка и мудрено ли, что Ана такъ легко согласилась быть его женой? Она была ему достойной во всѣхъ отношеніяхъ парой. Красавица въ первомъ цвѣтеніи красоты, изящная, стройная, строго воспитанная, прекрасная спортсменка, она не отставала ни въ чемъ отъ жениха. Она ѣздила безупречно, играла въ теннисъ и

бриджъ и на дняхъ добилась завѣтной мечты — получила картъ розъ на право управлять автомобилемъ.

Ана подъ руководствомъ той Русской барышни, съ кѣмъ она проходила уроки Русскаго языка, читала романа Тургенева и Гончарова. Героинь этихъ романовъ она не понимала. Онѣ казались ей скучными и вялыми. Разсужденія героевъ ей представлялись ненужными. Джемсъ Холливель вполнѣ удовлетворялъ ея вкусу. Она была очень молода и ея мать говорила ей, что можно бы и подождать съ бракомъ, но для чего ждать? Она была дѣвушкой своего вѣка. У нея былъ современный взглядъ на бракъ. Въ немъ бракъ открывалъ ей свободу и давалъ возможность выявить свое «я». Бракъ, хотя она и настаивала на его церковности и смутно вѣрила, что это «таинство», все таки былъ для нея нѣчто въ родѣ торговаго договора, гдѣ честность предполагалась съ обѣихъ сторонъ. Для Аны мистеръ Холливель былъ джентельменъ. Онъ былъ офицеромъ. Ана выросла въ уваженіи къ этому званію. Ея названный братъ былъ убитъ на войнѣ. Ея отецъ былъ на этой же войнѣ тяжело раненъ. Въ офицерѣ, въ представленіи Аны, было достаточно благородства, чтобы безтрепетно отдать свою судьбу въ руки офицера Королевской арміи.

Въ ихъ кругу было принято послѣ свадьбы совершать путешествіе, и Ана мечтала поѣхать на сѣверъ, куда нибудь въ фіорды Норвегіи, или даже въ Россію, недоступную для Русскихъ, но вполнѣ удобную для «интуристовъ». Это было бы такъ любопытно посмотреть страну своихъ настоящихъ родителей. Ее тянула и Манчжурія, гдѣ на постовой квартирѣ Русскаго офицера она родилась. Голосъ крови говорилъ въ ней. Но ея мужъ былъ связанъ дѣлами въ Парижѣ и какъ разъ въ это время онъ получилъ важное служебное порученіе, мѣшавшее ему покинуть Парижъ. Мать предложила имъ устроиться на ея квартирѣ на avenue Henri Martin, а сама уѣхала на морской курортъ въ Бретани. Она прислала свой прекрасный Пакхардтъ своей дочери и дала его въ полное ея распоряженіе.

Такъ въ старыхъ привычныхъ рамкахъ началась для Аны новая замужняя жизнь. Кое отъ чего ей хотѣлось

бы отмахнуться и забыть. И, когда оставалась она одна, а это бывало каждое утро послѣ прогулки верхомъ, она начинала сознавать, что все таки для брака, кромѣ всей этой красивой внѣшности, ее окружавшей, нужна была еще и какая то особенная всепрощающая и все принимающая любовь. Ее у нея не было. И, можетъ быть, Тургеневскія героини, кого она не понимала, были счастливѣе ея. Но было поздно. Тогда начала она задумываться надъ жизнью, заниматься самоанализомъ и невольно слѣдить за мужемъ.

Онъ былъ джентльменомъ и безупречнымъ мужемъ, но онъ былъ далекъ отъ нея. Она всю себя, со всѣми своими чувствами, думами, переживаниями и вопросами отдала ему. У нея ничего не было скрытаго отъ него. Онъ былъ замкнутъ, и она, его жена, не знала даже, гдѣ и чѣмъ онъ служить. Онъ капитанъ королевской арміи. Но гдѣ его полкъ? Онъ не состоитъ военнымъ атташе. Но онъ занятъ, онъ не въ отпуску. Онъ служить. У него есть портфель съ бумагами, всегда закрытый на ключъ, и этотъ ключикъ онъ носитъ на тонкой цѣпочкѣ на груди. Его часто и даже ночью вызываютъ къ телефону и когда онъ говоритъ, онъ прикрываетъ дверь кабинета и говоритъ въ полголоса. Онъ получаетъ много газетъ и писемъ. Онъ получаетъ телеграммы и не любитъ, чтобы въ его отсутствіе она, его жена, ихъ распечатывала. Телеграммы служебныя и часто шифрованные. Послѣ нихъ онъ бываетъ озабоченъ и какъ ни хорошо онъ скрываетъ свои чувства, она видитъ, что онъ обезпокоенъ. Это ее обижало. Можетъ быть потому, что она была Русскою, и въ сердцѣ своемъ носила другое понятіе объ отношеніи мужа къ женѣ.

Утромъ они ѣздили верхомъ. Потомъ мужъ передѣвался и уѣзжалъ иногда до самаго обѣда. Она играла на роялѣ. Въ четыре часа въ громадной столовой накрывали чайный столъ, наставляли пирожныя, варенья и конфеты. Ктонибудь приходилъ. Подруги по консерваторіи, игроки въ теннисъ. Шель пустой свѣтскій разговоръ. Говорили о политическихъ новостяхъ, о паденіи рабочаго министерства въ Англіи, о планахъ Макдональда, о его высокомъ патріотизмѣ. Ее это не интере-

совало. Тогда говорили о новыхъ фильмахъ, о постановкахъ въ театрѣ, о колониальной выставкѣ. Это было ей болѣе по душѣ. Она полюбила колониальную выставку и почти каждый день, когда была хорошая погода, по вечерамъ ѣздила съ мужемъ на нее. Ей тамъ казалось, что всѣ эти арабы, негры, аннамиты, китайцы знаютъ какую то другую жизнь и что эта ихъ жизнь полнѣе и счастливѣе жизни Парижанъ, толпящихся тамъ.

Однажды къ ней пришелъ въ ея чайные часы безупречно одѣтый русскій князь. Онъ хорошо говорилъ по-англійски. Онъ мило бесѣдовалъ съ ея гостями и, пересидѣвъ ихъ всѣхъ, сказалъ ей, что извѣстіе о гибели «Немезиды» — она и не слышала объ этомъ — невѣрно, что всѣ, гость подчеркнулъ слово всѣ, живы и здоровы и что все у нихъ идетъ хорошо. Тогда Ана поняла, о чемъ говорить этотъ милый застѣнчивый молодой человекъ. Она покраснѣла и горячо благодарила его за извѣстіе. Въ этотъ день она поняла, что есть на свѣтѣ люди, болѣе ей дороги, чѣмъ ея безупречный мужъ.

Вечеромъ, возвращаясь съ выставки, они мчались на автомобилѣ по горящимъ безчисленными огнями вывѣсокъ и рекламъ улицамъ Парижа. По троттуарамъ сплошной черной рѣкой текли люди. Ана смотрѣла на нихъ. Ей было скучно. Она жалѣла эту толпу. Что у нея, какіе интересы? Она думала о тѣхъ, кто теперь на таинственномъ островѣ ведетъ громадную патріотическую работу для спасенія Родины. Тамъ былъ ея отецъ, тамъ былъ этотъ старый человекъ, нравившійся ей больше молодыхъ, кто рассказалъ ей ея прошлое и кто сказалъ ей, что будетъ день, когда она будетъ гордиться отцомъ, какъ ни одна дочь еще не гордилась.

«Да... Тамъ живые... Здѣсь вся эта суета... Здѣсь мертвые»...

Она косила глаза на мужа. Онъ во всемъ своемъ аристократическомъ великолѣпіи, всею своею банальною фигурою, точно соскочившею съ рекламы моднаго портного или съ афиши кинематографа, казался ей не настоящимъ, но тѣнью, сошедшею съ экрана. Тѣни города окружали ее.

Было страшно и до тошноты, до отвращенія скучно.

XXVII.

На колониальной выставкѣ, на открытой сценѣ, гдѣ публика сидѣла подѣ жидкими акаціями, Лаосскія танцовщицы, оперно драматическая труппа изѣ Кохинхины и балетъ изѣ Камбоджи давали короткія, принаровленные для нетерпѣливой Европейской толпы, представленія.

Холливели взяли первыя мѣста. Развязный молодой человекъ, французъ, провелъ ихъ къ глубокимъ мягкимъ кожанымъ кресламъ и усадилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сцены.

Открытая небольшая деревянная платформа, устланная коврами, сзади была драпирована шелковою занавѣсью, расшитою золотымъ узоромъ. Вправо отъ платформы, на низкихъ табуретахъ сѣли музыканты, для каждаго спектакля свои. Смугло желтые люди, серьезные, молчаливые, невозмутимые, молодые, густо и черноволосые и старые сѣдые, человекъ двѣнадцать, въ пестрыхъ розовыхъ, голубыхъ и зеленыхъ шелковыхъ шароварахъ и черныхъ курткахъ, прикрытыхъ европейскими пиджаками, — было свѣжо и они непривычные къ Парижскому климату ежились, — разбирали инструменты, большіе длинные барабаны, ряды связанныхъ вмѣстѣ камышевыхъ флейточекъ и подобіе скрипокъ.

Они сейчасъ же и заиграли. Мѣрно билъ барабанъ, ему вторили флейты и однообразный мотивъ журчалъ усыпляюще, какъ горный ручей.

Ана внимательно слушала музыку. Она не казалась ей ни скверной, ни скучной. Она понимала ея своеобразную мелодію и старалась своимъ Европейскимъ ухомъ запомнить ее. У нея въ рукахъ была афиша, гдѣ по-французски было рассказано то, что будутъ играть на сценѣ. Шла «Фаворитка короля». У самой занавѣси, посрединѣ эстрады, въ высокихъ креслахъ съ налокотниками и спинками, сѣли двѣ расшитыя въ золото и шелка женщины, одна постарше съ желтымъ лицомъ, другая молодая, нарумяненная и набѣленная, какъ кукла. Ана

всматривалась въ нихъ. Онѣ изображали королеву. Все время дѣйствія онѣ просидѣли неподвижно, молодая пропѣла небольшую арію, а между тѣмъ, Ана видѣла, что онѣ играли и что игра ихъ была тонка и серьезна. Она заключалась лишь въ перемѣнѣ выраженія глазъ, въ легкомъ кивкѣ головою, то отрицательномъ, то положительномъ. У ихъ ногъ разыгрывалась драма. Король Нонъ-Тонъ былъ уличенъ въ связи съ дочерью своего перваго министра, и эти женщины, королевы, требовали, чтобы онъ приговорилъ свою возлюбленную къ смерти. Актриса, игравшая фаворитку короля, изнывала отъ страсти, отъ любви къ королю, отъ признанія своей вины и отъ пониманія, что смерть для нея неизбѣжна. И Нонъ-Тонъ и его фаворитка пѣли по очереди, иногда въ сильныхъ мѣстахъ, вдругъ изъ за оркестра, поднимаютъ головы сидящія тамъ женщины и пропоютъ одну двѣ фразы, какъ бы утверждая то, что происходитъ между королемъ и его возлюбленной.

Жалобная пѣсня раскручивалась, какъ шелковый клубокъ, вилась, свивалась, терзала сердце и томила.

— Кошачій концертъ какой то, — пробормоталъ Джемсъ.

Ана оглянула публику. Черезъ два мѣста отъ нея старикъ сладко спалъ въ удобномъ креслѣ. Публика смотрѣла снисходительно - равнодушно, какъ смотрятъ дѣтскій театръ маріонетокъ въ скверѣ у Елисейскихъ полей. Для нея это была экзотическая Азіатчина, на которую можно было смотрѣть, какъ на что то дѣтское, наивное, но чѣмъ нельзя было серьезно увлекаться. Ана увлеклась пьесой. Она ей что то напоминала. Ана знала, что когда то, въ дни ея дѣтства, у нея была няня китаянка, что она даже была въ китайскомъ театрѣ, но не могли же далекія, далекія дѣтскія воспоминанія отразиться въ ся душѣ и запомниться? Но это было такъ. Китайскій театръ ее увлекалъ, и она переживала и понимала игру артистовъ.

Маленькія балерины изъ Камбоджи начали танцы. Ана смотрѣла на ихъ кошачьи движенія, на ходьбу бо-

сыми ногами на всю ступню, на ихъ бѣло оливковыя толстыя икры и на умильную грацію движенія и изломъ рукъ въ прямой ладони. Онѣ ей нравились.

Жалобная пѣсня раскручивалась, какъ шелковый клубокъ. Вдругъ мистеръ Холливель легкимъ движеніемъ руки коснулся ея перчатки. Ана повернулась къ нему.

— Не правда ли, милая моя Ана, въ этихъ танцахъ, въ этомъ пѣніи, даже въ костюмахъ есть что то, что напоминаетъ мнѣ тѣхъ казаковъ, бѣдныхъ Русскихъ, кого мы слушали недавно въ ресторанахъ.

Ана вздрогнула. Она вспомнила пестрые шаравары изъ подъ черныхъ и цвѣтныхъ черкесокъ, танцы съ мягкими движеніями, удары въ ладони, ритмичное пѣніе и вскрикиванія, выкручиваніе ладони въ кисти при танцѣ, — дѣйствительно что то общее было. Но это что то было такое неуловимое, что можно было его отыскать и въ любомъ танцѣ. Она этого не замѣтила. Онѣ подмѣтилъ. То, что онѣ сказалъ, ей сдѣлало больно.

Они сейчасъ встали и пошли къ выходу. Индо китаяская музыка разстраивала нервы мистеру Холливелю. Ана шла впереди, пробираясь черезъ толпу, наполнявшую выставку. Она низко опустила голову. Кровь бурно колотила ей въ виски. Ей хотѣлось скорѣе остаться одной, наединѣ съ самою собою.

Всю дорогу они молчали. Дома Джемса ждали дѣла, и онѣ заперся въ кабинетѣ. Ана переодѣлась въ домашнее удобное платье и сѣла въ будуарѣ съ книгой въ рукахъ. Она не читала. Она вновь и вновь переживала то, что было на выставкѣ. Этотъ примитивный китайскій театръ, пѣніе и музыка, — они журчали и переливались въ ея ушахъ и сейчасъ — и сравненіе мужа съ Русской музыкой и танцами неожиданно глубоко ее задѣвшее, почти оскорбившее были въ ея мысляхъ.

«Развѣ я Русская?... Я не помню Россіи... Я никогда въ ней и не была... Родилась въ Китаѣ, воспитывалась въ Англіи... И тѣмъ не менѣе, какъ смѣлъ онѣ мнѣ это сказать!?... Онѣ не подумалъ, что это можетъ быть мнѣ неприятно... Нѣтъ, онѣ никогда ничего на вѣтеръ, зря не скажетъ. Онѣ хотѣлъ задѣтъ, или испытать меня... Онѣ испыталъ... Какъ все это странно!... Можетъ быть, это вліяніе барышни, которая занимается со мною или

результатъ тѣхъ волнующихъ разговоровъ, что я вела съ инженеромъ Долле, но я Русская... Это голосъ крови... Голосъ моего отца Петра Сергѣевича Ранцева и моей матери Валентины Петровны, но я Русская, Русская и этого не сотрете никакимъ воспитаніемъ»...

Ана подошла къ зеркалу, посмотрѣла на отраженіе прекрасной и тонкой, стройной своей фигуры и еще разъ уже громко сказала:

— Я — Русская...

Это сознание наполнило ея душу гордымъ восторгомъ.

XXVIII.

Незамѣтно подошла Парижская зима. Въ холодномъ туманѣ рождался день безъ солнца и умиралъ за дождевою сѣткой. Какъ зеркало блистали, отражая огни автомобильныхъ фонарей и рекламы вывѣсокъ, черные асфальты улицъ, и самыя улицы казались рѣками съ застывшими водами.

Въ этой умирающей, плачущей природѣ шла небывало напряженная людская жизнь. Происходили ужасныя событія. «Огонь поядающій» коснулся людей, невидимая рука чертила на стѣнахъ домовъ среди огненныхъ рекламъ страшныя, сакраментальныя слова, предвѣщавшія гибель. Газеты были полны необычайныхъ заголовковъ. Были взрывы, катастрофы, люди гибли массами тамъ, гдѣ казалось бы они были въ полной безопасности. Шли совѣщанія, министры опять раскатывали по всѣмъ странамъ, Лига Націй непрерывно засѣдала. Мужъ Аны въ связи со всѣмъ этимъ былъ очень занятъ, озабоченъ и встревоженъ.

Ана ничего не замѣчала. Она все еще была ребенкомъ и жила растительною жизнью. Утреннія прогулки изъ за погоды были сокращены. Скакать было нельзя: — Джемсъ берегъ свой костюмъ и не хотѣлъ быть забрызганнымъ грязью. Ѣздили шагомъ и рысью. Дорожки

Булонскаго лѣса были мокры. Дома въ комнатахъ было такъ темно, что съ утра зажигали электричество.

У Аны оставалось одно удовольствіе: — она каталась на автомобилѣ, которымъ сама правила.

Она проѣхала благополучно черезъ площадь Этюваль и выѣхала на avenue Victor Hugo. У въѣзда на него остановился трамвай. Никто не выходилъ и никто не входилъ. Она продолжала ѣхать. У панели стояло два полицейскихъ съ велосипедами. Они были въ большихъ темно-синихъ англійскаго фасона фуражкахъ въ темно-синихъ курткахъ и съ револьверами на широкихъ черныхъ поясахъ. Одинъ изъ нихъ сдѣлалъ знакъ, чтобы Ана остановила машину. Ана повиновалась. Полицейскій подошелъ къ ней.

У Аны быстро забилось сердце. Румянецъ покрылъ ее щеки.

— Почему мадамъ не остановила машину на остановкѣ трамвая?

— Потому что никто не входилъ и не выходилъ, — отвѣтила Ана. Она была увѣрена въ своей правотѣ.

— Все равно вы должны были остановить. Пожалуйте вашу карту. Гдѣ вы живете?

Ана достала изъ кожанаго кармана въ автомобилѣ документы и подала ихъ полицейскому. Онъ отмѣтилъ что-то въ своей книжкѣ.

— Можете ѣхать, мадамъ.

Ана пустила автомобиль. Шофферъ, сидѣвшій рядомъ съ нею, сказалъ спокойно:

— Вамъ придется заплатить маленькій штрафъ.

За дневнымъ чаемъ Ана разсказала о приключеніи — оно все еще волновало ее — своимъ подругамъ французенкамъ и англичанкамъ. Она не утаила отъ нихъ, что это ее разстроило. Надъ нею посмѣялись.

— Конечно, ажанъ былъ правъ. Вы кругомъ не правы. Да, это такіе пустяки. Съ нами это бываетъ по сто разъ въ годъ...

Для нея это не были пустяки. Можетъ быть, потому, что она была Русская, и ей тѣ пѣвицы и танцовщицы, кого она видѣла въ Лаосскомъ театрѣ на выставкѣ

ближе, чѣмъ всѣ эти холодно, слишкомъ холодно вѣжливые полицейскіе агенты.

Разговоръ о ея «аксиданѣ» прекратился. Заговорили о томъ, что теперь всѣхъ такъ волновало. О борьбѣ съ коммунистами, шедшей во всемъ мірѣ.

— Вамъ, мадамъ Холливель, теперь должно быть особенно интересно жить, — сказала молодая француженка. — Вы у самого источника всего новаго.

Ана широко раскрытыми глазами посмотрѣла на говорившую. — «Почему», было въ ея взглядѣ.

— Ахъ, милая наша Ана еще такой ребенокъ, — сказала старая англичанка. — Я думаю, Ана, вамъ временами должно быть страшно за мужа.

Ана искренно ничего не понимала. Старая англичанка пояснила ей.

— Дорогой Джемсъ служить въ «Intelligence Service». Это всегда было опасно. Теперь это такая великая, полная самопожертвованія служба.

Ана просила поясненій. Старая англичанка снисходительно посмотрѣла на нее и сказала:

— Лучше спросите вашего мужа...

На другой день утромъ Ана собралась ѣхать къ портнихѣ. Въ закрытой шляпкѣ, — изъ-подъ нея видны были только низъ щекъ и подбородокъ, — въ дорогой шубкѣ, легко облегающей ея тонкое, стройное, тѣло, она подошла къ зеркалу. Ея Русская борзая слѣдовала за нею. Сѣрый мѣхъ красилъ лицо Аны. Черезъ плечо Ана посмотрѣла на себя.

«Да, очень хорошо. И собака такъ идетъ къ ея изящной и длинной фигурѣ. Она дополняетъ ее».

Ана погладила собаку. Она ждала мужа. Онъ долженъ былъ ѣхать съ нею.

«Intelligence Service» — думала Ана. — «Это на Downing Street въ Лондонѣ. Развѣдка обо всемъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Говорятъ... Много преступленій...»

Вчера вечеромъ она сказала это мужу.

Онъ сначала разсмѣялся.

— А гдѣ въ мірѣ нѣтъ преступленій? И что преступленіе, что нѣтъ, кто скажетъ?

— Господь Богъ, — тихо сказала Ана.

— Господь Богъ, — отвѣтилъ послѣ нѣкотораго раздумья Джемсъ. — Это очень хорошо тамъ... На небѣ... На землѣ?.. Боюсь, на землѣ нужны другіе приемы.

— Преступленія?..

— Можетъ быть, и то, что при извѣстномъ взглядѣ, люди сочтутъ за преступленіе. То, что выгодно... То, что нужно...

Онъ прервалъ разговоръ. Всю ночь онъ не спалъ и былъ очень задумчивъ. Утромъ онъ не ѣздилъ верхомъ. Ана ѣздила одна съ наѣздникомъ мадамъ Ленсманъ мистеромъ Томпсономъ. Почему-то вспоминала, какъ она ѣздила съ эльзасцемъ мосье Пьеромъ и какъ хорошо тотъ ѣздилъ и какъ почему - то былъ ей дорогъ и милъ.

Она еще разъ посмотрѣла на себя.

«Да, правда, очень хороша... Но развѣ это жизнь?.. Я хочу... я хочу... Я хочу жизни, а не прозябанія... Я хочу подвига... Это вѣрно потому, что во мнѣ течетъ Русская кровь. Я хочу любви настоящей, какъ любила Анна Каренина, о которой мы теперь читаемъ съ маленькой и милой княжной.

«Эта княжна посвятила меня въ свою тайну. Она «сестра Братства Русской Правды». И я вотъ уже нѣсколько недѣль тоже сестра. Я даю деньги на ту работу, что ведутъ они... и мой отецъ... У меня... На мнѣ ихъ простой братскій крестъ... Тутъ подвигъ, тамъ преступленіе. Тутъ говорятъ о спасеніи родины, тамъ о томъ, что выгодно... Выгодно?.. кому?...»

Ана гордо подняла голову.

— Я — Русская.

Дверь тихо раскрылась. Въ ея спальню безъ предварительнаго стука вошелъ ея мужъ. Она повернулась къ нему.

— Что тебѣ? — холодно и строго сказала она.

Джемсъ былъ очень хорошъ. «Что и я хороша?.. Не правда-ли?.. Что же ты ничего не скажешь?.. Ты видишь... И шубка, и шляпка, и собака... Все стиль... Я

твоя... Твоя жена... Ну прижми меня къ себѣ.... Поцѣлуй, хоть разъ въ неурочное время. Восхитись. Сними твою холодную красивую маску», — говорили ея глаза.

Сложная игра ея чувствъ отражалась въ ея глазахъ. Джемсъ Холливель ничего этого не видѣлъ. Онъ былъ чѣмъ-то сильно занятъ и озабоченъ. Безпокойный пламень горѣлъ въ его суровыхъ стальныхъ глазахъ. Ана не замѣчала этого. Можетъ быть, она надѣялась побѣдить его своею красотою и съ безсознательнымъ, милымъ, дѣтскимъ кокетствомъ она сказала:

— Отчего ты не постучалъ?.. Я могла быть не одѣта.

— Я къ тебѣ... По дѣлу, — холодно и строго сказалъ Холливель.

— По дѣлу?.. Я слушаю.

— Я, откровенно говоря, не хотѣлъ путать тебя въ эту исторію. Я понимаю, что у тебя могутъ быть свои чувства... Н-но... другихъ путей не вижу... Найти помимо тебя не удалось... Ты должна мнѣ помочь и какъ англичанка Англійи и какъ жена мужу.

— Не говори такими загадками... Я ничего не понимаю, — сказала Ана. Ея глаза расширились отъ удивленія. «Вотъ какъ», — думала она. — «То я была куклой, ребенкомъ, придаткомъ, и едва ли нужнымъ, къ таинственной жизни капитана Холливеля, имѣющаго секретный портфель съ ключикомъ на шеѣ... Теперь я понадобилась... Ему... И Англійи... Не слишкомъ ли торжественно это звучить?.. У меня теперь тоже есть своя тайна. Русская княжна меня посвятила въ общество, у котораго есть такіе крестики. И тамъ написано: «Господи спаси Россію»... Россію... Не Англійю... Посмотримъ»...

— Я слушаю.

— Тутъ неудобно говорить. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ.

Ана наклонила голову и покорно прошла въ рабочей кабинетъ мужа, гдѣ на большомъ столѣ, среди груды газетъ и бумагъ, лежалъ таинственный портфель. Дверь въ прихожую была притворена, другую дверь въ столовую капитанъ Холливель плотно заперъ.

Холливель подошелъ къ столу и оперся рукою на портфель. Ана стала у двери въ прихожую.

— Ну-съ... Ана, я говорю серьезно... И я прошу тебя понять то, что я скажу тебѣ и отвѣтить мнѣ со всею серьезностью. Довольно ребячества.

Ана нагнула голову. Это движеніе могло обозначать и готовность слушать и согласіе отвѣтить на всѣ вопросы.

— Ана, пока событія не выходили, такъ сказать, изъ Русскихъ рамокъ, не затрагивали міровой политики — «Downing Street» могло молчать. Теперь это вышло за предѣлы Русскихъ интересовъ. И намъ приходится властно вмѣшаться въ это дѣло. Ибо оно затрагиваетъ интересы Англии.

Мистеръ Холливель сдѣлалъ паузу. Онъ хотѣлъ, чтобы его жена сосредоточилась и поняла его. Лицо Аны стало серьезно. Что-то дѣтски молитвенное появилось на немъ.

— Въ Россіи большевики гибнутъ... Возможно, что власть отъ нихъ перейдетъ въ руки Русскаго національнаго правительства... Возможно — къ Императору...

— Слава Богу!

— Ты не понимаешь, что говоришь, — съ жестокою рѣзкостью сказалъ Холливель.

— Нѣтъ, — воскликнула Ана. Она скрестила руки на груди. Ея глаза сіяли и горѣли внутренними огнями, въ голосѣ дрожали слезы. — Нѣтъ... Я все отлично понимаю. Будетъ Императоръ! Не будетъ большевиковъ! Отлично понимаю. Это значитъ — прекратятся невѣроятныя, неисчислимыя страданія Русскаго народа, и миллионы рабовъ станутъ свободными. Это значитъ — прекратится неслыханное жестокое гоненіе на христіанъ и преслѣдованіе православной вѣры... Не будетъ пытокъ... Разстрѣловъ невинныхъ... Совращенія дѣтей... Всѣхъ этихъ ужасовъ, которые слишкомъ долго терпѣлъ цивилизованный міръ.

— Глупости говоришь Ана... Наслушалась эмигрантскихъ бредней. Россіи быть не должно... Счастливымъ случаемъ... Ловкимъ ходомъ Германской дипломатіи

Россіи были навязаны большевики. Никто тогда не ожидалъ, что это такъ удастся. Большевиками Россія стирается съ лица земли. Никогда не будетъ она не только сильной, но никакой Россіи не будетъ. У европейскихъ народовъ развязываются руки для свободной, никѣмъ не стѣсненной политики на Востокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ громадная первобытная страна открывается для колонизаціи... Русскихъ ожидаетъ участь негровъ. Уничтоженіе Россіи — это величайшая проблема второй четверти двадцатаго вѣка. Это разрѣшеніе всѣхъ нынѣшнихъ кризисовъ, устраненіе безработицы, голода, отъ котораго страдаютъ народы Западной Европы и въ первую очередь Англія. И вдругъ теперь, когда, казалось, большевики навсегда и безповоротно поработили Русскій народъ, ведутъ его къ физическому уничтоженію и постепенно сами подчиняются Европѣ, рабы поднялись противъ поработителей... На сѣверѣ Россіи формируется армія... По всѣмъ городамъ идутъ возстанія... Ихъ уже не могутъ усмирять. Доведенная до отчаянія совѣтская республика обратилась къ европейскимъ странамъ за помощью. Ей рѣшено помочь. Она должна всѣмъ Европейскимъ банкамъ и надо выручить тѣ деньги, тѣ миллиарды фунтовъ и марокъ, которыя даны совѣтской республикѣ. Въ Берлинѣ на Беренъ-штрассе, въ банкѣ, гдѣ въ кладовыхъ хранились международные капиталы въ золотѣ и валютѣ, собралось совѣщаніе международныхъ банкировъ для обсужденія мѣръ помощи совѣтской республикѣ. И вдругъ во время засѣданія неизвѣстнымъ составомъ, весь этотъ банкъ со всѣми его кладовыми, съ банкирами и служащими былъ выжженъ до тла... Дальше идти некуда... Это же война всему міру!..

— Это война большевикамъ и тѣмъ, кто имъ помогаетъ, — твердо сказала Ана.

Холливель пожалъ плечами.

— Прекрасно-съ. Война. Идти съ войсками безсмыслица. Да и никакія войска въ Россію не пойдутъ... Гиблое мѣсто... Но... мы узнали, откуда это все идетъ... У нихъ... у тѣхъ Русскихъ, кто все это безобразіе дѣлаетъ, есть вожди и база. Надо уничтожить эту базу. Ли-

шенное помощи и руководства извиѣ возстаніе затихнетъ и большевики смогутъ его подавить своими силами. Но вотъ въ чемъ бѣда. Наше неподобное «Intelligence Service» опредѣлило, что работу противъ большевиковъ ведутъ, — Холливель помолчалъ, выпрямился во весь ростъ и, устремивъ глаза прямо въ голубо-зеленые ясные глаза Аны, съ силою сказалъ:

— Главарями этого возстанія, его руководителями... инженеръ Долле и... твой отецъ ротмистръ Р а н ц е в ъ... Но гдѣ они устроили свою базу со всѣми этими неслыханно ужасными смертоносными снарядами, намъ раскрыть до сего времени не удалось. Ты, Ана, должна мнѣ помочь въ этомъ... Во имя Англіи... Ради моей карьеры.

— Я этого не знаю.

Ана низко опустила голову. Ея грудь часто поднималась. Волненіе ея было такъ сильно, что она едва стояла на ногахъ. Она приложила обѣ руки къ груди, чтобы утишить біеніе сердца. Ея лицо было очень блѣдно. Только что она думала о Россіи и о подвигѣ и вотъ и Россія и подвигъ встали передъ нею въ страшной близости. Россія блистала подвигомъ борьбы и побѣды, и въ этомъ блескѣ на первомъ мѣстѣ стояло имя ея отца. Она не видѣла, да если бы и увидала, не обратила бы вниманія какимъ гнѣвомъ зажглись глаза ея мужа при ея отвѣтѣ.

— Неправда... Ты лжешь, — уже не сдерживаясь, закричалъ капитанъ Холливель.

— Я не лгу... И я попрошу тебя не кричать на меня... Я къ этому не привыкла.

— Ты лжешь, — повторилъ, съ трудомъ справляясь съ собою, Холливель. — За двѣ недѣли до того, какъ я сдѣлалъ тебѣ предложеніе, на верховой прогулкѣ въ Булонскомъ лѣсу къ тебѣ подѣхалъ человекъ на бурой лошади.

Ана еще ниже опустила голову.

— Вы говорили по-Русски, не стѣснясь меня... Такъ знай же, — вдругъ переходя на Русскій языкъ и снова

повышая голосъ, продолжалъ Холливель — я прекрасно знаю этотъ языкъ... Кто подѣзжалъ къ тебѣ и кого ты мнѣ представила, такъ невнятно назвавъ его фамилію?..

Ана молчала.

— Я скажу тебѣ кто. Инженеръ Долле. Тотъ самый, за кѣмъ мы давно слѣдимъ и кто послѣдніе годы велъ двойную жизнь и то былъ инженеромъ Долле, то таинственнымъ капитаномъ Немо. Все намъ извѣстно. Не думай, что своимъ укрывательствомъ ты кого-нибудь спасешь или поможешь дѣлу. Ты сдѣлаешь лишь то, что тайну раскроетъ кто-то другой, а не я — твой мужъ. Раскрытіе этой тайны — это не только карьера въ нашемъ вѣдомствѣ, но и большая награда. Это имя. Это стать знаменитостью... Ты понимаешь это... Намъ выгодно это... В ы г о д н о... Этимъ все сказано... Выгодно... Что же ты молчишь?.. Ты Русская, или англичанка?..

— Я — Русская, — глухимъ, придушеннымъ голосомъ сказала Ана. — Я не знаю, гдѣ они... Да, если бы и знала... Вотъ пытай меня, жги живою все равно никогда, никому и ни за что не выдамъ. Я всею душою съ ними... И я люблю сперва Россію, которой не знаю и потомъ Англію, гдѣ я выросла и воспиталась и которой я столькимъ обязана.

— А.. Русская, — съ глубочайшимъ презрѣніемъ сказалъ капитанъ Холливель.

Онъ прошелся по кабинету. Никогда онъ не выходилъ такъ изъ себя. Въ углу, на полкѣ лежали разныя вещи, вывезенныя имъ изъ Закавказья, когда онъ былъ въ Батумѣ на оккупациі. Холливель остановился у полки. Его глаза загорѣлись безумнымъ огнемъ. Онъ увидалъ кавказскую серебряную въ черни плетку. Онъ схватилъ ее и, сжимая въ стальной рукѣ, подошелъ къ Анѣ.

— А, Русская, — въ страшномъ гнѣвѣ повторилъ онъ. — Рабыня!.. Ты понимаешь только языкъ кнута. Я заставлю тебя говорить... Гдѣ скрылись инженеръ Долле и этотъ... Петръ Ранцевъ?..

Онъ поднялъ надъ головою нагайку.

— Я тебѣ говорю, — грубо крикнулъ онъ, — отвѣчай...

Его рука медленно опустилась. Ана встрѣтила его гнѣвный взглядъ такимъ пристальнымъ взглядомъ голубо-зеленыхъ глазъ, что онъ не смогъ выдержать его. Изъ нихъ излучалась вся прекрасная ея душа. Холливель понялъ, что въ этотъ мигъ онъ все потерялъ. Онъ сжался, какъ сжимается звѣрь подъ взглядомъ укротителя.

Пятясь бокомъ, не спуская глазъ съ мужа, Ана подошла къ двери въ прихожую, выскользнула въ нее, быстро открыла наружную дверь и выбѣжала на лѣстницу. Собака, поднявшая шерсть дыбомъ, слѣдовала за нею. Холливель провелъ рукою по волосамъ и быстро пошелъ къ дверямъ. Ана уже сбѣжала внизъ. Преслѣдовать было смѣшно. «Консьержъ... Что онъ подумаетъ?.. Вернется... Тогда поговоримъ»...

Шофферъ молча открылъ передъ Аной дверь. Ана вскочила въ карету. Шофферъ сѣлъ у руля.

— Куда прикажете?..

— Въ La Vaule, по Орлеанской дорогѣ.

— У насъ не хватитъ эссенціи.

— Возьмемъ по дорогѣ.

— Мосье приказалъ къ пяти часамъ подать машину. Я не поспѣю.

— Кому вы служите?

— Слушаюсь, мадамъ....

Машина мягко тронулась и понеслась, спускаясь къ набережной Сены. Въ большой каретѣ, въ глубокихъ мягкихъ подушкахъ, совсѣмъ утонула худенькая, стройная женщина, забившаяся въ неистовой тоскѣ въ самый уголь. У ногъ ея, уткнувъ морду въ ея башмаки, легла стройная Русская борзая. У задняго окошка безпомощно мотался «фетишъ» — арлекинъ въ бѣломъ колпакѣ.

Сквозь мучительную боль оскорбленія, тревогу и заботу о близкихъ и дорогихъ и о своемъ будущемъ,

неясно, неосознанно, кротко и радостно вставало воспоминаніе о темномъ, тяжеломъ желѣзномъ восьмиконечномъ крестикѣ, висѣвшемъ у нея на шеѣ, гдѣ на темномъ металлѣ блистала четкая надпись чеканными бѣлыми буквами:

«Господи, спаси Россію»...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОГОНЬ ПОЯДАЮЩИЙ

...«И внемда скорбѣти ми призвахъ Господа и къ Богу моему воззвахъ: услыша отъ храма святого своего гласъ мой и вопль мой предъ Нимъ внидеть во уши Его.

«И подрижеса и трепетна бысть земля и основанія горъ смятошася и подвигошеса яко прогнѣвася на ны Богъ.

«Взыде дымъ гнѣвомъ его и огонь отъ Лица Его воспламенится: угліе возгорѣся отъ Него.

«Избавить мя отъ враговъ моихъ сильныхъ и отъ ненавидящихъ мя: яко утвердишася паче мене»...

«Въ тѣснотѣ моей я призвалъ Господа и къ Богу моему воззвалъ. И Онъ услышалъ отъ чертога Своего голосъ, и вопль мой дошелъ до слуха Его.

«Потряслась и всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основанія горъ; ибо разгнѣвался Богъ.

«Поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его огонь поядающій; горячіе угли сыпались отъ Него.

«Избавилъ меня отъ врага моего сильнаго и отъ ненавидящихъ меня, которые были сильнѣе меня»...

Псаломъ Давида 17. ст. 7, 8, 9 и 18.

I.

Въ одномъ нѣмецкомъ, маленькомъ, чистенькомъ, отчасти даже курортномъ городкѣ на большихъ круглыхъ тумбахъ, стоявшихъ на углахъ улицъ, гдѣ висѣли обыкновенно программы курзальнаго оркестра, объявленія гостинницъ, ресторановъ и кафе, изображенія розоваго, сѣдоусаго, блаженно улыбающагося человѣка съ чашкою дымящагося кофе въ рукахъ и съ надписью «Kaffe Haag» и всякая подобная реклама мирнаго, домашняго вида, появились однажды блѣдно-желтыя афиши. Ими объявлялось, что въ самомъ лучшемъ кинематографѣ городка «Олимпіи» будетъ всего только два раза показана знаменитая фильма: «Panzer Kreuzer Potemkin». Былъ обѣщанъ «Ton-film» въ постановкѣ самого Эйзенштейна. Публика приглашалась посмотреть, какъ взбунтовавшіеся матросы будутъ убивать своихъ офицеровъ. Ей обѣщали гуль и ревъ толпы, звуки музыки, революціонныя пѣсни, крики и стоны отчаянія. Ей обѣщали, что первый разъ эта фильма пойдетъ безъ всякихъ цензурныхъ урѣзковъ и пропусковъ. Скандалъ былъ еще въ томъ, что по требованію Имперскаго Reichs-Wehr-а эта фильма вообще была запрещена къ постановкѣ въ государствахъ нѣмецкаго союза, кромѣ именно того маленькаго бывшаго герцогства, гдѣ былъ этотъ городокъ. Соціалистическое правительство во имя свободъ не нашло возможнымъ запретить постановку революціонной фильмы совѣтскаго производства самого Эйзенштейна.

На другой день послѣ появленія афишъ подлѣ нихъ были наклеены маленькія бѣлыя афишки, гдѣ крупно было напечатано, что граждане города приглашаются не ходить на это представленіе и не посѣщать совѣтскихъ фильмовъ во избѣжаніе непріятныхъ переживаній. Подъ этимъ приглашеніемъ стояли три никому непонятныя и никѣмъ не расшифрованныя буквы: «В.Р.В.»

Эти маленькія афишки кѣмъ-то срывались по но-

чамъ, но неизмѣнно къ утру на ихъ мѣстѣ появлялись новыя. Полиція и жители городка ломали головы надъ тѣмъ, кто могъ ихъ напечатать. Шрифтъ приглашенія былъ такой, какого не было въ единственной мѣстной типографіи. Это былъ старинный тяжелый готическій шрифтъ, точно соскочившій съ деревяннаго набора Гуттенберга. Такіе шрифты еще можно было найти въ Іенѣ или въ Лейпцигѣ. Сначала подозрѣніе упало на Хитлеровцевъ. Но отъ этого скоро пришлось отказаться. Хитлеровцы непременно поставили бы сверху свой поруганный крестъ «свастику», да и анонимныя воззванія не были въ ходу у нихъ.

Эти афиши, какъ большія, большевицкія на желтой бумагѣ, такъ и маленькія, предостерегающія, анонимныя, сдѣлали то, что въ день показа фильмы, несмотря на удвоенныя цѣны, кинематографъ ломился отъ зрителей. Не только приставныя мѣста были всѣ заняты, но и сзади стояла большая толпа. Много было мѣстной молодежи въ рабочихъ каскеткахъ, въ рубашкахъ съ небрежно повязанными красными галстухами, со значками серпа и молота на булавкахъ, въ распахнутыхъ пиджакахъ, а то и совсѣмъ безъ нихъ и стриженныхъ дѣвицъ съ жирными ляжками и толстыми голыми икрами въ короткихъ обтянутыхъ платьяхъ. Но, сзади въ лужахъ и въ «шперръ зицъ», была и болѣе солидная публика. Тамъ сидѣли богато одѣтыя дамы, мужчины въ смокингахъ и черныхъ визиткахъ... Это были снобирующие иностранцы, кого, какъ породистую собаку на гниющую пададь, влекли такого рода зрѣлища, гдѣ пахло политическимъ скандаломъ.

Въ зрительномъ залѣ стоялъ глухой гулъ. Весь залъ имѣлъ видъ «гала» представленія. Несмотря на то, что по стѣнамъ висѣли плакаты: «**rauchen ist polizeisch verboten**», впереди вздымались дымки и попыхивали вонючія папироски. Совѣтская фильма еще не началась, а уже разлагающе дѣйствовала на толпу. Смѣхъ, нечеловѣческое фырканіе и точно ржаніе раздавались въ театрѣ. Ждали совсѣмъ особеннаго наслажденія зрѣльцемъ звѣрскихъ убійствъ.

Фильма началась при полной тишинѣ. Зрители увидели прекрасный броненосецъ, чистыхъ, щеголевато одѣтыхъ матросовъ въ ихъ характерныхъ Русскихъ безкозырькахъ съ ленточками, красивыхъ, ловкихъ офицеровъ и капитана съ благообразнымъ лицомъ въ черной сѣдѣющей бородѣ. Шли обычныя утреннія работы на броненосцѣ. Раздавались команды, звонили склянки, свистали боцманскія дудки. Миръ и тишина были на кораблѣ. Яркая панорама бѣлой, лѣзущей на гору Одессы, залитой солнечными лучами, стояла за нимъ.

Все это казалось красивой сказкой невозвратнаго прошлаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждый чувствовалъ, что это то и была подлинная правда старой «Царской» жизни Русскаго военнаго корабля. Среди зрителей даже удивлялись, что совѣты могли такъ поставить.

Потомъ... Что-то тревожное прошло по кораблю. Щелкая босыми пятками, пробѣжали матросы. Дѣловито прошелъ каптенармусъ, боцманъ побѣждалъ съ докладомъ, слышались, какъ всегда въ звуковой фильмѣ, неестественные глухіе, точно и нечеловѣческіе голоса, кто-то сочно выругался и въ переднихъ мѣстахъ театра раздался довольный смѣхъ и гоготаніе. На кухню, въ кубрикъ, неторопливой походкой прошелъ судовой врачъ, загримированный подъ Чехова. За нимъ шелъ, пожимая плечами, старшій офицеръ.

Въ привезенномъ для обѣда матросамъ мясѣ копошились крупные черви.

Все нарастая шелъ по броненосцу гулъ возбужденной толпы. Матросы выбѣгали на бакъ. Грозные выкрики раздавались оттуда. Фильма была поставлена на нѣмецкомъ языкѣ и значеніе угрозъ было понятно зрителямъ. Офицеры собрались на палубѣ. Команды неторопливо и съ ропотомъ строились. Боцмана и каптенармусы стали на правомъ флангѣ. Вышелъ командиръ и обходилъ команду. Шелъ опросъ. Все было такъ, какъ должно было итти на всякомъ благоустроенномъ кораблѣ, ибо вездѣ въ жаркую погоду могло произойти такое досадное происшествіе.

Матросы не удовлетворились заявленіемъ капита-

на. Надъ разорвавшимся строемъ поднялись черные кулаки и кто-то изъ команды сталъ говорить страстную возбуждающую рѣчь. Офицеры взошли на мостикъ. Былъ вызванъ карауль. Отдана команда стрѣлять по взбунтовавшимся матросамъ... И вдругъ изъ тысячи глотокъ грянулъ «интернаціональ»... Настала напряженнѣйшая минута представленія. Зрители живо переживали ее. Въ переднихъ мѣстахъ подпѣвали интернационалу. Съ минуты на минуту ожидали кровавой расправы матросовъ надъ офицерами. Карауль опустилъ ружья. Въ матросской толпѣ появились вооруженные люди, и какой-то штатскій на языкъ, отзывавшемъ жаргономъ, началъ говорить рѣчь. Ея смыслъ былъ — убійство и бунтъ...

И вотъ тутъ-то и произошло нѣчто странное. Сзади, тамъ, гдѣ тѣсною толпою стояли люди, кто-то весело, отъ души разсмѣялся.

На него злобно шикнули. Раздались негодующіе, озлобленные выкрики. Но къ смѣющемуся присоединился другой, третій и черезъ какую-нибудь минуту, — пѣніе на экранѣ «интернаціонала» еще не успѣло смолкнуть, — весь залъ хохоталъ какимъ-то спазматическимъ, ненатуральнымъ страннымъ смѣхомъ. Хохоталъ и операторъ. Моторъ остановился. Интернаціональ умолкъ. Изображеніе матросской толпы застыло и исчезло. Хохочущая, хватаящаяся отъ смѣха за животъ дѣвица-капельдинеръ, догадалась пустить свѣтъ.

Странное, дикое зрѣлище представлялъ изъ себя зрительный залъ. Всѣ въ немъ хохотали. Одни, недвижно откинувшись на спинки кресель, другіе, чуть не катаясь отъ смѣха. Поняли, что это смѣхъ болѣзненный, чѣмъ-то вызванный.

Потомъ, на допросѣ, нѣкоторые показывали, что будто чѣмъ-то кислымъ пахнуло, и они тогда не могли сдержать вдругъ подступившаго припадка смѣха. Щеки свело спазмой, ротъ произвольно открылся и смѣхъ до слезъ овладѣлъ ими.

Представленіе было прервано. Публика, все продолжая неудержимо хохотать, выходила изъ театра. И дол-

го по тихимъ улицамъ городка, раздавалось на разные тона, то грубое мужское: «хо-хо-хо», то визгливое, истерическое женское: «хи-хи-хи»...

Совѣтскій фильмъ былъ сорванъ. Другое его представленіе не состоялось.

Не было никакого сомнѣнія, что кто-то пустилъ въ залъ газъ, вызывающій смѣхъ. Но кто?.. Хитлеровцы?.. Католики?.. Не въ мѣру усердный офицеръ Рейхсвера?..

Въ тѣ дни Германія раздиралась партійною борьбою, и отъ каждой партіи можно было ожидать такой выходки.

Это было во взбудораженной Германіи, утратившей хладнокровіе и чувство порядка. Но такіе болѣзненные припадки смѣха стали овладѣвать зрителями вездѣ, гдѣ ставили совѣтскія фильмы. Такъ же точно до неприличія дико смѣялись въ Парижѣ, на Елисейскихъ поляхъ, гдѣ вздумали показывать «Бурю надъ Азіей», такъ же хохотали на большихъ бульварахъ на «Желтомъ билетѣ» и на «Деревнѣ грѣха». Будто въ видѣ бесплатнаго приложенія къ совѣтской фильмѣ давалась большая порція совсѣмъ нездороваго смѣха, послѣ котораго приходилось долго и основательно лѣчиться.

Фильмы «Сов-кино» исчезли изъ репертуара Европейскихъ кинематографовъ.

II.

Эти странныя исторіи не только съ фильмами, но и вообще со всѣми предметами совѣтскаго производства стали происходить повсюду и охватывать положительно всѣ отрасли совѣтской промышленности.

Люди, «покушавшіе» совѣтской свѣжей, или паусной икры, точно вдругъ приняли здоровую порцію кастороваго масла. Дѣйствіе бывало почти моментальное, что при многолюдныхъ парадныхъ обѣдахъ и собраніяхъ, съ дамами и барышнями, и въ большихъ рестора-

нахъ вызывало скандальныя катастрофы. Пробовали посылать жестянки съ икрою на химическое изслѣдованіе, но ничего не могли обнаружить. Такое же дѣйствіе оказывали конфеты «Моссельпрома», консервы фабрики «Пищевикъ», наливки «Старъ», словомъ, все то, что ввозили въ Европу «Аркосъ», всевозможные «Амторги», «Дерутра» и просто совѣтскія Торгпредства. И не только продукты пищевые были гдѣ-то заражены и испорчены, но были испорчены и такіе, казалось бы громоздкіе предметы, какъ бревна. Ихъ ставили подъ дорогія механическія пилы. Пила врѣзалась въ нихъ, какъ въ масло и вдругъ разлеталась на куски, какъ стеклянная. Глубоко въ бревно былъ забить стальной клинъ. Совѣтская нефть сама воспламенялась — и были случаи гибели аэроплановъ и подводныхъ лодокъ, были пожары на судахъ и страшныя крушенія автомобилей. Совѣтская торговля замерла.

У нея оказались «вредители».

И это уже не были вредители инженеры, кого совѣтская власть привлекала къ показательному суду и беспощадно разстрѣливала, это не были маленькія группы совѣтскихъ ученыхъ, не могшихъ преодолѣть развала совѣтскаго производства, — это были невидимые, неуловимые вредители, вся масса совѣтскихъ гражданъ рабочихъ.

Гдѣ-то... Гдѣ?... Вездѣ... На промыслахъ и фабрикахъ... Въ упаковочныхъ мастерскихъ... На товарныхъ станціяхъ... Въ вагонахъ желѣзной дороги, въ товарныхъ складахъ... Въ пароходныхъ трюмахъ... Въ иностранныхъ складахъ или въ лавкахъ... Чортъ ихъ знаетъ гдѣ.. Возможно — вездѣ — сидѣли люди, такъ искусно портившіе товары совѣтскаго производства, что никто не могъ ихъ поймать. Кто были эти люди?... Ихъ, очевидно, были тысячи... Это былъ весь Русскій народъ, ненавидящій лютой ненавистью большевиковъ. Эта ненависть коммунистическихъ рабовъ къ своимъ господамъ не была новостью для совѣтскаго правительства. Оно ее знало. Оно, сознавая ее, обезвредило народъ. Прикрѣпило его къ фабрикамъ и заводамъ, загнало въ

крѣпостные кол-хозовъ. Большевики отлично понимали, что народъ ничего не можетъ сдѣлать вреднаго для нихъ безъ основательной помощи извнѣ. Кто-то, значитъ, извнѣ снабжалъ эти тысячи вредителей совсѣмъ особенной, утонченной, еще никому неизвѣстной «химіей». Кто-то снабжалъ политическихъ каторжанъ на лѣсныхъ разработкахъ стальными клиньяи и научилъ ихъ незамѣтно загонять въ дерево. Кто-то, притомъ же совершенно невидимый и неуловимый, за границей ходилъ по кинематографамъ и пускалъ газы. Кто-то подмѣшивалъ къ нефти составъ, заставлявшій ее взрываться. Этотъ невидимый «кто-то» былъ вездѣ.

Были ли это «капиталисты», вздумавшіе такимъ образомъ бороться съ надоѣвшимъ и подрывавшимъ ихъ торговлю дампингомъ, были ли это «бѣло-бандиты», было это таинственное Братство Русской Правды?.. Совѣтское внутреннее и заграничное Гепеу разрывались на части въ поискахъ виновныхъ. Совѣтское правительство снеслось съ «Intelligence Service» въ Лондонѣ и съ «Sureté Générale» во Франціи, прося ихъ оказать содѣйствіе.

Въ самый разгаръ разслѣдованій, не приводившихъ ни къ какимъ результатамъ, опытный англійскій агентъ, капитанъ Холливель, прилетѣвшій всего на два часа изъ Парижа въ Лондонъ на аэропланѣ, сдѣлалъ на Downing Street докладъ, гдѣ доказалъ, что между отплытіемъ изъ Сень-Назера парохода «Немезида» съ статистами трупы кинематографическаго общества «Атлантида» и событіями, въ корень подрывавшими торговлю и международный авторитетъ Совѣтской республики есть несомнѣнная связь. По его мнѣнію, — «Немезида» не могла погибнуть. Гибель ея была инсценирована, ибо, если бы въ Атлантическомъ океанѣ погибло такое большое судно, гдѣ-нибудь, въ водахъ ли, на берегу ли, были бы найдены какіе-нибудь предметы съ погибшаго парохода: спасательные буйки, трупы утонувшихъ людей, скамейки, шлюпки и т. п. «Немезида» же исчезла, не оставивъ по себѣ слѣда. По его настоянію были обысканы острова Галапагось. Но и тамъ не было найдено

ничего подозрительнаго. Капитанъ Холливель настаивалъ на необходимости во что бы то ни стало отыскать, куда же дѣвались люди такъ таинственно исчезнушіе.

Докладъ капитана Холливеля произвелъ впечатлѣніе. Какъ ни мала была группа статистовъ общества «Атлантида», она оказывала большое дѣйствіе. Она разрушала Совѣтскую республику. Въ Европѣ понимали, что гибель большевиковъ въ Россіи могла предвѣщать возстановленіе Россійской Имперіи. Этого нельзя было допустить. Съ уничтоженіемъ въ Россіи большевицкаго режима падала вся проблема спасенія рабочихъ Европейскихъ странъ. Они теряли громадную, уже вымирающую страну, подлежащую заселенію. Еще того болѣе были взволнованы капиталисты и банкиры. Крахъ громадныхъ предпріятій, связанныхъ съ совѣтами, пугалъ Европейскія правительства. Были созваны чрезвычайныя конференціи для разрѣшенія вопроса помощи большевикамъ и выручки ихъ.

III.

Въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» Достоевскаго описана страшная «Николаевская» каторга. Нельзя безъ содроганія читать эту книгу. Бритыя наполовину головы каторжниковъ, клейменные лбы, спины, исполосованные ударами палокъ и плетей, рубцы, проступающіе въ банѣ, на пару, какъ свѣжія раны, звонъ кандаловъ... И за всѣ годы каторги, сколько бы ихъ ни было, чело-вѣкъ ни на одну минуту не остается одинъ... «На работѣ всегда подъ конвоемъ, дома съ двумя стами товарищей и ни разу, ни разу — одинъ»... ..«Кромѣ вынужденной работы, въ каторжной жизни есть одна мука, чуть ли не сильнѣйшая, чѣмъ всѣ другія. Это в ы н у ж д е н н о е о б щ е е с о ж и т е л ь с т в о. Общее сожителство, конечно, есть и въ другихъ мѣстахъ, но въ острогъ-то приходятъ такіе люди», — пишетъ Ѳ. М. До-

стоевскій, — «что не всякому хотѣлось бы сживаться съ ними, и я увѣренъ, всякій каторжный чувствовалъ эту муку, хотя, конечно, большею частью, безсознательно.» ...Для лицъ образованнаго класса, семейнаго воспитанія, культуры, если и не очень утонченной, то все-таки не каторжной, ко всему этому прибавлялись совершенно особыя — именно каторжныя, ужасныя, нравственныя мученія. — ...«Скажу одно: — что нравственныя лишенія тяжелѣе всѣхъ мукъ физическихъ. Простолюдинъ, идущій на каторгу, приходитъ въ свое общество, даже, можетъ быть, еще въ болѣе развитое. Онъ потерялъ, конечно, много — Родину, семью, все, но среда его остается та же. Человѣкъ, образованный, подвергающійся по законамъ одинаковому наказанію съ простолудиномъ, теряетъ часто несравненно больше его. Онъ долженъ задавить въ себѣ всѣ свои потребности, всѣ привычки, перейти въ среду для него недостаточную, долженъ приучиться дышать не тѣмъ воздухомъ. Это рыба, вытасченная изъ воды на песокъ... И часто для всѣхъ одинаковое по закону наказаніе обращается для него въ десятеро мучительнѣйшее. Это истина.. Даже если бы дѣло касалось однихъ матеріальныхъ привычекъ, которыми надо пожертвовать»...

Но все-таки «Мертвый домъ» былъ прежде всего домъ, и притомъ населенный живыми людьми. Въ немъ были комнаты, или палаты, въ немъ были покои, отдѣльныя кухни и въ нихъ старшіе изъ арестантовъ и надсмотрщики - инвалиды. Въ покояхъ были деревянныя нары, на которыя не запрещалось положить тюфячокъ и подушку, завести себѣ с в о е одѣяло. У каторжниковъ была собственность — сундучки съ замками, гдѣ хранилось ихъ благопріобрѣтенное имущество и кое-какой инструментъ, потому что всѣ каторжники въ свободное время, а зимою особенно его было достаточно, занимались своимъ дѣломъ. Они зарабатывали свои деньги. Они были въ теплѣ и сыты. Пища была достаточная и приличная, а хлѣбъ славился и за острогомъ. Они были одѣты въ каторжное платье, они ходили въ ужасную баню, и когда доходило дѣло до какой-

то черты — они, — правда, съ опасностью наказанія — «гуляли», то-есть пьянствовали...

Да... «шумъ, гамъ, хохоть, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копотъ, бритыя головы, клейменныя лица, лоскутныя платья, все — обруганное, ошельмованное... да, живучъ человѣкъ... Человѣкъ есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его опредѣленіе»...

Въ «Мертвомъ Домѣ» были люди, знавшіе за собою вину, совершившіе преступленіе. Можетъ быть, не сознавшіеся въ немъ, не раскаявшіеся и не раскаянные, какъ они сами про себя говорили: — «мы — народъ грамотный».... «мы погибшій народъ.... Не умѣлъ на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣряй ряды.... Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры. Не хотѣлъ шить золотомъ, теперь бей камни молотомъ». Какъ ни куражились они, какъ ни фанфаронили, ни «держали свою линію», какъ ни форсировали — душа ихъ была надломлена преступленіемъ — «арестанты почти всѣ говорили ночью и бредили. Ругательства, воровскія слова, ножи, топоры чаще всего приходили имъ въ бреду на языкъ. «Мы народъ битый», — говорили они — «у насъ нутро отбитое, оттого и кричимъ по ночамъ»...

Собранные на каторгу со всей Россіи они не сживались никогда, и сплетни, кляузы, интриги и доносы между ними процвѣтали. «Чортъ трое лаптей сносилъ, прежде чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу», — говорили они про себя сами, а потому сплетни, интриги, бабы наговоры, зависть, свары, злость были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ»... «Въ острогѣ доносчикъ не подвергается ни малѣйшему униженію, негодованіе къ нему даже немислимо. Его не чуждаются, съ нимъ водятъ дружбу, такъ что, если бы вы стали въ острогѣ доказывать всю гадость доноса, то васъ бы совершенно не поняли»...

Таковъ былъ «Мертвый домъ», описанный Достоевскимъ.

«Человѣкъ есть существо, ко всему привыкающее» — но къ тому, что творилось на большевицкой каторгѣ, никто и никогда не могъ привыкнуть. Это не былъ даже «Мертвый домъ», — и прежде всего потому, что по существу никакого тутъ д о м а и не было.

На берегу широкой, полноводной, холодной рѣки, быстрыми, зеленоватыми струями несущейся къ студеному морю, большую часть года замерзшей, на опушкѣ громаднаго лѣса, наскоро, грубо и криво были накопаны ушедшія въ землю землянки. Жалкія трубы жалкихъ печей не могли прогрѣть ихъ холодную сырость, и въ нихъ было всегда холодно и мглисто. Зимою вода въ нихъ замерзала. Арестанты согрѣвались животнымъ тепломъ. Въ этихъ землянкахъ было нѣкоторое подобіе нарѣ, но этихъ нарѣ не хватало и на половину помѣщенныхъ въ нихъ людей, и арестанты валялись вездѣ: на полу, въ проходахъ, подъ нарами. Если въ «Мертвомъ домѣ», описанномъ Достоевскимъ, воздухъ былъ ужасенъ «какой-то мефическій», особенно по утрамъ, то здѣсь по настоящему не было воздуха. Его не хватало на всѣхъ обитателей землянокъ. Страшный смрадъ и вонь стояли въ землянкахъ. Отъ нихъ на смерть задыхались люди... Не было утра, когда изъ землянки не таскали бы умершихъ. Здѣсь жизнь была невозможна. Люди, шатаясь, выходили по утрамъ на работы, они получали урокъ, и они знали, что имъ никогда не выполнить этого урока. Онъ былъ выше ихъ силъ. И тогда — сѣченіе каленымъ шомполомъ, клейменіе горячимъ желѣзомъ, звѣрскія убійства, сопровождаемая такими кошмарными подробностями, когда разстрѣль уже считался роскошью.

И ни минуты наединѣ!.. Тутъ было не двѣ сотни арестантовъ, какъ въ «Мертвомъ домѣ», но въ такихъ же холодныхъ, сырыхъ и смрадныхъ землянкахъ помѣщались десятки тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Населеніе цѣлой губерніи было собрано со всей Россіи и брошено сюда на умираніе.

Теплая вода съ капустными листьями, съ плавающей въ ней вонючей воблой, окаменѣлый, похожій на глину, даже и въ водѣ не размякающій хлѣбъ — были ихъ пищей. Они не имѣли ничего своего и не могли заниматься своими работами. Ихъ одѣвали въ платье и бѣлье, снятое съ загнивающихъ труповъ, надъ ними издѣвались надсмотрщики чекисты. Среди чекистовъ было щегольствомъ, своеобразнымъ шикомъ, выдумать особенное нравственное мученіе, изобрѣсти острую физическую боль, унижить и оплевать человѣка.

Чекисты складывали обнаженные трупы у входа въ женскую уборную и держали ихъ тамъ до полного гніенія. Они тщательно наблюдали за поднадзорными и, если замѣчали какой-то проблескъ радости у арестанта, — они доискивались причины ея и уничтожали ее.

Это было совершенное подобіе ада. Никакая фантазія не могла выдумать болѣе совершенныхъ мученій для человѣка. Самъ дьяволъ смутился бы отъ совершенства человѣческой подлости и гнусности, отъ смѣси жестокости и наглости, изобрѣтенныхъ большевиками для своихъ каторжанъ.

Когда въ мутномъ сѣверномъ разсвѣтѣ, босые, въ опоркахъ, въ лаптяхъ, въ какихъ-то остаткахъ бывшей когда-то обуви эти люди, звеня кандалами, тянулись въ лѣсъ, чтобы рубить и пилить деревья, и кругомъ нихъ шли чекисты охраны съ ружьями, въ теплыхъ полушубкахъ и шапкахъ — казалось, что идутъ одни чекисты, а между ними страшнымъ призракомъ тянется сѣрое видѣніе изможденной толпы мучениковъ, скользить и колеблется, будто безплотное. Странно было думать, что эти люди идутъ работать. Какъ могли они работать, когда, казалось, въ нихъ не оставалось и малой искры жизни?

У каторги «Мертваго дома» были свои пѣсни, она даже устраивала спектакли. Эта каторга не пѣла. Она не слагала своихъ арестантскихъ каторжныхъ пѣсень. Она никогда и никакъ не «гуляла». Она быстро и вѣрно вымирала, и одни, хороня другихъ, знали, что и ихъ

ждеть такое же закапываніе въ землю безъ обряда и молитвы, какъ падали.

И при всемъ томъ всѣ они сознавали, что они то менѣе всего походили на каторжниковъ. За ними не было никакого преступленія, и никакъ не могли они себя назвать въ этомъ отношеніи: «г р а м о т ѣ н ы м и». Они не были «погибшимъ народомъ», они умѣли — и еще какъ! — жить на волѣ. Были среди нихъ богатые, степенные мужики, крѣпкіе хозяева, трудолюбивые земледѣльцы, купцы и ремесленники, были офицеры, инженеры, профессора, учителя... Они «слушались отца и матери» — за что же выпало на ихъ долю теперь — слушаться «барабанной шкуры»? Они «шили золотомъ» — они работали и трудились — такъ за что же ихъ теперь послали «бить камни молотомъ»?..

Жестокая эта несправедливость, зло, казалось, вопіющее къ небу ихъ постоянно мучило, терзало и оскорбляло, но оно же давало неизсякаемую надежду, чистую, глубокую вѣру, что все это простое недоразумѣніе и что это неизбежно должно имѣть конецъ. Добро должно восторжествовать надъ зломъ. Они были сосланы на большіе сроки и видѣли, что тутъ рѣдко кто и годъ выживаетъ, а все ждали правды Божіей, своего — просто чудеснаго освобожденія. Наканунѣ смерти изсохшій, изголодавшійся совѣтскій каторжникъ, трясущійся въ послѣдней лихорадкѣ, жадно глядѣлъ вдаль, за рѣку, гдѣ по низкому берегу ледяной вѣтеръ мель песокъ и шевелилъ голыми прутьями жидкой осоки, и ждалъ, ждалъ, ждалъ чуда освобожденія, прихода созданныхъ долгими мечтами «бѣлыхъ»...

IV.

И все-таки тутъ — жили.

Въ три часа ночи, когда вся казарма-землянка была погружена въ мертвый, кошмарный сонъ, когда воздухъ былъ такъ тяжелъ и густъ, что, казалось, выпреть

узкія, запотѣлыя стекла изъ рамъ, или подниметь тяжелую, землею заваленную крышу, въ углу казармы внезапно чиркала спичка, вспыхивала синимъ бродячимъ пламенемъ совѣтская сѣрянка, мигала, качаясь и разгораясь и, наконецъ, зажигала свѣчу.

Это Оома Оомичъ Ооминъ садился читать запрещенную книгу — Библию. И сейчасъ же, точно, кто ихъ растолкалъ, поднимались его сосѣди — Веніаминъ Германовичъ Коровай, Бруно Карловичъ Бруншъ, Сергѣй Степановичъ Несвѣтъ, Гуго Фердинандовичъ Пельзандъ, Владиміръ Егоровичъ Селиверстовъ и Селифонть Богдановичъ Востротинъ.

И здѣсь, какъ въ «Мертвомъ домѣ», не было принято говорить, за что кто сидѣлъ, но совсѣмъ по другой причинѣ. Прежде всего почти никто и самъ не зналъ, за что его сослали. Здѣсь тоже доносы, интриги и сплетни процвѣтали, а многіе тутъ жили подъ чужими именами и тщательно скрывали свое прошлое, ибо весьма часто это прошлое грозило смертью. Такъ Коровай никому не открывался, что въ прошломъ онъ былъ уѣзднымъ исправникомъ, Бруншъ никому не рассказывалъ, что онъ — профессоръ физики, юноша, мальчикъ Несвѣтъ — братъ Русской Правды, у Пельзандта былъ свой аптекарскій магазинъ, Селиверстовъ въ Великую войну командовалъ батареей, а Востротинъ былъ богатый и домовитый казакъ.

Къ этой зажигаемой въ глубокой ночи Ооминымъ свѣчкѣ ихъ всѣхъ влекла жажда услышать какое-то другое слово, а не вѣчную дневную ругань и свары каторжанъ и чекистовъ. Ихъ влекъ къ себѣ и особенный, не похожій на другихъ характеръ Оомы Оомича. Ооминъ никого и ничего не боялся, открыто говорилъ всякому все, что было у него на душѣ и полнымъ равнодушіемъ, даже какимъ-то восторженнымъ отношеніемъ къ пыткамъ и наказаніямъ сражалъ самыхъ свирѣпыхъ чекистовъ. Съ нимъ было пріятно поговорить, онъ такъ просто и откровенно высказывалъ и «исповѣдывалъ» свою ничѣмъ непоколебимую вѣру въ Бога и Его милосер-

діе. Онъ все говорилъ безъ совѣтской утайки, безъ вранья и оглядки.

Онъ появился на каторгѣ только лѣтомъ, и не всѣ знали его исторію.

— Вы спросите его, Бруно Карловичъ, — шепнулъ профессору Коровай, — какъ онъ сюда попалъ. Казалось бы простая совѣтская исторія, а такъ онъ ее расскажетъ — театра никакого не надо.

— А онъ не обидится?

— Что вы! Простой совсѣмъ человѣкъ. Очень обязательный.

Профессоръ спросилъ.

— Я то съ?.. Вы спрашиваете за что? — быстро и дѣйствительно очень охотно отозвался Ѳоминь. Все его лицо, въ сѣдыхъ космахъ бороды, освѣщенное снизу свѣчою, покрылось сѣтью маленькихъ морщинъ. — Прежде всего, сударь, надо вамъ сказать, кто я есть? Ибо съ этого моего происхожденія и вышла вся моя печальная исторія. А есть я — Ѳома Ѳомичь Ѳоминь, и наше имя во всѣ роды черезъ ѳиту писалось... И родитель мой и всѣ наши были, что называется, съ ѳитою. Сестрица у меня Ѳекла, а дѣдушка Ѳедоръ, сами, при своемъ образованіи, понимаете, какъ должны такія имена изображаться. Вотъ съ этой самой ѳиты и начались всѣ мои несчастія.

Ѳома Ѳомичь помолчалъ немного, пожевалъ губами и добавилъ съ какою-то печальною укоризною:

— Они меня, знаете, черезъ ферта прописали.

— Ну и что же дальше? — сказалъ профессоръ, когда Ѳоминь не сталъ продолжать свой рассказъ.

— Такъ вотъ въ виду, знаете, такой ихъ неделикатности, пошелъ я въ комиссаріатъ объясняться. Тамъ, знаете, молодой такой человѣкъ и говоритъ мнѣ, что ѳита, молъ, еще при временномъ правительствѣ упразднена, нѣтъ, значитъ, совсѣмъ ѳиты. Я, васъ гражданинъ, спрошу, что развѣ можно человѣка упразднить, если онъ, и отецъ его, и весь родъ его съ ѳиты начинается?.. Конечно же нельзя. Всякій это понимаетъ. Я имъ все это и разъяснилъ. А тотъ, знаете, человѣкъ, что онъ про

себя изображаетъ, Богъ одинъ знаетъ, грубо и нагло, съ нахрапомъ сталъ на меня кричать: — «мы можемъ и тебя самого упразднить, ежели много тутъ разговаривать будешь». Я имъ и говорю: «отлично я васъ понимаю, что вы можете къ стѣнкѣ поставить и человѣка вывести въ расходъ, но фамиліи уничтожить вы никакъ не можете, на это у васъ уже нѣтъ власти, и она какъ была, такъ и остаться должна съ еитою... Вотъ съ этого и стали они, знаете, меня преслѣдовать. Не понравился видно, я имъ. Кто я? Кронштадскій мѣщанинъ и имѣлъ даже свою мелочную лавочку на Зеленой улицѣ. Скажите, можно развѣ упразднить и то, что я мѣщанинъ? Это можетъ сдѣлать только царь или, если по суду — лишеніе правъ. Они, знаете, мою лавку упразднили, можно сказать, въ два счета-съ. Просто сказать — разграбили. Это мнѣ очень даже понятно. Когда революція, когда генералы царя арестовали — тогда что же!.. Мелочную лавку разграбить тогда за милую душу, конечно, можно. На это у меня къ нимъ претензіи никакой даже нѣтъ. Народъ, значить, гуляетъ, свои права взялъ. Мнѣ его права очень понятны: гуляй, пьянствуй, на твоей улицѣ праздникъ. Капиталь у меня, однако, былъ припрятанъ. Я перемогся, выждалъ, знаю, все одно безъ меня никогда не обойдутся. Какъ можетъ быть государство безъ мѣщанина? Вижу, съ голоду пухнетъ по городамъ народъ. Торговля — мнѣ дѣло съ измалолѣтства знакомое. Занялся я мѣщечничествомъ. Черезъ короткое, значить, время и этого оказывается нельзя. На вокзалахъ пошли обыски, даже, правду сказать, разстрѣливали за это... Значить — упразднили они и мѣщечниковъ.. Я опять малое время перебился, потому понимаю, что все это временно и безъ торговли они все равно никакъ не проживутъ. И точно-съ скоро появились то, что называется «частники». Ну и я сталъ, значить, «частникомъ»... Названія какія ни придумывай, дѣло остается одно — торговля, дѣло мнѣ хорошо знакомое. Я свое дѣло понималъ, кому надо дать — давалъ, нельзя въ нашемъ дѣлѣ безъ этого.. Но-о, — Оома Оомичъ тяжело вздохнулъ, — но, упразднили они, значить,

и частника. Остался я безъ дѣла и сталъ по завѣту отцовъ и дѣдовъ нашихъ писаніе читать. Опять же книгу священную Библию читать надо умѣючи. Вотъ они говорятъ, — Оома Оомичъ кивнулъ на профессора Брунша, что это есть только исторія Еврейскаго народа.... Это по ихъ, такъ сказать, свободомыслию такъ только имъ представляется. Эта книга есть пророческая, и на всѣ времена и вѣки отвѣчающая книга. Не всякому, конечно, дано понимать, что къ чему отношеніе имѣеть, однако, имѣлъ я случай убѣдиться, что тамъ и всѣ наши теперешнія дѣла ранѣе предусмотрѣны.

— Вы намъ прочтите, что вы тамъ про Сталина и Ленина нашли.

— Это Веніаминъ Германовичъ, я съ большимъ даже удовольствіемъ прочту, потому, что такъ оно и будетъ. Непреложная это истина.

Оома Оомичъ досталъ изъ подъ тряпья довольно отрепанную книгу, перекрестился, поцѣловалъ ее, отлестнулъ, видимо хорошо ему знакомое мѣсто и, нагнувшись къ страницамъ, приготовился читать, но вдругъ поднялъ голову. Блаженно счастливая улыбка появилась на его изборожденномъ морщинами лицѣ.

— Мнѣ это мѣсто очень даже памятно, потому я за это самое мѣсто и здѣшнюю каторгу отбываю. Какъ, значить, прочелъ я его, меня словно что окрылило. Долженъ я или нѣтъ властямъ предержажимъ предупреденіе сдѣлать о томъ, какая имъ опасность угрожаетъ. Вотъ, знаете, взялъ я Библию и пошелъ въ Райсовѣтъ нашего центрального района, въ камеру помпрокурора, на Гражданскую улицу, въ № 26. Приняли меня незамедлительно, потому я прямо сказалъ, что имѣю доложить объ опасности, угрожающей властямъ предержажимъ. Развернулъ я книгу и сталъ имъ читать и толковать.

Оома Оомичъ нагнулся надъ Библией и началъ торжественно и тихо читать, медленно выговаривая слово за словомъ:

— «Валтасаръ царь сотвори вечерю велію вельможамъ своимъ тысящи мужемъ. Предъ тысящею же вино,

и пія Валтасаръ рече при вкушеніи віна, еже принести сосуды златы и сребряны, яже изнесе Навуходносоръ отецъ его изъ храма Господа Бога, иже въ Іерусалимѣ, и да піють въ нихъ ѣцари и вельможи его, и наложницы его и возлежащія окрестъ его...»

Өома Өомичъ поднялъ голову отъ книги и сказалъ:

— Въ тѣ дни и раньше производилось по приказанію еще Ленина изъятіе церковныхъ сосудовъ изъ церквей и ободраніе иконъ. Я и сказалъ помпрокурору: — «а знаете вы, гражданинъ, что ожидаетъ за сіе самого товарища Сталина?..». Онъ мнѣ говоритъ, «что имѣете сказать — говорите». Я и прочелъ имъ: — «Въ той часъ изыдоша персты руки чловѣчи и писаху противу лампы на повапленіи стѣны дому царева, и царь видяще персты руки пишушія. Тогда царю зракъ измѣнися, и размышленія его смушаху его, и соузы чреслъ его разслабляхуся, и колѣна его сражастася...». Тутъ, значитъ, они меня перебили и говорятъ: — «переходите, товарищъ ближе къ дѣлу. Бросьте вашу книгу, говорите, что знаете». Я имъ докладываю; — «это не я знаю, это сказалъ пророкъ Даніилъ и сказалъ про нынѣшнія времена». Тутъ одинъ сталъ говорить: «гоните его въ шею», а помпрокурора сказалъ: — нѣтъ, пусть сдѣлаетъ заявку до конца». И я сталъ читать. «Царю! Богъ вышній царство и величество, и честь, и славу даде Навуходносору, отцу твоему, и отъ величества еже ему даде, вси людіе, племена, языци бяху трепещуще и боящеся отъ лица его: и ихъ же хотяше убиваше, и ихъ же хотяше біяше, и ихъ же хотяше возвышаше, ихъ же хотяше той смиряше. И егда вознесеша сердце его и утвердиша духъ его еже прозорствовать, сведеша отъ престола царства, и слава и честь отъяся отъ него. И отъ чловѣкъ отгнася, и сердце его со звѣрьми отдася, и житіе его со дивими ослы, и травую аки вола питаху его, и отъ росы небесныя оросися тѣло его, дондеже уразумѣ, яко владѣетъ Богъ Вышній царствомъ чловѣческимъ, и ему же хоцетъ дастъ е»... И говорю я имъ: — все сіе написано про Владиміра Ильича Ленина, ибо власть его была подобна власти Навуходносора царя. И кого хотѣлъ

разстрѣливалъ и кого хотѣлъ возвышалъ, въ послѣдніе же дни жизни своей совсѣмъ оскотинѣлъ и, извините за подробность, — калъ изъ подъ себя бралъ и ѣлъ... Они на меня закричали и стали угрожать мнѣ. Но меня не испугали, ибо Духъ Господень былъ на мнѣ. Я выждалъ, когда утихъ гнѣвъ ихъ и дочиталъ имъ: «Сего ради отъ лица Его послани быша персты ручніи и писаніе сіе вчиниша. Се же есть писаніе вчиненое: м а н и, ѳ е к е л, ф а р е с. Се сказаніе глагола: м а н и, измѣри Богъ царство твое и сконча е. ѳ е к е л ѣ, поставися въ мѣрилѣхъ и обрѣтесе лишаемо. Ф а р е с, раздѣлися царство твое и дадеса Мидомъ и Персомъ»^{*)}). Вотъ, говорю я имъ, — печальная участь самого Сталина. Раздѣлится царство Россійское и отдано будетъ японцамъ и полякамъ. А самъ Сталинъ смертію умретъ. Меня, знаете, хотѣли тутъ же и заточить, но помпрокурора сказалъ: — «оставьте гражданина, потому что онъ есть сумасшедшій и дуракъ». Придя домой, впалъ я, однако, въ большое сокрушеніе. Ибо зналъ я, что за слова мои непремѣнная и неизбѣжная меня ожидаетъ кара. Смерти я не такъ боялся, зналъ, что счастье принять смерть за исповѣданіе вѣры, но боялся я заточенія, ибо тогда мнѣ придется лишиться главнаго утѣшенія и услады жизни моей — библии. Книга эта есть святая книга, но какъ, знаете, въ союзѣ совѣтскихъ республикъ все святое упразднено, оставлено одно поганое и, простите за слово — одна похабщина, то и имѣлъ я страхъ, что, какъ упразднили они «ѳиту», какъ упразднили мою лавку, какъ упразднили мѣщениковъ, частниковъ, такъ могутъ они упразднить и мою библию.

Ѳома Ѳомичъ помолчалъ немного, точно ожидая какихъ то возраженій, но какъ никто ему не возражалъ, онъ перевелъ дыханіе и продолжалъ торжественнымъ «библейскимъ» стилемъ: —

— Былъ у меня помощникъ Исай Лукичъ, — съ позволенія сказать-съ — жидъ-съ. Однако, человекъ это

---

^{*)} Книга пророка Даніила, Гл. 5, ст. 1, 2, 5, 6, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27 и 28.

быль золотой и вѣрности необычайной. Я и сказалъ ему: — «Исай Лукичъ, эта книга есть библія, книга и вамъ и мнѣ священная, но по нашимъ совѣтскимъ законамъ это есть книга запрещенная. Чувствую я, что меня, если не выведутъ въ расходъ, то загонять, куда Макарь телятъ не гонялъ. У меня есть просьба до васъ, если что со мною такое произойдетъ, сохраните мнѣ эту книгу, не дайте ее на поруганіе. Золотое сердце было у Исая Лукича. Онъ принялъ библію и говорить: — «не извольте беспокоиться, Ѳома Ѳомичъ, если васъ куда пошлютъ, я запеку эту книгу въ хлѣбецъ и дамъ вамъ, какъ передачу, никто и не узнаетъ ничего. А вамъ бы надо беречь себя и гдѣ ни на есть укрыться. Гдѣ же скрываться? Развѣ отъ Божьей воли куда уйдетъ человѣкъ? Я ждалъ своей участи съ молитвой и упованіемъ на Божіе милосердіе. Лѣтомъ меня, значитъ, и взяли. Допытывались моей вины. Но какъ никакой вины я за собою не зналъ, то и молчалъ. Тогда меня пытали. Зажимали пальцы между дверьми и дробили суставы.

Ѳома Ѳомичъ показаль свои руки съ исковерканными пальцами.

— При пыткахъ я молчалъ, а когда становилось не въ моготу, славиль Господа, что посылаетъ мнѣ мученія. Послѣ многихъ мукъ, посадили меня въ вагонъ. Вы знаете, что на каждомъ вагонѣ царскаго правительства осталась надпись: «сорокъ человѣкъ, восемь лошадей». Такъ въ тотъ вагонъ насъ набили поболѣе ста человѣкъ! Ни тебѣ сѣсть, ни тебѣ лечь. Дыбомъ стояли всю дорогу, въ тѣснотѣ и, извините-съ, въ нестерпимой вони. Утромъ сунули намъ ведро воды. Произошла большая давка и не только что лицо ополоснуть, но и напитокъ никому не удалось — расплескали всю воду. Ъды же намъ совсѣмъ ничего не давали. Я свой хлѣбецъ берегъ до чернаго дня, ибо зналъ, какая радость запечена мнѣ въ томъ хлѣбцѣ — радость вѣчная. На третій день такого нашего путешествія остановился нашъ поѣздъ, открыли двери и кричатъ намъ чекисты: — «выкидайся»... Ну, кто живъ былъ — тотъ самъ выкинулся, а кто умеръ въ такой дорогѣ, его уже выкинули другіе и какъ падалъ закопали возлѣ полотна. Вотъ такъ то я и попалъ сюда.

Тутъ взрѣзалъ я хлѣбець и обрѣлъ вѣчное счастье и радость въ утѣшительномъ словѣ святой книги.

Өома Өомичъ благоговѣнно закрылъ книгу и поцѣловалъ ея покрышку. Онъ погасилъ огарокъ. Сѣрый свѣтъ стоялъ за окнами. Арестанты начинали подниматься. Каторжный рабочій день наступалъ.

V

Днемъ припархивалъ мелкій снѣжокъ. Онъ ложился на мохъ красивыми звѣздочками и не таялъ. Мохъ былъ холодный и ломкій, и въ глуби его арестанты находили на длинныхъ и крѣпкихъ нитяхъ-стебляхъ алую, крупную клюкву. Небо было синее и было непонятно, откуда падалъ алмазный сверкающій снѣгъ. И потому ли, что погода была очень ужъ хорошая, тихая, ясная и въ лѣсу пахло смолою, хвоею и можжевельникомъ, потому ли, что осень несла сокращеніе работъ — какъ то тихо было на душѣ у арестантовъ. Ругань и крики не были такъ злобны, какъ всегда. До радости было далеко. Радоваться въ Россіи перестали съ того дня, какъ арестовали Царя, и на улицу вышла шумная гульливая толпа. Но солнце, голубизна високаго неба, порхающія въ воздухѣ, алмазами вспыхивающія снѣжинки наполняли сердца арестантовъ какою-то вдругъ народившейся надеждою, что должна же случиться въ ихъ судьбѣ перемѣна.

Въ этотъ день Өома Өомичъ особенно сіялъ. Точно онъ зналъ новость радостную для всѣхъ, точно прослышалъ про что то и хочетъ сказать, на весь каторжный міръ крикнуть. Но... кругомъ, какъ и всегда, была охрана, чекисты прислушивались къ каждому слову, сказанному арестантомъ, свои сплетники и наушники готовы были за корку черстваго хлѣба предать. На душѣ постепенно послѣ утра, давшаго какія то невозможныя, несбыточныя надежды, становилось тоскливо и жутко. Несвита утромъ арестовали. Въ одномъ изъ древесныхъ

стволовъ былъ найденъ загнанный туда стальной клинъ. И хотя стволъ этотъ былъ далеко отъ того мѣста, гдѣ работаль Несвитель, при обыскѣ обнаружили у него, на веревочномъ крученомъ гайтанчикѣ небольшой желѣзный восьмиконечный крестъ и на немъ надпись: — «Господи, спаси Россію». Вотъ за этотъ то крестъ, за эту надпись и озвѣрѣли на него чекисты.

— Ишь ты, какой гадъ... Россію надумаль... Ты бы еще, буржуй, про царя помянулъ... Настоящій буржуй... Истребляешь ихъ, истребляешь, а они все одно, какъ вошь какая, такъ отовсюду и лѣзутъ...

Несвитель на допросѣ твердо и смѣло заявилъ, что это не онъ загонялъ клинъ въ дерево, но что, если бы у него такой клинъ былъ, онъ непременно его загналъ бы... «Такъ вамъ, кровопійцамъ, и надо», сказалъ онъ.

Всѣ понимали, чѣмъ это должно было кончиться: — на разсвѣтѣ должны были Несвита разстрѣлять. И потому въ компаніи, окружавшей Оому Оомича было особенное, расслабленное настроеніе, какое бываетъ всегда, когда есть въ домѣ умирающій, тяжело больной человѣкъ и еще того болѣе, когда въ домѣ ожидаютъ смертной казни близкаго человѣка.

Только самого Оому Оомича это настроеніе точно не коснулось. Онъ, какъ зарядился съ утра своею веселою жизнерадостностью, такъ съ нею и остался до ночи. Когда угомонился баракъ-землянка и темная душная ночь стала кругомъ сторожить тревожный, тяжкій сонъ каторжанъ, Оома Оомичъ поднялся со своего мѣста и засвѣтилъ огарокъ. Онъ не сталъ читать самъ, но дождавшись, пока всѣ обычные его слушатели приблизились къ нему, передалъ книгу старому Востротину и сказалъ мягко и умиленно: —

— Попрошу васъ, Селифонть Богдановичъ, читать намъ о видѣніи Іезекиилевомъ, а я вамъ доложу, какое и мнѣ сегодня видѣніе привидѣлось.

Востротинъ благоговѣнно принялъ книгу отъ Оомы Оомича, поцѣловалъ ее, открылъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было заложено Ооминымъ и мягкимъ «церковнымъ» притушеннымъ баскомъ началъ читать: —

— «И бысть въ тридешатое лѣто, въ четвертый мѣсяць, въ пятый день мѣсяца, и азъ быхъ посредѣ плѣненія при рѣцѣ Ховарь: и отверзошася небеса, и видѣхъ видѣнія Божія».

Въ землянкѣ было темно и смрадно. Густой храпъ, всхлипыванія, икота, присвистъ тысячи людей, задыхающихся въ душномъ воздухѣ, въ тяжеломъ снѣ, сливались въ страшную музыку и сопровождали медлительное, торжественное чтеніе Востротина.

— «И видѣхъ, и се, духъ воздвизаяйся грядяще отъ сѣвера...»

— Да, такъ оно и было, — прошепталъ Ома Омичъ, — отъ сѣвера...

— И облакъ великій на немъ, и свѣтъ окрестъ его, и огонь блистаяся. И посредѣ его, яко видѣніе илектра посредѣ огня, и свѣтъ въ немъ: и посредѣ яко подобіе четырехъ животныхъ. И сіе видѣніе ихъ, яко подобіе чловѣка въ нихъ...».

— Яко подобіе чловѣка въ нихъ, — повторилъ Ома Омичъ.

Востротинъ читалъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ прочитывалъ видѣніе пророка Іезекиіля, торжественнѣе и умиленнѣе становилось лицо Омина. Онъ кивалъ головою въ ритмъ чтенія, смахивалъ слезу и шопотомъ повторялъ прочитанное.

— «И внегода шествовати животнымъ, шествоваху и колеса держащеся ихъ: и внегода воздвизатися животнымъ отъ земли, воздвизахуся и колеса»...

— Такъ оно и было: внегода воздвизатися животнымъ отъ земли воздвизахуся и колеса. Такъ точно и я видѣлъ.

И опять шло мѣрное торжественное чтеніе стараго казака, стихъ за стихомъ описывалось необыкновенное явленіе, видѣнное пророкомъ и имъ описанное.

— «И надъ твердію, яже надъ главою ихъ, яко видѣніе камени сапфіра, подобіе престола на немъ, и на

подобіи престола подобіе якоже видѣ чловѣчь сверху»*)).

— То былъ — аэропланъ, — сказалъ съ рѣшительной увѣренностью Оома Оомичъ.

— Позвольте, — сказалъ Бруншъ. — Какой, гдѣ аэропланъ?.. Когда жилъ пророкъ Іезекіиль и какой могъ онъ и гдѣ видѣть аэропланъ?

— Господу доступно показать своему пророку все, что было и все, что будетъ, — сказалъ Оома Оомичъ.

— А дѣйствительно странно, — сказалъ Селиверстовъ, — пророкъ Іезекіиль словами своего времени и тѣми понятіями, какія были тогда, совершенно точно описалъ аэропланъ. Колеса, поднимающіяся вмѣстѣ съ крыльями, сводъ, шумъ пропеллера — и слышахъ гласъ криль ихъ, ввсегда паряху, яко гласъ водъ многихъ, яко гласъ Бога Саддаі: ввсегда ходити имъ, гласъ слова, яко гласъ полка: и ввсегда стояти имъ почиваху крила ихъ». — Не работалъ пропеллеръ и не было слышно шума. Просто поразительно. Точно и правда пророкъ Іезекіиль видѣлъ когда то аэропланъ...

— Да точно и видѣлъ, — убѣжденно сказалъ Оо-минъ.

— Подлинно священная книга, — прошепталь съ глубокимъ волненіемъ Каравай.

— Такъ вотъ я вамъ и скажу, что и мнѣ «посредѣ плѣненія при рѣцѣ нашей», тоже было видѣніе аэроплана... Я работалъ сегодня далеко отсюда, знаете, гдѣ лѣсъ становится рѣже, гдѣ падинка образуетъ маленькую балочку и тамъ лысое, голое мѣсто. И работалъ я одинъ, отъ сучьевъ стволы освобождалъ. Работа легкая, снѣжокъ припархиваетъ, Несвита арестовали, повели его смерть принимать за вѣру Божескую, арестуютъ и меня, и мнѣ Господь пошлетъ смерть однажды и отъ всего этого стало мнѣ на душѣ легко и ясно. Чекисты далеко. Вблизи и арестантовъ никого нѣтъ, тихо въ лѣсу, никакая птица не поетъ, и я словами Давида ко Господу воззвалъ: — «услыша отъ храма святого своего гласъ мой

---

*) Пророка Іезекіиля. Глава I, ст. 1, 4, 5, 19 и 26.

и вопль мой предъ Нимъ видетъ во уши Его... И подвижеса и трепетна бысть земля и основанія горъ смятошася и подвигошеса яко прогнѣвася на ны Богъ. Взыде дымъ гнѣвомъ Его и огонь отъ лица Его воспламенится: угліе возгорѣся отъ Него. Избавить мя отъ враговъ моихъ сильныхъ и отъ ненавидящихъ мя: яко утвердишася паче мене*). Избавить мя, избавить мя отъ враговъ моихъ сильныхъ!.. такъ повторялъ я въ моленіи моемъ и «се духъ воздвизайся грядяще отъ сѣвера и облакъ великій въ немъ». Вотъ такъ, значить, я стою на молитвѣ въ пади, снѣжинки алмазиками порхаютъ, свѣтъ тихій съ неба льется и вижу ростеть и ростеть на моихъ глазахъ снѣжинка, становится громадною будто птицею и тихо безшумно падаетъ шагахъ въ ста отъ меня. И вижу — аэропланъ садится на землю.

— Аэропланъ?.. Безшумно?.. — сказалъ Селиверстовъ.

— Если человѣку привидѣлось, все можетъ быть, — сказалъ Пельзандъ.

— Нѣтъ, граждане, въ томъ то и дѣло, что это не привидѣлось, а и точно съ неба тихо и плавно опустился аэропланъ. Видалъ я самолеты не разъ. И на корпусномъ аэродромѣ у Вологодско-Ямской слободы и на комендантскомъ полѣ у Коломягъ не разъ я видывалъ, какъ приземливаются наши летчики. Такъ это, граждане, было совсѣмъ по иному и аэропланъ на наши никакъ не походилъ. Свѣтлый, серебряный, не видимый и не слышный.

— Могли и такой изобрѣсти, — сказалъ Бруншъ. — Нѣмцы у насъ хорошо работаютъ. Удивительнаго ничего нѣтъ. Странно, что никто ничего такъ и не видѣлъ и не слышалъ.

— Можетъ быть и еще кто видѣлъ, да не говорить, боится, — сказалъ Селиверстовъ.

— Такъ вотъ, граждане, стою я, притаившись, и смотрю, и вижу выскакиваютъ напередъ четыре человѣка и разбѣжались по угламъ пади и стали какъ бы на

---

*) Псаломъ Давида, 17 ст. 7, 8, 9 и 18.

сторожѣ, а за ними еще двое. Одѣты въ кожаныхъ курткахъ, видно, — на мѣху и сапоги кожаные добротные, не иначе, какъ въ Москвѣ или Ленинградѣ въ Торгсинѣ получили.

— Чекисты, — съ глубокимъ разочарованіемъ проговорилъ Бруншъ. — А вы то насъ готовили къ чему то чудесному. Вѣрно, опять новая регистрація, а за нею допросы, пытки и казни...

— Не думаю, чтобы чекисты... Уже очень я крѣпко и съ большою вѣрою молился. Огонь поядающей сошелъ съ неба. Вотъ какъ я думаю.

— Да почему? — спросилъ Востротинъ. Онъ внимательнѣе и все съ большею и большею вѣрою слушалъ то, что говорилъ Тома Томичъ.

— Прежде всего — съ лица очень чистые. Чекисты такіе не бываютъ. Одинъ, что впереди пошелъ, высокій, осанка такая гордая, прямой и сѣдой, а лицо моложавое. Другой лицомъ темный, загорѣлый и идетъ за первымъ, какъ добрая собака идетъ за охотникомъ, глазъ съ него не спускаетъ... Сразу, граждане, видно, что это настоящіе, царскіе офицеры.

— Ну мало ли царскихъ офицеровъ у нихъ въ чекистахъ то служить, — сказалъ Пельзандъ.

— Служать, служатъ, это точно, Гуго Фердинандовичъ, а только у тѣхъ, кто у нихъ служить, всегда есть что то въ лицѣ подловатое и идетъ такой, такъ всегда словно ожимается. Точно вѣчно надъ нимъ совѣсть.

— Ну! у такихъ!.. Искать совѣсть!.. — сказалъ Селиверстовъ.

— И съ лица оба красивые. Между прочимъ, — изъ коммунистовъ кто же красивый?.. Взять Ленина, Калинина, Троцкаго, рожи такія, что, простите за грубое слово, въ три дня не ..... А эти...

— Но, позвольте, — сказалъ Бруншъ, — есть и между коммунистами красивые. Блюхеръ, да тотъ же Луначарскій или Дзержинскій...

— Оставьте, пожалуйста, — сказалъ Коровай, — Дзержинскій, — я близко его видѣлъ... Точно — херувимъ вербный, а взгляните въ его газельи глаза. Діа-

воль, сатана, чортъ... Нѣтъ, только уже не Дзержинскій.

— Такъ что же вы, Ёома Ёомичъ, думаете? — спросилъ Селиверстовъ.

— Я думаю, что такая молитва, какъ была моя, не можетъ быть не услышанной Господомъ. Я думаю: — огонь поядающій... Вы слышите, какъ тихо, а между прочимъ свѣтаеть-съ.

— Ну, такъ что же, что свѣтаеть, — сказалъ Бруншъ.

— А какъ что же?.. Не слышно, чтобы Несвита разстрѣляли... Не приходили опять же людей брать, могилу копать.

— Положатъ у женскаго отхожаго мѣста... Что имъ...

Однако, всѣ призадумались. И точно, наступалъ часъ подъема. Ёома Ёомичъ задулъ огарокъ, припряталъ библию и продолжалъ сидѣть въ полумракѣ на нарахъ. Въ землянкѣ предъутреннимъ особымъ крѣпкимъ сномъ гудѣли, храпѣли и сопѣли люди. Смрадъ становился нестерпимымъ. За окнами въ сѣрыхъ неясныхъ туманахъ нарождался день... Кругомъ въ лѣсу стыла утренняя тишина.

— Можетъ быть еще Сергѣя Степановича пытатъ повели, — со вздохомъ сказалъ Востротинъ, — потому и не слышно выстрѣловъ.

Всѣ сидѣли молча и неподвижно. Сырая землянка казалась настоящимъ адомъ.

VI

Пришло время открывать казармы, выгонять людей на работы, выдавать кипятокъ и хлѣбъ, но никто не являлся въ землянку.

Проснувшіеся отъ духоты арестанты шумѣли.

— Покель гноить то насъ будете, — раздавались

голоса болѣ смѣлыхъ. Покель не подохнемъ всѣ. И васъ за то не похвалятъ и намъ не въ моготу долше.

— Заснули что ли, архангелы!

— Просыпайтесь, товарищи, выгоняйте насъ что ли, а то и точно подохнемъ.

— Имъ что. Имъ, можетъ, такой приказъ отъ начальства вышелъ, подушить насъ всѣхъ.

Никто не отзывался. Блѣдное утро загоралось огнями солнечнаго восхода и съѣдало туманъ. Маленькія окна землянки были, какъ въ золотѣ. Казарма кишѣла поднявшимися людьми. Одни мѣшали другимъ, одни наступали на другихъ. Шумъ и говоръ нарастали.

— Полегче, гражданинъ, вы мнѣ на голову едва не наступили.

— А вы чего разлеглись на дорогѣ...

— А гдѣ мнѣ лечь прикажете, когда мѣста нигдѣ нѣтъ.

Внезапно, точно по командѣ, голоса и крики стихли. Въ казармѣ стали прислушиваться къ тому, что происходитъ въ лѣсу.

— Постойте, товарищи, не шумите такъ.

— Что тамъ такое?.. Какой сонъ ихъ одолѣлъ.

— Перепились, что ли, какъ тотъ разъ.

Въ лѣсу стояла полная торжественная тишина. Ясный, солнечный и, должно быть, теплый день, одинъ изъ послѣднихъ прекраснаго бабьяго лѣта наступалъ и несъ съ собою нѣчто необычайное, странное, и, конечно, гадкое и жуткое, отвратительное, какую то новую придумку палачей чекистовъ.

— Не подыхать намъ всѣмъ изъ за васъ, — раздался чей то отчаянный голосъ. Человѣкъ и крикнулъ это и боялся, что сосѣдъ увидитъ и скажетъ на него потомъ. Но уже волна отчаянія захватила толпу. Съ трескомъ и звономъ разсыпалось отъ сильнаго удара узкое оконце и нѣсколько головъ приникло къ отверстию, жадно ловя чистый воздухъ.

— Братцы!.. Чудеса!.. Никого и стражи нѣтъ.

Тогда, точно какое то опьяненіе нашло на людей. Страхи были забыты. Дружно навалились на двери и

стали выламывать. Доски гнулись, подлѣ дверей соплѣли, напрягаясь, люди.

— Полегче, граждане, дышать совсѣмъ нечѣмъ.

— Ты, Артемовъ, плечомъ навались.

— Граждане, пѹстите, Ерохина. Ерохинъ, тотъ сдвинетъ.

Наконецъ, дверь вылетѣла изъ рамы. Люди стали выбѣгать наружу.

Тамъ, гдѣ обыкновенно была стража, не было никого. Было видно, какъ изъ сосѣднихъ землянокъ тоже выбѣгали люди и, точно почуявъ вольную волю, останавливались въ недоумѣннн и страхѣ. Нѣсколько человѣкъ, старшины казармы, въ ихъ числѣ Селиверстовъ и Коровай, пошли къ особому городку, гдѣ въ теплыхъ, отапливаемыхъ баракахъ, по барски, жили чекисты и администрація каторги. Тамъ былъ красный клубъ чекистовъ. Этотъ городокъ былъ окруженъ высокимъ заборомъ изъ заостренныхъ наверху бревенъ, «палями». Впереди палей была еще устроена проволочная загородка. Ворота въ ней были открыты, и самыя главныя ворота въ паляхъ были распахнуты настежъ. Часовыхъ не было.

Изъ за палей былъ слышенъ чей то сильный, начальнической голось. На него дружно отвѣчали, должно быть построенные во фронтъ чекисты.

— Понимаемъ... Понимаемъ... Слушаемъ... — неслось изъ за палей.

Арестанты остановились. Чекисты были живы. Ихъ преступленіе — сломанныя въ землянкѣ двери и выбитыя окна, сейчасъ будутъ обнаружены и жесточайшія кары послѣдуютъ за самовольный уходъ изъ казармы. Шедшіе къ палямъ стали пятиться назадъ.

— Подыхать надо было намъ, а не своевольничать, — съ тяжелымъ вздохомъ прошепталъ Коровай.

— Все одно, тамъ ли, тутъ ли, подохнуть, всегда успѣемъ.

Селиверстовъ и съ нимъ два человѣка изъ другой землянки, кто былъ посмѣлѣе, вошли за проволоку и, крадучись по надъ заборомъ, направились къ главнымъ

воротамъ. Они заглянули въ нихъ. Кажется, и правда — ничего особеннаго не произошло.

Внѣшняя охрана, около сотни дюжихъ парней, набранныхъ изъ проштрафившихся чекистовъ, все больше уголовники, убійцы, воры, грабители, насильники, присланные сюда, чтобы издѣвательствомъ надъ совѣтскими каторжанами смыть свои преступленія и доказать вѣрность совѣтской власти, народъ до нельзя грубый и развращенный властью надъ жизнью и смертью тысячъ подчиненныхъ имъ каторжанъ, люди крѣпкіе и здоровые, стояли въ двѣ шеренги на вытяжку. Противъ ихъ фронта, похаживалъ высокій, статный человекъ съ сѣдыми волосами, въ кожаной курткѣ, хорошо, ладно одѣтый, вѣроятно, тотъ старшій чекистъ или самъ комиссаръ, кого видѣлъ Тома Томичъ прилетѣвшимъ на аэропланъ. Сзади него, какъ помощникъ или секретарь, былъ такой же высокій стройный человекъ съ сильно загорѣлымъ лицомъ. На немъ была написана четкая офицерская исполнительность. Селиверстовъ опытнымъ, наметаннымъ глазомъ, сейчасъ же опредѣлилъ: — изъ старыхъ кадровыхъ офицеровъ. «Эти», — подумалъ онъ, — «хуже всего. Исполнительны, вѣрны и безстрастны».

Но дѣло было сдѣлано. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. Любопытство было сильнѣе страха, и Селиверстовъ сталъ прислушиваться къ тому, что говорилъ прилетѣвшій вчера. Это было нетрудно. Высокій сѣдой человекъ говорилъ, какъ власть имущій, громко и рѣзко, отчетливо выговаривая слова, какъ, бывало, въ Императорской арміи отдавали приказанія полку хорошіе полковые командиры. Да и самъ онъ умѣло держался передъ фронтомъ. Пройдетъ тихо вдоль него, остановится, оглянетъ людей и продолжаетъ говорить. И это не рѣчь, нѣтъ, отнюдь не рѣчь съ ея неизмѣннымъ и часто дешевымъ краснорѣчіемъ, но это приказанія и угрозы.

— Вы видѣли, что было въ комиссарской казармѣ, — говорилъ сѣдой человекъ. — Еще худшее будетъ съ вами при малѣйшей вашей попыткѣ сопротивляться или при неисполненіи моихъ приказаній. Я васъ такой смертію казню, какая даже и вамъ не снилась...

— Понимаемъ, — глухо прокатилось по шеренгамъ.

— Потрудитесь снять ваши револьверы и патронташи и сложить ваши винтовки и все оружіе вотъ на этомъ мѣстѣ подъ охрану... Подъ охрану...

Сѣдой человѣкъ смѣло подошелъ къ фронту и, взявъ одного изъ чекистовъ за воротникъ, спросилъ: —

— Ты гдѣ служилъ при Государѣ Императорѣ?

— Въ Морочненскомъ полку... Призыва 1916 года.

— Какъ твоя фамилія?

— Кабашниковъ, ваше скородіе.

— Вотъ ты и станешь часовымъ... Ты мнѣ отвѣтишь за все... Самъ понимаешь, какъ...

— Понимаю, вашескородіе.

— Дальше... Въ казармѣ комиссаровъ, издали, камнями выбить окна и близко къ тому дому не подходить и никого не подпускать, пока всѣ газы не выйдутъ, а то и сами подохнете, какъ они. Когда я прикажу, тогда и приберете тамошнюю пададь.

— Понимаемъ, — раздался мрачный и глухой отвѣтъ.

— Сдавайте оружіе и идите строить и разбирать ссыльныхъ, какъ я вамъ это указаль.

Чекисты, вытянувшись длинною очередью, сдавали ружья и, снявъ револьверы, складывали ихъ въ кучу. Около кучи, заправскимъ часовымъ, сталъ Кабашниковъ.

Несомнѣнно, что то произошло и произошло нѣчто необычайное, никогда здѣсь небывалое, точно и не со-вѣтское. «Государѣ Императорѣ», «ваше скородіе», все это очень запомнилось тѣмъ, кто подслушиваль у воротъ.

Селиверстовъ побѣждалъ къ ожидавшимъ его у землянки арестантамъ и издали уже кричалъ: —

— Строиться, строиться, граждане, новая власть пріѣхала... Новая охрана идетъ совсѣмъ безоружная...

VII.

Охрана была старая. Но то, что она была безъ винтовокъ и револьверовъ, сдѣлало ее иною. Чекисты не смѣло подходили къ выстроившимся каторжанамъ. Они не окрикивали, какъ обычно, безмолвныхъ шеренгъ, не издѣвались здорованьемъ съ оскорбительными кличками: «здорово, баржуи», на что требовалось разомъ и точно вороньимъ карканіемъ отвѣтить: — «здр-р-ра».

Они шли робко и, подойдя, говорили ласково заискивающе, называя то: «граждане», то «господа». Чувствовалось, что ихъ праздникъ кончился, и пришла какая-то новая власть, совсѣмъ не похожая на прежнюю совѣтскую.

— Господа, прошу выслушать приказъ.

«Господа», трясущіеся на осеннемъ вѣтру, въ зашивѣвшемъ бѣльѣ, въ рваной одеждѣ, босые, оборванные, отрепанные, кто въ подобіи шапокъ, кто съ обмотанной платкомъ головою, кто и вовсе безъ ничего съ краснымъ лысымъ черепомъ, съ большими исхудалыми, изможденными лицами, съ воспаленными, распухшими, красными глазами, заросшіе неопрятными косматыми волосами, торчащими колтунами, тянули впередъ черныя жилистыя шеи и, казалось, не понимали того, что имъ говорили.

Уже не новая-ли какая провокація, а за нею пытки и смерть, не новыя ли издѣвательства, насмѣшки и оскорбленія ихъ ожидали? И только то, что имъ наскоро успѣлъ рассказать Селиверстовъ, да сконфуженный видъ подходившихъ къ нимъ чекистовъ, похожихъ на оципанныхъ пѣтуховъ, не позволилъ имъ скрыть такъ до сихъ поръ тщательно даже другъ передъ другомъ скрываемое прошлое.

— Кто служилъ въ офицерскихъ чинахъ, въ Императорской арміи, — вызываль чекистскій старшина, — выходи впередъ и становись противъ праваго фланга. Кто состоитъ въ Братствѣ Русской Правды, которые есть инженеры, архитекторы, кто хлѣбникъ, мясникъ,

портной, сапожникъ, становись по родамъ своихъ ремесль.

По новому верстали людей. Не вызывали, какъ обычно, — партійцевъ, комсомольцевъ, эсъ-дековъ, эсъ-эровъ, ка-детовъ, монархистовъ, кулаковъ, подкулачниковъ, вредителей, частниковъ, сопровождая каждый вызовъ грязными насмѣшками и прибаутками чекистскаго тона. Звали по трудовымъ признакамъ, звали по специальностямъ. Зачѣмъ въ каторгѣ понадобились «спецы», въ каторгѣ всѣ равны?

Изъ отобранныхъ по всѣмъ казармамъ группъ вызвали старшихъ годами, чинами, или положеніемъ, или знаніями и повели къ комендатурѣ.

Этимъ старшимъ роздали оружіе и имъ подчинили чекистовъ.

Потомъ ихъ построили и прилетѣвшій вчера на аэропланѣ неизвѣстный, одѣтый по комиссарски человекъ, сказалъ:

— Прежде всего, господа, вы свободные люди. Но, такъ какъ вамъ, да еще такую массою, нельзя покинуть этихъ мѣстъ, пока вся Россія не освободится отъ коммунистовъ...

— Развѣ освободилась отъ коммунистовъ хотя часть Русской земли? — робко перебилъ Селиверстовъ.

— Вы стоите на свободной землѣ, — спокойно, острымъ взглядомъ ясныхъ сѣрыхъ глазъ глядя въ глаза Селиверстову, сказалъ человекъ и показалъ на флажокъ комендатуры.

На высокомъ древкѣ вмѣсто вылинявшаго бураго флага съ серпомъ и молотомъ тихо рѣялъ въ блѣдно-голубомъ бездонномъ небѣ Русскій бѣло-сине-красный большой новый флагъ. Нѣсколько секундъ Селиверстовъ съ открытымъ ртомъ, не вѣря своимъ глазамъ, смотрѣлъ на него.

— Та-акъ, — протянулъ онъ. На него точно какой-то столбнякъ нашель. Теперь онъ ничего не понималъ. Да что же, наконецъ, случилось?

— Такъ какъ вамъ, хотя и свободнымъ людямъ, нельзя уѣхать отсюда, — продолжалъ пріѣзжій, — вамъ

надо устроить вашу жизнь по-человѣчески. Господа инженеры и архитекторы, вамъ надлежитъ выбрать мѣсто и немедленно приступить къ постройкѣ городка для проживанія... Портные и сапожники, вамъ надо открыть мастерскія, чтобы по-человѣчески всѣхъ одѣть. Промышленники, организуйте промысла, чтобы кормить людей, какъ слѣдуетъ. Васъ надо вылѣчить, одѣть, накормить, дать вамъ отдохнуть и поправиться, набраться силъ... Съ бывшими офицерами надо начать формировать новыя воинскія части. Генераль Броневскій, — обратился этотъ человѣкъ къ стоявшему нѣсколько въ сторонѣ еще крѣпкому старику, внѣшнимъ видомъ отнюдь не походившему на генерала, но скорѣе на нищаго бродягу. — Вы чѣмъ командовали въ Великую войну?

— Старо-Муринскимъ пѣхотнымъ полкомъ, — хриплымъ, основательно простуженнымъ голосомъ отвѣтилъ тотъ, кого назвали генераломъ Броневскимъ.

— Вамъ поручается... На васъ возлагается обязанность изъ всей массы ссыльныхъ отобрать все крѣпкое, могущее стать подъ знамена, молодое и смѣлое и составить... роту ли... батальонъ... полкъ, словомъ, что наберется. Назначите офицеровъ и унтеръ-офицеровъ... Создадите учебныя команды... Я вамъ доставлю уставы, наставленія и учебники... Когда наладится дѣло, пришлю и оружіе. Позаботьтесь о выдѣленіи артиллеристовъ для формированія батарей... Потомъ подумаемъ и о конницѣ... Все постепенно...

— Слушаю... Позвольте, однако, спросить васъ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Мягкая, милая и привѣтливая улыбка освѣтила суровое лицо сѣдого человѣка.

— Я, ваше превосходительство, никто... Я только передатчикъ воли будущаго Императора, что, соглашайсь, звучитъ не совсѣмъ убѣдительно.

— Мнѣ понятно, — пробурчалъ генераль Броневскій.

— Передатчикъ воли... вѣрнѣе подготовитель пути тому, кого изберетъ Русскій народъ, чтобы царство-

валь на Руси... Я же только... ротмистръ... Ротмистръ Ранцевъ...

— Слушаю, ротмистръ... Передайте кому надо, я вашу мысль понимаю и усвоилъ. Для будущаго Императора все, что въ моихъ силахъ и съ этимъ матеріаломъ, — генераль сдѣлалъ жестъ въ сторону каторжныхъ землянокъ, гдѣ становилось все шумнѣе и шумнѣе, — я сдѣлаю. Я надѣюсь дня черезъ два доложить вамъ для доклада кому слѣдуетъ, какую часть можетъ выставить наша Песковско-Ямская совѣтская каторга...

VIII.

Чрезъ три дня Ранцевъ проходилъ съ генераломъ Броневскимъ по комиссарскому городку. Они выбирали мѣсто для штаба отряда и для офицерскихъ классовъ. Въ это время особо назначенные люди подъ наблюдениемъ старшихъ вмѣстѣ съ бывшими чекистами выносили трупы изъ комендантскаго дома. По еще сохранившемуся совѣтскому обычаю трупы были раздѣты до бѣлья. Ранцевъ, онъ шелъ съ Ферфаксовымъ, подумалъ, что онъ бросилъ въ ту ночь газовую бомбу въ это зданіе, гдѣ помѣщалось управленіе каторгой, не зная, кто тамъ и что тамъ за люди. Но на войнѣ, развѣ знаешь, кого поражаютъ снаряды и бьютъ пули?

— Вы знали этихъ людей, ваше превосходительство? — спросилъ Ранцевъ, направляясь къ выложеннымъ для отправки для погребенія мертвецамъ..

— А какъ же. Я вѣдь можно сказать здѣшній старожилъ. Съ самага основанія этой каторги я на ней, какъ злостный саботажникъ и вредитель. Вотъ это Борухъ Самулевичъ, комендантъ и комиссаръ. Человѣкъ, знаете, ничего себѣ. Онъ попался въ какомъ-то хищеніи и былъ присланъ править и владѣть нами. Съ нимъ бы можно было поладить. Человѣкъ онъ мягкій, типичный

интеллигентъ, кажется, даже хорошо ученый, универсантъ, но при немъ былъ вотъ этотъ...

Ранцеву не надо было называть, кто былъ «вотъ этотъ». Его трупъ сказалъ ему свое имя. На землѣ, покрытой чахлой, померзшей, примятой травой лежалъ на спинѣ, длинный, несуразый человѣкъ съ худымъ, землистаго, бураго цвѣта лицомъ, изборожденнымъ многими морщинами, поросшимъ клочьями рыже-сѣдой косматой бороды. Непомѣрно длинныя руки касались колѣнъ. Голова склонилась на бокъ. Полуприкрытые вѣками глаза тускло отсвѣчивали и, казалось, поглядывали сбоку. Ротъ былъ полуоткрытъ, и желтые крѣпкіе зубы были видны изъ-подъ мертвой синевы губъ. Что-то страшное было въ этомъ покойникѣ. Казалось, что онъ не мертвъ, но только притворяется мертвымъ и вотъ вскочить и бросится на тѣхъ, кто смотрѣлъ на него.

— Я ручаюсь, — тихо сказалъ Ранцеву, въ раздумьи стоявшему надъ трупомъ Ферфаксовъ, — я ручаюсь, что именно этого человѣка я видѣлъ на Шадринской заимкѣ, когда такъ неудачно попалъ на нее.

«Съ нимъ ушла тайна похищенія Настеньки», — думалъ Ранцевъ. — «Съ нимъ вмѣстѣ ушла и тайна убійства Портоса, доставившая мнѣ столько несчастій и, можетъ быть, только онъ могъ бы мнѣ сказать, что-нибудь про участь моей безконечно любимой Али. Слѣпой случай далъ мнѣ его въ руки и тотъ же случай далъ его мертвымъ... Можетъ быть, даже это и къ лучшему...»

Какъ сквозь дремоту, точно у него были заложены уши, Ранцевъ слушалъ, что говорилъ ему генералъ Броневскій.

— Это былъ настоящій аспидъ. Не было пытки, какую бы онъ ни придумалъ. А, говорятъ, изобрѣтатель... Химикъ... Звали его тоже по странному... Ермократь... Я даже усумнился есть ли такое имя... Не исковерканное ли это слово «демократъ»?... Но мнѣ тутъ ссыльный одинъ, Тома Томичъ, богословски начитанный человѣкъ, разъяснилъ, что подлинно такое имя есть, и празднуется тотъ святой іюля 26-го. Былъ онъ въ совѣтскомъ

судѣ и занималъ большое мѣсто, говорятъ помощникомъ самого Крыленки состоялъ. Помните было дѣло о Федоровской сектѣ, такъ онъ тогда обвинителемъ былъ... Ну а потомъ проштрафился... Большой ходокъ, несмотря на этакую рожу, оказался по женской части и хотя на это у насъ какъ-то просто смотрятъ, онъ уже очень себя показалъ и былъ сосланъ сюда... Ну онъ и тутъ не скучалъ. Женщинъ на каторгѣ не мало... Онъ ихъ всѣхъ перепортилъ...

Ранцевъ старался не слушать того, что говорилъ Броневскій. Онъ медленно шелъ къ крыльцу большого дома, занятаго раньше комендатурой каторги. Въ его памяти пронеслось то время, когда онъ, молодой, — однако, какъ незамѣтно двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, — послѣ скачки на Императорскій призъ, счастливый отъ одержанной побѣды, накануне отправленія въ Поставы на парфорсныя охоты, гдѣ столько ожидалъ онъ радостей, зашелъ къ капитану Долле на пороховые заводы и тамъ въ первый разъ увидалъ этого человѣка. Въ тотъ вечеръ у него были неприятныя ощущенія на пароходѣ, перевозившемъ его черезъ Неву, когда какой-то матросъ умышленно не отдавалъ ему чести и рабочіе, переѣзжавшіе на этомъ же пароходикѣ, смѣялись и радовались униженію офицера, тогда въ первый разъ въ жизни ощутилъ онъ липкое прикосновеніе оскорбленія не отомщеннаго и такого, какое не легко отомстить, тогда первый разъ компромиссъ всталъ передъ нимъ и омрачилъ праздникъ, бывшій у него на душѣ. Точно одно мимолетное знакомство съ этимъ человѣкомъ уже наложило какую-то жуткую печать. Потомъ Ранцевъ слышалъ, что этого человѣка подозрѣвали въ убійствѣ Портоса, его товарища и бывшего любовника его жены, еще тогда, когда она была въ первомъ бракѣ съ профессоромъ Тропаревымъ. Тяжкія были это воспоминанія! Этотъ человѣкъ, возможно, похитилъ его дочь Настеньку. Онъ являлся, и всякій разъ случалось что-нибудь жуткое и гадкое съ нимъ. Теперь онъ появился въ послѣдній разъ, уже мертвымъ... Что знаменовало его появленіе?...

Ранцевъ вспомнилъ, какъ въ ту ночь, онъ съ Ферфаксовымъ подошелъ къ воротамъ и на окрикъ часового, начальническимъ тономъ спросилъ, «гдѣ комендатура?» Онъ вспомнилъ, какъ на ихъ стукъ, несмѣло пріоткрылась дверь, и они увидали при свѣтѣ керосиновыхъ лампъ два ломберныхъ стола, бутылки и карты на нихъ, и людей въ кожаныхъ курткахъ кругомъ. Одни встали, другіе остались сидѣть. Ранцевъ плохо тогда видѣлъ лица этихъ людей... Если бы тогда узналъ Ермократа, взялъ бы его для допроса... Сталъ бы его пытаться? Придумалъ бы для него какую-нибудь особо мучительную смерть?... Нѣтъ... Не офицерское это дѣло... Ранцевъ былъ и остался офицеромъ... можетъ быть, такъ и лучше было. Они бросили тогда свои бомбы и быстро захлопнули двери. Стоя за дверьми, они прислушались. Они услышали, какъ «пш-ш-ши» съ особымъ свистящимъ звукомъ лопнули бомбы и сейчасъ стали слышны глухіе удары падающихъ тѣлъ и грохотъ стульевъ, ими поваленныхъ....

— Всѣхъ вынесли? — спросилъ онъ у чекиста, выходившаго изъ дверей.

— Однако, всѣхъ, — по сибирски отвѣтилъ чекистъ.

Въ комнатѣ еще оставался трупный запахъ. И безпорядокъ поваленныхъ столовъ и стульевъ и разбросанныхъ картъ говорилъ о той страшной ночи. Ранцевъ овладѣлъ собою и спокойнымъ голосомъ давалъ указанія, гдѣ и что должно быть устроено и помѣщено.

Когда они вышли изъ дома, день сіялъ солнечными лучами. Морозъ сталъ меньше. Простившись съ Броневскимъ, Ранцевъ съ Ферфаксовымъ, сопровождаемые почтительно слѣдовавшимъ за ними дежурнымъ, направились вдоль рѣки. Ферфаксовъ осторожно и, даже какъ будто робко, заглянулъ въ лицо Ранцева и, густо покраснѣвъ, сказалъ:

— Ты думаешь, Петръ Сергѣевичъ, о Валентинѣ Петровнѣ, о командиршѣ?

— Я никогда не переставалъ и не перестану думать о ней, — тихо отвѣтилъ Ранцевъ. Въ его голосѣ были

мягкость и задушевность, какихъ не ожидалъ Ферфаксовъ. — Но я думаю, что ея нѣтъ больше на свѣтѣ.

— Почему ты такъ думаешь?

— Прошло тринадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Неужели за эти тринадцать лѣтъ, если бы она была жива, она не нашла бы способа написать мнѣ, или выбратъся оттуда и искать меня? Она же любила меня.

— А, если и она думала такъ же, какъ и ты, что тебя нѣтъ въ живыхъ. У ней то было больше основаній думать, что ты погибъ.

— Можетъ быть... Не надо объ этомъ говорить... И думать о ней... это большая роскошь, которую я не имѣю права позволять себѣ... Смотри, что насъ ожидаетъ... Какая работа! Мнѣ вспоминается жена одного японскаго офицера, самурая. Ея мужъ отправился на войну. Она пошла къ домашнему алтарю и передъ богами открыла себѣ ножомъ животъ. При ней нашли записку, что она поступаетъ такъ, чтобы не мѣшать мужу заботами о ней исполнить свой долгъ передъ Родиной. Я мечтаю... Но я не позволяю себѣ мечтать... Я молюсь... Но я не позволяю думать объ этомъ заслонять главное, то, что нужно для Родины.

Они дошли до широкой просѣки, подъ прямымъ угломъ отъ рѣки углублявшейся въ лѣсъ. Тысячи топовъ стучали, тысячи пилъ скрипѣли тамъ и гомонила много-тысячная толпа рабочихъ. Тамъ рушили лѣсъ и заготовляли бревна не для отправки за границу, но для постройки сносныхъ жилищъ для обитателей бывшей Песковско-Ямской совѣтской каторги.

Ранцевъ показалъ на рядъ пестрыхъ реекъ, провѣсившихъ линію проспекта.

— Смотри... Намъ приходится повторять дѣла Петра Великаго и въ невѣдомой странѣ ставить полковья свѣтлицы... Дѣла такъ много... Русскаго, живого дѣла, что нельзя думать о своемъ, личномъ, какъ бы дорого и мило оно намъ ни было....

IX.

Этотъ край... что это за чудный, прекрасный, здоровый былъ край! Съ какими крѣпкими душистыми, морозными въ началѣ августа ночами и румяными, ясными, долгими зорями, когда точно не торопится народиться солнце и съ какими жаркими подъ низко плывущимъ по небу румянымъ солнцемъ днями.

Когда Ранцевъ подъ зноемъ экваторіальнаго солнца на Россійскомъ острову вглядывался въ громадныя пространства карты, покрытыя, кое-гдѣ блѣдно-зеленой краской и видѣлъ тонкій узоръ, неувѣренно бѣгущихъ къ студеному морю рѣкъ —его воображенію рисовалась тундра, безконечныя равнины, покрытыя замерзшимъ болотомъ, съ низкимъ и ломкимъ голубовато сѣрымъ мохомъ, съ кочками, поросшими жалкими кустиками голубики, съ кое-гдѣ торчащими пахучими деревцами терпкаго въ восковыхъ цвѣтахъ можжевельника, поросли тонкихъ низкихъ карявыхъ съ розовыми стволами березокъ и жидкихъ полярныхъ сѣрыхъ сосенъ. Онъ ожидалъ найти здѣсь рѣдкія становища самоѣдскихъ чумовъ изъ оленьихъ шкуръ, легкія санки съ полозьями изъ мамонтовой кости, запряженныя сѣрыми оленями съ раскидистыми рогами и полное отсутствіе Русскихъ.

Онъ думалъ тогда: какъ же работать?... Кого найдетъ онъ тамъ для созданія Русской арміи?

Онъ вышелъ изъ двухъярусной бревенчатой просторной избы на воздухъ. Маленькій палисадникъ съ деревяннымъ узорнымъ заборчикомъ, съ березами въ золотѣ осенней опадающей листвы отдѣлялъ его отъ пыльнаго немощенаго широкаго тракта. На сѣверъ и на югъ тянулись сѣрые столбы съ двумя проволоками телеграфа. На сѣверъ до самаго океана телеграфъ работалъ, на югъ сообщеніе было прервано. Телеграфъ, телефонъ, радіо, всѣ средства связи съ Совѣтской республикой по распоряженію Ранцева были сняты. Громадный край, больше Европейскаго материка, былъ отрѣзанъ отъ

своего центра. Этотъ край висѣлъ какъ бы на ниточкѣ.

Эта ниточка — широкая и веселая рѣка неслась теперь передъ Ранцевымъ въ низкихъ берегахъ. Подуваль ледяной вѣтерокъ навстрѣчу течению и вздымалъ рѣзвыя волны, покрытыя бѣлопѣнными гребешками. Въ этой пустынной рѣкѣ было нѣчто бодрящее и въ то же время что-то точно неземное, потустороннее. Она напоминала рѣки, описанныя Эдгаромъ Поэ, рѣки фантастическихъ странъ, гдѣ по лугамъ растутъ асфодели и гдѣ время стоитъ неподвижно. Рѣка была широка и глубока. Песчаный берегъ круто уходилъ въ ея прозрачныя зеленыя волны. На немъ лежали камни, гранитные и гнейсовые валуны. Въ ихъ розовыхъ и сѣрыхъ бокахъ, испещренныхъ бѣлыми и черными крапинами кварцевъ, въ пупырышкахъ зеленого мха, выпуклыми подушечками покрывавшихъ ихъ, была какая-то особенная яркость... Противоположный берегъ вздымался крутымъ обрывомъ. На немъ росъ темный безкрайній лѣсъ.

За трактовой дорогой, на берегу, сѣрымъ кружевомъ висѣли повѣшенные на кольяхъ рыболовныя сѣти... Село рядомъ большихъ бревенчатыхъ, похожихъ одна на другую, избъ протянулось вдоль берега. На окраинѣ его была высокая деревянная церковь и погостъ въ пестромъ нарядѣ осеннихъ березъ, рябинъ и осинъ. И, когда смотрѣлъ Ранцевъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, онъ видѣлъ, какъ къ небу тянулись бѣлые дымы другихъ селъ и деревень. Вѣтеръ срывалъ эти дымы, несъ ихъ къ блѣдному небу и съ гуломъ телеграфной проволоки казалось доносился и шумъ бившей тамъ Русской, не совѣтской жизни.

Просторная лодка-баркасъ косила съ того берега. На ней гребли бабы въ пестрыхъ и яркихъ платкахъ и кофтахъ и ихъ веселый и громкій говоръ отдавался на берегу.

Въ избѣ, откуда только что вышелъ Ранцевъ, висѣли портреты «вождей» — идиотская харя Ленина, косматая бородатая морда Карла Маркса, — очень она здѣсь кстати приходилась на бревнахъ Русской избы — и портреты какихъ-то, должно быть, комиссаровъ... Ран-

цевъ приказалъ ихъ снять, протереть стѣны святою водою и повѣсить тѣ иконы, которыя раньше висѣли на этомъ мѣстѣ. Теперь тамъ шумно возились и плескались бабы.

Тройка мелкихъ, но крѣпкихъ и ладныхъ лошадей, звеня бубенцами, подкатила къ крыльцу простую нерессорную телѣгу. Ранцевъ сѣлъ въ нее. Онъ ѣхалъ въ объѣздъ.

— Вы вотъ съ бубенцами, да съ колокольчикомъ, — сказалъ, оборачиваясь къ Ранцеву, мужикъ ямщикъ, а тѣ боялись. Молчкомъ ѣздили, да все съ охраной.

Жизнь кипѣла въ этомъ вдругъ разбуженномъ краю. «Гекторъ», бывшая «Немезида», вмѣстѣ съ совѣтскимъ ледоколомъ стоялъ въ устьѣ рѣки и спѣшно разгружался. Капитанъ Ольсоне надѣялся еще успѣть сдѣлать до ледостава два рейса и привезти все заказанное Ранцевымъ Дрянскому.

Ранцевъ зналъ, что эта Русская жизнь была только вдоль рѣки. Какъ ягоды смородины висятъ на тонкомъ и нѣжномъ зеленомъ стеблѣ, такъ и села и деревни висѣли только вдоль стержня рѣки... Отъ рѣки на тысячу двѣсти верстъ до другой такой же рѣки не было ничего... Или такъ казалось, что тамъ ничего не было? Туда не было ни трактовыхъ, ни проселочныхъ дорогъ. Коегдѣ попадались тамъ самоѣдскіе чумы, небольшія заимки, потомъ все это замыкалось лѣсною и тундровою пустыней, никому неизвѣстной и никѣмъ необслѣдованной.

Ранцевъ леталъ въ этотъ край на аэропланѣ. Въ самой лѣсной глуши онъ нашелъ большія села. Онъ спустился къ нимъ. Бревенчатыя избы хранили вѣковой Петровскій укладъ. Ранцева встрѣтили спокойно и радушно. Предки этихъ людей были еще Петровскими землепроходцами, поселенными мудрою волею Великаго Императора и съ тѣхъ поръ забытыми всѣми. Дороги, протоптанныя ими, заросли лѣсомъ, и никто сотни лѣтъ къ нимъ не ѣздилъ. Поколѣніе смѣняло поколѣніе, внѣшняя жизнь къ нимъ не шла. Эти люди, въ старыхъ Петровскихъ старшинскихъ цѣпяхъ встрѣтившіе Ранце-

ва, ничего не слышали ни о Великой войнѣ, ни о революціи. Они не знали о существованіи желѣзныхъ дорогъ, и культуру они восприняли прямо съ аэроплана. Къ Ранцеву вышли рослые, крѣпкіе бородатые люди въ длинныхъ шубахъ съ высокими воротниками, точно соскочившіе съ картинъ Маковского. Они говорили на старомъ полуславянскомъ языкѣ. Всѣ они были старообрядцы и имѣли свои молельни и своихъ начетчиковъ. Они пригласили Ранцева въ избу, куда онъ просилъ собрать всѣхъ стариковъ.

Какъ длинную, хитрую сказку слушали они въ разсказѣ Ранцева исторію Россіи за два вѣка.

— Вы понимаете, старики, безъ Царя Россіи не быть, — сказалъ въ заключеніе своего разсказа Ранцевъ.

— Какъ не понимать... Вѣстимо, не быть.

— Новому Царю надо войско крѣпкихъ и вѣрныхъ людей. Мнѣ и повелѣно такихъ людей набирать.

— Безъ вѣрнаго войска Царю не быть.... Надо, старики, намъ помочь стать опять Московскому Государству... Порадѣть надо намъ о Москвѣ. — сказалъ старшина.

Старики закивали головами.

— Рекрутовъ поставимъ тебѣ отмѣнныхъ, самъ увидишь какихъ. На медвѣдя въ одиночку хаживали.

Ранцевъ видѣлъ ихъ старыя кремневая ружья и предвкушалъ удовольствіе выдавать имъ новенькія французской работы трехлинейныя винтовки.

Послѣ долгой, спокойной и мудрой бесѣды было постановлено, что эти люди оповѣстятъ и другія, такія же затерянные въ лѣсной глуши села и поставятъ рекрутовъ на «большую рѣку» какъ только выпадетъ снѣгъ и можно будетъ идти на лыжахъ.

— Чтобы намъ отъ долга своего отказываться, никогда того у насъ и въ мысляхъ не было, да вишь ты какъ сложилось, никакая власть къ намъ не пріѣзжала. Годовъ тридцать тому назадъ собаками исправникъ ѣхалъ отъ воеводы главнаго, да не доѣхалъ, волки порвали его. А ты ловко это на какой машинѣ по воздуху прилѣтѣлъ.

Раздавъ подарки старшинамъ и осмотрѣвъ рекрутовъ — на диво былъ народъ, хотя сейчасъ въ гвардію и совсѣмъ нетронутые парни — Ранцевъ полетѣлъ обратно.

Въ этотъ забытый край онъ послалъ экспедицію строить дорогу и установить связь по радіо, чтобы слѣдить за правильной посылкой рекрутъ и поставкой всего нужнаго для войска.

Вернувшись, онъ нашелъ генерала Броневскаго въ хлопотахъ. По всѣмъ селамъ и деревнямъ уже были расквартированы роты. Къ устью были наряжены тысячи подводъ, везли съ «Гектора» обмундированіе, снаряженіе, уставы, пособія и оружіе. По деревнямъ были посланы ремонтеры набирать лошадей для кавалеріи, артиллеріи и обоза. Повсюду шла муштра и ученіе. Тутъ было не до думъ, не до сладостныхъ и печальныхъ воспоминаній и Ферфаксовъ, во всемъ помогавшій Ранцеву, понялъ, какъ былъ правъ Ранцевъ, что не позволялъ себѣ думать о Валентинѣ Петровнѣ.

Не обошлось и безъ наказаній. Кое-кто сидѣлъ въ холодныхъ карцерахъ на хлѣбѣ и водѣ. Человѣкъ десять за коммунистическую пропаганду пошли подъ полевой судъ и на зарѣ были разстрѣляны.

Все это населенію нравилось. И наказанія, и судъ, и разстрѣлъ не вызвали осужденія.

— Нельзя безъ этого. Строгость нужна прежде всего. Люди стали совсѣмъ ни къ чему. Озорные стали люди. Оскотинѣлъ народъ. Нельзя съ ними безъ острастки. Которые изъ комсомольцевъ такъ и совсѣмъ языки распустили. Ты ему слово, а онъ тебѣ десять въ отвѣтъ, а чтобы дѣло какое дѣлать, — тутъ слѣдоваль безнадѣжный жестъ рукою.

Нравилось народу и то, что за прошлое не взыскивали и прошлаго не поминали. Кое-кого изъ вчерашнихъ чекистовъ взяли опять на службу, нашили имъ на погоны «лычки» и они, вспомнивъ былую унтеръ-офицерскую школу, съ усердіемъ и добросовѣстно стали помогать офицерамъ.

Команды, барабанный бой, а вскорѣ и учебная стрѣльба не смолкали по деревнямъ и селамъ.

Не обошлось и безъ войны. Только пока сражались не новыя войска. Совѣтскій центръ, не получая отвѣтовъ ни изъ городовъ, ни изъ селъ, ни изъ каторжныхъ поселеній, послалъ развѣдку. Она погибла по неизвѣстной причинѣ гдѣ-то на трактѣ. Посланы были аэропланы. Они тоже вдругъ вспыхнули въ небѣ и огненнымъ лоскутомъ упали на землю.

Тѣ тридцать прекрасныхъ безшумныхъ аэроплановъ, что вылетѣли въ разныя мѣста Россіи съ Россійскаго острова, были сосредоточены у Ранцева, въ его распоряженія. По всей границѣ были установлены слуховые посты, улавливающіе приближеніе совѣтскихъ летательныхъ машинъ, и прежде чѣмъ аэропланы съ краснымъ кругомъ и серпомъ и молотомъ на крыльяхъ, достигали новаго края, зажившаго такою кипучею жизнью, имъ навстрѣчу вылетали безшумные и быстролетные самолеты Аранова. Управляемые по радіо со слуховыхъ постовъ они легко находили аэропланы большевиковъ, выпускали изъ кормового аппарата летучую мину и взрывали ихъ въ вышинѣ. Занятый Ранцевымъ край былъ совершенно изолированъ отъ Совѣтскаго союза.

На весну въ немъ намѣчалось открытіе порта въ устьѣ той рѣки, гдѣ была каторга. Тамъ спѣшно готовили пристани и молы и туда везли продукты промысловъ этого края: мѣха, медвѣжьи и оленье шкуры, мамонтову кость, рѣчной жемчугъ, мороженое оленье мясо, дичь, рыбу и золото. Тамъ готовила свои торговыя операциі торговая контора, учрежденная Дріянскимъ. Тамъ же ставили и рыбо-копильный и консервный заводы. Готовились жить, ни отъ кого не завися, все приготавливая свое.

Подъ дыханіемъ порядка и свободы мертвый и холодный край оживалъ.

Былъ конецъ октября. Ранцевъ съ Ферфаксовымъ возвращались изъ служебной поѣздки.

Ферфаксовъ высунулъ носъ изъ дохи и повернулъ лицо къ Ранцеву.

— Знаешь; Петръ Сергѣевичъ, сколько сегодня было градусовъ, когда мы выѣзжали изъ Покровскаго?

— Ну...

— Сорокъ ниже ноля.

— Я и не замѣтилъ... Что значить въ напряженной работѣ и вниманіи къ своему дѣлу... Да безвѣтряный морозъ — не морозъ.

Лошади съ заиндевѣлою, закурчавившеюся шерстью бойко бѣжали по крѣпкому промерзшему снѣгу. Зимнія сумерки стыли кругомъ. Вдали показались огни освѣщенныхъ оконъ селенія.

— А тамъ, — помолчавъ, сказалъ Ранцевъ, — на Россійскомъ острову, пожалуй, теперь всѣ сорокъ градусовъ выше ноля, и бѣдный нашъ Ричардъ Васильевичъ томится поди-ка цѣлыми сутками у радіо-аппарата. Пойду сейчасъ порадую его успѣхами организациі Россійскаго войска. Вѣдь мы сегодня смотрѣли первые эскадроны, сформированные здѣсь!...

Х.

Хмурю, іюльскою, безлунною ночью аэропланъ на которомъ летѣли Нордековъ съ Парчевскимъ, приземился на окраинѣ деревни Коломягъ на зацвѣтающемъ картофельномъ полѣ. Нордековъ, Парчевскій и четверо специалистовъ по газовой оборонѣ выпрыгнули изъ кабины и стали вытаскивать ящики и корзины.

— Ну... Храни васъ Господь, — приподнимая авіаторскій шлемъ, сказалъ летчикъ.

— Спасибо... Летите? — сказалъ Нордековъ. Его таки укачало во время полета. На душѣ было невыразимо тоскливо. Жуткій страхъ охватилъ его. Онъ съ трудомъ сдерживалъ волненіе. Зубы ляскали по зубамъ.

— А какъ же. Оборони Богъ, не увидалъ бы кто.

Аэропланъ дрогнулъ и безшумно взмылъ къ темно-

му въ дождевыхъ тучахъ небу. Шестъ человекъ остались на полѣ.

Они оглядѣлись. Тихая, полная тумана, точно настороженная ночь была кругомъ. Картофельное поле полого спускалось въ неглубокій оврагъ. Надъ головами было черное небо. Вдали въ немъ отражалось розовое зарево огней Петербурга. Въ воздухѣ было холодно и сыро — вотъ вотъ полетѣтъ дождь.

Парчевскій, — онъ видѣлъ, что Нордековъ еще не пришелъ въ себя и не можетъ распоряжаться, — послалъ двоихъ на развѣдку, поискать какую - нибудь крышу. Прошло около часу. Наконецъ раздались осторожные шаги.

— Вы, Голубевъ? — окликнулъ подходившаго Парчевскій.

— Я, господинъ полковникъ. Пожалуйте, идемте.

— Я останусь при вещахъ. Георгій Димитріевичъ пойдетъ съ вами.

— Не извольте беспокоиться. Вотъ они и наши люди. Они все заберутъ.

Накрапывалъ дождь. По мокрой картофельной листвѣ, спотыкаясь о гряды, спустились въ оврагъ, перешли его и на другой сторонѣ увидали, какъ сквозь доски большой риги просвѣчивалъ свѣтъ дорожнаго электрическаго фонарика.

— Помѣщеніе хоть куда, пока другого въ городѣ не присмотримъ, — сказалъ, оглядывая чистую пустую ригу, Парчевскій. — Видно не все еще товарищи растащили. Вы куда же, Голубевъ?

— Я пойду съ Карнеевымъ лучевыя завѣсы поставлю, моторъ установлю. Вамъ покойнѣе будетъ, а Ломовъ съ Дубровниковымъ вамъ койки поставятъ, да чайку согрѣютъ.

При свѣтѣ одинокой свѣчи, вставленной въ дорожный подсвѣчникъ, ужинали. Мѣрный и крупный обложной дождь барабанилъ по тесовой крышѣ. Въ углу протекало. Тамъ лилась тонкая струйка воды и звенѣла съ тихою грустью въ накопившейся лужицѣ.

— Ну что-то Богъ завтра дастъ, — потягиваясь, ска-

залъ Парчевскій, — вѣдь я родился и выросъ здѣсь, Георгій Димитріевичъ. Въ Саперномъ переулкѣ моя Родина. Найду ли я свой домъ?... Какъ странно, странно... «Опять на Родинѣ... Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ отшельникомъ три года незамѣтныхъ». Помните, Георгій Димитріевичъ, у Пушкина... «Здравствуй племя, младое, незнакомое»... Какое-то племя насъ завтра встрѣтитъ?... Боже мой!... Коломяги!... Сколько лѣтъ дѣтьми мы проводили здѣсь на дачѣ. Кажется, вчера выѣхалъ только. И паркъ Орлова Денисова помню съ его озерами и бѣлыми лодками, и дворецъ съ пушками, отнятыми у французовъ въ двѣнадцатомъ году и танцульку съ полукруглой раковиной для музыкантовъ... Кажется, вчера танцевалъ я тамъ съ розовенькими гимназисточками вальсъ и польку... А теперь вотъ ни вальса, ни польки никто и не танцуетъ. И тамъ же подлѣ площадки по кустамъ и лужайкамъ играли мы весело въ «казаки и разбойники».

Ломовъ, разставлявшій койки, прислушался къ тому, что говорилъ Парчевскій, поднялъ голову и сказалъ:

— Въ игрѣ этой, господинъ полковникъ, помните, былъ «домъ» и кто добѣжалъ до дома, того уже и «пятнать» нельзя. Вотъ и у васъ такой домъ будетъ.

— Да, добѣжать бы только, — съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ Нордековъ. Онъ послѣ выпитаго чая отошелъ немного. — Что же, господа, будемъ ложиться. Утро вечера мудренѣе.

— Штрафъ, господинъ полковникъ, — сказала Ломовъ. — Эка вы «господъ» вспомнили. Въ Ленинградѣ-то!

— Вы тоже хороши. «Господинъ полковникъ»!

— Да уже, простите, больно противно «товарищемъ» васъ называть.

— Вотъ какъ обернулось, за каламбуръ можно посчитать. Хорошо, если «господинъ полковникъ» не обидится.

— Ну, полноте, — смутился Ломовъ.

— Такъ кѣмъ же мы будемъ? — зѣвая, сказала Парчевскій, стягивавшій съ ногъ сапоги.

— Думаю, какъ придется, — залѣзая въ кожаный мѣшокъ, сказалъ Нордековъ. — И казаками и разбойниками. А пріятно, знаете, устроить и себѣ тоже своего рода экстерриториальность... Совсѣмъ я теперь въ родѣ какого-то совѣтскаго полпреда оказываюсь. Ну-ка, товарищи, суньтесь!

— Боюсь, что погибнуть просто невинные дачники. Пойдутъ по грибы, попадутъ вотъ подъ этакій дождеще, кинутся къ ригѣ, а ихъ тутъ Голубовъ своими газами и прихлопнетъ.

— А какъ же иначе, — лѣнивымъ барскимъ голосомъ проговорилъ Нордековъ. — Пустика ихъ сюда!.. Мигомъ донесутъ. Вѣдь одна такая жестянка — онъ показалъ на жестянку съ французскимъ печеньемъ, — къ стѣнкѣ и никакихъ гвоздей!..

— Гдѣ лѣсъ рубятъ — щепки летятъ, — сказалъ спокойно Парчевскій.

— Мы, товарищъ, «капучій» не пустимъ. Зачѣмъ? Увидимъ — дачники, ну и пустимъ «смѣхачъ». Пусть немного посмѣются, а то, говорятъ, здѣсь люди и смѣяться совсѣмъ разучились, — сказалъ Ломовъ.

— Кто у аппарата? — спросилъ Нордековъ.

— До четырехъ часовъ Голубовъ, послѣ я.

— Не проспите?

— Не беспокойтесь, «товарищъ». Я во время полета, почитай, все время спалъ.

— А я никакъ не могъ, — жалобно изъ-подъ одѣяла сказалъ Нордековъ. — Меня совсѣмъ укачало. И сейчасъ голова трещитъ, какъ послѣ большого загула... Ахъ, было времячко, гуливали мы таки на маневрахъ подъ этимъ самымъ Санктъ-Петербургомъ.

— А странно опять вотъ эдакъ заснуть въ ригѣ подъ самымъ Петербургомъ. Точно и правда на маневрахъ. И дождь какой родной! Шумитъ, миляга. Какое все родное: — Коломяги, а тамъ Шувалово и лѣсъ... Тамъ дальше Парголовскія высоты — Петербургская Швейцарія, Левашово, Токсово и повернуть назадъ — Мурино, Ручьи, Гражданка и Лѣсной... Боже мой, Боже

мой, неужели завтра я увижу эти мѣста? Завтра въ Петербургѣ?... Засну ли я?... Сколько воспоминаній!

— Спокойной ночи, — сказалъ Нордековъ.

— Спокойной ночи, — отвѣтилъ Парчевскій.

Ломовъ погасилъ свѣчу и вышелъ изъ риги. Онъ сталъ подъ краемъ крыши. Ночь была темна. Ни зги не было видно. Кругомъ шумѣлъ холодный, обложной Санктъ-Петербургскій дождь.

XI.

Къ утру дождь пересталъ. Серебристый туманъ стлался надъ землею. Едва свѣтало, когда всѣ спавшіе въ ригѣ встали, вернувшійся съ поста Голубовъ сготовилъ чаю, всѣ обрядились въ костюмы для развѣдки.

— Н-да, кавалеры... Въ такихъ на *avenue de l'Oréga* самое мѣсто, — сказалъ, оглядывая свои босыя ноги въ опоркахъ, Парчевскій.

— Молодчина все-таки этотъ Дріянскій, здорово обрядилъ насъ, — сказалъ Нордековъ. — Я и бороду, какъ сѣлъ на аэропланъ, такъ и не брилъ. Парчевскій, дай-ка зеркало. Поди, хорошъ.

— Настоящій совѣтскій гражданинъ, буржуемъ ничуть не пахнетъ.

Парчевскій вышелъ изъ риги.

— Какъ странно быть безъ галстуха... Глупая привычка. А какъ-то будто неловко.

Онъ потянулъ носомъ.

— Какой воздухъ!.. Не даромъ сказалъ Карамзинъ: — «Родина мила сердцу нашему не мѣстными красотоми, не благодатнымъ климатомъ»...

— Да ужъ климатъ. Селедка пять копѣекъ, — сказалъ Голубовъ.

— Хорошо, товарищъ, кабы такъ. Поди хорошей-то селедки только въ магазинѣ для интуристовъ и най-

дешь, а намъ теперь переходи на положеніе лишенцевъ, клади зубы на полку.

Туманъ густѣль, садясь на землю. Студеная роса холодила лицо.

Парчевскій провелъ ладонями по щекамъ.

— Роса-то душистая какая! И умываться не надо.

— Что вы, — сказалъ вышедшій изъ риги спеціалистъ по газамъ Дубровниковъ. — Да какой же совѣтскій гражданинъ когда умывается.

— Да привыкать надо къ «тутѣшнимъ» порядкамъ. Это не отель «модернъ» съ проведенной холодной и горячей водой, съ газомъ и электричествомъ. Теперь станемъ жить по Зоценкѣ.

На ихъ глазахъ точно съѣдало туманъ. Онъ осыпался мелкимъ дождикомъ. Наверху вдругъ открылись голубые просторы и брызнуло оттуда золотыми слѣпящими глаза солнечными лучами. Внизу пелена тумана была еще густа и надъ ея поверхностью, точно на сѣромъ, спокойномъ морѣ плыли дачныя крыши, верхушки кудрявыхъ березъ, палисадниковъ и «линій» Коломягъ.

Когда Парчевскій и Нордековъ дошли до деревни, они разстались. У cadaго была своя задача, своя явка. По одиночкѣ казалось безопаснѣе, да и если погибнетъ, попадетъ, — попадетъ одинъ, а не два. У cadaго на такой случай было въ боковомъ карманѣ механическое вѣчное перо, которымъ ихъ снабдилъ профессоръ Вундерлихъ. Это «стило» было дешеваго, совсѣмъ «совѣтскаго» вида. Оно было сдѣлано по образцамъ, полученнымъ отъ «акціонернаго общества» «Международная книга», фабрики «Союзъ». Въ немъ было сдѣлано особое приспособленіе и, если нажать пружинку, то на того, кто вздумалъ бы арестовать кого-нибудь изъ нихъ, найдеть, примѣрно, на полчаса столбнякъ, онъ потеряетъ способность соображать что-либо и двигаться. А за полчаса можно быть далеко.

Парчевскій, огибая Удѣльный паркъ, пошелъ по Маріинской улицѣ къ Финляндской желѣзной дорогѣ. Онъ рѣшилъ ѣхать поѣздомъ. Нордековъ бодро шагаль

по Коломяжскому шоссе къ Новой деревнѣ... Совѣтскія опорки ловко сидѣли на босой ногѣ — хорошо ихъ пригналъ Нифонтъ Ивановичъ на Россійскомъ островѣ, — ноги сами шли. Волненіе бурлило кровь. Все тѣло стало напряженнымъ и сильнымъ, голова работала съ поразительною ясностью.

Маленькія таратайки, запряженныя пузатыми съ сѣннымъ брюхомъ чухонскими лошадьми обгоняли Нордекова. Коломяжскія крестьянки везли въ жестяныхъ кувшинахъ молоко въ городъ. Онѣ были такія же какъ ихъ съ дѣтства помчилъ Нордековъ. На тонкихъ и широкихъ дугахъ тихо позванивали колокольчики. Изъ-подъ пестрыхъ потрепанныхъ платковъ сурово смотрѣли загорѣлыя красныя лица.

Нордековъ перешелъ Строгановскій мостъ, пересѣкъ Каменный островъ и вошелъ на улицу «Красныхъ зорь». Нева синѣла и золотыми искорками горѣли ея маленькія волны, поднимавшіяся отъ набѣгавшаго вѣтерка. По рѣкѣ скользили шлюпки. Полуголые молодые люди въ трусикахъ гребли на нихъ мѣрчо и сильно, спортивнымъ, любительскимъ ритмомъ. Надъ рѣкою съ Коломяжскаго аэродрома пролетѣлъ аэропланъ. Первые трамваи — 2-й и 31-й номера обогнали Нордекова. Онъ не рискнулъ сѣсть въ нихъ. Они были биткомъ набиты людьми. Люди стояли на площадкахъ и на ступенькахъ. Городъ просыпался. Совслужащіе спѣшили по мѣстамъ.

Нордековъ шелъ по хорошо знакомому проспекту. Какъ и раньше дома стояли тѣснымъ рядомъ. Кое-гдѣ пооблупилась штукатурка, но окна блестѣли на солнцѣ, и, казалось, за ними былъ тотъ Петербургскій уютъ и тепло, которые такъ любилъ Нордековъ. Сердце щемило воспоминаніями. Здѣсь познакомился онъ съ Лелей Олтабасовой и здѣсь протекла ихъ нѣжная и горячая любовь. По этому проспекту, по этой мостовой, мимо этихъ домовъ, онъ ѣздилъ съ ней на лихачѣ. Онъ вспомнилъ ихъ медовый мѣсяцъ и уютные завтраки на Каменномъ островѣ у Куба-Фелисьена. Да, все это было, но какъ будто и есть. Не такимъ представлялъ себѣ

Петербургъ Нордековъ по эмигрантскимъ газетамъ. Ему казалось, что онъ долженъ идти между разломанныхъ домовъ, съ разбитыми стеклами, по улицамъ пустынно мертвымъ, гдѣ нѣтъ никого и гдѣ изъ-за каждаго угла смотритъ смерть. Ничего этого не было. Городъ жилъ утренней жизнью, какъ жили и другіе европейскіе города. Немного острѣе былъ запахъ помоевъ, грязнѣе троттуары, и на мостовой вѣтеръ сушилъ вчерашнія лужи.

Молодой человѣкъ съ открытымъ улыбающимся лицомъ, въ рубашкѣ безъ галстука, въ пестрыхъ въ полосу штанахъ, съ книгами подъ мышкой, безъ шляпы, стриженный по модѣ, какъ и его Мишель Строговъ стригся, на темени кустъ торчащихъ волосъ и бритые виски шелъ, направляясь прямо на Нордекова.

— Гражданинъ, скажите, какъ пройти на улицу товарища Скороходова?

Нордековъ остановился. Недоумѣніе было на его лицѣ. Студентъ?... Нордековъ привыкъ видѣть студентовъ въ формѣ, быть можетъ, и бѣдно, но опрятно одѣтыхъ, этотъ... Кто онъ? И вспомнилъ — Вузовецъ.

— Можетъ, не знаете, раньше была Большая Монетная?

Нордековъ совсѣмъ смутился. Онъ прекрасно зналъ, гдѣ была Большая Монетная. Пройти еще шаговъ пятьсотъ и проспектъ пересѣчетъ эта улица. Но признать, что онъ знаетъ Большую Монетную и не знаетъ улицы «товарища Скороходова», — показать, что онъ пріѣзжій. Въ каждомъ встрѣчномъ Нордековъ видѣлъ агента Гепеу, шпіона, доносчика. Кто этотъ веселый молодой человѣкъ съ быстрыми насмѣшливыми глазами? Дѣйствительно Вузовецъ, или... Нордековъ уже взялся за стило.

— Не знаю, гражданинъ, не знаю-сь, — быстро сказалъ онъ.

«Приподнимать каскетку или нѣтъ», — мелькнуло въ головѣ. «Провалился... пропалъ... Первый блинъ комомъ», — думалъ онъ и не зналъ, что же дѣлать, но Вузовецъ быстро кинулъ:

— Извиняюсь, — и пошелъ дальше.

«Вотъ она и Большая Монетная, а вѣдь тотъ молодой человекъ идетъ въ противоположную сторону. Позвать его?.. Нѣтъ, онъ уже далеко. Чего добраго завяжется разговоръ, ну и влипну»...

На углу стояла желѣзная тумба для окурковъ и бумагъ. Шестъ съ вывѣской, гдѣ было написано: — «улица имени тов. Скороходова» и указатель номеровъ домовъ торчалъ сбоку. Совсѣмъ какъ въ Берлинѣ!

Солнце пригрѣвало. Отъ мокрыхъ асфальтовъ поднимался прозрачный паръ. Нордековъ выбрался на Невскій. Здѣсь было чище. Кое-гдѣ яркая раскраска домовъ и громадныя аляповатыя въ кубистическомъ стилѣ наклеенныя афиши на круглыхъ будкахъ рѣзали глазъ, но это былъ тотъ же Невскій, какимъ зналъ его Нордековъ. Онъ читалъ вывѣски. «Промбанкъ», «Ленинградскій коммунальный банкъ», «Ленинградское соединенное общество взаимнаго кредита»... Какъ-то не совмѣщалось это съ представленіемъ о государствѣ, гдѣ капиталъ отмѣненъ. Въ окнахъ книжнаго магазина были разложены книги. Нордековъ остановился передъ ними. Надъ магазиномъ была вывѣска: «Рабочее издательство «Прибой». Нордековъ зналъ эти книги. Ястребовъ показывалъ и заставлялъ учить ихъ. «Библіотека для всѣхъ», «Ленинская библіотека», «Коммунистическій Университетъ на дому», «Ленинскій Комсомоль», «Искра»... Все это за зеркальнымъ стекломъ магазина показалось Нордекову особенно внушительнымъ. Нордековъ отошелъ отъ окна и посмотрѣлъ еще разъ на Невскій. Онъ былъ все тотъ же милый, родной Невскій. Такой, какъ былъ во времена воспѣвшихъ его Пушкина и Гоголя. И каланча надъ Думой и вдали, надъ зеленою полосою Александровскаго сада, Адмиралтейская игла съ золотымъ корабликомъ. Панели Пудожскаго камня, асфальтовые троттуары и перевернутый для ремонта торецъ, съ рогатками по сторонамъ. Звонили трамваи. Они неслись цѣлою чередою: 12-й, 23-й, 14-й и 7-й. Все было какъ и прежде.

Нѣтъ, это только такъ казалось. Городъ остался. Дома остались, трамваи остались, но былъ городъ точно

завоеванъ непріятелемъ. Толпа на Невскомъ была не та. Нордековъ долго подбиралъ сравненіе. Точно пожаръ выгналъ на улицу обитателей гостинницы, и они выскочили, кто во что успѣлъ одѣться. Пожилой человекъ съ пухлымъ, бритымъ актерскимъ лицомъ шелъ навстрѣчу. На немъ была рубашка, желтоватые, просторные штаны съ помочами и обнаженная лысая голова. Онъ шелъ медленно. Его костюмъ не стѣснялъ. Какъ не стѣснялъ онъ никого здѣсь. Блузки, небрежно подоткнутыя подъ юбки, короткія платья, мало кто изъ женщинъ былъ въ чулкахъ, мало кто въ шляпкѣ, какъ и мужчины — большинство безъ шляпъ. Во всѣхъ какое-то «опрощеніе», какое-то «наплевательство» надъ костюмомъ и модой и будто вызовъ самимъ приличіямъ. Бѣдность? Нѣтъ, не только бѣдность, но и умыселъ. И такъ это было странно видѣть въ Державномъ, всегда такомъ подтянутомъ Петербургѣ!

Встрѣчались и красноармейцы и, должно быть, курсанты. Они казались щеголевато и хорошо одѣтыми. Но когда взглянулъ въ нихъ Нордековъ, онъ понялъ, что они только к а з а л и с ь хорошо одѣтыми, казались на фонѣ этой грязной и бѣдной толпы. Ихъ смятыя фуражки съ небрежно пришпиленной красной звѣздой, ихъ шаровары съ уродливыми «бриджами», пузатыми на короткихъ нестройныхъ ногахъ, ихъ плохо одернутыя рубашки и грубый ремень: все это было низко-сортное и отнюдь не щегольское.

Вдали, какъ видѣніе прошлаго, какъ призракъ стараго Петербурга, шла старуха. На ней была большая старомодная черная шляпа, длинная юбка спускалась до самыхъ носковъ. Тонкій, горбатый носъ на блѣдномъ, цвѣта слоновой кости лицѣ заострился, какъ у мертвеца, голодныя складки легли вдоль щекъ. По нимъ шли нездоровыя коричневые пятна... Человекъ, несшій передъ нею корзину сливъ, обронилъ одну и она упала въ грязь и разбилась. Старуха быстро оглянулась и, хищнымъ движеніемъ нагнувшись, подобрала и спрятала сливу въ рукавъ. Дѣвушки съ молодыми людьми увидели ея движеніе. Они злобно покосились на старуху, ос-

калили молодые крѣпкіе зубы и скуластая дѣвица съ гадкой усмѣшкой крикнула на всю улицу:

— Поди изъ графьевъ какихъ!... Барыня была!... По-бируха старая!..

Вся компанія захохотала.

Ее, этотъ призракъ стараго, умершаго Петербурга они только терпѣли. Они — завоеватели!... Строители новой, прекрасной жизни!

Нордековъ вспомнилъ, какъ однажды сказалъ его сынъ, Шура, его тещѣ, что людей старше шестидесяти лѣтъ надо усыплять... Эту не усыпили... Ей дали жить... Но... какъ!!.

Холодные струи побѣжали по спинѣ Нордекова. Стало страшно. Онъ ускорилъ шаги. Думскіе часы показывали приближеніе часа, когда еще на Россійскомъ острову было условлено свиданіе съ мѣстнымъ «братомъ Русской Правды»...

ХП.

Было воскресенье. Въ церкви, куда вошелъ Нордековъ, шла литургія. И тутъ было не то, чего ожидалъ Нордековъ. Церковь не была полна. Она не «ломилась» отъ молящихся, но она и не была пуста. И не были въ ней только старики и старухи. Много было и молодежи, Вузовскаго и рабочаго вида. Стройно и хорошо пѣлъ маленькій хоръ изъ восьми челоуѣкъ. Старый священникъ служилъ съ умиленною вѣрою.

Обѣдня приходила къ концу. Причетникъ вынесъ маленькую скамеечку — будетъ колѣнопреклоненная молитва. Кто опустился на колѣни, кто остался стоять. Нордековъ не преклонилъ колѣнъ: — такъ легче оглядѣть прихожанъ.

На священникѣ старыя, очень потертыя ризы. Онъ съ большими страдающими, изступленными глазами, не-

ровной торопливой походкой прошелъ на середину храма.

— «О, премилосердный, всесильный и человѣколюбивѣйшій Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, Церкви Зиждителю и Хранителю», — началъ онъ въ мертвой молитвенной тишинѣ храма. Чуть раздались вздохи и кто то едва слышно всхлипнулъ.

— «Воззри благосерднымъ окомъ Твоимъ на сію люто обуреваемую напастей бурю.

«Ты бо реклъ еси, Господи: «Созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ Ю».

Нордековъ чувствовалъ старый, такъ привычный «церковный» запахъ кругомъ. Этому запаху воска, лампаднаго масла и ладана — вѣка. Онъ вошелъ и впитался въ самыя стѣны. Онъ точно отгѣнялъ и усиливалъ слова, такъ сильно звучавшія на славянскомъ языкѣ и по старинному говорившія о близкомъ, сегодняшнемъ.

— «Помяни обѣщаніе Твое не ложное: — «Се Азь съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка», — со знойною, страстною вѣрою выкрикнулъ священникъ.

«Буди съ нами неотступно, буди намъ милостивъ, — молитъ Тя многострадальная Церковь Твоя, — укрѣпи насъ въ правовѣрїи и любви къ Тебѣ, благодатію и любовію Твоею заблуждающіе обрати, отступльшіе вразуми, ожесточенные умягчи.

«Подаждь, Господи, во власти сущимъ разумъ и страхъ Божій и вложи въ сердца ихъ благая и мирная о Церкви Твоей.

«Всякое развращеніе и жизнь, несогласную христіанскому благочестію, направи. Сотвори, да вси свято и непорочно поживемъ, и тако спасательная вѣра укоренится и плодоносна въ сердцахъ нашихъ пребудеть.

«Не отврати Лица Твоего отъ насъ, не до конца гнѣвающійся Господи. Воздаждь намъ радость спасенія Твоего.

«Всяку нужду и скорбь людей Твоихъ, огради насъ всемогущею силою Твоею отъ напастей, гоненій, изгнаній, заключеній и озлобленій, да Тобою спасаеми, достигнемъ пристанища Твоего небеснаго и тамо съ Лики

чистѣйшихъ небесныхъ силъ прославимъ Тебѣ, Господа и Спасителя Нашего со Отцомъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ»...

Во время чтенія этой новой и показавшейся Нордекову необычайно смѣлой молитвы, онъ разсмотрѣлъ пожилого человѣка, стоявшаго у иконы Божіей Матери на колѣняхъ. Онъ былъ въ свѣтлыхъ штанахъ, въ темной рубашкѣ и башмакахъ на босу ногу. Такъ онъ и былъ описанъ Ястребовымъ на Россійскомъ острову.

Священникъ вышелъ читать заамвонную молитву. Молящіеся начинали выходить. Нордековъ подошелъ къ образу Божіей Матери и опустилсѣ на колѣни подлѣ человѣка въ темной рубашкѣ. Тотъ искоса взглянулъ на Нордекова и согнулся въ земномъ поклонѣ. Въ тотъ же мигъ изъ за ворота его рубашки выскочилъ небольшой темный крестъ. Нордековъ успѣлъ увидѣть — «братскій крестъ». Незнакомецъ поспѣшно спряталъ его за пазуху.

Все шло, какъ по писанному. Это ободрило Нордекова. Онъ нагнулся къ полу и прошепталъ:

— Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ.

Незнакомецъ не дрогнулъ, что называется «и ухомъ не повель». Онъ сталъ еще сильнѣе креститься и съ страстнымъ надрывомъ, истово, склоняясь въ земномъ поклонѣ, въ молитвенномъ экстазѣ довольно громко сказалъ:

— Господи, спаси Россію!

И сейчасъ же, не глядя на Нордекова всталъ съ колѣнъ и пошелъ изъ церкви. Нордековъ пошелъ за нимъ. Онъ нагналъ его на улицѣ идущимъ съ низко опущенной головой. Они свернули въ переулокъ. Тутъ было безлюдно. Человѣкъ въ темной рубашкѣ повернулся лицомъ къ Нордекову и быстро и нервно бросилъ:

— Давайте!

Нордековъ подаль ему отрѣзокъ игральной карты съ кривымъ завиткомъ. Незнакомецъ сличилъ его съ достаннымъ имъ изъ кармана другимъ отрѣзкомъ карты, облегченно вздохнулъ и сказалъ:

— Пойдемте вмѣстѣ. Только не въ ногу. Вы идите своимъ шагомъ... Я пойду частымъ. И пока молчите.

Такъ прошли они долго, избѣгая большихъ улицъ, и вышли, наконецъ, на набережную Невы. У гранитной скамьи на полукругломъ выступѣ, гдѣ никого не было и вообще мѣсто было тихое незнакомецъ предложилъ Нордекову сѣсть.

— Не устали? Мы то привыкли ходить. Бѣгунами сдѣлались. Ничего что на камнѣ?... Говорять не хорошо, да мѣсто за то тихое. И мильтонъ далеко.

Передъ ними были запущенныя зданія большихъ дворцовъ. Сзади тихо плескала Нева. Свѣжій вѣтерокъ набѣгалъ съ моря. Чѣмъ то роднымъ и милымъ вѣяло отъ него Нордекову. Вдали немолчно шумѣлъ и греготалъ городъ... Родной городъ Санктъ-Петербургъ, или хужой — Ленинградъ?

ХІІІ.

— Ну что, посмотрѣли нашу столицу?... Прекрасную нашу Сѣверную Пальмиру, — началъ незнакомецъ. — Уже маленькаго, поверхностнаго взгляда достаточно, — вы вѣдь не интуристъ, — сами Петербуржецъ, такъ поймете что это такое!... Сумасшедшій домъ!... Въ немъ еще кое-гдѣ бродятъ призраки... Тѣни прошлаго... Ихъ мало... Этого прошлаго, какъ огня боятся... Его — не было. Понимаете, ни Николая Второго, ни Александровъ, ни Екатерины какъ бы не существовало. Они только Петра I кое какъ допускаютъ. Они его революционеромъ считаютъ, тоже въ родѣ какъ бы большевикомъ. А впрочемъ вообще то у нихъ исторія съ «октября» начинается. «Рысыфысыры», а потомъ эти самые совѣты. Больше ничего. Какъ поется у насъ: — «во и во, ну и больше ничево»... Такъ имъ старики то эги самые вотъ какъ еще опасны. Они помнятъ, а помнить теперь запрещено. У насъ — молодежь. Она ничего не знаетъ, ничего не видала. Тѣ, кому было три года, когда пришла эта самая совѣтская власть. Вотъ эти то и есть самые ихъ горячіе поклонники. Что они видали?

Они, какъ прозрѣли — увидали себя въ совѣтской школѣ второй ступени. Они учились въ холодныхъ классахъ, гдѣ замерзали чернила, учились безъ пособій, учебниковъ, безъ тетрадей, часто безъ карандашей. Въ молодые годы я бывалъ въ Китаѣ. Я видалъ тамъ такія же школы. Голодные китайчата въ холодной фанзѣ хоромъ повторяли за учителемъ какія то фразы... Такъ вотъ тогда это въ Китаѣ было нормально и никого не удивляло. Здѣсь это удивляетъ только насъ, старыхъ людей, — молодымъ это такъ же нормально, какъ китайцамъ нормальной казалась ихъ холодная школа. Потомъ Вуз'ы... Голодное и холодное существованіе въ уплотненныхъ квартирахъ, или еще того хуже въ общежитіяхъ. Это, гражданинъ, каторга. Принудительно жить въ тѣснотѣ, валяться на однихъ постеляхъ съ людьми, съ которыми ничего общаго не имѣешь — это же, повторяю, самая жестокая каторга. Притомъ самая лютая классовая ненависть между ними. Молодые люди и дѣвушки живутъ вмѣстѣ, любовь, ревность, страсть выкинуты изъ ихъ обихода — буржуазные предрасудки!... Одинъ «актъ», или, какъ съ жестокимъ остроуміемъ, съ каторжнымъ остроуміемъ, сказалъ нашъ совѣтскій писатель: — «стаканъ воды»... Адъ!

— Какъ должны въ этомъ аду ненавидѣть большевиковъ, — сказалъ тихимъ голосомъ Нордековъ.

— Вы думаете? — незнакомецъ прищурилъ глаза и острымъ, непріятнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Нордекова. — У васъ сигареты навѣрно имѣются?... Поди еще и съ заграничнымъ табачкомъ... Угостите по přátельски. А то мнѣ эти наши «Тракторы», «Совѣты» да «Пушки» 25 штукъ — сорокъ копѣекъ до тошноты надоѣли. Только горло дерутъ... А когда то славились табачкомъ, между прочимъ... Богдановскія, Месаксуди... Да было! Было же!

Онъ долго и со вкусомъ раскуривалъ предложенную Нордековымъ папиросу, потомъ продолжалъ съ жуткимъ спокойствіемъ, такъ не отвѣчавшимъ смыслу его рѣчи.

— Ненавидятъ всякую власть. И чѣмъ благороднѣе, выше, доступнѣе, скажемъ — красивѣе она, — тѣмъ

болѣ лютой ненавистью ее ненавидятъ. Нашего прекраснаго Государя Императора, которому клялись въ «безпредѣльной преданности», котораго «обожали» — умѣли еще и какъ! ненавидѣть... Охотились за нимъ.

— Особые люди. Не тѣ, кто обожалъ его.

— Нѣтъ, гражданинъ, тѣ же самые люди. Потому что онъ — власть! Потому что онъ — Государь... Вотъ поэтому онъ слишкомъ двѣсти лѣтъ взять подъ подозрѣніе и облѣплень самую гнусною клеветой... Что, — вскрикнулъ незнакомецъ, — точно боялся, что Нордековъ возразитъ ему, — неправда?!... Кто всякія гнусности писалъ и съ кафедры говорилъ про Домъ Романовыхъ?... Профессора, историки, публицисты, адвокаты... Эти «безпредѣльно преданные» благоговѣли передъ Герценомъ, Крапоткинымъ, Чернышевскимъ... Самые лучшіе наши поэты и писатели не прочь были изъ подъ полы написать гадкіе стишки, сказать гнусность!... А вѣдь ядъ то ея остается. Сто съ лишнимъ лѣтъ благоговѣли передъ мужикомъ, ходили въ народъ... На демократію молились: Соціализмомъ смѣнили христіанство. Вспахали и удобрили ниву и бросили въ нее сѣмена. Теперь — собирайте урожай... Наша молодежь свою совѣтскую власть обожаетъ. Тоже — «безпредѣльно ей предана». Молодежь воспитана въ слѣпотѣ и она слѣпа. Что говорить слѣпорожденному о красотѣ природы и объ игрѣ красокъ на солнечномъ лучѣ — онъ не пойметъ вашихъ восторговъ...

Незнакомецъ притушилъ папиросу о гранитный папаетъ набережной и послѣ нѣкотораго молчанія тихо и очень сердечно сказалъ:

— Вы присланы, чтобы поднять здѣсь возстаніе... Вывести народъ на улицу...

Нордековъ не отвѣчалъ.

— Я понимаю ваше молчаніе... Цѣню его... И крестъ Братскій вы на мнѣ видали... За этотъ крестъ, если найдутъ — разстрѣливаютъ... И отрѣзокъ карты я вамъ предъявилъ и все со мною вышло, какъ вамъ сказали тамъ, гдѣ дали явку на меня, а вы все не вѣрите. Правильно... Что жъ и я бы такъ же поступилъ... Здѣсь самому себѣ иной разъ не вѣришь... А вдругъ встанешь,

да и пойдешь самъ на себя доносить, потому что надоѣсть скрываться.

— Нѣтъ, помилуйте... Отчего же, — какъ то смущенно заговорилъ Нордековъ. — Но, согласитесь, вашъ вопросъ... Здѣсь... Меня прямо огорошилъ...

— Ахъ да... Мильтонъ недалеко... И Гороховая, не за горами... А гдѣ же говорить то?... Возстаніе?... Вы хотите заставить потечь рѣку снова по тому же руслу. Студенты, массовки... Рабочіе, митинги!... Армія, безпорядки... И надъ всѣмъ, какъ руководитель — интеллигенція!... Либералы, народовольцы, нигилисты, социалисты, большевики!... Н-да... Задача. Прежде всего интеллигенціи — нѣтъ... Была, да вся вышла. Выведена въ расходъ... Съ «бѣлой» арміей ушла за границу, убита, забита, загнана въ тар-тарары. А кто остался изъ этихъ «соціалистовъ», пошелъ съ ними. И какъ было ему не пойти? Онъ воспитывался въ ненависти и презрѣніи къ религіи — большевики ему дали воинствующее безбожіе. Онъ ненавидѣлъ Императорскую власть — ему преподнесли такую ненависть, какая ему и не снилась въ самыя злыя минуты его жизни. Онъ презиралъ и не любилъ Россію, ну такъ вотъ ея нѣтъ, вы понимаете, это выдумать надо: — нѣтъ Россіи!... Слышите, ни Россіи, ни Русскихъ нѣтъ, есть — Совѣты и есть совѣтскіе... Какъ же этимъ то такую власть не обожать? У насъ не только совѣтскій патріотизмъ, у насъ самый махровый совѣтскій шовинизмъ...

— А кровь?... Какъ же они, въ большинствѣ Толстовцы и непротивленцы, переварили всю большевистскую кровь, — сказалъ съ убѣдительною силою Нордековъ.

— Ахъ, кровь?... Но ему давно вдолбили въ голову, что при Царскомъ правительствѣ въ сто разъ было больше крови, разстрѣловъ, пытокъ, казней и мученій, въ сто разъ больше крови лилось. Открыли архивы и доказали, понимаете, доказали, что это такъ... Не забудьте, что тутъ такая ложь, такая клевета, какой и самъ чортъ не придумаетъ. И голодъ и нищета при «Царизмѣ» были въ сто разъ хуже!... Попробуйте сказать, что это неправда. Кто скажетъ?... Все боится, все «без-

предѣльно предано»... Въ прежнее время все начиналось со студента. Кажется это въ «Бѣсахъ» я читалъ, какъ «отъ Москвы и до Ташкента вся Россія ждетъ студента». Вы были студентомъ?

— Не имѣлъ такой чести.

— Значить изъ юнкеровъ, воещина... Ну, можетъ быть, слышали и вы. Тогда... Землячества и сходки... Стаканы съ чаемъ и съ пивомъ. Стриженыя курсистки, теперь этимъ не удивишь никого, а тогда стриженная дѣвка была пугало... И пѣсни... Чего чего только не пѣли мы. И «Дубинушку», и «Солнце всходитъ и заходитъ», «Нагаечку», «Варшавянку» и про Байкаль и этотъ самый «Интернаціональ», будь онъ трижды проклятъ, орали съ дикимъ восторгомъ. «Вставай проклятьемъ заклеймленный»... Въ облакахъ сквернаго табачнаго дыма, въ запахѣ пива и водки и это звучало прямо великолѣпно. И представьте ни мало не боялись дворниковъ, и «шпиковъ». Море по колѣно... Устраивали сходки въ стѣнахъ самого университета. Университетъ автономень! Подъ прикрытіемъ ректоровъ, профессоровъ и декановъ разводили такую революцію, что дальше идти некуда... И уже развѣ слишкомъ разоремся: — «долой самодержавіе», придетъ полиція и мирно заберетъ всѣхъ въ манежъ для разборки... Ну вышлютъ кого въ мѣста не столь отдаленныя, такъ вѣдь за то — какіе герои!... Вотъ эти то студенты, наэлектризованные сходками, массовками, рѣчами и пѣснями шли на фабрики и вели рабочія толпы на улицы... Такъ вотъ этого студента больше нѣтъ. Который былъ, того угробили. Вмѣсто него — Вуз'овецъ...

Нордековъ слушалъ и думалъ, что все это онъ зналъ и раньше изъ лекцій Ястребова и Субботина, все это онъ читалъ и въ эмигрантскихъ газетахъ, но какъ то совсѣмъ это по иному звучало здѣсь, на набережной Невы, когда только что онъ своими глазами видалъ и говорилъ съ этимъ самымъ Вуз'овцемъ. Все было значительнѣе и грознѣе. Онъ волновался предстоящей ему задачей, онъ не зналъ, какъ ему къ ней приступить, онъ ожидалъ, что тотъ, кто долженъ посвятить его въ работу его ободрить, а онъ, вонъ какія рѣчи заговорилъ!

Незнакомецъ продолжалъ, понизивъ голосъ.

— Вотъ мы съ вами, по костюму и по всему, — ну пролетаріи, а, можетъ быть, просто лишенцы какіе нибудь, чтобы поговорить должны сидѣть на вольномъ воздухѣ, ибо въ домахъ стѣны слышать и стѣны доносятъ, а какъ же хотите, чтобы они то собрали такую массовку, такую сходку, какія собирались при «проклятомъ Царизмѣ» подъ жесточайшимъ полицейскимъ гнетомъ? И мы говоримъ съ вами и боимся, боимся, боимся, а вдругъ какой нибудь проклятый ершъ въ Невѣ да слушаетъ наши заговорныя рѣчи и поплыветъ и донесетъ. Такъ какъ же вы хотите, чтобы совѣтскій то Вузъ овецъ устроилъ собесѣдованіе, ну хоть съ вами?... Гдѣ?... На совѣтской уплотненной квартирѣ, гдѣ сидятъ такіе «хамусъ вульгарисъ», при которыхъ ни о чемъ говорить нельзя?... Соберите теперешнихъ студентовъ, да никто и рта при нихъ не откроетъ, ибо никто не знаетъ, который изъ товарищей служить «сексотомъ» у Гепеу. Какъ вы настроите толпу пѣснями, когда мы и пѣсень то никакихъ не знаемъ? Не «Боже Царя храни» намъ пѣть?... Надо еще эти то свои героическія, душу поднимающія пѣсни создать.

— А частушки? — сказала Нордековъ, — въ нихъ такъ много ироніи и насмѣшки надъ большевиками.

— Да ироніи и насмѣшки, только больше надъ самими собою, чѣмъ надъ большевиками. И плаксивости русской въ нихъ тоже не мало. Самый задоръ то ихъ какой то жалующійся... Нѣтъ, не это намъ надо. Нужна пѣсня героическая, чтобы сама на бой толкала, чтобы на улицу звала, чтобы въ ней и барабанный бой и звуки трубъ слышались, такой пѣсни нѣтъ у насъ... Не поютъ, да и не смѣютъ пѣть. Ну, скажемъ, и соберутся наши вузовцы, такъ они то несчастные никогда не знаютъ кто донесетъ, но всегда знаютъ, что кто-то донесетъ навѣрно. Не запоешь при такихъ условіяхъ героической пѣсни. Хожденіе въ народъ?... Да, пойдѣ, — угробятъ за милую душу... Повсюду комсомольцы, повсюду сель-коры — безъ лести преданные официальные доносчики... Нѣтъ не разсчитывайте на нынѣшняго студента. Не негодуйте на него, что онъ не бунтуетъ.

Онъ не виноватъ. Онъ воспитанъ въ «китайской» холодной школѣ, затвердилъ Ленинизмъ и въ Ленинизмъ эгомъ вся его религія. Онъ тупъ и необразованъ. Мертвой хваткой хватился онъ за скудную науку, которую ему преподносятъ замерзающіе профессора, дрожащіе за свою шкуру и съ упорствомъ тупицы лѣзетъ въ люди. Стараются стать «выдвиженцемъ». Звѣринымъ инстинктомъ понимаетъ онъ, что знанія его ничтожны, что онъ дуракъ и невѣжда и что дорога ему открыта только при совѣтской власти. Только при ней подхалимствомъ и доносами можетъ онъ и со своимъ скуднымъ багажомъ чего то достигнуть. Онъ понимаетъ, что всяческіе «уклоны» вредны и опасны, надо быть стопроцентнымъ коммунистомъ и тогда: — качай! валяй!... Такъ, какъ же заставите вы Вузовца кричать: — «долой совѣтскую власть». Она для него все. Въ ней его карьера, его будущее... А что касается до чувства справедливости, свойственнаго молодежи, ахъ, оставьте, пожалуйста, давно это стало буржуазнымъ предразсудкомъ. Можетъ быть, въ какой нибудь другой молодежи оно и есть, у насъ — «ударники» — то есть безъ лести преданные совѣтской власти, вотъ кто царить надъ умами...

Незнакомецъ поежилъ плечами, протянулъ руку, прося у Нордекова папироску и, закуривая ее, сказалъ.

— Знаете что... Мы что то все сидимъ на одномъ мѣстѣ и бесѣда наша подозрительно долга. Мильтонъ второй разъ идетъ мимо насъ. Простимся безъ лапанія, это здѣсь не принято и разойдемся. Пройдемте въ «садъ трудящихся»... Чувствуете всю глубину чисто Уэлльсовской сентиментальной пошлости названій нашихъ: «садъ трудящихся» — улица «красныхъ зорь», а, каково! Пошлѣе ничего не придумаешь, а нашимъ швейкамъ и пишмашкамъ очень даже нравится. Какъ же хотите вы повернуть опять къ старому Державному Санктъ-Петербургу, къ блистательному Граду святого Петра, къ временамъ Екатерины, Александровъ и Николаевъ, къ Растрелли и Воронинымъ, къ Эрмитажамъ и Этюпамъ... Это уже Ленинградъ — и навсегда... Итакъ въ «саду трудящихся» вы найдете меня у памятника Пржевальскому, знаете, гдѣ у гранитной скалы лежитъ навьюченный

верблюды, а наверху генеральскій бюстъ генеральской работы генерала Бильдерлинга... Ну-съ... Съ коммунистическимъ привѣтомъ!... Пока!...

Незнакомецъ всталъ и пошелъ, широко разворачивая носки своихъ старыхъ кожаныхъ туфель и чуть раскачиваясь. Онъ шелъ самой безпечной походкой. На всей его фигурѣ было написано, что ему самъ чортъ не братъ и что онъ въ этомъ самомъ Ленинградѣ подлѣ мильтоновъ и чекистовъ чувствуетъ себя прекрасно. Нордековъ подождалъ немного и, перейдя набережную, вошелъ въ Александровскій садъ.

XIV.

Какъ все здѣсь напомнило ему его дѣтство! Такъ же какъ и тогда плѣнительный ароматъ кустовъ, скошенной травы и цвѣтовъ, свѣжесть испаряющейся росы, запахъ старыхъ цвѣтущихъ липъ встрѣтилъ Нордекова въ «саду трудящихся». За рѣшеткой и густою зарослью кустовъ звонили трамваи, изрѣдка, дребезжа разбитыми рессорами, проносился автомобиль такси, и издали, съ площади грубымъ нечеловѣческимъ голосомъ объявлялъ что то громкоговоритель... Гуляющихъ было мало. Часъ былъ обѣденный. Только дѣти играли недалеко отъ памятника. Надъ кустами въ просвѣтѣ площади высились купола Исаакіевскаго собора. Ихъ тусклое, облѣзлое золото такъ много говорило сердцу Нордекова.

Незнакомецъ издали увидалъ Нордекова. Онъ всталъ со скамьи, гдѣ усѣлся въ ожиданіи, пошелъ навстрѣчу полковнику, взялъ его подъ руку и зашепталъ на ухо:

— Надо отдать справедливость, васъ тамъ удивительно одѣли и загримировали. Васъ выдаютъ только глаза.

— А что въ нихъ? — не безъ тревоги спросилъ Нордековъ.

— Очень они у васъ живые и въ тоже время спокойные. Тутъ или мертвые, какъ у уснувшей рыбы, или горящие сумасшедшимъ огнемъ, полные революціоннаго пафоса. Середины и, главное, спокойствія нѣтъ. Или комсомольскій сумасшедшій экстазъ и восторгъ, или унылая голодная напряженность безпартійнаго. Сядемъ здѣсь... Какая тишина!... Никого кругомъ. Развѣ только воробьи донесутъ на насъ... Не безпокойтесь и они съумѣютъ это сдѣлать... Вотъ эта то тишина и кажущееся безлюдье и обманываютъ иностранныхъ посѣтителей Ленинграда. Отсюда и идетъ легенда о мертвомъ и пустомъ Петербургѣ... Ничего не пустой... Жизнь бьется и клоочетъ въ немъ. Не та, конечно, жизнь, къ какой мы съ вами привыкли... Жизнь молодая... Людей страшно сказать: б у д у щ а г о!... Этихъ свѣтлыхъ строителей райской жизни, какая настанетъ, когда удастся «пятилѣтка». Случалось вамъ бывать раннею весною въ запущенномъ лѣсу? Оранжевые папоротники покрыли его. Все мертво подъ ними. Ихъ переплетъ сломанныхъ вѣтвей и старыхъ почернѣвшихъ листьевъ, кажется, все заглушилъ. И ничего здѣсь не будетъ больше во вѣки вѣковъ. А зайдите черезъ нѣсколько дней. Какая буйная, густая поросль новыхъ побѣговъ вытѣснила стариковъ. Все кругомъ зелено и лишь кое гдѣ на самой землѣ вы можете найти черные остатки прошлогоднихъ папоротниковъ. Смерти въ природѣ нѣтъ — есть вѣчное торжество и побѣда жизни надъ смертью, «аще не умретъ — не оживетъ». Жизнь торжествуетъ черезъ смерть и черезъ убійство. Стараго рабочаго, что съ тоскою въ сердцѣ ждалъ, какъ и чему его научить студентъ вы не найдете на заводахъ. Новый никого не станетъ слушать. Онъ объѣлся «политграмотой» и у него нѣтъ охоты слушать чьихъ бы то ни было рѣчей. Да и зачѣмъ? Теперь самое разрѣшенное и есть самое запрещенное. Смачная ругань противъ Бога и религіи, порнографія ничѣмъ не прикрытая — вотъ что дала ему власть... И... спортъ... Есть отъ чего съума спятить. Глаза на лобъ лѣзутъ отъ всей этой жизни, гдѣ нѣтъ ни минуты покоя.

— Но онъ рабъ.

— Какъ сказать... Да, конечно, больше чѣмъ рабъ.

Но онъ этого не понимаетъ. Ему некогда надъ этимъ задуматься. Напротивъ онъ опьяненъ свободой. Это не парадоксъ... Непрерывка... Пятидневка... Онъ строитель «пятилѣтки». Поэты въ его честь слагаютъ стихи, такіе сумасшедшіе, что и понять ихъ нельзя. Ясно одно: — въ е г о честь. Онъ герой. Онъ хозяинъ. Лестъ... Ахъ чего только не сдѣлаетъ лестъ. Да еще на такія свѣжія нетронутыя дрожжи... Посмотрите, что дѣлается лѣтомъ на пригороднихъ дорогахъ, и не въ праздникъ, праздниковъ нѣтъ, а благодаря пятидневкамъ и непрерывкамъ каждый день! Толпа, давка. Все стремится за городъ, какъ бывало мы, Петербуржцы, говорили: — «ins grüne». Парки и сады, дворцы и затѣи Петергофа, «Детскаго» села, Стрѣльны, Ораніенбаума, Гатчины открыты для этой шумной толпы. Все больше молодежь, ничего не знающая, ничего не выдавшая. Она врывается въ Императорскія спальни, въ молельни, пялитъ глаза на семейныя, намоленные иконы и слушаетъ объясненія. Ей говорятъ: — «васъ никогда и близко сюда не пускали. Тутъ стояли часовые, стража, васъ какъ собакъ шелудивыхъ гоняли отсюда — теперь это ваше — народное, потому что народъ взялъ въ свои руки власть, потому что вы и есть власть». «На этомъ столѣ такой то Императоръ подписалъ такіе то смертные приговоры. Здѣсь пытали декабристовъ, здѣсь мучили Русскій народъ». И толпа вѣритъ, ибо что она знаетъ? Въ паркахъ на зеленыхъ газонахъ развеселая «пьянка». На берегу залива полно голыхъ тѣлъ. Мужчины и женщины купаются въ пережку. «Долой стыдъ»!... То, что раньше блудливо подглядывали въ щели женскихъ купалень — открыто теперь для общаго обозрѣнія. Какія словечки, какія соленыя шутки, какіе шлепки по голому тѣлу, какой звѣриный хохотъ вы услышите здѣсь! Какіе поцѣлуи!... Не хватаетъ кустовъ укрывать то, что должно быть укрыто. Звѣриный бытъ, звѣриная жизнь, но и звѣриная тоже радость... Уханье, визгъ, вопли, крики, пьяная ругань — ничего святого, ничего чистаго — подлинный адъ... А нравится... Свобода!... Повсюду устроены стадіоны, физ-культура процвѣтаетъ. Рабочихъ обучаютъ гимнастикѣ, легкой атлетикѣ, молодежь увлечена фут-

боломъ. Устраиваютъ матчи и состязанія. И, если это въ солнечный день, — подлинное счастье у этихъ люди. Имъ сказано — и они этому крѣпко повѣрили — придетъ другая власть, она все это отъ нихъ отберетъ... Рабскій трудъ... но и какой скверный, съ постоянными гроулами, со штрафными листами и съ такою небрежностью во всемъ, что иностранные инженеры только руками разводять. Наше бывшее «кое какъ» возведено теперь въ кубъ что ли?... И тутъ же поощренія, красныя знамена, ордена имени Ленина — это не медали съ Царскимъ портретомъ — это дается всѣмъ, коллективу, это празднуется и это цѣнится... Пишутъ въ газетахъ, восхваляютъ въ стихахъ. Мы когда то смѣялись надъ Третьяковскимъ — «придворный пѣта». Теперь Демьяны Бѣдые, Маяковскіе, Есенины, и прочая полуграмотная дрянь льстятъ, какъ никакой придворный льстецъ и льстить то не посмѣлъ бы — народъ все сожретъ!.. Такъ чѣмъ же, какими посулами вы свернете рабочаго отъ такой жизни? Европейская, а болѣе того, христіанская мораль съ ея воздержаніемъ и постами покажется ему самыми тяжкими цѣпями. Совѣсть?... Да онъ выросъ безъ совѣсти. Да, бываетъ... Находить иногда раздумье, сомнѣніе, больше на дѣвушекъ... И стрѣляются и топятся и вѣшаются отъ тоски лютой. Ихъ не жалѣютъ. Самоубійство не въ фаворѣ. Оно показываетъ слабость духа, а новый человекъ долженъ быть силенъ. Самоубійцы презираютъ. Жизнь молодежи несется какою то бѣшеною сарабандой. Только поспѣвай. Всегда на людяхъ. Все общественное, вездѣ толпа. Въ столовыхъ, въ уборныхъ, всюду стадомъ, всюду вмѣстѣ. Никогда наединѣ. И вездѣ доносчики. На заводѣ, на службѣ, въ комиссаріатѣ, въ очередяхъ у лавки, на партійномъ собраніи, въ народномъ университетѣ, въ танцулькѣ, на спортивной площадкѣ, въ киношкѣ, въ театрѣ, въ бардакѣ... Вездѣ толпа... Подлинно пиръ Валтасара!

— Какой тамъ пиръ, — вставилъ Нордековъ. — Голодные люди.

— Они къ этому привыкли. Врачи ихъ убѣдили, что ѣсть много вредно. И нашимъ, какъ китайцамъ — щепотка риса и довольно. Голодный паекъ. Они вѣдь съ

дѣтства ничего другого и не видали, такъ что имъ! Это мы обѣдъ менѣ чѣмъ изъ трехъ блюдъ и въ обѣдъ не считасмъ. Имъ съ утра и до вечера твердятъ о лютомъ голодѣ за границей.

— Ну ужъ!...

— Подите вы, такъ увѣрили. Всѣ думаютъ, что провизію и за границей получаютъ по квиткамъ, вездѣ пухнутъ отъ голода.

— Полноте, какъ можно этому повѣрить?

— Я старый уже человекъ и въ свое время живавшій за границей, а порою, и я колеблюсь. Всѣ уши намъ этимъ прожужжали... Нѣтъ, бросьте, рабочаго вы никакъ не свернете... «Наша власть» — затвердилъ это и знать ничего не хочетъ. Вѣрить въ пятилѣтку и въ грядущій рай. Онъ вѣритъ въ то, что Совѣты покорятъ весь міръ, что вездѣ будетъ третій интернаціональ. Это религія и какая сильная!... Онъ готовъ и на войну за это... Однако, знаете что, перемѣстимтесь опять, а то и правда воробьи на насъ донесутъ... Вы Петроградъ хорошо знаете?

— Прекрасно... Я въ немъ родился и выросъ. Да и служилъ почти всегда въ немъ.

— Ну многого теперь и не узнаете. Одно разрушено, другое настроено. Одни прекрасные памятники сняты, другіе омерзительные наставлены. Стало больше садовъ. Цвѣтниками пустыри позасаживали, дѣтскихъ площадокъ понадѣлали. Въ носъ, знаете, шибаетъ — вотъ она, смотрите, какая у насъ культура... Любимое слово, между прочимъ, у нашихъ дикарей. Водопроводы не дѣйствуютъ, на дворъ за нуждою бѣгають, какъ при царѣ Горохѣ, электричество то и дѣло пошаливаетъ, а левкоевъ и флоксовъ на пустопорожнихъ мѣстахъ понатыкали и рады, какъ дѣти... Какъ дикари... Нѣтъ... какъ сумасшедшіе. Итакъ черезъ полчаса на «полъ жертвъ революціи». Тоже названьице!... У могилы борцовъ революціи, гдѣ пока тихо обваливается каменная краденая ограда, созданная по проекту архитектора Руднева и гдѣ закопаны, не хочу сказать погребены, — Володарскій, Урицкій, Нахимсонъ, Сиверсъ, Толмачевъ, финскіе коммунисты и прочіе красавцы, да то быдло,

которое создавало «февраль» и «октябрь»... Тамъ меня и ищите... Съ товарищескимъ привѣтомъ!... Пока!...

На этотъ разъ незнакомецъ пожалъ и даже потрясъ руку Нордекову и тою же найденною развалистою походкою пошелъ черезъ садъ къ Невскому проспекту.

XV.

Нордековъ не узналъ Марсова поля. Оно слилось съ Лѣтнимъ и Михайловскимъ садами и стало громаднымъ паркомъ, полнымъ лужаекъ, кустовъ и цвѣточныхъ клумбъ. Здѣсь шумъ города былъ не такъ слышенъ и воробьи верещащими стаями переносились съ мѣста на мѣсто. Воздухъ былъ нѣженъ и прохладенъ. Съ Невы несло водянымъ запахомъ. На травѣ тутъ и тамъ лежали отдыхающія парочки.

Со стороны Лѣтняго сада доносились мѣрные крики гимнастическихъ командъ. Нордековъ сейчасъ же отыскалъ памятникъ. Его закладка была еще при немъ. Это Временное Правительство канонизировало бунтовщиковъ и погребло ихъ въ красныхъ гробахъ на Марсовомъ полѣ.

Незнакомецъ ходилъ, осматривая рѣшетку.

— А, наконецъ, вы, — онъ увлекъ Нордекова къ Лѣтнему саду.

— Знаете, что то много тутъ всякой публики шагаетъ. Пойдемте къ Фонтанкѣ. Тамъ всегда какъ то меньше народа бываетъ.

— Что это тамъ за крики? — спросилъ Нордековъ.

— Физ-культурники упражняются. Вы покидали Петербургъ, когда спортомъ занимались аристократическія барышни, да немного офицеры... Теперь весь «молоднякъ» зараженъ спортомъ. Въ каждомъ городскомъ районѣ свои кружки физ-культуры при предпріятіяхъ и учрежденіяхъ. Казалось бы что общаго между спортомъ и Акушерскимъ техникумомъ, или Госметеографіей, или Глухонѣмыми, а вотъ у cadaго есть свой кружокъ спор-

та. Каждая фабрика, школа, большой магазинъ, типографія заняты спортомъ. Какихъ только клубовъ у насъ нѣтъ! Авто-мото-вело клубъ, Горно лыжный клубъ на Пярголовскихъ высотахъ, четыре гребныхъ клуба, два парусныхъ, теннисъ, шахматы — и все для всѣхъ, конечно, для партійцевъ прежде всего. Видите, какія достиженія! Есть отъ чего мозгамъ на бекрень свернуться... У насъ и говорятъ: — «безъ Бога, безъ Царя и безъ Россіи куда веселѣе живется»... Такъ вотъ какъ... Ну что же продолжимъ. Я имѣю приказъ информировать васъ о всемъ... Мнѣ сказали, что у васъ, у эмиграціи, большія надежды на красную армію. Вы какъ то не можете повѣрить, что красная армія не Русская армія, что она не наслѣдница славы и доблести Русской Императорской арміи?... Не такъ ли?...

— Да, это такъ. Мы, старые Русскіе офицеры, знающіе и любящіе Русскую армію и Русскаго солдата, не можемъ понять, какъ это такъ, чтобы Русскіе люди не желали имѣть прежней побѣдоносной Христоролюбивой арміи.

— Такъ такъ... Когда то и я отбывалъ воинскую повинность и былъ вотъ въ этихъ самыхъ Павловскихъ казармахъ, что называется — вольноперомъ. Видалъ я тогдашнихъ новобранцевъ. Новобранецъ Императорской арміи приходилъ изъ богобоязненной семьи. Онъ боялся военной службы. Приступалъ онъ къ ней съ молитвой. Сколько, бывало, свѣчей наставятъ новобранцы передъ ротнымъ образомъ, сколько поклоновъ отобьютъ. Новобранецъ не терялъ связи съ семьею и домомъ. Письма изъ дома — радость. Побывка домой — мечта. Въ казармѣ его встрѣчалъ окрикъ. Онъ сразу сжимался отъ внѣшней дисциплины. Отданіе чести, отбѣты на привѣтствіе, чистота тѣла и одежды... ну тамъ еще барабанъ и учебный шагъ. Въ старой арміи умѣли муштровать и дѣлать солдата. И вездѣ грезится кулакъ... Не сладкая, знаете, греза.

— Въ нашей арміи не били.

— Офицеры, да, можетъ быть... Вѣрнѣе — переставали бить. Но унтеръ - офицеры?... Во всякомъ случаѣ грозили побить. «Я тебя подъ арестомъ сгною»... «Я

тебѣ морду набью, будешь помнить»... Вѣдь такъ?...

Нордековъ промолчалъ.

— Да не въ этомъ дѣло. Въ старой нашей арміи, при всемъ казарменномъ утѣсненіи и угнетеніи была — свобода... Были дни и часы, когда въ казармы безпрятственно допускались посѣтители. Они садились на койки и что говорили они, что дѣлали, что приносили. никому до этого не было дѣла. Въ нашей старой казармѣ была — д е л и к а т н о с т ь . Солдаты ходили въ отпускъ. Больше въ Апраксинъ дворъ за покупками, но за ними никто не слѣдовалъ по пятамъ и никто не слѣдилъ... Была, значитъ, возможность пропаганды въ войскахъ, и пропаганда шла. Теперь совсѣмъ другое. Красноармеецъ приходитъ изъ разрушенной семьи, съ поколебленнымъ родительскимъ авторитетомъ. Въ Бога онъ не вѣритъ. Онъ еще въ деревнѣ побывалъ и въ безбожникахъ и въ комсомолѣ, ему на все плевать. Онъ никому и ничего не боится. Для него авторитетовъ нѣтъ. Голодный, оборванный, босой, шапка на затылокъ, въ глазахъ заячій страхъ и наглость безъ мѣры — вотъ современный красный новобранецъ. Онъ повидалъ Все-военно обучъ еще въ деревнѣ и военной службы онъ не боится. Его одѣнуть, не Богъ вѣсть какъ, много хуже, чѣмъ одѣвали въ Императорской арміи, но много лучше, чѣмъ одѣта толпа. Да вѣдь нашего то, стараго, онъ ничего не видалъ. У него сравненіе только съ окружающимъ и это сравненіе ему говорить, что онъ прекрасно одѣтъ и ѣсть такъ, какъ рядовому обывателю и не снится. Онъ зараженъ стремленіемъ воевать. «Даешь Варшаву»!... «Даешь Парижъ»! Отъ Варшавы то они драпали въ два счета, да вѣдь этого имъ не говорятъ. Въ нихъ насаждаютъ красноармейскій шовинизмъ. И этотъ шовинизмъ и вы въ своихъ эмигрантскихъ газетахъ поддерживаете. Красная армія первая въ мірѣ!...

Незнакомецъ сплюнулъ на сторону и послѣ короткаго молчанія какимъ то рывкомъ кинулъ:

— Ни черта она не стоитъ ихъ красная армія. Дермо, какъ и вся совѣтская страна. Ложь и обманъ. Пусканіе пыли въ глаза и юнкерское фанфаронство.

Онъ окончательно замолчалъ, и Нордекову приш-

лось напомнить ему, что онъ говорилъ о красной арміи.

— Да такъ вотъ... Учоба не трудная... Внѣшность на второмъ планѣ. За всякое стараніе — поощреніе, за всякую провинность наказаніе. Онъ наружно совершенно свободенъ. Внѣ службы, гуляй гдѣ хочешь — запрета никуда нѣтъ. Но онъ никогда ни на одну минуту не бываетъ одинъ. Въ танцульку гурьбой, въ кинематографъ толпой, въ публичный домъ и то всѣ вмѣстѣ. Не голько слова, но самыя его мысли извѣстны товарищамъ. Вездѣ есть невидимая коммунистическая ячейка безъ лести преданныхъ совѣтамъ людей, готовыхъ доносить. Какъ поведете вы при такихъ условіяхъ пропаганду?... Черезъ само начальство? Но, начальство изъ бывшихъ Царскихъ офицеровъ спитъ въ землѣ сырой. Разстрѣляно, выгнано со службы, лишено всѣхъ правъ и сгноено голодомъ и холодомъ. Остались тѣ, кто повѣрилъ въ цѣлесообразность такого строя, кто заразился сумасшедшимъ пафосомъ большевизма и служить на совѣсть, да еще тѣ, кто навѣки такъ запуганъ, что и головы поднять не смѣетъ. Крѣпость неприступная наша красная армія. Подойдите заговорить къ одному — васъ обступитъ пять, десять товарищей, положить руки на плечи, приблизятъ уши, уставятъ на васъ не былые телячи глаза старыхъ новобранцевъ, а умные, наглые, хулигански смѣлые глаза... Что у нихъ на душѣ? Кто свой, кто коммунистъ?... Мнѣ пришлось въ прошломъ году быть по служебнымъ дѣламъ на Румынской границѣ. Надо быть такому грѣху, что у румынъ, по ту сторону Днѣстра, стоялъ на охранѣ гусарскій полкъ Императора Николая II. У нихъ вензеля на погонахъ. Надо было видѣть, какая ярость охватывала нашихъ красныхъ пограничниковъ, когда они увидятъ этихъ солдатъ.. Злобный фоксъ на кошку такъ свирѣпѣетъ, какъ свирѣпѣли они. Кулаками машутъ, ревутъ по звѣриному, кроютъ такими словами, что удивляешься, какъ воздухъ выносить такую ругань. Орутъ: — «погодите, дайте намъ только до васъ дорваться, въ клочья васъ порвемъ... Мы вамъ эти вензеля каленымъ желѣзомъ на причинномъ мѣстѣ выжжемъ»... За что?... Откуда такая ненависть?... Молодые вѣдь все парни, изъ деревни.

Когда убили Государя имъ было шесть, семь дѣтъ... Что могли они знать о немъ?... Да все оттуда же — изъ этого сумасшедшаго дома, гдѣ непрерывно, слышите, непрерывно, въ школѣ, въ клубѣ, въ избѣ читальнѣ, въ казармѣ, на урокъ полит-грамоты, въ постели съ совѣтской дѣвкой это внушаютъ. Старыя книги отобраны, сожжены или хранятся за семью замками для посвященныхъ... Какъ?... Съ чѣмъ?... вы придете въ красноармейскую казарму... Нѣтъ... Невозможное дѣло... Были попытки и всѣ плачевно кончались.

Они шли медленно по тѣнистой аллеѣ. Влѣво были темныя воды Фонтанки. Нордековъ забывалъ свой костюмъ, старался не глядѣть на незнакомца, не слушать и не вѣрить его безнадежнымъ словамъ. Картины прошлаго вставали передъ нимъ. Ужели все это навсегда ушло?... Ужели это никогда не вернется?...

Низкіе двухъэтажные дома училища правовѣдѣнія и Педагогическаго музея тянулись на противоположной сторонѣ... Тамъ, вдоль набережной, стояли ломовыя койки, запряженные крупными битюгами. Слышалось звонкое щелканье бросаемыхъ швырковыхъ дровъ. Такъ было при Петрѣ, при Екатеринѣ, при Александрѣ I, такъ было въ дни его дѣтства, такъ есть и теперь... Почему же такъ страшенъ разсказъ незнакомца...

— Прежде, — тихо, понизивъ голосъ почти до шопота, продолжалъ незнакомецъ, — опорой Русскаго быта была Русская женщина. Она строила семью. Няня... Довѣренная горничная-наперсница — помните Лиза у Софьи Фамусовой... Ну тамъ еще и усадьба полагалась, и въ этой усадьбѣ этакая, знаете, Тургеневская дѣвушка, кисейное созданіе, прелестное душою и тѣломъ... Лиза Калитина тамъ какая нибудь... Барышня... Институтка... Наивное существо, думающее, что французскія булочки растутъ на деревьяхъ, а дѣтей находятъ подъ капустнымъ листомъ... Гдѣ же все это?... Все миновало, какъ сладкій сонъ. Старыхъ нянь угробили. А какія и сами померли или съ вами въ эмиграцію уѣхали — «господъ» не покинули. А какія остались тоже «свои права взяли» не хуже другихъ. Горничныхъ нѣтъ — есть «уборщицы»... О Тургеневской дѣвушкѣ говорить не приходит-

ся, ибо помѣщичьи усадьбы сожжены еще при первой Думѣ Герценштейнами и ему подобными иллюминаторами Россійскаго горизонта. Вѣдь еще отъ этой самой первой Думы, вотъ откуда уже большевицкимъ дерьмомъ потянуло... Нѣтъ и институтовъ, да нѣтъ и барышень... Современная совѣтская дѣвушка прежде всего не дѣвушка... Все испытать, все знать ей надо со школьной скамьи. Чтобы жить... просто, грубо жить, ѣсть, пить, ну и одѣться какънибудь — она должна работать, какъ волъ съ утра и до ночи. Секретарши, пишмашки, стенотипистки, продавщицы, мильтонши, кондукторши, ген-штабистки, куда только не пролѣзла она. Чтобы въ нашемъ сумасшедшемъ домѣ женщинѣ чегонибудь добиться, чтобы кобели въ штанахъ не сдѣлали ее рабыней, ей надо и крѣпкіе кулаки имѣть и здоровую глотку. Надо на зубокъ знать «Ленинизмъ» и имъ бить насильниковъ Чубаровцевъ... Природа знаетъ, что надо дѣлать. Лучшіе физ-культурницы — женщины. Безсознательно, можетъ быть, иная и мечтаетъ о семьѣ, сознаетъ ненормальность и скотство своей жизни, да кому она про это скажетъ?... А вѣдь во времена борьбы съ проклятымъ «царизмомъ» это женщина шла во главѣ «освободительнаго» движенія. Софіи Перовскія, Вѣры Засуличъ не послѣднюю роль въ немъ играли. И въ каждомъ такомъ комплѣтъ уже непременно была какая-нибудь Рахиль или Геся...

Они дошли до края и повернули назадъ. И точно этотъ поворотъ перевернулъ мысли незнакомца.

— Рахили, Геси, Сони, — съ надрывнымъ вздохомъ сказалъ незнакомецъ, — вотъ кто посылалъ нашу шаткую молодежь на борьбу. Жиды!... О, какъ они способны на все это!... Точно специально созданы для бунтовъ!... Если бы да они были съ нами!?... Теперь они наверху. Они вездѣ на командныхъ высотахъ. Чего еще имъ надо? Зачѣмъ имъ свергать правительство, столь къ нимъ благосклонное? Вы поняли меня теперь... Б е з н а д е ж н о ! Это же гибель Россіи! Это гибель христіанской культуры во всемъ мірѣ! Когда эта армія сумасшедшихъ, бѣсноватыхъ, бѣсами одержимыхъ, тупыхъ, скотски сладострастныхъ, жадныхъ, небрезгли-

выхъ, жестокихъ, глупыхъ, неприхотливыхъ, закаленныхъ въ борьбѣ за жизнь, не боящихся ни холода, ни голода, снабженныхъ самыми дьявольскими газами, аэропланами, Цеппелинами, этимъ своимъ Осо-авио-химомъ, воспитанные во Все-воен-обучѣ бросится на Европу жечь и грабить, убивать и насиловать — никакое культурное войско передъ ними не устоитъ.

Незнакомецъ остановился и поднялъ голову. До этого онъ не смотрѣлъ въ лицо Нордекову. Теперь, посмотрѣвъ, онъ испугался. Такъ было оно блѣдно, такая нечеловѣческая тоска и боль была въ его глазахъ, что незнакомцу стало страшно. Онъ зналъ — видаль это выраженіе, за этимъ — самоубійство. Онъ взялъ свою жесткою, въ мозоляхъ и цапкахъ рукою руку полковника и, крѣпко пожимая ее, сказалъ:

— Ну, полноте... Не вѣрьте мнѣ... Я ошибаюсь... Я обобщаю. Сгущаю краски... Есть красные командиры, которые со своими женами убираютъ церкви и поютъ во время богослуженія. Есть подвижники. Это не Содомъ, гдѣ не нашлось ни одного праведника. Тутъ ихъ многіе миллионы. Вы и представить не можете, какіе святые, чистые люди, подлинные христіане живутъ въ Совѣтскомъ Союзѣ, какіе пламенные патріоты... Они неслышно и невидимо готовятъ спасеніе Россіи. Какія есть матери. Потихоньку онѣ учатъ дѣтей вѣрѣ въ Бога и любви къ старой нашей Россіи... Вы знаете, я иногда думаю, не безъ гордости думаю, что лучшіе то люди не съ вами ушли въ эмиграцію, на хорошее и спокойное житіе, а остались здѣсь и несутъ подвигъ спасенія Россіи, работая для нея въ сумасшедшемъ домѣ. А посмотрите въ какихъ ужасающихъ условіяхъ наши профессора ведутъ и двигаютъ Русскую науку! А наука — это путь, и вѣрный, къ спасенію... Сколько ихъ погибло!... И притомъ я не говорилъ про деревню. Я ее не знаю... Думаю, что тамъ все-таки легче работать. Нѣтъ... Нѣтъ... Не теряйте духа... Я говорилъ вамъ, чтобы вы знали, какъ трудно, но трудно — не значитъ, что невозможно...

Онъ еще разъ пожалъ и потрясъ руку Нордекова.
— Простите, намъ разстаться надо. Часто встрѣ-

чатся боюсь, а видѣться какъ то надо. Черезъ два дня, въ десять утра въ саду Урицкаго, у большого озера, противъ дворца. Идетъ?...

— Это... въ Таврическомъ саду?...

— Ну да, конечно. Теперь вездѣ новые герои и они спѣшать, спѣшать и спѣшать и памятники себѣ ставить, и города, веси и улицы своими именами поганить, ибо знаютъ канальи, что недолговѣчна ихъ слава и проклянетъ ихъ потомство... Коммунизмъ умереть — Россія не умереть. Пока!...

Незнакомецъ кивнулъ головою и они разстались.

XVI.

Уже поздно вечеромъ и что называется «безъ заднихъ ногъ» вернулся Нордековъ въ ригу за деревней Коломягами, гдѣ былъ ихъ «домъ» и гдѣ онъ могъ чувствовать себя въ полной безопасности. Парчевскій былъ уже тамъ, а Голубовъ, Дубровниковъ и Карнеевъ заканчивали установку радио аппарата и регулировали безшумный моторъ. Ужинъ былъ готовъ.

Нордековъ ѣлъ молча. Онъ снова былъ во власти того самого безволія и отчаянія, какое овладѣло имъ послѣ лекціи Стасскаго и довело его до покушенія на самоубійство. Но тогда это была только эмигрантская лекція и ей можно было вѣрить или не вѣрить, теперь же это былъ разговоръ съ человѣкомъ, тринадцать лѣтъ жившимъ въ совѣтской республикѣ и хорошо изучившимъ всѣ возможности. И онъ сказалъ: — «безгадежно»... Надо кончать съ собою. Все равно ничего не выйдетъ. Только теперь это не будутъ волны чужой Сены, а можно будетъ кончить съ собою со славой, кончить подвигомъ убійства какогонибудь ихъ совѣтскихъ гадовъ.

Парчевскій, какъ всегда былъ веселъ и полонъ бодрости.

— Ну, какъ твоя развѣдка?... Нашелъ свою явку?...

Или неудача?... Что ты такой, какъ въ воду опущенный... Рассказывай. Или усталъ?... Я самъ братъ, ногъ подъ собою не чувствую, хотя и рискнулъ и въ трамваяхъ ѣздить и сюда по желѣзной дорогѣ добрался.

— Усталъ... Ахъ, если бы только усталъ! Да я усталъ тѣломъ, но въ тысячу разъ больше я усталъ душою. Все то, что я услышалъ сегодня въ первый день моего пребыванія на родинѣ такъ... безнадежно.

И Нордековъ слово за словомъ рассказалъ Парчевскому все то, что передалъ ему незнакомецъ.

— Ты понимаешь, если тѣ, кто разрушали Императорскую Россію работали безъ малаго двѣсти лѣтъ, если считать отъ Бакунина и первыхъ декабристовъ — намъ предстоитъ работать четыреста лѣтъ... Ты понимаешь это?... Я не могу... не могу больше, Парчевскій!... Прости меня, но я ѣхалъ сюда, чтобы увидѣть и добиться настоящей Россіи.

— Ты ее и увидишь.

— Когда?... Еще четыреста лѣтъ!... Быть пионерами въ этой безконечной работѣ, словъ нѣтъ — это очень почетно, но какъ это грустно и тяжело. Не знаю, хватитъ ли у меня силъ на это...

— Четыреста лѣтъ... Зачѣмъ?... Какая глупость!... Тѣ, кто разрушалъ Россію, разрушали организмъ, которому было тысячу лѣтъ, государство съ устоявшимся бытомъ, съ твердыми устоями... Они не разрушили сго. Это — все-таки Россія. То, что ты видѣлъ была пошлая намалеванная варваромъ скверными, жидкими красками картина на прочной старинной фрескѣ большого мастера. Придетъ реставраторъ и смоетъ дикую мазню невѣжды и проявитъ міру всю красоту настоящей фрески.

— Проявитъ міру всю красоту настоящей фрески, — повторилъ за Парчевскимъ Нордековъ. — Но, когда это все будетъ?... Черезъ четыреста лѣтъ!...

— Почти двѣсти лѣтъ понадобилось, чтобы до основанія потрясти тысячелѣтнее строеніе Россіи... Большевиству минуло всего тринадцать лѣтъ. Правда, корни у него цѣпкіе, но они не проникли въ самую толщу народной жизни. Они разрушили тѣло, но не могли и ни-

когда не смогут разрушить Русскую душу. Все то, что ты видѣлъ и что тебѣ говорилъ незнакомецъ... Незнакомецъ... Да уже не провокаторъ ли то былъ? Можетъ быть просто запуганный интеллигентъ, самъ ставшій сек-сотомъ? Соціалисты и народовольцы работали, допустимъ, около двухъсотъ лѣтъ. Такъ вѣдь, какъ имъ приходилось работать! Имъ надо было самимъ ходить въ народъ, свои идеи распространять потаенно въ маленькихъ кружкахъ. Прокламации они печатали на гектографѣ и рѣдко когда имъ удавалось литографировать ихъ, они бросали самодѣльные динамитныя бомбы... Кустарная работа самоучекъ! Съ нами идетъ удивительная техника второй четверти двадцатаго вѣка, такъ тщательно собранная и снаряженная капитаномъ Немо. У насъ кинематографъ, телевизоръ и громкоговорители, у насъ радио и наше слово и образы, нами рисуемые распространяются просто таки чудеснымъ образомъ по всей Россіи. Съ нами газы разныхъ степеней и качествъ, съ нами паника, которую мы нагонимъ на толпу... Тѣхъ разгоняли нагайками... Къ намъ никто не посмѣетъ приступиться. И потому имъ понадобились сотни лѣтъ... Намъ?... Нѣсколько дней.

— Завидую тебѣ, Парчевскій... Неисправимый оптимистъ!

— Это не оптимизмъ. Это знаніе и офицерская бодрость, заповѣданная намъ Суворовымъ.

— Оставь... Я все это слышалъ еще въ Петроградѣ... Большевики — это на двѣ недѣли, не больше. Я это слышалъ и въ Югославіи, тамъ все ждали и вѣрили въ какую то организацию... Я слышалъ это и въ Парижѣ, гдѣ насъ призывали къ объединенію и вѣрѣ въ вождей. А вожди не вели, а стояли на мѣстѣ. Я знаю это хорошо: — «тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ»... И мы все себя возвышали и возвышали и какъ пришлось падать, охъ какъ больно мы расшиблись! Ну скажи, твои сегодняшнія впечатлѣнія... Гдѣ ты былъ?

— Я былъ у Ястребова.

— А?.. Ну что же онъ?... Благополучно спустился? — вяло и безразлично спросилъ Нордековъ.

— Спустился, какъ и мы совершенно благополучно за Гатчиной, на прогалинѣ въ громадномъ лѣсу и работаетъ.

— Работаетъ?... Что же онъ дѣлаетъ?...

— Онъ готовитъ достойный отвѣтъ твоему незнакомцу. Онъ не отпустилъ своего аэроплана. Онъ его надежно укрылъ въ лѣсу. Завтра надъ всѣмъ Петроградомъ будутъ разбросаны листовки и призывы Братства Русской Правды и завтра же... Впрочемъ... Не буду тебѣ говорить ничего. Ты самъ скоро увидишь, какъ высока наша техника. Намъ есть чѣмъ гордиться и мы не ошиблись, когда пошли къ капитану Немо.

— Господинъ полковникъ, — доложилъ Нордекову Голубовъ, — аппаратъ готовъ, можете говорить съ Россійскимъ островомъ.

Нордековъ, полураздѣтый укладывался въ свой гуттаперчевый мѣшокъ. Онъ завернулся въ его полы, положилъ голову на надувную подушку.

— Милый, — томнымъ, расслабленнымъ голосомъ обратился онъ къ Парчевскому. — Доложи за меня все ты. Я самъ не знаю, что нашло на меня. Я такъ ослабѣлъ. Голова не работаетъ, двухъ словъ не свяжу... — Онъ протяжно зѣвнулъ. — А какъ это мнѣ напоминаетъ наши былые маневры. Такъ и кажется, что вотъ вотъ запищитъ телефонъ и услышу донесеніе отъ заставъ, что Конно-гренадеры наступаютъ на наши посты и полевые караулы... Такъ, пожалуйста, милый, ты все слышалъ. Доложи за меня.

— Ладно... Ты вспомнилъ о телефонѣ, который будетъ тебѣ передавать донесеніе заставъ, расположенныхъ у Пелгола, Пеккоземяки со склоновъ Кирхгофа на твою штабъ квартиру у Горской... Такъ! я буду говорить изъ подъ Петербурга на таинственный Россійскій островъ, находящійся въ глухомъ углу Атлантическаго океана подъ самымъ экваторомъ. Не говоритъ ли это тебѣ, какъ далеко шагнула техника за эти какіе нибудь двадцать лѣтъ? Смѣю тебя увѣрить, что послѣзавтра мы покажемъ здѣсь, въ этомъ сумасшедшемъ домѣ такія картины, что и самые буйные сумасшедшіе призадумаются.

— Далъ бы Богъ, — томно протянулъ Нордековъ. — Я попробую уснуть. Очень уже тяжело у меня на сердцѣ. Жутко и страшно... Тысячеголовая гидра навалилась на меня. И вся тысяча ея голоса — сумасшедшая.

Нордековъ накрылъ голову краями одѣяла и сквозь него слышалъ, какъ Парчевскій бодро и смѣло говорилъ:

— Алло... Алло... Говорить Парчевскій изъ подъ Петербурга, отъ деревни Коломягъ. Вчера въ двѣнадцатомъ часу ночи спустились благополучно. База устроена... Сегодня съ разсвѣтомъ Нордековъ и я ходили въ Петербургъ...

Дальше Нордековъ не слышалъ. Сонъ мягко навалился на него, заложилъ уши, и ему снился какой то громадный аппаратъ, на которомъ онъ долженъ былъ летѣть въ Персію. Въ этомъ аппаратѣ были большія спальни и ванныя комнаты и въ одной изъ ваннхъ комнатъ капитанъ Немо заставлялъ его вертѣть въ формѣ мороженое. Глупый былъ сонъ, но онъ разсѣивалъ и укрѣплялъ Нордекова.

XVII.

Какъ это вышло потомъ никто толкомъ не могъ объяснить, но въ этотъ день, при посредствѣ ассоціаціи Революціонной кинематографіи по театрамъ, находящимся въ вѣдѣніи Ленинградгубоно, по многимъ частнымъ театрамъ и даже совсѣмъ маленькимъ кинематографамъ при Домпросвѣтахъ, рабочихъ клубахъ, государственныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ была разослана для проэкции фильма и все, что къ ней полагается — то есть афиши, плакаты и программы.

Такимъ образомъ было то, чего раньше не бывало: — въ «Астартѣ», «Ампирѣ», «Великанѣ», «Гигантѣ», «Колизеѣ», «Свѣтлой Лентѣ», «Теремкѣ», «Демонѣ», «Домѣ красной арміи и флота», «Лѣшемъ», «Рабкорѣ», и еще кое гдѣ шла одна и таже фильма — «Приключенія ударника въ заграничной поѣздкѣ на пароходѣ «Ук-

раина». Ни заглавіемъ, ни внѣшнимъ видомъ, ни афишами и анонсами она никакихъ подозрѣній не внушала и была всюду принята съ полнымъ довѣріемъ. На ней были клейма «Гос-кино». Она была «тонъ фильмой».

Нордековъ и Парчевскій не безъ волненія входили въ громадный кинематографъ «Солейль» на проспектъ 25-го октября противъ Гостиного Двора.

Все тутъ было совершенно такое же, какъ въ кинематографахъ Парижа, Берлина и другихъ большихъ городовъ. У входа горѣли яркія электрическія вывѣски. Толпа была на улицѣ. Милицейскій стоялъ для порядка. У кассы былъ хвостъ, въ дверяхъ давка. Громадный залъ, какъ вездѣ въ кинематографахъ былъ пестро раскрашенъ въ какомъ то дурящемъ голову кубистическомъ стилѣ. Только у публики костюмы были много проще, чѣмъ въ Европейскихъ городахъ. Толстовки, красноармейскія гимнастерки, пиджаки на рубашкахъ безъ воротниковъ и галстуховъ, просто рубашки, простоволосыя, стриженныя дѣвицы съ голыми ногами въ башмакахъ, все это было, какъ и на улицѣ и знаменовало и бѣдность и подчеркнутое опрощеніе. И пахло не такъ чтобы хорошо: — давно не мытымъ тѣломъ, потомъ, сквернымъ табакомъ, виннымъ перегаромъ... Иногда проходила струя духовъ и душистой пудры и еще сильнѣе подчеркивала общій дурной запахъ, шедшій отъ Ленинградской толпы. Больше было развязности въ толпѣ, чѣмъ это привыкъ видѣть въ кинематографахъ такого рода Нордековъ. «Зощенкой пахнетъ», — шепнулъ ему на ухо Парчевскій, котораго не покидало его хорошее настроеніе духа. Но ничего страшнаго или особеннаго не было въ этой толпѣ. Впереди Нордекова дѣвицы угощались «ирисками», отъ нихъ пахло ванилью и Нордековъ невольно вспомнилъ лекціи полковника Субботина на Россійскомъ островѣ.

И какъ вездѣ, когда наступила темнота, на экранѣ появились обычные заголовки названій фирмы, авторовъ, артистовъ.

«Госкино» показывало снимки, снятые за границей. Жизнь буржуазіи въ капиталистическихъ государствахъ, лишенныхъ большевицкаго разума и свободы.

Громкоговоритель давалъ поясненія, иногда самъ герой фильмы вставлялъ свои рѣчи и рассказывалъ о своихъ впечатлѣнїяхъ въ городахъ Западно-европейскихъ государствъ.

«Ударникъ» рабочій Мартынъ Галеркинъ, — онъ игралъ подъ Шарло Чаплина, — былъ оттертъ Лондонскою толпою отъ своихъ товарищей и заблудился въ Лондонѣ.

Къ великому удивленію Нордековъ скоро призналъ въ ударникѣ никого другого, какъ Фирса Агафошкина.

Мартынъ Галеркинъ пояснилъ, что съ нимъ происходило:

— Зашель, граждане, въ банкъ. Даю совѣтскіе червнцы, чтобы размѣнять, значить, на ихніе фунты, надо мною смѣются... Не принимаютъ въ ихнемъ буржуазномъ банкѣ нашихъ трудовыхъ рабочихъ сигнацій... Жрать охота, кругомъ рестораны, пожалуй что и почище нашихъ столовокъ, тутъ тебѣ магазины и въ нихъ — окорока, колбасы, гуси, куры, утки, откуда только все это берется? Не иначе, какъ нашъ рабочій союзъ имъ это все посылаетъ черезъ Внѣш-торгъ. Гляжу — сыръ... Ну, граждане, и до чего хитра эта самая буржуазія на обманы. Сыръ въ колесо, разрѣзанъ пополамъ и вѣрите ли товарищи, весь онъ чисто въ дыркахъ и ѣсть въ немъ просто нечего — одна дыра. Языка ихняго я не знаю, «ни бе, ни ме», хоть и въ школѣ второй ступени обучался. Лѣзу къ нимъ: — «товарищъ», — говорю, — «укажите мнѣ дорогу на нашу краснофлотскую «Украину». Потому, какъ я ударникъ Мартынъ Галеркинъ отъ своихъ отбился, не пропадать же мнѣ съ вами. Еще и на кораблѣ, гляди, попадетъ, что такъ одинъ шатаюсь, а чѣмъ я виноватъ?» Такъ говорю, чисто даже плачу. Они мнѣ все: — «Исай, да Исай». А какой я тамъ Исай — когда я Мартынъ... Мартынъ Галеркинъ, совѣтскій гражданинъ... Ничего они граждане, не понимаютъ ну, чисто, несознательные буржуи...

Въ публикѣ смѣялись, сочувствовали Галеркину. Да и игралъ Фирсъ, Нордековъ даже удивлялся — съ громаднымъ природнымъ юморомъ. И ничего пока не бы-

ло въ этой фильмѣ, что могло бы возбудить подозрѣніе въ томъ, что это не совѣтская фильма.

Мартынь Галеркинъ толкался по Лондону, стоялъ передъ витринами громаднхъ магазиновъ бѣлья и платья. Толпа сновала кругомъ и было видно, какъ она одѣта. Галеркинъ былъ въ ней пятномъ. Онъ попадалъ и въ рабочіе кварталы, и публика видѣла англійскихъ рабочихъ, о комъ ей говорили, что они съ голода умирають и живутъ много хуже совѣтскихъ. Наконецъ, какой то не то англичанинъ, не то Русскій эмигрантъ, — это было неясно въ фильмѣ, принялъ участіе въ Галеркинѣ, снабдилъ его англійскими фунтами и узналъ для него, что «Украина» ушла во Францію и потомъ должна пойти въ Италію. Онъ научилъ Галеркина, какъ ему догонять свой совѣтскій пароходъ.

Галеркинъ пустился въ свободное путешествіе. На экранѣ появились чистые, красивые пароходы, совершающіе рейсы между Дувромъ и Калэ, прекрасный Парижскій поѣздъ и, наконецъ, Парижъ во всемъ его великолѣпніи. Публика видѣла толчею автомобилей у площади Оперы, городского со свисткомъ останавливающего движеніе для прохода нарядной толпы пѣшеходовъ. Въ этой толпѣ, какъ замороженный шагаль въ своей грязной толстовкѣ и въ небрежно намотанномъ на шею шарфѣ Галеркинъ. Онъ всему теперь удивлялся, но не менѣе его удивлялась тому, что видѣла, и публика.

Галеркинъ прицель къ заключенію, что ему тоже нужно купить «буржуазный» костюмъ. Онъ свободно мѣняетъ фунты на франки.

— Это тебѣ не совѣтскій червонецъ, — съ горькой ироніей восклицаетъ онъ.

Въ магазинѣ онъ мѣряетъ платье.

— И какъ это у нихъ, граждане, все просто. Никакихъ тебѣ квитковъ, или профкарточекъ, никакихъ тебѣ очередей. Въ полчаса такъ обрядили, что подошелъ къ зеркалу и себя не узналъ: — чисто буржуй мериканскій.

Нордековъ видѣлъ изображеніе на экранѣ магазина «Самаритѣнь», заваленнаго товарами, платьями, пальто, галстухами, воротничками, рубашками, матеріями,

кружевами, башмаками, чулками, мужскими и дамскими шляпами, его громадный базаръ на улицѣ въ толчѣѣ сытаго и празднаго народа и видно народа небогатаго, простого, рабочихъ и ремесленниковъ.

— Глянь, братокъ, — прошепталъ сзади Нордекова какой то молодой человекъ, — товаровъ то навалено и никто ничего не сопретъ... Удивительно какая это буржуазная, значить, культура...

Нордековъ оглянулся на говорившаго. Тотъ жадными глазами уставился на экранъ. Въ темнотѣ его глаза блистали.

Когда Галеркинъ примѣрялъ и получалъ костюмъ, сосѣдъ Нордекова сказалъ:

— Однако просто у нихъ, какъ у насъ въ довоенное время у Эсдерса или у Мандля.

Галеркинъ попадалъ на пищевой рынокъ Парижа. Раннее утро. Громадные возы, запряженные тройками и четвериками слоноподобныхъ лошадей, холеныхъ и красивыхъ въ ихъ тяжелыхъ окованныхъ мѣдью хомутахъ, подвозили горы цвѣтной капусты, мясныя туши, раздѣланныхъ свиней, корзины съ рыбой. Между ними проѣзжали грузовики, везли зелень, цвѣты, хлѣба, фрукты... Носильщики не успѣвали сгружать. Народъ сновалъ кругомъ. Торгъ шелъ во всю.

Глухой гулъ голосовъ шелъ по театру. Видѣнная, непридуманная правда била въ глаза своимъ страшнымъ контрастомъ буржуазнаго изобилія передъ большевицкой нищетой.

У чекистовъ, у власть имущихъ, у секретныхъ сотрудниковъ начало закрадываться подозрѣніе, да точно ли это постановка Гос-кино?... Уже не провокація, не новое неслыханное до сей поры «вредительство» тутъ происходитъ? И кое кто, кто желалъ выслужиться, побѣждалъ на телефонъ доложить о своихъ впечатлѣніяхъ.

Сеансъ представленія продолжался при все болѣе и болѣе напряженномъ вниманіи зрителей.

XVIII.

Совершенно преображенный въ европейскомъ костюмѣ, выбритый и вымытый, въ рубашкѣ съ воротничкомъ и галстухомъ, въ котелкѣ и башмакахъ съ суконными гетрами, настоящій «Шарло» — Галеркинъ пріѣхалъ въ поискахъ «Украины» въ Италію, и въ Римѣ попалъ на смотръ молодыхъ фашистовъ Муссолини. Красивые, сытые, хорошо упитанные, отлично выправленные, одѣтые въ синюю матросскую форму въ синихъ беретахъ мальчишки держали спеціально для нихъ сдѣланныя, совсѣмъ какъ настоящія ружья «на караулъ».

— Что твои «ком-сомольцы», — одобрительно замѣтилъ Галеркинъ, и зрители всѣмъ нутромъ своимъ поняли глубокую иронию этого замѣчанія. Молодые фашисты когортами и центуріями маршировали мимо Муссолини, щеголяя выправкой и однообразной одеждой. Никакого подобія не было съ голоднымъ, вороватымъ, съ испытанными пороками лицами хулиганскимъ ком-сомоломъ...

На экранѣ вмѣсто Римскаго пейзажа появилась мраморная доска и на ней были начертаны золотомъ: — «Заповѣди фашиста». Галеркинъ стоялъ сбоку и внимательно разсматривалъ ихъ. Эта картина надолго застыла на экранѣ, чтобы зрители могли запомнить и оцѣнить заповѣди фашиста и сравнить ихъ съ тѣмъ, чему ихъ обучаютъ коммунисты.

— Намъ говорили, все одно — фашистъ - коммунистъ, — сказалъ сосѣдъ Нордекова, ни къ кому не обращаясь, — а между прочимъ видать разница огромная.

На экранѣ сверкали золотомъ изображенныя слова:

«1) Богъ и Родина. Все остальное послѣ этого.

«2) Кто не готовъ отдаться Родинѣ и Дуче душой и тѣломъ безъ всякихъ оговорокъ — не достоинъ черной рубашки фашиста. Фашизмъ не для посредственности.

«3) Понимай приказанія и съ охотой и рвеніемъ ихъ исполняй.

«4) Дисциплина для солдатъ — она же и для фашистовъ.

«5) Плохой сынъ и плохой школьникъ — не фашисты.

«6) Работа для тебя радость, а игра — дѣло.

«7) Страдай, не жалуясь, будь щедръ, ничего самъ не прся, служи другимъ безкорыстно.

«8) Доброе дѣло и военная доблесть не дѣлаются наполовину.

«9) Въ виду смертельной опасности спасеніе въ доблестномъ дерзновеніи.

«10) Благодари Бога ежедневно, что Онъ создалъ тебя итальянцемъ и фашистомъ».

Галеркинъ дочиталъ до конца надписи и, повернувшись къ зрителямъ, сказалъ, снимая котелокъ.

— Прочиталъ... Конечно, не по нашему коммунистическому, а между прочимъ тоже здорово пущено... Потрясли все нутро мое... Совсѣмъ бы сразили, да вспомнилъ я, какъ мой ветхозавѣтный старорежимный папаша, отъ котораго я отрекся и даже въ газетахъ о томъ пропечаталъ, училъ меня когда то Суворовскимъ завѣтамъ. Я ихъ совершенно запомнилъ, а вотъ сейчасъ почему то они мнѣ вспоминаются, просто какъ огнемъ жгутъ меня.

На экранѣ еще стояла доска съ заповѣдями фашиста, когда вдругъ тоненькой огненной ленточкой гдѣ то вдали загорѣлась строчка, она стала быстро накатываться, приближаясь, становясь все ярче и больше и вмѣсто первой заповѣди фашиста стала большая огненная надпись:

1) За вѣру, Царя и Отечество. Все остальное суета суетъ.

Галеркинъ прочелъ эти слова и низко поклонился имъ.

— Святыя между прочимъ слова, — прошепталъ онъ, — давно забытыя, а какія чудныя слова!

И сейчасъ же въ глубинѣ народилась и понеслась на экранъ другая, за ней третья, тамъ четвертая и дальше строчки и стали выстраиваться на мѣсто заповѣдей фашиста.

2) До издыханія будь вѣренъ Государю и Отечеству. Убѣгай роскоши, праздности и корыстолюбія, ищи славу черезъ истину и добродѣтель.

3) Два воинскихъ искусства: — первое — глазомѣръ, второе — быстрота.

4) Зри въ части семью, въ начальникъ отца, въ товарищахъ братьевъ.

5) Родство и свойство съ долгомъ моимъ: — Богъ, Государь, Отечество.

6) Работать быстро, споро, по Русски.

7) Терпи! На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся.

8) Смотри на дѣло въ цѣломъ.

9) Дерзай.

10) Помилуй Богъ! Мы Русскіе! Возстановимъ по прежнему вѣру въ Бога Милостиваго! Очистимъ беззаконіе! Вы — Русскіе!

Эти надписи, крупныя, яркія, огнями горящія, четкія, ясныя, не вызывающія никакихъ сомнѣній кричали о самой подлинной контръ-революціи. Всѣ растерялись сидѣли какъ пришибленные, ждали громовъ, но вмѣсто нихъ въ театрѣ стала мертвая, напряженная, жуткая тишина.

Въ эту тишину внушительно и страшно, потрясая до самаго сердца вошли громко сказанныя съ экрана Галеркинымъ слова:

— Вы русскіе!!...

XIX.

«Гос-кино показываетъ новое изобрѣтеніе: — телевизоръ. Тонъ фильмъ».

На экранѣ былъ радостный свѣтлый видъ. Розовыя скалы и горы, кусты кактусовъ и алоэ, и между ними въ Русскихъ красивыхъ старинныхъ костюмахъ Царскихъ сокольниковъ стоялъ хоръ. Нордековъ сейчасъ же при-

зналъ и видъ — то былъ Россійскій островъ, и хоръ — это былъ ихъ Гласовскій хоръ.

Теноръ Кобылинъ, — какъ было не узнать его и его нѣжнаго, за душу берущаго голоса! — вышелъ впередъ и звонко и нѣжно, протяженно, сжимая сердце сладкимъ восторгомъ произнесъ:

— Сто-ро-онись!...

Басы и баритоны великолѣпнаго хора подхватили дружно и мягко:

— Ты дороги той...

Пѣшій, конный не пройдетъ живой.

Могучій, красивый басъ — какъ напомнилъ онъ Шаляпина! — завелъ пѣсню, ясно выговаривая слова:

— Тамъ, гдѣ сосны растутъ, тамъ гдѣ птицы поютъ,
Тамъ въ дремучемъ лѣсу партизаны живутъ.

Берегись ты дороги той —

Пѣшій, конный не пройдетъ живой...

Голоса хора еще звенѣли, когда запѣвало продолжалъ пѣсню:

— Разъ вечерней порой — комиссаръ молодой
Велъ отрядъ свой лихой — по дорогѣ лѣсной...

Хоръ дружно взялъ:

— Берегись ты дороги той.

Пѣшій, конный не пройдетъ живой.

Въ жуткой, могильной тишинѣ, гдѣ въ смертельномъ страхѣ замерли люди, гдѣ холодѣли отъ ужаса сердца былъ зловѣще спокоенъ голосъ красоты несказанной.

— Наши братчики тамъ — залегли по кустамъ.

Каждый взялъ на прицѣлъ—дружно залпъ прогремѣлъ...

Хоръ пѣлъ припѣвъ. Въ залѣ съ затаеннымъ дыханіемъ ожидали продолженія безумно смѣлой пѣсни.

— Въ Гепеу говорятъ:— сгинулъ красный отрядъ.
Въ эту чашу зайдешь — безъ слѣда пропадешь...

Кое-кто тихонько, согнувшись, по темному корридорю крался къ выходу. Сверкнула свѣтомъ пріоткрытая дверь. Въ догонку уходившимъ отъ грѣха подальше несло:

— Не вернется домой — комиссаръ молодой.
Гдѣ убить, гдѣ зарыть — только вѣтеръ шумить...*)).

Теноръ запѣлъ сладкимъ стономъ.

— Сто-ро-онись...

Глухой говоръ и возмущенные крики покрыли голоса хора:

— Довольно!...

— Бросить надо!... Гады!...

— Буржуйская пѣсня!

— Это, граждане, что же за провокація такая. Чего же это милиція такое допускаетъ?

— Имъ это шутки для собственнаго самоуслажденія, а намъ отвѣтъ держать придется.

Пустили свѣтъ. Зрители поднимались темнымъ валомъ. Крики возмущенія не прекращались. Визжали совѣтскія барышни. Испуганнымъ стадомъ публика шарахнулась къ выходамъ. Кто то грозно крикнулъ величественнымъ «полицейскимъ» басомъ:

— Чего выпускаютъ зря?... Обыскивать надо!

Этотъ крикъ увеличилъ панику и смятеніе.

По стѣнамъ кинематографа, ярко и пестро расписаннымъ футуристическимъ узоромъ, на высотѣ человеческого роста вилась лента изъ наклеенныхъ бумажныхъ Русскихъ флачковъ. Въ ихъ лѣвыхъ верхнихъ углахъ были изображенія восьмиконечнаго православнаго

---

*) Изъ пѣсень Братства Русской Правды. Взята изъ журнала «Братская Правда» за май - іюнь 1931-го года.

креста со славянскими буквами надписью: — «Господи спаси Россію». На бѣлой полосѣ было напечатано: — «Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ», и наискось черезъ каждый флачокъ: — «Братство Русской Правды».

Парчевскій былъ правъ въ своемъ оптимизмѣ: — и здѣсь работало невидимое, и тайное «Братство»...

Милицейскій пытался задержать толпу. Его опрокинули. По пустынному, зловѣщему, точно настороженному и таящему страшныя опасности, проспекту 25-го октября люди шли потрясенные, раздавленные, угнетенные, пришибленные непонятнымъ страхомъ и молчали, молчали, молчали... Внизу подъ самымъ сердцемъ шевелилось какое то новое чувство, точно совѣсть говорила о чемъ то далекомъ и основательно позабытомъ, о чемъ нельзя, не нужно, о чемъ просто — страшно думать. Точно тамъ встала Россія, забытая, выкинутая изъ души и сердца, «угробленная», и... воскресшая.

И такія же молчаливыя, придавленные толпы шли навстрѣчу изъ «Паризианы», «Колизея», «Пикадилли», «Светлой Ленты», и другихъ кинематографовъ Невского проспекта.

Какой то подгулявшій зритель, по виду рабочій, впрочемъ, Нордековъ здѣсь никакъ еще не могъ разбирать людей по профессіямъ, вѣроятно, стопроцентный коммунистъ, не боящійся никого, вышелъ на торецъ мостовой, заелозилъ стоптанными грязными башмаками по мокрымъ торцамъ и, выражая то, что происходило въ душахъ прохожихъ запѣлъ на всю улицу:

— Безъ меня меня женили,
Я на мельницѣ былъ...

XX.

На другой день по распоряженію Гепеу всѣ кинематографы Ленинграда были закрыты. У всѣхъ стояли гаряды полиціи. Шли обыски. Кинооператоры были арестованы.

А еще черезъ день по всему городу пошелъ невидимый, неизвѣстно кѣмъ пущенный слушокъ, что начальники, руководившіе обысками и арестами были найдены въ своихъ квартирахъ мертвыми. Врачи не могли установить причину смерти. Но ясно, что она была насильственная. И въ народѣ ее какъ то связали съ тѣмъ, что было въ кинематографахъ, съ обысками и арестами. Это была месть. Божіе наказаніе. «Огонь поядоущій» сошелъ съ неба и пожралъ тѣхъ, кто помогаль коммунистамъ угнетать Русскій народъ.

Каждый день какой то невидимый и неслышный аэропланъ разбрасываль по городу листовки, слова и ноты новыхъ пѣсень. Тѣхъ пѣсень, что слышали въ кинематографѣ въ ту ночь, слова тѣхъ заповѣдей, что заповѣдалъ Русскому народу его великій Суворовъ и которыя были показаны въ фильмѣ рядомъ съ заповѣдями фашиста. Эти листки и ноты боялись подбирать и все таки, потаясь, подхватывали, «чтобы отнести въ милицію», а по пути читали и заучивали наизусть.

Кинематографы, громкоговорители и радіо были закрыты и опечатаны. Вездѣ искали контръ-революцію и модное «вредительство». Но ищущіе, дѣлающіе выемки, обыски и опросы чекисты, дѣлали это несмѣло, безъ обычной наглости. Передъ ними стояли призраки людей, внезапно погибшихъ послѣ такихъ же обысковъ. Какая то сила высшая, чѣмъ сила коммунистовъ появилась и распоряжалась съ неумолимою справедливостью. Въ работѣ Гепеу, до этого времени такой точной, безстрастной и жестокой начались перебои и послабленія.

Лишенный зрѣлищъ и развлеченій голодный народъ волновался. Увеличилось пьянство. Самые необыкновенные слухи рождались въ праздной, никѣмъ не руководимой толпѣ.

Говорили... Гдѣ-то на Волгѣ нашли въ родникѣ вырѣзанное изъ дерева изображеніе Христа. И будто ходившіе къ этому роднику богомольцы рассказывали, что видѣли въ водѣ колодца подлѣ этого родника св. Николая Чудотворца на конѣ. И то, что никогда св. Николая Чудотворца не изображали коннымъ, толковалось богомольцами, какъ особое предзнаменованіе.

Св. Николай Чудотворецъ всегда почитался, какъ защитникъ и печальникъ о Русской землѣ и то, что онъ сѣлъ на коня, показывало, что онъ ополчился на брань за Русскій народъ. И говорили, что коммунистамъ пришелъ конецъ...

Все это было очень неприятно и тревожно для управления Петрокоммуны. Приближалось 25-ое октября. День знаменательный, день захвата власти большевиками и по установленному обычаю день — табельный и нарочито празднуемый въ Ленинградѣ. Къ этому дню готовились шествія. Совѣтскіе служащіе и рабочіе должны были собираться по районно и идти со своими красными знаменами торжественной процессіей къ могиламъ жертвъ революціи. Проспектъ 25-го октября убирала флагами и плакатами, мели и чистили, но обычного, хотя и принудительного подъема въ населеніи не ощущалось. Ждали въ этотъ день чего-то особеннаго и боялись идти.

Была во всемъ городѣ придавленность и страхъ событий, надвигавшихся и неотвратимыхъ. Много говорили о Богѣ, о Его силѣ и Его гнѣвѣ. Въ церквахъ было больше, чѣмъ обыкновенно, молящихся.

XXI.

Октябрьскій день былъ темень и хмурь. Морозило и была гололедка. Съ утра попархиваль снѣжокъ. Черныя, чугуныя статуи на Аничковскомъ мосту были точно тонкимъ Оренбургскимъ пуховымъ платкомъ, накрыты снѣговымъ узоромъ. Было холодно, скользко, но сухо. Мостовыя были покрыты зеленоватою жесткою грязью. Весь Ленинградъ, и старые и малые, сгонялись порайонно, чтобы составить внушительныя колонны. Части красной арміи подходили со своими музыкантами. Многіе заводы пришли съ заводскими оркестрами. Въ сумеркахъ рождающагося дня, то тутъ, то тамъ раз-

давалась музыка. Играли Марсельезу, Интернаціональ и марши. Команды распорядителей звучали громко и властно. Намерзшіе, съ утра ничего не ѣвшіе служащіе, плохо одѣтые, съ недовольными, хмурыми лицами топтались на мостовыхъ, ожидая приказа идти.

Нордековъ присматривался къ толпѣ. За эти дни онъ понялъ, что было бы очень опасно жить въ Петербургѣ въ гостинницѣ, еще того хуже было бы устроиться въ уплотненной квартирѣ, быть всегда съ совѣтскими людьми и на людяхъ. Тамъ неизбежно онъ сталъ бы предметомъ любопытства, наблюдений, возможно, разспросовъ. Тамъ каждый его промахъ вызвалъ бы доносъ, слѣжку и арестъ. Но въ ихъ «экстерриториальномъ» домѣ, въ ригѣ, подлѣ деревни Коломягъ — онъ былъ въ полной безопасности. Его могъ выдать только костюмъ, но костюмъ былъ по-совѣтски безупреченъ. Онъ самъ и стоявшій неподалеку отъ него Парчевскій такъ сливались съ толпой, что признать въ нихъ пришлыхъ было невозможно. Вѣрно сказалъ незнакомецъ, ихъ выдавали только глаза. У всѣхъ кругомъ — глаза были усталые и потухшіе. Въ нихъ отразилось, что всѣ эти шествія, процессіи, пролетарскіе праздники давно смертельно надоѣли. Никакого революціоннаго пафоса не замѣчалось. Шли по тяжелой обязанности, исполняя нудную повинность. Старики совсѣмъ завяли, молодежь бодрилась. Кругомъ точно собаки - овчарки подлѣ барановъ сновали распорядители, носатые, подрумяненные морозомъ брюнеты. Они покрикивали, устанавливая порядокъ. Къ нимъ то и дѣло подѣзжали велосипедисты, сообщавшіе о томъ, что дѣлается въ сосѣднихъ районахъ и когда можно будетъ трогаться... Собирались по заводамъ и предпріятіямъ. Гидромеханическій заводъ «Пожарное дѣло» съ улицы Скороходова пришелъ по улицѣ Бѣлинскаго и сталъ сзади рабочихъ завода «Транспортъ» съ проспекта Энгельса. Какой-то молодой человекъ съ горящими, какъ угли мрачными глазами отыскивалъ бумажную фабрику «Возрожденіе».

Впереди заиграли «Интернаціональ». Невыразимо печальны были звуки оркестра. Они двоили, отдаваясь

эхомъ о дома улицы. Сильнѣ посыпалъ снѣгъ и сталь таять. Колонна тронулась. Пробѣжалъ съ красной нарукавной повязкой распорядитель и крикнулъ:

— Граждане, прошу соблюдать революціонный порядокъ!

Парчевскій протолкался къ Нордекову и сказалъ:

— Помнишь у Блока: — «революціонный держите шагъ — неугомонный не дремлетъ врагъ». Давай-ка, братъ, пробираться впередъ. Пора. Наши уже тамъ: — «неугомонный не дремлетъ врагъ»...

Онъ ничего не боялся, этотъ молодчина гусаръ Парчевскій! Онъ уже примѣтилъ, что, кромѣ организованныхъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, много было людей, приведенныхъ домовыми комитетами и просто любопытныхъ, никому не знакомыхъ.

Толпа во образѣ колонны тронулась. Передніе, должно быть, комсомольцы, пытались идти въ ногу. Толпа имъ мѣшала. При всемъ кажущемся порядкѣ было очень много беспорядка, и Парчевскій это сейчасъ же оцѣнилъ. Была толпа — значитъ — можно было работать. Ее надо было обратить въ психологическую толпу и заставить поддаться внушенію.

Впереди запѣли «Интернаціональ». Голосисто завизжали дѣвки работницы, сбили съ тона и смолкли.

Рядомъ съ Нордековымъ шелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и рассказывалъ своему сосѣду:

— На шести еропланахъ прилетѣли ночью. Мнѣ Вузовецъ съ Калининскаго Политехникума докладывалъ. У нихъ, значитъ, пьянка была, расходились подъ утро, вотъ оно и свѣтать начинается. На поле, у деревни Ручьи спускается еропланъ и весь онъ серебряный... Ну, грандіозный! И совсѣмъ ничего не слышно, какъ моторъ работаетъ... Спустился и сейчасъ, значитъ, четыре въ кожаныхъ курткахъ какъ выскочатъ и разбѣжались по угламъ поля. Ну, видно, самые чекисты. И сейчасъ еще и еще шесть ероплановъ, ну такъ грандіозно это вышло... Онъ и не сталь смотрѣть, можетъ, тайна какая, еще въ отвѣтъ попадешь.

— Откуда же они прилетѣли?

— А кто же ихъ знаетъ, вѣдаетъ.

Парчевскій, внимательно слушавшій этотъ разговоръ и не перестававшій глазами шарить по толпѣ, показалъ Нордекову впередъ:

— Смотри, Гласовцы.

Теноръ Кобылинъ въ какихъ-то стариковскихъ оловянныхъ очкахъ, въ шапкѣ собачьяго мѣха, въ красномъ шарфѣ, совсѣмъ вѣчный совѣтскій Вузовецъ, или шкрабъ *) шелъ, усмѣхаясь подлѣ троттуара. Онъ увидалъ Нордекова и Парчевскаго, но и вида не показалъ, что узналъ ихъ. Басъ Труниловъ безъ шапки въ рваной фуфайкѣ спокойно спрашивалъ милицейскаго. Весь Гласовскій хоръ былъ въ головѣ колонны.

Въ толпѣ пробовали пѣть. Но, или всѣмъ смертельно надоѣлъ уныло звучащій «Интернаціональ» и совсѣмъ не бодрая рабочая Марсельеза, или не подобрались по голосамъ, не было регента, но пѣли ужасно уныло и нескладно.

— Мыши кота хоронятъ, — сказалъ тотъ, кто рассказывалъ о прилетѣ «грандіозныхъ» аэроплановъ.

Голова колонны вышла на Невскій. Снѣгъ все сыпалъ, таялъ на черныхъ суконныхъ толстовкахъ, на рваныхъ пальтишкахъ, текъ слезами по щекамъ. Легкій паръ поднимался надъ толпою. Бурое небо опустилось низко надъ домами. Перешли черезъ Аничковъ мостъ и, свернувъ на Садовую, тѣсно сдавились въ рядахъ. Впереди въ лиловыхъ туманахъ показались черныя голыя деревья Михайловскаго сада. Инженерный замокъ казался призракомъ. Въ его оградѣ стояли конныя части. Отъ мелкихъ косматыхъ лошадей шелъ густой паръ. Марсово поле было совсѣмъ близко. Оно было залито толпой, стоявшей между кустовъ сада. Тамъ было странно тихо. Должно быть посерединѣ, у могилъ жертвъ революціи, говорили рѣчи, и толпа, хотя и невозможно было слышать, стояла, прислушиваясь въ напряженной тишинѣ. Что-то невнятно бубнилъ громкоговоритель.

Вдругъ... Нордековъ не могъ уловить, какъ это про-

---

*) Шкрабъ — школьный работникъ, учитель.

изошло, въ эту тишину, нарушаемую только шелестомъ шаговъ по мокрому снѣгу, да частымъ кашлемъ, съ силою, съ особымъ бодрымъ призывомъ вошла смѣло запѣтая большимъ прекраснымъ хоромъ на мотивъ стараго Петровскаго марша дерзновенная пѣсня. Она началась разомъ, по невидимой палочкѣ, гдѣ-то въ толпѣ бывшаго регента.

— Подымайтесь, братья, съ нами
Знамя Русское шумить,
Надъ горами, надъ долами
Правда Русская летить.

Подъ это бодрое и лихое пѣніе всѣ какъ-то подтянулись. Шагъ сталъ ровнѣе, взяли ногу. Молодой распорядитель подсчиталъ: — «лѣвой, правой, разъ, два»... Головы поднялись. Стали прислушиваться. Хоръ въ толпѣ перешелъ ко второму колѣну марша и красивымъ переливомъ продолжалъ:

— Мы отъ дѣдовъ правду эту
Въ нашемъ сердцѣ сберегли.
Вырвемъ Русскую побѣду
У враговъ своей земли...

Съ силою, полными, далеко несущимися голосами продолжали:

— Славу Русскому народу
Дружно, громко мы поемъ.
За народную свободу
Противъ красныхъ мы идемъ.
Съ нами всякъ, кто вѣритъ въ Бога,
Съ нами Русская земля
Мы пробьемъ себѣ дорогу
Къ стѣнамъ древняго Кремля...

Заверещали свистки милицейскихъ... Кто-то побѣжалъ, подбирая полы длинной шинели, къ Инженерно-

му Замку. Въ толпѣ началось смятеніе. Одни устремились впередъ, подальше отъ этой смѣлой пѣсни, другіе проталкивались назадъ. Передніе, поддавшись обаянію лихой и бодрой пѣсни, смѣло и гордо шагали въ ногу, подъ ясное и все болѣе и болѣе воодушевленное пѣніе:

— Крѣпче бей нашъ Русскій молотъ
И греми, какъ Божій громъ,
Пусть падетъ во прахъ расколотъ
Сатанинскій Совнаркомъ....

Смерть проклятымъ комиссарамъ...
Нѣтъ у насъ пощады имъ.
Русскимъ дружнымъ мы ударомъ
Эту нечисть истребимъ....

Изъ двора Инженернаго Замка рысью выѣзжалъ эскадронъ конной милиціи. Кое-кто, шедшій за хоромъ, бросился бѣжать. Была страшная давка и смятеніе. И только маленькая кучка словно очарованныхъ пѣніемъ людей бодро шла впередъ навстрѣчу выстраивавшему фронтъ эскадрону, и особенно ярко, звонко и смѣло гремѣлъ на все поле дружный хоръ:

— Подымайтесь, братья, съ нами
Знамя Русское шумить,
Надъ горами, надъ долами
Правда Русская летить... *).

Эскадронъ пробился черезъ толпу бѣгущихъ и, выстраивая фронтъ и разгоняя прижимающихся къ домамъ и рѣшеткамъ садовъ людей, рысью пошелъ на поющихъ. Пѣсня не смолкала. Она неслась дерзкимъ неудержимымъ вызовомъ.

Внезапно развернулся и яркой молніей блеснулъ въ сумрачномъ воздухѣ, въ снѣгу и туманахъ октябрьскаго Петербургскаго дня, сверкая сквозь снѣговую кисею

---

*) Пѣсня братьевъ Русской Правды.

и колеблясь въ призранныхъ точахъ большой Русскій Бѣло-сине-красный флагъ...

— Маршъ-маршъ, — скомандовалъ остервенѣлый краскомъ и выхватилъ изъ ноженъ шашку.

Люди, стоявшіе на окраинѣ сада Марсова поля, давно услышавшіе пѣніе, повернулись лицомъ къ Садовой. Между голыхъ кустовъ, на покрытыхъ тающимъ снѣгомъ буро-зеленыхъ газочахъ, вдоль набережной Мойки, вездѣ были растерянные, не знающія, что дѣлать толпы. Все въ этотъ мигъ атаки замерло и смотрѣло съ ужаснымъ, волнующимъ вниманіемъ, какъ начнется чекистская рубка.

И вдругъ — «а-а-аххъ»... стономъ пронеслось надъ толпами.

Весь эскадронъ, точно сраженный какою-то сверхъестественною силою, всѣ люди и лошади, будто онѣ разомъ подскользнулись на мокрыхъ и скользкихъ торцахъ упали на землю и такъ и остались лежать на ней совершенно недвижимые. Никто не смотрѣлъ, что было дальше, куда дѣвался Русскій флагъ, куда скрылись дерзкіе пѣвцы, но всѣ, какъ заколдованные, смотрѣли на темный валъ изъ людскихъ и конскихъ тѣлъ сраженныхъ неслышной и невидимой силой и легшихъ неподвижною грядою поперекъ «улицы 3-го іюля».

Такъ, когда-то, въ 1917-мъ году, 3-го іюля, на Литейномъ проспектѣ подкошенныя большевицкимъ залпомъ, легли поперекъ проспекта доблестные Донскіе казаки. Въ память этой бойни большевики назвали большую Садовую улицу «улицею 3-го іюля». Она напомнила о себѣ. Она отомстила за казаковъ.

Объ этомъ невольно думали въ толпѣ, расходившейся съ церемоніи. Думали и боялись своихъ думъ, воспоминаній и надеждъ... Говорить, ничего не говорили... Самыя думы были страшны...

«Богъ вернулся къ Сѣверной столицѣ... Замолила наши грѣхи передъ Господомъ Казанская Божія Матерь... Огонь поядающій настигъ на улицѣ злыхъ гонителей и насильниковъ...»

Думали, мысленно, потаенно молились и молчали, молчали, молчали... Въ эти дни въ Петербургѣ была та-

кая тишина, какой никогда со времени существованія Сѣверной столицы въ ней не было.

Тишина ожиданія..

И такъ отвѣчали этой тишинѣ хмурые, темные, туманчые, послѣдніе дни октября съ темнобурымъ низкимъ непрозрачнымъ небомъ съ мелко морозящимъ дождемъ, съ тьмою надъ городомъ, съ тусклымъ мерцаніемъ съ утра зажженныхъ фонарей.

XXI.

Праздникъ 25-го октября въ Москвѣ праздновался гораздо торжественнѣе и оживленнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Близость начальства, незримое присутствіе самого творца совѣтскаго союза Владиміра Ильича Ленина, словно спящая красавица лежавшаго въ хрустальномъ гробу, подъ громаднымъ каменнымъ кубической формы безобразнымъ саркофагомъ, наличность большого числа иностранныхъ и ичородческихъ коммунистовъ, пылкихъ азіатовъ и даже африканцевъ, проповѣдчиковъ коммунизма — все это подстегивало толпу, заставляло ее бодрѣе маршировать, склоняя знамена, мимо могилы Ленина, забывая голодъ и морозъ. Начальство къ этому дню заготовляло бутерброды и раздавало манифестантамъ, что увеличивало рвеніе голодныхъ толпъ городского пролетаріата и рабочихъ.

День выдался ясный и солнечный. Небо было безъ единого облака. Октябрьское солнце грѣло мало, но слѣпило на выпавшемъ наканунѣ молодомъ и чистомъ снѣгу глаза. Много было нагнано нищей и оборванной замерзающей дѣтвора изъ различныхъ школъ и приютовъ. Все это шагало черезъ Красную площадь съ утра, показывая мощь пролетаріата, въ чинномъ порядкѣ. Порядокъ этотъ соблюдался строго. Кремль былъ оцѣпленъ отрядами чекистовъ, и Николай Николаевичъ Чебыкинъ, — пятнадцать лѣтъ тому назадъ прокуроръ Окружного Суда въ этой самой Москвѣ, самъ коренной Москвичъ, сразу почувствовалъ, что исполнить возло-

женное на него и на его «экипъ» капитаномъ Немо порученіе ему будетъ не такъ то просто...

У Кремлевскихъ воротъ толпу процѣживали, и пропускали только тѣхъ, о комъ было извѣстно отъ какой организаціи они шли. Требовали отъ одиночныхъ людей какихъ-то особыхъ пропусковъ, и этихъ-то пропусковъ и не было дано Чебыкину. Не знали этого что ли Ястребовъ и генераль Чекомасовъ, но они не снабдили ими «экипъ», посланный для работы въ Москву. Все дѣло такъ прекрасно налаженное могло сорваться изъ-за этой мелочи.

Куда ни пристраивался Чебыкинъ со своимъ «экипомъ», всюду его спрашивали, откуда онъ и кто?

— Вы, гражданинъ, чего? Здѣсь отъ «Прибоя»...

Чебыкинъ шель къ другому сборищу, но тамъ собирался «Стандартъ-строй», дальше — «Тепло и сила», «Мосельпромъ», все то, что пропускалось въ Кремль, было зарегистрировано, было извѣстно чекистамъ. Сърая, никому неизвѣстная, никѣмъ не рекомендованная, безпартийная толпа въ Кремль не могла получить доступа... Чебыкинъ былъ въ полномъ отчаяніи. Вдругъ какой-то человѣкъ къ нему присмотрѣлся, потомъ подошелъ почти вплотную и сказалъ внушительно и вѣско:

— Если вы, граждане, отъ «Красной вагранки», вамъ надо идти съ нами.

Онъ еще ближе придвинулся къ Чебыкину, чуть распахнулъ на груди черную грубую толстовку, и Николай Николаевичъ на мгновеніе увидѣлъ на шеѣ незнакомца такъ хорошо знакомый ему «братскій» крестъ. Тогда Чебыкинъ спокойно отвѣтилъ:

— Я и мои товарищи отъ «Красной вагранки».

Незнакомецъ обратился къ распорядителю, бронзовому молодому человѣку, не то индусу, не то сарту и сказалъ съ авторитетностью человѣка, имѣющаго власть:

— Товарищъ, допустите вотъ ихъ... Они намъ извѣстны. Делегаты отъ «Красной вагранки»...

Шествіе тронулось въ Кремль.

Отъ яркаго кумача, затянувашаго трибуны и самыя стѣны Кремля все кругомъ было точно въ какомъ-то

пламенномъ сїяніи. Синее небо блистало надъ Кремлемъ. Бѣлый снѣгъ площади постепенно заполнялся темной толпой, надъ которой полыхали тутъ и тамъ красныя знамена и плакаты. Все было ярко, красочно и аляповато, какъ грубый народный лубокъ.

Въ морозномъ воздухѣ гремяли оркестры. Красная армія становилась на площади правильными прямоугольниками резервныхъ колоннъ. Командные крики, четкость построений создавали впечатлѣніе порядка и усиливали праздничную торжественность Красной площади. На трибуны сѣзжалось правительство. Сквозь толпу, гудя и фырча, проходили автомобили комиссаровъ. Конная милиція крупами лошадей, не хуже былыхъ жандармовъ, осаживала правовѣрный, отцѣженный народъ. Кое-гдѣ для остротки посвистывали нагайки. Толпа была молчалива.

Чебыкинъ окинулъ глазомъ площадь. «Хватитъ ли», — подумалъ онъ. Его сосѣдъ, помощникъ его въ «экипѣ», «въ міру», какъ онъ про себя говорилъ, — присяжный повѣренный Демчинскій, точно угадалъ его мысль.

— Если всѣ шесть разомъ, хорошо выйдетъ: мнѣ профессоръ говорилъ — два квадратныхъ километра въ десять секундъ... Придется таки намъ съ вами сегодня поплакать.

Музыка прекратилась. Безконечныя, вѣроятно, съ раняго утра проходившія мимо могилы «Ильича» процессіи, были остановлены и поставлены лицомъ къ трибунѣ. Настало время рѣчей. Чебыкинъ посмотрѣлъ на часы.

— Пора, — шепнулъ онъ Демчинскому.

Нажатіемъ руки снаружи пальто, — руки въ карманахъ запрещено было держать, — онъ освободилъ холодную склянку, морозившую ему бедро, и почувствовалъ, какъ она быстро скользнула вдоль ноги и упала подлѣ сапога. Онъ наступилъ на нее ногою.

Прошла томительная секунда, показавшаяся Чебыкину вѣчностью. За эту секунду такъ много онъ передумалъ. «Вдругъ испортился составъ, ничего не выйдетъ. сосѣди замѣтятъ раздавленное стекло, его заподозрятъ, схватятъ, поведутъ, и придется пускать то самое страшное, отъ чего чья-то произойдетъ смерть». Это казалось

Чебыкину ужасно труднымъ, просто таки невозможнымъ.

Ледяной токъ бѣжалъ по жиламъ. Говорять, передъ казнью вся жизнь проносится быстрымъ потокомъ, такъ теперъ неслась передъ Чебыкинымъ въ воспоминаніяхъ его жизнь въ маленькомъ пригородномъ мѣстечкѣ, работа въ газетѣ, скромныя эмигрантскія развлеченія и пустота и тина Парижской жизни Русской колоніи. Какою прекрасной она показалась ему сейчасъ! Сердце отбивало въ вискахъ секунды и, несмотря на морозъ, лобъ вспотѣлъ подъ легенькой каскеткой. Чебыкинъ овладѣлъ собою и сталъ отсчитывать секунды. Ему казалось, что ихъ прошло что-то ужасно много. «Десять, одиннадцать, двѣнадцать», — считалъ онъ. И все страшнѣе и страшнѣе становилось ему. Онъ не смѣлъ оглянуться.

Вдругъ что-то ударило ему въ носъ, какъ ударяеть изъ пѣнистаго бокала шампанская игра. Сразу защипало глаза, сжало до боли вѣки и крупныя слезы покатились по щекамъ. Чебыкинъ собралъ всѣ свои силы, заставилъ себя открыть глаза и черезъ пелену слезъ окинулъ взглядомъ площадь. Странное зрѣлище представилось ему. Вся громадная площадь, заставленная войсками, покрытая народными толпами, точно получила какой-то ударъ. Рѣчь, такъ самоувѣренно, властно, самохвально и сильно звучавшая съ трибуны, вдругъ оборвалась на полусловѣ. Въ рядахъ красной арміи было шевеленіе, ружья держали кое-какъ, люди опустили головы, повсюду были видны бѣлые платки. Утирались рукавами, кулаками, терли глаза ладонями и не могли остановить слѣпящаго потока слезъ. Никто не могъ поднять глазъ къ небу, а между тѣмъ именно съ неба то и неслось то, что должно было оскорбить, смутить и поразить собранныхъ здѣсь правовѣрныхъ, «стоцентныхъ» коммунистовъ. Но посмотрѣть въ эту голубую высь, пронизанную золотыми солнечными лучами, казалось — потерять зрѣніе навсегда.

Величественные, плавные, возбуждающіе, несказанно красивые звуки стараго, «бывшаго» Русскаго народнаго гимна лились съ небесной вышины.

Сколько разъ, на коронаціяхъ Императоровъ, на парадахъ и церемоніяхъ на этой самой Красной площади, въ этихъ самыхъ стѣнахъ Кремля, подлѣ его соборовъ и церквей, подлѣ дворцовъ, помнящихъ бывшихъ Царей и Великихъ Князей Московскихъ, въ теченіе почти ста лѣтъ играли этотъ гимнъ. И точно стѣны Кремля, башня Ивана Великаго, стѣны и купола Успенскаго собора и Василя Блаженнаго впитали, вобрали въ себя и сохранили эти молитвенно чистые возбуждающіе на подвигъ любви звуки и теперь излучали ихъ непостижимымъ образомъ среди людей, отъ Отечества своего отрехшихся.

Можетъ быть, только инородцы и жидаы, — этихъ было особенно много въ толпѣ и на трибунахъ, — да зеленая комсомольская молодежь ничего не чувствовали, кромѣ недоумѣнія и злобы. Всѣ остальные, закоренѣлые, матерые коммунисты изъ продавшихся власти интернаціонала Царскихъ генераловъ, изъ ученыхъ, профессоровъ и чиновниковъ, изъ старыхъ рабочихъ, выдавшихъ и знавшихъ инья времена и порядки, почувствовали, какъ гдѣ-то далеко внутри ихъ должно быть тамъ, гдѣ все-таки есть душа, которую они отрицаютъ, что то вмѣстѣ съ произвольными слезами поднялось и смутило ихъ. И стало казаться, что вотъ эти самые звуки, съ дѣтства святыя и священныя, съ дѣтства дорогіе, ибо въ нихъ отражалось Отечество, великая и могучая Россіи, именно они то и вызвали эти неудержимыя, неукротимыя слезы, остановить которыя никто не могъ.

Тяжелые вздохи и всхлипыванія раздавались вокругъ Чебыкина. Гимнъ кончился. Въ наступившей на мгновеніе тишинѣ кто-то громко, съ тяжкимъ вздохомъ произнесъ:

— Что потеряли то!

И сейчасъ же раздалось мощное: — «пумъ, пумъ, пумъ» и съ неба полились четкіе звуки прекраснаго оркестра:

— Боже, Царя храни...
Сильный, Державный,
Царствуй на славу,
На славу намъ...

А между тѣмъ здѣсь эти слова были величайшимъ святотатствомъ, болѣе того — государственнымъ преступленіемъ, крамолой. Чекисты старались поднять застекленные слезами глаза къ небу и разглядѣть тѣхъ дерзновенныхъ, кто тамъ въ небесной вышинѣ — и какъ! — смѣлъ играть.

Гимнъ былъ проигранъ три раза. И когда въ третій разъ смолкли его торжественные, мощные звуки, слезы стали течь медленнѣе, пароксизмъ плача, ибо что же это могло быть, какъ не болѣзненный припадокъ? — сталь проходить и люди очухались.

Тогда рискнули взглянуть вверхъ.

Чистая синева была въ небѣ. Золотыми пузырьками струились въ немъ солнечные отблески, ходили вверхъ и внизъ въ затѣйливой игрѣ.

Ни естественнаго, какого-нибудь тамъ что ли воздушнаго шара, ни сверхъестественнаго — ангеловъ, трубящихъ въ трубы, тамъ не было. Чистое, октябрьское, Московское небо, сіянье полуденныхъ солнечныхъ лучей и въ немъ купола старыхъ церквей Кремлевскихъ — больше ничего.

Но даже на трибунѣ, гдѣ собрался махровый цвѣтъ людской лжи и наглости, поняли, что теперь нельзя, ибо совершенно бесполезно, продолжать рѣчь о достиженіи «пятилѣтки», о побѣдѣ коммунистовъ въ Германіи, о финансовомъ крахѣ Англии и о раболѣпствѣ передъ большевиками Франціи. Неубѣдительно и смѣшно показались бы теперь эти слова.

Было приказано расходиться.

Толпы шли колоннами и нестройными группами. Въ нихъ каждому хотѣлось говорить, обсудить, что же это въ самомъ дѣлѣ произошло, какъ и кѣмъ могло быть все это сдѣлано? Но говорить никто не смѣлъ. Секретные агенты, какъ никогда, были внимательны и шныряли повсюду и каждый въ каждомъ видѣлъ врага, шпіона и доносчика. Страненъ былъ видъ этихъ тысячныхъ толпъ, двигавшихся по Москвѣ въ гробовомъ молчаніи. Зимній день клонился къ вечеру. Румяная заря горѣла надъ городомъ. Отъ земли поднимался туманъ. Въ немъ

призраками, вышедшими изъ могилъ мертвецами, казались всѣ эти люди, расходившіеся по своимъ конурамъ.

Въ совѣтѣ народныхъ комиссаровъ было собрано чрезвычайное совѣщаніе. Ничего таинственнаго ни въ слезахъ, ни въ гимнѣ найдено не было. Оркестръ былъ спрятанъ гдѣ-то на башняхъ. Можетъ быть, даже его игру передавали по радіо, усиленному громкоговорителемъ. Въ толпу были пущены слезоточивые газы. Кто установилъ этотъ оркестръ или радіо-аппаратъ, кто пустилъ газы — должно было установить Гепеу.

Начались обыски и повальные осмотры Кремля со всѣми его закоулками и тайниками. Однако, смущенные таинственными смертями своихъ товарищей, уже нѣкоторое время неизмѣнно слѣдовавшими за слишкомъ большое служебное стараніе и рвеніе, агенты Чрезвычайки на этотъ разъ обыскивали безъ должнаго усердія и рвенія и ничего и никого не нашли.

Страхъ и растерянность овладѣли обычно такими самоувѣренными и наглыми Московскими владыками. Такъ некстати пришло показаніе одного Ленинградскаго помпрокурора о томъ, что, примѣрно годъ тому назадъ, къ нему являлся нѣкій гражданинъ, именовавшій себя *Өомою Өомичемъ Өоминымъ*, Кронштадтскимъ мѣщаниномъ, повидимому, сумасшедшій. Этотъ *Өо-минъ* вычитывалъ передъ прокуроромъ изъ Библии пророчество *Даніилово* и предсказывалъ такую же скорую гибель Сталина и совѣтской республики.

И шептали, что будто бы самъ Сталинъ требовалъ себѣ Библию и читалъ *Даніилово* пророчество. *Өо-мича* было приказано разыскать и арестовать, но какъ оказалось, тогда же *Өо-минъ* былъ арестованъ и за дерзкія слова и храненіе запрещенной книги сосланъ на далекой сѣверъ... А далекой сѣверъ...

Вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ никто ничего не могъ сказать, что тамъ происходило...

Слухи оттуда шли самыя невѣроятныя и ужасныя.

XXIII.

О событіяхъ, происходившихъ этою осенью въ Москвѣ, Ленинградѣ и другихъ большихъ городахъ республики естественно въ совѣтскихъ газетахъ ничего не писали. «Правда», «Извѣстія», «Красная газета» въ обычныхъ официальныхъ, приподнятыхъ тонахъ съ наиграннымъ пафосомъ описали торжества по случаю праздника республики, но въ пафосѣ этомъ можно было замѣтить и какую-то несвойственную большевикамъ сдержанность. И редакторы газетъ, и казенные писатели, и рабкоры знали, что народъ уже все зналъ и, если молчалъ, то молчаніе его становилось все болѣе грознымъ и зловѣщимъ.

Какъ ни туго былъ завязанъ платокъ на рту совѣтскаго обывателя, какъ ни былъ онъ приученъ молчать и скрывать свои чувства и думы, въ народѣ опредѣленно говорили, что коммунистамъ пришелъ конецъ, что Царь идетъ съ сѣвера, и настала пора расплаты за все. Отъ этихъ страховъ грядущей расплаты полицейскій аппаратъ слабѣлъ неудержимо. Въ народѣ крѣпло сопротивление властямъ.

Налоги поступали неправильно, неаккуратно и не въ должномъ размѣрѣ. Колхозы не сдавали хлѣбъ въ казну, но дѣлили его между рабочими, продавали на сторону. Потомъ стали и земли колхозовъ дѣлить между собою. Кто-то пустилъ въ народѣ слухъ, что самъ Сталинъ приказалъ дѣлить колхозы «въ собственность». Что это новая экономическая политика, вызванная мировымъ кризисомъ, новый НЭП, такъ называемый «неонэпъ», особый свыше одобренный «прогибъ» и «уклонъ».

Красная армія отказывалась выступать противъ колхозниковъ. Во многихъ частяхъ арміи и флота произошли беспорядки «на экономической» почвѣ. Эти беспорядки были, пожалуй, самими большевиками подготовлены. Они такъ усердно показывали матросамъ и солдатамъ Эйзенштейновскій фильмъ «Броненосецъ Потемкинъ» и въ немъ учили матросовъ, какъ имъ надо

поступать, когда имъ дадутъ не свѣжую провизію. Продо-вольствія не хватало уже и на армію. Въ одинъ сквер-ный ноябрьскій день на броненосецъ «Парижская Ком-муна» было доставлено мясо съ червями. Матросы взбунтовались, сбросили «комсоставъ» въ воду и от-крыли огонь по Кронштадту. Къ «Парижской Комму-нѣ» присоединился линейный корабль «Марать». Успо-коить разъяренныхъ матросовъ удалось, лишь убѣдивъ ихъ, что это дѣло рукъ «вредителей» и что эти «вреди-тели» будутъ подвергнуты самымъ жестокимъ пыткамъ, а затѣмъ смертію казнены.

Предстояли срочные платежи по Германскимъ, Анг-лійскимъ и Французскимъ займамъ. Страна была объ-ята возстаніями и собирать принудительно хлѣбъ было невозможно. Казна была пуста.

Къ счастью большевиковъ, все это произошло тог-да, когда они успѣли задолжать кругомъ крупныя сум-мы промышленникамъ, поддержаннымъ государствен-ными банками, и во всемъ мірѣ началась тревога, какъ помочь совѣтскому правительству подавить возстанія и окрѣпить настолько, чтобы оно снова могло экспло-атировать Русскій народъ и выжимать изъ него сред-ства для уплаты по долгамъ. Еще къ великой радости большевиковъ къ этому времени имъ удалось заключить со всѣми большими государствами Европы пактъ о не-нападении, войти въ довѣріе передъ Лигой Націй, убѣ-дить всѣхъ въ своемъ миролюбіи, «пацифизмѣ», а это въ тѣ времена былъ тотъ самый червячокъ, на который особенно охотно клевала демократическая рыбка.

Совѣтское правительство демонстрировало передъ всѣмъ міромъ свое тяжелое положеніе вслѣдствіе непре-кращающихся возстаній и указывало, что, если ему не будетъ оказана помощь денежная, а если понадобится, то и войсками, въ Россіи неминуемы еврейскіе погромы и возстановленіе Императорской власти.

Большевицкая власть по своему составу была ев-рейская власть. На всѣхъ командныхъ постахъ преиму-щественно, а въ комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ почти исключительно сидѣли евреи. Русскій народъ былъ прочно зажатъ въ еврейскіе тиски и обращенъ въ ра-

бовъ еврейскаго капитала. Теперь этому самому капиталу грозила опасность не получить того, что задолжала ему совѣтская власть. Торговля во всемъ мірѣ глохла, страшный экономическій кризисъ охватилъ государства Европы. Количество безработныхъ исчислялось милліонами. Скандалы въ кинематографахъ, гдѣ пытались показывать совѣтскія фильмы, препятствіе торговлѣ совѣтскими товарами, все это раздражало торговый и банкирскій міръ, и было рѣшено оказать мощную экономическую поддержку большевикамъ, чтобы они могли справиться со своими финансовыми затрудненіями и подавить всѣ возстанія и беспорядки, не прекращавшіеся съ нѣкотораго времени въ странѣ.

Съ этою цѣлью нѣсколько самыхъ крупныхъ представителей мірового банковскаго міра должны были съѣхаться на совѣщаніе въ ноябрѣ, въ одномъ изъ банковъ Берлина и тамъ обсудить какъ и въ какой степени капиталистическій міръ можетъ помочь государству, гдѣ осуществляется чистый социализмъ.

Наканунѣ засѣданія собравшіеся банкиры, и каждый на томъ языкѣ, на которомъ онъ говорилъ, получили отбитыя на машинкѣ анонимныя записки. Этими записками они предупреждались, что если они соберутся на это засѣданіе, они погибнутъ страшною смертью.

Это было принято, какъ «бѣлогвардейская» выходка Русскихъ эмигрантовъ, людей безсильныхъ. Съ ними давно надо было прикончить. На записки не было обращено никакого вниманія. Помѣщеніе банка охранялось громаднымъ нарядомъ явной и тайной Берлинской полиціи. Лучшіе полицейскіе агенты всѣхъ странъ, откуда были банкиры, были вызваны для охраны банка. Никакая опасность не могла угрожать собравшимся. Въ цѣломъ кварталѣ было прекращено движеніе, жители сосѣднихъ домовъ были выселены и на ихъ мѣсто посажены полицейскіе агенты. Никогда ни одно коронованное лицо не охранялось такъ тщательно и заботливо, какъ охранялись эти жида банкиры, владыки мірового капитала.

И тѣмъ не менѣе...

Какъ это случилось — надъ этимъ ломали головы

лучшіе криминалисты всего міра и представители политическаго и уголовного розыска Европы. Каждая ихъ догадка, однако, сейчасъ же опровергалась, и догадокъ было много, отгадки ни одной.

Во время засѣданія, когда читался докладъ мѣстнаго представителя совѣтской власти, все зданіе, солидно, съ нѣмецкою основательною фундаментальностью построенное изъ громадныхъ гранитныхъ глыбъ, было объято совсѣмъ необычайнымъ пламенемъ. Жаръ былъ такъ силенъ, что расплавились стальные камеры кладовыхъ и не только всѣ кто былъ внутри зданія, но и вся наружная охрана живьемъ сгорѣли въ какое-нибудь мгновеніе. Въ противоположныхъ домахъ полопались стекла и загорѣлись деревянныя двери и створки оконъ. Все это продолжалось какіе-нибудь полчаса. Пожарные едва успѣли пріѣхать, какъ отъ зданія остались только обугленные стѣны. Спасать и тушить было нечего. Внутри въ хаотическомъ беспорядкѣ были навалены куски погнутаго расплавленнаго желѣза, камни, да въ известъ обращенныя человѣческія кости. Золото въ сейфахъ было расплавлено и перемѣшалось съ камнями и мусоромъ, отъ бумажной валюты и кассовыхъ книгъ ничего не осталось.

«Огонь поядающій» сошелъ съ неба и попалилъ пособниковъ діавола.

Конечно, такое объясненіе не годилось для правительствъ тѣхъ странъ, откуда были банкиры. Вызванные спеціалисты, химики и артиллеристы признали, что такіе составы, могущіе все обратить въ пламень, могли быть. Тутъ нѣтъ ничего ни Божескаго, ни чудеснаго. Подобныя бомбы имѣются въ воздушныхъ флотахъ міра. Странно было, что никто не слышалъ грохота разрыва, никто не видѣлъ аэроплана, прилетѣвшаго къ зданію банка, а между тѣмъ банкъ охранялся воздушнымъ флотомъ.

Возмущеніе по этому поводу было громадное, и на требованія совѣтскихъ представителей о примѣрномъ наказаніи «вредителей», наглость которыхъ превзошла всѣ мѣры, было торжественно обѣщано, что, если совѣтское правительство докажетъ, что эти вредители имѣ-

ють какую-то базу внѣ совѣтской республики, что ихъ дѣйствія направляются изъ заграницы, распоряженіемъ Лиги Націй будетъ составленъ мощный международный отрядъ, которому будетъ поручено истребленіе этой базы.

Докладъ капитана Холливеля въ «Интеллидженсъ Сервисъ» о таинственномъ кинематографическомъ обществѣ «Атлантида» рѣшилъ дѣло. Детективнымъ бюро и развѣдкамъ всего міра было приказано отыскать во что бы то ни стало мѣсто нахождения пассажировъ парохода «Немезида».

Въ этомъ совѣтской власти помогла Русская «бѣлая» эмиграція.

XXIV.

Зимою этого года въ Русскомъ эмигрантскомъ мірѣ много говорили о томъ, что образовавшееся въ прошломъ году кинематографическое общество «Атлантида» вовсе не кинематографическое общество, а бѣлогвардейскій отрядъ, набербованный какимъ-то генераломъ для десантныхъ операцій въ совѣтской Россіи. Называли и имя этого генерала, впрочемъ, всякій разъ разное. А съ нѣкоторыхъ поръ стали говорить, что этотъ отрядъ собрался на какомъ-то уединенномъ острову въ Атлантическомъ океанѣ недалеко отъ Саргассова моря, тамъ устроилъ базу, съ этой базы говоритъ по радіо и посылаетъ своихъ людей на аэропланахъ во всѣ страны Европы.

Эти слухи пошли изъ Парижа и даже, точнѣе, изъ того маленькаго предмѣстья Парижа, такъ называемаго бан-лье, гдѣ была вилла «Les Coccinelles». Точно тамъ кто то бросилъ камень въ воду и какъ отъ такого брошеннаго камня идутъ все расширяющіеся круги, такъ и отъ слуховъ, пошедшихъ оттуда, пошла вся эта молва. И чѣмъ дальше отъ Парижа, тѣмъ ярче и шире были рассказы о томъ, что тамъ дѣлается. Въ Югославіи этотъ отрядъ обратился въ цѣлый корпусъ Императорской арміи съ настоящими цвѣтными дивизіями, навер-

бованными изъ необычайно воинственныхъ туземцевъ этого острова. Въ Болгаріи это былъ уже не корлусъ, но цѣлая двухсоттысячная армія и при ней мощный тоннажъ для доставки ея въ Россію. Тамъ по фамиліямъ называли генераловъ, назначенныхъ въ эту армію. Ихъ будто бы нарочно показывали умершими. Называли и цифру прогонъ и пособій, яко бы полученныхъ этими генералами: сто долларовъ на дорогу и сто на экипировку.

Эти слухи по разному отзывались въ различныхъ эмигрантскихъ кругахъ. Большинство, и особенно, люди старые, радостно волновались. Наконецъ-то дождались они движенія воды. Они подавали начальникамъ отдѣловъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза, честь честью, по командѣ, прошенія о принятіи на службу съ приложеніемъ, кто тщательно сквозь всѣ бури и ненастья эмигрантскаго существованія пронесенныхъ подлинныхъ послужныхъ списковъ на толстой, пожелтѣвшей отъ времени «министерской» бумагѣ, съ сургучными печатями, прошнурованныхъ и скрѣпленныхъ должными подписями, кто прилагалъ только записки о своей службѣ самимъ же подавателемъ и составленныя по памяти и посвидѣтельствованныя двумя или тремя товарищами, знавшими прохожденіе службы просителя... Многие офицеры и казаки бросали насиженные мѣста и кормившую ихъ работу и ѣхали въ столицы тѣхъ странъ, гдѣ они жили и тамъ просили, чтобы они въ первую очередь были посланы въ формируемую армію. Чѣмъ дальше отъ Парижа, тѣмъ въ этихъ кругахъ было сильнѣе оживленіе. Въ Болгаріи и Югославіи казаки вырядились въ высокіе сапоги, сѣрозеленыя «гимнастерки», а Кавказцы въ черкески, подоставали изъ завѣтныхъ сундучковъ и корзинъ старыя шашки, чистили ихъ, точили и смазывали, готовясь къ настоящему походу. Слова «сборъ» и «походъ» громко и внушительно звучали по кафанамъ и Русскимъ ресторанчикамъ, столовымъ и чайнымъ и къ концу завтраковъ тамъ раздавались страстныя рѣчи, сопровождаемыя громовымъ ура!

Молодежь отнеслась холоднѣе и подозрительнѣе.

Кое-кто женился на иностранкахъ, у кого завелись прочныя связи и работа въ приютившихъ ихъ государствахъ, бросать все это такимъ упорнымъ, тяжелымъ и долготѣльнымъ трудомъ нажитое и устроенное для чего-то неопредѣленнаго и неизвѣстнаго, было тяжело. Роли переменялись: въ энтузіастахъ и легкомысленно летящихъ на огонь бабочкахъ оказались старики, въ холодныхъ, разсудительныхъ философахъ была молодежь.

— Для Россіи — да... — говорили въ ея кружкахъ. — Для Родины, конечно, Это словъ нѣтъ — свято... Но кто поведетъ и подъ какими лозунгами?

Собранія союзовъ молодежи, а ихъ къ этому времени было немало, протекали съ бурною страстностью. Раздавались истерическіе выкрики:

— Нѣтъ, господа... Ни на какую реакцію я не согласенъ... Старая Россія себя изжила... Старой Россіи не можетъ быть. Смѣшно идти въ теперешнюю Россію съ Императорскими знаменами и навязывать императора народу, который его не хочетъ. Я стою за подлинную демократію. Въ ней вижу залогъ настоящей культуры и возрожденія Россіи.

Въ другомъ кружкѣ не менѣе страстно говорили:

— Кому, господа, служить и за что умирать? Не служить же какимъ-то таинственнымъ капитанамъ Немо, едва ли не масонскаго происхожденія?.. Надо служить Россіи, и Россіи національной. Другой Россіи я не признаю. Россія — это прежде всего — православіе и Царская власть. Вне православія и Царской власти нѣтъ и Россіи, а потому съ «непредрѣшенцами» я не пойду. За «непредрѣшенчествомъ» скрываются господа Милюковы, Гучковы и Керенскіе. Тѣ, кто первый сказалъ: — «глупость или измѣна» и сталъ отцомъ проклятой революціи, кто выпустилъ приказъ № 1, разрушившій Русскую армію и давшій Россіи несмыслаемый позоръ военнаго пораженія и разгрома, кто, сдавъ власть большевикамъ, погубилъ Россію. Повторять эти пути, идти этими же этапами Учредительнаго собранія, матроса Желѣзняка и Ленина предоставляю другимъ. Я этимъ путемъ не пойду. Законную Россію порядка можно создавать только законнымъ путемъ... Для меня свято то,

что говорить мой императоръ: — «подъ лозунгомъ борьбы съ большевиками вожди эти принесутъ нашему Отечеству порабощеніе его самобытности, расхищеніе его природныхъ богатствъ, а можетъ быть, и отторженіе еще новыхъ областей и оттѣсненіе отъ выходовъ къ морямъ»... И потому я противъ всякой борьбы.

Пользуясь полной свободой собраній во Франціи молодежь собиралась на большія открытыя сборища по 200-300 человекъ, нанимали для этого залы, куда допускали всѣхъ, взимая лишь на покрытіе расходовъ по два франка и тамъ кричали и шумѣли о тайной организаціи, скрывшейся подъ фирмой кинематографическаго общества «Атлантида». Розыскъ всѣмъ этимъ былъ весьма облегченъ.

— Тайное, — кричали на этихъ собраніяхъ горячія головы. — Ты мнѣ скажи, кто ты и во что ты вѣруешь — тогда я пойду... Довольно авантюръ. Освободить Россію безъ иностранцевъ, безъ иностранной помощи мы не можемъ, — это ясно, какъ шоколадъ. А отдавать Россію въ кабалу иностраннымъ государствамъ я не желаю. Россія должна освободиться сама и, освободившись, она скажетъ свое слово и этому слову я подчинюсь. Будетъ монархія — я присягну монархіи, будетъ республика, я готовъ служить и республикѣ. Я «непредрѣшитель» въ силу того, что не считаю себя въ правѣ навязывать свое мнѣніе Русскому народу. А въ вождей я давно пересталъ вѣрить... Довольно!..

Были и еще болѣе рѣшительные и темпераментные молодые люди изъ самыхъ молодыхъ. Они договаривались до примиренія съ большевиками, они закидывали удочки къ комсомольцамъ и безбожникамъ и, будучи строго православными и вѣрующими, готовы были идти на союзъ съ безбожниками, будучи монархистами по убѣжденіямъ — искали связей съ совѣтскими «ударниками» и «выдвиженцами». Они отрекались отъ «бѣлой» борьбы, веденной ихъ отцами и старшими братьями и говорили, что чувство отчужденія эмиграціи отъ Русскаго народа вызвано гражданской войной. Они умышленно или по наивности говорили, что «бѣлые» сражались не съ большевиками, но съ Русскимъ наро-

домъ, что нужно отбросить въ себѣ чувство презрѣнія и мести къ Русскому народу и идти къ нему съ открытымъ сердцемъ и чистою душою. Путая постоянно понятія — большевики и Русскій народъ они доходили до примиренія и признанія большевиковъ.

Хаосъ въ мнѣнιάхъ, въ политическихъ убѣжденιάхъ, программахъ и лозунгахъ былъ необычайный. И надо всѣмъ нагло выпирало вездѣ звучащее самоувѣренное, наглое «я», «я», «я», то въ единственномъ числѣ, то во множественномъ — «мы». Оно становилось такъ громадно, такъ внушительно, такъ всепоглощающе, что за нимъ совсѣмъ не было видно маленькой, малюсенькой, точно по существу никому не нужной — Россіи.

И это было въ то время, когда, несмотря на всю скупость газетныхъ извѣстій, на всю строгость цензуры, наложенной на иностранныхъ корреспондентовъ, за границу просачивались вѣрныя свѣдѣнія о необычайныхъ затрудненіяхъ совѣтской власти, денежныхъ, экономическихъ и моральныхъ, о потерѣ всякаго авторитета коммунистической партіи и о почти повсемѣстномъ возстаніи народа въ Россіи, подавить которое или не могла или отказывалась красная армія.

Доходили свѣдѣнія, что весь громадный сѣверъ Россіи, треть всего государства отдѣлился отъ совѣтской республики и живетъ своею жизнью и шептуны болтали, что слышали даже о генералахъ и офицерахъ, поѣхавшихъ въ какой-то сѣверный, свободный отъ совѣтской власти портъ для службы въ Императорской арміи. Все это показывало, что настало время, наконецъ, эмиграціи выявить свое подлинное лицо и не только сказать о своемъ служеніи Россіи, но и пойти служить ей.

Но этого-то и не было. Разногласица продолжалась...

XXV.

Но была и еще часть бѣженцевъ и, пожалуй, самая многочисленная, которая совсѣмъ не интересовалась по-

литикой, ею не занималась, даже какъ будто ее осуждала и которая жила своею за слишкомъ десять лѣтъ изгнанія отстоявшеюся и устроившеюся жизнью, гдѣ борьба за существованіе въ чужомъ государствѣ, заботы о хлѣбѣ насущномъ, свои мелкіе, семейные, кружковые, приходскіе, полковые интересы заслонили Россію, гдѣ Россія являлась чѣмъ-то отвлеченнымъ, о чемъ пріятно вспоминать, что рисовалось нѣжными поэтическими красками, съ нѣкоторымъ сентиментальнымъ оттѣнкомъ, но что не имѣло никакого реального смысла. Въ этихъ кружкахъ событія, происходившія въ ихъ бѣженской жизни и связанные съ существованіемъ и работою какого-то тайнаго общества, борющагося съ большевиками, вызывало чувства тревоги, страха, безпокойства и недоумѣнія, что прѣще всего выражалось часто повторяемыми словами: — «ну чего, право, они? Россіи они все равно не спасутъ, а сколько безпокойства надѣлаютъ»... Были здѣсь люди, торговавшіе въ гаражахъ совѣтской нефтью и на своей шкурѣ испытавшіе все неудобство такой торговли, были люди, такъ или иначе связанные съ совѣтскимъ торгпредствомъ и рѣзко отдѣлявшіе большевиковъ отъ ихъ торговли, наконецъ, здѣсь были просто люди какъ-то, и даже не особенно хорошо, устроившіеся за границей, имѣвшіе свой уголь, свою семью, свою церковь. Этихъ людей охватывалъ ужасъ при одной мысли, что поведеніе какой-то маленькой кучки людей, такъ рѣшительно поведшей борьбу съ большевиками, можетъ навлечь на нихъ давленіе со стороны правительствъ тѣхъ странъ, гдѣ они устроились, и опять начнутся высылки, непріятности и затрудненія съ полученіемъ паспортовъ и визъ и всяческія политическія и полицейскія утѣсненія. Впереди новыя скитанія и неизбѣжное съ ними разореніе, нищета и голодная смерть. Возможна и причудительная высылка въ совѣтскую республику... на вѣрный разстрѣлъ.

Сознавала или нѣтъ Ольга Сергѣевна Нордекова, что это была она тотъ человѣкъ, который кинулъ камень въ воду, поведшій отъ себя все расширяющіеся круги? Она не утерпѣла, чтобы не рассказать о таинственномъ островѣ, гдѣ работали для спасенія Россіи

Русскіе, и въ ихъ числѣ ея мужъ и сынъ. Сдѣлала она это въ ихъ церкви послѣ спѣвки, въ маленькомъ и совершенно интимномъ кружкѣ знакомыхъ, гдѣ, конечно, никакихъ большевиковъ не могло и быть. Ей просто хотѣлось похвастать, что она знаетъ кое-что крупное и интересное, чего другіе не знаютъ. Она намекнула про островъ вулканическаго происхожденія, о существованіи котораго никому не извѣстно и откуда летаютъ сюда въ Парижъ таинственные аэропланы, откуда посылаютъ радіо и гдѣ работаютъ тѣ, кто всего себя отдалъ Россіи. Она говорила, что если у кого есть аппаратъ радіо, который можно поставить на короткую волну, то можно, «знаете, такое слышать, что мураши по кожѣ побѣгутъ»...

Она сказала это просто такъ, въ порядкѣ болтовни, ибо надо что-нибудь говорить, когда паступаетъ промежутокъ между работой. Кромѣ того, мужъ и сынъ участники кинематографической съемки — это одно, мужъ и сынъ участники какого-то таинственнаго дѣла для Россіи «спасители» Россіи — совсѣмъ другое... Этимъ пріятно было похвастаться. Она сказала это въ порядкѣ той житейской пошлости, которая требуетъ въ извѣстный моментъ и въ извѣстномъ положеніи сплетень. Сказала, даже хорошенько не понимая о чемъ она говорить. Если бы ее спросили, что такое короткая волна, она не сумѣла бы объяснить. Такъ не могла она отвѣтить и на вопросъ, какъ же могутъ летать люди, когда вездѣ стоитъ охрана и никто незамѣченный не можетъ перелетѣть границы государства?

Вскорѣ послѣ исчезновенія Леночки она съѣздила на колониальную выставку, гдѣ на большомъ глобусѣ по даннымъ Мишелемъ Строговымъ координатамъ отыскала мѣсто, гдѣ долженъ былъ быть ихъ таинственный островъ.

Но, когда событія стали затрагивать ихъ заграничную жизнь, когда газеты стали съ возмущеніемъ писать о какихъ-то шалопаяхъ, пустившихъ смѣхотворный газъ въ кинематографъ на Елисейскихъ поляхъ, когда еще съ большимъ возмущеніемъ и угрозами принять мѣры противъ эмигрантовъ писали о скандалѣ на рау-

тѣ у графини Разогнатъевой, гдѣ послѣ закуски съ совѣтской икрой творилось что-то совсѣмъ неприличное, и госпожа Воробейчикъ изъ-за этого отказала своему жениху мосье Брюнуа, Ольга Сергѣевна испугалась не на шутку.

— Мамочка, — сказала она послѣ вечерняго чая, когда она обыкновенно читала газету. — Мамочка, какъ вы думаете, а не можетъ это все отразиться на насъ... на бѣженцахъ.

— Очень даже просто, — прошипѣла съ нескрываемымъ злорадствомъ старуха. — Доигрались... Дофигуряли... И чего имъ, дуракамъ, надо? Эвона, Россіи захотѣли! Да сама-то Россія ихъ никакъ не хочетъ. И, конечно, никакое правительство этого допустить не можетъ. Франція въ дружбѣ съ совѣтами. Она только что подписала, то есть «парафировала», — Неонила Львовна щегольнула словечкомъ, которымъ пестрѣли газеты и смысла котораго она не понимала — парафировала пактъ о ненападеніи, а развѣ все это не нападеніе?.. Какъ по твоему красиво это? Какъ ни относиться къ графинѣ Разогнатъевой, она все-таки графиня и дѣлать то, что тамъ было сдѣлано.... Ну гдѣ же это слыхано? Это подрывъ Русской торговли.

— Большевицкой, мамочка.

— Э, милая моя, гдѣ кончаются интересы большевиковъ и гдѣ начинаются интересы Русскіе, кто это опредѣлить? Сами вожди въ этомъ не разбираются. Если Японія нападетъ на Совѣтскую республику и отберетъ у нея Владивостокъ, что мы должны дѣлать, стать на сторону Японіи или Россіи?.. Такъ все запутано, такъ все перепутано, что лучше этого и не касаться.

— Но, мамочка, это же дѣлается не во Франціи, а на какомъ-то острову и никому даже не извѣстно точно, кому принадлежитъ этотъ островъ.

— Ахъ, мать моя, да хотя бы и никому... Сидѣли бы спокойно и не рипались. Ишь спасатели какіе непрошенные нашлись. Ну, твой полковникъ, пускай, погибаетъ, туда ему и дорога. И Мишель твой дуракъ... Тоже не жалко. Земля отъ этого не оскудѣетъ. Ну, а за что

мы то съ тобой на старости лѣтъ опять будемъ страдать?

— Да мы то тутъ при чемъ?

— Мы то... Да мы кто?.. Русскіе?... Эмигранты?... Люди несуществующаго государства, кого изъ милости только терпятъ... А мы вотъ, что задумали! Торговлѣ мѣшаемъ!... Ты понимаешь это?... Экономическій кризисъ, вездѣ торговля стала, и вдругъ какіе-то типы эдакое дѣлають... Выселить ихъ въ двадцать четыре минуты и вся недолга. *Allez vous en!* Нежелательные иностранцы, чай, читала такое выраженіе въ газетахъ.

— Куда же насъ могутъ выселить?

— А имъ то что о насъ за забота. Кто мы?

— Русскіе.

— Ну и пожалуйста въ вашу совѣтскую Россію... Поняла, чай.

— Да развѣ можно это, мамочка! Каждый понимаетъ, что тамъ насъ разстрѣляютъ.

— Ну такъ что изъ этого? Это насъ разстрѣляютъ, а не ихъ...

Ольга Сергѣевна пожала плечами. За окномъ шумѣлъ ноябрьскій дождь. Въ крошечной комнатѣ тускло горѣла перегорѣвшая почернѣвшая лампочка. Ольга Сергѣевна, усталая и измученная за день пошла къ себѣ укладываться спать.

«Ахъ, нелегка и заботна была жизнь... Полковникъ, полковникъ!.. Вамъ все игрушки... А куда, ну куда на самомъ дѣлѣ податься, если вотъ такъ придутъ и вѣжливо попросятъ покинуть страну?.. Нежелательные иностранцы!... И правда — нежелательные!... Пактъ о ненападении, и полковникъ, нападающій такимъ необычнымъ образомъ... Куда тогда бѣжать? Вездѣ одно и то же... Вездѣ: — признаніе, признаніе и признаніе... Раньше была Испанія. И какимъ благороднымъ казался король Альфонсъ. А теперъ... Что такое Испанія?... Да и испанскаго языка она не знаетъ... Куда? Можетъ быть, въ Бельгію?.. Тамъ и король и королева и самъ народъ полны такого гостепріимнаго благородства. Но, какъ она сама такая маленькая, приметъ всю эту массу бѣженцевъ, если они всѣ хлынутъ туда? Ну, хорошо... Приметъ... А

работа? Гдѣ найти тамъ работу?.. Безъ работы все равно съ голода погибать. Не написать ли заблаговременно Декановымъ? Они давно въ Брюсселѣ. Можетъ быть, если загодя то позаботиться, пока никто не догадался что-нибудь и набѣжить, какое-нибудь мѣстечко, чтобы хотя какъ-нибудь да кормиться... А если?»

— Мапочка, вы спите?

— А ну! Заснешь съ тобой!.. Такая забота на душѣ!..

— Мапочка, а что, если намъ съ вами принять французское подданство.... Насъ тогда вѣдь не могутъ выслать?..

— Не желаю.

— Но почему, мамочка?

— А вотъ потому... Была Серпуховской дворянкой, такой и останусь. Лучше къ большевикамъ поѣду, чѣмъ такъ на старости лѣтъ француженкой дѣлаться. Ну, сама посуди, какая я француженка?.. Неонила Львовна!.. Ни выговорить, ни написать по французски того нельзя... Не смѣши меня, мать, на ночь. И тебѣ помимо мужа не позволять... А твой, сама поди знаешь, какой — патриотъ!..

Ольга Сергѣевна закрыла глаза.

«Да, конечно, глупости... Какъ это сдѣлать? Есть, говорятъ, конторы. Даже въ газетахъ открыто публикуютъ, точно ничего и постыднаго нѣтъ въ этомъ. Ну, пойду туда, тамъ станутъ спрашивать, почему?.. А что я скажу... Боже! Боже... Только бы спокойно жить!.. Ничего мнѣ не надо... Ни богатства, ни Россіи. Ну, какъ я туда приѣду, тамъ никого своего и не осталось то!... Только бы никто не выгонялъ!... И съ квартиры-то на квартиру переѣхать, такъ и то какая мука и разореніе! Хуже пожара, а тутъ въ чужую страну!.. Паспорта, визы!... Такъ ихъ намъ и дадутъ... Жена полковника Нордекова, того самага, который тамъ на таинственномъ острову... Господи, и всю то жизнь такъ страдать изъ-за какого-то глупаго патриотизма, изъ-за долга»...

Ольга Сергѣевна повернулась лицомъ къ стѣнѣ и долго не могла заснуть. Она слышала, какъ за стѣною безотрадно шумѣлъ осенній Парижскій дождь, и ей казалось, что сквозь тонкія плитки бетона она ощущаетъ

сырость, бѣгущую по стѣнамъ и съ тоскою думала о раннемъ вставаніи завтра, о томъ, что надо будетъ спѣшить на поѣздъ электрической дороги и ѣхать въ надобную ей до смерти контору и писать подѣ диктовку на стенографической машинкѣ, а потомъ до вечера перепечатывать никому не нужные и неинтересные торговые приказы.

Жизнь казалась безпросвѣтной и ужасной и она начинала понимать, что Леночка могла не вынести такой жизни и уѣхать куда-то къ какой-то другой жизни... Ахъ, гдѣ-то она теперь, несчастная Леночка!?

XXVI.

Князь Ардаганскій совершалъ пятнадцатый перелетъ на аэропланѣ системы инженера Махонина. Ему никто это въ особую заслугу не ставилъ, да и самъ онъ никогда не думалъ, что это подвигъ и рекордъ. Аппаратъ Махонина, усовершенствованный Арановымъ, дѣлалъ такое сообщеніе быстрымъ и удобнымъ. Опасность была только при спускѣ на землю въ Европѣ, гдѣ все труднѣе и труднѣе было выбирать глухія мѣста, гдѣ бы аппаратъ могъ переждать, пока князь съѣздитъ къ Пиксанову и получить отъ него пакеты. Парижъ былъ совсѣмъ заказанъ для князя Ардаганскаго. Ему разрѣшалось только гдѣ-нибудь въ пути бросить письмо матери и увѣдомить ее, что онъ живъ и здоровъ.

Пиксанову такъ и не удалось наладить Радиостанцію. Слѣзка была чрезвычайная. Пришлось закопать въ лѣсу моторъ и всѣ принадлежности, а самого отца Θεодосія отправить на Аѳонъ. Теперь въ лѣсу ничего не оставалось. Бережливый Пиксановъ продалъ и лошадей. Охота была сдана Парижскому охотничьему обществу. Куроводство расширено. Съ осени Пиксановы занялись еще приготовленіемъ пастиль и мармеладовъ, имѣвшихъ прекрасный сбытъ въ Парижѣ въ Русской колоніи, особенно послѣ того, какъ продукты Моссельпро-

ма вышли изъ употребленія. По лѣсу и вокругъ фермы Пиксанова постоянно рыскали жандармы и совѣтскіе сыщики и надо было быть вѣчно на сторожѣ. Совѣтское правительство ухватилось за эту ниточку, чтобы раскрыть тайну всей организаціи. Радиостанцію искали неутомимо. Въ деревнѣ, гдѣ никогда никакихъ дачниковъ не жило, поселились какіе-то Русскіе евреи, не говорившіе никогда, что они Русскіе, и выдававшіе себя за французовъ. Надо было быть осторожнымъ. Въ послѣдній свой докладъ капитану Немо на Россійской островъ, Пиксановъ просилъ установить связь на аэропланахъ. И она съ каждымъ разомъ становилась ненадежнѣе и опаснѣе.

Въ этотъ перелетъ князю Ардаганскому давалъ указанія самъ капитанъ Немо. Онъ сказалъ, чтобы князь проѣхалъ къ семьямъ офицеровъ въ Парижѣ и передалъ имъ, что ихъ главы живы, здоровы и просили кланяться.

Съ самаго лѣта, съ того іюльскаго дня, когда князь передалъ синюю записочку Мишеля Строгова Леночкѣ, онъ не бывалъ на виллѣ «Les Coccinelles» и не зналъ ничего о томъ, что тамъ произошло.

День былъ будній. Ольга Сергѣевна была на службѣ, и на дачѣ Ардаганскій нашелъ только одну мамочку. Она только что прибрала комнаты и собиралась съ чувствомъ и спокойствіемъ прочитать газету. Топси узнала князя и, привѣтливо махая хвостомъ, проводила его до дверей дома.

— А пожалуйста, вѣроломный съемщикъ, — привѣтствовала князя мамочка. — Садитесь, гостемъ будете... Ну что наши?

— Полковникъ Георгій Димитріевичъ Нордекъвъ и Александръ Георгіевичъ просили вамъ кланяться. Они оба живы и здоровы и все у насъ благополучно.

— Ну, какъ снимаетесь? — съ глубокой старушечью ироніей спросила Неонила Львовна.

Князь Ардаганскій не разобралъ и не примѣтилъ этой ироніи и охотно со своимъ юношескимъ, чистымъ простодушіемъ, не умѣющимъ лгать, отвѣтилъ неопредѣленно.

— Все, слава Богу, идетъ прекрасно. Съемка близится къ концу. Всѣ чувствуютъ себя хорошо.

— А вы, милый князь, не врите, — съ грубоватою фамиллярностью сказала Неонила Львовна, — Такому молодому сочинять такой старой, какъ я, совсѣмъ не годится.

Князь растерялся и не зналъ, что отвѣтить.

— Вы же Леночкѣ передали синенькій пакетикъ отъ этого дурака Мишеля и совсѣмъ заморочили ей голову. Рассказывайте, что и какъ на вашемъ, ни на одной картѣ не показанномъ острову, происходитъ.

Ардаганскій пытался еще сдѣлать круглые глаза и робко сказалъ:

— Я, Неонила Львовна, не понимаю, о чемъ вы говорите.

— Э, батюшка, тутъ особенно и понимать не приходится, когда и широты и долготы нашъ Мишель дурачокъ прописалъ и жаловался и просилъ вызволить его изъ «бѣлогвардейской» авантюры, — съ грубою откровенностью сказала Неонила Львовна. — Такъ то, милый князь.

Князь Ардаганскій, сѣвшій было по приглашенію мамочки, вскочилъ, какъ ужаленный.

— Гдѣ же Елена Петровна? — спросилъ онъ несмѣло.

— На тебѣ, кого вспомнилъ! Да будто такъ вотъ ничего и не знаешь.

И Неонила Львовна въ короткихъ, но рѣзкихъ чертахъ рассказала о томъ, какъ Леночка передала матери записку Мишеля Строгова, какъ она была страшно этимъ потрясена, какъ она, дружившая съ ихъ жилицей, «кто ее знаетъ, что это за человекъ была эта самая француженка», вмѣстѣ съ нею исчезла.

— Не думаю я, чтобы что-нибудь этакое худое съ ними приключилось. Здѣсь то, — намъ въ полиціи сказывали, — до пяти тысячъ дѣвушекъ такъ, здорово живешь, ежегодно пропадаетъ и ничего съ ними худого не бываетъ, а все-таки намъ не сладко. И думаю я, что это черезъ ваши художества, которыми всѣ газеты полны.

Князь слушалъ это, какъ приговоренный къ смер-

ти. Записку писалъ Мишель, но какъ же онъ-то, онъ, вопреки инструкцій, данныхъ Арановымъ, никакихъ писемъ никому не возить и не передавать, далъ себя провести Мишелю, уже бывшему у нихъ на замѣчаніи и отставленному самимъ Ранцевымъ отъ полета.

Какъ въ мутномъ полуснѣ, плохо понимая, что ему говорила мамочка, Ардаганскій дослушалъ ея рассказъ и, простившись, вышелъ съ дачи. Онъ шелъ по мѣстечку съ низко опущенной головой. Ему казалось, что всѣ знаютъ, что онъ предатель, что онъ человѣкъ, не исполнившій своего долга, и ему было безконечно мучительно идти на маленькую чистенькую дачку Парчевскихъ. Онъ молилъ Бога, чтобы никого не застать, оставить записку и быть одному, все продумать и придумать себѣ кару.

Лидія Петровна была дома. Она уже второй мѣсяцъ оставила службу въ конторѣ и жила на тѣ деньги, которыя ей продолжало весьма исправно посылать общество «Атлантида». Она вся отдалась церкви. Худощавая и высокая и раньше, она показалась Ардаганскому точно выросшей и еще болѣе исхудавшей. Громадные каріе глаза были въ красныхъ отъ частыхъ молитвенныхъ слезъ вѣкахъ. Густыя, загнутыя вверхъ рѣсницы дѣлали ихъ еще больше. Отъ вѣчной пелены слезъ они были, какъ за хрустальной завѣсой и сверкали тихимъ и кроткимъ пламенемъ, какъ затепленная передъ образомъ лампада. Ея движенія были медленны, плавны и голосъ сталъ задушевный и словно прозрачный.

Князь Ардаганскій передалъ ей, что ея мужъ находится въ полномъ здравіи и просилъ ей передать поклонъ.

— Да, я знаю, — тихо сказала Лидія Петровна. — Я знаю. Я молилась вчера Божіей Матери, и Она мнѣ сказала, чтобы я не беспокоилась. Скажите мнѣ, милый князь, — Лидія Петровна прикоснулась мягкой и нѣжной, точно невѣсомой рукою руки Ардаганскаго, — скажите мнѣ откровенно: — онъ съ вами на острову или онъ посланъ работать куда-то и дѣлаетъ все это такое страшное, но такъ нужное для... Для Россіи.

Если у Неониды Львовны князь могъ пытаться

вратъ, здѣсь передъ этой вѣрой, передъ этою проникнутою молитвенною ясностью прекрасною женщиною князь не зналъ, что ему дѣлать. Онъ низко опустилъ голову. Густая краска покрыла загорѣлое въ частыхъ полетахъ лицо и онъ едва слышно прошепталъ:

— Молитесь за него, Лидія Петровна.

— Я знаю... Я молюсь, — словно тихій шелестъ далекой листвы донеслось до него. — Да благословить васъ Господь!

— Я не достоинъ... не достоинъ ни вашихъ благословеній, ни молитвъ, — быстро, страшно смутившись, сказалъ князь и, не прощаясь съ Парчевской, поспѣшно вышелъ съ ея дачи.

Дѣлъ было много. Навѣстить было нужно многихъ, надо было теперь раньше всего исполнить то, что было ему приказано, а потомъ надо будетъ подумать, что же онъ надѣлалъ и какъ ему себя покарать.

Только на другой день онъ могъ попасть къ Пиксановымъ на ферму. Онъ мечталъ о Галинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ, чтобы ея не было. Не въ силахъ онъ былъ встрѣтить это чистое существо, когда онъ сталъ тяжело виноватымъ... Безъ вины, безъ умысла, — пытался онъ себя оправдать. Не выходило это оправданіе.

Онъ шелъ, низко опустивъ голову, по грязному, размытому зимними дождями шоссе и все думалъ, что и какъ онъ долженъ сдѣлать и съ Мишелемъ Строговымъ и съ собою. Не признаться ли во всемъ полковнику Пиксанову? Открыть свой позоръ отцу той, кого назвалъ онъ лѣтомъ, кому давалъ понять въ свои осеннія посѣщенія, что она героиня... героиня его романа!

Онъ засталъ Пиксанова необычно озабоченнымъ. Галины не было дома. Она была въ пансіонѣ. Пѣтухи, такъ дружно встрѣтившіе его лѣтомъ, были перебиты и проданы. Куры были спрятаны отъ холода и дождей въ куриныхъ домахъ въ глубинѣ фермы. На фермѣ было тихо. Любовь Димитріевна возилась у плиты. Дрова плохо разгорались. Въ большой и полутемной комнатѣ было непріютно, сыро и холодно. Кисло пахло угаромъ. Любовь Димитріевна была окручена шарфами и платками. На головѣ была сѣрая шерстяная повязка.

Любовь Димитріевна мало напоминала изящную жену гвардейскаго полковника. Князю Ардаганскому показалось, что она была суха и нелюбезна съ нимъ. Онъ сжался и робко присѣлъ на стулъ. Очевидно, и тутъ все знали. Пиксановъ сейчасъ же сѣлъ къ письменному маленькому столику у зажженной коптящей керосиновой лампочки писать донесеніе капитану Немо. Онъ ерошилъ густые волосы надъ блѣднымъ лбомъ и бормоталъ вполголоса:

— Отчего?.. почему такая злоба на Россію?.. Какая логика поддерживать большевиковъ, которые стремятся уничтожить весь міръ?

И опять строчилъ карандашомъ на большомъ блокѣ, отрывалъ листокъ за листкомъ, потомъ молча, сосредоточенно нахмутивъ брови, закладывавалъ исписанные листы въ конвертъ и тщательно опечатывалъ его сургучною печатью.

— Вотъ, князь, съ этимъ пакетомъ уже прямо, никуда не заѣзжая... И, смотрите, не попадитесь большевикамъ... Это очень важно... Въ добрыя старыя времена на этомъ пакетѣ надо было бы три креста поставить, значить: — «скачи, лети стрѣлой», полнымъ карьеромъ... Ну да вашъ конь еще быстролетѣе... И, пожалуйста, не проболтайте... ибо кругомъ рыщутъ...

— Да я, господинъ полковникъ, — началъ было князь и точно поперхнулся.

— Знаю, знаю, милый мой Михако... Прекрасный вы человекъ, да кругомъ то теперь слишкомъ много всякой продажной дряни развелось. Такъ вотъ, скоро и рашъ поѣздъ... Катайте скорѣе и берегите пакетъ, какъ зѣнцу ока. На станцію я васъ провожу.

Они шли вдвоемъ по размытому грязному шоссе, мимо пустыхъ, черныхъ, мокрыхъ, печальныхъ полей. Вороны стаями срывались при ихъ приближеніи съ зеленыхъ озимей и съ карканіемъ неслись сѣрой сѣтью надъ ними. Зимній день былъ хмуръ и темень. Никого не было на ихъ долгой дорогѣ. Такъ было теперь удобно все рассказать, во всемъ покаяться и просить совѣта у Пиксанова, но князь Ардаганскій молчалъ. Такъ, мол-

ча, они и дошли до маленькой станціи. Пиксановъ самъ выбралъ купе, куда садиться князю.

— И въ совѣмъ пустое не хорошо, — бормоталъ онъ, — да надо, чтобы съ вами были порядочные люди.

— Вотъ сюда, князь, — сказалъ онъ, отворяя дверь отдѣленія, гдѣ сидѣла явно фермерская семья изъ двухъ плотныхъ краснорожихъ мужчинъ, очень толстой, добродушнаго вида женщины и трехъ дѣтей.

— Сюда уже никто къ вамъ не сядетъ въ дорогѣ. Ну, храни васъ Богъ!

Князь еще долго видѣлъ тонкую и узкую фигуру Пиксанова, стоявшаго на платформѣ. Необычно грустнымъ и встревоженнымъ казался полковникъ князю и это еще больше увеличивало муки и угрызения совѣсти Ардаганскаго.

XXVII

Надъ Атлантическимъ океаномъ бушевала буря. Она выла въ раздвижныхъ крыльяхъ аэроплана и летчикъ, часто убиралъ ихъ, сокращая площадь и все увеличивая скорость полета. Беззвучно вращался пропеллеръ. Въ кабинѣ было тепло. Мелкія брызги летѣли на стекла и замерзали на нихъ. Аппаратъ забиралъ вышину. Кипѣніе волнъ внизу становилось, какъ мутно зеленая шелковая матерія, покрытая бѣлымъ кружевомъ пѣны. Князь Ардаганскій вторыя сутки неподвижно сидѣлъ въ креслѣ, отдаваясь мучительнымъ думамъ.

«Подлецъ... предатель»... — бормоталъ онъ иногда и не зналъ къ кому онъ это относить, къ себѣ или къ Мишелю Строгову. Мишеля Строгова онъ ненавидѣлъ, какъ только можно ненавидѣть въ девятнадцать лѣтъ, когда имѣешь чистое сердце и никогда и никому еще не пожелалъ зла.

«Подлецъ... негодяй... Его убить мало... И я его убью... Первымъ дѣломъ, какъ прилечу, убью»...

Князь Ардаганскій отлично сознавалъ, что никогда и никого онъ не убьетъ. Онъ и букашки никакой не

могъ уничтожить. Онъ вспоминалъ, какъ въ тихій теплый вечеръ къ нимъ въ палатку залетѣла голубая блестящая бабочка и какъ онъ ее бережно вынесъ подальше въ поле, чтобы она не опалила крыльевъ о пламя свѣчи лампы.

«Своими собственными руками задушу... Ахъ, негодяй!.. Или нѣтъ... Это неблагородно... Я ему скажу, я его назову подлецомъ и вызову его на дуэль»..

И сейчасъ же точно видѣлъ передъ собою узкое и плоское лицо Мишеля съ его странными глазами, необычно всегда устремленными куда то вдаль и никогда не смотрящими въ глаза собесѣднику и понималъ, что на дуэль вызвать Мишеля Строгова просто не придется. Мишель этого не пойметъ. Онъ высмѣетъ и «подлсца» и вызовъ на дуэль. Онъ «выше этого»..

«Ахъ, какая гадость... Побить его просто. Разбить его наглуую рожу...»

Передъ нимъ вставала широкая грудная клѣтка тренирующагося борца, громадные бицепсы, которыми такъ любилъ передъ всѣми хвастать Мишель и понималъ князь, что въ такомъ единоборствѣ Мишель накладетъ ему «по первое число»..

«Да и кто виноватъ больше?.. Онъ или я?.. Кто передалъ письмо? Его надо было вскрыть и посмотреть, что тамъ написано и можно ли такое вести въ Европу. Вскрыть и прочитать чужое письмо!.. Чужое письмо!.. Это все равно, что подслушивать у дѣтей, что воровать... Нѣтъ... Это хуже всякаго воровства».

«Я долженъ все сказать капитану Немо и просить его о самой страшной казни»..

Ужасъ разбиралъ его. Да и зачѣмъ говорить?.. Не зналъ ли этотъ полный таинственности человекъ все и безъ всякаго покаянія. Какъ онъ понялъ и узналъ Мишеля Строгова. Не допустилъ его до посылки въ Россію. Говорить съ капитаномъ Немо казалось ужаснымъ. Такъ въ мучительномъ горѣніи совѣсти князь Ардаганскій не замѣтилъ, какъ наступилъ день и аэропланъ плавно и быстро, точно скользя съ крутой и безконечной горы, снизился и опустился на точку на Россійскомъ островѣ.

Было нестерпимо жарко. Буря проносившаяся надъ

океаномъ не смягчала зноя. Вѣтеръ дулъ точно изъ раскаленной доменной печи Россійскій флагъ игралъ съ вѣтромъ. Веревки далеко стдулись отъ мачты. Вѣтеръ ревалъ и хлопалъ флагомъ.

Ноги дрожали у князя Ардаганскаго, когда онъ поднимался на гору, за скалы базальта, на уступъ, гдѣ стоялъ соломенный баракъ капитана Немо. Дремавшій на крыльцѣ адъютантъ ротмистръ Шпаковскій принялъ пакетъ.

— Я бы хотѣлъ и лично видѣть капитана Немо, — нерѣшительно сказалъ Ардаганскій.

— Хорошо... Я потомъ доложу. Сейчасъ капитанъ у Радио... Ну, какъ веселились въ Парижѣ?..

— Гдѣ же веселиться? — уныло и вяло сказала Ардаганскій, — я едва успѣлъ побывать у есѣхъ, къ кому мнѣ было приказано зайти.

Слова не шли съ языка. Князю казалось, что и Шпаковскій все знаетъ и потому такъ и выспрашиваетъ его о Парижѣ.

— А у насъ, князь, вѣрите ли, что то особенное творится. Вотъ всѣ эти пять дней, что васъ не было, полковникъ Ложейниковъ насъ тревогами и ученьями замучилъ... Вѣрите ли вывозили на море щиты изъ ящичныхъ досокъ и обстрѣливали ихъ... Точно десанта какого то боимся... Изъ пушекъ Гочкиса стрѣльбу производили. Ну кто отыщетъ насъ на этомъ Богомъ и людьми забытомъ острову?

Электрическій звонокъ зазвонилъ на верандѣ. Шпаковскій вскочилъ съ пакетомъ.

— Такъ и о васъ доложить?.. Но, если, князь, что личное и вообще неважное, можетъ быть, вы повременили бы? Не беспокойте Ричарда Васильевича. Всѣ эти дни онъ что то необычно озабоченъ и, вѣрите ли, даже точно и взволнованъ... Кто бы этому повѣрилъ?..

«Для меня это очень важно», — мелькнуло въ головѣ Ардаганскаго, — «для дѣла?.. Не все ли равно? Это уже коччено. Сплетня гуляетъ по Парижу... По всему міру... Ее моимъ раскаяніемъ не остановитъ... Зачѣмъ еще беспокоить этого таинственнаго человѣка, и безъ моего покаянія все про меня знающаго?».

Князь Ардаганскій сказалъ и самъ удивился, какъ это спокойно и натурально у него вышло, несмотря на внутреннюю душевную бурю: —

— Да... Конечно... Обо мнѣ ничего не докладывайте. Вернулся благополучно... И все... А то... То мое личное дѣло и имъ теперъ не надо беспокоить капитана Немо...

— Стосковались... Изнервничались, какъ и мы всѣ, — быстро сказалъ Шпаковскій и скрылся за дверьми кабинета капитана Немо.

Князь Ардаганскій медленно сталъ спускаться съ горы. Вотъ, когда онъ почувствовалъ всю усталость полета и бессонныхъ ночей.

XXVIII

Капитанъ Немо сильно измѣнился за это время. Онъ исхудалъ, пересталъ бриться и холить лицо и обросъ бородою. Длинные, на проборъ, сѣдые волосы его были тщательно расчесаны. Это опять былъ ученый и труженикъ, не успѣвающій слѣдить за собою, а не тотъ снобирующій инженеръ, который ковалъ деньги, имѣя одну цѣль — спасеніе Россіи. Въ бѣлой просторной пижамѣ, онъ сидѣлъ у Радио-аппарата и слушалъ, что съ далекаго сѣвера ему докладывалъ Ранцевъ. Молодымъ, былымъ задоромъ, тѣмъ восторгомъ творчества, какой былъ у Ранцева, когда онъ скакалъ на Императорскій призъ, когда собирался принимать лихой четвертый эскадронъ, вѣяло отъ словъ Ранцева, и капитану Немо казалось, что онъ видитъ передъ собою открытое лицо своего стариннаго друга, и его честные сѣрые, немигающіе глаза, не опускаясь, смотрятъ на него.

— Шестнадцать пѣхотныхъ дивизій и четыре кавалерійскія бригады закончены формированіемъ. Двѣсти тысячъ человѣкъ призваны подъ Императорскія знамена. Вооружить поставками Ольсоне мнѣ удалось пока только двѣ дивизіи. Но это меня ни мало не смущаетъ. По мѣрѣ моего продвиженія красноармейскія части сда-

ются и я за ихъ счетъ вооружу остальныхъ. Съ весною думаю спуститься на желѣзную дорогу и, отгородившись заслономъ съ запада, развить операцію на югъ и на востокъ, гдѣ обстановка складывается необыкновенно благопріятно. У меня недостатокъ воздушнаго флота и это можетъ сорвать всѣ мои планы. Территорія, занятая мною громадна. Обслуживать ее тридцатью аэропланами, имѣющимися въ моемъ распоряженіи, становится невозможно. Несмотря на ихъ превосходство надъ аппаратами большевиковъ, они скоро не будутъ въ состояніи достаточно охранить мои формированія, еще неокрѣпшія и недостаточно вооруженныя. Величина занятаго мною края заботитъ меня. Сотни путей ведутъ въ него, и у меня не хватаетъ газовыхъ заставъ. Необходима присылка, и незамедлительная, всего нашего воздушнаго флота, самого Аранова и профессора Вундерлиха для устройства газовыхъ фабрикъ и аэропланыхъ заводовъ, къ чему всѣ возможности здѣсь есть. Отъ работающихъ въ Россіи знаю, что и тамъ все готово для удара... Насталъ часъ, когда ты долженъ пріѣхать къ намъ и утвердить свою базу у насъ...

Мягкая и добрая улыбка появилась на лицѣ Немо.

«Милый Петрикъ... Какъ узнаю я тебя! Переѣхать къ вамъ... На чемъ? «Гекторъ» до весны стоитъ затертый во льдахъ. У меня тридцать аэроплановъ. Я долженъ отправить на нихъ Аранова и Вундерлиха съ ихъ лабораторіей, препаратами, чертежами и принадлежностями аэроплановъ. Я долженъ отправить возможно большее количество минъ. При этихъ условіяхъ я могу сажать на аэропланы только летчиковъ и механиковъ. Тридцать аэроплановъ поднимутъ всего шестьдесятъ человекъ, пятьдесятъ пять должны остаться здѣсь... И, конечно, я останусь съ ними».

Капитанъ Немо нажалъ пуговку электрическаго звонка.

Ротмистръ Шпаковскій появился въ дверяхъ.

— Пожалуйте мнѣ пакетъ, привезенный княземъ Ардаганскимъ.

Небольшимъ ножикомъ Немо вскрылъ конвертъ и сталъ читать четко написанное письмо.

«Да, вот оно что!.. Впрочемъ, я это предвидѣлъ... Я, правда, не думалъ, что это будетъ такъ скоро. Я думалъ — мнѣ дадутъ проработать годъ... Всѣ мои расчеты были на это... Но прошло всего семь мѣсяцевъ и все открыто. Тайны нѣтъ... Проклятые болтуны!..».

...«Постановленіемъ Лиги Націй», — читалъ капитанъ Немо, — «уничтоженіе Русской національной базы (она названа «бѣлобандитскимъ гнѣздомъ») возложено на Англию, С. С. С. Р. и Францію. Послѣдняя, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, которое все на нашей сторонѣ, въ виду бѣшено развитой газетной кампаніи, не безъ участія нашихъ эмигрантскихъ учреждений, нѣкоторое время колебалась, потомъ согласилась предоставить свой развѣдочный воздушный флотъ и одинъ броненосецъ. Готовится непобѣдимая армада, какъ во времена великой Испаніи. Десятки гидроплановъ отправляются съ ихъ матками. Шесть крейсеровъ и десятокъ подводныхъ лодокъ. Три дреднаута. Эскадры пойдутъ изъ разныхъ портовъ и соединятся въ океанѣ. Ваше мѣстонахожденіе точно извѣстно. О таинственномъ Россійскомъ островѣ открыто болтаютъ по парижскимъ ресторанамъ. Статьи совѣтскихъ и здѣшнихъ социалистическихъ газетъ полны призывами уничтожить «бѣлобандитское гнѣздо», мѣшающее дѣлу мира и общаго разоруженія. Сожженіе банка въ Берлинѣ и уничтоженіе банкировъ всполошило масонское гнѣздо. Противъ васъ всѣ...»

«Ну что же... И буду со всѣми бороться»...

Мысль капитана Немо, привыкшая къ математическимъ расчетамъ и выкладкамъ, сейчасъ же послушно ему подчинилась, и онъ сталъ думать, соображать и высчитывать.

«Тридцать моихъ аэроплановъ съ ихъ минными аппаратами могутъ обратить всю эту армаду въ бѣгство. Я знаю ихъ... Они хотятъ драться безъ потерь. Они идутъ на экзекуцію, а не на войну. Когда я подсѣку своими «Панпушко-лучами» ихъ аппараты, и они полетятъ огненными языками въ океанѣ, когда мои управляемые воздушныя мины станутъ рваться на корабляхъ, я

увиджу, чего они стоятъ... Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ... Воюють не числомъ, а умѣньемъ...».

Капитанъ Немо всталъ отъ стола и, гордо поднявъ голову, прошелся по кабинету. Ноздри были раздуты, лобъ напряженно наморщенъ. Глаза горѣли внутреннимъ пламенемъ.

«Посмотримъ... Они придутъ сюда... Когда?.. Не такъ скоро... А какъ же это время Ранцевъ? Если я задержу свой флотъ и минные аппараты, и въ концѣ концовъ многое потеряю, потому что на войнѣ не безъ урона, а драться мои будутъ, не щадя себя, что будетъ съ Ранцевскими отрядами? Я никогда не думалъ... Я не предвидѣлъ, что это можетъ быть такъ... что ударъ будетъ одновременно занесенъ и тутъ, и тамъ... И чѣмъ то теперь я долженъ пожертвовать...»

Капитанъ Немо остановился у окна. Широкой видъ на океанъ открывался передъ нимъ. Его взоръ, казалось, проникалъ за небосводъ. Онъ видѣлъ далекій сѣверъ, гдѣ шестнадцать Русскихъ дивизій и четыре бригады ждали его помощи. Онъ опять точно увидалъ открытое честное лицо своего друга, помощника и замѣстителя. Онъ потерялъ лобъ.

«Въ современныхъ демократическихъ государствахъ, гдѣ правятъ партіи, то есть часть, принято цѣлымъ жертвовать ради части. Жертвовать государствомъ ради партіи... Я — математикъ... Цѣлое для меня всегда больше части. Мое цѣлое уже тамъ... Здѣсь часть. Съ организаціей арміи въ Россіи оканчивается моя роль на островѣ. Тамъ главное, у меня вспомогательное...».

Капитанъ Немо снова сталъ ходить по кабинету. Все надо было продумать, ничего не упустить.

«Завтра... Да... Завтра же я отправляю всѣ аппараты къ Ранцеву... Здѣсь останусь я и тѣ, кто не можетъ быть сейчасъ вывезенъ... Не на чемъ. Пятьдесятъ пять человѣкъ... Когда подойдутъ эти громадные флоты, они могутъ вывѣсить бѣлый флагъ... Сдаться... Они... Не я... Я могу уйти совсѣмъ и навсегда, исполнивъ до конца свой долгъ. Капитана Немо никто не можетъ и не долженъ допрашивать и ему нельзя предстать передъ большевицкимъ революціоннымъ трибуналомъ...».

«На какомъ основаніи союзный флотъ будетъ стрѣлять по Русскому флагу?.. Здѣсь просто Русская колонія. Нѣмцы?.. Да, они въ войнѣ съ Россіей, ибо Брестскій миръ заключала не Россія, а враги Россіи — большевики... Англія и Франція?.. Имъ измѣнили и предали ихъ въ тяжелый годъ войны большевики, а не Русскіе... Подъ краснымъ, а не подъ Русскимъ флагомъ прошло это предательство...»

«Ужели спустимъ Русскій флагъ и замѣнимъ бѣлой простыней... Ахъ, да... банкиры. За банкировъ будутъ драться солдаты и матросы разныхъ государствъ и совѣтскіе въ томъ числѣ... Можетъ быть, тогда я и правда погорячился... Не слѣдовало ихъ трогать...».

Онъ опять сталъ ходить по кабинету и упорно думать. Рѣшеніе складывалось въ его умѣ. Въ немъ не было мѣста для компромисса.

«Вопросъ о сдачѣ меня не касается. Это ихъ дѣло. Тѣхъ, кто слѣпо мнѣ довѣрился, кто пошелъ за мною. Мое рѣшеніе постановлено. Я не сдаюсь. А тѣ? Какъ хотятъ... Какъ имъ будетъ угодно... Бываютъ случаи, когда солдаты командуютъ собою... Но вопросъ о томъ, кто — Россійскій островъ, или Россія? рѣшаю я — ихъ главнокомандующій. Завтра аэропланы летятъ... въ Россію. Кажется и буря стихаетъ. Здѣсь всегда такъ... Внезапно встанетъ и такъ же внезапно и стихнетъ... Можетъ быть... и тамъ стихнетъ... Отдумаютъ. И чаша сія меня минетъ...».

Капитанъ Немо смѣлыми, твердыми шагами вышелъ на веранду барака. Ротмистръ Шпаковскій, сидѣвшій съ книгой въ рукахъ въ соломенномъ креслѣ, вытянулся передъ Немо.

— Вотъ, что, милый Александръ Антоновичъ, попросите ко мнѣ сейчасъ Аранова, профессора Вундерлиха и начальника минеровъ.

— Слушаюсь.

Ротмистръ Шпаковскій четко повернулся кругомъ и побѣжалъ по тропинкѣ къ баракамъ технической части.

Капитанъ Немо долго слѣдилъ за нимъ глазами. Буря утихла. Воздухъ былъ недвиженъ. Разбушевавшій-

ся океанъ съ ревомъ шелъ громадными валами на островъ и, казалось, островъ потрясался подъ ударами бѣлогребенныхъ волнъ.

XXIX

Со сторожевого поста, стоявшаго на сѣверовосточной части острова капитану Немо донесли: — «летятъ аэропланы».

Солнце спускалось къ западу. Двѣнадцатичасовой экваторіальный день приходилъ къ концу. На востокѣ море сливалось съ небомъ. Тамъ океанъ и небо были темнозелеными и каждое мгновеніе мѣняли окраску. Волны синѣли, становились фіолетовыми, какъ прозрачный аметистъ. Ровный покойный предвечерній вѣтеръ мягко, точно ласкаясь, развернулъ на мачтѣ Русскій флагъ. Аэроплановъ еще не было видно. Но ровнымъ гуломъ гудѣли пропеллеры.

«Да, вотъ это ихъ всегда и выдаетъ», — подумалъ капитанъ Немо и приложилъ къ глазамъ бинокль.

Пять небольшихъ, военныхъ, развѣдочныхъ гидроплановъ, какъ гуси, летѣли широкимъ угломъ — «станцией». Впереди одинъ, за нимъ два и дальше, едва виднѣлись еще два. Они держали курсъ мимо, но должно быть по бѣлой пѣнѣ прибоя, разглядѣли островъ и повернули на него.

Шумъ машинъ сталъ громокъ и надоѣдливъ. Стали видны блестящія алюминіевыя тѣла гидроплановъ, ихъ широкія крылья и отличительные знаки на нихъ. «Французы... Лучшіе летчики въ мірѣ и лучшіе аппараты... Пусть посмотрятъ... Можетъ быть кто нибудь изъ тѣхъ, кто когда то со мною работалъ», — подумалъ капитанъ Немо.

Гидропланы на большой высотѣ, не снижаясь, пролетѣли надъ островомъ, сдѣлали плавный полукругъ и полетѣли на востокъ. Значитъ, гдѣ то не такъ далеко, долженъ быть и флотъ.

Море темнѣло. На западѣ верхушки волнъ плескали золотомъ. Длинная тѣнь отъ горы легла на океанъ. На зеленой площадкѣ, гдѣ бѣлымъ, ровнымъ рядомъ стояли палатки, горнисть проигралъ повѣстку къ зарѣ. Полурота въ тропическихъ костюмахъ и шлемахъ проворно выстраивалась на линейкѣ.

Капитанъ Немо спустился къ лагерю и пошелъ къ строю. Онъ появлялся передъ людьми своего отряда только въ исключительныхъ случаяхъ.

Все шло по всегдашнему воинскому распisaniю.

Фельдфебель, рослый пулеметчикъ Мордашовъ, вызывалъ людей по переключкѣ.

— Агафошкинъ 1-й... Агафошкинъ 2-й... Ардаганскій... Бычковъ... Ветлугинъ...

— Я... я... я, — неслоь отъ шеренгъ.

Между причудливыхъ кактусовъ, отъ кухонь, подымался сизый дымокъ. Вкусно и мирно пахло борщемъ.

Пропѣли молитвы. Горнисть заигралъ зорю. Медленно сталъ опускаться на мачтѣ флагъ. Полурота пѣла гимнъ. Дежурный подошелъ съ рапортомъ къ суровому, стройному, выправленному Ложейникову, тотъ выслушалъ рапортъ и пошелъ, тщательно маршируя къ капитану Немо. Все было «какъ въ Красномъ Селѣ», какъ заповѣдалъ Ранцевъ.

— Ричардъ Васильевичъ, — докладывалъ, держа руку у шлема, Ложейниковъ вытянувшемуся передъ нимъ капитану Немо, — въ лагерѣ, на Россійскомъ острову, въ теченіе дня происшествій не случилось. Безъ четверти, въ восемнадцать часовъ надъ островомъ, съ сѣверо-востока пролетѣло пять французскихъ гидроплановъ, повернули на востокъ и скрылись за горизонтомъ. Люди на переключкѣ были всѣ.

Капитанъ Немо выслушалъ рапортъ и въ какомъ то раздумьи, глядя вдаль, точно сквозь строй полуроты, подошелъ къ своимъ соратникамъ. Онъ остановился, собираясь съ духомъ, и началъ говорить. Онъ говорилъ сначала медленно и не громко, потомъ съ силою и твердо: —

— Изъ устной газеты... Изъ докладовъ Николая Семеновича Ложейникова вы знаете о томъ, что происхо-

дить въ Россіи. Большая ея часть... Весь сѣверъ... свободна отъ большевиковъ и защищается Императорской арміей, созданной вашимъ начальникомъ, Петромъ Сергѣевичемъ Ранцевымъ... Въ интересахъ обороны этой Русской территоріи я долженъ былъ отправить ему весь нашъ воздушный флотъ, минные аппараты и газовую оборону. Этого требоваль нашъ долгъ передъ Родиной... На насъ идетъ флотъ державъ, помогающихъ большевикамъ... Насъ мало... Но мы можемъ защищаться и... во всякомъ случаѣ умереть со славою и честью...

Капитанъ Немо остановился и внимательно смотрѣлъ на стоявшихъ передъ нимъ людей. Строй былъ неподвиженъ. Казалось, люди не дышали.

Твердо, не мигая, смотрѣлъ сѣрыми притушенными тяжелыми опухшими красными вѣками глазами старикъ Агафошкинъ. Его внукъ Фирсъ «фль» глазами капитана Немо. У молодого, румянаго князя Ардаганскаго слеза застыла въ рѣсницахъ и все выраженіе его лица было полно такого жертвеннаго порыва, что капитану Немо страшно стало. Мишель Строговъ низко опустилъ голову и глядѣлъ изподлобья, какъ быкъ, собирающій бодать.

— Я рассчитываль, — медленно, въ наступавшей сумракъ, — солнце уже сѣло, — роняль слова капитанъ Немо, — что до весны никто не узнаеть, гдѣ мы находимся. Весною долженъ былъ прибыть за нами «Гекторъ» и мы отправились бы на немъ въ Россію... Богъ не судиль этого. «Гекторъ» во льдахъ. Наше мѣстопробываніе извѣстно... Намъ предстоитъ бой... и смерть... или.. это вполне на ваше рѣшеніе... Я разрѣшаю завтра, когда покажется солнце, вмѣсто нашего роднаго Русскаго флага, поднять бѣлый... Флагъ сдачи.

Капитанъ Немо поклонился строю и быстрыми, твердыми шагами пошелъ мимо палатокъ и сталъ по тропинкѣ подниматься на гору. Шпаковскій шелъ въ четырехъ шагахъ за нимъ. Полурота стояла, какъ окаменѣлая. Ни одинъ вздохъ не раздался изъ ея рядовъ. Пятьдесятъ пять паръ глазъ слѣдили, какъ таяли въ прозрачномъ сумракѣ двѣ удаляющіяся бѣлыя фигуры, какъ исчезли онѣ за кактусами и алоэ, точно раствори-

лись въ ночи. На вершинѣ, въ окнахъ барака капитана Немо, загорѣлись огни.

— Господа, — сказалъ полковникъ Ложейниковъ, —обсуждать намъ нечего... Мы солдаты... Мы свой долгъ исполнимъ... Русскаго имени не посрамимъ... Разойтись по палаткамъ!..

XXX

Маленькая палатка Нифонта Ивановича стояла возлѣ кухонь. Въ ней сидѣли самъ хозяинъ и подружившійся съ нимъ урядникъ Тпрунько. Люди давно отужинали. Въ лагерь стояла мертвая тишина. Нигдѣ въ палаткахъ не было огней.

Яркія звѣзды легли алмазнымъ узоромъ по темно-синей небесной парчѣ. Внизу глухо и мѣрно билъ прибой. Океанъ отражалъ звѣздное блистаніе и струился свѣтящимися нитями. Ровный и теплый вѣтеръ подувалъ надъ островомъ. Было таинственно, несказанно красиво и чудно въ Божьемъ мірѣ. И разговоръ былъ необычный, полный тайны, вѣры другъ въ друга и велся онъ тихими задушевными голосами.

— Ось, Михайло Строговъ, — внушительно, хриплымъ баскомъ говорилъ Тпрунько, — заготовляе білый флагъ... Я знаю... Бачивъ... Ихъ у палаткі пять душъ собралось, и Михайла вашъ за коновода... Не дать, значе, поднять Русскаго флага и шобъ сдаться. Ось, что замышляе!.. Я знаю... Бачивъ...

— За то знамя наши отцы и дѣды умирали.

— Я за то-жъ и кажу, Нифонтъ Ивановичъ.

— Опять — сдаться?.. Это значитъ опять чужой хлѣбъ жевать?.. Опять въ бѣженцы писаться?.. Да умереть куды слаже...

— Я за то-жъ и кажу, Нифонтъ Ивановичъ. Якъ же вы служили Государю Императору?..

— Я то?.. То есть, какъ я служилъ?.. Я полный бантъ имѣлъ, во какъ я служилъ... Подхорунжимъ я былъ въ

своемъ полку. Я на защитѣ Дона до конца стоялъ, и кабы не начальство, никогда бы никуда не ушелъ... Такъ тамъ и померъ бы на родной то есть землѣ...

— Та-акъ... Вы чулы, якъ полковникъ казавъ на перекличкѣ. «Сполнимъ свой долгъ»... Нашъ долгъ есть што?... Оборонить свое знамя и при емъ умереть.

— Ну-къ что-жъ. Я васъ въ полной мѣрѣ уважаю.

— За то и разговоръ, Нифонтъ Ивановичъ. Вы мой пидпомощникъ... И начальство указало... И то нашъ козацкій долгъ... Понялы?

— Учить меня не приходится. Съ малолѣтства въ станицѣ отцомъ достаточно ученъ, что значить: — за вѣру, Царя и отечество... То есть сладкая смерть... Славою и честію вѣнчанная.

— Я за то и кажу, Нифонтъ Ивановичъ... Бувайте здоровеньки.

— Спокойной ночи.

Внизу глухо шумѣлъ океанъ. Темные валы непрерывною чередою наступали на берегъ, опѣнивались блестящей чертою и съ мягкимъ шипѣніемъ разсыпались вдоль берега. Ярко блистали на небѣ безчисленные, незнаемыя звѣзды. Творили свою ночную работу, полную небесной тайны. Казались они поднимавшемуся на гору уряднику Тпрунькѣ неласковыми и будто враждебными. Не такія онѣ были на Кубани. Чернымъ горбомъ вдавалась въ море гора съ ея причудливыми скалами и съ конусообразной вершиной.

Все было не «наше», все было чужое и страшное. Тпрунька остановился, досталъ кисеть съ табакомъ, раскурилъ трубку и сказалъ про себя: —

— Ну, однако, никто, какъ Богъ. На все Его святая воля...

XXXI.

Быстрый разсвѣтъ наступалъ. Звѣзды погасали. Небо казалось сѣрымъ. Капитанъ Немо вышелъ на веранду барака. Онъ прислушался. Наверху, гдѣ была мачта

и гдѣ никакихъ работъ не производилось мѣрно стучаль молотокъ. «Тукъ, тукъ, тукъ». Замолчить, перестанеть и опять: — «тукъ, тукъ, тукъ»...

Шпаковскій, спавшій одѣтымъ въ длинномъ соломенномъ креслѣ, вскочилъ передъ капитаномъ Немо.

— Что это тамъ, Александръ Антоновичъ?

— Не могу знать, Ричардъ Васильевичъ. Сейчасъ пойду посмотрю.

— Пойдемъ вмѣстѣ.

Они спустились съ веранды и по узкой тропинкѣ, вившейся между миртовыхъ кустовъ и безобразныхъ мясистыхъ кактусовъ и алоэ стали подниматься къ мачтѣ.

Свѣтало. На востокѣ океанъ покрылся бѣлесою пеленой. Небо надъ нимъ розовѣло.

Съ послѣдняго поворота тропинки стала ясно видна вершина горы. Сѣдой бородатый казакъ взобрался на бѣлый столбъ мачты и, придерживая колѣномъ большою Русскій флагъ, тщательно прибивалъ его гвоздями. Черезъ плечо у него была надѣта холщевая сумка съ инструментомъ. Другой старикъ въ ветхой изорванной черкескѣ стоялъ подъ нимъ и озабоченнымъ голосомъ давалъ указанія.

— Вы, Нифонтъ Ивановичъ, кромку дѣлайте больше, а гвозди бейте почаще, какъ на знаменахъ били, а то кабы вѣтеръ не порвалъ до времени.

— Я и то гвоздь къ гвоздю. Никогда тебѣ не переть... Какая бы буря ни была все устоитъ.

Капитанъ Немо остановился за кустами и смотрѣлъ на стариковъ. Тихая улыбка появилась на его всегда серьезномъ лицѣ. Теплый токъ пошелъ отъ сердца къ глазамъ — и — вотъ еще мгновение — и не удержитъ онъ благодатныхъ слезъ. Никогда въ дни лучшихъ своихъ изобрѣтеній и громкихъ успѣховъ, ни даже въ тотъ день, когда Государь Императоръ произвелъ его въ первый офицерскій чинъ, ни тогда, когда онъ уже въ зенитѣ своей славы представлялся Государю, ни тогда, когда внезапно почувствовалъ, что онъ полюбилъ запоздалою первою любовью дочь своего лучшаго друга — не испытывалъ капитанъ Немо такого блаженнаго свѣтлаго и радостнаго чувства, какъ въ эти минуты

разсвѣта на чужомъ острову, когда скрытый кустами онъ наблюдалъ эту работу казаковъ.

Звѣзды погасли. Только одна на западѣ горѣла свѣтлымъ фонарикомъ на зеленомъ небѣ. Предразсвѣт- ный вѣтеръ озабоченно задулъ надъ горою. На востокѣ ярче разгоралась золотая полоса восхода. Внизу на ли- нейкѣ горнисть трубилъ повѣстку къ зарѣ.

Опустившій было въ сладкомъ раздумьи голову ка- питанъ Немо поднялъ ее. Старый казакъ забилъ посл- ѣдній гвоздь и отпустилъ прижатый колѣномъ конецъ флага. Въ тотъ же мигъ первый солнечный лучъ ослѣпи- тельно заигралъ на горѣ. Въ его огневомъ сіяніи во всю ширину развернулся большой, несказанно прекрасный флагъ Родины...

Немо сталъ спускаться. Онъ не хотѣлъ, чтобы ка- заки его увидали. На его лицѣ все играла та же счастли- вая улыбка. Сердце сладостно замирало отъ восторга сознанія, что честь и долгъ не пустыя слова.

XXXII.

Въ полдень на горизонтѣ показались черные дымы. На островѣ пробили боевую тревогу. Союзная эскадра шла къ Россійскому острову.

Часовъ около четырехъ корабли развернулись въ океанѣ и стали на якорь. На большомъ Англійскомъ дредноутѣ, должно быть, адмиральскомъ кораблѣ длин- ной вереницей затрепетали сигнальные флаги.

Сигнальщикъ морякъ прочелъ: — «требовали сда- чи и спуска поднятаго на островѣ флага».

Русскій флагъ весело и дерзко игралъ на вѣтру. Съ грязнаго, сѣраго корабля, бывшаго подъ краснымъ фла- гомъ спустили моторную шлюпку. Она буксировала вель- боть и шла съ бѣлымъ кормовымъ флагомъ: — пере- говорщики.

Полковникъ Ложейниковъ съ ротмистромъ Шпа- ковскимъ вышли имъ навстрѣчу.

Вельботъ на веслахъ подошелъ къ берегу и выбросился на мелкое мѣсто. Изъ него выскочили люди въ бѣлыхъ матроскахъ и съ ними человѣкъ въ просторной тропической пижамѣ. Матросскія безкозырки съ алыми ленточками были небрежно по бабьи надѣты на стриженные головы матросовъ. Вооруженные винтовками съ примкнутыми штыками матросы, держа ружья на перевѣсъ окружили человѣка въ бѣлой пижамѣ и несмѣло пошли навстрѣчу полковнику Ложейникову.

— Кто вы такіе и что вамъ угодно? — спросилъ Ложейниковъ.

— Я есть комиссаръ дредноута краснаго совѣтскаго флота «Роза Люксембургъ» и присланъ отъ командующаго союзной эскадрой адмирала Флислинга съ требованіемъ сдачи острова, немедленнаго спуска бѣлогвардейскаго флага и перехода всѣхъ обитателей острова на суда эскадры.

— Передайте адмиралу Флислингу, что ему должно быть хорошо извѣстно, что надъ островомъ не бѣлогвардейскій флагъ, но Россійскій флагъ. Онъ поднять надъ Русскимъ островомъ, принадлежащимъ Россіи и Россія не состоитъ въ войнѣ съ Англійей.

— Это есть требованіе союзниковъ.

— Я его не исполняю.

— Вы знаете!... Вы знаете!... Вы видите, что насъ... Видите сколько насъ... Я могу васъ сейчасъ схватить и увезти, какъ трофей.

— Попробуйте.

Полковникъ Ложейниковъ поднялъ руку и изъ всѣхъ глубокихъ окоповъ, нарытыхъ вдоль берега показались бѣлые шлемы охранной роты. Пулеметныя бойницы открылись, пушки Гочкиса вытянули свои длинныя тѣла. И можетъ быть и еще что показалось за скалами. Краснофлотцы шарахнулись въ воду. Комиссаръ растерянно снялъ шляпу и стоялъ передъ Ложейниковымъ, ожидая что будетъ дальше.

— Передайте адмиралу Флислингу, что я ожидалъ отъ его кораблей салюта тому государству, которое сражалось бокъ о бокъ съ нимъ во время великой войны и не измѣнило слову, данному союзникамъ. И скажите,

что на его салютъ батареи острова отвѣтили бы соответствующимъ салютомъ, какъ того требуетъ международный кодексъ вѣжливости.

— Это уже будетъ другой салютъ, — съ угрозой въ голосѣ пробормоталъ оправившійся отъ испуга комиссаръ. — Товарищи, — обернулся онъ къ краснофлотцамъ. — Намъ здѣсь совсѣмъ даже нечего дѣлать.

Забавно задирая колѣна отъ побѣжалъ по водѣ, все оглядываясь назадъ, впрыгнулъ въ вельботъ и замахалъ шляпой, чтобы матросы скорѣе отваливали. Моторный катеръ принялъ носовой фалень и потащилъ вельботъ къ эскадрѣ.

Переговоры были кончены.

XXXIII.

Всю ночь лучи прожекторовъ бродили по острову, освѣщая его. Въ ихъ свѣтѣ гордо рѣялъ на ночномъ вѣтру Русскій флагъ.

На адмиральскомъ кораблѣ шло совѣщаніе. Весь командный составъ эскадры, адмиралы и офицеры, украшенные боевыми орденами и медалями за подвиги, совершенные въ великую войну, единогласно постановили, что островъ ничтожная величина, и не стоитъ открывать по нему огонь мощныхъ корабельныхъ батарей. Борьба съ Русскими Донъ Кихотами не входитъ въ планы великихъ державъ, а по всему видно, что тутъ собрались фанатики Русскаго дѣла, заядлые «бѣлогвардейцы», не желающіе мириться съ очевидностью. Въ томъ, что надъ островомъ развѣвается Русскій флагъ — бѣды большой нѣтъ. Ходятъ же съ этимъ старымъ Русскимъ флагомъ, съ этимъ «бывшимъ» Русскимъ флагомъ, «*anciens combattants*» возжигать пламя на могилѣ неизвѣстнаго солдата въ Парижѣ и ходятъ съ вѣдома и разрѣшенія Правительства Республики. Островъ слишкомъ малъ, чтобы онъ могъ служить базой побсемѣстнаго Русскаго возстанія. Нигдѣ на острову не

видно ни фабрикъ, ни заводовъ, да и какъ могутъ они быть, откуда они получали бы сырье, гдѣ тотъ тоннажъ, который перевозилъ бы все это въ Россію? Все казалось раздутымъ и не стоящимъ вниманія.

— Это Россійскіе Донъ Кихоты, — говорилъ французскій адмиралъ де-Периньи, командовавшій воздушнымъ флотомъ. — Оставьте этимъ несчастнымъ людямъ маленькое утѣшеніе въ ихъ бѣдственной и безрадостной судьбѣ. Мое, господа, мнѣніе, мы можемъ донести нашимъ правительствомъ, что мы были введены въ заблужденіе. Для Европейскаго мира нѣтъ никакой опасности въ существованіи крошечной кучки фанатично настроенныхъ Русскихъ эмигрантовъ, живущихъ подъ своимъ флагомъ.

Краснофлотскіе командиры тупо молчали. Съ темными отъ смущенія лицами, опустивъ головы, они не очень хорошо себя чувствовали подъ перекрестными насмѣшливыми взглядами англійскихъ и французскихъ моряковъ. Они были подавлены. Казалось, что то похожее на совѣсть пробуждалось въ ихъ душахъ. Этотъ бѣло - сине - красный флагъ, увидѣнный ими сегодня на вершинѣ потухшаго вулкана напомнилъ имъ какія то иныя времена, когда никому и въ голову не пришло бы смотрѣть на Русскаго морского офицера со снисходительной насмѣшкой.

Доблесть маленькой кучки людей, отказавшихся исполнить приказъ могущественной союзной эскадры невольно подкупала.

Комиссаръ совѣтскаго флота попросилъ слова. Собственно говорить было не о чемъ: — рѣшеніе было постановлено, но отказать человѣку, являвшемуся фактически начальникомъ совѣтскаго флота, передъ кѣмъ трепетали краснофлотскіе командиры сочли неудобнымъ и слово было ему предоставлено. Человѣкъ, небрежно одѣтый въ неопрятную бѣлую пижаму, безъ воротничка на рубашкѣ и галстуха, плохо бритый, съ синевою на верхней губѣ и по щекамъ всталъ со своего мѣста и сталъ говорить. Въ дни своей молодости, укрываясь отъ воинской повинности, а потомъ отъ войны, онъ эмигрировалъ въ Америку, служилъ тамъ помощникомъ прови-

зора въ маленькой жидовской аптекѣ и научился говорить по-англійски жаргономъ рабочихъ кварталовъ Нью-Йорка. Его ужасный англійскій языкъ звучалъ въ каютѣ полтора часа. Онъ бралъ изморомъ. Это была обыкновенная митинговая рѣчь, совершенно неумѣстная передъ англійскими и французскими морскими офицерами. Онъ старался доказать, что островъ совсѣмъ не такая невинная и безопасная для мира вещь, какъ то кажется союзнымъ адмираламъ.

— Товарищи, — восклицалъ онъ, и это названіе коробило офицеровъ. — Товарищи, тамъ есть пулеметы, я ихъ самъ видалъ, ужасъ сколько пулеметовъ... Ну и тамъ, знаете, пушки... И кто знаетъ какія тамъ пушки... И чѣмъ онѣ стрѣляютъ. Тамъ могутъ быть, знаете, аэропланы, сотни, даже тысячи аэроплановъ... Милліоны особыхъ аэроплановъ — это вѣдь тотъ же тоннажъ, Это лучше тоннажа...

— Наши летчики, — перебилъ краснорѣчіе комиссара адмиралъ де-Периньи, — никакихъ аэроплановъ на острову не видали.

— Товарищъ адмиралъ... Господинъ адмиралъ, вы понятія не имѣете, что это за люди... Они могли такъ укрыть свои аэропланы, что ихъ никакъ нельзя было увидеть. Здѣсь, господа, здѣсь, товарищи, сѣмена милитаризмы, никакой европейскій миръ, никакое разоруженіе невозможны, пока существуютъ эти люди, пока совершенно не сокрушена гидра контръ-революціи... Я опредѣленно доказываю, что здѣсь ея гнѣздо... Это фактъ. Тутъ самая ея голова, ея мозгъ... Наша обязанность передъ цѣлымъ культурнымъ міромъ камнемъ раздробить эту голову... Сто головъ этой ужасной бѣлогвардейской гидры. Народы всего міра не могутъ спокойно спать отъ присутствія этой гидры... Отъ нея кризисъ, отъ нея безработица, она питаетъ самыя гнусныя вождедѣнія монархистовъ всего міра... Лига Націй намъ поручила ее уничтожить... Исполнимъ свой долгъ передъ Лигой Націй...

Его слушали со скукою, едва подавляя зѣвоту. Слушали изъ европейской вѣжливости, какъ слушаютъ въ Женевѣ, въ Лигѣ Націй болтовню Литвинова. Слушаютъ

потому, что не могут допустить, чтобы мошенникъ пробрался въ высокое собраніе, и разъ человѣкъ находится въ ихъ обществѣ, какой онъ ни будь — его приходится считать порядочнымъ человѣкомъ.

Наконецъ, онъ кончилъ. Онъ долженъ былъ кончить, потому что какъ ни былъ онъ мало чутокъ и какъ ни упоенъ своимъ краснорѣчіемъ, но и онъ понялъ, что злоупотреблять дольше имъ нельзя.

Адмиралъ Флислингъ, пятидесятилѣтній полный человѣкъ съ краснымъ, бритымъ лицомъ и маленькими пухлыми совсѣмъ дѣтскими губами свѣжаго красиваго рта, не глядя на комиссара, сказалъ, обращаясь къ капитанамъ союзныхъ кораблей:

— Завтра я полагаю отправить моего флагъ офицера къ этимъ мужественнымъ людямъ, чтобы еще разъ поговорить съ ними и убѣдить ихъ сдать и перейти къ намъ на суда.

— А, если не согласятся? — быстро спросилъ адмиралъ де-Периньи, загорѣлый, сухощавый морякъ съ классической французской бородкой временъ Наполеона III и Алжирскихъ побѣдъ.

— Не согласятся, ну и Богъ съ ними, — спокойно сказалъ Флислингъ. — Снимемъ съ якоря и уйдемъ. Можемъ наблюдать за ними посылкой періодически судовъ и гидроплановъ. Смѣшно говорить о томъ, что эта маленькая группа Русскихъ патриотовъ можетъ быть опасна для міра.

— Но это же никакъ невозможно, — въ сильномъ возбужденіи воскликнулъ комиссаръ. — Это же пощечина трудовому народу всего міра. Это оскорбленіе пролетаріата, довѣрившаго судьбы свои демократіямъ великихъ державъ. Рабочіе Англии и Франціи, когда узнаютъ о такомъ рѣшеніи, объявятъ забастовки. Будутъ повсемѣстные возстанія. Это же будетъ покровительство тѣмъ, кто борется съ пролетаріатомъ совѣтскихъ республикъ, это интервенція въ совѣтскія дѣла, это таже голодная блокада, это повтореніе временъ Колчака и Деникина, ошибокъ, за которыя пришлось такъ дорого заплатить.

Его рѣчь становилась все страстнѣе, онъ сталъ сы-

пать тирадами изъ коммунистическаго катехизиса. Грядомъ съ адмиральской каютой въ каютъ компаниі стюарты гремѣли посудой, накрывая къ ужину. Флислингъ, багрово покраснѣвъ пухлыми щеками, перебилъ комиссара.

— Мнѣ кажется, ваше краснорѣчіе тутъ совершенно неумѣстно, — сказалъ онъ, повышая голосъ, — упоминаніе о Колчакѣ и Деникинѣ напрасно. — Флислингъ еще болѣе покраснѣлъ. Онъ терялся, какъ остаться джентльменомъ, имѣя дѣло съ такимъ человѣкомъ, какъ этотъ наглый совѣтскій комиссаръ. Онъ обвелъ глазами старшихъ англійскихъ и французскихъ офицеровъ. Онъ искалъ у нихъ поддержки и одобренія своимъ поступкамъ. — Мнѣ думается, — внушительно сказалъ онъ, — что я правильно выражу наше общее мнѣніе: — вы согласны со мною. Мы, чортъ возьми, въ большинствѣ, — все болѣе и болѣе накаливаясь, раздражаясь и краснѣя воскликнулъ Флислингъ, — уважать наше мнѣніе вы обязаны.

Англійскіе и французскіе офицеры молча встали и поклонились адмиралу. Одни краснофлотцы продолжали сидѣть, низко опустивъ головы. Комиссаръ вскочилъ съ привинченнаго къ полу круглаго кожанаго кресла и, уже не сдерживаясь, закричалъ:

— Это, товарищи... Это же измѣна дѣлу рабочихъ и вообще... Это же предательство трудового народа и демократій... Это ударъ въ спину дѣлу мира.

Онъ съ гнѣвомъ топнулъ ногою по мягкому ковру и выскочилъ изъ каюты. За нимъ сконфуженною гурьбою, какъ побитыя собаки, нагадившія въ комнатѣ, стали выходить и краснофлотцы.

— Господа, — сказалъ Флислингъ, — какъ будто воздухъ сталъ чище. Откройте еще шире иллюминаторы. Надо еще провѣтрить... Одиннадцатый часъ, однако. Пять часовъ потеряли на пустую болтовню и лекціи Марксизма. Пожалуйста, господа, ужинать...

XXXIV.

Въ два часа ночи флагъ офицеровъ адмирала Флислинга доложилъ ему, что матросы на корабляхъ волнуются. Они покинули койки на верхней и батарейной палубахъ, и на многихъ корабляхъ идутъ летучіе митинги. Было извѣстно, что на всѣхъ корабляхъ есть коммунистическія ячейки, но этому не придавали значенія, рассчитывая на благоразуміе общей массы матросовъ. Ночью съ совѣтскихъ судовъ прибыли агитаторы и матросы подпали подъ вліяніе ихъ смѣлыхъ свободныхъ рѣчей. Были уже насилія надъ боцманами и квартирмейстерами, пытавшимися приказать матросамъ разойтись. Офицеры не смѣли выйти изъ своихъ каютъ. Мятежъ бѣжалъ, какъ пламя по пороховой ниткѣ. Зараза быстро охватывала корабли съ экипажами, усталыми отъ тяжелого плаванія по неизвѣстнымъ морямъ, при неистовой тропической жарѣ.

Безсловесныя и покорныя всегда офицерамъ команды телеграфъ выносили резолюціи и ставили требованія. Вдругъ давняя и всегда такъ тщательно скрываемаая добрыми, джентльменскими отношеніями классовая вражда между алою и голубою кровью поднялась и вспыхнула съ непреоборимою силою. Стали вспоминать всѣ бывшія на протяженіи многихъ лѣтъ обиды и недоразумѣнія. Въ адмиралѣ и офицерахъ увидали враговъ «трудового народа», «капиталистовъ», «бѣлую кость», угнетающую матросовъ. На судахъ стали выносить одинаковыя, точно кѣмъ то однимъ продиктованныя резолюціи, вынесенныя на матросскихъ митингахъ.

— Команды эскадръ Англій, Франціи и Союза Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ, собравшись на чрезвычайныя собранія, единогласно постановили: — требовать отъ адмираловъ и офицеровъ исполненія ихъ долга передъ пославшими ихъ демократіями означенныхъ странъ и Лигой Націй. Они требуютъ незамедлительнаго уничтоженія огнемъ острова, занятаго империалистами, заклятыми врагами трудового народа, милитаристами, готовящими ужасы новой міровой войны.

Рабочіе всего міра взываютьъ къ совѣсти офицеровъ союзныхъ эскадръ и требуютъ отъ матросскихъ командъ желѣзной дисциплины и жестокаго наказанія людямъ, помыслившимъ уничтожить совѣтскій союзъ. Да здравствуютъ Совѣты трудящихся!...

Кровавокрасные огни мятежа загорѣлись на клотикахъ мачтъ. На англійскомъ крейсере раздавалось нестройное пѣніе «интернаціонала».

Въ четыре часа утра адмиралы и старшіе офицеры, на этотъ разъ сопровождаемые выборными отъ матросскихъ командъ вновь собрались на флагманскомъ кораблѣ. Подавленный и уничтоженный, въ эту ночь точно постарѣвшій на много лѣтъ вышелъ къ нимъ Флислингъ. Онъ согнулся и опустился. Пухлыя щеки обрюзгли и были нездороваго буро-малиноваго цвѣта. Заплывшіе жиромъ глаза были тусклы. Французскій адмиралъ старался ни на кого не глядѣть. Въ открытые иллюминаторы смотрѣла темная, поздняя тропическая ночь. Въ нихъ несея глухой гомонъ не спящихъ, волнующихся командъ, слышались нестройныя пѣсни, крики угрозъ и свистки. На совѣтскихъ судахъ оркестры играли «Интернаціональ». Комиссаръ совѣтской эскадры самодовольно потиралъ руки и не могъ скрыть своего торжества. Онъ нагло оглядывалъ офицеровъ.

Никто не садился. Адмиралъ Флислингъ стоялъ у дверей каюты.

— Господа, — сказалъ онъ. Его голосъ звучалъ хрипло и печально. — Я принужденъ покориться обстоятельствамъ. Уступить насилію. Вопросъ о законности или незаконности того, что произошло мы будемъ рѣшать, когда вернемся въ свои порты. Сейчасъ я принужденъ исполнить желанія... требованія командъ... Приказываю съ восходомъ солнца, съ подъемомъ флаговъ, пробить на судахъ боевую тревогу и открыть огонь по острову.

— Если надъ островомъ не будетъ бѣлаго флага, — сказалъ тихо, но какъ то особенно внушительно прозвучалъ его голосъ — адмиралъ де-Периньи. Онъ видимо сильно страдалъ и съ трудомъ скрывалъ то, что происходило въ его душѣ.

— Или... красного, — воскликнулъ, съ прерывистымъ хохотомъ торжества комиссаръ.

— Ну, этого, надѣюсь, вы никогда не дождетесь, — мрачно сказалъ Флислингъ. — Мы будемъ стрѣлять только по Русскому флагу.

— Приказъ объ открытіи огня французскимъ кораблемъ будетъ отданъ моимъ замѣстителемъ, — грустно сказалъ адмиралъ де-Перины. — Я подаю въ отставку... — Онъ повысилъ голосъ: — я не могу отдать приказа объ открытіи огня по Русскому флагу... Я видѣлъ Тулонъ, я былъ въ Кронштадтѣ, я знаю Марну и Верденъ, я пережилъ съ Русскими моряками Бизерту... Такого постыднаго приказа я никогда не отдамъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно... какъ вамъ будетъ угодно, — верещалъ комиссаръ. Онъ не могъ долѣе скрывать своего восторга.

— Это не вы здѣсь, милордъ, распоряжаетесь, — крикнулъ, раздражаясь до послѣдней степени и теряя хладнокровіе, Флислингъ. — Это мой приказъ, отданный именемъ короля... Слышите, чортъ возьми васъ со всѣмъ, — наступая на комиссара, заоралъ Флислингъ, — короля!... короля!... И никого другого...

— Я слышу... Слышу, господинъ адмиралъ... Ну такъ я все же слышу... Короля, такъ короля... Но по волѣ народа...

Комиссаръ былъ въ дверяхъ. И это было хорошо. Еще мгновение и Флислингъ избилъ бы его мощно сжатыми кулаками. Флислингъ тяжело вздохнулъ.

— Попрошу, господа, по мѣстамъ, — овладѣвая собою, сказалъ онъ. Приведите ваши команды въ порядокъ. Берегите снаряды... Ей Богу этотъ островокъ не стоитъ всего этого шума.

Офицеры вышли изъ адмиральской каюты. Въ свѣтломъ корридорѣ съ блестящими бѣлыми стѣнами переборокъ, ярко освѣщенными многими электрическими лампочками, пустыннымъ и тихомъ въ этотъ поздній часъ казалось офицерамъ застыла страшная, несказанно противная, мерзкая, тошная, п о с л ѣ д н я я скука.

Скука смертной казни.

XXXV.

Безъ пяти минутъ въ шесть часовъ утра адмиралъ Флислингъ поднялся на командный мостикъ. Онъ молча взялъ отъ вахтеннаго начальника подзорную трубу и навелъ ее на островъ. Въ утреннемъ бризѣ, надъ розовымъ конусомъ потухшаго вулкана тихо и, какъ показалось Флислингу, особенно внушительно и гордо рѣялъ Русскій флагъ. Онъ то сворачивался, путаясь полосами и становясь похожимъ на французскій, то разворачивался во всю ширину и четко рисовался на свѣтлѣющемъ небѣ. Съ моря несло отрадной прохладой. Душистой свѣжестью вѣяло отъ острова. Міръ былъ прекрасенъ.

Внизу на верхней палубѣ строились молчаливыя мрачныя команды.

Англійскій адмиралъ, не глядя на вахтеннаго, сунулъ ему трубу и буркнулъ пухлыми обвѣтренными посѣрѣвшими губами:

— Приказываю пробить боевую тревогу... Открытіе огня.

Прошло нѣсколько минутъ. Очень долгими онѣ показались адмиралу. Надъ вантами побѣжала цвѣтная лента адмиральскаго приказа. Заиграли горны, имъ откликнулись рожки и точно громадныя усы морского чудовища зашевелились пушки на башнѣ.

И еще никто не рѣшался выпустить смертоносный снарядъ по молчащему острову, какъ на совѣтскомъ броненосцѣ «Роза Люксембургъ» вдругъ надъ башнями метнулось пламя и сейчасъ же грозно, громopodobно грохнулъ первый выстрѣлъ, отдался этомъ о гору и покатился надъ тихимъ спящимъ океаномъ.

Солнце поднималось изъ морскихъ просторовъ.

Девять судовъ открыли огонь по острову. Гидропланы, рѣя въ небѣ, корректировали стрѣльбу. Маленькая розово-зеленая точка на морѣ была окутана бѣлыми, сочными облаками шрапнельныхъ разрывовъ и громадными бурными дымами взрывовъ гранатъ, словно кудрявыя деревья встававшими то тутъ то тамъ. Они

были такъ часты, что временами острова не было видно и не было видно флага на мачтѣ. Тогда на мгновеніе прекращали огонь, чтобы дать охладиться разгоряченнымъ стволамъ и ждали, когда разсѣятся дымы разрывовъ надъ островомъ и въ десятки биноклей смотрѣли на гору. Въ синемъ небѣ надъ розовою скалою, рѣялъ и точно дразнилъ коммунистовъ прекрасный и невредимый, не опускаемый Русскій флагъ.

Въ полдень стрѣльбу прекратили. Коммунистическія ячейки потребовали, чтобы командамъ былъ поданъ обѣдъ.

Въ часъ дня огонь возобновился съ новою силою и подъ его прикрытіемъ съ совѣтскихъ и англійскихъ судовъ пошли шлюпки и катера съ десантомъ.

XXXVI.

Какъ ни малъ былъ Россійскій островъ онъ былъ все-таки слишкомъ великъ для его гарнизона въ пятьдесятъ пять человекъ. Его защитники, укрывшіеся въ глубокихъ траншеяхъ и убѣжищахъ, устроенныхъ на звенья и разсѣянныхъ далеко другъ отъ друга по всему берегу, удачно отсиживались отъ снарядовъ и бомбъ, бросаемыхъ съ аэроплановъ. Гранаты лопались вездѣ. Онѣ измѣняли самыя очертанія острова. Тамъ упала граната у берега и ея воронка наполнялась водою, образуя причудливый заливъ, тамъ разрывомъ снаряда сносило крутыя скалы на краю горы и вмѣсто ихъ пиковъ являлась покатая чернобурая осыпь. Только одинъ разъ снарядъ попалъ прямо въ пулеметное отдѣленіе, и восемь человекъ вмѣстѣ съ машиной взлетѣли на воздухъ и исчезли. Тамъ, гдѣ билось восемь живыхъ сердецъ осталась только глубокая черная воронка.

Защитники острова притаились въ своихъ земляныхъ норахъ. Сквозь стекла перископовъ наблюдали они изъ подъ земли за тѣмъ, что дѣлается на морѣ. Они видѣли разрушеніе острова. Во мгновеніе ока огненнымъ

вихремъ смело палатки ихъ лагеря. Разметало сарай съ консервными ящиками и тѣмъ лишило ихъ продовольствія. Объ этомъ, впрочемъ въ ту минуту какъ то никто не подумалъ. Громадными осколками разбило кухню Нифонта Ивановича. Все жилое, все, съ чѣмъ сжились за эти полгода офицеры уничтожалось и островъ обращался въ груды развалинъ. Луга были покрыты темными воронками и надъ всѣмъ островомъ носился запахъ удушливой гари.

Когда въ полдень огонь утихъ ошеломленные, оглушенные, потерявшіе способность соображать, люди стали выходить изъ убѣжищъ и осматриваться. Отвѣсные лучи солнца казались нестерпимыми. Тутъ, тамъ на лугахъ, на скатахъ горы дымилась воронки. Люди отряда капитана Немо снимали противогазы, протирали глаза, вдыхали знойный воздухъ, расправляли затекшіе члены и, казалось, и сами не понимали, какъ могли они выйти живыми изъ этого ада, какъ спасла ихъ судьба. Нифонтъ Ивановичъ хлопоталъ изготовить чайку, и послалъ Фирса посмотреть цѣла ли мачта. Князь Ардаганскій совершенно потрясенный, ничего еще не соображающій пошелъ за Фирсомъ. Ему, проведенному эти часы рядомъ съ Фирсомъ казалось, что съ нимъ ему будетъ не такъ одиноко. Онъ хотѣлъ заглянуть и къ капитану Немо, отъ котораго все время боя они по громкоговорителю слышали слова ободренія.

Они побѣжали вверхъ по тропинкѣ.

— Цѣль!... цѣль, — въ какомъ то животномъ воскому рукою на вершину мачты, гдѣ то разворачивался, то опадалъ ихъ, ставшій имъ необычайно дорогимъ Русский флагъ.

— Пойдемъ назадъ, — сказалъ Ардаганскій, — чего еще... Вдругъ они начнутъ... Ему страшна была теперь самая тишина острова, хотѣлось къ людямъ, хотѣлось въ тѣсное душное убѣжище. Просторъ океана, гдѣ были видны суда противника, казался ему ужаснымъ. Но Фирсу хотѣлось убѣдиться, что и самое основаніе мачты никакъ не повреждено. Фирсъ бѣжалъ безоружный. Тяжелый «наганъ» болтался въ кобурѣ на

боку у Ардаганскаго и казался ему лишнимъ и ненужнымъ. Онъ стѣснялъ его.

— Одинъ секундъ, Михако... Гляньте-ка, что это тамъ такое?... Ахъ ты Господи, вотъ еще гадъ!

Впереди ихъ и по тому же направленію къ мачтѣ, тщательно скрываясь въ кустахъ алоэ и кактусахъ крадась какая то бѣлая фигура. Фирсъ схватилъ князя Ардаганскаго за руку и повлекъ его за собою.

— Ишь ты какое замыслилъ... Ну погоди-жь ты!... Вотъ негодяй!... Стерва паршивая... — бормоталъ Фирсъ.

Онъ тащилъ за собою въ гору совсѣмъ изнемогавшаго отъ зноя князя. Изъ подъ ихъ пробковыхъ шлемовъ потъ лилъ струями и, заливая глаза, мѣшалъ видѣть. Человѣкъ въ бѣломъ былъ уже у основанія мачты. Онъ рѣзкимъ движеніемъ выхватилъ изъ за пазухи красное полотнище и сталъ махать имъ. Потомъ полѣзъ на мачту.

Какъ въ какомъ то кошмарномъ снѣ князь узналъ въ этомъ человѣкѣ въ бѣломъ Мишеля Строгова.

— Гляньте, что они дѣлаютъ... Предатели!... Гадъ паршивый... Слѣзай, чортовъ сынъ... Слѣзай тебѣ говорить, — кричалъ, задыхаясь въ изступленіи Фирсъ.

Мишель Строговъ, казалось, не слыхалъ его. Онъ видимо былъ пораженъ, что флагъ такъ прочно прибитъ къ мачтѣ. Держась колѣнями за мачту, сунувъ снова за пазуху красное полотнище, онъ досталъ изъ за сапога кривой ножъ и сталъ отрѣзать флагъ отъ мачты.

— Михако, стрѣляйте въ него... Видите какое дѣло замышляютъ. Такимъ гадамъ глотку своими руками рвать надо-тъ.

Князь Ардаганскій какъ то нерѣшительно вынулъ изъ кобуры револьверъ, приподнялъ было его, увидалъ на мушкѣ Мишеля Строгова, вспомнилъ все и точно сталъ ему револьверъ не подъ силу тяжелымъ — онъ уронилъ его на землю.

— Нюжли-жь и того не умѣете, — съ негодованіемъ, глубоко оскорбившимъ князя крикнулъ Фирсъ, — а, голубая кровь!... Правильно прозвали васъ большевики — буржуи!... Что-бъ васъ!...

Онъ схватилъ револьверъ съ земли и выстрѣлилъ. Пуля удачнохватила Мишеля по рукѣ. Онъ скатился внизъ съ мачты. По тыловой части ладони струею текла кровь. Князь бросился къ нему, но Мишель ловкимъ и сильнымъ ударомъ кулака свалилъ князя съ ногъ. Этотъ ударъ точно пробудилъ князя, онъ вскочилъ на ноги и снова бросился на Мишеля. Въ тотъ же мигъ Фирсъ всею тяжестью навалился на Мишеля сзади и, давъ ему подножку, бросилъ его на землю. Онъ скрутилъ ему руки назадъ, приподнялъ его и поставилъ на ноги. Князь ухватилъ Мишеля сзади за лотки и они оба повлекли Мишеля внизъ съ горы. Мишель молчалъ. Онъ тяжело сопѣлъ и пытался зубами достать то руки крѣпко державшаго его Фирса, то красное полотнище, торчавшее у него изъ за пазухи. Но Фирсъ угадывалъ его маневры и всякій разъ еще сильнѣе сжимая руки и выкручивая ихъ мѣшалъ ему въ этомъ и въ тоже время ногою толкалъ его, заставляя бѣжать по крутому спуску.

У главнаго окопа, гдѣ былъ Ложейниковъ ихъ поджидала группа бойцовъ.

— Что тамъ случилось? — спросилъ полковникъ Ложейниковъ.

Мишель Строговъ былъ противъ него. Онъ былъ багрово красенъ, съ выпученными страшными глазами, сверкающими непередаваемой, нечеловѣческой злобой. Онъ оглядывалъ столпившихся кругомъ Ложейникова людей.

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, гляньте какую пакость хотѣли исдѣлать намъ, — сказалъ, задыхаясь отъ усилія держать Мишеля и отъ бѣготни и драки, Фирсъ. Онъ, освободивъ на мгновение одну руку Мишеля, схватилъ изъ его пазухи красное полотнище съ пришитыми къ нему бѣлыми завязками и бросилъ его къ ногамъ Ложейникова. — Съ ножомъ, дьяволъ карабкался, чтобы срѣзать, значитъ, нашу святыню и свою красную пакость навязать. Экую подлую сдачу придумалъ!

Мишель озирался, какъ затравленный волкъ. Онъ поднялъ голову, мотнулъ волосами, выпрямилъ грудь,

стараясь освободиться отъ зажавшаго его, какъ въ клещахъ Фирса и выкрикнулъ съ отчаяніемъ:

— Товарищи!...

— Здѣсь вамъ нѣту товарищей, — грозно заревѣлъ на него Ложейниковъ и сдѣлалъ шагъ къ нему.

— Товарищи, — упрямо съ отчаянною смѣлостью повторилъ Мишель. — Мы занимались на фильмѣ сниматься... А не чтобы... пушечное мясо... Я говорю, — со страшною силою и нечеловѣческою злобою крикнулъ Мишель, — никакого права вы не имѣете!... Я жить хочу!... Я молодъ!... Я!... Жить!... Мнѣ эти: — слава... честь... долгъ... еще вотъ Родина... Не существуютъ они для меня! Я новый человѣкъ!... Мнѣ ваши предразсудки, чтобы жизнь... Единственное, что... Я не желаю умирать...

— Молчи, гадъ, — съ ненавистью крикнулъ Фирсъ.

— Дайте говорить, не мѣшайте, — крикнули сзади.

— Правильно!... Безполезная смерть!... Для чего?...

— Кого мы удивимъ?...

— Кто насъ увидитъ?...

— Кто узнаетъ?... Весь міръ противъ насъ!

— Сдаваться надо!

Кричало два, три человѣка. Остальные молчали. Смятеніе было кругомъ. Въ это время, расталкивая толпу, къ самому полковнику Ложейникову подошелъ старый Нифонтъ Ивановичъ. Въ крѣпкой и зачугунѣлой рукѣ у него былъ зажатъ топоръ. Онъ имъ рубилъ сейчасъ дрова.

— Ваше высокоблагородіе, — сказалъ онъ съ такою медлительною и важною суровостью, что крики сразу стихли, и жуткая наступила тишина. Маленькіе медвѣжьи глаза стараго казака горѣли яснымъ, что то неземное видящимъ огнемъ. — Ваше высокоблагородіе, какъ онъ есть предатель святого дѣла защиты Родины... Измѣнникъ Русскому знамени... И какъ съ нашего дома... Съ одной виллы Коксинель, какъ бы мой однохуторецъ, разрѣшите мнѣ, какъ отцу недостойнаго сына и прикончить его...

И никто ничего не успѣлъ ни возразить или крикнуть, какъ Нифонтъ Ивановичъ, какъ то особенно изнутри гакнувъ, обрушилъ топоръ на узкій, упрямый лобъ Мишеля Строгова.

Толпа охнула. Князь Ардаганскій, державшій сзади Строгова, отскочилъ въ брезгливомъ ужасѣ. Фирсъ бросилъ Мишеля и тотъ безъ стона, мертвый, съ раскroеннымъ черепомъ упалъ къ ногамъ толпы.

И никто не успѣлъ еще хорошенько осознать, что случилось, какъ сверху, гдѣ былъ наблюдательный постъ капитана Немо, раздалась спокойная и твердая команда:

— Смирно! По мѣстамъ!... Надѣть противогазы!...

Въ небѣ, все нарастая раздавался шелестъ приближающагося полета тяжелыхъ снарядовъ и одновременно съ ихъ разрывомъ загремѣлъ громъ возобновившейся бомбардировки острова.

Было не до Мишеля Строгова.

XXXVII.

Послѣднія шрапнели бѣлымъ колеблющимся, кружевнымъ поясомъ облегли береговую линію. Канонада смолкла. Боялись попасть по своимъ. Шлюпки съ десантомъ подходили къ острову.

Въ этой тишинѣ, зловѣще засвистали свистки и раздалась увѣренная команда Ложейникова: — «огонь»!...

Четыре маленькія пушечки Гочкиса, шесть пулеметовъ и двадцать пять винтовокъ открыли огонь по лодкамъ. Жалкими и ничтожными казались ихъ выстрѣлы послѣ громовъ морскихъ гигантовъ. Но мѣтко стрѣляли эти люди, рѣшившіе дорого отдать свою жизнь. Рукводила ими опытная офицерская рука. И стрѣляли специалисты дѣла — офицеры. Стрѣляли обреченные на смерть и съ этимъ примирившіеся. Стрѣляли, чтобы продлить еще немного свою жизнь, стрѣляли, можетъ быть, въ жалкой надеждѣ оборониться мужествомъ отъ силы.

Большой катеръ съ крейсера «Металлистъ» тонулъ удачно подбитый снарядомъ. На катерѣ съ «Розы Люксембургъ» всѣ гребцы и большая часть краснофлотцевъ десанта были перебиты пулеметнымъ и винтовочнымъ огнемъ. Его взял на буксиръ катеръ съ англій-

скаго броненосца. Эта горсть защитниковъ умѣла сражаться и дорого отдавала свою жизнь... Лодки съ десантомъ, не слушая ни командъ ни сигналовъ, поворачивали назадъ. Первыми удрали моторные катера, и вельботы шли подъ ударами весель, бившихъ торопливо, нервно и не въ попадъ. Многія совѣтскія шлюпки перевернулись, и съ берега было видно, какъ кругомъ упавшихъ въ воду людей, пѣня воду, сновали акулы. Десантъ удалялся со всею возможною поспѣшностью, а по нему все били и били винтовки и поливали пулями стрекочущіе мѣткіе пулеметы. Дорого отдавали свои обреченныя жизни защитники таинственнаго острова. Побѣдить или умереть, — было ихъ рѣшеніе.

Они побѣждали.

На англійскихъ и французскихъ судахъ былъ поданъ сигналъ: «отбой». Адмиралъ Флислингъ рѣшилъ прекратить нападеніе на островъ и предоставить его своей судьбѣ. Воля капитана Немо оказалась сильнѣе воли Англійскихъ и Французскихъ моряковъ. Она сломила ихъ наступленіе. Но не сдавался совѣтскій комиссаръ. Онъ явился на флагманскій корабль съ требованіемъ разрѣшить ему забросать островъ съ гидроплановъ бомбами съ совсѣмъ особыми газами, противъ которыхъ всѣ противогазы были безсильны. Этотъ газъ, — особое видоизмѣненіе «Люизита», названнаго въ Америкѣ «росою смерти», былъ изобрѣтенъ въ Осоавіохимѣ химикомъ нѣмцемъ, когда то сотрудникомъ и соперникомъ профессора Бундерлиха и былъ испытанъ надъ преступниками въ совѣтской республикѣ. Дѣйствіе его было столь ужасно, что въ совѣтскихъ газетахъ не рѣшились опубликовать результатовъ испытаній, но слухи о немъ проникли за границу и, когда комиссаръ совѣтскаго флота предложилъ въ самомъ началѣ примѣнить этотъ газъ, онъ встрѣтилъ серьезный отпоръ со стороны своихъ боевыхъ товарищей. Теперь при видѣ потерь понесенныхъ совѣтскимъ десантомъ, адмиралъ Флислингъ на предложеніе комиссара не отвѣтилъ ничего. Онъ умылъ руки. «Дѣлайте, какъ хотите, но мы принимать участія въ этомъ ужасномъ дѣлѣ не будемъ», — означало его молчаніе.

И сейчас же десять совѣтскихъ гидроплановъ слетѣли съ моря и понеслись къ острову. Бурый низкій дымъ жуткимъ туманомъ затянулъ островъ, поднялся до вершины горы и растаялъ въ воздухѣ. И когда снова въ подзорныя трубы сталъ виденъ весь островъ, на немъ не было замѣтно никакого движенія. Комиссаръ явился къ адмиралу Флислингу. Онъ вошелъ, радостно возбужденный, торжествующій и зловѣщій. У адмирала Флислинга сидѣлъ представитель «Интеллидженцъ Сервисъ» капитанъ Холливель.

— Ну вы знаете, — потирая руки и не пытаясь ихъ, подавать, зная напередъ, что его протянутая рука никѣмъ не будетъ принята, — ну вы знаете, — оживленно говорилъ комиссаръ. — Вы совершенно напрасно были противъ этого. Такъ съ этого надо было начинать и все было бы давно кончено. Не даромъ наши товарищи, большевики, назвали этотъ газъ — «поцѣлуй смерти». И смотрите, какъ гениально придумано. Другіе газы, сдѣлавъ свое дѣло убійства, остаются долго на землѣ, «поцѣлуй смерти» поднимается вверхъ и можно наступать и можно сейчасъ же видѣть результатъ своей побѣды. Мы можемъ ѣхать на островъ. Мы можемъ срывать проклятый флагъ, рубить мачту, мы можемъ брать трофеи! Потому, знаете, мое коммунистическое сердце совсѣмъ не выдерживаетъ — проклятый флагъ все развѣвается... Будто и не было нашей побѣды.

Адмиралъ Флислингъ поднялся.

— Ыдемте, капитанъ, — сказалъ онъ взволнованно, хватая руки капитана Холливеля, — поклонимся праху святыхъ героевъ, Русскихъ патріотовъ.

Не глядя на комиссара, какъ мимо пустого мѣста, прошелъ адмиралъ къ сходнямъ, гдѣ стоялъ дежурный катеръ.

Шлюпки съ десантомъ пошли впереди. Осторожность не мѣшала. Солнце садилось. Въ его золотыхъ лучахъ на вечернемъ бризѣ Русскій флагъ, развѣвавшійся на мачтѣ казался грозящимъ и торжественнымъ. Мертвая тишина была на островѣ.

Никто и никакъ не встрѣтилъ матросовъ и краснофлотцевъ десанта. Люди разсыпались жидкою цѣпью

и, держа ружья на перевѣсъ, пошли вглубь острова къ горѣ. За матросами шли адмиралъ Флислингъ, капитанъ Холливелъ и нѣсколько англійскихъ офицеровъ.

Въ глубокихъ окопахъ, съ коричневыми лицами, словно опаленными огнемъ, скорченные въ ужасныхъ мукахъ лежали мертвецы. У однихъ руки были подняты и страшными казались ихъ въ послѣдней смертной мукѣ растопыренные пальцы, у другихъ пальцы были сложены, какъ для крестнаго знаменія и въ лицахъ ихъ сквозь муки агоніи проглядывало спокойствіе смерти. Они лежали съ закрытыми глазами и покойны были черты людей, умершихъ въ сознаніи свято исполненнаго долга. Другіе съ открытыми выпученными, почти вылѣзшими изъ орбитъ глазами съ открытыми страшными ртами точно вопіяли къ небу, прося помощи.

Адмиралъ обошелъ островъ. Какъ мало было защитниковъ!

— Гдѣ же тяжелыя пушки, о которыхъ вы вчера намъ докладывали? — съ презрѣніемъ въ голосѣ сказалъ Флислингъ шедшему въ сторонѣ отъ него совѣтскому комиссару.

— Ну такъ я таки не говорилъ: — тяжелыя пушки, я говорилъ — пушки.

— Четыре Гочкиса!... Надъ нами смѣяться будутъ!... А гдѣ миллионы пулеметовъ... Сколько пулеметовъ насчитали вы на островѣ? — обратился Флислингъ къ своему флагъ офицеру.

— Шесть пулеметовъ, господинъ адмиралъ.

— Четыре Гочкиса и шесть пулеметовъ и для этого поднимать флоты двухъ великихъ державъ!

— Трехъ, — поправилъ съ наглостью комиссаръ.

— Я сказалъ двухъ! — рѣзко крикнулъ адмиралъ Флислингъ. — Англійи и Франціи!

Они поднялись на площадку, гдѣ вдругъ передъ ними показался странно уцѣлѣвшій въ этомъ общемъ разгромѣ домикъ-баракъ изъ «соломита». Кругомъ были черныя воронки разрывовъ, осыпи земли, обломки скалъ, куски стали и мѣди, а домикъ стоялъ невредимый. Дверь была открыта, точно хозяинъ только что вышелъ изъ него.

Холливель отдѣлился отъ адмирала и вошелъ въ баракъ первымъ. Въ маленькой комнатѣ, пронизанной свѣтомъ косыхъ солнечныхъ лучей, среди полуразобранныхъ радіо аппаратовъ, у письменнаго стола, заваленнаго разорванными бумагами и книгами, съ раскрытымъ ящичкомъ одинъ предметъ привлекъ вниманіе Холливеля. Въ ящикѣ лежалъ фотографическій портретъ въ кожаной рамкѣ. Точно тотъ, кто жилъ въ этомъ баракѣ, въ послѣднюю минуту смотрѣлъ на этотъ портретъ и кѣмъ то или чѣмъ то вызванный, не успѣлъ спрятать или уничтожить его и вышелъ изъ барака на минуту и не вернулся. Холливель подошелъ къ столу и взялъ портретъ въ руки. Бывшая на лицѣ его самодовольная улыбка сошла. Холодное, чисто выбритое лицо стало угрюмо и серьезно.

Изъ кожаной рамки въ глаза Холливелю глядѣла изъ подъ котелка амазонки его жена Ана Холливель. Она была снята, должно быть въ Булонскомъ лѣсу на своей любимой рыжей лошади. Какія то незримыя, тайныя нити, значить, тянулись изъ этой хижины изъ «соломита» къ его женѣ. Что то похожее на чувство ревности шевельнулось въ сердцѣ Холливеля. Онъ досадливо передернулъ плечами. «Не все ли равно. Вѣдь и такъ все кончено»... За стѣнами стали слышны шаги и голоса. Холливель поспѣшно спряталъ портретъ въ просторномъ карманѣ бѣлаго «френча» и вышелъ изъ барака.

— Ничего особеннаго? — спросилъ адмиралъ.

— Ничего особеннаго, — отвѣтилъ ему Холливель. — Радіо аппаратъ испорченъ. А жаль. Онъ былъ какой то неизвѣстной системы и было бы хорошо угадать и распознать ее.

Адмиралъ махнулъ рукою. Онъ, тяжело дыша, поднимался на гору. Изъ за черныхъ базальтовыхъ скалъ показалась верхушка мачты. На ней гордо развѣвался громадный Русскій флагъ. Заходящее солнце золотило его. Маленькія дырки отъ шрапнелей сквозили въ его полотнѣ.

— За мной, товарищи, — крикнулъ комиссаръ и бросился, обгоняя адмирала, къ мачтѣ.

— Что вы хотите дѣлать? — строго сказалъ Флислингъ.

— Ну что хочу дѣлать? Такъ я хочу срывать этого паршиваго флага.

— Не смѣть! — рѣзко, багрово краснѣя, крикнулъ адмиралъ. — Не смѣть этого дѣлать!... Паршивцы!...

— Что? — дѣлая видъ, что не разслышалъ, обернулся къ адмиралу комиссаръ.

— Не смѣть спускать этотъ флагъ! Этотъ флагъ останется навсегда! Навѣки здѣсь!... Это память о той Россіи, которая не измѣняетъ своему слову, которая умираетъ, но не сдается!...

Флислингъ снялъ шляпу. Его примѣру послѣдовали англійскіе офицеры и матросы. Капитанъ Холливель снялъ свой бѣлый пробковый шлемъ. Виновато улыбаясь стали снимать безкозырки съ алыми ленточками матросы совѣтскаго флота. Комиссаръ стоялъ въ бѣлой каскеткѣ, заломленной на затылокъ. Адмиралъ Флислингъ строго посмотрѣлъ на него. Комиссаръ чуть замѣтно пожалъ плечами и снялъ съ головы шапченку.

Съ обнаженными головами, въ суровомъ почтительномъ молчаніи, всѣ вереницей поднимались по узкой тропинкѣ, выющейся между скалами къ вершинѣ горы. Закрытая скалами мачта стала видна до самаго основанія. У него, прислонившись къ древку спиною, стоялъ человекъ, въ Русскомъ мундирѣ. На его плечахъ были полковничьи артиллерійскіе погоны. На головѣ фуражка съ чернымъ бархатнымъ околышемъ и алыми кантами. Вѣтеръ игралъ выбившимися изъ подъ нея длинными сѣдыми волосами. Сѣдые усы и сѣдая борода рѣзко выдѣлялись на темномъ лицѣ. Его руки были сложены на груди. Надъ ними былъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. На золотой портупелъ висѣла Русская офицерская шашка въ черныхъ ножнахъ. Револьверъ въ кожанной кобурѣ былъ на боку. Ясные каріе глаза были широко открыты и точно съ удивленіемъ и грустью смотрѣли на зеленѣющее на востокѣ небо. Заходящее солнце освѣщало его сзади и вокругъ его головы сверкалъ золотой нимбъ отъ сіянія солнечныхъ лучей.

Медленно, съ обнаженными головами подходили къ этому человѣку англичане и краснофлотцы съ своимъ комиссаромъ, пугливо жавшимся за ними. Этотъ послѣдній часовой при Русскомъ знамени казался страшнымъ и внушительнымъ. Къ нему подходили въ суровомъ и почтительномъ молчаніи.

Всѣ вышли на площадку и остановились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого человѣка. Онъ не шевельнулся.

Человѣкъ этотъ былъ мертвъ.

К О Н Е Ц Ъ .

Апрѣль 1931 года — январь 1932 года.

дер. Сантени.

Франція.

ОТЪ АВТОРА.

Романомъ «Подвигъ» заканчивается трилогія романовъ «L a g g o», — «Выпашь», — «Подвигъ». Въ этихъ романахъ автору хотѣлось нарисовать читателю картину жизни среднихъ Русскихъ, людей толпы, безъ имени, безъ историческаго значенія, тѣхъ маленькихъ добросовѣстныхъ ротныхъ командировъ, профессоровъ, врачей, кто дѣлалъ черное и невидное дѣло государственной работы, кто былъ — одни незамѣтными, вольными или невольными пособниками революціи и разрушенія Россіи, другіе, кто за своими ежедневными работами и заботами, за своей службой проглядѣлъ страшное дѣло темныхъ силъ, по своему простодушію и прекрасодушію ему не повѣрилъ, а когда понялъ и увидѣлъ совершившееся — не пріялъ новой власти, ополчился на нее, боролся съ нею и, не побѣдивъ, удалился за границу, чтобы тяжкимъ трудомъ зарабатывать горькій хлѣбъ изгнанія и накапливать силы въ твердой вѣрѣ въ неизбѣжность борьбы за Россію.

Эти три романа — жизнь цѣлаго поколѣнія въ теченіе двадцати лѣтъ — 1911-1931 г.г.

«L a g g o», — исторія передвоеннаго времени, времени смутнаго, лишь наружно спокойнаго. Совѣсть Русскихъ заражена гнилостными бактеріями социализма, и стыдно быть Русскимъ. Широко, привольно и плавно, богато и спокойно течетъ Русская жизнь. Ученья, школа, служба, скачки, флиртъ, любовныя утѣхи и на ихъ яркомъ фонѣ темное, таинственное, неразгаданное дѣло убійства христіанскаго мальчика Ванюши Лыщинскаго — первые громаы зловѣщей революціи.

Съ совсѣмъ незамѣтно надорванными силами вступили эти люди въ необычайную, невѣроятно жестокою и длительную міровую войну. Отъ нихъ потребовали боль-

ше того, что они могли дать, ихъ выпали, какъ выпахиваютъ поле, перестающее родить и, когда потребовалось еще большее напряженіе силъ въ войнѣ за Россію противъ III интернаціонала — силъ уже не было. Нужень былъ отдыхъ. Борцы ушли за границу, гдѣ ихъ ожидалъ тяжелый трудъ. Въ описаніи этого проходитъ «Выпашь». Въ ней читатель встрѣтится съ тѣми честными рыцарями — Донъ Кихотами Россійскими, кто твердо усвоилъ: — «жизнь — Родинѣ, честь никому», кто свою «бѣлую мечту» свято несетъ черезъ тысячи лишеній, оскорбленій и тяжелыхъ страданій.

Романистъ всегда историкъ. И — историкъ гораздо въ большей степени, чѣмъ это принято думать. Романистъ въ своей душѣ, въ своемъ сердцѣ, которое вкладываетъ въ произведеніе, отражаетъ жизнь, и, отражая, изображаетъ ее въ рядѣ картинъ и сложившихся типовъ. Романистъ свободнѣе историка. Послѣдній связанъ тѣмъ, что онъ можетъ изображать только опредѣленныхъ людей — историческія личности, и не можетъ рисовать портреты людей толпы. Все это доступно романисту. Ему позволено описывать не только факты, событія, историческія происшествія, но и бытъ, мимо котораго гордо проходитъ историкъ. Романистъ можетъ изобразить и домашній концертъ, и скачки, и парфорсныя охоты, и любовныя увлеченія, и паденія среднихъ, совсѣмъ не историческихъ людей. Историкъ лишенъ этого. При этомъ романистъ изображаетъ это такъ же вѣрно, точно, скажемъ — «пунктуально», какъ это сдѣлалъ бы историкъ въ отношеніи событій крупныхъ и личностей историческихъ. Романистъ не называетъ подлинныхъ именъ, скрывая ихъ подъ именами своихъ выдуманныхъ героевъ. Это правда — его герои вымышлены и то, что они дѣлаютъ придумано, — но такіе люди — были и такіе поступки — совершались.

Въ «Largo», «Выпаша» и въ первой части «Подвига» — «Les Coccinelles» — авторъ держался исторической правды и тому, что было, и тѣмъ людямъ, которые дѣйствительно существовали и существуютъ, придавалъ характеръ портретовъ, а не фото-

графій, рисуя жанровую картину, а не дѣлая моментальнаго снимка.

Въ остальныхъ трехъ частяхъ послѣдняго романа авторъ вдался въ фантазію, и людямъ, дѣйствительно живымъ и жившимъ, приписалъ дѣйствія и поступки, подвигъ, котораго на дѣлѣ совершенно не было.

Можетъ быть въ этихъ частяхъ авторъ раскрылъ нѣкую тайну, какой то прекрасный планъ и тѣмъ сыгралъ въ руку большевикамъ?...

Ничуть... Людей, способныхъ на подвигъ въ томъ среднемъ классѣ общества, который авторъ изображаетъ въ трилогіи очень много. Мы найдемъ кругомъ себя колеблющихся, сомнѣвающихся Нордековыхъ, въ концѣ концовъ идущихъ исполнить свой долгъ и исполняющихъ его не хуже другихъ. Мы найдемъ простыхъ и честныхъ Парчевскихъ, Ферфаксовыхъ, Амарантовыхъ, Пиксановыхъ, кто, не спрашивая на большое, или малое дѣло его посылаютъ, на подвигъ славы, или на подвигъ смерти, идутъ и точно исполняютъ то, что приказано. Мы найдемъ и Рандевыхъ, готовыхъ оставить дочь и семью ради служенія Родинѣ, блещущихъ всею чистотою и красотою офицерскаго долга.

Быть можетъ найдутся и блестящіе, гениальные изобрѣтатели и организаторы, подобные Долле — капитану Немо...

Но мы не найдемъ ни среди насъ, изгнанниковъ Русскихъ, ни среди иностранцевъ, — будемъ говорить и о нихъ, ибо борьба съ III интернаціоналомъ не только Русское, но міровое дѣло, — мы не найдемъ людей, способныхъ отдать все свое — и не малое — состояніе дѣлу спасенія міра отъ большевиковъ. То, что создалъ и выполнилъ въ романѣ «Подвигъ» капитанъ Немо потребовало бы пятьсотъ милліоновъ французскихъ франковъ — двадцать милліоновъ американскихъ долларовъ, т. е. примѣрно ту сумму, какую нѣкоторые богатые иностранцы завѣщаютъ любимому пуделю, кошкѣ, или попугаю. Это деньги, какія жертвуются на устройство институтовъ для изслѣдованія жизни моллюсковъ, — но найти такого человѣка, который завѣщалъ бы или по-

жертвовалъ такую сумму на спасеніе всего міра отъ коммунистической заразы — невозможно.

...«Иисусъ сказалъ ему: если хочешь быть совершеннымъ, пойдѣ, продай имѣніе твое и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровища на небесахъ; и приходи и слѣдуй за Мною. Услышавъ слово сіе, юноша отошелъ съ печалью, потому что у него было большое имѣніе. Иисусъ же сказалъ ученикамъ Своимъ: истинно говорю вамъ, что трудно войти богатому въ Царство Небесное»... (Евангеліе отъ Матѣея. Гл. 19 ст. 21-23).

О Г Л А В Л Е Н І Е

Томъ I.

Часть первая. «Les Coccinelles»	11
Часть вторая. Капитанъ Немо	119

Томъ II.

Часть третья. Острова Галапагось	257
Часть четвертая. Огонь поядающій	381

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени. Романъ въ четырехъ томахъ. Третье изданіе.

Опавшіе листья. Романъ.

Понять — простить. Романъ.

Единая недѣлимая. Романъ.

Бѣлая свитка. Романъ.

«Largo». Романъ.

Выпашь. Романъ.

За чертополохомъ. Фантастическій романъ. Второе изданіе.

Амазонка пустыни. Романъ.

Съ нами Богъ. Историческій романъ въ двухъ томахъ.

Все проходитъ. Историческая повѣсть въ двухъ книгахъ.

Мантыкъ — охотникъ на львовъ. Повѣсть для юношества.

Съ Ермакомъ на Сибирь. Историческая повѣсть для юношества.

Терунешъ (Любовь Абиссинки) и др. Разказы.

Поѣздка на Ай Петри и др. Разказы.

Степь. Восьмидесятый. Разказы.

Душа арміи. Опытъ военной психологіи.

Тихіе подвижники. Очеркъ.

Казачья самостійность. Очеркъ.

Imp. < PASCAL >
13, r. Pascal. Paris.
